ДТ
30
Т-35
часть 2
Терещенко А.
Быт русского
народа. Спб., 1848

(Рассказ

2Т
30
Т-35

БЫТЪ
РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ II.

СВАДЬБЫ.

Соч. А. Терещенки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17 апрѣля 1847 года.

Цензоръ А. Мехелинъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
-644830-

МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА

I. ОБЗОРЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

Обрядъ обрученія въ древности. Многоженство и многомужіе, и каменныя статуи вмѣсто женъ. Покупка дѣвицъ. Приданое. Вѣно. Подать съ жениха по черной куни. Кража дѣвицъ. Предѣлы родства въ язычествѣ, при вступленіи въ бракъ. Разводъ. Значеніе любви и супружескаго союза, въ гражданскомъ обществѣ. Христіянскій бракъ. Вѣнчаніе. Воспрещеніе развода. Обряды славянскихъ племенъ, при бракосочетаніи. Бывшее многоженство въ Россіи и у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ. Брачная вѣрность и денежныя наказанія за нарушеніе цѣломудрія. Вѣнечная память. Значеніе свадьбы. Отступленіе отъ свадебнаго благонравія. Брачныя записи и платежъ за неустойку. Разуваніе сапога. Возрастъ для супружества. Постель новобрачныхъ. Угощеніе въ банѣ и питье воды, по омовеніи тѣла. Каравай и мѣсто молодыхъ. Кокошникъ, кика, коса и повойникъ. Вскрываніе молодыхъ. Особыя названія при свадьбахъ. Порча молодыхъ. Заключеніе.

съ тѣмъ, чтобы по
Комитетъ узаконенно
1847 года.

СВАДЬБЫ.

I. ОБЗОРЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

Жизнь каждаго народа рѣзко отражается въ его забавахъ, празднованіяхъ и обычаяхъ семейныхъ, завѣтно передаваемыхъ изъ рода въ родъ, и берегомыхъ усердно, какъ святыня. Однако, какъ ни сохраняютъ эти обычаи, но со степенью образованія государствъ, весьма многое въ нихъ измѣняется. Образованность, гражданская жизнь и свѣтская изысканность, хотя имѣютъ сильное на нихъ вліяніе, за всѣмъ тѣмъ, свадебные обряды еще много удержали старины. Этому служитъ доказательствомъ отправленіе ихъ по древнему обычаю, производимому понынѣ въ простонародіи.

Обрядъ обрученія въ древности.

У древнихъ и новыхъ народовъ, ни одна свадьба не начиналась безъ сопровожденія брачныхъ обрядовъ. Евреи, при собраніи постороннихъ людей, обручали молодыхъ перстнями, въ знакъ не разрывнаго союза; давали имъ пить сладкое вино изъ сосуда, заѣдая ячменной лепешкою, и клялись въ взаимной любви и вѣрности. Потомъ молодые, бросая на землю нѣсколько глиняныхъ кувшиновъ, разбивали ихъ и топтали ногами.

У Грековъ и Римлянъ, употреблялись вѣнки и обручальныя кольца, свѣчи свадебныя, подарки, осыпаніе

новобрачныхъ хмѣлемъ, деньгами и хлѣбными сѣменами.

У Римлянъ запрещалось совершать браки дѣвицъ въ праздникъ, а браки вдовъ въ будни для того, чтобы при вѣнчаніи первыхъ, могло быть болѣе зрителей, а при вѣнчаніи послѣднихъ, сколько можно менѣе: въ праздничные дни народъ развлекался играми, зрѣлищами и гуляньемъ. Супружество дѣвицъ славили, а вдовъ срамили, ибо повтореніе брака считалось за распутство.

Многоженство и многомужіе, и каменныя статуи вмѣсто женъ.

На востокѣ дозволялось имѣть много женъ, что доселѣ въ обыкновеніи между послѣдователями Магомета (*). Египтяне, Вавилоняне, Ассиріяне, Мидяне и древніе Персы, считали многоженство необходимостію,

(*) По алкорану, султаны турецкіе обязаны жениться на рабыняхъ, и родившійся отъ первой сынъ, провозглашался наслѣдникомъ престола; его мать объявлялась женой султана, и именовалась матерью правовѣрныхъ, а всѣ прочія жены почитали ее султаншею и дѣйствительной женою. Русская плѣнница, Роксолана, первая нарушила этотъ обычай. Солиманъ великодушный, гроза германской имперіи и ужасъ Европы, имѣлъ первою женою отличной красоты черкешенку; рожденный отъ нея сынъ, Мустафа, былъ объявленъ императоромъ; но вторая его жена, Роксолана, успѣла до того овладѣть сердцемъ султана, что соперница ея потеряла его любовь. Роксолана, имѣя отъ него дѣтей, вздумала воззвать сына своего на престолъ, и потому внушала султану, что Мустафа и его мать ищутъ погибели ему самому и ея дѣтямъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, она настояла у султана, выдать одну дочь свою за Рустана, великаго визиря, бывшаго въ силѣ; потомъ съ намѣреніемъ сдѣлалась покровительницею магометанской вѣры, къ коей Солиманъ былъ преданъ до суевѣрія, и вознамѣрилась построить великолѣпную мечеть, чтобы пріобрѣсть расположеніе народа. По этому предмету она совѣтовалась съ Муфти, который совершенно одобрилъ ея предначертаніе; но наущен-

(за 1800 л. до Р. Х.). Мидянамъ приписываютъ введеніе многоженства, и варварскій обычай держать въ гаремахъ евнуховъ. — Древніе думали, что многоженство способствуетъ къ скорому размноженію человѣческаго рода; но это ошибочно. Многоженство истощаетъ

ный великимъ визиремъ, онъ напомнилъ ей, что она, какъ рабыня, не можетъ этого сдѣлать. Она притворилась печальною, впала въ задумчивость, лишила себя всѣхъ радостей и наконецъ возненавидѣла самую жизнь. Султанъ, находясь въ походѣ, услыхалъ о ея помѣшательствѣ, и о причинѣ разстройства ума, объявилъ ее свободною. Роксолана по прежнему сдѣлалась веселою, и начала строить мечеть. По возвращеніи Солимана въ столицу, онъ отправилъ къ ней, по обычаю евнуха, пригласить ее раздѣлить съ нимъ ложе. Она отвѣчала евнуху, что ей очень прискорбно, что не можетъ согласиться на волю своего государя; что она всегда готова повиноваться ему, но онъ нарушитъ законъ пророка, и сдѣлаетъ великое преступленіе, пригласивъ свободную жену; что ни одинъ султанъ не дѣлаетъ этого; — но если онъ непремѣнно рѣшился, то она не смѣетъ противиться. Солиманъ, котораго страсти увеличивались при препятствіяхъ, воспламенился еще большею къ ней любовію, за нѣжное предостереженіе, и прибѣгнулъ къ совѣту муфти. Этотъ подтвердилъ во всемъ замѣчанія Роксоланы самымъ алкораномъ, и чтобы уничтожить всѣ препятствія, сказалъ ему, что одно только остается средство: объявить ее законной женою. Страстно-влюбленный монархъ ревностно исполнилъ предположеніе; онъ торжественно женился на ней (въ 1553 г.). До него ни одинъ изъ султановъ не былъ женатъ. – Роксолана неограниченно завладѣла сердцемъ Солимана, и Мустафа былъ лишенъ престола; потомъ, въ глазахъ отца, закололи его, и сынъ Роксоланы провозглашенъ наслѣдникомъ престола. The works of. Wil. Robertson, c. 317–319. vol. II. ed. Lond. 1829 г. – Любопытно было бы изслѣдовать: кѣмъ и когда взята въ плѣнъ Роксолана? Кто она родомъ? Какъ она попалась въ сераль? — Роксолана не есть имя русское, и оно, конечно, ей дано послѣ плѣна.

преждевременно силы человѣка; заглушаетъ въ немъ нистую любовь, обращая ее въ одну скотскую потребность. Сколько же раздоровъ между женами! Изъ зависти изъ предпочтенія одной къ прочимъ, всѣ посягаютъ на семейное счастіе. Тогда самыя дѣти возстаютъ противу отца, губятъ и умерщвляютъ другъ друга съ звѣрскимъ остервененіемъ. Месть потушаетъ тогда священное родство и всѣ обогряются кровью. Въ этомъ союзѣ не знаютъ ни добродѣтели, ни нравственности. Прелесть безпредѣльнаго наслажденія чувственностію,— вотъ основаніе многоженства. Послѣднее еще вредно тѣмъ, что умерщвляетъ оплодотвореніе, и прекращаетъ размноженіе человѣчества.

Между магометанами позволяется вступать въ бракъ на условленное время : на годъ и пр. Попынѣ между многими изъ нихъ въ обычаѣ, какъ между нѣкоторыми дикарями, присылать пріѣзжимъ, или иностранцамъ своихъ женъ. Ханскіе жены присылаютъ къ нимъ гаремныхъ дѣвушекъ. Язычники обѣихъ Индій, Японіи и острововъ южной части Азіи, вступаютъ въ бракъ по договору, и произвольному согласію жениха съ невѣстою.

съ тѣмъ, Комитетъ 1847 год

Въ Россіи, между исповѣдующими магометанскій законъ и нѣкоторыми язычниками, существуетъ многоженство. У нашихъ Коряковъ, племени Камчадаловъ, было прежде въ обыкновеніи имѣть, вмѣсто женъ, каменныя статуи. Ихъ одѣвали въ платье, клали съ собою спать, шутили съ ними и забавлялись, какъ бы съ существами чувствующими удовольствіе и радость.

Покупка дѣвицъ.

Нѣкоторые народы имѣли обыкновеніе пріобрѣтать женъ и дѣвицъ покупкою, и купленная считалась настоящей женою. Такое понятіе произошло изъ многоженства. Вавилоняне, за 2000 л. до Р. Х., выводили на городскую площадь, однажды въ годъ, продавать женъ

и дѣвицъ. Сначала продавали красавицъ, и кто болѣе всѣхъ за нее давалъ, тотъ получалъ ее, и куплепная считалась неотъемлемою его собственностію и женою. За тѣмъ продавали менѣе пригожихъ, а наконецъ некрасивыхъ и безобразныхъ. На послѣднихъ никогда не бывало охотниковъ; почему продавцы, изъ вырученныхъ денегъ за красавицъ и хорошихъ, прикладывали отъ себя столько денегъ, чтобы мущины согласились вступить въ бракъ съ некрасивыми или дурными. Добавочныя деньги составляли приданое. Покупка и продажа дѣвицъ были укрѣплены гражданскимъ постановленіемъ, и это отнюдь не считалось безчестіемъ семейству. Самые брачные обряды совершались у нихъ однажды въ годъ. Во Ѳракіи, за 1500 л. до Р. Х., родители выводили взрослыхъ дочерей на торгъ и продавали. Купившій себѣ жену, особенно за дорогую цѣну, отмѣчалъ на ея челѣ, во что она куплена. Донынѣ въ Константинополѣ, Египтѣ и на многихъ азіятскихъ базарахъ производится торгъ дѣвицами-невольницами, которыя покупаются богачами для своихъ гаремовъ, по нѣскольку вдругъ; а когда онѣ имъ наскучатъ, тогда отпускаютъ ихъ на волю, или дарятъ чѣмъ нибудь, въ знакъ своей милости и благорасположенія.

Приданое.

Въ древности долго не знали приданаго. Дѣвицу брали, не спрашивая о ея состояніи. У Евреевъ было постановлено, что женихъ долженъ былъ давать невѣстѣ дѣвицѣ, на убранство, не менѣе 50, а вдовѣ 25 сикуловъ серебра. Греки покупали невѣстъ (1500 л. до Р. Х.); но въ послѣдствіи сами невѣсты стали пріобрѣтать женіховъ, объявляя имъ о своемъ приданомъ. Медея (за 1200 л. до Р. Х.) называла несчастными тѣхъ Гречанокъ, которыя своимъ богатствомъ жертвовали на покупку мужей.—Спартанскій законодатель,

Ликургъ, (за 880 л. до Р. Х.) запретилъ невѣстѣ имѣть болѣе трехъ паръ платья, и постановилъ обращать главнѣйшее вниманіе на нравственность дѣвицы, а не на ея состояніе. — Афинскій законодатель, Солонъ, тоже самое ввелъ въ своей республикѣ (за 580л. до Р. Х.). Римляне не воспрещали вступать въ бракъ, по взаимному согласію; но у нихъ господствовало общее мнѣніе, что невѣста должна приносить приданое своему жениху. Этотъ обычай Римлянъ распространился по Европѣ, гдѣ не ищутъ доброй и образованной невѣсты, но денегъ. Въ Россіи также не смотрятъ на благородныя свойства дѣвицы, а на то, сколько при ней душъ, хотя бы она была безъ души, по пословицѣ: *приданое на рядкѣ, а уродъ на рукахъ.*

О бывшей покупкѣ невѣстъ, между всѣми славянскими племенами, при продажѣ косы и мѣста молодой въ свадебныхъ пѣсняхъ, доселѣ сохранилось воспоминаніе. Въ то время, когда молодой хочетъ садиться подлѣ своей невѣсты, братъ ея, или кто другой изъ родственниковъ, не допускаетъ его. Тогда дружка вступаетъ съ нимъ въ торгъ. Сестра умоляетъ брата не продавать ее, а если продавать, то дорого:

Братецъ, постарайся,
Братецъ поломайся!
Не продавай сестру,
Ни за рубль, ни за золото.

Когда братъ продаетъ то поютъ:

Братецъ татаринъ,
Продалъ сестру за талеръ,
Русу косу за полтину.

Или, изъ червонорусской свадьбы:

Ой татаръ братчыкъ, татаръ,
Продавъ сестру за таларъ,
Русу косу за шостакъ,
Быле личько такій такъ.

По продажѣ молодой садится, а невѣста говоритъ ему:

Садись, доброй молодецъ,
Не съ гордостью, не со спѣсью;
Садись съ Божьею милостью.

Вѣно.

Въ христіянскомъ мірѣ приданое извѣстно подъ именемъ *вѣно*. Между эльбскими и одерскими славянами, оно означало плату, которую женихъ давалъ за невѣсту, отцу или ея сродникамъ (*). Посему языческое вѣно означало вознагражденіе за дѣвическую невинность; слѣдовательно дѣвицъ покупали; но женіховъ обязывали особыми договорами, содержать будущихъ своихъ женъ прилично до самой смерти, и въ случаѣ несогласія, или разрыва между ними, надѣлять ихъ особымъ содержаніемъ. — Государи и владѣтельные князья давали, на собственное содержаніе женъ, города и области; вельможи и богачи, на тотъ же предметъ отписывали часть имѣнія; недостаточные обязывались вознаградить единовременно (**).

У насъ княжескія невѣсты не приносили приданаго.

(*) Abhandl. von dem Heyrathgebrauche der Ober-Lausitzisch. Wenden; Gebhardi: Geschichte der Slawen, Anton: Versuch etc.

(**) Магометане покупаютъ невѣсть *калымомъ*, назначеніемъ приданаго, которое поступаетъ въ ея собственность, какъ за вознагражденіе дѣвства, такъ и въ обезпеченіе ея вдовства — Чѣмъ дороже калымъ, тѣмъ жена почетнѣе. —

Когда Эфанда, супруга В. К. Рюрика, родила Игоря, то онъ далъ ей въ вѣно городъ Ижору съ окрестностями. Равноапостольный В. К. Владиміръ 1., женясь на греческой царевнѣ Аннѣ, возвратилъ ея дядямъ городъ Корсунь, вмѣсто вѣно (*). В. К. Ярославъ I. отдалъ супругѣ своей Ингигердѣ ижорскую страну, вмѣсто вѣна и проч. Слѣдовательно вѣно тогда разумѣлось уже приданымъ, опредѣляемымъ при брачныхъ условіяхъ.

Подать съ женіха по черной куни.

У насъ существовало еще обыкновеніе, что за дѣвственную непорочность брали съ жениха, вмѣсто подати, *по черной куни*, въ пользу князя. Эта подать, наложенная В. К. Ольгою (въ началѣ X вѣка), освобождала повобрачную проводить первую ночь съ княземъ, или съ тѣмъ, на чьей землѣ жила она. Ольга, уничтоживъ это право, возвысила нравственность семейственной жизни. Въ послѣдствіи сей сборъ обращенъ въ денежный; но онъ долго, до конца XVIII в., назывался *куничнымъ*. Помѣщики брали со свадебъ деньгами. Теперь получаютъ вѣнечный поборъ одни священники. При феодальномъ правленіи, также было въ обыкновеніи по всей Европѣ, что владѣтель земли проводилъ съ повобрачною первую ночь (**).

Кража дѣвицъ.

Въ древнія времена, вмѣнялось молодымъ людямъ въ особую честь пріобрѣтать женъ воровствомъ. Молодой

(*) Ошибочно показано въ нашей исторіи, что В. К. Владиміръ I. былъ женатъ на родной сестрѣ греческихъ императоровъ Василія и Константина, царевнѣ Аннѣ. Она была имъ племянница, и у нихъ была одна сестра Ѳеофанія, которая выдана за мужъ за германскаго императора Оттона II.—Marquis de Gastelhau: Ess. sur l'hist. anc. et. mod. de la nouvelle Russie. 1. c. 116, ed. Par. 1820.

(**) Татищевъ, И. Р. к. II. с. 45, пр. 135; Успен. Оп. пов. древ. Русскихъ, с. III.

человѣкъ не прежде могъ имѣть дѣвицу своею женою, пока не украдетъ ее. Спартанцевъ съ дѣтства пріучали къ искусному воровству; посему никто изъ нихъ не могъ вступить въ бракъ, не похитивъ дѣвицы. Послѣ похищенія, женихъ объявлялъ о томъ своимъ родителямъ, которые хлопотали уже о бракѣ. Неудачное похищеніе наказывалось розгами, и это не считалось порокомъ: похищенная дѣвушка была всѣми признаваема за настоящую жену. Въ первыхъ вѣкахъ монархическаго правленія Римлянъ, было также въ обыкновеніи похищеніе дѣвицъ. По разрушеніи Римской Имперіи, это обыкновеніе продолжалось долго между германскими народами, и потомъ перешло къ славянскимъ племенамъ: Родимичамъ, Вятичамъ и Сѣверянамъ. Во время игръ и плясокъ, мущины выбирали невѣстъ и уводили ихъ съ собою, вмѣсто женъ. Древляне просто похищали. Обычай похищенія дѣвицъ продолжался у насъ очень долгое время. Венды, Алты и дунайскіе Славяне похищали дѣвицъ на празднествахъ, и похищенная дѣлалась женою.

Инженеръ Бопланъ, жившій въ Украинѣ около 17 лѣтъ, описываетъ кражу дѣвицъ, совершавшуюся въ его время, въ половинѣ XVII вѣка (*). Въ Украйнѣ, во всякое воскресенье и всякій праздникъ, говоритъ Бопланъ, собираются послѣ обѣда къ корчмѣ казаки съ женами и дѣтьми. Мущины и замужнія женщины проводятъ время въ питьѣ, а юноши и дѣвушки забавляются на лугу пляскою, подъ дудку. Сюда приходитъ

(*) De Beauplan. Descr. d'Ukraine. Ed. 1660 г. Первое его изданіе было напечатано въ 1650 г., а второе въ 1660 г. Послѣднее находится въ Импер. Публич. Библіот. и въ Румянцовск. Музеумъ, въ собраніи всемірнаго путешествія, въ исторіи Украины Энгеля и въ собраніи Таверніе.

помѣщикъ съ своимъ семействомъ, чтобы посмотрѣть на забавы молодыхъ, иногда и самъ онъ съ своимъ семействомъ принимаетъ участіе въ веселостяхъ. Тогда козаки, по старому между ними обыкновенію, похищаютъ дѣвицъ, даже дочерей помѣщика. Въ семъ случаѣ необходимы ловкость и проворство. Похититель непремѣнно долженъ ускользнуть въ своею добычею, и скрываться въ лѣсу не менѣе 24 часовъ. Этимъ только онъ спасается, иначе пропала его голова. Открытаго въ лѣсу, до истеченія сутокъ, лишали жизни. Если уведенная дѣвушка пожелаетъ выйти за него замужъ, то онъ обязанъ жениться на ней, въ противномъ случаѣ лишается головы. Если же дѣвица не изъявитъ желанія выйти за него замужъ, то онъ свободенъ отъ смерти. Увесть благородную дѣвицу слишкомъ опасно: надобно имѣть быстрыя ноги и предварительное согласіе самой дѣвушки (*).

(*) Карпинъ, посѣщавшій золотую орду въ XIII ст., говоритъ о Татарахъ, что мущины покупали у родителей дочерей, и купленная считалась настоящею женою. Voyage de Carpine en Tartarie въ 1246 г.; помѣщено въ Собр. Бержерона, изд. 1735 г. in. 4, с. 28. Татищевъ, Ист. Рос. Кн. 1. с. 588, разсказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ обряда похищенія невѣсты между Татарами, когда онъ ѣхалъ изъ Кунгуръ (Пермск. губ.) въ Сибирь на заводы (въ 1721 г.). Богатый Башкирецъ просилъ его заѣхать къ нему на свадьбу (мая 15). Онъ согласился, и пріѣхалъ къ нему вечеромъ. До его пріѣзда было уже собрано 40 вооруженныхъ Татаръ. Поутру, съ разсвѣтомъ, женихъ отправился съ ними въ деревню невѣсты. Батыръ, или предводитель, отправилъ отъ себя развѣдать, гдѣ находится невѣста? Посланный донесъ, послѣ нѣкотораго времени, что невѣста гуляетъ въ полѣ. Батыръ, подъѣхавъ къ деревнѣ съ людьми, скрылся въ лѣску, а женихъ съ тремя человѣками отправился искать невѣсты. Завидя ее гулявшею съ нѣсколькими

До какой степени родства въ язычествѣ допускалось вступать въ бракъ—на это не совсѣмъ можно отвѣчать удовлетворительно. У Египтянъ дозволялось брату жениться на сестрѣ, исключая жрецовъ. Азіятскіе народы: Финикіяне, Ассиріяне, Вавилоняне и Мидяне, не запрещали братьямъ жениться на родныхъ сестрахъ. Едва ли не то самое было въ малоазійскихъ грече-

Предѣлы родства въ язычествѣ при вступленіи въ бракъ.

женщинами, онъ обскакалъ ихъ, схватилъ свою невѣсту и тотчасъ, посадивъ ея на лошадь, ускакалъ съ нею. Женщины начали кричать и плакать. Отецъ похищенной, узнавъ о причинѣ ихъ слезъ, ударилъ въ бубны. Собралось около 30 человѣкъ въ панцыряхъ и съ ружьями и погнались за похитителемъ. Женихъ, пріѣхавъ съ своею невѣстою домой, ввелъ ее въ избу, гдѣ мать и прочія жены, числомъ болѣе 20, сидѣли на коврахъ. Невѣста со слезами пала предъ матерью, которая посадила ее подлѣ себя, а служанки тотчасъ стали раздѣвать ее. Батыръ остановился съ своею толпою на концѣ деревни, приготовясь къ бою. Отецъ похищенной немедленно прискакалъ сюда съ своею дружиною. Вступили съ обѣихъ сторонъ въ переговоры. Между тѣмъ, жениха съ невѣстой, по прочтеніи надъ ними молитвы, отвели въ особый покой, а тесть прибылъ мирно къ его дому. У крыльца стояли привязанными быкъ и лошадь. Тесть, какъ бы въ отмщеніе за обиду, отсѣкъ своею саблею шею у лошади, а шуринъ у быка. Животныхъ тотчасъ стали рѣзать, и готовить обѣдъ. Кумысъ и буза были заготовлены женихомъ. Зять встрѣтилъ тестя у крыльца и просилъ прощенія, а тесть замахивался на него саблею. Потомъ помирились, вошли въ избу, гдѣ пировали безъ женщинъ; женщины же угощались въ особой избѣ, и тѣмъ кончился увозъ.

Жениху дозволяется, внеся половину, или третью часть калыма, ходить къ невѣстѣ во всякое время и спать съ нею. Такое посѣщеніе его называется *за пазуху ходить*. Когда же родятся отъ него дѣти, тогда женихъ увольняется отъ уплаты, а она дѣлается его женою.

Но у татаръ нынѣ покупаютъ невѣстъ, внося родителямъ *калымъ*, договоренную сумму денегъ, и потомъ женятся.

скихъ поселеніяхъ: ибо изъ законовъ Солона видно, а законы онъ почерпалъ отсюда, что брату можно было жениться только на сестрѣ по матери, а не по отцѣ. Вообще, въ древности, долгое время не разбиралось кровосмѣшеніе. Братъ могъ жениться на вдовѣ своего брата, какъ это было прежде и осталось допынѣ у Евреевъ. Спартанскіе законы умалчиваютъ о близкомъ родствѣ; тамъ строго воспрещалось выходить дѣвушкѣ замужъ ранѣе 20 л., а мущинѣ 30 л. По смягченіи греческихъ правовъ, въ блистательный вѣкъ Перикла (за 430 л. до Р. Х.), родство было почтено: женились уже въ третьемъ колѣнѣ, что однако не всегда соблюдалось. Римляне спачала допускали брачную свободу, и, можно сказать, что это продолжалось до временъ Императоровъ, болѣе 700 л.—Христіянская вѣра положила предѣлы брачному родству.

съ т
Ком
1847

У Калмыковъ—язычниковъ, не могутъ сочетаться бракомъ изъ своего рода, но берутъ женъ изъ другихъ племенъ.

Разводъ. Древніе народы допускали разводъ, при изобличеніи жены въ нарушеніи вѣрности. Тамъ, гдѣ господствовало многоженство, мужъ произвольно давалъ разводъ своей женѣ, часто по одной прихоти, и никто ему не воспрещалъ брать другую. Въ послѣдствіи времени постановлено закономъ, что мужъ, отпуская жену, обязывался обезпечить ее содержаніемъ.—Евреи разводились при всякой винѣ жены. (*)

Въ старину существовалъ у насъ произвольный разводъ, напоминавшій остатки язычества. Если супруги, по дальнему разстоянію Епископа отъ ихъ жительства, не могли явиться къ нему, для испроше-

(*) Второзак. гл. 24; Матв. гл. 19.

нія позволенія на разводъ, то они выходили за деревню, и остановившись на перекрестной дорогѣ, развертывали утиральникъ, который вдвоемъ держали по концамъ, а свидѣтели разрѣзывали его по срединѣ, и этимъ оканчивался разводъ. Тогда мужъ говорилъ разведенной: ступай себѣ, куда хочешь. (*) У донскихъ козаковъ разводили супруговъ съ согласія круга. Мужъ являлся въ казачій кругъ съ женою, и объявлялъ старшинамъ, что онъ не согласенъ жить съ нею. Тогда жена оборачивала своего мужа посреди избы, и потомъ покидала его,—этимъ все и оканчивалось(**).Такой обычай, по разсказамъ стариковъ, существовалъ и между днѣпровскими казаками.

Въ предосторожность невиннаго порицанія невѣсты, отдавали родителямъ на ихъ сохраненіе брачную рубашку невѣсты. Такой обычай долгое время господствовалъ по всей Европѣ. Изъ исторіи нашей видно, что Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, полюбивъ Агафію Симеоновну Грушецкую, объявилъ рѣшительное желаніе на ней жениться. Мама и дядька хотѣли женить его на другой, а потому клеветали ее; но царь, призвавъ послѣ брака старыхъ бояръ и клеветниковъ, показалъ имъ свою молодую въ рубашкѣ (***) Петръ I. строго воспретилъ сіе обыкновеніе (****). Магометане разводятся по произволу; но у нихъ рѣдко случается, чтобы жена просила развода, исключая тиранскаго съ нею обхожденія. Одна жена просила развода, потому что

(*) Гван. in tractatu de Sarmatia, nom. inter scriptores Rer. Moscov. C. 154.

(**) Korb. Diar. itineris in Moscoviam, ed. Vien. in f. C. 209.

(***) Татищ. Ист. Рос. Кн. 1. стр. 594, 595.

(****) Это обыкновеніе за всѣмъ тѣмъ не вездѣ уничтожилось и въ наше время.

мужу ея обрѣзали носъ за воровство. Кадіи позволили ей вступить въ бракъ съ другимъ.

Разводы происходили и происходятъ,—отъ неуваженія половъ одного къ другому, и отъ стремленія къ одному сладострастію; послѣднее принимаютъ за дѣйствительность любви, не понимая настоящаго нравственнаго ея смысла. Въ юные, кипучіе годы, всѣ кажется любятъ; но всѣ ошибаются: въ эти годы только влюбляются; любить же можно, при одномъ здравомъ разсудкѣ, и тогда наступаетъ жизнь настоящей любви.

Значеніе любви и супружескаго союза, въ гражданскомъ обществѣ.

И дѣйствительно, жизнь только тамъ, гдѣ здравая любовь; потому любовь есть ничто иное, какъ внутренній міръ души, отрадное бытіе человѣка. Одни эгоисты никого не могутъ любить, кромѣ самихъ себя, потому что въ нихъ задавлено нравственное развитіе; но они составляютъ исключеніе изъ всеобщаго понятія, о дѣйствительности міра любви. Сердце и разумъ не всегда живутъ въ согласіи: первое есть одно чувство нѣжности, а второй чувство справедливости, — и отсюда проистекаетъ естественное понятіе о значеніи человѣка, его удовольствіи и торжественнаго союза любви, образовавшей бракъ, который установленъ, самимъ гражданскимъ обществомъ, для его собственнаго благоденствія, если бы даже и не освятила его христіянская церковь. Пробѣжимъ мысленно появленіе любви, какъ основы брачнаго союза. — Востокъ, колыбель народовъ, первый выразилъ на себѣ чувство сердца, но сердца пламеннаго: тамъ все было основано на чувственномъ стремленіи одного пола къ другому; все ограничивалось одной заботливостію о страстномъ наслажденіи,—и потому тамъ люди не были выше животныхъ. Такое развитіе востока, сколь ни противно понятію чистой нравственности, утвердило

въ немъ семейственность ; тамъ общества жили отдѣльными семействами, и законы давались для нѣсколькихъ семействъ; вотъ шаткій камень восточныхъ государствъ! Восточный житель, глава семейства, считалъ для себя первой заботой, — оставить послѣ себя потомство. Не имѣть дѣтей, — было знаменіемъ небеснаго гнѣва. У Іудеевъ безплодныя женщины были побиваемы каменьями. Отцы женили своихъ сыновей еще отроками. Братъ долженъ былъ жениться на вдовѣ своего брата, чтобы не прекратился родъ въ его семействѣ (*). Отсюда родилась законная полигамія (многоженство), которая издревле господствовала у мидійскихъ народовъ, основавшихъ гаремы, которые тамъ же подкрѣплены были общественнымъ мнѣніемъ. Тѣ ошибаются, которые считаютъ гаремы исключительной выдумкою исламизма. Восточный житель всегда смотрѣлъ и теперь смотритъ на женщину, какъ на необходимое условіе его удовольствія. Отъ нея онъ требуетъ одной покорности; для него она вещь, игрушка, очень мило устроенная для его наслажденія. Для востока не существуютъ ни идеалъ красоты, ни идеалъ женщины : тамъ всѣ понятія сосредоточены въ вождѣленіи, въ сладострастіи, въ одной идеѣ вѣчной воспроизводительности подобныхъ себѣ существъ.

Не таковое чувство любви проявилось въ Греціи. Тамъ она была идея красоты; тамъ въ самыхъ миѳахъ излилась мысль любви, въ общей дѣйствительности всемірной жизни,—въ Эротѣ, — послѣ коего проистек-

---

(*) Кн. 5 Моисея, второзаконн. гл. 24 и гл. 25. Если бы братъ не захотѣлъ жениться на вдовѣ, то она требовала его къ суду, и тутъ снимала сапогъ съ ноги его, и плюнувъ ему въ лице, говорила : сице да сотворятъ человѣку, иже не созиждетъ дому брата своего во Израили.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ло рожденіе женской красоты, — въ Афродитѣ. Едва она вышла на берегъ, родившись изъ пѣны морской, то немедленно пристали къ ней любовь и желаніе. Этотъ сладостный миѳъ красоты объясняетъ очищенное понятіе о прекрасномъ и изящномъ. Грекъ плѣнялся красотой, а красота возвышала понятія до сравненія ее съ божествомъ. Не одна земная прелесть Венеры привязывала пламеннаго Грека къ здѣшней земли: онъ создалъ еще три любви: небесную, олицетворенную въ Уранiи, обыкновенную въ Пандемосѣ, и предохранительную въ Апострофiи. Это нравственное чувство лежало въ основѣ эллинскаго духа. По этому на Эрота Греки смотрѣли какъ на страшнаго бога, для котораго было забавою губить невинность. Этотъ маленькiй крылатый божокъ вполнѣ оправдывалъ ихъ мнѣнiе: онъ изображался съ коварной улыбкою на устахъ, съ натянутымъ лукомъ въ рукѣ и стрѣлами въ колчанѣ, висѣвшемъ за плечомъ. Сколько легендъ оставилъ послѣ себя лукавый Эротъ! Сколько онъ породилъ несчастiй отъ страстной любви, оканчивавшейся смертiю безъ достиженiя взаимнаго ея участiя, какъ напримѣръ Сафо къ Фаону, или же казнiю раздраженныхъ боговъ, за преступную связь между братьями и сестрами, дочерьми и отцами, сыновьями и матерями! Но сколько было нѣжности и неисчерпаемой радости въ той любви, которая увѣнчавалась чистѣйшею взаимностiю! Греки не безъ причины выразили поэтическую мысль брачнаго сочетанiя любви съ душою, — Эрота съ Психеею. — Павзанiй прекрасно объясняетъ нѣжное чувство любви, статуей *стыдливости*, которая изображала дѣвушку: голова ея была наклонена и накрыта покрываломъ. Но эта статуя стыдливости, представлявшая Пенелопу, взята изъ самого событiя. Улиссъ, женившись на Пенелопѣ, рѣшился возвратиться въ свое царство,

съ тi
Коми
1847

Итаку. Тогда престарѣлый царь Лакедемонскій, Икаръ, не вынося мысли о разлукѣ съ дочерью, умолялъ Улисса остаться у него. Улисса ничто не тронуло; онъ уже готовъ былъ сѣсть на корабль, но царственный старецъ палъ къ его ногамъ. Улиссъ, обратясь къ нему, сказалъ, чтобы онъ спросилъ свою дочь: кого она выберетъ между ними: отца или мужа? Пенелопа, не говоря ни слова, закрылась покрываломъ. Изъ этого безмолвнаго и нѣжно-страстнаго движенія, старецъ понялъ, что мужъ для нея дороже отца, но что робость и стыдливость оковали уста ея. — Въ ученіи Платона, любовь возвышена до небеснаго созерцанія. «Наслажденіе красотою, говоритъ онъ, возможно въ этомъ мірѣ, по одному воспоминанію о той истинной красотѣ, которая стремится къ первоначальной ея родинѣ — къ горней красотѣ, къ божественному источнику всякой красоты. — Развратный стремится къ красотѣ, не понимая, что онъ носитъ ея имя; подобно четвероногому онъ ищетъ одного чувственнаго наслажденія. Посвященный въ таинство нравственности, изображаетъ красоту богоподобнымъ сіяніемъ и радостно трепещетъ предъ ея величіемъ: онъ, видя въ ней одно прекрасное, обожаетъ уже ее; онъ воздвигъ бы ей олтари, если бы не зналъ, что его назовутъ безумнымъ!»—Вообще женщина для Грека, была прекрасная, и назначеніе ея было чувство изящной страсти. Боги и смертные называли троянскую Елену безстыдной, за не сохраненіе стыдливости; но Киприда покровительствовала ей; за нее сражались цари и народы.

Прекрасно выражена стыдливость въ антологіи Батюшкова:

О радость! здѣсь они сей поясъ разрѣшили,
Стыдливости дѣвической оплотъ.

Вы видите кругомъ разсѣяны небрежно
Одежды пышныя надменной красоты,
Покровы легкіе изъ дымки бѣлоснѣжной,
И обувь стройная и свѣжіе цвѣты:
Здѣсь всѣ развалины роскошнаго убора,
Свидѣтели любви и счастья Никогора!

Здѣсь женщина, наслажденіе; а стыдливость, упоеніе любви! Страсть насытилась, но любовь созидаетъ новые предметы очарованія. Грекъ оставался вѣрнымъ чувству изящнаго, и въ осень дней своей владычицы, онъ смотрѣлъ на любовь, какъ на изящное наслажденіе.

Ты въ красотѣ не измѣнилась,...
И для любви моей
Отъ времени еще прелестнѣе явилась,
Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень,
И въ осень дней твоихъ не погаснетъ пламень,
Текущій съ жизнію въ крови.

съ тѣ
Комн
1847

Или:

Но мнѣ милѣй ея потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очахъ.
Я въ сумерки, вчера, одушевленный страстью,
У ногъ ея любви всѣ клятвы повторялъ.
Смущенный, я прижалъ ее къ груди моей:
Что сдѣлалось, скажи, что сдѣлалось съ тобою?
— Спокойна, ничего, безсмертными клянусь!
Я мыслію была встревожена одною:
Вы всѣ обманчивы, и я.... тебя страшусь!

Вотъ гдѣ мука страсти, отторгнувшейся отъ изящнаго наслажденія! Это вопль женщины, оплакивающей свое паденіе; это скорбная память сердца, пораженнаго минутнымъ упоеніемъ!

У Грековъ любовь и совершенство ея, чувство и сочувствіе, находились въ вѣчной борьбѣ съ земными силами, — съ страстями; но разумное сознаніе восторжествовало въ образѣ олимпійскихъ боговъ, и Греки олицетворили чувство любви, въ сочетаніи боговъ съ людьми.

Въ средніе вѣки любовь проявилась въ вздыхательномъ романтизмѣ. Это произошло не отъ ошибки, но отъ недостатка просвѣщенія, отъ невѣжества. Въ Греціи все боролось съ совершенствомъ боговъ, а въ Европѣ, въ средніе вѣки, все созидалось безразсудной фантазіею, потому что все носило на себѣ печать противорѣчія и безсмыслицы, и тогда снова разлилось туманное понятіе востока, объ истинной любви и красотѣ. Движеніе чувствъ было сердечное и страстное; но оно не совершалось во имя разсудка. Рыцарская вѣрность была высшей мудростію, а смерть была жизнь, которая развивалась въ словахъ будущей таинственности: *тамъ, мы будемъ не разлучны!* Все жило надеждой безъ дѣйствительности, желаніемъ безъ достиженія цѣли. Чувствованія были тревожныя, а жизнь безпокойною. На тѣло смотрѣли, какъ на темницу для души, не думая о томъ, что въ здоровомъ тѣлѣ обитаетъ здоровая душа. Дикія противорѣчія шли рука объ руку: злодѣйство и преступленіе прикрывались притворнымъ покаяніемъ; набожность и святотатство, обрядными моленіями; честь и справедливость заключались въ формѣ, а не въ самомъ дѣлѣ. Рыцарь считалъ безчестіемъ отказываться отъ вызова на поединокъ, а между тѣмъ не стыдился грабить по дорогамъ. Любовь не была дѣйствительная жизнь, но ароматнымъ обояніемъ, между тѣмъ какъ женщина была царицею! Умереть за одинъ ласковый взглядъ ея, было наградой! Доказывать, что владычица его души, добродѣтельнѣе и оча-

ровательнѣе всѣхъ богинь-красавицъ въ мірѣ, было обыкновеннымъ дѣломъ: мечь былъ судьею, а наградой нѣжное словцо: *мой рыцарь!* Это значило, — мой защитникъ. Каждый рыцарь смотрѣлъ на избранную свою красавицу, какъ на существо безплотное: имя ея призывалъ въ битвахъ, и умиралъ съ ея именемъ! Но это благоговѣйное чувство, ни сколько не мѣшало ему жениться на другой, или быть въ связи постыдной со многими женщинами. Вступить въ бракъ съ владычицею своего сердца, значило осквернить безотчетно святѣйшія къ ней вѣрованія, унизить ее до простой женщины, и увидѣть въ ней обыкновенное земное существо. Если молодой юноша, влюбившійся въ дочь вассала, слышалъ изъ устъ красавицы привѣтъ любви, то онъ считалъ себя невыразимо счастливымъ. Если же, по несчастію, не было отвѣта на сочувствіе, то онъ умиралъ съ горя: бракъ былъ тогда гробомъ для любви. Но когда царица души дѣлалась женою, тогда поступали съ нею со всею необузданностію воли и по праву сильнаго. Царица была унижена до рабыни: безропотное ея рабство было добродѣтелью, терпѣніе—утѣшеніемъ въ жизни. При малѣйшемъ сомнѣніи въ невѣрности ее убивали, или зарывали живою въ землю. И вотъ любовь рыцарскихъ временъ! — У Грековъ, красота сосредоточивалась въ изящныхъ формахъ воодушевленнаго тѣла, а въ средніе вѣки, въ выраженіи одежды, глазъ, лица и поступи. У первыхъ самыя статуи представлялись нагими и полунагими, а у вторыхъ онѣ облекались въ покровъ неопредѣленности.

Свѣтъ просвѣщенія, разрушивъ неопредѣленный міръ олимпійскихъ и рыцарскихъ богинь, произвелъ потребность духовной природы: любовь чистую, нравственную.

съ тѣ
Комп
1847

Нѣтъ сомнѣнія, что и нынѣ сердце есть основа, а любовь краеугольный камень счастія; что и нынѣ человѣкъ безъ сердца и любви—призракъ. Сердце не есть уже игра пламенной фантазіи, а любовь уже не поэзія. Но горе тому, кто зданіе своего блаженства вздумаетъ нынѣ построить на одномъ сердцѣ! Если кто захочетъ жить только сердцемъ, и въ женщинѣ искать цѣль и весь смыслъ жизни, то онъ непремѣнно дойдетъ до противорѣчія о любви, до холоднаго эгоизма, который только живетъ для себя; тогда мущина и женщина должны отказаться отъ благороднаго ихъ назначенія самой природою. Въ наше время общество не угнетаетъ человѣка, за возвышенные помыслы сердца, не отрываетъ его отъ общественной дѣятельности. Жизнь и дѣятельность, есть уже необходимость, не для одного мущины, но и для женщины. Въ наше время женщина есть такъ же дѣятельный и полезный членъ общества: ограничить ея дѣятельность, въ дѣвическомъ состояніи, одною скромностію и невинностію, а въ замужествѣ, спальнею и кухнею, — значитъ лишить ее всѣхъ обязанностей человѣка. — Скажутъ: женщина должна быть только матерью, а должность матери весьма трудна и священна: воспитать своихъ дѣтей. Но воспитать не значитъ выкармливать; — это дѣлаетъ всякое животное, по природному влеченію. Воспитать, значитъ дать благородное направленіе сердцу и уму, а для этого требуется не одна наука, но основательныя свѣдѣнія, или лучше сказать, самосознаніе о назначеніи дѣтей для пользы общества; слѣдовательно, міръ знанія, столько же долженъ быть открыть женщинѣ, сколько и мущинѣ; на этомъ основаніи жена у мужа, и мать и хозяйка. Странно слышать, что жена только умѣетъ любить мужа и дѣтей своихъ, а больше ничего и знать не хочетъ. О, тогда

она жалка и недостойна любви! Жалокъ и недостоинъ женской любви и тотъ мущина, который только способенъ любить жену и дѣтей. Истинно человѣческая любовь состоитъ въ взаимномъ уваженіи другъ въ другѣ человѣческаго достоинства, а это производитъ равенство и свободу въ взаимныхъ отношеніяхъ. Мущина тогда уже не властелинъ, а женщина не раба. Вѣрность дѣлается тогда долгомъ, ибо она въ постоянномъ сочетаніи сердца и любви. — Человѣкъ нашего времени не можетъ уже плѣняться одними изящными формами красоты: онъ хочетъ видѣть въ ней возвышенныя достоинства, какъ человѣка, какъ гражданина. Идеалъ женскихъ совершенствъ существуетъ только въ горячей фантазіи! Но въ чемъ, по понятію нашего времени, состоятъ возвышенныя качества женщины и блаженства любви? Первыя: въ нравственномъ существованіи и простомъ уразумѣніи, даже высокихъ предметовъ; а вторыя въ сознаніи дорожить существомъ, одареннымъ благородной душею. Наша любовь проще, естественнѣе, духовнѣе и нравственнѣе всѣхъ предшествовавшихъ развитій въ человѣчествѣ. Мы не бросимъ женщину, какъ наскучившую намъ игрушку, какъ было на востокѣ; не преклонимъ уже колѣнъ предъ женщиною, за то только, что она прекрасна, какъ дѣлали Греки; не станемъ драться, чтобы заставить признать любимую нами женщину, за идеалъ красоты и добродѣтели, какъ это дѣлали рыцари; не станемъ утверждать, что женщина безплотное существо, какъ это было въ средніе вѣки, — мы уважимъ въ женщинѣ дѣйствительныя ея права. Для насъ уже не существуетъ идеалъ дѣвы не земной; идеалъ нашего времени не живетъ въ мірѣ мечтаній, а въ дѣйствительности любви, а потому брачныя узы

съ тi
Коми
1847

союза, проистекли изъ нравственнаго назначенія человѣка.

Изложивъ мнѣнія о любви, основанныя на понятіяхъ разныхъ вѣковъ, надобно сказать, что брачная любовь есть одна изъ чистѣйшихъ нравственныхъ положеній; что супружеская любовь должна непремѣнно быть освящена и обществомъ и церковію.

Христіанскій бракъ.

Творецъ, создавъ первыхъ двухъ человѣкъ, соединилъ ихъ и благословилъ. Этимъ самымъ Онъ показалъ намъ, что ни многомужіе, ни многоженство не соотвѣтствуютъ природѣ человѣка: поэтому единоженство утвердилось во всемъ христіянскомъ мірѣ.

Единоженство водворяетъ спокойствіе семейное, облагороживаетъ и возвышаетъ чувствованія человѣка и укрѣпляетъ священный союзъ любви. Любить многихъ вмѣстѣ нельзя, и въ жизни любить можно только однажды. Если любятъ многихъ, то это не есть любовь, но страсть, удовлетворяющая одну чувственность. Молодость лѣтъ, обворожительная наружность, увлекательная красота, возбуждаютъ, говоря обыкновеннымъ языкомъ, всеобщую любовь; но это минутное очарованіе, произведенное прелестями красавицы. Явится другой предметъ, очаровательнѣе перваго, всѣ влюбятся въ него, и забываютъ, что прежде любили. Есть ли это любовь? Настоящая любовь постоянна и неизмѣнна; она можетъ существовать въ одномъ только единоженствѣ; въ многоженствѣ же она не имѣетъ мѣста. Дѣти отъ одного отца, но отъ многихъ матерей, возстаютъ противу отца и матерей, и семейство обливается кровью.

Апостолъ Павелъ опредѣлилъ и священникамъ имѣть по одной женѣ. Восточная Церковь приняла это за у-

закопеніе; западная же церковь, основываясь на его словахъ: *добро есть, аще кто удержится во всемъ*, запретила священникамъ вступать въ бракъ, и это ввелъ папа Григорій VII. Гильдебрантъ, въ XI в.—Протестанты считаютъ бракъ необходимымъ для священниковъ.

Восточная церковь допускаетъ три законныя жены. Старѣе 60 лѣтъ воспрещается вступать въ бракъ. Все это принято нами. Въ язычествѣ награждали вѣнкомъ тѣхъ женъ, кои имѣли одного мужа, признавая повтореніе брака за распутство. При посвященіи въ Весталки, дочь Полліона была предпочтена дочери Фонція Агриппы, потому что ея мать имѣла одного мужа. (*) Единомужнія жены пользовались еще многими преимуществами, и между прочимъ тѣмъ, что онѣ могли возлагать на голову богини Счастія вѣнецъ. Въ надгробныхъ надписяхъ означали: *одномужняя*,—это такъ много значило, что почитали достойнымъ славы. Либаній, говоря, что мать Іоанна Златоуста, будучи сорока лѣтъ, вдовствовала еще 20 л., произнесъ съ восторгомъ: «Боже Великій! какія жены въ христіанствѣ!» Это служитъ доказательствомъ, что тогда эти примѣры были уже рѣдки, и что вдовы проводили жизнь непорочную.

съ тѣ
Коми
1847

Вѣнчаніе. Обрученіе и вѣнчаніе сопровождаются повсюду чтеніемъ молитвъ и наставленіемъ для сочетавающихся, а самый бракъ въ нашей православной церкви составляетъ одно изъ семи Св. таинствъ (**).

(*) Tacit. Annal. кн. 3 гл. LXXX. VI.

(**) Супружество есть начало и конецъ жизни, потому оно необходимо должно быть освящено постановленіями Церкви. Но какъ оно соединяетъ на всю жизнь, то вступающіе въ бракъ должны сочетаваться по истинной любви другъ къ другу, по сему и бракъ долженъ быть неразрывнымъ. Въ какой степени Церковь наша утвердила важность брака, это можно

Воспрещеніе развода.

Въ первые вѣки христіанства бракосочетаніе производилось дома или въ церкви, безъ особыхъ свидѣтелей; но въ послѣдствіи, когда стали отрицаться отъ браковъ и своевольно разводиться; тогда постановлено совершать обрядъ въ церкви, при собраніи народа и свидѣтеляхъ, дабы не могли отрекаться отъ вступленія въ бракъ. Самъ спаситель воспретилъ разводы. (*)

Въ нашей церкви запрещено вступать въ бракъ до седьмаго колѣна, между тѣмъ какъ у протестантовъ и реформатовъ, родные братья могутъ жениться на родныхъ сестрахъ, изъ другаго семейства, или братъ на двоюродной сестрѣ, съ разрѣшенія духовнаго начальства.

Обряды славянскихъ племенъ при бракосочетаніи.

Какіе обряды совершались между славянскими племенами,—объ этомъ мы весьма мало знаемъ. Несторъ говоритъ, что Поляне были права кроткаго и тихаго; стыдъ украшалъ женскій полъ. Женихъ не ходилъ за невѣстою; но вечеромъ приводили ее къ нему, а поутру приносили ее приданое.

Древляне жили въ лѣсахъ, подобно звѣрямъ; въ ссорахъ убивали другъ друга, и браковъ не знали, но уводили дѣвицъ. Сѣверяне, Радимичи и Вятичи имѣли одинъ обычай: жили звѣрьми въ лѣсахъ, срамословили предъ отцами и женщинами. Браковъ также не знали. Молодые люди обоего пола сходились на игры между селеніями, плясали и пѣли *бѣсовскія пѣсни*, потомъ уводили съ собою невѣстъ; жили съ ними безъ совершенія обрядовъ, но по одному согласію — *съ нею совѣщашесь*. Хороводная пѣснь, которая понынѣ въ упо-

---

видѣть изъ обрядныхъ постановленій церкви. См. подробности: Требникъ, изд. Кіево-Печерской Лавры 1808 года, въ статьѣ: Послѣдованіе обрученія и вѣнчанія, листъ 45–61.

(*) Матѳ. гл. XIX ст. 3. 4 и 8.

требленіи: «А мы просо сѣяли, сѣяли и т. д.» напоминаетъ, въ словахъ: *нашего поля прибыло, а нашего убыло*, древній обычай похищенія женъ, и тогда не считалось за безчестіе держать по двѣ и по три жены, и болѣе. Похищеніе дѣвицъ продолжалось долгое время; но когда именно уничтожилось оно, а равно и несовершеніе браковъ по языческому обряду?—нѣтъ ни какихъ объ этомъ свѣдѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что христіянская вѣра дѣйствовала на нихъ благотворно, но извѣстно, что она не могла вдругъ искоренить, и что языческое обыкновеніе отправлялось долго, долго, пока правительственныя мѣры не прекратили ихъ. Между нѣкоторыми расколами бракъ не считался дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. Такое обыкновеніе было въ употребленіи еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ витебской губерніи: динабургскомъ, рѣжецкомъ, люцепскомъ и проч. между раскольниками. Тамъ молодые парни и дѣвицы на масляницѣ собирались въ питейный домъ, на гулянье, называемое *кирмашъ*: плясать, пить и веселиться. Отцы и матери знали къ чему клонилось веселье, потому-что оно было обрядное. Молодой парень, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ нею съ кармаша, и посадивъ на сани, отправлялся съ нею въ лѣсъ къ завѣтному дубу: объѣзжалъ его три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье, а она дѣлалась его женою. Въ люцепскимъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ; мущины, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, — и бракосочетаніе было дѣйствительное. Мужъ жилъ съ похищенною неопредѣленное время, и могъ въ одинъ годъ вѣнчаться много разъ. Кромѣ кирмаша могли жениться и въ другое время, но не иначе, какъ чрезъ

съ тѣ
Комит
1847

похищеніе. Женихъ, вмѣсто брачнаго кольца, дарилъ свою невѣсту шелковымъ платкомъ.

Нынѣ введено между ними церковное бракосочетаніе, послѣ котораго они уже не нарушаютъ брака.

Великій Князь Владиміръ, будучи язычникомъ, имѣлъ многихъ женъ, и сверхъ того содержалъ 300 наложницъ, (коихъ Несторъ называетъ *водимыми*). Онъ имѣлъ въ Вышгородѣ близъ Кіева 100, и въселѣ Берестовѣ 200.— Это доказываетъ, что у насъ, до введенія христіянской вѣры, было терпимо многоженство, и что совершеніе браковъ не было въ общемъ обыкновеніи. Несторъ говоритъ: *Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданія*. Это значитъ, что еще въ его время, въ половинѣ XI вѣка, соблюдали обычаи предковъ язычниковъ; но оскорбитель цѣломудренной жены, наказывался какъ убійца (*).

Бывшее многоженство въ Россіи и у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ.

Древніе Богемцы не знали браковъ; у нихъ всѣ женщины были общими женами. Венды, кромѣ одной жены, держали по нѣскольку наложницъ. Всѣ они поступали съ своими женами, какъ съ пріобрѣтенною добычею. На нихъ возлагали тяжкія домашнія работы, и онѣ спали не на постелѣ, а на голой землѣ, посему матери равнодушно умерщвляли родившихся дочерей, чтобы онѣ не терпѣли подобно имъ.

Древніе писатели хвалятъ цѣломудріе южныхъ Славянокъ. Не одинѣ жены, но и мужья строго наблюдали супружескую вѣрность. Мужья, требуя доказательствъ дѣвственной непорочности, оставались ей всегда вѣрными. Славянки не переживали мужей, и добровольно

Брачная вѣрность и денежныя наказанія, за нарушеніе цѣломудрія.

(*) Кар. И. Г. Р. т. 3 с. 218 и 219. Примѣч. 274. Gebhardi: Fortsetz. der Allgem. Weltgesch. der Neuen Zeit. ч. 33. с, 226 и 227. изд. 1789 г.

сожигались съ ними на кострѣ. Вдова живая безчестила семейство. Но при всемъ этомъ жены находились въ рабствѣ: онѣ не смѣли ни въ чемъ противорѣчить мужу, ни жаловаться, и думали, что супруга должна служить мужу и на томъ свѣтѣ.

Прелюбодѣяніе наказывалось жестоко. У польскихъ Славянъ отдавали виновному на выборъ: сдѣлаться евнухомъ или умереть. (*) *По уставу о церковныхъ судахъ*, который несправедливо приписанъ В. К. Ярославу, половины XI вѣка, но вѣроятно сочиненный въ XIV вѣкѣ, предоставлено епископамъ исключительное право судить: оскорбленіе невинности и уголовныя дѣла, и за всякое преступленіе опредѣлена денежная плата (**).

(*) Нестор. по Кенигсб. сп. с. 12.; Кар. И. Г. Р. т. 1. с. 61 и 64, пр. 136 и 137.

(**) Если кто уводилъ дѣвушку или изнасильничалъ ее, и она была изъ знатнаго боярскаго рода, то ей платилось за безчестіе 5. гривенъ золота, и епископу тоже; изъ незнатныхъ бояръ одну гривну золота, столько же и епископу; изъ *добрыхъ людей* 5. грив. серебра. За разводъ боярыни безъ ея вины, платилось женѣ за безсчестіе 5. грив. золота, столько же и епископу; изъ почетныхъ гражданъ 3. рубли, и епископу тоже. Кто похитилъ дѣвушку а другой сталъ бы поносить ее безсчестной, то съ уведшаго взымалось 4. грив. серебра. Если мужъ имѣлъ связь незаконную съ другой женою, тогда онъ отдавался суду епископскому, а Князь наказывалъ виновнаго смертью. Если мужъ вступалъ въ бракъ съ другой женою или дѣвушкой, не развевшись съ первой своей женою, то по суду епископскому мужъ долженъ былъ жить съ первой, а вторую выкупали ея родственники отъ церковнаго наказанія. Мужу не дозволялось разводиться съ своей женою, если бы она страдала недугами, слѣпотою или продолжительной болѣзнію, и на оборотъ, по тѣмъ же причинамъ жена не могла просить развода. Если кумъ имѣлъ связь незаконную съ своей кумою, то на нихъ налагалась эпитимія а епископу платилась гривна золота. Кто грѣшилъ съ сестрою, тотъ съ нею подвергался эпитиміи, а епископу платилось 100. грив. серебра. Бракъ въ близкомъ родствѣ разводился, а въ пользу епископа вносили 80. грив. Кто жилъ съ двѣмя женами, тотъ долженъ развестись

Около того же самаго времени вошли въ обыкновеніе письменныя свидѣтельства, которыя давались духовными на совершеніе бракосочетанія и назывались *вѣнечными памятями*. Собираемыя за нихъ деньги обращались въ епископскій доходъ. Петръ I. повелѣлъ

Вѣнечная память.

съ послѣдней и жить съ первой; но если бы онъ обходился съ нею дурно, то его присуждали къ смерти. Кто произвольно разводился съ женою, то съ него взымали въ доходъ епископа 12. грив. Если свекоръ грѣшилъ съ снохою или черницею, то съ него 100. грив.; съ двумя сестрами 30 грив., съ мачихою 40 грив.; два брата съ одной женою 100 грив. Если дочь или сынъ вступали въ бракъ по принужденію родителей, то послѣднихъ отдавали суду епископскому. Ежели кто жену изъ знатныхъ бояръ поносилъ безсчестнымъ именемъ, то ей платилось 5. грив. золота, столько же и епископу; кто же безсчестилъ жену княжескую, того казнили. За поношеніе женъ изъ знатныхъ бояръ, платилось имъ по 3. грив. золота, изъ горожанъ 3. грив. серебра, а изъ простыхъ одна гривна серебра. Если *чернецъ или черница*, *попъ или попадья*, *или прескурница* (пекущая просвиры) согрѣшатъ съ кѣмъ либо, то ихъ отдавали на судъ епископу, безъ участія *мірянъ* или власти свѣтской. –

Въ лѣтописи Несторовой и Русской правдѣ достоинство гривны обозначается цѣнностію металла, но какъ самая древняя гривна равнялась вѣсомъ фунту своего металла, а въ послѣдствіи полфунту, то можно приблизительно опредѣлить достоинство гривны по вѣсу настоящаго металла, такъ: фунтъ золота равенъ 350 р. сер, а фунтъ серебра 30 р. сер. Въ XI. вѣкѣ гривна серебряная вѣсила полфунта серебра, по этому нынѣшнихъ серебряныхъ рублей полагать можно десять. Въ XVI. вѣкѣ рубль В. К. Василія Іоанновича содержалъ въ себѣ около пяти нынѣшнихъ серебряныхъ рублей (Основательное изложеніе о гривнѣ, см. Кар. Ист. госуд. рос. т. I. прим. 298. и т. II. прим. 79. изд. 1818 г.)

Уставъ Ярослава подложенъ и писанъ самыми духовными, но дѣйствіе его имѣло силу до XVII вѣка. Владиміровъ уставъ (конца X. вѣка) равно подложный и сочиненный не позже XIII. вѣка, отдаетъ на судъ духовенству, между многими дѣлами, распри и невѣрность супруговъ и т. д. – Мелецій: de Russor. relig. et ritib. ed. 1581 г., говоритъ между прочимъ о прелюбодѣяніи: pro adulterio non computant, si vir habens uxorem, cum solita concuberit, excepte uxore alterius. Eos quoque, quod publice pecant, ex communicatione perseqvuntur, quod eorum lingua *obscha* vocant. – См. еще Гваньина: in tractatu de Sarmatiae, nom. inter scriptores rerum Moscovitarum, c. 154.

(указ. 1709 г. генв. 25.), обратить этотъ сборъ на больницы.

Значеніе свадьбы.

Игры между селеніями замѣняли свадебныя обряды. Откуда же произошло названіе свадьбы? — Толкуютъ различно. Иные думаютъ, что *свадьба*, сходствующая съ латинскимъ словомъ *свада* (Svada), богиня веселій у Римлянъ, обратилась въ значеніе нашей свадьбы (*); другіе производятъ отъ глагола *сводить*, соединять, основываясь на томъ, что бракъ есть соединеніе двухъ лицъ; другіе производятъ отъ *святости*, утверждаясь на томъ, что Славяне свято чтили бракъ; другіе отъ *свата*, — свидѣтеля свадебнаго сговора; но *свадьба* произошла отъ древняго слова *свататься*, означавшее прежде сговариваться, соглашаться (**).—Въ подтвержденіе послѣдняго мы видѣли примѣры между нѣкоторыми славянскими племенами, въ томъ, что женихъ уводилъ дѣвицу и *съ нею совѣщашесь*,—слѣдовательно бракъ тогда означалъ сговариваніе и согласіе. Выраженіе же играть свадьбу, произошло отъ употребленія игръ и забавъ во время свадебнаго веселія.

съ тѣ
Коми
1847

Въ одной нашей лѣтописи употреблено слово *каша*, вмѣсто свадьбы. Когда Александръ невскій женился (въ 1239 г.) въ городѣ Торопцѣ, то онъ праздновалъ здѣсь *кашу*, потомъ по возвращеніи въ Новгородъ другую,—т. е. давалъ здѣсь свадебный столъ (***). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи хранился еще обычай, что молодой послѣ первой почи разбивалъ палкой на дворѣ горшокъ каши, а дружко добивалъ его. Это означало торжество супруга надъ невинностію молодой.—Будучи въ Германіи, я видѣлъ, что свахи били горшки или скляники на

(*) Снегир. Русск. прост. праздн. и пр. вып. I. с. 60.
(**) Кар. И. Г. Р. т. I. пр. 136.
(***) Воскрес. лът. т. II. с. 206 подъ годомъ 6747. (1239 г.)

дорогѣ, не только предъ окнами молодыхъ, но ходя по улицамъ—знаменуя симъ, что завтра или чрезъ нѣсколько дней будетъ свадьба и веселье молодаго.

Радость также выражала у насъ свадебное веселье и свадьбу,—и это значеніе было самое древнее; оно встрѣчается въ XII вѣкѣ. Какъ нынѣ, такъ и прежде, радость сопровождалась пѣснями.

Отшельникъ Іаковъ, современникъ Нестора, жаловался митрополиту Іоанну, что свадьбы между простымъ народомъ совершаются безъ благословенія, и что только вѣнчаются одни бояре и князья. Митрополитъ Іоаннъ, именованный современниками пророкомъ Христа (жив. въ концѣ XI вѣка), осуждалъ тогдашнее обыкновеніе великихъ князей, выдававшихъ дочерей за государей латинской вѣры; налагалъ эпитимію на тѣхъ, которые вступали въ бракъ съ правнучатами, или женились безъ вѣнчанія; отлучалъ отъ Церкви священниковъ, благословившихъ союзъ мужа съ третьею женою, и установилъ духовное покаяніе, для преступниковъ благонравія и цѣломудрія. Изъ посланія В. К. Владиміра Мономаха къ князю Олегу (въ XII в.), видно, что свадьбы сопровождались пѣснями. Отступленіе отъ свадебнаго благонравія.

Митрополитъ Фотій, жившій въ XV вѣкѣ, наказывалъ трехлѣтнею эпитиміею мужа и жену, вступившихъ въ бракъ безъ благословенія церковнаго, и потомъ дозволялъ сочетаться имъ церковнымъ обрядомъ; велѣлъ вѣнчать послѣ обѣдни, но не въ полдень, а вечеромъ и въ полночь. Позволялъ третій бракъ молодымъ людямъ, не имѣвшимъ дѣтей, и съ условіемъ, не ходить въ церковь пять лѣтъ, и не давать въ теченіе этого времени причастія; пившимъ до обѣда, воспрещалъ давать хлѣба Св. Богородицы, и преслѣдовалъ *лихихъ бабъ съ узлами, ворожбою, заговорами*

и зеліемъ (*). Изъ стоглава видно (гл. 15), что въ половинѣ XVI вѣка, во время свадебнаго веселія, играли *глумотворцы, арганники, смѣхотворцы, гусельники*, и пѣли бѣсовскія пѣсни. Когда ѣхали вѣнчаться, тогда священникъ ожидалъ ихъ со крестомъ, и предъ нимъ *скакали со всѣми бѣсовскими играми*. Не мудрено послѣ этого, что свадебныя забавы именовались духовенствомъ *бѣсовскими*. Даже невинныя увеселенія: хороводы и рождественскія забавы, сопровождаемыя гаданіемъ, переряживаніемъ, колядованьемъ и проч. именовалось ими же *сотанинскими* и *чревобѣснованіемъ*.

Священникамъ и причетникамъ запрещалось, по церковнымъ правиламъ, участвовать на брачныхъ играхъ.

Брачныя записи и платежъ за неустойку.

Многія обыкновенія, употребляемыя попышѣ въ простонародіи, съ нѣкоторыми измѣненіями, принадлежатъ глубокой древности. По исторіи нашей извѣстно, что княжескихъ невѣстъ привозили въ великокняжескія палаты, и потомъ совершали обрученіе въ храмѣ. Однако иногда женихи ѣздили для сговора къ невѣстамъ и давали записи, по коимъ назначали день сочетанію и самому обряду; опредѣляли платежъ за неустойку, соразмѣрно съ приданымъ невѣсты. Если за нею было 1000 руб., то за неустойку платилось столько же. Это обыкновеніе господствовало долгое время между боярами и князьями. Иногда женихи дѣлали сговоръ, не видя невѣсты, отъ чего происходили несогласія съ обѣихъ сторонъ: потому что приводили къ вѣнцу не тѣхъ невѣстъ, за коихъ сватались. Сей обычай и записи продолжались до временъ

(*) Кар. II. Г. Р. т. 5. ст. 239–240., *въ послан. росс. митрополитовъ*, хранящ. въ Синод. библ. *№* 164.

Петра I, который указомъ 1701 года постановлъ, что если бы жениху не понравилась невѣста, или она была бы не та, за которую онъ сватался, то, хотя бы она была въ церквѣ, онъ можетъ отказаться отъ нея. Родители же не должны принуждать ни дѣтей, ни слугъ своихъ къ бракосочетанію, безъ собственнаго ихъ согласія.

Родители, опекуны и помѣщики обязаны были присягою или подтвердить письмомъ, подъ страхомъ суда Божьяго, что они не принуждаютъ ко вступленію въ бракъ (Ук. 1724 г. генваря 5). Но это постановленіе не ограничивало родительскаго вліянія на участь дѣтей, и дѣтямъ не давалось права поступать безъ совѣтовъ, согласія и благословенія ихъ. Дѣти всегда должны помнить: *благословеніе бо отчее утверждаетъ домы чадъ, клятва же матерня искореняетъ до основанія*(*). *Проклятъ безчестяй отца своего, или матерь свою; и рекутъ вси людіе: буди!* (**)

Невѣста, въ знакъ всегдашней покорности, обязана была въ первую ночь снять сапогъ съ ноги мужа. Женихъ клалъ въ правый сапогъ деньги, а въ лѣвый плеть. Когда невѣста бралась прежде за лѣвую ногу, тогда женихъ, вынувъ плеть, билъ ее; когда за правую, тогда отдавалъ ей деньги. В. К. Владиміръ, плѣненный красотою Рогнѣды, дочери полоцкаго князя Рогвольда, которая была сговорена за В. К. Ярополка, требовалъ чрезъ пословъ ея руки (980 г.); но она отвѣчала ему: *не хочу изути робичича* (не хочу разуть сына рабыни), потому что мать Владиміра была ключ-

(*) Сираха Премудр. гл. III. ст. 9.
(**) Кн. 5 Моисея, второзак. гл. 27. ст. 16.

ницею В. К. Ольги (*). Дядя его, Добрыня, попося падмѣнность Рогнѣды, присовѣтовалъ ему взять ее силою, и жениться.

Баронъ Герберштейнъ и Олеарій упоминаютъ въ своихъ путешественныхъ запискахъ, что въ бытность ихъ въ Москвѣ, (**) совершался обычай разуванія при княжескихъ и боярскихъ бракахъ. Послѣ брачнаго стола, вводили невѣсту въ почивальню, гдѣ она ожидала своего жениха, въ спальномъ платьѣ. Женихъ садился на кровать, держа въ рукѣ плеть. Невѣста подходила къ нему, и снимала съ ноги его сапогъ. Онъ билъ ее три раза по плечамъ и спинѣ, для напоминанія, что она, сдѣлавшись его женою, должна повиноваться своему мужу. Повиновеніе женъ продолжалось у насъ, до введенія чужеземнаго воспитанія. В. К. Владиміръ Мономахъ (скончав. въ 1125 г.) въ духовномъ завѣщаніи къ своимъ дѣтямъ, говоритъ между прочимъ: *жену свою любите, но не давайте ей надъ собою власти.* Англійскій посланникъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ XVI в., говоритъ, что въ числѣ подарковъ, которые женихъ посылалъ невѣстѣ съ ящикомъ, и въ коемъ находились иголки, нитки, шелковыя и льняныя матеріи, пожницы, винныя ягоды, изюмъ и другія вещи, занимала первое мѣсто—*плетка.*

Избраніе жениха и невѣсты зависило отъ воли родителей. Это обыкновеніе заимствовано отъ Татаръ.

(*) Мать Владиміра называлась Малуша. Она была дочь малька, простаго жителя города Любеча Городъ этотъ находился недалеко отъ Чернигова; теперь онъ не существуетъ.

(**) Первый былъ въ нач. XVI. в. два раза, а вторый въ въ нач. XVII в.

Однако, ни женихъ, ни невѣста не могли видѣть другъ друга до сговора, что соблюдалось не только между простымъ сословіемъ, но и между государями. Когда посолъ римскаго императора Фридриха III, отправленный къ В. К. Іоанну III (въ 1498 г.), для испрошенія въ супружество одной изъ его дочерей за своего родственника, прибылъ въ Москву, и объявилъ причину своего прибытія; тогда онъ просилъ, чтобы ему позволили видѣть одну изъ какихъ нибудь княженъ. Ему отвѣчали, что Великій князь не дозволитъ видѣть своихъ дочерей прежде совершенія сватовства; что это было бы противно издавна принятому обычаю, чего князь не намѣренъ нарушить.

Возрастъ для супружества.

Предки наши имѣли обыкновеніе женить своихъ дѣтей въ малолѣствѣ, и это было въ обычаѣ не только между простымъ сословіемъ, но между дворянствомъ и великими князьями. Всеволодъ Георгіевичъ, В. К. Владимірскій женилъ десятилѣтняго сына своего Константина (въ 1195 г.) на внучкѣ умершаго князя смоленскаго, Романа. Въ бракъ вступали почти дѣтьми: это видно изъ посланія митрополита Фотія (въ 1410 г.) къ новгород. архіеп. Іоанну, гдѣ онъ строго воспрещаетъ выходить дѣвицамъ замужъ прежде двѣнадцати лѣтъ. У одного иностраннаго писателя XVI в., сохранилось извѣстіе, что дѣвицы десяти и одиннадцати лѣтъ бывали уже женами. При вѣнчаніи священникъ спрашивалъ невѣсту: будетъ ли она попечительною матерью и хозяйкою? будетъ ли она любить мужа, если онъ потеряетъ зрѣніе, прійдетъ въ дряхлость или лишится какого либо члена? Когда она все это подтверждала, тогда священникъ клалъ на ея голо-

ву деревянный, зеленый вѣнецъ, съ надписью вокругъ: *раститесь и множитесь* (*).

Еще въ недавнее время, между поселянами, совершалось супружество въ юношескихъ и даже въ дѣтскихъ лѣтахъ: но это обыкновеніе истреблено нынѣ. Петръ Великій первый запретилъ дворянству (указ. 1714 г. марта 23) вступать въ браки: мужескому полу ранѣе 20-ти, а женскому 17 л. Екатерина II повелѣла (указ. 1775 г.), чтобы обвѣнчанныхъ мужескаго пола, моложе 15 л., а женскаго 13, разводить; священниковъ же лишать сана. Нынѣ не дозволено вѣнчать, если невѣстѣ нѣтъ 16, а жениху 18 л.; имѣющимъ же болѣе восьмидесяти лѣтъ отъ роду, воспрещено вступать въ бракъ (**).

Постель новобрачныхъ.

Новобрачныхъ не клали спать въ жилой избѣ, но въ пустой и нетопленной, хотя бы это было зимою. Нѣкоторые нарочно строили для этого отдѣльные покои. Постель была изъ соломы, и покрывалась полотномъ. Одинъ изъ родственниковъ, или знакомыхъ, во всю ночь ѣздилъ верхомъ около брачной комнаты, съ голою саблею, и онъ назывался *дружкою*. Сіе названіе произошло отъ дружбы, потому что женихъ избиралъ въ дружки одного изъ лучшихъ своихъ друзей.

Угощеніе въ банѣ, и питье воды, по омовеніи тѣла.

Послѣ первой ночи, водили молодыхъ въ баню, и потомъ угощали въ постелѣ кашею. При выходѣ изъ бани, осыпали ихъ хмѣлемъ, или деньгами. Осыпаніе производилось еще послѣ вѣнчанія, по выходѣ изъ церкви, и при входѣ въ домъ.

(*) Кар. И. Г. Р. т. 3. ст. 80., т. 5. ст. 239–240.; Посл. Рос. Митропол., хранящ. въ Синод. библ. № 164.; Reutenf. de reb. Moscov. c. 230; de russor. relig. et ritib., ed. 1581 г.

(**) Св. зак. гражд. т. 10. с. 3–4., изд. 1842 г.

Въ-старину, многія жены, замѣтивъ нерасположеніе къ нимъ своихъ мужей, прибѣгали къ суевѣрнымъ дѣйствіямъ: омывъ свое тѣло водою, давали ее пить мужьямъ, вѣря, что онѣ послѣ этого, будутъ ими любимы. Сіе обыкновеніе въ XII с. было столь обще, что черноризецъ Кирикъ, спрашивалъ разрѣшенія у новгородскаго епископа (въ 1156 г.), чтобы на таковыхъ налагать недѣльную эпитимію (*).

Каравай и мѣсто молодыхъ.

Въ свадебной комнатѣ стоялъ на столѣ каравай (круглый высокій хлѣбъ, съ разными изображеніями), окруженный другими небольшими караваями, медовыми пирогами, перепечами и сладкими яствами. Столы были дубовые, скатерти браныя, посуда деревянная, меды крѣпкіе. Новобрачные первые вкушали каравай, который изображалъ собою брачный союзъ. Молодыхъ сажали въ углу, подъ иконами, на ржаныхъ снопахъ, и угощали ихъ медомъ и пивомъ.

Кокошникъ, кика, коса и повойникъ.

Надѣваніе на новобрачную кокошника и кики, или кокуя, плетеніе и раздѣленіе косы, и покрываніе головы повойникомъ, ведется изстари. Дѣвицъ, отправлявшихся подъ вѣнецъ, сопровождали дружки и родственники; волоса на головѣ не заплетали въ косу, а оставляли разбросанными по плечамъ. По совершеніи бракосочетанія, свахи отводили новобрачную въ трапезу или на паперть, оставивъ молодаго въ церквѣ на вѣнчальномъ мѣстѣ. Съ головы невѣсты снимали дѣвичій уборъ, и раздѣливъ волосы на двое, заплетали двѣ косы, и обвертѣвъ послѣднія вокругъ головы, надѣвали кокошникъ; потомъ покрывали фатой и подводили къ новобрачному. На другой день совершали

(*) Кириково вопрошеніе, особо напечатанное, и въ исторіи Карам. т. 2. пр. 380.

обрѣзаніе косы, которое сопровождалось рыданіемъ молодой. — Обрѣзаніе производилось, въ ознаменованіе перехода, изъ дѣвическаго въ замужнее состояніе.

Вскрываніе молодыхъ. Было еще обыкновеніе — вскрывать молодыхъ. Это заимствовано, какъ должно думать, отъ восточныхъ народовъ, у коихъ оно совершалось до XVII в.

Особыя названія при свадьбахъ. При свадебныхъ радостяхъ и поѣздахъ, давали особыя названія молодымъ: женихъ назывался *княземъ* а невѣста *княгинею*. У всѣхъ славянскихъ племенъ *солнце* именуется княземъ, а *луна* княгинею, — и это названіе употребительнѣе у дунайскихъ Славянъ. — У насъ, доселѣ народъ величаетъ солнце княземъ, а луну княгинею (*). Древняя церковь обручала жениха золотымъ кольцомъ, какъ знаменіемъ солнца, а невѣсту серебрянымъ кольцомъ, какъ знаменіемъ мѣсяца, и въ предъявленіе подчиненности послѣдней первому. Въ довершеніе вѣчнаго союза, возлагали на нихъ вѣнцы, отъ чего вошло въ пословицу: *вѣнецъ, всему дѣлу конецъ* (**).

съ тѣ
Комп
1847

(*) У Литовцевъ сохранилась древняя пѣснь, о вступленіи въ союзъ солнца съ мѣсяцемъ:

Xiążyc pojął słońce,
To była pierwsza wiosna.
Słoneczko wstawało rano,
A xiążyc gkrył się w dali.
Xiężyc samotnie chodził,
Zakochał sie w jutrzeńce.
Za co się rozgniewał Perkun,
Rozdwaił do mieczem.
Na coś ty słońce opuścył?
Na cos się w jutrzeńce rozmiłował?

Narb. Dzieje starożyt. narod. litewsk. т. I. с. 128.

(**) У древнихъ Грековъ и Римлянъ, кольцо вообще означало

Нашею церковью также положено, чтобы при обрученіи молодыхъ, вручать жениху золотой перстень, а невѣстѣ серебряный (*).—Пріятели жениха, учавствовавшіе въ поѣздѣ, назывались *боярами*, распоряжавшіе веселіемъ, *дружками*. Тѣ же самыя лица, со стороны невѣсты были *боярыни* и *дружки*. — *Тысяцкіе* занимали почетное мѣсто у князя, а *сваты* окружали его съ боярами, услуживали и принимали гостей. — Еще до свадьбы, сватъ преимущественно заботился о выборѣ невѣсты, сговорѣ и приданомъ. Невѣста и женихъ, обязывались письменно, или при свидѣтеляхъ, объявить приданое, какого бы рода оно ни было. Все это переписывалось. Въ случаѣ развода, имущество отдавалось женѣ, и сверхъ этого, мужъ долженъ былъ наградить ее. Изъ самыхъ древнихъ великокняжескихъ браковъ мы знаемъ, что польскій король Казиміръ, выдавая дочь свою (1046 г.) за В. К. Ярослава, прислалъ ему въ вѣно 800 человѣкъ; когда же самъ Казиміръ женился на Маріѣ, сестрѣ Великаго Князя, то получилъ за нею великое множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, и иныхъ драгоцѣнныхъ украшеній (**). Свадебный пиръ у молодыхъ назывался *княженецкимъ и княжимъ столомъ*.

Думали, что счастію молодыхъ мѣшаютъ волшебство и колдовство, что одни кудесники могутъ отвратить отъ чаръ и порчи, и потому самыя свадь- Порча молодыхъ.

дружбу и любовь. Брачное кольцо украшалось маленькимъ ключикомъ, въ знакъ того, что мужъ поручалъ своей женѣ все домашнее хозяйство.

(*) Требникъ 1808 г. Кіевъ, см. послѣдованіе обрученія на об 46 л.

(**) Кар. И. Г. Р. т. 2. с. 31. изд. 1816 г.

бы были неразлучны съ суевѣрными примѣтами. Приглашали *знахарей*, которые одни были въ состояніи предохранить новобрачныхъ отъ неминуемой бѣды. Самые Великіе Князья разводились съ своими женами, по этому суевѣрному предубѣжденію. В. К. Симеонъ Гордый отослалъ супругу свою Евпраксію (въ 1345 г.) къ ея отцу, за то, что она на свадьбѣ была испорчена, и всякую ночь казалась ему мертвецомъ; но не смотря на то, она вышла во второй разъ замужъ за Кн. Ѳоминскаго, Ѳеодора Краснаго, а Симеонъ женился въ третій разъ, на княжнѣ Тверской, Маріи.

Заключеніе.

Сначала происходило обрученіе. Послѣ обрученія, слѣдовало торжественное вѣнчаніе, (*) при свидѣтеляхъ; на молодыхъ возлагали вѣнцы, на пальцы надѣвали кольца, молодые держали въ рукахъ зажженныя свѣчи. Читали молитвы, водили около налоя и давали пить вино или медъ изъ чаши. Молодые топтали ногами сосудъ, изъ коего пили. Женщины разбрасывали хмѣль и ленъ по церквѣ, съ произношеніемъ словъ: *о, святые защитники наши! отвратите отъ новобрачныхъ зло, и наставьте ихъ всему доброму.* Но люди съ предразсудками, наблюдали тутъ всѣ движенія молодыхъ, и по нимъ выводили счастливыя и несчастливыя предзнаменованія для ихъ будущей жизни. — Даже до поѣзда въ церковь,

съ тѣмъ Комитетъ 1847 год

(*) Прежде было въ обыкновеніи, что молодые, за нѣсколько дней до брака, постились, исповѣдывались и принимали Св. Тайны. Такое обыкновеніе соблюдается доселѣ между Армянами: оно и должно быть такъ, потому что бракъ есть таинство. Поэтому вступающіе въ новую жизнь, должны прежде очистить себя отъ всѣхъ грѣховъ; потомъ скрѣпить предъ церковью свой обѣтъ въ неизмѣнной любви и непорочности.

всякую встрѣчу и поступь судили по своему : если, при выходѣ изъ дома, встрѣчался кому либо изъ молодыхъ заяцъ, старуха, или кто изъ молодыхъ вступалъ въ церковь лѣвой погою, то предвѣщало несчастіе (*).

(*) Дедерлейнъ : Antiquitates gentilismi Nordgaviensi. См. ст. подъ буквою *O.*, ed. Regensb. 1734 г. с. 85.; Eckhart. de observ. pagana vel inchoatione rei alicujus. с. 424. и слѣд. О бракѣ см. de Russor. relig. et ritib. ed. 1581 г.

съ тѣмъ
Комитет
1847 год

II. СВАДЬБЫ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЯ.

I. Ѳеодосія, дочери В. К. Іоанна III. — II. В. К. Василія. — III. В. К. Іоанна IV.

съ тѣмъ
Комитет
1847 год

II. СВАДЬБЫ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЯ.

I. ѲЕОДОСІЙ, ДОЧЕРИ В. К. ІОАННА III.—II. В. К. ВАСИЛІЯ.—III. ІОАННА IV.

Скудность преданій о старинныхъ свадьбахъ.

Мы совершенно лишены свѣдѣній о старинныхъ свадьбахъ, отправлявшихся въ простомъ и дворянскомъ сословіяхъ. Кой-гдѣ говорится о нихъ, иностранными писателями, не прежде XVII ст., и то съ большими пропусками, невѣрностями и сбивчивостію. Что сказалъ одинъ, то повторялось всѣми, съ прибавленіями, или съ извращеніемъ смысла. Никто изъ иностранцевъ не передалъ намъ ни одной свадебной пѣсни, ни одного причитанья. Въ сочиненіяхъ ихъ говорится только о нѣкоторыхъ обрядахъ, и преимущественно объ однѣхъ странностяхъ, ими же вымышляемыхъ, или осмѣивавшихъ то, что было принято и освящено обычаемъ и временемъ, не думая, что обрядныя дѣйствія ихъ страны, для другихъ не менѣе смѣшны и странны.

Описаніе свадьбъ появляется у насъ самихъ, только съ половины XVIII в., и то съ большими недостатками. Въ началѣ XIX в., стали думать о собираніи свѣдѣній о народныхъ обычаяхъ.

I. Θеодосія, дочери В. К. Іоанна III.

Въ началѣ XVI в. находимъ мы описаніе однихъ великокняжескихъ свадьбъ, и что замѣчательно, вѣнчаніе совершалось весьма часто митрополитами. В. К. Іоаннъ III., любя меньшую дочь свою, Θеодосію, не хотѣлъ разстаться съ нею, и потому не искалъ женіховъ ей внѣ отечества. Къ этому побуждало его и горестное супружество первой дочери его, Елены, бывшей за В. К. Литовскимъ Александромъ (*). Онъ избралъ для нее Кн. Василія Холмскаго, сына знаменитаго Даніила, прославившагося побѣдами подъ Казанью, и сочеталъ ихъ (въ 1500 г.). Въ поѣздѣ съ женихомъ находилось болѣе ста князей, и много дѣтей боярскихъ изъ знатнаго рода. Кн. Даніилъ Александровичъ Пенько-Ярославскій былъ въ тысяцкихъ, а Кн. Петръ Васильевичъ Нагой-Оболенскій въ дружкахъ, при коемъ былъ *поддатникъ-дружкою*, окольничій Ив. Вас. Чебетъ, и три разсыльщика: Иванъ, Никонъ и Петръ Осокины. Дьяки назначали свѣчниковъ, коровайниковъ и фонарьниковъ. Одни чиновники стояли у изголовья мѣстнаго, а другіе несли подушки въ церковь; подъ ноги жениха и невѣсты,

съ тѣмъ Комитетъ 1847 год

(*) При отправленіи Елены къ ея жениху, Александру, въ 1495 г., былъ данъ тайный наказъ кн. Ряполовскому, чтобы ее вѣнчали въ греческой церкви, въ русской одеждѣ, и на вопросъ епископа о любви ея къ Александру, отвѣчала бы: «любъ ми и не оставити ми его до живота, ни коея ради болѣзни, кромѣ закона; держать мнѣ греческій, а ему не нудить меня къ римскому.»—Рос. вивл. т. XIV. с. 1–21. При обрученіи княжны въ Москвѣ, литовскій посолъ Станиславъ Гастольдъ, занималъ мѣсто жениха, потому что старшему послу, Воеводѣ Петру, имѣвшему вторую жену, не дозволили быть дѣйствующимъ лицомъ въ семъ обрядѣ.

слали камки. Коверъ княжій держалъ Никол. Ангеловъ, перемѣнялся съ Ив. Баршовымъ. У саней Великихъ Княгинь: Софіи и Елены, шли бояры.—Митрополитъ вѣнчалъ молодыхъ въ храмѣ Успенія. Попъ Афанасій стоялъ съ крестомъ у постели. — Веселились и пировали во дворцѣ до ночи. Конюшій Гридя Афанасьевъ, окруженный 15 дѣтьми боярскими, ѣздилъ на жеребцѣ, около новобрачной почивальни (*).

II. Свадьба, В. К. Василія.

Наши Великіе Князья вступали первоначально въ брачные союзы и съ иностранными принцесами; по раздѣленіе Россіи на удѣльныя княжества, размноженіе удѣльныхъ князей, порабощеніе нашего отечества Татарами, принудило ихъ вступать въ родство, смотря по политическимъ обстоятельствамъ, то съ своими единоплеменниками, то съ татарскими властителями.—Нѣкоторые изъ Великихъ Князей высматривали для себя невѣстъ внутри своего государства, и преимущественно выбирали красавицъ, ни мало не уважая знатности, и это продолжалось включительно до начала XVIII ст., до временъ Петра I. Тогда нарочные ѣздили смотрѣть невѣстъ по всей Московіи; искусныя и опытныя бабки осматривали тайныя ихъ прелести; счастливѣйшая изъ дѣвицъ-невѣстъ именовалась въ тотъ же день нареченною невѣстою, и провозглашалась по церквамъ.—Когда В. К. Василій вступалъ въ первый бракъ, тогда было собрано ко дворцу 1500 дѣвицъ; изъ числа ихъ онъ избралъ Соломонію Юрьевну Сабурову, и послѣ двадцатилѣтняго съ нею супружества, онъ развелся съ нею за неплодіе ея.—По избраніи невѣстъ прочія дѣвицы или надѣлялись подарками, или онѣ отдавались за молодыхъ придворныхъ.

(*) Древ. Рос. вивл. ч. XIII. изд. 1790 г. с. 1–5., и Бекетова Разряд.

В. К. Василій, женясь (въ 1526 г. генв. 21.) на княжнѣ Еленѣ Глинской, праздновалъ свадьбу великолѣпно, а дворъ его блесталъ пышностію. Нарядясь въ одежду жениха, онъ сидѣлъ совсѣмъ своимъ поѣздомъ въ брусяной столовой избѣ. Невѣста его Елена шла изъ своего дома въ среднюю палату: съ женою тысяцкаго, двѣмя свахами, боярынями и многими знатными людьми. Передъ нею несли двѣ брачныя свѣчи въ фонаряхъ, два каравая и серебряныя деньги. Въ палатѣ были приготовлены два мѣста, покрытыя бархатомъ и камками; на нихъ лежали два изголовья и два сорока черныхъ соболей, а третій сорокъ былъ приготовленъ для опахиванья жениха и невѣсты. На столѣ, покрытомъ скатертью, стояло блюдо съ калачами и солью. Изъ хоромъ средней палаты вышла Елена въ сопровожденіи жены тысяцкаго, свахъ, боярынь и бояръ. Предъ княжною несли свѣчи и караваи, а на караваяхъ лежали по девяти пѣнязей большихъ серебряныхъ, съ одной стороны золоченые и чеканенные, а съ другой бѣлые и гладкіе. Елена сѣла на своемъ мѣстѣ, сестра ея Анастасія на женихововомъ; жена тысяцкаго и свахи, находились по своимъ мѣстамъ, около княжны; съ лѣвой стороны свахъ держали свѣчи и караваи; боярыни стояли вокругъ стола.—Василій прислалъ туда брата своего, кн. Юрія, который, занявъ большое мѣсто, велѣлъ звать жениха. Посланные сказали: *Князь Великій Государь! князь Юрій Ивановичъ велѣлъ тебѣ говорить: время тебѣ Государю итти къ своему дѣлу.* В. К. вошелъ съ тысяцкимъ и со всѣми чиновниками, поклонился иконамъ, свелъ Анастасію съ своего мѣста и самъ сѣлъ. За этимъ читали молитву. Жена тысяцкаго чесала гребнемъ голову Василію и Еленѣ. Свѣчами богоявленскими, которыя горѣли въ навечеріи Богоявленія Христова, при освященіи воды,

съ тѣмъ,
Комитетъ
1847 год

зажгли брачныя, обогнутыя соболями и вдѣтыя въ кольца. Невѣстѣ подали кику и фату. На золотой мисѣ лежали по тремъ угламъ: хмѣль, 27 соболей, 27 одноцвѣтныхъ платковъ: бархатныхъ, атласныхъ, камчатныхъ, мѣрою каждый въ длину аршинъ съ четвертью, а въ ширину аршинъ съ вершкомъ, и пѣнязи числомъ по девяти въ каждомъ углѣ, величиною въ червонецъ или меньше.— Жена тысяцкаго осыпала хмѣлемъ Великаго Князя и Елену, а потомъ опахивала соболями.— Дружка Государевъ, благословясь, изрѣзалъ перепечъ и сыры для всего поѣзда; Еленинъ дружка раздавалъ ширинки. По встанiи Великаго Князя и Княжны, положили на ихъ мѣста по 40 соболей,—и потомъ они отправилися въ церковь Успенiя: Государь съ братьями и вельможами, а Елена въ санѣхъ съ женою тысяцкаго и двѣмя большими свахами; за нею шли бояры и чиновники, а передъ нею несли караваи и свѣчи.—Княжна Анастасiя отправилась съ боярынями въ хоромы Великой Княгини. Женихъ стоялъ въ церквѣ на правой сторонѣ у столба, невѣста на лѣвой, гдѣ находились зажженныя свѣчи и лежали караваи; у другаго столба на лѣво поставили скамью съ заслапнымъ ковромъ и двумя красными изголовьями. Они шли къ вѣнчанiю по разостланнымъ камкамъ и соболямъ: знатнѣйшая боярыня держала скляницу съ фряжскимъ виномъ; митрополитъ подалъ ее Государю и Государынѣ: оба пили съ одной скляницы. Государь, когда выпилъ за другимъ разомъ вино, бросилъ склянку на землю и самъ растопталъ ее ногою (*).

(*) Скляница значитъ стеклянный сосудъ. Олеарiй, въ бытность его въ Россiи, пишетъ, что въ его время употреблялись позолоченные кубки, съ которыми такъ же и поступали, какъ со скляницами, именно: новобрачный, бросивъ кубокъ на землю,

Когда совершился священный обрядъ, тогда новобрачные сѣли на двухъ красныхъ изголовьяхъ. Митрополитъ, князья и бояры, поздравляли ихъ; пѣвчіе пѣли многолѣтіе. Государь отправился потомъ во дворецъ, прежнимъ ходомъ, а Государыня одна поѣхала на своихъ саняхъ, прямо въ свои хоромы; за ней тысяцкая побѣ свахи. По пріѣздѣ ея во дворецъ, сѣлъ на ее сани ясельничій, и поѣхалъ на конюшню. Свѣчи съ кораваями отнесли въ спальню, называемую *сѣнникъ*, который внутри былъ обтянутъ запонами, и поставили въ кадь пшеничную.— Колецъ со свѣчей не снимали три дня, потомъ, по обычаю, велѣно хранить ихъ въ церквѣ. Въ четырехъ угламъ сѣнника были воткнуты стрѣлы, и тамъ лежали на столикахъ калачи съ соболями; у кровати лежало два изголовья, двѣ шапки, одѣяло кунье и шуба, покрытая простынею; на лавкахъ стояли *оловяники* съ медомъ; въ головахъ кровати были иконы: Рождества Христова, Богоматери и крестъ *воздвизальный*; на стѣнахъ висѣла икона Богоматери, державшей на рукахъ младенца Іисуса Хри-

съ тѣмъ. Комитетъ 1847 годъ

и попирая его ногами, говорилъ: «да будутъ такъ попраны тѣ, которые имѣютъ намѣреніе посѣять между нами несогласіе и вражду.« Это обыкновеніе уже не существуетъ нынѣ, но доселѣ пьютъ вино изъ одной чарки, попеременно три раза. Сей обычай принятъ нами съ первымъ принятіемъ христіянства. Пить изъ одного сосуда и прикасаться къ нему своими губами, было у Грековъ и Римлянъ знакомъ любовной страсти и волокитства. Они думали, что любовь возбудить можно черезъ питье изъ одного сосуда, даже чрезъ прикосновеніе къ нему однихъ своихъ губъ. Ревнивая Юнона упрекала часто Юпитера, что онъ пьетъ наъ одного сосуда съ Ганимедою. — Въ царствованіе императора Августа было уже въ обычаи, что женщины не отдавали мущинамъ своего сосуда, изъ котораго онѣ пили; но волокиты старались выхватить изъ ихъ рукъ, только чтобы приложить свои губы къ тому мѣсту, къ которому прикасались женскія уста.

ста; надъ дверью, окнами, внутри и снаружи почивальни, находились кресты. Постель слали на 27 ржаныхъ снопахъ. Великій Князь завтракалъ съ людьми ближними; потомъ онъ ѣздилъ верхомъ по монастырямъ и обѣдалъ со всѣмъ своимъ дворомъ. Князь Юрій опять сидѣлъ на большомъ мѣстѣ, а В. К. Василій рядомъ съ Еленою. Передъ ними поставили жареная пѣтуха, но дружка, взявъ его, обвернулъ верхнею скатертью и отнесъ съ калачемъ и солонкою въ спальню, куда вскорѣ повели молодыхъ. Знатнѣйшій боярин выдавалъ въ дверяхъ Великую Княгиню и говорилъ рѣчь. Жена тысяцкаго, надѣвъ двѣ собольи шубы, изъ конхъ одну на выворотъ, вторично осыпала новобрачныхъ хмѣлемъ; а дружки и свахи кормили ихъ курицею. Во весь обѣденный столъ и во всю ночъ, конюшій Государевъ ѣздилъ на жеребцѣ подъ окнами спальни, держа въ рукахъ обнаженный мечъ. На другой день ходили новобрачные въ мыльню, и тамъ ѣли кашу на постелѣ. Во время свадебнаго веселія, называвшагося еще *радостію*, играли на сурнахъ, трубахъ и били въ накромы (бубны); во весь день и ночъ пѣли пѣсни, а иногда псалмы.—Небогатые люди не имѣли музыки, но веселили себя пѣснями, и потому свадьбы тогда уже были *съ трубами и безъ трубъ*, т. е. съ музыкою и безъ музыки.

Царь Алексѣй, празднуя свое бракосочетаніе съ Наталіею, велѣлъ, чтобы вмѣсто трубъ, органовъ и свадебныхъ потѣхъ, пѣли его пѣвчіе попеременно стихи духовнаго содержанія, какъ выражено въ современномъ извѣстіи: *драгія вещи со всякимъ благочиніемъ* (*).

Употреблявшіяся и нынѣ употребляемыя, при свадебныхъ обрядахъ хлѣбныя произрастѣнія и другія вещи, имѣютъ особой свой смыслъ.—Хмѣль,—означаетъ лю-

(*) Новик. Древ. Рос. двил. ч. XIII. с. 5 – 19.

бовь, ржаные снопы и пшеница,—чадородіе; соболи и деньги, богатство; брачныя свѣчи, зажженныя богоявленскими, предохраненіе отъ порчи и волшебства; топтаніе склянки ногами, — попираніе враговъ семейнаго счастія; иконы, благословеніе.

III. Свадьба В. К. Іоанна IV.

В. К. Іоаннъ IV, по восшествіи своемъ на престолъ (въ 1547 г.), немедленно разослалъ знатныхъ сановниковъ по всей Россіи, чтобы они смотрѣли всѣхъ дѣвицъ благородныхъ, и лучшихъ изъ нихъ представили бы ко двору. Въ Новгородъ былъ посланъ окольничій И. Д. Шеинъ, а въ Вязьму кн. И. С. Мезецкій и дворцовый дьякъ Гаврило Щепокъ, съ грамотами: «велѣлъ есми (Царь) смотрити у васъ дочерей дѣвокъ, намъ невѣсты,... а которой дочъ дѣвку у себя утаитъ и тому быть въ великой опалѣ и въ казни». Жители Вязьми и Дорогобужа не хотѣли отпустить своихъ дочерей, потому было повторено имъ: «вы дочерей своихъ не везете, а нашихъ грамотъ не слушаете, и вы то чините не гораздо.» Изъ представленныхъ невѣстъ Царь избралъ Анастасію Романовну, дочъ вдовы Захарьиной (*). При вступленіи его въ третій бракъ, было привезено въ Александровскую слободу 2000 невѣстъ, изъ коихъ онъ избралъ Марѳу Васильевну Собакину, дочъ новгородскаго купца, и въ то же время (1571 г.) избралъ невѣсту для старшаго своего Царевича, Евдокію Богдановну Сабурову (**).

съ тѣмъ, Комитетъ у 1847 года.

(*) Собр. государ. грам. т. II. с. 43

(*) Кар. И. Г. Р. т. IX. с. 187 прим. 364.—Описанія старинкыхъ свадьбъ: кн. Андрея Ивановича, Царя Іоанна IV, брата его Юрія, кн. Владиміра Андреевича, казанскаго царя Симіона, кн. Ив. Дм. Бѣльскаго, короля Арцымагнуса, перваго Лжедимитрія, Царя Василія Шуйскаго, царевича Михаила Кабулина, напечатаны Новиковымъ въ Древ. внвл.ч. XIII. изд. 1790 г. Я не помѣстилъ ихъ здѣсь, потому что всѣ онѣ однообразны и отличаются только числомъ поѣзжаныхъ и гостей.

III. СВАДЬБЫ ЦАРСКІЯ.

I. Царя Михаила Ѳеодоровича II. Царя Алексѣя Михайловича и III. Царевны Анны Петровны.

I. Царя Михаила.—Нарѣченіе невѣсты. Рѣчь жениху и благословеніе родителями его. Одежда жениха, свадебныхъ чиновъ и украшеніе грановитой палаты. Ожиданіе невѣсты въ своихъ хоромахъ, и свадебныя принадлежности. Шествіе молодыхъ въ грановитую палату. Совершеніе обрядовъ въ грановитой палатѣ. Совершеніе обрядовъ въ церквѣ. Возвращеніе молодыхъ въ грановитую палату и угощеніе ихъ. Выдача невѣсты и сѣнникъ. Кормленіе молодыхъ, музыка, обѣды и подарки.

II. Царя Алексѣя.—Выборъ невѣсты. Свадебные чины. Обѣдъ наканунѣ свадьбы. Слушаніе молебствія предъ свадьбою. Украшеніе дворцовой палаты. Платье молодыхъ и свадебныхъ. Прибытіе молодыхъ и свадебныхъ. Прибытіе молодыхъ въ палату и благословеніе. Угощеніе. Чесаніе косы, укручиваніе и подарки. Вѣнчаніе. Наставленіе протоіерея и возвращеніе молодыхъ въ палату. Угощеніе, уводъ новобрачныхъ въ спальню и конюшій. Спрашиваніе о добромъ здоровьи молодыхъ. Хожденіе въ баню и подарки. Княжій и княгининъ столъ, сопровождаемый музыкою. Обѣдъ съ подарками. Обѣдъ для духовныхъ и свѣтскихъ людей и обдариваніе ихъ. Милостыня и выпускъ преступниковъ на волю.

III. Царевны Анны.—Измѣненіе старинныхъ обрядовъ. Свадебное устройство и свадебные чины. Извѣщеніе о свадьбѣ и совершеніе бракосочетанія.

IV. Свадьба благородныхъ и простолюдиновъ, но извѣ-

стію Кошихина, жившаго въ XVII вѣкѣ.—Сватовство. Приданое. Смотрѣльщица. Запись. Свадебный обрядъ. Хожденіе молодыхъ въ баню и обдариваніе ихъ. Правила ко вступленію въ бракъ. Вѣнчаніе второбрачныхъ. Однообразіе въ совершеніи свадьбъ. Обманы при выдачѣ невѣстъ и наказаніе.

V. Свадьба начала XVII вѣка, по извѣстію Петрея. Сватовство. Смотръ невѣсты и жениха. Вѣнчаніе. Посыпаніе молодыхъ и веселіе. Плеть. Дареніе.

VI. Свадьба около половины XVIII вѣка, по извѣстію Олеарія.—Опредѣленіе степени родства для вступленія въ бракъ. Свадьба благородныхъ. Сватовство. Скрываніе и подлогъ невѣстъ. Свадьба знатныхъ людей и приготовленіе брачной постели. Чесаніе головъ молодымъ и обмѣна колецъ. Поѣздъ. Вѣнчаніе. Пированіе и отправленіе молодыхъ въ сѣнникъ. Мыльня новообрачныхъ. Веселіе. Свадьба простаго сословія и горожанъ.

съ тѣмъ, Комитетъ у 1847 года.

III. СВАДЬБЫ ЦАРСКІЯ.

I. ЦАРЯ МИХАИЛА, II. ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ И III. ЦАРЕВНЫ АННЫ.

I. Свадьба Царя Михаила Ѳеодоровича, 1626 г. февр. 5.

Нареченіе невѣсты.

За три дни до свадьбы Царя Михаила, ввели въ Государскіе хоромы невѣсту его Евдокію Лукьяновну Стрешневу, и нарекли Царевною. Потомъ обьявили кому быть на радостѣ въ свадебныхъ обязанностяхъ, съ строгимъ подтвержденіемъ, чтобы никто не считался мѣстничествомъ, и чтобы никто не укорялъ другъ друга ни въ чемъ.

Рѣчь жениху, и благословеніе его родителями.

По утру въ воскресенье, въ день свадьбы, Государь слушалъ раннюю обѣдню, потомъ благословлялся у своего отца, святѣйшаго патріарха и говорилъ ему рѣчь: «Великій Государь отецъ нашъ, Филаретъ Никитичъ, святѣйшій патріархъ московскій и всея Россіи! По волѣ Всеблагаго и соизволенію вашему и матери нашей, иноки Великой Государыни Мароы Ивановны, назначено быть нашей свадьбѣ, а сего дня моея радости. Святѣйшій патріархъ! благослови своего сына.» Патріархъ, благословляя сына, говорилъ: «Всемогущій и непзреченный въ милости, вознесшій тебя на Царскій престолъ за благочестіе, Тотъ и благословляетъ тебя. Да подастъ Онъ тебѣ и супругѣ твоей, долгоденствіе и размноженіе роду. Да узришъ на престолѣ сыны сыновъ твоихъ и дщери дщерей твоихъ, и да защититъ Онъ всѣхъ васъ отъ враговъ, распространитъ мо-

гущество ваше отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до концевъ вселенныя.» — Потомъ патріархъ благословилъ его образомъ Св. Богородицы.

Одежда жениха, свадебныхъ чиновъ и украшеніе грановитой палаты.

Послѣ этого Государь ходилъ молиться въ монастыри и церкви, и наконецъ испрашивалъ благословенія у своей матери, которая благословила его образомъ Св. Богородицы Эдигитріи.

Государь, по изготовленіи себя къ свадьбѣ, отправился въ золотую среднюю палату, бывъ одѣтый въ золотный аксамитный кожухъ на соболяхъ, и въ русскую соболью шубу, крытую золотнымъ бархатомъ, которой полы заметалъ назадъ за плеча; поясъ его былъ изъ кованнаго золота. Предъ женихомъ шли поѣзжаные: стольники, дворяне, бояры, князья и дружки, всѣ они въ золотыхъ одеждахъ, ожерельяхъ и черныхъ шапкахъ. Дружками съ его стороны были: бояр. кн. Дм. Мам. Черкаскій и бояр. кн. Дм. Мих. Пожарскій, а со стороны невѣсты бояр. Мих. Бор. Шеинъ и сынъ кн. Пожарскаго, Романъ. Государя велъ подъ руку тысяцкій, бояринъ кн. Ив. Бор. Черкаскій. По прибытіи въ палату, женихъ поклонился образамъ и сѣлъ на лавкѣ, застланной персидскимъ бархатомъ. Тысяцкій и дружки сѣли на большой лавкѣ, а поѣзжаные на другой.

съ тѣмъ., Комитетъ у 1847 года.

Чертожное мѣсто (царское) было приготовлено заранѣе для молодыхъ, въ грановитой палатѣ: оно было обито червчатымъ бархатомъ и покрыто двумя бархатными изголовьями, шитыми золотомъ; на немъ лежали по сороку соболей, а третія сорокъ, назначенные для опахиванія, держалъ дьякъ Андр. Подлѣсовъ. Предъ чертожнымъ мѣстомъ находился столъ, покрытый тремя скатертями; на нихъ лежали перепечъ, ширинки, сыръ и стояла пустая солонка; на столѣ, подлѣ перепечи, была солонка съ солью. Грановитая палата была

украшена образами, а лавки застланы поволошниками и суконными коврами, съ изображеніемъ на нихъ львовъ.

Ожиданіе невѣсты въ своихъ хоромахъ и свадебныя принадлежности.

Невѣсту нарядили въ дорогое платье и на голову ея надѣли золотой вѣнецъ *съ городами*, осыпанный дорогими камнями и жемчугомъ. Тогда она сидѣла въ своихъ хоромахъ, съ своими свахами и боярами. Свахами со стороны жениха были: боярыни-княгини Елена Алексѣев. Черкасская и Праск. Варв. Пожарская, а со стороны невѣсты: бояр. Мар. Мих. Шеина и кн. Авдот. Андр. Пожарская. На столѣ лежали короваи, обшитые червчатымъ бархатомъ. Государевъ коровай былъ обшитъ золотымъ турецкимъ бархатомъ, а Государынин золотымъ участковымъ атласомъ; на верху короваевъ были нашиты по 27 серебряныхъ золоченныхъ пѣнязей: съ одной стороны золоченные чеканенные, а съ другой бѣлые гладкіе. Тутъ стояли двѣ свѣчи, обвернутыя въ обручи широкіе, чеканенные и золоченые по краямъ, изъ коихъ свѣчи жениха вѣсили въ три пуда, а невѣсты въ два пуда. У свѣчей и фонарей находились особые свѣчники, а у короваевъ каравайники: свѣчники и фонарьники были изъ стольниковъ.

Шествіе молодыхъ въ гранитую палату.

Вѣнценосный женихъ отправилъ по невѣсту ея дружковъ. Она шла изъ своихъ хоромъ черезъ палату; впереди ея шли свѣчники, фонарьники и каравайники, одѣтые въ золотыхъ на соболѣ терликахъ, и въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. Обручальныя и Богоявленскія свѣчи, несли стряпчіе; за нимъ несъ осыпало, на золотой мисѣ, думный дьякъ. На мисѣ лежали по тремъ угламъ хмѣль, 27 соболей, 27 бѣличьихъ мѣховъ, 27 золотыхъ участковыхъ платковъ, каждый длиною одинъ аршинъ пять вершк., шириною полъ арш.; 18 золоченыхъ пѣнязей и 9 венгерскихъ червонцевъ. Потомъ шли дружки и они берегли путь, чтобы никто не переходилъ его; за ними шелъ благовѣщенскій попъ Иванъ насѣдка, который кропилъ путь святой водою. Государыню,

вели подъ руку старшія свахи, за нею шли боярыни; жена постельничаго несла кику, прочія боярыни несли убрусцы и ширинки.

По прибытіи въ граповитую палату, благовѣщенскій попъ окропилъ чертожное мѣсто святой водою, потомъ посадили невѣсту, а на мѣсто жениха посадили съ нею кн. Якова Куден. Черкаскаго. Свахи стояли у стола, боярыни сидѣли на большой лавкѣ, за другимъ столомъ; на правой сторонѣ стояли со свѣчами, а съ лѣвой съ короваями и фонарями. Мѣсто посаженаго отца и матери занимали: бояр. Иванъ Никитичъ и жена его Ульяна Ѳеодоровна Романовы.—Посаженый отецъ, посидѣвъ не много, послалъ за женихомъ кн. Дан. Ив. Мезецкаго, который говорилъ ему: «бояринъ Иванъ Никитичъ, велѣлъ тебѣ говорити, прося у Бога милости: время тебѣ Государю итти къ своему дѣлу.»

съ т. Коми 1847

Государь, помолившись образамъ и принявъ крестное благословеніе отъ благовѣщенскаго протопопа, отправился совсѣми своими поѣзжаными и дружками. Его велъ подъ руку тысяцкій, впереди шелъ благовѣщенскій іерей и кропилъ путь святой водою; за Царемъ шелъ, съ колпакомъ въ рукѣ, кн. Татевъ.—Свадебнымъ порядкомъ распоряжались два дьяка.

Вошедши въ граповитую палату, протоіерей провозгласилъ: Достойно есть, и благословилъ Царя крестомъ. Старшій дружка свелъ съ мѣста кн. Як. Черкаскаго, а Царь сѣлъ на его мѣсто, подлѣ своей невѣсты. Всѣ прочіе, сидѣвшіе на своихъ мѣстахъ, остались въ прежнемъ порядкѣ.

Совершеніе обрядовъ въ граповитой палатѣ.

Спустя нѣсколько времени протоіерей читалъ молитву покровенію головы, послѣ того сваха чесала гребнемъ головы молодымъ, омакивая гребень въ медовую чару, а думный дьякъ держалъ мису съ осыпаломъ. Въ то время зажгли обручальныя свѣчи богоявленскими ве-

черными. По зачесаніи волосъ, надѣли на голову невѣсты кику, и закрыли фатой, которую покрыли убрусомъ, унизаннымъ жемчугомъ съ золотомъ. Потомъ сваха осыпала ихъ хмѣлемъ. Старшій дружка Царя рѣзалъ перепечъ и сыръ, а старшій дружка невѣсты подносъ жениху, отъ имени невѣсты, низанный жемчугомъ тафтяный убрусецъ, ширинку и коровай, а патріарху и инокинѣ Маѳѣ Ивановнѣ, убрусы, ширинки перепечъ и сыръ. Меньшій дружка невѣсты, кн. Ром. Пожарскій, разносилъ короваи, сыръ и ширинки посаженымъ родителямъ, тысяцкому, сидячимъ боярынямъ и поѣзжанымъ. Постельнымъ боярамъ и боярынямъ, бывшимъ у постели молодой, онъ разносилъ сднѣ ширинки. Царицѣ Даріи, бывшей супруги Іоанна IV., отправили съ нарочнымъ въ Тихвинъ: убрусецъ, ширинку, коровай и сыръ (*). Дорогу молодыхъ устилали камками червчатыми, а у лѣстницы дворцовой

(*) Дарья Ивановна Колтовская, происходившая изъ простаго рода, была шестою женой Іоанна Грознаго. Царь не разсудилъ требовать святительскаго разрѣшенія на этотъ бракъ, который совершился въ 1573 г., но совѣсть заставила его просить епископовъ, объ утверждержденіи сего брака. Созванный соборъ по этому случаю, *проливалъ слезы*, болѣзнуя о кающемся, такъ сказано въ дѣяніи этого собора, и положилъ утвердить бракъ *ради теплаго покаянія*; но Царь развелся въ послѣдствіи съ нею: еѐ постригли въ монахини въ Веденскомъ тифвинскомъ монастырѣ, и тутъ она была погребена схимницею въ 1627 г.–Въ исторіи Карамз. т. IX. с. 193. изд. 1821г., сказано, что четвертая жена Іоанна была Анна Алексѣевна Колтовская.–Полагать надобно, что имя Анны написано имъ по ошибкѣ, потому что въ описаніи свадьбы Царя Михаила, она названа Даріею.–Царь Михаилъ, вступая въ бракъ два раза: въ 1624 и 1626 г., посылалъ свадебные подарки не Аннѣ, а Даріи, которую признавали за вдовствующую Царицу.

приготовили аргамака. Государь, сѣвши на лошадь, ѣхалъ площадью; впереди его ѣхали поѣзжаные, болѣе 40 челов., за ними дружки, а съ боку жениха тысяцкій; около лошади молодаго шелъ пѣшкомъ бояринъ кн. Лыковъ. Невѣста ѣхала за поѣздомъ жениха въ большихъ саняхъ *инаалцовскихъ*, обитыхъ золотымъ атласомъ; противу нея сидѣли четыре свахи; за санями шли: окольничій, дьякъ, 23 дворянина, большею частію изъ княжескаго рода, и 20 боярскихъ дѣтей. Послѣдніе берегли путь, чтобы никто не переходилъ его. Потомъ молодые отправились въ Успенскій соборъ.

Въ это время первую скатерть, на которой рѣзали коровай и сыръ, сняли и отдали ключнику на сохраненіе, а двѣ остались на столѣ, Изголовье жениха, на коемъ онъ сидѣлъ, положили на изголовье молодой, а поверхъ его два сорока соболей.

съ тѣ
Коми
1847

Совершеніе обрядовъ въ церквѣ.

Съ молодыми вошли въ церковь: дружка, сваха и тысяцкій. Невѣсту ввели подъ руки старшія свахи, а меньшія шли позади. Свѣчи, фонари и короваи внесли впереди всѣхъ. Поѣзжаные ѣздили въ то время на своихъ коняхъ: на аргамакѣ конюшій кн. Лыковъ, а въ саняхъ окольн. кн. Волконскій.—Боярскія дѣти берегли путь.

Молодые стояли противу царскихъ дверей; со свѣчами стояли съ правой стороны, а съ короваями съ лѣвой, близь крилоса. У лѣваго столба стояла скамейка, застланная кизыльбаскимъ (краснымъ) золотымъ ковромъ; на немъ лежали два бархатныя золотистыя изголовья, покрытыя сукномъ. Скамья стояла на двухъ колодкахъ (столбахъ), обитыхъ золотымъ участкомъ. Свивъ вдвое червчатую камку куфтеръ, длиною въ три аршина, слали ее подъ ноги молодымъ, а поверхъ камки положили 40 соболей.

Благовѣщенскій протоіерей Максимъ вѣнчалъ ихъ;

и онъ подавалъ имъ пить фряжское вино изъ скляницы, три раза, которую держалъ боярин Вас. Морозовъ. Эту скляницу тогда же отдалъ Государь въ олтарь, чтобы тамъ хранили ее. Послѣ вѣнчанія сѣли новобрачные у столба, на приготовленномъ изголовьи: молодой по правую а молодая по лѣвую сторону. Протоіерей поучалъ ихъ, а потомъ поздравлялъ; за нимъ приносили поздравленіе тысяцкій и дружки; пѣвчіе пѣли многолѣтіе *большимъ демествомъ*.

Возвращеніе молодыхъ въ грановитую палату и угощеніе.

Государь, взявъ новобрачную за руку, вышелъ съ нею изъ церкви; потомъ онъ сѣлъ на аргамака, а новобрачная въ сани, съ двѣмя свахами. По прибытіи къ грановитой палатѣ, Государь опять взялъ за руку свою молодую и ввелъ ее во дворецъ; путь имъ устилали червчатыми камками. Въ то время сѣлъ на аргамака конюшій и отправился къ сѣнникъ; онъ ѣздилъ около него до утра, держа въ рукахъ обнаженный мечъ. Сани отвезъ ясельничій а свѣчи и короваи поставили на прежнихъ мѣстахъ. Въ грановитой палатѣ сѣли новобрачные на прежнихъ мѣстахъ, а за ними сѣли, на своихъ, боярыни и поѣзжаные. Потомъ принесли кушанья и фряжскія вина, и поставили ихъ предъ повѣнчанными. Послѣ третьяго кушанья подали имъ *верченого цыпленка*. Старшій дружка молодаго, обвернувъ перечень и солонку съ блюдомъ, другою скатертью, отнесъ въ сѣнникъ.

Выдача невѣсты и сѣникъ.

Тогда молодой, вставъ изъ-за стола и взявъ за руку молодую, отправился съ нею въ сѣнникъ. Боярин Иванъ Никитичъ Романовъ проводилъ ихъ до дверей палаты, идя впереди; потомъ онъ выдавалъ невѣсту у дверей, и говорилъ: «по волѣ Всемогущаго, благословенію твоихъ родителей, ты сочетался праведнымъ бракомъ. И ты свою Царицу, а нашу Государыню, люби, какъ предписано Богомъ.» Потомъ онъ имъ поклонился. Прочіе бояры и сидячія боярыни провожа-

ли ихъ до сѣнника: тутъ боярыня Ульяна Ѳеодоровна, посаженая мать, встрѣтила ихъ въ собольей шубѣ на выворотъ, и осыпала хмѣлемъ.

Свѣчи и коровай поставили въ сѣнникѣ: одну въ пшеничной кадкѣ, а другую у постели; сѣнникъ былъ точно такъ же убранъ, какъ описано въ свадьбѣ В. К. Василія, только что поверхъ 27 ржаныхъ сноповъ, было послано семь перинъ и *бумажники*; изголовья (подушки) бархатныя, камчатныя и атласныя, были покрыты одѣяломъ. Въ ногахъ лежали: коверъ, одѣяло и двѣ собольи шубы; надъ дверьми у сѣнника были золотые кресты съ мощами.

Проводя новобрачныхъ въ спальню, бояры сѣли за большой столъ по правую сторону, поѣзжаные и дворяне по лѣвую; мать посаженная отправилась съ боярынями въ хоромы Царицыны.

Спустя нѣсколько времени Государь потребовалъ къ себѣ бояръ, посаженыхъ родителей, тысяцкаго, дружекъ, свахъ, ближнихъ и постельныхъ боярынь. Посаженые родители и ближніе бояры кормили Государя въ сѣняхъ предъ сѣнникомъ, а Государыню въ сѣнникѣ ея, свахи и боярыни.

Кормленіе молодыхъ, музыка, обѣды и подарки

На другой день, въ понедѣльникъ, Государь ходилъ въ мыльню и тутъ кушалъ; потомъ онъ угощалъ ближнихъ бояръ и окольничихъ разными явствами и романеею въ кубкахъ. Послѣ кушанья новобрачные были въ сѣнникѣ; съ ними находились посаженые родители, тысяцкій, ближнія боярыни и свахи. Посаженый отецъ, подня въ покровъ стрѣлою, вскрывалъ Царицу. Царь между тѣмъ принималъ въ сѣнникѣ: бояръ, окольничихъ и думныхъ людей. За тѣмъ молодыхъ кормили кашею, изъ двухъ фарфоровыхъ горшечковъ, поставленныхъ на одномъ блюдѣ, и обвернутыхъ двумя парами соболей. Кашу Государя держалъ старшій его дружка, а кашу Госуда-

съ тѣм
Комите
1847 г

Государынин старшая сваха. Во весь день играли во дворцѣ въ сурмы и трубы, и били въ накры (родъ бубенъ). Въ тотъ же самый день былъ обѣдъ у Государя въ граповитой палатѣ; молодые сидѣли вмѣстѣ за золотымъ столомъ, близь стѣны; свахи стояли подлѣ нихъ и подчивали гостей. Посаженые отецъ и мать, тысяцкій и сидячіе бояры сидѣли за большимъ столомъ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ сидѣли, за отдѣльными столами, всѣ поѣзжаные и участвовавшіе въ свадьбѣ. На другой день былъ обѣденной столъ въ хоромахъ новобрачной; такое же угощеніе возобновилось и на третій день, по прежнему обряду. Въ четвертый день, въ середу, Государь извѣстилъ своего отца патріарха о благополучномъ совершеніи свадьбы, и ожидалъ его въ малой золотой палатѣ. Отецъ былъ встрѣченъ сыномъ въ сѣняхъ. Послѣ *достойно есть*, патріархъ осѣнилъ его крестомъ, окропилъ святой водою, поздравилъ его и благословилъ образомъ Пречистыя Богородицы. Потомъ Государь и патріархъ сѣли на золотыхъ подушкахъ. Князь Львовъ подносилъ Царю дари отъ имени патріарха; потомъ митрополитъ крутицкій, епископъ, архимандриты и игумены подносили отъ себя: серебряные кубки, стопы, золотые атласы и соболи; за ними дарили бояры и думные саповники, послѣ приходили съ подарками торговые люди, но Государь не принималъ отъ нихъ подарковъ. За тѣмъ Царь отправился съ отцемъ въ хоромы своей Царицы, въ сопровожденіи знаменитаго духовенства и бояръ. Патріархъ встрѣтилъ Государыню съ воздвизательнымъ крестомъ, кропилъ ее святой водою, поздравлялъ и благословлялъ образомъ и золотымъ крестомъ. Духовные и бояры приносили ей поздравленіе и дары. Въ этотъ день обѣдалъ патріархъ у Царя со всѣмъ своимъ

духовенствомъ, въ грановитой палатѣ. Кушанье, взвары и овощи ставили на столъ по свадебному обряду. Симъ угощеніемъ заключилось свадебное торжество (*).

съ тѣ
Комит
1847

(*) Новик. Древ. вивл. ч. XVI. с. 144 177.—Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ праздновалъ вторый свой бракъ гораздо пышнѣе, нежели первый, потому я избралъ здѣсь для описанія вторичное его бракосочетаніе.—Въ первый разъ онъ былъ женатъ на Маріи Владиміровнѣ, дочерѣ кн. Влад. Тимоф. Долгорукого, (въ 1625 г. сентяб. 19), но она въ томъ же году померла, генв. 7. (по старому исчисленію), и погребена въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Замѣчательно, что въ обѣ его свадьбы были посажеными родителями бояр. Иванъ Никитичь Романовъ съ своей женою; святѣйшій патріархъ Филаретъ не участвовалъ въ брачномъ обрядѣ, но напутствовалъ своего сына торжественно во храмъ, и не поздравлялъ его во время первой свадьбы.

II. СВАДЬБА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА, БЫВШАЯ ВЪ 1648 Г. ГЕНВ. 16.

Выборъ невѣсты.

Царь Алексѣй Михайловичъ, вскорѣ послѣ своего коронованія (1646 г. сен. 28) совѣтовался съ патріархомъ, духовными чинами, боярами и думными людьми, о вступленіи его въ бракъ. Патріархъ и духовные чины благословили, а бояры приговорили. Царь свѣдавъ, что у одного изъ приближенныхъ его была дочь отличная умомъ и красотою, сердцемъ добрая и поступью величавая, приказалъ взять ее къ себѣ во дворецъ, и ее поручилъ попеченію своихъ сестеръ Царевенъ, съ оказываніемъ ей царской почести. Бояры и ближніе люди, у коихъ были дочери, но о коихъ Царь не думалъ, равно отцы и матери тѣхъ дѣвицъ, которыя жили у Царевенъ, стали завидовать счастію невѣсты и умыслили погубить ее, потому опоили зельемъ, думая, что послѣ этого Царь возьметъ за себя дочь знатнаго боярина или приближеннаго. Скоропостижной смертью нареченной, Государь весьма опечалился: нѣсколько дней онъ не принималъ пищи и не думалъ о знатныхъ дѣвицахъ. По прошествіи многого времени случилось ему быть въ церквѣ, и здѣсь онъ увидѣлъ двухъ дочерей дворянина Ильи Милославскаго. Одна изъ нихъ, Марія Ильинична, такъ ему понравилась, что онъ тотчасъ поручилъ

придворнымъ дѣвицамъ взять ее къ себѣ въ верхъ, и послѣ обѣдни посѣтилъ ее: смотрѣлъ и полюбилъ. Тогда онъ отдалъ ее на попеченіе своимъ сестрамъ и богобоязливымъ боярынямъ, нарекъ ее Царевною и облекъ въ царскія одежды. Однако свадьба не скоро совершилась: ранѣе двадцати мѣсяцевъ (въ 1648 г. генв. 16) отъ смерти первой невѣсты.

Свадебные чины.

Государь избралъ въ свадебные чины людей не породамъ и не по мѣстамъ, а какъ ему вздумалось. Думные дьяки представили ему роспись за скрѣпою, съ означеніемъ обязанности каждаго и съ наказомъ: чтобы всѣ были готовы къ извѣстному дню, въ томъ чинѣ, въ какомъ кому написано. Кто же изъ бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей станетъ считаться породою, мѣстами, чиномъ и дѣлать *смуту* и *помьшку*, за то казнить ихъ смертію, безъ всякой пощады; помѣстья и вотчины отписать на Царя. Послѣ свадьбы ни кому ни кого не поносить, кто кого былъ въ чинѣ ниже; не величаться, кто кого былъ выше; въ противномъ случаѣ виновный подвергнется великой опалѣ и наказанію.

съ тѣ
Коми
1847

Свадебный чинъ со стороны Государя былъ устроенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первомъ чинѣ сидѣли посаженые родители, во второмъ поѣзжаные, протопопъ съ крестомъ и тысяцкій, потомъ Царь и восемь бояръ. Поѣзжаные, присутствовавшіе при вѣнчаніи и за столомъ, сидѣли выше всѣхъ. Въ третьемъ чинѣ находились по 12 *сидячихъ бояръ* и 12 *сидячихъ боярынь*, которые сидѣли гостьми за столомъ, съ посаженными родителями, и въ церковь не отправлялись. Въ четвертомъ чинѣ былъ дворецкій, съ своими обрядными товарищами; онъ смотрѣлъ за кушаньемъ и питьемъ. Со стороны Царицы, въ первомъ чинѣ: родные ея отецъ и мать, во второмъ сидячіе бояры и боярыни; въ треть-

емъ дружка, свахи, дружковы жены, свѣчникъ и коровайники. Свадебные чины, которые распоряжали *радостію*, были слѣдующіе: дружки, подружье, свахи, свѣчникъ, коровайники и конюшій. Дружка и подружье созывали гостей на свадьбу, говорили рѣчи отъ имени тысяцкаго и Царя, и разносили подарки; свахи и дружковы жены укручивали Царицу (одѣвали), наряжали и снимали съ нея платье; свѣчу держалъ свѣчникъ, предъ укручиваніемъ Царицы; коровайники посили короваи въ церковь и изъ церкви, на носилкахъ, обитыхъ бархатомъ золотымъ и закрытыхъ шитымъ покрываломъ и соболями; конюшій разъѣжалъ съ своими товарищами на коняхъ.

Обѣдъ на капунѣ свадьбы.

На капунѣ *радости* былъ обѣдъ у Царя для бояръ боярынь и родителей невѣсты. Государь сидѣлъ съ нареченной Государынею за своимъ столомъ, а бояры и боярыни за другимъ. Царскій духовникъ благословлялъ крестомъ Царя и Царицу предъ кушаньемъ, и требовалъ, чтобы они поцѣловались. Тогда бояры и боярыни поздравили ихъ съ обрученіемъ.

Слушаніе молебствія предъ свадьбою.

По утру въ день свадьбы Царь былъ въ соборной церквѣ Успенія, и слушалъ молебствіе. Послѣ молебни патріархъ благословлялъ его крестомъ, окроплялъ св. водою и благословилъ его на вступленіе въ бракъ. Государь прикладывался здѣсь къ образамъ и мощамъ угодниковъ; потомъ ходилъ въ другую соборную церковь (архангельскій соборъ), гдѣ погребены прежніе Цари; служилъ по нихъ за упокой, испрашивалъ у ихъ гробовъ прощенія и потомъ отправился къ себѣ во дворецъ.—

Украшеніедворцовой палаты.

Во дворцѣ убрали одну палату бархатомъ, полы застлали турецкими и персидскими коврами. Царское мѣсто устроили предъ столомъ, и поставили еще особые столы, за которыми сидѣли бояры и боярыни.

На столахъ, застланныхъ скатертью, положили хлѣбъ-соль.

Платье молодыхъ и свадебныхъ.

Государь нарядился въ царскія одежды, какъ предъ коронованіемъ; Царевну одѣли въ царскія украшенія, за исключеніемъ короны, и вмѣсто вѣнца убрали голову вѣнкомъ. Бояры, свадебные чины, стольники, стряпчіе, московскіе дворяне, дьяки, полковники, головы и гости, блестали золотыми одеждами.

Прибытіе въ палату и благословеніе.

Когда все было готово, тогда извѣстили Царя, который приказалъ всѣмъ итти въ дворцовую палату, вмѣстѣ съ Царевною и ея родителями, и ожидать его пришествія. По приходѣ въ палату, Царевну посадили на устроенное мѣсто, а потомъ сами сѣли на своихъ мѣстахъ, по росписи. Царю доложили, что всѣ уже заняли свои мѣста. Тогда онъ объявилъ своему духовнику, что часъ ему итти. Духовникъ читалъ молитву, а Государь, со свадебнымъ чиномъ, молился св. образамъ. Послѣ молитвы духовникъ благословлялъ его и всѣхъ съ нимъ. Дружки и свадебный чинъ просили благословенія на поѣздъ къ невѣстѣ, у посаженыхъ родителей; потомъ самъ Царь просилъ у нихъ благословенія, которые, благословляя его, говорили: *благослови Боже*, и всѣ уже отправились. Предъ Государемъ несли короваи и хлѣбы. Въ палату прежде всѣхъ вошелъ духовникъ, за нимъ свадебный чинъ и потомъ Царь; тогда всѣ встали. Читали молитву и всѣ молились. Потомъ дружки и подружья испрашивали благословенія у родителей невѣсты, чтобы садиться молодымъ на свои мѣста. Они благословили ихъ, говоря: *благослови Боже*. Молодые сѣли на одной подушкѣ, а потомъ и всѣ разсѣлись по своимъ мѣстамъ, за особыми столами.

Угощеніе.

Стольники начали разносить кушанье, которое прежде всѣхъ ставили предъ новобрачными, по одному

съ тѣ
Комн
1847

му блюду, а предъ свадебнымъ чиномъ по пяти блюдъ одного кушанья, потому что они сидѣли другъ отъ друга далеко. По постановленіи кушанья, духовникъ читалъ «Отче нашъ». Дружки и подружья просили благословенія у родителей невѣсты чесать косу, а духовникъ и весь поѣздъ, стали ѣсть и пить, для одного обряда. Предъ молодымъ ставали только кушанье и немедленно снимали со стола, потому что онъ ничего не долженъ быть ѣсть. По расчесаніи косы, дружки и подружья испрашивали благословенія у родителей невѣсты,—*крутить* ее (одѣвать).

Чесаніе косы, окручиваніе и подарки.

При чесаніи косы и укручиваніи, закрыли молодыхъ покрываломъ, съ вышитымъ на немъ крестомъ; покрывало держали свѣчники; свахи расчесывали косу и одѣвали. Предъ Царемъ тогда же поставили, на большомъ блюдѣ, хлѣбъ и сыръ, которые разрѣзывали на куски; клали на тарелки, по верхъ хлѣба и сыра, подарки со стороны невѣсты,—ширинки (платки), которые бывали бѣлые тафтяные, шитые вокругъ золотомъ и серебромъ, и съ таковыми же кистями, и ихъ разносили по росписанію: прежде духовнику, родителямъ невѣсты, тысяцкому, а потомъ Царю, поѣзжанымъ, сидячимъ боярамъ, боярынямъ, дружкамъ, свахамъ, конюшему и дворецкому съ окружающими его. Дружка невѣсты разносилъ такіе же подарки: посаженымъ родителямъ, Царевнамъ и прочимъ назначеннымъ по росписи; патріарху послали бѣлое полотно. По окручиваніи покрыли молодыхъ прежнимъ покрываломъ, и тогда сняли вѣнокъ съ головы невѣсты и отдали на сохраненіе. Духовникъ при третьемъ кушаньи читалъ послѣ-обѣденую молитву.

Вѣнчаніе.

Дружки обратились тогда къ посаженымъ родителямъ, и просили ихъ благословенія на поѣздъ къ вѣн-

цу. — Молодыхъ благословили окладными въ золото образами, покрытыми жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Отецъ и мать невѣсты, взявъ ее за руку, отдали Царю и простились съ нею. Духовникъ благословилъ всѣхъ крестомъ, и всѣ отправились въ царскую домовую церковь. Молодой велъ свою невѣсту за правую руку, и во время шествія звонили въ колокола, по всѣмъ церквамъ; предъ дверьми церкви духовникъ благословилъ молодыхъ крестомъ, и всѣхъ съ нимъ. Молодые стали по срединѣ церкви, противъ олтаря, на золотной обьярѣ. Царя держалъ подъ руку дружка, а Царевну сваха. При совершеніи вѣнчанія сняли покрывало съ Царевны; протоіерей возложилъ брачные вѣнцы, и самъ снималъ ихъ, когда подносилъ имъ пить красное *французское* вино. Потомъ на Царя была возложена корона, вмѣсто вѣнца.

съ тѣ
Комм
1847

Наставленіе протоіерея и возвращеніе молодыхъ въ палату.

По окончаніи обряда протоіерей поучалъ ихъ жить въ миролюбіи: не сердиться другъ на друга, и подтвердилъ женѣ быть въ повиновеніи у мужа, который, въ случаѣ ея вины, можетъ *поучити ея слегка жезломъ*; чтобы они жили въ *чистотѣ и богобоязни*, постились бы въ понедѣльникъ, среду и пятницу; соблюдали бы праздники и въ эти дни *грѣха не сотворили бы;* посѣщали церковь, давали подаяніе, совѣтовались бы съ отцомъ духовнымъ, *той бо на вся благая научитъ*. — Послѣ поученія онъ взялъ Царицу за руку, передалъ ее Государю, и требовалъ, чтобы они поцѣловались; потомъ покрыли Царицу, и всѣ поздравили молодыхъ съ вѣнчаніемъ. Во время вѣнчанія посаженые родители, сидячіе бояры и боярыни, ожидали молодыхъ въ прежней дворцовой палатѣ, а протоіерей, когда онъ совершилъ вѣнчаніе, разоблачился и вышелъ изъ церкви,

со всѣми присутствовавшими, чтобы встрѣтить молодыхъ у дверей палаты, и тутъ благословлялъ ихъ крестомъ. При шествіи новобрачныхъ звонили въ колокола повсюду, а тысяцкій послалъ дружку къ посаженымъ родителямъ, сидячимъ боярамъ и боярынямъ, сказать, что Царь и Царица вѣнчались въ *добромъ здоровьи* и идутъ къ нимъ. Они отвѣчали, что ихъ ожидаютъ. Посаженые родители благословили ихъ образами и поздравили съ вѣнчаніемъ; за ними бояры и боярыни.

Угощеніе, уводъ новобрачныхъ въ спальню и конюшій.

Новобрачные сѣли за свой столъ, а всѣ прочіе за свои столы, и потомъ разносили кушанье и напитки; всѣ пили и ѣли до принесенія жаренаго лебедя. Въ то время дружка испрашивалъ благословенія у родителей и тысяцкаго, чтобы вести новобрачныхъ *опочивать*, на что они отвѣчали: *благослови Боже*. Ихъ провожали до спальни: отецъ, мать, не многіе бояры и боярыни, и потомъ всѣ они возвратились къ своему столу, за коимъ ожидали извѣстія отъ Царя *о его добромъ здоровьи*. Во всю ночь до разсвѣта ѣздилъ конюшій верхомъ, около спальни, съ обнаженнымъ мечемъ.

Спрашиваніе о добромъ здоровьи.

Спустя часъ послѣ увода молодыхъ въ почивальную, родители и тысяцкій посылали дружку къ новобрачнымъ спросить о ихъ здоровьи. И когда Царь объявилъ, что все въ *добромъ здоровьи*, тогда явились къ нему родители и весь свадебный чинъ.

Поздравившіе молодыхъ съ добрымъ здоровьемъ, получили отъ нихъ въ подарокъ кубки и ковши; потомъ новобрачнымъ дали поѣсть самого легкаго кушанья, ибо они постились во весь тотъ день. Послѣ кушанья Царь отпустилъ домой всѣхъ свадебныхъ, и приказывалъ имъ съѣзжаться на другой день къ обѣду, на-

зываемому *княжимъ столомъ*, а самъ легъ спать съ Царицею.

Хожденіе въ баню и подарки.

Поутру готовили для нихъ баню, въ коей были только Царь, дружка и постельничій; послѣ мыльни надѣли на него бѣлую рубашку и новое платье, а прежнюю рубашку отдали на сохраненіе постельничаго; послѣ онъ слушалъ заутреню, пока Царица находилась въ мыльнѣ. Съ молодой были мать, сваха и близкія знакомыя и ее одѣли по выходѣ изъ мыльни. Когда она была одѣта, тогда дали знать о томъ Царю, который со всѣмъ своимъ поѣздомъ отправился къ ней. Она была уже во всемъ царскомъ одѣяніи и съ царскимъ вѣнцемъ на головѣ. Молодыхъ поздравили, а Царица обдаривала *мыльными подарками*, начиная отъ Царя до послѣдняго гостя свадебнаго. Она дарила рубашками и сподникъ платьемъ, которыя были полотняныя и тафтяныя, шитыя золотомъ и серебромъ. Потомъ Царь отправился на благословеніе къ патріарху; отъ него въ разныя церкви, гдѣ слушалъ молебствіе.

съ тѣ
Коми
1847

Княжій и княгининъ столъ съ музыкой.

По наступленіи времени *княжаго стола*, Царь и Царица обѣдали въ прежней палатѣ за своимъ столомъ *на маестатьхъ* (на тронѣ); а прочіе гости за своими столами. Послѣ обѣда подавали сахаръ, ягоды и разныя овощи, которыя раздавали гостямъ, и послѣдніе принимали ихъ стоя. Посаженые родители Царицы, сидячіе бояры и боярыни и тысяцкій, благословили ихъ окладными образами, а потомъ дарили бархатомъ, атласомъ, камками, золотыми и серебряными обьярами, соболями и серебряными кубками; пили за ихъ здоровье и потомъ разъѣхались. На третій день былъ данъ отъ Царицы обѣдъ, называемый *княгининъ*, съ таковымъ же обрядомъ какъ *княжій*.

На царскомъ дворѣ и въ передней играли во вре-

мя обѣда въ трубы и суренки, и били въ литавры; а на дворѣ жгли дрова во всю ночь, по разнымъ мѣстамъ, вмѣсто освѣщенія.

Въ четвэртый день обѣдали у Государя: патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и келары; послѣ обѣда все духовенство благословляло молодыхъ образами, и дарило. Царь и Царица подносили имъ кубки и ковши съ напиткомъ, а духовные, выпивъ за ихъ здоровье, разъѣзхались. Потомъ новобрачные посылали имъ на домъ подарки, состоявшіе изъ денегъ, полотна, кушанья и напитковъ.—Іереевъ, дьяконовъ и весь причетъ церковный угощали на царскомъ дворѣ, нѣсколько дней сряду; инымъ посылали, даже на домъ, кушанье и напитки; дарили деньгами по десяти и пяти рублей, и не меньше полтины, чтобы они молились за ихъ здоровье; разсылали стольниковъ, стряпчихъ и жильцевъ по церквамъ и монастырямъ всей Россіи съ денежными подарками, полотномъ и платками, которые раздавались духовенству, чтобы оно молебствовало о царскомъ здоровьи. Привезшихъ подарки, духовные благословляли образами и дарили, чѣмъ могли.—Въ слѣдующіе дни давались обѣды для стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ, гостей сотеныхъ, старостъ, городовыхъ, выборныхъ и посадскихъ. Они подносили молодымъ подарки, которые принималъ одинъ Царь.

Обѣдъ для духовныхъ и свѣтскихъ людей и обдариваніе ихъ.

Послѣ свадьбы Царь съ Царицею посѣщалъ монастыри, гдѣ совершались молебны; тамъ они кормили монаховъ и раздавали каждому изъ нихъ подарки денежные, отъ 20 до 2 р., по два платка и полотенцу. Монашествующіе же благословляли ихъ окладными образами и хлѣбомъ. Потомъ молодые ходили по богадѣльнямъ и тюрьмамъ, раздавали милостыню, надѣляли нищихъ

Милостыня и выпущеніе преступниковъ.

и убогихъ, давая каждому не менѣе полтины. — По всѣмъ городамъ Россіи выпускали изъ темницъ преступниковъ, изключая убійцевъ. (*)

(*) Коших: о Россіи въ царствов. Алексѣя Михайловича, гл. 1. С. 4–12; Новик. Древ. вивл. Ч. XIII.–Ст. 174–233.

Царь Алексѣй Михайловичь женился на дочерѣ Ильи Даниловича Милославскаго. Этотъ бояринъ до того возгордился въ послѣдствіи, что сдѣлался несноснымъ самому Царю, который нерѣдко собственноручно смирялъ его надмѣнность. Нѣмецкій посланникъ бар. Маербергъ, бывшій въ Москвѣ 1661 и 1662. г., говоритъ, что Царь и Царица называли своего отца, просто *Илія*, но никогда *батюшкой*. Маербергъ, Voyage en Mosc. С. 297–299, ed. Leid. 1688. г.

III. СВАДЬБА ЦАРЕВНЫ АННЫ ПЕТРОВНЫ, СОВЕРШЕННАЯ ВЪ 1725 Г. МАЯ 21.

Съ наступленіемъ XVIII столѣтія русскія свадьбы стали измѣняться въ высшемъ сословіи и дворянствѣ. Иноземные обычаи, которые во многомъ не соотвѣтствовали тогдашнему времени, быстро потрясли въ самомъ основаніи древніе обряды. Свадьбы старинныя часто осмѣивались уже съ намѣреніемъ: тогда думали, что со введеніемъ новизны, распространятся науки, поселится вкусъ и образованность, которая водворялась въ Европѣ съ умной медленностію, въ теченіи многихъ вѣковъ. Преобразованія нельзя вводить насильно: оно растетъ по мѣрѣ счастливыхъ успѣховъ гражданственности. Благоразумное споспѣшествованіе и поощреніе, суть необходимыя условія для усиленія народнаго образованія, а не поспѣшное во всемъ измѣненіе и подражаніе. Отъ таковыхъ дѣйствій народъ дѣлается подражательнымъ и теряетъ свою самобытность. Время и потребность вѣка, вотъ истинные путеводители благоразумныхъ развитій, и при этомъ всегда надобно дорожить отечественнымъ. Прадѣдовскіе обряды и преданія старины,

Измѣненіе старинныхъ обрядовъ.

не умираютъ въ народѣ: они живутъ въ немъ и оживляютъ его душу плѣнительнымъ воспоминаніемъ.

Я сказалъ, что въ началѣ XVIII вѣка свадьбы измѣнились, и это видимъ въ совершеніи свадьбы Царевны Анны, дочери Петра В., которая праздновалась Императрицей Екатериною I. Съ этого уже вѣка дочери нашихъ Государей начали вступать въ брачные союзы съ иностранными владѣтелями. Вѣчное осужденіе Царевенъ, оставаться въ дѣвушкахъ и постригаться въ монахини, тогда же кончилось.—Простой народъ, крѣпко любящій отеческіе нравы и обычаи, сохранилъ ихъ, если не во всей силѣ, то по крайней мѣрѣ дорожитъ ими.

Свадебное устройство и свадебные чины.

Царевна Анна при жизни своего отца, Петра Великаго, была обручена имъ за Шлезвигъ-голштейнъ-готторпскаго герцога Карла, а свадьба совершилась послѣ уже смерти Императора. Въ лѣтнемъ дворцѣ, находящемся понынѣ въ лѣтнемъ садѣ, былъ состроенъ великолѣпный залъ, длиною 20 а шириною 7 сажень, и въ немъ были поставлены два балдахина. Свѣтлѣйшій кн. Меншиковъ занимался симъ устройствомъ. Залъ украсили богатыми обоями; балдахинъ невѣсты былъ украшенъ гербомъ и короною россійской имперіи, а балдахинъ жениха, поставленный насупротивъ невѣстинаго, былъ украшенъ герцогскимъ гербомъ. Вмѣсто тысяцкихъ были уже маршалы: коими были кн. Меншиковъ и генералъ-прокуроръ Ягушинскій, а вмѣсто дружекъ было 24 шафера. Посаженными отцами были: генералъ-адмиралъ гр. Апраксинъ и государственный канцлеръ гр. Головкинъ; посаженными матерями: Цесаревна и герцогиня мекленбургская Екатерина, дочь Іоанна I, и свѣтлѣйшая кн. Меншикова. Мѣста братьевъ занимали: генералъ фельдцейгмейстеръ гр. Брюсъ и подполковникъ гвардіи Бутурлинъ. Мѣста сестеръ: канцлерша гр. Головкина и Бутурлина.

Въ ближнихъ дѣвицахъ, замѣнившія дружекъ, были: Цесаревна Елисавета, Великая Княжна Наталія, а кравчимъ былъ кн. гессенъ-гомбургскій.

Мая 18 разъѣзжали по городу особые офицеры съ трубачами и литаврщиками, возвѣщая жителей о предстоявшемъ бракосочетаніи; мая 21, въ пятницу, въ день самой свадьбы собирались въ новосостроенную залу, въ седьмомъ часу утра, приглашенные маршалы, шаферы, сенаторы, генералитетъ, знатные сановники и чужестранные министры, а дамы собирались въ одинадцатомъ часу. Въ полдень отправились маршалы, въ сопровожденіи особыхъ чиновниковъ, въ семи каретахъ во дворецъ жениха; впереди ихъ ѣхали трубачи и литаврщики, въ богатыхъ одеждахъ. Пробывъ полчаса во дворцѣ, они отправились въ лѣтній дворецъ Императрицы, въ прежнемъ порядкѣ; за ними уже ѣхали: прапорщикъ, два гофъ — фурьера и нѣсколько гренадеровъ; потомъ шелъ штатъ герцога, за нимъ ѣхалъ верхомъ двора его оберъ-камергеръ и гофмаршалъ, послѣ ѣхалъ въ каретѣ самъ женихъ; по сторонамъ его кареты шли его кавалеры; за ними ѣхали его министры, въ особыхъ каретахъ; между каретами шли лакеи, а возлѣ каретъ пажи. Въ первомъ часу по полудни всѣ прибыли въ лѣтній дворецъ; тутъ встрѣтили жениха посаженые родители и братья. Его отвели въ комнаты Императрицы. Отсюда герцогъ отправился съ Цесаревной въ Троицкой соборъ, (*) въ уборной цвѣтной баржѣ, (крытой линейкѣ), въ коей сидѣли: Цесаревна Елисавета, герцогиня Екатерина и Великая

Извѣщеніе о свадьбѣ и совершеніе бракосочетанія.

(*) Онъ донынѣ на прежнемъ мѣстѣ, на петербургской сторонѣ. Онъ уже ветхій деревянный, и окруженъ плакучими березами. Сколько государственныхъ событій совершилось въ этомъ храмѣ!

Княжна Наталія. Въ прочихъ баржахъ ѣхали: маршалы, родители посаженые, братья и дамы въ цвѣтномъ богатомъ платьи.—Невѣста была въ Императорской коронѣ, украшенной брилліантами и дорогими камнями, и въ порфирѣ изъ пурпороваго бархата, подбитой горностаями. По приближеніи къ церквѣ, зазвонили въ колокола. Государыня вскорѣ поѣхала за ними въ цечальной баржѣ, одѣтая въ траурное платье; впереди ея несли штандартъ. Исковскій архіепископъ Ѳеофанъ, окруженный епископами: тверскимъ и бѣлогородскимъ, архимандритами и многочисленнымъ духовенствомъ, совершилъ вѣнчаніе. По окончаніи брачнаго обряда, Императрица надѣла на новобрачную орденъ Св. Екатерины, съ красныъ бантомъ, и поздравила новобрачныхъ, которые послѣ принимали поздравленіе отъ всего двора. Потомъ всѣ отправились, въ 4 часу по полудни, въ лѣтній дворецъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ: изъ Петропавловской крѣпости, адмиралтейской пристани и яхты.

Молодые прибыли въ большую залу и сѣли кушать подъ устроенными балдахинами. Подъ первымъ балдахиномъ сидѣла невѣста съ Великими Княжнами: Елисаветой, Екатериной, Наталіей, княгиней Меншиковой, графинеи Головкиной и Бутурлиной. Подъ вторымъ, устроеннымъ противу невѣсты, сидѣлъ женихъ съ гр. Апраксинымъ, гр. Головкинымъ и Бутурлинымъ. За прочими столами сидѣло до 400 званыхъ гостей, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ. Въ продолженіи обѣда стрѣляли изъ яхты и играли на трубахъ, съ литаврнымъ боемъ. Въ 7 часу Императрица вышла на лугъ, (нынѣ царскій лугъ), къ стоявшей въ строю гвардіи. Тогда открыли два фонтана, которые заструились краснымъ и бѣлымъ виномъ. Императрица остановилась посреди̇нѣ луга; гвардія привѣтствовала ее бѣлымъ огнемъ изъ

съ тѣм
Комит
1847 г.

ружей. Послѣ стрѣльбы поили солдатъ виномъ, струившимся изъ фонтановъ; угощали кушаньями, жареными быками и баранами, нарочно здѣсь разставленными на столахъ.

Въ 9 часу Императрица отпустила молодыхъ, которые поѣхали въ свой дворецъ въ Императорской каретѣ, въ прежнемъ порядкѣ. Потомъ разъѣхались всѣ гости. — На другой день въ субботу, новобрачные прибыли въ 4 часу по полудни въ лѣтній дворецъ, и обѣдали у Императрицы. Молодые сидѣли уже вмѣстѣ за однимъ столомъ. Ихъ встрѣчали маршалы. За обѣдомъ присудствовали придворныя особы; въ продолженіи обѣденнаго стола стрѣляли изъ пушекъ. Послѣ обѣда всѣ гуляли въ саду. На третій день былъ обѣдъ у герцога. Императрица сидѣла за особымъ столомъ, окруженная молодыми, Великими княжнами, В. К. Петромъ и герцогиней мекленбургской; за прочими отдѣльными столами, сидѣли знатные сановники, иностранные министры и придворныя дамы. Во время обѣда не было музыки; играли только на трубахъ и стрѣляли изъ пушекъ. Герцогскимъ обѣдомъ заключилось трехдневное торжество. (*)

(*) Новик. Древ вивл. ч. XIII. с. 235–247. Въ первой день свадьбы многіе получили первостепенные орденскіе знаки и повышены чинами.—Родившійся отъ брака Цесаревны Анны, Карлъ Фридрихъ Ульрихъ, въ 1728 г. февр. 10; а по иным мая 3, вызванъ былъ въ послѣдствіи, родной его теткою Императрицею Елисаветою, въ Россію, и объявленъ Императоромъ, подъ именемъ Петра III.—Онъ померъ въ 1762 г. іюл. 6. въ Ропшѣ.

IV. СВАДЬБА БЛАГОРОДНЫХЪ И ПРОСТОЛЮДИНОВЪ, ПО ИЗВѢСТІЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКА НАШЕГО КОШИХИНА, ЖИВШАГО ВЪ XVII ВѢКѢ.

съ тѣмъ Комитет 1847 го.

Старинныя свадьбы совершались единообразно во всѣхъ сословіяхъ и отличались только богатствомъ; ибо вездѣ были одноименные свадебные чины и у княжескихъ и простыхъ родовъ: тогда господствовала простота, и нарушить свадебный порядокъ, считалось великимъ грѣхомъ. Небольшое отступленіе отъ невыполненія нѣкоторыхъ обыкновеній, было уже предметомъ осужденія и пареканія. Вотъ почему всѣ наши древніе свадьбы, до начала XVIII в., были общія, народныя.

До насъ дошли извѣстія о дворянскихъ и простонародныхъ свадьбахъ, соотечественника нашего Кошихина, однако не ранѣе XVII в. Изъ его описаній видно, что онѣ совершались единообразно, быть можетъ, какъ было еще до него за триста лѣтъ или болѣе.

Сватовство.

Боярин или дворянинъ, намѣревавшійся вступить въ бракъ, провѣдывалъ сначала невѣсту, и если она ему нравилась, по одному даже слуху, то онъ посылалъ къ ея родителямъ кого либо изъ своихъ друзей, изъ

мущинъ или женщинъ, — сватать за него, и потомъ пораспросить: есть ли какое за нею приданое? и въ чемъ оно состоитъ: въ платьи ли, деньгахъ, вотчинахъ или дворовыхъ людяхъ? Если предложеніе или сватовство не отвергалось, то отецъ отвѣчалъ, что онъ радъ выдать свою дочь за мужъ, только подумаетъ о томъ съ своею женою, родственниками, и подумавъ, давалъ рѣшительный отвѣтъ. Когда же онъ не соглашался на выдачу своей дочери, тогда прекращалось сватовство.

Приданое.

По совѣщаніи между собою родственниковъ и родителей, о выдачѣ дочери за мужъ, составлялась роспись приданому, заключавшемуся въ деньгахъ, серебряной посудѣ, платьи, вотчинахъ и дворовыхъ людяхъ, и посылалась эта опись къ жениху чрезъ довѣренныхъ отъ него.—Невѣстѣ ничего не говорили объ этомъ, до самаго замужества. Когда жениху нравилась невѣста по приданому, то онъ просилъ дозволенія видѣть ее; но родители всегда отвѣчали, что они охотно ее покажутъ, только не ему, а ближнимъ его родственникамъ: отцу, матерѣ, сестрѣ или сродственницѣ, и отправлявшаяся смотрѣть невѣсту, называлась смотрѣльщицею.

Смотрѣльщица.

Невѣсту наряжали въ лучшее платье, и сажали за столъ; гостей собирали изъ сродственниковъ. Смотрѣльщицу принимали съ почестію и сажали подлѣ невѣсты, которую она занимала различными разговорами, чтобы испытать ея умъ; всматривалась въ лице и глаза, чтобы пересказать потомъ жениху все, что замѣтила. Когда дѣвушка была хромая, косноязычная, лицемъ дурная, на глазъ не добрая или не нравилась смотрѣльщицѣ, почему либо; тогда она доносила обо всемъ жениху и отсовѣтовывала ему жениться. Невѣста добрая, красивая и умная, приходилась всегда по сердцу: тогда женихъ объявлялъ, что онъ

полюбилъ ее и посылалъ прежнихъ довѣренныхъ къ ея родителямъ, для совершенія сговора и записи.

Запись

Отецъ и мать невѣсты приглашали тогда жениха къ себѣ, съ немногими его довѣренными. Онъ наряжался въ самую лучшую одежду, и отправлялся къ нимъ съ отцемъ и родственниками. Ихъ принимали у дверей съ почестію; вводили въ хоромы и сажали по чину. Посидѣвъ не много, отецъ или сродственникъ жениха объявлялъ, что они пріѣхали сюда для добраго дѣла. Отецъ невѣсты отвѣчалъ, что онъ весьма радъ ихъ пріѣзду, и готовъ приступить къ сговору. — Тогда условливались съ обѣихъ сторонъ о приданомъ и времени свадьбы; дѣлали запись, въ коей имя невѣсты стояло въ третьихъ; въ случаѣ неустойки кого либо противу условій, взыскивали *за рядъ* на виновномъ 1000, 5,000 и 10,000 р., сколько между ними было соглашено. Въ продолженіи сговора угощали кушаньемъ и напитками; но ни женихъ, ни невѣста, не видали другъ друга. Въ то же время мать невѣсты, замужняя сестра или жена сродственная, дарила жениха ширинкою, отъ имени невѣсты.

съ тѣм
Комите
1847 го

Когда женихъ послѣ сговора отказывался отъ невѣсты, или невѣста отъ жениха, узнавъ другъ про друга что либо дурное; тогда родители били челомъ патріарху на виновнаго, за нанесенное имъ безчестіе, и просили удовлетворенія. Патріархъ приказывалъ изслѣдовать, и съ виновнаго взыскивалось, сколько было положено по записи за неустойку, въ пользу праваго жениха или оправданой невѣсты, и каждому изъ нихъ не запрещалось потомъ вступать въ бракъ.

Свадебный обрядъ.

Женихъ приглашалъ на свадьбу родственниковъ и знакомыхъ, изъ коихъ составлялись поѣзжаные, точно такіе же, какіе при царской свадьбѣ. Тоже самое было со стороны невѣсты. Въ день радости готовили столъ

въ домѣ молодыхъ. Женихъ отправлялся за невѣстою потому порядку, какъ происходило въ царской свадьбѣ; напередъ несли короваи на носилкахъ, послѣ ѣхали поѣзжаные верхомъ, если это было лѣтомъ, а зимою въ саняхъ; священникъ держалъ въ рукахъ крестъ, потомъ ѣхали бояры, тысяцкій и женихъ. По пріѣздѣ на дворъ невѣсты, всѣ входили въ хоромы по чину; отецъ невѣсты и гости встрѣчали ихъ почестію. Предъ поѣздомъ къ вѣнчанію, дружка испрашивалъ у родителей невѣсты благословленія для новобрачныхъ. Ихъ благословляли образами, говоря: *благослови Боже*, и взявъ за руку дочь, вручали ее молодому. Весь свадебный чинъ, попъ и молодой, который шелъ съ своею невѣстой подъ руку, выходили изъ хоромъ, въ сопровожденіи родителей. Молодой сажалъ невѣсту въ колымагу или каптапъ, съ нею садились двѣ свахи со стороны новобрачныхъ, а женихъ ѣхалъ верхомъ или въ саняхъ, съ своимъ поѣздомъ. Отецъ невѣсты и гости возвращались въ свой покои, гдѣ пили и веселились, до полученія вѣсти о благополучномъ совершеніи вѣнчанія; таковая же вѣсть посылалась къ отцу новобрачнаго. Послѣ вѣнчанія весь поѣздъ отправлялся въ домъ молодаго. По прибытіи на дворъ, родители, родственники и гости встрѣчали новобрачныхъ; жениха и невѣсту благословляли образами, подносили хлѣбъ—соль и сажали ихъ за столъ. Потомъ угощали ихъ и всѣхъ гостей, и тогда только открывали лице молодой. За третьимъ кушаньемъ дружка испрашивалъ благословенія у посаженыхъ родителей, чтобы вести новобрачныхъ въ почивальную. Тутъ дружки снимали платье съ жениха, а свахи съ невѣсты. Уложивъ ихъ спать, они возвращались къ пирующимъ гостямъ, а посаженые родители и тысяцкій, спустя часъ, посылали дружку къ жениху, чтобы спросить его о доб-

ромъ здоровьи. Когда молодой отвѣчалъ, что все въ добромъ здоровьи, тогда боярыни отправлялись въ почивальную, поздравляли молодыхъ и пили заздравные кубки, а тысяцкій посылалъ дружку къ родителямъ невѣсты, сказать, что новобрачные въ добромъ здоровьи. Они, за доставленіе радостной вѣсти, подчивали его и дарили ширинкою, и потомъ всѣ гости разъѣзжались. Молодыхъ же оставляли почивать. Конюшій ѣздилъ до разсвѣта верхомъ около спальны, съ обнаженнымъ мечемъ.

Хожденіе молодыхъ въ баню и обдариваніе ихъ.

Поутру новобрачные ходили въ баню, сначала одинъ молодой а потомъ молодая: молодой мылся съ дружкою а молодая съ свахою и близкими ея знакомыми. Послѣ мыльни надѣвали на молодыхъ новое бѣлье и платье. Новобрачная обдаривала поѣзжанныхъ мыльными подарками: рубашками и споднею одеждою. Потомъ молодой съ дружкою, ѣздилъ просить гостей на обѣдъ. Родителей же своей жены онъ благодарилъ за то, что они вскормили, вспоили и выдали за него въ добромъ здоровьи свою дочь. Если же она оказывалась лишенною добродѣтели, то онъ укорялъ ихъ въ тихомолку. По съѣздѣ гостей новобрачная подносила поѣзжанымъ подарки. До обѣда ѣздилъ новобрачный, со всѣмъ поѣздомъ, бить челомъ Царю. Всѣ они кланялись Государю въ землю, который сидѣлъ, не снимая шапки, и спрашивалъ про его здоровье и его жены. Царь поздравлялъ его съ супружествомъ; послѣ молодой кланялся въ землю; Царь благословлялъ его, а молодую заочно, окладными образами; назначалъ ему жалованья по сорока соболей, дарилъ бархатомъ, атласомъ, золотною обьярью, камкою, тафтою, серебряною посудою; подносилъ тысяцкому, молодому и всему поѣзду по кубку романеи (греческое вино) и

съ тѣж
Комите
1847 г

ковшу вишневаго меда; потомъ они отправлялись къ обѣду.

Молодая посылала отъ себя подарки Царицѣ и Царевнамъ, какъ то: убрусы (полотенца) тафтяные, шитые золотомъ, серебромъ и жемчугомъ. Онѣ принимали и посылали отъ себя спрашивать о ея здоровьи.

Молодой не ѣздилъ съ поклономъ къ Царю, когда его молодая не сохранила дѣвственности: потому что Государю доносили обо всемъ, до его пріѣзда, и ему воспрещалось являться предъ царскія очи.

За обѣдомъ пили и ѣли вдоволь; послѣ обѣда родители и гости благословляли новобрачныхъ образами и дарили, кто чѣмъ могъ, и наконецъ разъѣзжались по домамъ. На третій день новобрачные и гости съѣзжались на обѣдъ къ родителямъ молодой, гдѣ послѣ обѣда снова благословляли образами и обдаривали ихъ. Этимъ оканчивали веселіе, къ коему не приглашали дѣвицъ, и на немъ не бывало музыки. Играли только на трубахъ и били въ литавры. Такой точно совершался обычай при сочетаніи вдовыхъ.

Правила ко вступленію въбракъ.

Священникъ вѣнчалъ съ разрѣшенія патріарха или другой духовной власти, и непначе, какъ получивъ письменное свидѣтельство за печатью. Ему поставлялось въ обязанность изслѣдовать въ точности, чтобы женихъ и невѣста не были между собою въ кумовствѣ, сватовствѣ, крестномъ братствѣ, свойствѣ по шестому и седьмому колѣну, и чтобы мужъ и жена не были четвертаго брака. Если онъ все это не узналъ и вѣнчалъ, то лишали его священническаго сана; если же онъ сдѣлалъ съ намѣреніемъ, то не только лишали его званія, но налагали на него большую пеню и сажали на годъ на покаяніе. Новобрачныхъ разводили и имъ, кромѣ грѣха, ничего не вмѣняли и даже дозво-

лялось имъ вступать въ новой бракъ, исключая, если они были уже трехбрачные.

Вѣнчаніе второбрачныхъ и троебрачныхъ.

При вѣнчаніи второбрачнаго вдовца съ дѣвицею, клали ему вѣнецъ на правое плечо; троебрачному вдовцу на лѣвое плечо, — дѣвицѣ же на голову. Тоже самое совершали со вдовою, выходившею въ другой и третій разъ за мужъ. Свадьбу же праздновали по обыкновенію. Вступившіе въ бракъ, вдовецъ со вдовою, не вѣнчались, но читали надъ ними молитву и свадебный обрядъ отмѣнялся.

Однообразіе въ совершеніи свадьбъ.

Сговоры и свадьбы совершались одинаковымъ образомъ: у стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ, только что они не ѣздили къ Царю бить челомъ; ибо этою милостію пользовались думные люди, спальники, ихъ дѣти и знатные роды. — Между купеческимъ сословіемъ, свободными людьми и крестьянами, тотъ же совершался свадебный обрядъ; отличались же онѣ одеждою и угощеніемъ.

Обманы при выдачѣ невѣстъ и наказаніе.

Случалось, что родители во время сватовства показывали смотрѣльщицѣ дочь красавицу, а выдавали за мужъ увѣчную, безобразную и не ту, которую показывали. Женившійся на такой, не могъ вдругъ ее разсмотрѣть, потому что при совершеніи свадьбы она закрывалась. Хромую же водили свахи подъ руки. Мужъ жаловался тогда патріарху или другой духовной власти; назначалось слѣдствіе, и если оказывалось, что дочь выдана обманомъ и противу записи, то ихъ разводили и съ виновнаго взыскивали пеню. Иногда отца невѣсты наказывали кнутомъ. Если женихъ просилъ на невѣсту, что она увѣчная или безобразная, и таковою онъ ее видѣлъ при сватовствѣ, то ему повелѣвалось жить съ нею, чтобы онъ зналъ, на комъ женился. Иногда вмѣсто настоящей невѣсты наряжали горницную дѣвушку или красивую вдову, и вы-

водили къ смотрѣльщицѣ. Малорослыхъ и короткопогихъ ставили на подставки такъ искусно, что ничего не было замѣтно. Обманъ открывался только на другой день послѣ веселія. Въ такихъ случаяхъ мужъ совѣтовалъ своей женѣ постричься въ монахини; если она не соглашалась, то онъ билъ ее, мучилъ и не спалъ съ нею, пока она не пострижется. Родственники мучимой жены, когда она не хотѣла итти въ монастырь, жаловались на мужа патріарху или другой духовной власти. Тогда наряжался повальный обыскъ, и если оказывалась жалоба справедливою; то мужа ссылали въ монастырь на годъ и полгода, и потомъ приказывалось ему жить въ любви съ женою. Когда же онъ не жилъ въ согласіи, тогда ихъ разводили; имѣніе дѣлили между ними по поламъ, и до семи лѣтъ воспрещалось обоимъ вступать въ новый бракъ. Бывало, что мужъ, когда его женили на увѣчной или безобразной, самъ постригался съ горя въ монахи, а иные мужья и жены опаивали другъ друга отравами. — Старыхъ и уродливыхъ дѣвицъ сами родители отдавали въ монастырь.

Женихъ, который самъ смотрѣлъ невѣсту, потомъ говорилъ объ ней дурно, безчестилъ и отбивалъ отъ нея другихъ женіховъ, обязывался по духовному приговору жениться на ней. Если же онъ до приговора успѣлъ жениться на другой, то платилъ за безчестіе первой невѣстѣ. Имѣніе померщей отъ родовъ, но оставившей послѣ себя дѣтей, доставалось ея дѣтямъ; умершей же безъ дѣтей, отбиралось имѣніе отъ мужа и отдавалось назадъ, кому принадлежало. (*)

(*) Котих.: о Рос. въ царствов. Алексѣя Михайловича гл. XIII. с. 119–126; Beſchr. der Reis in die Moſkow, ſo Hr.

съ тѣм
Комите
1847 го

Warbotsch gethan ч. 1,, помѣщ. въ собр. Вихм. с 195 и 196. Варбочь, описавшій свое путешествіе въ концѣ XVI в., тоже говоритъ, что женихъ видѣлъ свою невѣсту только на другой день послѣ свадьбы. Mottley: The hist. of the life of Peter the great ч. 1. с 128 и 129 Онъ говоритъ, что для развода надобно сильныя доказательства; но если зструднялись разводомъ, то мужъ могъ итти въ монахи. Struys: Voyag. en Moscov., Tartar. Perse и пр. с. 127–132. ed. 1681 г.; Korb. diar. itin. in Moscov., ed. Vien. in f. с. 209-212 Отецъ, вручая жениху дочъ свою, билъ ее слегка плетью и говорилъ: »любезнѣйшая дочь моя! я бью тебя въ послѣдній разъ, ибо власть моя надъ тобою кончилась; теперь ты должна повиноваться своему мужу: онъ заступилъ мое мѣсто, а этой плетью онъ будетъ наставлять тебя, если забудешъ свой долгъ.« – Тогда онъ передавалъ плеть ея мужу, который говорилъ въ оправданіе своей невѣсты: я не думаю, чтобъ была надобность въ плети.

V. СВАДЬБА НАЧАЛА XVII ВѢКА, ПО ИЗВѢСТІЮ ПЕТРЕЯ.

Объ обрядныхъ дѣйствіяхъ свадьбъ сохранились еще сказанія двухъ иностранцевъ—самовидцевъ: Петрея и Олеарія. Первый былъ въ началѣ XVII в., а вторый въ половинѣ того же вѣка.

Молодой человѣкъ, желавшій жениться, объявлялъ о томъ своему отцу. Это соблюдалось весьма строго, не только между простолюдинами, но вельможами и всякаго сословія людьми. Ни женихъ, ни невѣста не могли сами дѣлать предложенія, — это было дѣло отца. Родитель невѣсты, освѣдомленный о сватовствѣ, совѣтовался съ своими пріятелями и отправлялся съ сватомъ къ родителямъ жениха, гдѣ узнавалъ о его богатствѣ, родѣ, умѣ и достоинствахъ, и разсмотрѣвъ его внимательно, говорилъ ему, если онъ правился ему: мой милой! твои родители, мои добрые друзья, а ты мнѣ по сердцу: честенъ, добръ, любезенъ и можешъ быть любимымъ всѣми, потому я хочу отдать за тебя свою дочь, если она понравится тебѣ. Я па- Сватовство.

гражу ее приданымъ и всякого рода украшеніями: сергами, платьемъ, серебромъ, золотомъ, скотомъ, лошадьми, прислугою и домашними вещами. — По согласіи съ обѣихъ сторонъ, сватъ отвѣчалъ за жениха: тебѣ угодно выдать за меня дочь, а меня имѣть своимъ сыномъ, — я подумаю прежде. Объ осстальномъ распроси моихъ родителей и друзей, и что ими будетъ сдѣлано и утверждено, тѣмъ я буду доволенъ. Если сватовство съ обѣихъ сторонъ не встрѣтило препятствій, и самое приданое обоюдно утверждено, то назначали день свальбы.

Смотръ невѣсты и жениха.

Отецъ и друзья жениха просили тогда показать невѣсту, но ея отецъ отвѣчалъ: этого нельзя; о ней освѣдомиться можно отъ постороннихъ. Вы знаете, кто она такова, и этимъ можете быть довольны; объ остальномъ узнаете по совершеніи свадьбы.—Тогда отецъ и сватъ говорили ему: если нельзя видѣть жениху, то позволь намъ, чтобы удостовѣриться въ ея недостаткахъ и свойствахъ.—Отецъ, мать и двѣ ближныя родственницы отправлялись къ невѣстѣ. Если она зажиточная и богатая, въ домѣ много покоевъ и свѣтлицъ; то она сидѣла въ своей свѣтлицѣ, убранная и наряженная. Если безъ состоянія и бѣдная, въ домѣ нѣтъ ни одной свѣтлицы, то она сидѣла въ углу избы за занавѣсомъ, безъ всякаго наряда. Мать жениха, подойдя къ ней, прбсила выйти, и взявъ ее за руку, ходила съ нею, разсматривая со вниманіемъ: не слѣпая ли она, или хромопогая, или нѣтъ другихъ какихъ либо недостатковъ. Если ничего не было найдено, то она садилась съ веселымъ лицемъ за столъ. Послѣ того мать невѣсты отправлялась къ жениху и разсматривала его подобнымъ образомъ, и не найдя въ немъ никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ, приступали обоюдно къ письменному условію, въ томъ, что если кто не

сдержитъ своего слова, тотъ долженъ заплатить по записи опредѣленную сумму денегъ. Не смотря на это, продолжались съ обѣихъ сторонъ частыя осматриванія молодыхъ, дабы не ошибиться, и чтобы потомъ не исполнилась пословица: понравилась сатана, лучше яснаго сокола. (*) Были примѣры, что не разсмотрѣвъ молодыхъ, они оказывали въ послѣдствіи другъ къ другу холодность, отъ чего происходили семейные раздоры. — Дѣвицы высшаго сословія всегда находились въ затворничествѣ, и ихъ непрежде могли видѣть, какъ только въ день свадьбы.

Вѣнчаніе.

По наступленіи свадебнаго дня, для котораго готовили въ изобиліи кушанья и напитки, и въ этотъ день всѣ пили, отправлялся въ церковь весь свадебный причетъ и съ нимъ родители молодыхъ. Лице невѣсты покрывалось фатой. Священнику подносили прежде пироги; онъ тогда благословлялъ молодыхъ и пѣлъ изъ псалма 127: Блаженни вси боящіеся Господа, ходящіи въ путехъ его. Труды плодовъ твоихъ снѣси, и т. д.; (**) потомъ, подступивъ къ молодому, клалъ на его голову свою руку и говорилъ: ты берешъ молодую и милую: будешъ ли ее любить въ радостяхъ и бѣдности? Не будешъ ли издѣваться надъ нею и поступать съ нею грубо? Если она состарѣется, здѣлается немощною или больною, то не покинешъ ли ее?—Женихъ отвѣчалъ: *нѣтъ*. То-

(*) Quisquis comat ranam, ranam putat esse Dianam.

(**) У Петрея ошибочно приведенъ 128 псаломъ вмѣсто 127, ибо псаломъ 128 начинается такъ: множицею брашася со мною отъ юности моея, да речетъ убо Израиль: множицею брашася со мною отъ юности моя, ибо не премогоша мя. На хребтѣ моемъ дѣлаша грѣшницы: продолжиша беззаконіе свое, и т. д.—

гда онъ обращался къ невѣстѣ и говорилъ: ты еще молодая и неопытная, будешъ ли жить съ мужемъ въ согласіи, какъ слѣдуетъ доброй женѣ? Будешъ ли смотрѣть за хозяйствомъ? Пребудешъ ли ему вѣрною, когда онъ состарѣется и ослабѣетъ?—Она отвѣчала: *да!*—Послѣ этого священникъ бралъ вѣнцы, клалъ на ихъ головы и говорилъ: *раститесь и множитесь.* Читалъ потомъ молитву, благословлялъ ихъ три раза крестомъ и произносилъ: что Богъ соединяетъ, того не разторгнуть человѣку. — Затѣмъ всѣ зажигали восковыя небольшія свѣчи.—Послѣ священникъ подавалъ новобрачнымъ позолоченную чашу съ медомъ, изъ которой они пили, и наконецъ поздравлялъ ихъ со вступленіемъ въ бракъ Потомъ молодые бросали на землю чашу, топтали ее ногами, приговаривая: да будутъ такъ попраны наши враги, которые захотятъ поселить между нами ненависть и раздоръ.

съ т
Коми
1847

Посыпаніе молодыхъ и веселіе. При выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, женщины осыпали ихъ конопляннымъ сѣмянемъ, желая имъ здоровья и долговѣчной жизни. Потомъ всѣ возвращались домой, гдѣ веселились и пили во всю ночь. — На другой день отводили молодыхъ въ тотъ домъ, гдѣ они должны жить, съ великимъ плачемъ и воемъ.

Плеть. Молодой, ложась спать, билъ плетью свою молодую, и потомъ вѣшалъ туже плеть на стѣнѣ, въ ознаменованіе его любви, ибо жены думали, что если мужья бьютъ ихъ часто, то этѣмъ они доказываютъ къ нимъ свою любовь, въ противномъ случаѣ онѣ жаловались на своихъ мужей, говоря всѣмъ, что мужья разлюбили ихъ.—

Даренье. Въ продолженіи свадебнаго пированія дарили молодыхъ, каждый соразмѣрно своему состоянію, разными вещами, которыя укладывали потомъ въ сундуки и это составляло ихъ приданое.

Русскія матери чрезвычайно любятъ своихъ дѣтей, говоритъ Петрей, а отцы болѣе любятъ сыновей, нежели самыхъ женъ своихъ (*).

(*) Petrejum: Histor. und Bericht von dem Grosfürstenthume Muschkow, c. 627 — 637, edit. Лейпцигъ 1620 года. Петрей находился въ Россіи четыре года, въ самыя смутныя ея времена, когда самозванцы, сосѣдніе враги и искатели Русской короны, терзали ее войнами. Онъ былъ сюда посланъ шведскимъ королемъ Карломъ IX., вмѣстѣ съ предводителемъ войскъ Яков. Де-ле-гарди, и участвовалъ въ переговорахъ и политическихъ дѣлахъ со стороны своего правительства.

VI. СВАДЬБА ОКОЛО ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКА, ПО ИЗВѢСТІЮ ОЛЕАРІЯ.

Опредѣленіе степени родства, для вступающихъ въ бракъ.

Русскіе весьма строги въ брачныхъ союзахъ; всякому позволяется жениться на одной; вдовцу дозволялось жениться въ другой и третій разъ, но въ четвертый никому не позволялось. Священникъ, вѣнчавшій кого либо въ четвертый разъ, лишался своего сана. При вступленіи въ бракъ наблюдались родственныя степени: два брата не могли жениться на однѣхъ сестрахъ, равно и на тѣхъ, съ коими принимали дѣтей отъ купели.

Свадьба благородныхъ и сватовство.

До совершенія брака происходило сначала сватовство. Ни молодой человѣкъ, ни дѣвушка не имѣли возможности видѣться преждевременно, а тѣмъ болѣе соглашаться о вступленіи въ бракъ,—это было дѣло родителей. Отецъ взрослой дочери отправлялся въ домъ, гдѣ женихъ по его мыслямъ. Онъ говорилъ съ нимъ, его родителями или его друзьями, о своей невѣстѣ; хвалилъ ее и возбуждалъ въ немъ желаніе жениться на ней. Если предложеніе было принято, то желали напередъ видѣть въ домѣ, его. Онъ сначала уклонялся, потомъ дозволялъ посмотрѣть, только матерѣ и ея знакомымъ. Если не

находили недостатки: не была слѣпая, или хромоногая; то договаривались о приданомъ.

Люди сколько нибудь значительные, воспитывали своихъ дочерей въ запертыхъ теремахъ и скрывали ихъ отъ людей, потому женихъ могъ видѣть свою невѣсту, когда онъ принималъ ее въ своей спальнѣ. По этой причинѣ часто происходили обманы: вмѣсто пригожей, давали дурную или уродливую; вмѣсто дочери боярской, какую нибудь дѣвку. Такіе примѣры бывали и между знатными людьми, посему не удивительно, что мужья жили съ женами, какъ кошка съ собакой, и ихъ крѣпко били.

При княжескихъ и боярскихъ свадьбахъ наблюдали слѣдующіе обряды: со стороны жениха и невѣсты назначались, по одной свахи, которыя всѣмъ распоряжались въ томъ домѣ, гдѣ игралась свадьба. Сваха невѣсты отправлялась, въ день свадьбы, въ домъ жениха и приготовляла тамъ брачную постель; за свахой несли на головахъ, около ста лакеевъ, одѣтыхъ въ кафтаны, всѣ тѣ вещи, которыя принадлежали къ постелѣ и украшенію спальни. Постель слали на 40 ржаныхъ снопахъ, за ранѣе приготовленныхъ женихомъ; возлѣ постели ставили кадь съ пшеницей, ячменемъ и овсомъ.

По окончаніи всѣхъ приготовленій, женихъ отправлялся вечеромъ съ своими дружками, въ домъ невѣсты; съ нимъ ѣхалъ священникъ, который долженъ былъ вѣнчать. Дружки невѣсты принимали жениха съ его дружками, весьма ласково; старшихъ или ближайшихъ дружекъ, сажали за столъ, на коемъ ставили три кушанья, но ихъ однако никто не трогалъ. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ мальчикъ; подлѣ него женихъ, который постоявъ нѣсколько минутъ, совѣтовался съ своими дружками о занятіи имъ своего мѣста; потомъ онъ сводилъ его учтиво съ мѣста и самъ садился. Послѣ

Чесаніе головъ молодымъ и обмѣнъ колецъ.

приводили невѣсту, закутанную въ дорогое платье, сажали ее подлѣ жениха; но чтобы никто изъ нихъ не видѣлъ другъ друга, то два мальчика держали между ними красную тафту. Сваха расчесывала волосы невѣсты, распускала ихъ по плечамъ; потомъ плела въ двѣ косы, надѣвала на голову вѣнокъ (должно быть кику) и открывала лице. Вѣнокъ дѣлался изъ плющеного золота или серебра, и подбивался матеріей; по краямъ его висѣли, близь ушей, четыре, шесть и болѣе жемчужныхъ нитокъ, которыя ниспадали на грудь. Платье невѣсты и рукава ея рубашки, которые бывали около трехъ аршинъ шириною, и воротникъ, вышивались жемчугомъ. Такое платье стоило болѣе одной тысячи талеровъ (*). Башмаки дѣлались съ подборами, вышиною около четверти локтя, что едва можно было ходить; иныя носили сапоги. — Другая сваха чесала голову жениху, между тѣмъ прочія женщины, ставъ на скамьи, пѣли веселыя пѣсни. Послѣ приходило двое молодыхъ поддружьевъ (Gesellen), одѣтыхъ весьма хорошо, и приносили на подносѣ: соболи, сыръ и хлѣбъ; послѣдній назывался кораваемъ. Священникъ благословлялъ сыръ и коровай, который несли потомъ въ церковь. На столъ ставили серебряное блюдо, на коемъ лежали атласъ, тафта, гладкія четвероугольныя деньги, хмѣль, ячмень и овесъ. Сваха закрывала невѣсту и осыпала бояръ и всѣхъ гостей тѣми вещами, какія были положены на блюдѣ; они подбирали съ земли атласъ и деньги, если хотѣли, между тѣмъ, въ то же самое время пѣлись пѣсни. Родители молодыхъ, вставъ съ своихъ мѣстъ, размѣнивали кольца у молодыхъ.

(*) Талеръ по нынѣшнему курсу около 94 к сер.

Послѣ сихъ обрядовъ сваха сажала невѣсту въ сани, покрывала ее фатой и ѣхала съ невѣстой въ церковь. Запряженную лошадь въ сани и хомутъ, обшивали лисьими хвостами. Женихъ съ своими дружками и священникомъ ѣхалъ за невѣстою верхомъ; подлѣ саней шли дружки и прислуга, и всѣ пѣли веселыя пѣсни. Поѣздъ.

То мѣсто въ церквѣ, на коемъ совершалось вѣнчаніе, застилалось красной тафтою, а подъ ноги молодыхъ слали особую ткань. Предъ вѣнчаніемъ подносили священнику пироги и перепечъ, а надъ головами молодыхъ держали большія иконы.—Священникъ, благословивъ ихъ, бралъ жениха за правую руку а невѣсту за лѣвую, и спрашивалъ у нихъ по три раза: любятъ ли они другъ друга, и будутъ ли взаимно уважать? Послѣ троекратномъ да, онъ водилъ ихъ вокругъ налоя и пѣлъ: Исаія ликуй... Потомъ клалъ имъ на головы вѣнцы (Rauten-Kränzlein) и говорилъ: *раститесь* и *множитесь*; за тѣмъ соединялъ ихъ и произносилъ: что Богъ соединяетъ, того человѣку неразторгнуть. Присудствующіе зажигали въ церквѣ не большія восковыя свѣчи; священнику подавали деревянную позолоченную чашу, или стекляный покалъ, съ краснымъ виномъ: онъ пилъ за здоровье новобрачныхъ, которые въ свою очередь пили три раза. Потомъ женихъ бросалъ на землю сосудъ, и топталъ его съ невѣстой, говоря: такъ должны погибнуть тѣ, которые захотятъ поселить между нами раздоръ и несогласіе. Женщины обсыпали новобрачныхъ льняным и конопляным сѣменемъ, и желали имъ счастія. Нѣкоторыя дергали невѣсту за платье, показывая видъ, будто они хотятъ увесть ее, но молодые держались другъ за друга. Послѣ женихъ проводивъ свою невѣсту до Вѣнчаніе.

саней, садился на свою лошадь; возлѣ саней несли шесть восковыхъ свѣтильниковъ а поѣзжаные пѣли всякія пѣсни.

Провожаніе и отправленіе молодаго въ сѣнникъ

По прибытіи въ домъ жениха, гости садились съ молодымъ за столъ: тутъ они ѣли, пили и веселились, а невѣсту между тѣмъ раздѣвали и клали въ постель. Лишъ только молодой начиналъ ѣсть, тотчасъ требовали его къ невѣстѣ. Путь ему освѣщали впереди, шесть или восемь мальчиковъ, зажженными факелами. Молодая, услышавъ о его приближеніи, вставала и накинувъ на себя соболевую шубу, привѣтствовала дорогого гостя наклоненіемъ головы. Мальчики втыкали горящіе факелы въ кадь съ пшеницей и ячменемъ, и получали за то въ подарокъ по парѣ соболей и уходили. Женихъ садился съ невѣстой за накрытый столъ, которую только теперь онъ могъ видѣть въ лице. Имъ подавали кушанье и между прочими жареного пѣтуха; молодой разрывалъ его на части, бралъ крыло или ногу, бросалъ черезъ себя, и потомъ ѣлъ. Послѣ непродолжительного ужина, молодые ложились въ постель; за дверьми оставался только старый служитель, который расхаживалъ взадъ и впередъ. Между тѣмъ родители и знакомые обѣихъ сторонъ, гадали и ворожили о счастіи молодыхъ. Служитель, спустя нѣсколько времени, спрашивалъ: совершилось ли дѣло? Молодой отвѣчалъ: уже. Тотъ часъ раздавались трубы и литавры, и всѣ предавались радости.

Мыльня новобрачныхъ.

Вскорѣ послѣ этого, молодые отправлялись въ отдѣльныя мыльни; тутъ ихъ мыли водой, смѣшанной съ медомъ и виномъ. Послѣ бани юная жена дарила своего молодого мыльной сорочкою, коей воротникъ бывалъ унизанъ жемчугомъ, и новымъ дорогимъ платьемъ.

Веселіе.

Слѣдующіе два дни проводили въ роскошныхъ угощеніяхъ; тутъ играла музыка, танцовали и веселились,

какъ только можно. На сихъ то пирахъ, когда мужья порядочно подгуливали, жены находили случай позабавиться съ посторонними мущинами...

Свадьба простаго сословія и горожанъ.

Во время свадьбы простого сословія или горожанъ, женихъ посылалъ невѣстѣ, за день до ея свадьбы: новое платье, шапку, пару сапогъ, ящичекъ съ румянами, гребень и зеркало. Въ день свадьбы приходилъ священникъ съ серебрянымъ крестомъ; два мальчика освѣщали ему путь восковыми свѣчами. Онъ благословлялъ сначала мальчиковъ, потомъ гостей; молодые садились за столъ и между ними держали красную ткань. — Когда сваха убирала невѣсту, тогда молодая и молодой смотрѣли въ зеркало, и оба любовались собою. Потомъ сваха осыпала ихъ и гостей хмѣлемъ. За тѣмъ всѣ отправлялись въ церковь, гдѣ совершалось вѣнчаніе прежнимъ порядкомъ.

По вступленіи въ бракъ, жены содержались въ заперти: онѣ никакія не посѣщали общества, никого не принимали къ себѣ изъ своихъ знакомыхъ и сами ихъ не посѣщали (*).

(*) Олеар. Offt begehrte. Beschr. der Neuen orient. Reise. с 137–141. ed. Лейпц. 1647 г. —

Позаимствованныя свадьбы изъ Петрея и Олеарія, наполнены во многихъ мѣстахъ странностями, которыя конечно должно приписать невѣрности взгляда самыхъ самовидцевъ; но во всякомъ случаѣ ихъ описаніе любопытное. Никто не долженъ осуждать нравы предковъ, ибо то въ ихъ время было приличнымъ то теперь оно смѣшно и даже можетъ быть неблагопристойнымъ. На все свое время. Если мы удивляемся многимъ странностямъ, описаннымъ Петреемъ и Олеаріемъ, – а этому прошло болѣе 200 л., – то, что скажутъ о нашихъ нравахъ по истеченіи столькихъ же лѣтъ? Вѣроятно многое будетъ осуждено, и то, что мы считали утонченнымъ, свѣтскостію и изыскан-

ностію,—не будетъ ли предметомъ посмѣянія? Потомки наши будутъ удивляться: какъ мы не могли видѣть своихъ слабостей и недостатковъ, и не могли исправить ихъ!—Такъ и мы судимъ о своихъ предкахъ.—Мы могли увлекаться нѣкоторыми вещами, предаваться многимъ постыднымъ увеселеніямъ и забавамъ, и между ними преимущественно картежной игрѣ! Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдняя забава будетъ болѣе всего осмѣяна, а съ нею и мы!—Не ужели нашъ вѣкъ осужденъ на изученіе однихъ картъ? Не ужели самое образованіе сосредоточилось въ картахъ?—На самомъ дѣлѣ это такъ. Отъ ученого до школьника, отъ знатнаго до очаровательной невинности,—все погружено въ изысканіе картежной премудрости. — Горе намъ! но еще больше горя, что доселѣ не подумаемъ, въ какія мы впали ошибки, и какіе истекаютъ отсюда пороки, наприм: страсть къ игрѣ, которая сокращаетъ нашу жизнь, потому что она вся проходитъ въ картахъ.

VII. ИЗМѢНЕНІЕ СВАДЬБЪ.

Вышедшіе изъ обычая многіе обряды. Выраженіе свадебныхъ пѣсней. Обрядъ простонародной свадьбы до конца XVIII вѣка.

VIII. ОЧЕРКЪ НЫНѢШНИХЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

Разнообразіе свадьбы. Сватанье. Сговоръ. Поѣзжаные. Дѣвичникъ. Расчесываніе косы. Выдача невѣсты. Одѣваніе предъ вѣнцемъ. Появленіе дружки. Поѣздъ къ вѣнцу и вѣнчаніе. Угощеніе. Веселіе. Уводъ молодыхъ въ сѣпникъ. Свадебный расходъ.

IX. СВАДЬБА ВЪ ПСКОВСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Рукобитье. Смотрины. Отправленіе приданаго. Баня. Вечеръ бояръ и дѣвичникъ. Окончательный свадебный обрядъ.

X. СВАДЬБА ВЪ КОСТРОМСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Сговоръ. Калымъ, лапша и баня. Продажа косы. Дѣвичникъ. Замѣчаніе о снѣ невѣсты. Обряды предвѣнечные. Обряды послѣ вѣнчанія. Дополненіе.

XI. СВАДЬБА ВЪ ОРЛОВСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Сговоръ. Дѣвичникъ. Продажа невѣсты. Поѣздъ молодыхъ. Пріемъ молодыхъ.

XII. СВАДЬБА ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБ.

Сватовство. Плачъ невѣсты послѣ запорученья или рукобитья. Сводъ жениха и невѣсты. Дѣвичникъ. Обрядъ предвѣнчальный. Окончательный обрядъ.

XIII. СВАДЬБА ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Сосватокъ. Дѣвичникъ. Окончаніе свадьбы.

XIV. СВАДЬБА ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБ.

Сватовство или доброе дѣло. Совѣтливый сговоръ. Рукобитье. Приготовленіе къ свадьбѣ. Благословеніе молодыхъ. Угощеніе въ домѣ невѣсты. Уводъ молодой въ сѣнникъ. Обдариваніе молодыхъ. Юнецъ въ честь молодыхъ.

XV. СВАДЬБА ВЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Вечерника у невѣсты. Благословеніе. Окончательный обрядъ.

XVI. СВАДЬБА ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБ.

Сватовство. Смотрины. Запой. Дѣвичникъ. Вечерники. Сборъ вечерники. Обрядъ отъ начатія поѣзда до встрѣчи молодыхъ отъ вѣнца. Встрѣча молодыхъ и окончательный обрядъ. Голосовыя пѣсни.

XVII. СВАДЬБА ВЪ СМОЛЕНСКОЙ ГУБ.

Главныя лица въ засватаніи. Запѣвальный обрядъ. Благословеніе. Обдариваніе. Дѣвичникъ. Благословеніе. Окончательный обрядъ.

XVIII. СВАДЬБА ВЪ БѢЛОРУССІИ.

Сватовство. Заручины. Надѣлъ. Выкупъ молодой. Провожаніе къ вѣнцу и отъ вѣнца. Обдариваніе и окончаніе свадьбы.

XIX. СВАДЬБА ЛИТОВСКАЯ.

Заботливость дѣвушекъ. Сватовство. Малая попойка. Сговоръ. Окончаніе свадебнаго обряда.

XX. СВАДЬБА МАЛОРОССІЙСКАЯ.

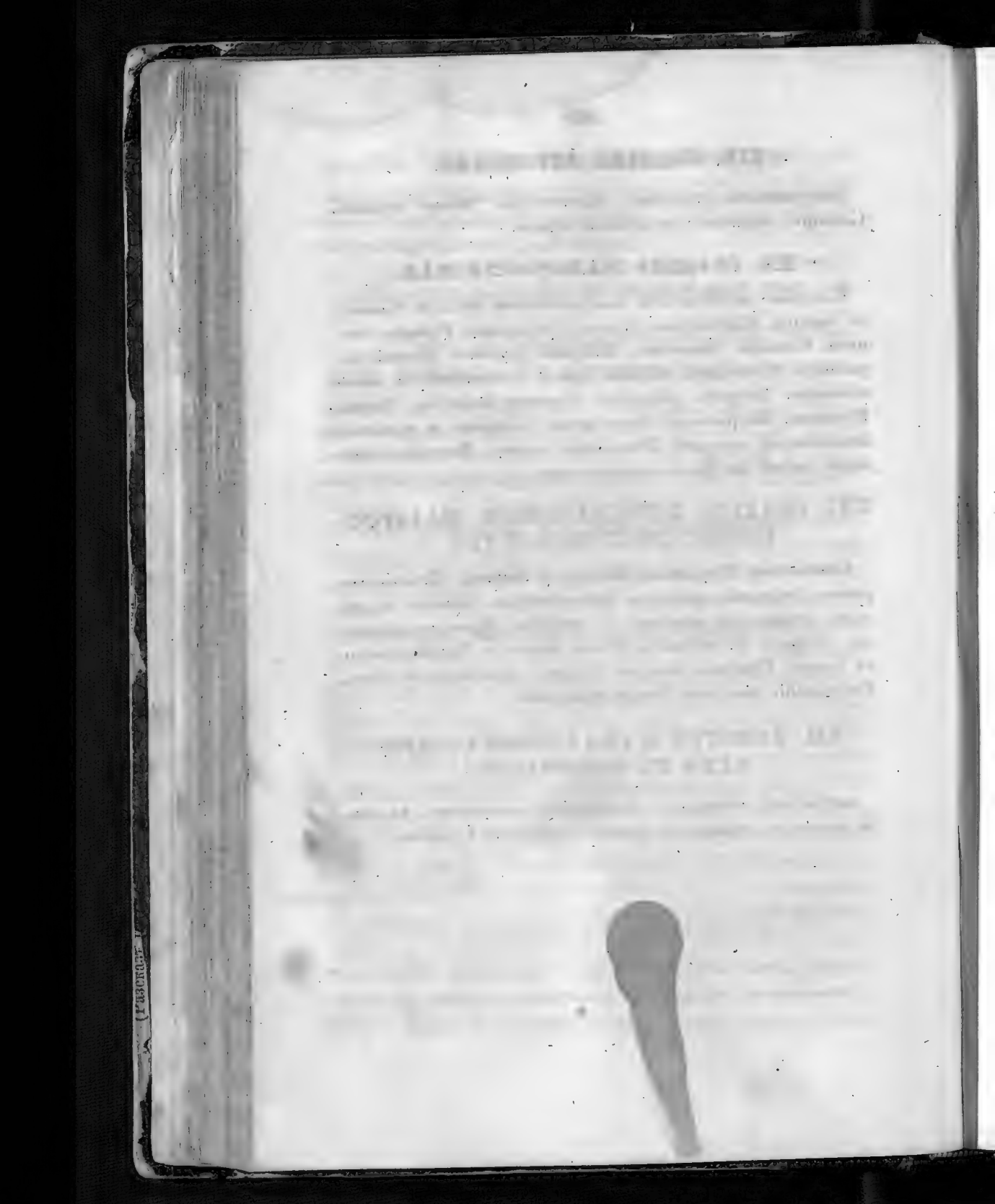
Свѣдѣніе иноземца объ малороссійской свадьбѣ. Свойство веселья. Сватовство. Похвала молодымъ. Приходъ жениха. Сговоръ. Пированіе. Избраніе дружекъ. Печеніе короваевъ. Дѣвичникъ. Обрядъ предъ вѣнчаніемъ и послѣ вѣнчанія. Встрѣча молодаго. Продажа невѣсты. Танцы. Кушанье. Покрываніе. Провожаніе молодыхъ и радость о благополучіи молодой. Покровеніе головы. Веселіе свадебныхъ гостей въ продолженіи недѣли.

XXI. СВАДЬБА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ МАЛОРОССІЯНЪ, САРАТОВСКОЙ ГУБ.

Сватовство, Пированье. Вечеръ у жениха. Печеніе коровая. Собираніе дружекъ. Благословеніе. Сажаніе на посадѣ. Отправленіе молодаго къ невѣстѣ. Молодые на посадѣ. Обрядъ до вѣнчанія. Послѣ вѣнчанія. Пріемъ молодого тещею. Покупка молодой. Сажаніе молодыхъ за столъ. Покрываніе молодой. Отвозъ приданаго.

XII. ЗАМѢТКИ О СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ:

калужской, пермской, енисейской, эстляндской, въ землѣ донскихъ казаковъ и между уральскими казаками.



VII. ИЗМѢНЕНІЕ СВАДЬБЪ.

Обрядъ свадьбъ боярскихъ, дворянъ и простого званія, былъ весьма долгое время единообразно общій, и отличался только пышностію поѣзда и *княженецкимъ пиромъ*; свадебное же веселіе заключалось болѣе въ однихъ угощеніяхъ, ибо ни танцевъ, ни музыки тогда не знали еще. Не ранѣе половины XVII в. появились музыкальныя забавы, и то при дворѣ. Правда въ половинѣ XVI вѣка встрѣчаются гусельники и гудочники; но они веселили простой народъ по праздникамъ. Когда Петръ I. ввелъ, почти во всѣ забавы музыку, тогда она появилась на свадьбахъ. — Въ царствованіе Елисаветы измѣнились свадьбы еще болѣе, а нынѣ дворянство и простое сословіе отправляетъ ихъ совершенно отдѣльно. Дворянство, особенно живущее въ столицахъ и большихъ городахъ, заимствуя иностранныя обыкновенія, отчуждалось отъ своихъ отечественныхъ, и тогда уже названія дружекъ, сватовъ, свахъ, князя и княгини, уже исчезли. Вмѣсто дружекъ ввелись шаферы. Вѣнчаніе сопровождается пышнымъ поѣздомъ, а свадьба замѣняется нерѣдко бальною музыкою и роскошнымъ вечернимъ угощеніемъ. Тутъ все пирующее пьетъ шампанское за здоровье молодыхъ, съ провозглашеніемъ имъ

Вышедшіе изъ обычая многіе обряды.

счастія на многія лѣта. Музыка отвѣчаетъ на поздравительное провозглашеніе тушемъ, и послѣ угощенія разъѣзжаются гости. — Всѣ роды танцовъ втѣснились въ брачное веселіе. Польской занялъ первое мѣсто. Коровай, перепечь, жареный пѣтухъ, уже считаются простонародными. Коровай замѣнили сахарными хлѣбами, украшаемыми цвѣтами и плодами. Варенья, конфекты и шоколадъ, вытѣснили медовые напитки. Хожденіе молодыхъ въ баню и кушанье каши въ постели, совсѣмъ изгнаны изъ употребленія. — Благословеніе молодыхъ иконою и хлѣбомъ солью, посаженымъ отцемъ и матерью, еще въ употребленіи. — Посыпаніе хмѣлемъ и деньгами, опахиваніе соболями, спаніе въ холодной комнатѣ на ржаныхъ снопахъ, обереганіе новобрачной спальни дружкою, который цѣлую ночь ѣздилъ верхомъ на лошадѣ съ обнаженной саблею, забыто во многихъ мѣстахъ. Раздѣваніе молодой въ спальнѣ, въ присутствіи посаженой матери и нѣкоторыхъ подругъ, еще продолжается. Въ наше время уже считается неприличнымъ, чтобы давать и свадебные пиры, называя это *купеческимъ разгуломъ*. По торжественномъ вѣнчаніи съѣзжаются гости, какъ говорится, на одну чашку чая и потомъ разъѣзжаются. Это однако введено въ недавное только время. Въ хорошемъ обществѣ избѣгаютъ утомительныхъ свадебныхъ веселій, и уже отъ воли молодыхъ, чтобы, въ замѣнъ свадебнаго пира, дать балъ или обѣденный столъ, спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы. Дѣвичникъ, расплетаніе и заплетаніе косы, сопровождаемыя пѣніемъ пѣсенъ, еще въ употребленіи въ простомъ сословіи. Надѣваніе кики съ фатою, замѣнено, между дворянами, убираніемъ головы цвѣтами и вѣнками, и особымъ подвѣнечнымъ покрываломъ, а вмѣсто цвѣтнаго платья, въ которое произвольно одѣвали молодую, нынѣ наряжаютъ въ бѣлое,

и весь нарядъ бѣлый, отъ головы до ногъ. Подруги молодой одѣваются тоже въ бѣлое платье, а голову украшаютъ цвѣтами. Женихъ, если онъ военный, бываетъ въ своей формѣ; гражданскіе же одѣваются по общепринятому обыкновенію. Самое заплетаніе косы и уборка головы, производится парикмахеромъ, за нѣсколько часовъ до свадьбы, которая теперь по большей части происходитъ вечеромъ. — Вѣнчаніе днемъ бываетъ весьма рѣдко, даже между купеческимъ сословіемъ.—Въ Петербургѣ обѣды и пиры свадебные часто приготовляютъ по заказамъ.

Вообще, едва остались слѣды прежнихъ свадьбъ между дворянствомъ, и должно сказать къ чести купеческаго сословія, особенно простаго, что оно бережетъ еще преданія старины.

Выраженіе свадебныхъ пѣсней.

Простонародныя свадьбы и свадебныя пѣсни, проникнутыя сердечными изліяніями чувствъ, выражаютъ дѣйствіе семейной радости или печальной разлуки. Тутъ каждое дѣйствіе запечатлѣно особыми припѣвами и причитаніями. Сговоръ, дѣвичникъ, расплетаніе косы, одѣваніе и пр. напоминаютъ каждой дѣвушкѣ будущую обязанность жены и хозяйки, счастливую и несчастливую ея жизнь, горесть и радость; однимъ словомъ: ей напоминаютъ, въ жалобныхъ пѣсняхъ, потерю счастливаго ея состоянія, когда она бывало лелѣялась подъ крыломъ нѣжной матери; оставленіе ею родимаго дома, отъѣзда въ дальнюю сторону, которая въ нашихъ пѣсняхъ называется *чужою*, ибо въ старину, оставить родительскій домъ, значило жить на чужой сторонѣ,—все это было для невѣсты не свое, не родное. Самый женихъ, который въ свадебныхъ и хороводныхъ пѣсняхъ величается *соболемъ* а невѣста *черною кунью* или *куницею*, былъ для нее *сужденой* или *суженой*, потому что онъ назначался родителями. Тогда же вошло въ пословицу: *суженаго конемъ не объѣдешь*, ибо

кого избирали родители, тотъ былъ для нее уже не однимъ суженымъ, но и назначеннымъ судьбою, и невѣста не могла думать иначе, говоря: *такова моя судьба!* Самый обрядъ вѣнчанія, назывался въ старину *Божіимъ судомъ*. Это видно изъ самыхъ свадебныхъ пѣсней, наприм.:

Ивановъ конь рѣзовъ, (рѣзвой)
Машеньку везетъ,
Ко Божьему суду,
Ко златому вѣнцу

Или:

Я возьму тебя по праву руку,
Поведу тебя къ суду Божьему,
Къ суду Божьему, къ златому вѣнцу,
Отъ злата вѣнца къ себѣ на дворъ.

Иные думаютъ, что *куничное* и *куница*, употребляемыя въ старинныхъ свадебныхъ пѣсняхъ, происходитъ отъ корманскаго слова *копа* или *кипа*, означающее женщину. Но по чему куничное или куница обращено въ символическое значеніе женщины?—не объяснено словопроизводителями. Имъ хотѣлось только показать, что они знаютъ норманское слово *копа*, не имѣющаго никакого смысла съ куничнымъ. У Литовцевъ и даже во всей Европѣ было долгое время извѣстно cunagium, и оно означало окупъ за дѣвицу. Послѣднее значеніе болѣе всего ближе къ той истинѣ, что за невѣстъ платили прежде, а это значило, что ихъ пріобрѣтали покупкою. У насъ было въ обычаи, еще въ началѣ X. вѣка, что каждый молодой вносилъ подать за свою невѣсту *по черной куни*, и это дѣлалось имъ для того, чтобы освободить новобрачную проводить первую ночъ съ своимъ господиномъ, слѣдовательно куничное или

или куница, означало окупъ за невѣсту.—Въ Литвѣ и Малороссіи былъ обычай наказывать дѣвицъ, нарушившихъ цѣломудріе: ихъ сажали при дверяхъ приходской церкви на желѣзной цѣпи. Эти цѣпи въ Литвѣ назывались *куницами* и *купами*, а въ Малороссіи *кандалами*,— но и этотъ обрядъ съ значеніемъ куничнымъ, никакого не имѣетъ сходства.

Самыя древнія свадебныя пѣсни, какія дошли до насъ, суть не ранѣе XVII вѣка, покрайней мѣрѣ древнѣе ихъ не знаемъ. Упоминаемыя въ нихъ *ладо*, *туръ* и *лели*, обращенныя потомъ въ *люли*, суть припѣвы а не имена языческихъ славянскихъ божествъ, какъ многіе объ этомъ думали, и доселѣ утверждаютъ нѣкоторые приверженцы старинныхъ припѣвовъ.

Обрядъ простонародной свадьбы до конца XVIII в.

Простонародныя свадьбы совершались до конца XVIII в., почти какъ въ старину (*). На канунѣ вѣнчанія приглашался въ домъ жениха семи или шестилѣтній мальчикъ, для укладки вещей въ ларчикъ, купленныхъ для невѣсты, и въ тотъ же вечеръ женихъ отвозилъ ей подарокъ, который состоялъ изъ башмаковъ, серегъ, опахала, пряжки, бѣлилъ, румянъ, перчатокъ, иголокъ, нитокъ и ножницъ. Въ тотъ самой день готовили баню для жениха и невѣсты: они ходили отдѣльно съ своими знакомыми, послѣдніе разглашали о предстоящей свадьбы. Отъ хожденія молодыхъ въ баню, вошло въ поговорку: *по рукамъ да въ баню*.—

(*) Это потверждается, кромѣ приведенныхъ примѣровъ изъ Кошихина, Петрея и Олеарія, еще иностранными самовидцами XVIII вѣка: Philips: The Russian cathechism, изд. 1725 г; King: The rite and ceremonies of the greck church in Russia, с. 228–252.—

При празднованіи дѣвичника, садился женихъ съ невѣстою на мохнатой шубѣ, для изгнанія чаръ и порчи.—На другой день, предъ поѣздомъ въ церковь, тотъ же мальчикъ или братъ съ невѣстиной стороны, обувалъ невѣсту въ башмаки и продавалъ ея косу за гривну золотую. Чѣмъ дороже она продавалась, тѣмъ болѣе было чести для невѣсты. Косу хранили родные, а иногда сама невѣста, которая, при видѣ своей косы, всегда вспоминала о дѣвической своей радости съ горькими слезами. Разстаться дѣвушкѣ съ косою, значило разстаться съ своей свободою.

Передъ поѣздомъ въ церковь, садился женихъ съ невѣстою рядомъ, на какой либо мѣхъ; свахи чесали имъ головы, обмакивая гребень въ медъ или въ вино, которое держалъ нарочный въ ковшѣ. — Потомъ осыпали ихъ осыпаломъ, т: е: деньгами, хмѣлемъ и зернистымъ хлѣбомъ; тутъ бывали брачныя свѣчи, вѣсомъ иногда по пуду; ихъ зажигали богоявленской свѣчою. Въ церковь возили съ собою вино въ скляницѣ, которое священникъ давалъ пить жениху и невѣстѣ; за третьимъ разомъ женихъ разбивалъ скляницу объ полъ, и топталъ ее ногою.—Въ церквѣ, во время вѣнчанія, подстилали молодымъ подъ ноги камку или коверъ, а по верхъ ихъ соболи, куницы или другой какой либо мѣхъ. Послѣ вѣнчанія молодой долженъ былъ взять за руку свою молодую, и весть ее къ иконамъ, не опуская ея руки, иначе вѣчное будутъ между ними несогласіе. — Если при вѣнчаніи не надѣвали вѣнца на голову невѣсты, по причинѣ ея головнаго убора, или кто либо изъ дружекъ только держалъ вѣнецъ надъ ея головою; то замѣчали, что тотъ бракъ будетъ несчастливъ, и жена непремѣнно будетъ имѣть многихъ мужей и любовниковъ. Кто же изъ молодыхъ первымъ ступалъ на коверъ, подстилаемый подъ ноги,

тотъ будетъ имѣть власть во всемъ домѣ. — Поэтому предразсудку каждый изъ молодыхъ старался стать прежде на коверъ, и безъ ссоры выходила ссора.

При входѣ невѣсты въ домъ жениха, ея встрѣчали тесть и теща съ благословеніемъ и хлѣбомъ — солью. Она же съ своимъ молодымъ падала имъ въ ноги, три раза; ихъ столько же разъ поднимали, и потомъ сажали на почетное мѣсто и угощали. Гости пѣли радостныя пѣсни, величали княземъ и княгинею. Послѣ шумной веселости, раздавались иногда нескромыя пѣсни.

Городъ Торопецъ (псковской губ.), кажется отличался особымъ нарушеніемъ приличія. — Тамъ женихъ и всѣ его домашніе нарочно приглашали дѣвокъ, чтобы встрѣтить невѣсту, когда она входила въ домъ жениха такимъ образомъ: дѣвки, стоя на крылцѣ, привѣтствовали ее: *намъ чилъ бы Василисчишка, во трехъ шубахъ! Ажно она беремена. Ты несешъ ли люлечку? ты ведешъ ли нянечку? оглянись-ко ты назадъ, полюбовники стоятъ, да по грамоткѣ держатъ* (*).

Новобрачныхъ вводили въ свадебную комнату при пѣніи; ихъ сажали подъ образами за дубовымъ столомъ, покрытымъ браными скатертями (**); послѣ почивали ихъ медомъ и перепечью; гости предавались во весь день веселостямъ и угощались, дружкою и свахою. Потомъ открывали обѣденный столъ, на коемъ, между многими хлѣбами, калачами, перепечью, медо-

(*) Чулков. Абевега русск. суевѣр., с. 46, изд. 1786 г.

(**) *Браными* значило хорошо убранными или украшенными искусной работою, которыми застилались столы въ большіе праздники и радостные дни, (свадьбы).

выми и слоеными пирогами, стоялъ богатый коровай. Когда подавали на столъ жаркое, тогда дружка, обвернувъ блюдо съ жаркимъ, калачемъ и солонкою, верхней скатертью, относилъ въ сѣнникъ и ставилъ на столѣ у постели. По разрѣзываніи коровая, подносили первый кусокъ молодымъ съ чаркою вина, и потомъ уводили ихъ въ холодный сѣнникъ. Пирующіе оставались въ свадебной комнатѣ, и продолжали пѣть и плясать подъ звукъ трубъ и бубенъ, а иногда органовъ и волынки, до самаго разсвѣта.

У головахъ постели ставили брачныя свѣчи, воткнувъ ихъ въ кадь съ пшеницею, которую не снимали въ продолженіи всего года. — Сѣнникъ приготовлялся съ особыми обрядами: по всѣмъ четыремъ стѣнамъ покоя вѣшали образа, а въ головахъ постели, надъ окнами и дверьми, ставили *по воздвизальному* кресту; по четыремъ угламъ втыкали по стрѣлѣ, на ней по соболю или куницѣ; недостаточные же вѣшали простые мѣха и втыкали по калачу; на лавкахъ разставляли по угламъ оловянники съ медомъ.—

Отецъ посаженый сдавалъ повобрачную въ дверяхъ сѣнника, нареченному ея мужу, и говорилъ: *иди на дѣло благословенное.*

Молодой садился на постель, а молодая снимала съ него сапогъ; въ то время онъ билъ ее три раза по спинѣ плетью. — Тысяцкая, надѣвъ на себя двѣ шубы, одну какъ должно, а другую на выворотъ, осыпала молодыхъ осыпаломъ и кормила ихъ жаркимъ на постелѣ. Во всю ночь ѣздилъ дружка на копѣ, около сѣнника, съ обнаженной саблею. По утру приходили свахи, тысяцкая и дружка, чтобы разбудить молодыхъ, и поднимали одѣяло стрѣлою. Въ случаѣ нецѣломудрія невѣсты, тогда подносили ея матерѣ стаканъ со скважиною, наполненный пивомъ или медомъ. Ко-

гда мать брала стаканъ въ руки, тогда питье текло чрезъ скважину, которую сваха, прижавъ пальцемъ, скрывала отъ всѣхъ. . . . . Благополучныхъ молодыхъ водили въ мыльню; послѣ ихъ кормили въ постелѣ кашею; молодая дарила своихъ гостей платочками, лептами, полотенцами и плодами. — Когда молодой находился съ своею женою въ мыльнѣ, тогда теща присылала ему новое платье въ подарокъ. — Родные новобрачныхъ дѣлали отъ ихъ имени обѣдъ для знакомыхъ, которые взаимно угощали ихъ, и такимъ образомъ протекала вся недѣля на *радостяхъ*. — Первый мѣсяцъ новобрачныхъ именовался *медовымъ*, и это названіе произошло отъ того, что молодыхъ подчивали однимъ медомъ, угощали и веселили ихъ. Въ наше время первый мѣсяцъ молодыхъ принятъ въ превратномъ смыслѣ, — а потому любятъ поговорить на ихъ щетъ. —

VIII. ОЧЕРКЪ НЫНѢШНИХЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

Разнообразіе свадьбъ.

Невозможно начертить однообразнаго отправленія простонародныхъ свадьбъ, потому что онѣ не только чрезмѣрно различныя, но перемѣнчивыя, и это зависитъ отъ мѣстныхъ привычекъ и образа жизни. Самыя пѣсни, употребляемыя при сватаньи, сговорахъ, выходѣ замужъ, женитьбѣ, осыпаніи невѣстъ, подаркахъ, прощаніи съ родителями и. т. п., не вездѣ поются одинаково; но повсюду главныя дѣйствующія лица: свахи, сваты и дружка. Ими затѣвается *доброе дѣло*, и ими оно оканчивается. Безъ нихъ нельзя обойтись ни невѣстѣ, ни жениху.

Чтобы познакомить нѣсколько съ общимъ духомъ *радостей*, я почелъ неизлишнимъ слить ихъ въ представляемомъ здѣсь образцѣ, который отнюдь не касается отдѣльной какой либо мѣстности, или какаго нибудь края; но выражаетъ общую мысль нынѣшнихъ отправленій. Такое предварительное ознакомленіе, казалось мнѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что я видѣлъ повсюду разнообразіе. Безъ общаго взгляда нельзя обнять вдругъ многоразличныхъ свадьбъ, хотя

въ сущности и значеніи одинаковыхъ, однако при совершеніи не сходныхъ.

Лучшая пора для свадьбъ бываетъ осенью, послѣ спятія хлѣба, и зимою. Тогда въ деревняхъ и городахъ веселіе. Молодые обоего пола забавляются не однѣми играми и не въ однихъ играхъ ищутъ своей радости, но въ сердечныхъ признаніяхъ. Они какъ бы не любили другъ друга, по безъ согласія родителей не могутъ приступить къ важному дѣлу. — Родители, замѣтивъ взаимо любящихся, долгое время ничего не говорятъ имъ, будто бы ничего не знаютъ: они ожидаютъ или ихъ признанія или обрядныхъ дѣйствій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда со стороны кого либо предвидится затрудненіе. —

Сватанье. Сватъ или сваха берутъ на себя покончить дѣло. Если сваха отправляется за *добрымъ дѣломъ*, такъ зазывается сватанье, то обыкновенно со стороны дѣвушки. Нарядившись какъ можно по лучше, она является въ домъ жениха съ поклономъ. Ставъ въ порогахъ, она молится образамъ, потомъ кланяется хозяину, хозяйкѣ и ея сыну, а наконецъ во всѣ четыре стороны. Они давно знаютъ за чемъ пришла сваха, потому просятъ ее садиться и распрашиваютъ ее: откуда идетъ? съ далека ли? — Изъ далека, отвѣчаетъ она родимые мои; дороженека трудная и я крѣпко поустала. Зная напредки, что вы добрые люди, зашла къ вамъ обогрѣтися. Не прогнѣвайтесь, безъ дѣла мнѣ бы не итти. Я шла одинохенька, по черному лѣсу; тутъ бѣжалъ соболь и мнѣ дороженьку перебѣжалъ, и по той тропинкѣ, къ вашей избушкѣ, довелъ меня. Иду со сторонушки дальной, не родной; но отъ родимыхъ красной дѣвицы. Изнываетъ ее сердечушко по добромъ молодцѣ; она сохнетъ въ одиночествѣ, будто травка на горючемъ пескѣ. Полюбила красная душа—дѣвица,

дѣтинушку: и не милъ ей Божій свѣтъ! Хоть, жалѣй, сударь, не жалѣй, отвѣтъ то надобно держать.— Женихъ краснѣетъ, на него посматриваетъ сваха и продолжаетъ: кормилецъ мой, батюшка! не кидается дѣвица на цвѣтное платье, кидается дѣвица на яснаго сокола. Ты охочъ, умная головушка, дѣвушекъ сманивати; скажи, охочъ ли дѣвицу дарить, не рублемъ, не полтиною, а своимъ дорогимъ словцомъ? Ты скажи, на что прельстился? съ кѣмъ тебѣ вѣкъ вѣковать? Я порадуюсь радостью подлѣ суженаго, подлѣ суженаго, подлѣ ряженаго, съ родимою матушкою, съ родимымъ батюшкою. Если женихъ не отвѣчаетъ, то мать его говоритъ: дитя мое, дитятко, дитя милое! не напрасно ты расчесывалъ свои кудри черныя, передъ зеркальцемъ хрустальнымъ! Не напрасно умывался ранешенько, ключевой холодною водицей! Станетъ ли ихъ завивати красная дѣвица, аль нѣтъ, совѣтъ да любовь надобенъ тебѣ. Развиваются кудри отъ тоски и отъ кручинушки, отъ веселья и отъ радости. Тебѣ съ суженою не часъ часовати, ни годъ годовати, тебѣ красную дѣвицу не вспоминати, а вѣкъ съ нею вѣковати; вѣковати съ женою.—Сынъ отвѣчаетъ: ужъ про то благословеніе Божіе, да ваше, батюшка и маутшка, чтобы вѣнцы золотые положити.

Послѣ простодушныхъ съ обѣихъ сторонъ разговоровъ, подносятъ свахѣ чарочку зеленаго, съ честью и любовью. Пьютъ за здоровье другъ друга, и когда сойдутся между собою въ условіяхъ на бракосочетаніе и самое приданое; тогда отецъ и мать избираютъ съ своей стороны свата, для окончательныхъ переговоровъ съ родителями невѣсты.

Сватъ одѣвается въ новый армякъ, подпоясывается краснымъ поясомъ, надѣваетъ на голову щегольскую шляпу съ кистью или перомъ павлинымъ; шею обвя-

зываетъ пестрымъ, преимущественно краснымъ платкомъ.—Этотъ нарядъ горожанъ больше и зажиточныхъ деревенскихъ. Онъ отправляется въ домъ *съ посольствомъ*, сначала одинъ. У дверей принимаютъ его какъ незнакомаго; онъ кланяется св. образамъ, потомъ хозяевамъ, а наконецъ во всѣ четыре стороны. Здравствуй хозяинъ съ хозяйкой, начинаетъ онъ говорить первый, съ твоими дѣтьми и твоей красною дѣвицею. Ѣхалъ и заплутался: ночь темная и не мѣсячная; тутъ засвѣтился у васъ во теремѣ огонекъ.—Родимый, отвѣчаетъ хозяинъ, для добрыхъ людей наша избушка,—добро жаловать. Но кто ты батюшка? господинъ баринъ, аль купецъ? товары али какіе везешь, и знать далече.—Сватъ, поглаживая бороду и посматривая на сторону, говоритъ: мы товары развозимъ, батюшка родимый, для праздниковъ радостныхъ, для дѣвицъ суженыхъ. Къ тебѣ мы ѣдимъ не гостить, не праздновать; но пиры подымати. Мы слышали, а про то намъ сказывали добрые люди, у тебя, во высокомъ терему, живетъ красная пригожая. Она то намъ надобна. На то-ль цвѣты растутъ, чтобы вянуть. На то-ль во пиру ряженая, чтобы сердце кручинить?—Невѣста не смѣетъ поднять глазъ, мать молчитъ. Обѣ въ недоумѣніи; не знаютъ что отвѣчать.—Красная дѣвица думаетъ думу съ своей родной матушкой. Смѣлый сватъ, угадывая ихъ робкое молчаніе, продолжаетъ: ростомъ онъ топокъ и высокъ, лицемъ бѣлъ и румянъ; кудри русые по плечамъ лежатъ; брови дугой любовной свились; глаза ясные, соколиные; губы сахарные, поцѣлуйные, жениться велятъ. Не одиночествовать дѣвушкѣ,—съ милымъ дружкомъ ей жить.—Мать отвѣчаетъ: о, сватъ мой, сватушка! весна цвѣтетъ и разцвѣтастъ, по обычаю своему; и красѣ не всегда цвѣсти, и отцвѣтъ ее наступаетъ; не все матушкѣ жити.

съ дочкою, не все ее лелѣяти: намъ написана съ нею разлука, и мнѣ уже ею не любоватися, и не красоватися: ею красоватися доброму молодцу. Дѣвушка всему хорошо выучена: цвѣтики сажать, яблонки поливать, ткать, прясть и золотомъ узорики вышивать; давно лежатъ для ней, въ большихъ сундукахъ: атласы, бархаты, сарафаны самоцвѣтные, съ пуговицами золотными, каменья, жемчуги и крупные зарукавьица; полотна тонкія и дорогія, бѣлы скатерти камчатны; пуховая постель, кисейное изголовьице со алыми бантиками; одѣялицо соболиное и всякаго разнаго цвѣта уборы запасные. — Не надобнѣ намъ, матушка сударыня, отвѣчаетъ сватъ, ни каменьевъ дорогихъ, ни самоцвѣтныхъ платьевъ; надобнѣ намъ сговоръ величати.—Хозяинъ въ это время не принимаетъ участія въ ихъ разговорѣ; онъ только слушаетъ, но видя, что жена соглашается на выдачу дочери замужъ, велитъ подать на столъ калачи, хлѣбъ-соль и подноситъ первую рюмку свату, который, выпивая за здоровье всѣхъ ихъ, желаетъ невѣстѣ счастія и *богатества*. Потомъ, поговоривъ о сговорѣ, назначаютъ время бракосочетанію.—Дѣвица—невѣста сидитъ и ничего не говоритъ; она уже знаетъ своего суженаго, или, если не знаетъ, то должна повиноваться волѣ родителей, которые сами избираютъ ей мужа. Однако, нынѣ и въ деревняхъ дѣвушки сами избираютъ себѣ женихов.

Сговоръ. Послѣ взаимныхъ соглашеній къ свадебному приготовленію, молодые обсылаютъ другъ друга подарками. Невѣста посылаетъ своему жениху шитую ширинку, разными шелковыми узорами, а женихъ ларчикъ съ лентами, иголками и нитками, иногда съ сурмомъ (румянами), бѣлилми и шелковою плетькою. Или женихъ въ сопровожденіи свата, дружки и другихъ сво-

ихъ знакомыхъ, ѣдетъ къ невѣстѣ и самъ даритъ свою суженую и ея родателей золотой парчею: эти подарки по ихъ сердцу, и тогда теща ласковая и тесть поклонистый, ибо суженая-ряженая запоручена за поруки крѣпкія, вѣковыя. Родные жениха съѣзжаются въ домъ невѣсты, и поруки довершаются сговоромъ полюбовнымъ. Свахи и сваты, участвующіе здѣсь, усаживаютъ всѣхъ за дубовые столы, крытые бѣлымъ полотномъ; ставятъ на столы яства медовыя, пряженыя, перепечи, калачи, хлѣбы пшеничные, пироги съ начинкой; сыту, медъ, вино разноцвѣтное: зеленое, травяное съ кардамономъ, шафраномъ, гвоздикою, съ перцемъ, корицею и пряники медовые и орѣхи каленые. — Гостепріимство увеличиваетъ общую радость. Женихъ съ невѣстой сидятъ рядомъ. Чарка круговая ухаживаетъ гостей, а молодые посматриваютъ другъ на друга.

Сговоръ часто превращается въ свадебное веселье. Тамъ сваха и сваты хвалятъ богатое приданое, и поютъ пѣсни сговорныя въ честь молодыхъ и родителей. При пѣніи произносятъ имена тѣхъ, кому поютъ.

Не тесанъ теремъ, не тесанъ,
Только хорошо украшенъ,
Разными красками разцвѣченъ.
Не ученъ Лука, не ученъ Ивановичь,
Только хорошо снаряженъ.
Снаряжала его матушка,
Отпущала въ гости къ тещенькѣ.

Зеленъ сосенька желтый цвѣтъ!
Почто тебя Лука дома нѣтъ?
Почто тебя Ивановичъ дома нѣтъ?
Ждала я тебя день, ждала другой,
Не бывалъ! — Писала бы письмо, не умѣю.

Послала бъ посла, не смѣю.
Сама бъ я пошла, стыжуся;
Роднова батюшки боюся,
И родной матушки.

Ты зоря ль моя, зорюшка,
Ты душа ль моя Прасковьюшка,
Ты душа ль моя Андреевна,
Городомъ пришла зарею,
Ко двору пришла тучею,
Вдарила въ ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,
Сама поплыла уткою,
На крыльцо взошла павою,
Во новы сѣни лебедемъ,
Садилась за столомъ съ молодцомъ,
Махнула платкомъ во теремъ. —

Вы раздайтеся бояре,
Разступитеся дворяне!
Чѣмъ меня батюшка жалуетъ?
Не большимъ даромъ,—теремомъ.
Чѣмъ меня матушка жалуетъ?
Вѣдь большимъ — женихомъ.
Вѣковымъ дружкомъ Лукой,
Вѣковымъ дружкомъ Ивановичемъ.

Пѣніе сговорныхъ пѣсенъ сопровождается иногда пирующими гостями. Воспѣвая любовь двухъ молодыхъ, касаются часто, какъ сначала полюбились молодые.

Не ходить было Прасковьюшкѣ,
Не ходить было Андреевнѣ,
На широкій дворъ гулять,
Въ хороводы играть.

Не смотрѣть было Прасковьюшкѣ,
Не смотрѣть было Андресвѣ
На молодыхъ молодцовъ,
На молодыхъ изнаряженыхъ.
Приглянулся Прасковьюшкѣ.
Приглянулся душѣ Андресвѣ.
Молодой молодецъ,
Молодой изнаряженой
Лука сударь Иваповичъ,
Не хочетъ съ нимъ растатися,
Но хочетъ насъ оставити, —
Позабывши батюшку и матушку.

Женихъ боится, чтобы не вывели его любовныхъ похожденій, обыкновенно превращаемыхъ въ иносказанія.

Лесталъ соловьюшка
По зеленому по кустарничку,
По чистому по березничку;
Залесталъ соловьюшка
На вѣточку, не вѣдаючи.
Ужъ та-ль вѣточка примапчивая,
Ужъ та-ль зеленая прилюбчивая,
Соловью показалася,
Громкому понравилася,
Не хочетъ съ ней и разстатися.

Гулялъ Лука господинъ,
Лука сударь Иваповичь
По чистому полю, по зеленому,
По зеленому по широкому.
Загулялъ, господинъ Лука,
Лука сударь Иваповичь,
Къ Ефиму въ домъ не знаючи,
Къ Гавриловичу не прошучи,
Смотрѣлъ на дѣвицу красную

Прасковьюшку душу Андреевну.
Ужъ опа-ль, свѣтъ Андреевна,
Хороша, пригожа уродилася,
Не можетъ съ ней разстатися,
А хочетъ съ ней обвѣнчатися.

Хваля прелести, красоту и доброту невѣсты, не забываютъ напомнить ея отцу, что гости не даромъ къ нему собрались: гости ряженые, въ бархатныхъ кафтанахъ и золоченныхъ сарафанахъ, съ поѣздомъ большимъ и конями многими.

У Андрея Петровича
Новыя сѣни разрѣшетилися,
Новыя крылечки понавѣсилися.
Что изъ тѣхъ ли, изъ новыхъ сѣней
Вылетала пташечка, перепелочка,
Перепелочка, свѣтъ Прасковьюшка,
Златокрылая Андреевна.
Какъ на встрѣчу ей идетъ
Батюшка родимой,
Андрей Петровичъ;
Идетъ, самъ приговариваетъ:
Ты зачѣмъ рано вонъ вылетаешь?
Вонъ вылетаешь изъ высокаго терема,
Изъ высокаго терема, изъ косящета окошечка!

Отвѣтъ держитъ Прасковьюшка,
Свѣтъ Андреевна:

Не сама я вылетаю,
Не своею я охотою:
Выдаетъ меня, сударь, батюшка,
Снаряжаетъ родна матушка,
Къ чужому отцу, къ матери,
Къ чужому роду, племени.

Всякій сговоръ, есть начало свадьбы. Послѣ него молодые имѣютъ право видѣться между собою чаще. На сговорѣ, или какъ въ другихъ мѣстахъ называютъ на *помолвкѣ*, надобно всѣмъ веселиться, чтобы не приключились несчастія молодымъ, а потому сваха и сваты не жалѣютъ ни яствъ, ни кушанья: то и дѣло что подчиваютъ.

Когда сговоръ кончился весело и благополучно, тогда составляются *поѣзжанные* и разъѣзды.—Сваха и сватъ съ своими дружками, ѣздятъ по сосѣдамъ просить ихъ на *радость великую*, и рѣдкій домъ, который выпуститъ ихъ не угостивши. — Чаще случается, что самъ женихъ, въ сопровожденіи дружки, тысяцкаго и бояръ, ѣздитъ просить на свадьбу. Онъ обыкновенно бываетъ одѣтъ въ новое платье; шапка его перевивается разноцвѣтной лентою, а у прочихъ на шапкѣ ленточный цвѣточекъ или прикаливаютъ просто ленты, которыя раздаются со стороны жениха. Также поступаетъ невѣста : она съ своими дружками, тысяцкою и боярынями разъѣзжаетъ по знакомымъ въ нарядной одеждѣ и проситъ ихъ на празднество : ее дарятъ, кто чѣмъ богатъ, и угощаютъ медомъ и водочкою. Онѣ ѣздятъ на повозкахъ, которыя бываютъ разрисованы разными красками : зеленою, голубою, синею и красною; сбруя лошадей вычищенная, или новая. — Сопутствующіе въ поѣздѣ невѣсты и жениха, называются *поѣзжанными*. Въ дружки избираются лучшіе друзья и пріятели жениха ; тысяцкіе и бояры составляютъ свиту молодыхъ : чѣмъ она многочисленнѣе, тѣмъ болѣе чести и уваженія для молодыхъ. — Хотя вся деревня или городъ знаютъ про свадьбу, но никто не явится на нее безъ приглашенія : такъ заведено испоконь вѣка. — Къ празднеству приглашаютъ, смотря по состоянію, гудочниковъ, скрипача, литаврщиковъ

Поѣзжанные.

съ бубнами и басомъ. О, тогда веселіе неумолкаемое: скачутъ и пляшутъ до упаду, кто какъ гораздъ.

По приглашеніи сосѣдовъ, готовится со стороны жениха свадебный пиръ, а со стороны невѣсты приготовляютъ приданое. Подруги собираются къ невѣстѣ, чтобы укладывать въ сундуки ея приданое, и поютъ:

Яблочко въ саду ростетъ,
Наливное на вѣточкѣ.
А кто-жъ у насъ яблочко?
А кто-жъ у насъ наливное?

Ой ляли, ляли,
Наливное яблочко!

Яблочко Прасковьюшка,
Ой свѣтъ Андреевна!
Какъ за Прасковьюшкой батюшка
Дастъ приданаго:
Гусака чубараго,
Да и гусыню сѣрую,
Да и коня съ конюшни,
Да и село съ помѣстьями.
Государь ты, мой батюшка!
Какъ гусакъ ѣда моя,
Какъ конь гульба моя,

Ой ляли, ляли,
Село со помѣстьями!

Дѣвичникъ.

Не рѣдко въ тотъ самый день бываетъ дѣвичникъ, который всегда совершается вечеромъ, на канунѣ свадьбы. Какъ при свадебныхъ обрядахъ, такъ и на дѣвичникѣ поются особыя пѣсни и причитанія, выражающія разставаніе невѣсты съ своей свободою. — Дѣвушки собираются въ избу невѣсты, въ парядныхъ

платьяхъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, нечувствительно завязывается разговоръ о предстоящемъ праздникѣ.—Если замѣчаютъ, что невѣста печальная или уже въ слезахъ; то стараются утѣшить ее: уговариваютъ и ласкаютъ. Потомъ разсматриваютъ ея уборы, примѣряютъ къ ней и хвалятъ ихъ. Когда смеркнется, тогда зажигаютъ нѣсколько свѣчей и ставятъ ихъ на столѣ, покрытомъ браною скатертью; послѣ приносятъ хлѣбъ-соль и коровай. Хлѣбомъ солью напоминаютъ, что отецъ и мать давно ее благословили на *доброе дѣло*, а короваемъ, что свадьба уже готовая.—Невѣсту сажаютъ на возвышенное мѣсто; подруги дѣлаютъ около нея кругъ; одна изъ нихъ, избранная *въ причитальщицы*, для произношенія припѣвовъ, покрываетъ голову невѣсты фатою, и причитаніями своими напоминаетъ всѣмъ, что *Парасковьюшка* оставляетъ веселый ихъ кругъ, и навсегда растается съ ними и съ дѣвической радостію. Невѣста и подруга плачутъ.—Нѣтъ правилъ для дѣвичника: иногда всѣ дѣвушки поютъ причитальную пѣснь, а иногда одна причитальщица, и тогда ей отвѣчаютъ за невѣсту. — Нѣкоторыя изъ пѣсень на дѣвичникъ весьма трогательныя.—Причитальщица поетъ:

Свѣтъ ты, моя волюшка,
Свѣтъ ты, моя пѣгушка,
У родимой матушки!
Куда-то свою волюшку
Мнѣ пустить будетъ?
Пущу я мою волюшку
Во чистое поле,
Во темной лѣсъ.
Во темномъ лѣсѣ она заплутается.
Нѣтъ пущу я мою волюшку,
По милымъ подруженькамъ.
Покрасуйтеся подруженьки,

Покрасуйтеся любезныя,
Поколь вы у батюшки!
Поколь вы у матушки!
А я горькая, горемычная,
Я уже открасовалась,
Отшутила я съ вами
Всѣ шутки шутливыя. —

На слова причитальщицы отвѣчаютъ:

Не кличь, не кличь лебедушка,
Не кличь во полѣ бѣлая!
Не плачь, не тужи Прасковьюшка,
Не плачь, не грусти, душа Андреевна!
По батюшкѣ и по матушкѣ,
По громкомъ соловью во саду!
Какъ свекорь ли батюшка
Къ тебѣ будетъ милостивъ,
Какъ свекровь ли матушка,
Къ тебѣ будетъ милостива.
Лука, сударь Ивановичь
У тебя соловей во саду,
Во высокомъ терему,
Во высокомъ изукрашенномъ.
Денечикъ онъ кричитъ,
И всю ноченьку поетъ.
Тебя ли Прасковьюшку,
Тебя ли свѣтъ Андреевну
Забавляетъ, утѣшаетъ,
Спать долго не мѣшаетъ,
Къ обѣднямъ разбужаетъ.

Разчесываніе косы. По снятіи фаты, разчесываютъ волоса гребнемъ; потомъ одна изъ дѣвушекъ, расплетая косу, поетъ:

Коса моя, косынька,
Коса дорогая,
Русая, золотая!

Дѣвушка, помогающая расплетанію, отвѣчаетъ:

Рано тебя расплетати,
И въ дальній путь,
Въ дальній спаряжати!

Когда расчешутъ голову и приступятъ къ заплетанію косы, тогда невѣста поетъ протяжно и съ плачемъ:

Не жаль мнѣ золота,
Не жаль чистаго серебра,
Жаль одного:
Дѣвичьей красы
Русой косы.

Ей отвѣчаетъ одна изъ подругъ:

Не плачь, не плачь душа Прасковьюшка,
Красныхъ дѣвушекъ не кручини!
Не слези лице бѣлое,
Ученокъ не ломай!
Не вѣкъ намъ дѣвовати,
И волюшку распѣвати.

Расплетаніе косы всегда сопровождается горестными воспоминаніями (*).

(*) Всѣмъ извѣстна пѣснь вдохновеннаго Цыганова, про житье дѣвичье. Всѣмъ извѣстно такъ же, что эта пѣснь содѣлалась народною, потому что въ ней весьма справедливо подмѣчена грусть дѣвушки.

Когда заплетаютъ косу, тогда поютъ:

Свѣтъ ты коса моя, русая;
Свѣтъ ты, мой шелковой косникъ!
Плети ты, моя невѣстушка,
Плети косу мелко на-мелко,
Вяжи узлы крѣпко на—крѣпко!

Заплетаніе косы происходитъ съ изыскапностію: волосокъ подбираютъ къ волоску; переплетаютъ и перевязываютъ осторожно черными шнурочками, потомъ плетутъ въ одинъ рядъ. Въ то время пріѣзжаетъ со стороны женихъ братъ, сваха или кто другой, чтобы купить косу.

Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ.
Не входи родимушка,
По пусту въ изъянъ!
Рано мою косынъку
На двѣ расплетать. —
Прикажи мнѣ русую
Въ ленту убирать!
Пущай не покрытая
Шелковой фатой,
Очи молодецкія
Веселитъ собой!
То ли житье дѣвичье,
Чтобъ его мѣнять,
Торопиться замужьемъ,
Охать да вздыхать?
Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего!
Не хочу я съ волюшкой
Въ свѣтѣ ничего!

«Дитя мое дитятко!
Дочка милая!
Головка побѣдная,
Неразумная!
Не вѣкъ тебѣ пташечкой
Звонкой распѣвать,
Легкокрылой бабочкой
По цвѣтамъ порхать!
Поблекнутъ на щечепькахъ
Маковы цвѣты....
Прискучатъ забавушки,
Стоскуешься ты!
А мы — и при старости
Себя веселимъ:
Младость вспоминаючи,
На дѣтей глядимъ:
И я молодешенька,
Была такова;
И мнѣ тѣ же въ дѣвушкахъ
Пѣлися слова!»

Эта самая пѣсня поется часто на дѣвичникахъ въ самомъ лучшемъ кругѣ Тогда невѣста не пашутку припоминаетъ себѣ, что она навсегда разстается съ дѣвической свободою, и совсѣми заманчивыми ея прелестями.

Братъ невѣсты, котораго мѣсто заступаетъ часто дѣвушка, торгуется съ нимъ за косу. На покупку косы поютъ: Покупка косы.

Не трубушка трубила рано на зарѣ,
Свѣтъ дѣвица плакала по русой косѣ:
Вечеръ мою косыньку перевыли,
И жемчугомъ косыньку унизали,
Какъ Богъ суди Луку Ивановича,
Прислалъ ко мнѣ сваху немилостиву,
Учала мою косыньку рвать, порывати,
И золото съ косыньки обрывати,
И жемчугъ съ русыя разсыпати.

Покупающій косу стоитъ у двери и кланяется; онъ уже идетъ за косою, но дѣвушки останавливаютъ его; невѣста плачетъ и рыдаетъ. Она обращается къ своему брату, умоляетъ его защитить ее и не продавать ее косы, а если продать, то уже продать дорого. Дѣвушки поютъ:

Братецъ постарайся,
Братецъ поломайся!
Не продавай сестру
Ни за рубль, ни за золото.

Братъ поетъ одинъ:

Брату мила сестра,
А золото милѣй.

Всѣ дѣвушки:

Братецъ Татаринъ,
Продалъ сестру за талеръ,
Русу косу за полтину.

Въ червоной Россіи поютъ:

Ой Татаръ братчикъ, Татаръ,
Продавъ сестру за таларъ,
Русу косу за шостакъ,
Было лычко за такій такъ. —
Видсунься брате видъ сестры,
Сяде ближнійшій никлы ты.

Выдача невѣсты. Купившій косу, подходитъ къ невѣстѣ, беретъ ее за косу, а въ знакъ того, что она уже продана, кладетъ деньги на столъ, а братъ выдаетъ свою сестру.

Какъ вечоръ канарейка
Да громко щекотала,
По утру рано
Не слыхать ее стало,
Щекотать перестала.
Знать, что къ нашей канарейкѣ
Соколы прилетали
И съ собой ее взяли,
Соколу въ руки дали,
Молодому вручали:
Ты владѣй, владѣй соколъ,
Нашей канареечкой;
Не давай ее въ обиду
Ты ни ласточкамъ, ни касаточкамъ,
Ни молоденькимъ пташечкамъ.
Да вечоръ, свѣтъ Прасковьюшка,
Да громко говорила;
По утру ли рано,
Не слыхать ее стало,
Говорить перестала.
Знать, что къ нашей Прасковьюшкѣ
Да бояре пріѣзжали
И съ собой ее взяли,
Молодцу въ руки дали,
Молодому вручали:

Ты владѣй, владѣй Лука,
Еще нашей Прасковьюшкой
Андреевной душою.
Не давай ее въ обиду
Ты ни свекрову, ни свекрови,
Ни деверямъ, ни золовушкамъ;
Ты давай выспаться ей
До девятаго часу.

Выносятъ наряды невѣсты и ими любуются. Потомъ сажаютъ ее за дубовый столъ и поютъ коровайную:

Ужъ какъ коровай
Для всей семьи годенъ!
Молодой княгинѣ,
Завтра кушать,
Молодому князю
Да княгиню любить.

Въ иныхъ мѣстахъ есть предубѣжденіе, что если невѣста на канунѣ свадьбы отвѣдаетъ коровай; то мужъ не будетъ любить ея. Послѣ коровайной пѣсни, поютъ еще многія другія, сообразуясь съ духомъ невѣсты: веселая ли она, или печальная? Мать невѣсты угощаетъ дѣвушекъ, и послѣ угощенія онѣ расходятся по домамъ, и на слѣдующій день собираются по утру убирать невѣсту къ вѣнцу.

Одѣваніе предъ вѣнцомъ

Предвѣнечный уборъ сопровождается пѣніемъ пѣсней. Платье молодой обыкновенно бываетъ повое: сарафанъ парчевый, изъ подъ котораго нарочно выказываютъ рукава бѣлой рубашки; башмаки цвѣтные: красные или голубые: на груди монисто изъ кораллковъ красныхъ или бисера разноцвѣтнаго; въ ушахъ серги длинныя съ каменьями, на пальцахъ кольца золотыя; шелкова душегрѣйка по верхъ сарафана, и цвѣ-

ной пестрый платокъ; голова бываетъ перевита цвѣтами. При поѣздѣ къ вѣнцу покрываютъ голову платкомъ. Горожане изъ мѣщанъ и купцовъ, замѣнили сарафаны цвѣтными и длинными платьями, которые вовсе имъ пейдутъ. Нашъ сарафанъ съ кокошникомъ и фатою,— прелестный, восхитительный нарядъ!

Невѣсту сажаютъ предъ зеркаломъ на почетное мѣсто, и одѣваютъ ее. Сколько тогда новыхъ слезъ! Она сидитъ пригорюнившись, а подруги утѣшаютъ. Вотъ она уже одѣтая; она крѣпко призадумалась и спрашиваетъ своего брата: куда ее спаряжаютъ?

Братецъ, мой братецъ,
Куда меня спаряжаютъ?
Въ дальную сторонушку:
Къ чужому отцу,
Къ чужой матери.
Мать моя матушка,
Какъ мнѣ жить на чужой сторонѣ?
Дитя мое, дитятко!
Надо жить
Умѣючи,
Разумѣючи.

Появленіе дружки.

Уже пріѣхалъ дружка объявить, что пора ѣхать къ вѣнцу; но невѣста въ недоумѣніи, спрашиваетъ свою родимую: что значитъ, что въ полѣ пыльно а на дворѣ поѣзжанные?

Матушка, что во полѣ пыльно?
Сударыня, что во полѣ пыльно?
Дитятко, кони разыгрались,
Свѣтъ мое милое, кони разыгрались.
Матушка, на дворъ гости ѣдутъ,
Сударыня, на дворъ гости ѣдутъ.

Дитятко не бойся, не выдамъ;
Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
Матушка, на крылечко гости идутъ,
Сударыня, на крылечко гости идутъ.
Дитятко не бойся, не выдамъ;
Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
Матушка, въ нову горницу идутъ,
Сударыня, въ нову горницу идутъ.
Дитятко не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
Матушка, за дубовый столъ садятся,
Сударыня, за дубовый столъ садятся.
Дитятко не бойся, не выдамъ
Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
Матушка, образъ со стѣны снимаютъ,
Сударыня, образъ со стѣны снимаютъ.
Дитятко не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое не бойся, не выдамъ.
Матушка, меня благословляютъ,
Сударыня, меня благословляютъ.
Дитятко! Господь Богъ съ тобою,
Свѣтъ мое милое, Господь Богъ съ тобою.

Братъ ея беретъ образъ, подаетъ матерѣ, которая благословляетъ свою дочь. — Подруженьки провожаютъ ее въ церковь, а мать прощается:

Прощай, родимо дитятко! Я поила, кормила, лелѣяла свою душку, а на старость, на хворость ты покинула меня; бѣдную горемычную, оставила сиротой. — Мать горько плачетъ, какъ будто зарываетъ дочь въ могилу, и слезы съ обѣихъ сторонъ не притворныя! Съ нею плачутъ и ея подруги. — Надобно видѣть, съ какимъ сердечнымъ соболѣзнованіемъ разстаются родные съ своей дочерью, а дѣвушки съ своей подругою, не смотря, что всѣ увѣрены въ добромъ зя-

тѣ. Семейная привязанность у нихъ сильнѣе, нежели въ другомъ какомъ либо сословіи.

Поѣздъ къ вѣнцу и вѣнчаніе.

Поѣздъ зависитъ отъ состоянія молодыхъ: чѣмъ они богаче, тѣмъ поѣздъ пышнѣе. Достаточные окружаютъ себя толпою услужниковъ. Жениха величаютъ *княземъ* а невѣсту *княгинею*. Князь бываетъ одѣтъ въ кафтанъ багрецоваго сукна: шаравары на немъ черные бархатные, рукавицы замшевые, сапоги юхтовые съ оторочкой, шляпа съ павлинымъ перомъ, шея перевязана краснымъ платочкомъ; волоса подстрижены въ кружокъ. Дружка и тысяцкій стараются одѣться какъ можно пощеголеватѣе: на нихъ кафтаны новые суконные, шляпы съ цвѣткомъ, часто какъ у самого жениха; красные отвороты рубашки, парочно выказываются впередъ. Князь и его спутники ѣдутъ въ церковь верхами, что невсегда случается; болѣе отправляются на телегѣ или саняхъ (*). По прибытіи въ церковь, посылаютъ за невѣстою, которая немедленно пріѣзжаетъ съ своими дружками и прочими спутницами. —

Дружки подводятъ ихъ къ налою, священникъ начинаетъ обрядъ вѣнчанія. Надъ головами молодыхъ дружки держатъ вѣнцы. Считаютъ неблагопріятнымъ для супружества, если вѣнцы держать надъ головами; надобно, чтобы они лежали на головахъ. Если вѣнецъ, для облегченія невѣсты, не накладываютъ на ея голову, то народъ не считаетъ такой бракъ дѣйствительнымъ и предсказываетъ бѣду. — Если надъ

(*) Если поѣздъ молодыхъ сопровождается небольшимъ дождемъ, или только ихъ смочитъ: то это къ счастію, какъ вообще дождь означаетъ благодать.

головою уронятъ вѣнецъ, то вѣрное несчастіе. Подъ ноги молодыхъ не подстилаютъ ковра, но бѣлое полотно, которое обращается потомъ въ собственность попа. —

Дѣлаютъ замѣчанія по тѣмъ свѣчамъ, которыя держатъ молодые: горятъ ли опѣ ровно, или съ трескомъ? плывутъ ли, или нѣтъ? Если ровно, то жизнь будетъ спокойная; съ трескомъ, раздорная; плувутъ ли, одно горе; не плывутъ, мужъ будетъ тихій и вѣрный. При благословеніи на супружество, священникъ надѣваетъ имъ кольца, и потомъ связавъ руки бѣлымъ полотномъ, водитъ около налоя. По совершеніи этого обряда, онъ даетъ пить красное вино, три раза; за послѣднимъ разомъ женихъ иногда бросаетъ на землю кубокъ (рюмку) и топчетъ его ногою. Послѣ вѣнчанія священникъ заставляетъ молодыхъ цѣловаться, въ присутствіи всего народа. — Случалось видѣть это и въ столицѣ, на купеческихъ свадьбахъ.

Родственники, друзья и знакомые, поздравляютъ молодыхъ и желаютъ имъ счастія. Всякое движеніе ихъ по выходѣ изъ церкви, замѣчаютъ и толкуютъ по своему: старухи и знахарьки. Простодушные родители даже прибѣгаютъ къ ихъ совѣтамъ, прося, чтобы они такъ сдѣлали, чтобы молодые вѣчно миловались и цѣловались. За самое лучшее и надежнѣйшее средство, для супружескаго согласія, почитаютъ замки, посему старухи кладутъ подъ порогъ, дверей и въ то время, какъ молодые переступятъ порогъ тотъ часъ поднимаютъ замки и замыкаютъ: ключъ бросаютъ въ рѣку или колодезь, чтобъ мужъ и жена жили въ любви. Женихъ возвращается съ молодою въ свой домъ; тамъ у дверей встрѣчаетъ сваха, и осыпаетъ зерновымъ хлѣбомъ и хмѣлемъ. По входѣ въ избу, благословляютъ ихъ посаженые родители, иконою и

хлѣбомъ-солью. Молодые падаютъ имъ въ ноги три раза. Въ посаженные отцы избираютъ преимущественно извѣстныхъ высокой нравственностію, и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ. —

Угощеніе. Послѣ благословенія сажаютъ молодыхъ на первое мѣсто за столъ, на коемъ давно лежатъ приготовленные пироги, калачи, сайки, вотрушки и пряные ковришки; вино, медъ и пиво стоятъ въ большихъ склянкахъ. Молодыхъ подчиваютъ прежде, а тамъ гостей, въ числѣ коихъ бываетъ священникъ съ своимъ причетомъ. Дружка и сваха заботятся объ угощеніи. — Спустя нѣсколько времени, открываютъ обѣдъ, который бываетъ довольно сытный и разнообразный: въ числѣ ихъ холодныя, приправленныя коренъями, щи и жаркія. Ѣдятъ деревянными ложками, изъ муравленыхъ чашъ. Оловянныя ложки встрѣчаются у однихъ зажиточныхъ. Жаркое берутъ пальцами, изрѣзанное въ куски на деревянной тарелкѣ. При крестьянскихъ столахъ по нынѣ не употребляютъ тарелокъ и вилокъ, какъ бы не находя въ нихъ надобности. Недавно начали подавать полотенца для утиранія рукъ, а прежде обтирали ихъ объ полу и сапоги. —Сидятъ на лавкахъ, вокругъ стола. Ѣдятъ и пьютъ досыта, и та свадьба славная, гдѣ всего было вдоволь. — Въ концѣ стола дружка разрѣзываетъ коровай, и первый кусокъ подноситъ молодымъ, а другую часть несетъ въ холодную спальню молодыхъ, и кладетъ подъ подушки. Другіе оставляютъ въ кадкѣ, съ зерновымъ хлѣбомъ. Этотъ коровай ѣдятъ молодые поутру. Та свадьба считается счастливою, на коей бьютъ посуду. Иные нарочно бьютъ тарелки, рюмки, чашки и стаканы. (*)

(*) Бить въ это время посуду, или во время крестинъ и

Послѣ обѣда угощаютъ орѣхами, пряниками, ковриж-
ками, медовыми маковниками, яблоками, изюмомъ и
сахаристыми закусками.

Когда гости поразгуляются, тогда появляются лице- Веселіе.
дѣи и музыканты: первые, въ шутовскихъ одеждахъ,
открываютъ пляску; вторые музыку. Волынка и бубны
раздаются не умолкно; гудокъ и флейта разносятъ свой
звукъ по всей окрестности: свистятъ и пищатъ, не вы-
разимо отчаяно; но громогласное одобреніе гуляющихъ,
ободряетъ продолжать свистъ и писк. Скрыпачъ, ко-
торый ни отъ кого не слышитъ себѣ похвалъ, бьетъ
по струнамъ во всѣ стороны: и пальцами и руками, и
рѣжетъ смычкомъ на пропалую. Всѣ устаютъ отъ пля-
сокъ, но музыканты дерутъ! Вообще веселое расположе-
ніе возбуждаетъ во всѣхъ охоту къ новымъ пляс-
камъ. Молодые и не робкіе парни, выходятъ изъ за
толпы; гости раступаются и даютъ имъ просторъ.
Молодецъ, надѣвъ шапку на бекрень, выходитъ на
средину, разхаживаетъ спесиво и посматриваетъ на
красныхъ дѣвицъ. Одна, которая ему давно нравится,
составляетъ предметъ его поисковъ, — онъ ищетъ ее,
онъ пашелъ ее здѣсь; подходитъ къ ней, и снявъ
шапку правой рукою съ важностію, проситъ, наклоне-
ніемъ головы, начать съ нимъ русскую. Выходитъ дѣ-
вица — душа: молодецъ первый начинаетъ плясать.
Подбоченясь одной рукою, онъ пламенными тѣлодви-
женіями выражаетъ любовь свою: то манитъ къ себѣ,

пирушекъ,—хорошая примѣта. Это повѣрье выдумано, какъ дол-
жно думать, для того, чтобы разбитыя вещи не-нарушали спо
койствія и удовольствія хозяевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не лиша-
ли бы веселости гостей.—

то прижимаетъ свою руку къ груди, мысленно обнимаетъ и разстается печально. Но вдругъ онъ измѣняется весь: веселится, скачетъ и забываетъ ее,—онъ манитъ другую красавицу,—другую уже полюбилъ!—Его дѣвица душа выходитъ впередъ, медленными шагами и съ грустной душею: на ея лице тоска и горе, въ движеніяхъ безнадежность. Она упрекаетъ его въ непостоянствѣ, и указывая на свое сердце, которое такъ долго любило невѣрнаго, увѣряетъ его, что онъ и теперь ей дорогъ, — но онъ безмолвенъ! — Она рисуется предъ нимъ задумчивой картиною: то поднимаетъ руки вверхъ, то опускаетъ ихъ со вздохомъ, и остановясь, подумавъ немного, складываетъ руки на грудь, и плыветъ съ поникшей головою, словно горемычная лебедка, съ тяжелой кручинушкой: посматриваетъ со вздохами и опускаетъ голову. Однажды сердце любитъ, и она рѣшается это высказать ему: прикладываетъ еще разъ руку къ сердцу, показываетъ, какъ оно бьется, и забилось только для него; напоминаетъ ему, что онъ можетъ полюбить другую, но не любить, и той измѣнитъ. Кто разъ измѣнилъ, тотъ измѣняетъ всегда! Она закрываетъ лице руками, плачетъ по своей любви, и какъ одинакая голубка, воркуетъ съ однимъ горемъ: для ней уже нѣтъ милаго въ свѣтѣ. Опустивъ обѣ руки вдоль сарафана и склонивъ горемычную головку, она трепещетъ и доплываетъ съ очаровательной задумчивостію до того мѣста, гдѣ стоитъ ея молодецъ. Парень потряхиваетъ черные свои кудри, выставляетъ ногу впередъ, и потомъ выходитъ ей на встрѣчъ: онъ прижимаетъ ее съ привѣтствіемъ *любовнымъ*, она,—въ неописанной радости! Она отвѣчаетъ ему любовью и оба, взявшись за руки, дѣлаютъ кругъ посрединѣ и раскланиваются другъ другу.—Общее одобреніе раздается повсюду. Вызываютъ другихъ охот-

никовъ, еще пройти русскую.—Невозможно описать этого народнаго танца: онъ постоянно измѣняется самыми пляшущими, которые разнообразятъ ее до безконечности, потому что всякій выражаетъ то, что у него на душѣ. — Послѣ русской начинается разнородное веселіе: скачутъ и поютъ, а музыканты играютъ безумолкно.—Веселіе продолжается до полночи.

Уводъ молодыхъ въ сѣнникъ.

Во время еще веселія уводятъ молодыхъ въ холодную комнату, а гости остаются пировать, не рѣдко до разсвѣта. Новобрачныхъ провожаютъ сваха и сватъ; ихъ кладутъ на ржаныхъ снопахъ; въ углахъ постели, ставятъ, однако не повсюду, свѣчи, которыя были на вѣнчаніи: ихъ ставятъ въ кадки наполненныя пшеницею и рожью. Молодую раздѣваетъ сваха и одна изъ молодыхъ женщинъ. Во всю ночъ ѣздитъ дружка верхомъ на лошадѣ, вокругъ сѣнника, съ обнаженной саблею. На утро приходятъ къ молодымъ съ поздравленіями: сваха, сватъ и дружка. Сваха, осмотрѣвъ бѣлье невѣсты, объявляетъ о ея непорочности. Послѣ молодые отправляются въ баню; потомъ кормятъ ихъ кашею и жаркимъ съ кореваемъ. Въ тотъ же день молодые ходятъ на поклоны къ своимъ родителямъ, которые угощаютъ ихъ по домашнему. Сюда уже не приглашаютъ постороннихъ: все свои родные и родственники.

Верховая ѣзда дружки, хожденіе въ баню и кормленіе, не вездѣ теперь въ обыкновеніи; однако нѣкоторые донынѣ считаютъ необходимымъ выполненіе старинныхъ обрядовъ.

Свадебный расходъ.

Совершеніе свадьбы не только въ большихъ городахъ, но и въ деревняхъ обходится дорого. — Угощеніе и приготовленіе веселья, обходится не менѣе 50 руб. серебр., не считая подарковъ отъ невѣсты и жениха новымъ своимъ родственникамъ, друж-

камъ, свахамъ, боярамъ и поѣзжанымъ, что обходится до 30 руб. сер. Обыкновенные свадебные расходы не простираются менѣе 30 руб. серебр., а поселянину это чрезвычайно дорого, и все бы не казалось дорогимъ, если бы не были чрезмѣрные поборы священниковъ за вѣнчаніе.

IX. СВАДЬБА ВЪ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Сватовство.

Въ псковской губерніи, особенно въ Торопцѣ, заступаютъ мѣста сватовъ, между зажиточными людьми, нерѣдко сами священники. Если жениху понравится дѣвушка, то онъ объявляетъ объ этомъ своему отцу, прося женить его. Отецъ проситъ священника своего прихода, высватать понравившуюся ему дѣвушку. — Священникъ отправляется въ домъ невѣсты и заводитъ разговоръ: сначала о постороннихъ предметахъ, потомъ намекаетъ отцу невѣсты, что онъ пріѣхалъ посмотрѣть товаръ, или что у него есть купецъ на ихъ товаръ.—Родители, понимая его рѣчь, отвѣчаютъ ему: мы батюшка теперь не поисправились, или: мы батюшка теперь не исправны, намъ надобно подумать; это дѣло вѣчное, а не часовое. Мы поговоримъ и посовѣтуемся съ нашими родными, и спросимъ согласія нашей дочери.—Невѣста, какъ бы не любила жениха, и самые ея родители, сколько бы ни желали объявить свое согласіе, съ перваго раза, по заведенному изстари обыкновенію, откладываютъ дѣло на нѣсколько дней, чтобы лучше обдумать, и не обидѣть своихъ родственниковъ, не спросясь у нихъ, хоть изъ

приличія, ихъ совѣта. — Священника подчиваютъ виномъ или угощаютъ чашкою кофе и чаю, и просятъ его пріѣхать за отвѣтомъ, въ назначенный ими день. Обо всемъ этомъ онъ даетъ знать родителямъ жениха.—Въ опредѣленный день пріѣзжаетъ священникъ въ домъ невѣсты, и послѣ обыковенныхъ привѣтствій, онъ говоритъ, что теперь уже ожидаетъ, чтобы они *порѣшили* его. Если родители и родственники не согласны, то обыкновенно отвѣчаютъ: нѣтъ, батюшка, мы непамѣрены выдать свою дочъ; наша невѣста еще молода, мы еще *неисправны* и не богаты, и нашей невѣсты годы не уйдутъ, — найдутся женихи. Если родители согласны, то говорятъ: что же, батюшка, мы согласны выдать свою дочъ; она не выходитъ изъ нашаго повиновенія, покорна нашей волѣ. — Тогда священникъ проситъ, чтобы ему показали товаръ, а его нареченную прихожанку. Родители зовутъ свою дочъ, сидящую съ дѣвицами въ особой компатѣ. Она выходитъ, священникъ благословляетъ и спрашиваетъ: Елисаветъ Петровна! вы согласны выти за мужъ за Андрея Григорьевича?—Да, батюшка.—Вы его знаете? — Да, батюшка, — онъ кажется не глупой человѣкъ, и хорошой. —

Рукобитье.

Тогда священникъ, надѣвъ на себя эпитрахиль, обращается къ иконѣ, читаетъ въ слухъ *достойно есть*, и потомъ даетъ родителямъ и невѣстѣ цѣловать крестъ или образъ. Затѣмъ невѣста уходитъ въ свою комнату, и тогда уже начинается угощеніе, называемое попойкою. Женихъ въ то время посылаетъ отъ себя дьячка въ домъ невѣсты, чтобы узнать: чѣмъ кончилось его дѣло? Дьячку объявляютъ, что дѣло кончилось благополучно, и вызываютъ невѣсту, чтобы она сама объ этомъ объявила. Она говоритъ дьячку: мое дѣло кончилось и кланяйтесь моему жениху,

называя его по имени; а родители ея прибавляютъ: и отъ насъ кланяйтесь нашему свату и нашей сватушкѣ, называя по имени родителей жениха. При отправленіи дьячка, родители невѣсты дарятъ его бѣлымъ или шелковымъ платкомъ, или матеріею на жилетъ. Дьячекъ, прибывъ въ домъ жениха, объявляетъ его родителю, ему самому и собравшимся родственникамъ: ну, слава Богу! дѣло кончилось хорошо.—Тогда всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ и молятся Богу; потомъ начинается у жениха попойка. Все это дѣйствіе, когда дѣвица изъявила согласіе на выходъ замужъ, называется рукобитьемъ, (помолквою), при чемъ однако не присутствуетъ женихъ. Во время подчиванія священника, угощаютъ родственниковъ и подругъ невѣсты сухими плодами: изюмомъ, черносливами, вишнями. ягодами, яблоками, грушами, пряничными орѣхами, варенья-ми, конфетами, и все это называется *богомольщиною*. — При выходѣ священника дарятъ его бархатомъ, сукномъ, демикатономъ, диверласомъ (шелковой матеріею), смотря по состоянію родителей, и навязываютъ въ платокъ *богомольщину*, которую онъ отвозитъ, въ тотъ же вечеръ, жениху и его родственникамъ, ожидающимъ его съ нетерпѣніемъ. Его тутъ угощаютъ снова разными напитками. Когда священникъ выйдетъ изъ дома невѣсты, тогда подруги ея бѣгутъ за ворота и поютъ просватанье. Этимъ дается знать сосѣдямъ, что невѣста просватана, а жениху, что къ нему ѣдетъ священникъ. Невѣста сидитъ одна въ своей комнатѣ и плачетъ; дѣвушки, стоящія за воротами, произносятъ имена просватанныхъ и поютъ:

Услышъ, услышъ, великій князь Андрей Григорьевичъ,
Что играемъ (*) боярыню, великую княгиню Елисаветъ Петровну,
Услышъ и поскорѣй къ намъ пріѣзжай. —
Развесели нашу боярыню
Княгиню Елисаветъ Петровну.

Тѣмъ оканчивается.—Дѣвушки входятъ въ комнату. Родители выводятъ свою дочъ изъ плакальной комнаты. Она, помолившись Богу, падаетъ родителямъ въ ноги и плачетъ. Родители поднимаютъ ее и сажаютъ за столъ; она, облокотившись объ столъ, начинаетъ вновь плакать а дѣвушки поютъ; иногда поетъ сама невѣста:

Воля моя и нѣга моя,
И красота моя дѣвичья!
И косу русу распускаютъ
Что я вамъ государь мой батюшка досадила?
Что я вамъ государыня матушка наскучила?

Обращаясь къ братьямъ, сестрамъ и подругамъ:

Любезные братцы! уговорите своего государь батюшку
И свою государыню матушку,
Что я имъ досадила, что я имъ напрокучила!
Любезныя сестрицы, подружки и ластушки:
Уговорите государя батюшку
И государыню матушку,
Что я имъ досадила, что я имъ напрокучила!

(*) Играемъ, — поемъ. Во многихъ мѣстахъ говорятъ *играть пѣсни*, вмѣсто пѣть пѣсни; *разыгрывать пѣсни*, вмѣсто распѣвать пѣсни.

Такимъ образомъ это причитаніе припѣвается ко всѣмъ роднымъ и родственникамъ, коихъ она упрашиваетъ, чтобы они уговорили отца и мать не выдавать за того жениха, который ей не по сердцу. Часто случается, что дѣвица сирота или дочъ выдается за мужъ по принужденію и противу ея воли.

При этомъ причитаніи плачетъ мать, если она любитъ свою дочъ, и нерѣдко самъ отецъ. Во время причитанія мать расчесываетъ косу бѣлымъ костянымъ гребнемъ. Если братья или сестры въ отсутствіи, то невѣста заочно поетъ причитаніе:

Любезные братцы! прилетите на этотъ часочекъ,
И уговорите государя батюшку и т. д.

Когда мать расчешиваетъ косу, тогда дочь, обхвативъ отца руками, оплакиваетъ свою судьбу:

Государь мой батюшка,
Что я тебѣ досадила,
Что я тебѣ напроскучила,
Своимъ глупымъ разумомъ.

Отецъ уговариваетъ ее и успокоиваетъ: что же дѣлать, мое дитятко! Не вѣковати вѣкъ въ дѣвушкахъ. — Онъ добрый и хорошій человѣкъ, а Богъ благословилъ васъ на ваше счастье. — Потомъ дочъ и мать, обнявъ другъ друга руками, и вмѣстѣ плачутъ горько. При чемъ дочь говоритъ:

Государыня моя матушка!
Что я тебѣ досадила?
Что я тебѣ напроскучила?
Уговори своего милаго друга.
А моего государя батюшку. —

Ихъ разнимаютъ, чтобы онѣ не плакали, и уговариваютъ невѣсту, которая ко всѣмъ подходитъ и всѣхъ оплакиваетъ: родныхъ и подругъ. Когда она всѣхъ переплачетъ, тогда всѣ расходятся и этимъ оканчивается рукобитье.

За не имѣніемъ родителей, она оплакиваетъ заступающихъ мѣсто родителей. —

Дѣвушки, ложась спать, кладутъ подъ головы *богомольщину*, загадывая ею про будущую свою судьбу. Нѣкоторые говорятъ, что это дѣлаетъ даже невѣста, но скрытно.

На другой день женихъ посѣщаетъ утромъ свою невѣсту и спрашиваетъ у нее: какія надобны подарки для смотринъ, назначаемые обыкновенно на третей день отъ рукобитья, и какіе для нее самой? Если дѣвушка не достаточная, то она отвѣчаетъ: къ чему, мой другъ, входить въ изьянъ на подарки! Мои родственники и знакомые не взыщутъ, если я не буду дарить ихъ. — Богатый женихъ, не смотря не отсовѣтованіе своей невѣсты, покупаетъ для нее подарки, кои она раздаетъ послѣ свадьбы: родителямъ и родственникамъ жениха. (*) Женихъ же даритъ въ смотрины: родителей и родственниковъ невѣсты. Часто невѣсты отказываются отъ подарковъ жениха, — это чудо! — покрайней мѣрѣ такъ увѣряютъ, но многіе женихи, по свойственной имъ въ то время щедрости, сами навязываются на подарки. —

Смотрины.

Ввечеру приходитъ женихъ въ домъ невѣсты, съ своимъ братомъ, или другимъ какимъ нибудь родственникомъ, или съ хорошимъ своимъ пріятелемъ, который называется *дружкою смотринъ*; самые смот-

(*) Свадьба обыкновенно бываетъ въ воскресенье.

рины называютъ побольшой части *свиданьемъ*, на коемъ бываютъ всѣ родственники, знакомые и подруги невѣсты. Подруги гостятъ у невѣсты до самой свадьбы. Женихъ одѣвается въ лучшее платье, по тому вкусу, какой ему нравится, а невѣста, если бы ходила прежде въ нѣмецкомъ платьѣ, то въ этотъ день исключительно одѣвается въ русское платье: въ русскую кисейную, вышитую рубашку; въ ферезь изъ обьяри, или въ штофную и шелковую; подпоясывается шелковымъ цвѣтнымъ поясомъ, съ золотыми кистями; на шеѣ бархатъ, а самая шея унизана жемчугомъ; въ ушахъ жемчужныя серги, а на головѣ жемчужный вѣнецъ, съ привязанной широкой лентою, на подобіе пояса, въ длину всей косы; косу распускаютъ по плечамъ съ переплетами; башмаки черные козловые и сафьянные, чулки бѣлые узорчитые. Ея подруги въ такомъ же нарядѣ, за исключеніемъ, что коса не бываетъ распущена, а голову прикрываютъ платкомъ, пришпиленнымъ къ вѣнцу. Женщины въ кокошникахъ подъ платками, а другія бываютъ въ нѣмецкомъ платьи, и таковыя сидятъ выше тѣхъ, которыя одѣты по русски. Невѣста садится на первомъ мѣстѣ, по правую руку ея подруги, а по лѣвую мать, пока не пріидетъ женихъ. Если свиданье бываетъ богатое, то многіе приходятъ сюда незваные, изъ одного любопытства. На столахъ стоитъ на 40 и 80 тарелкахъ: варенье, сладкіе плоды, пряничные орѣхи и разныхъ родовъ орѣхи это называется *закускою*. До прихода жениха ни кого не угощаютъ, но дѣвушки поютъ въ то время пѣсни, для жениха и невѣсты, которыя называются *обыгранными*. Поютъ жалобно и протяжно. За пѣніе дѣвицъ ничего не даютъ. —

Обручалась боярыня Елисаветъ Петровна,
Съ княземъ со боярыномъ Андрѣемъ Григорьевичемъ.
И все наше миновалося:
Перепутье частое,
Посидѣлки веселыя,
И гости наши любезныя,
Съ подружкой съ ластушкой
Съ бѣлой лебедушкой,
Съ княгиней Елисаветъ Петровной.
Отвѣтъ держитъ боярыня,
Княгиня Елисаветъ Петровна:
Подружки мои ластушки,
Еще бѣлыя лебедушки,
Рада бы я съ вами хоть вѣкъ вѣковать,
А у своего государя годъ годовать,
И въ государыни матушки,
Недѣлю недѣливать, —
Пришелъ же на меня,
Печальный день!
Въ воскресенье свѣтъ,
Расплетутъ русу косу,
Разлучатъ меня съ отцемъ, съ матерью,
Съ родомъ со племенемъ,
Съ ближними пріятелями,
Съ подружками, ластушками.

Подружки мои, ластушки,
Еще бѣлыя лебедушки!
Мнѣ невѣкъ съ вами вѣковать,
Ни годъ годовать, ни недѣлю недѣливать,
А все только одну почку ночевать. —

Ни близко, ни далеко,
Молодой соловей гнѣздо совиваетъ,
Молодой тепло согрѣваетъ;
Здѣсь ни низко, ни высоко,

Павлины перья роняетъ;
Здѣсь не павушка по двору ходитъ,
Не павлино сизо-перья роняетъ;
Здѣсь около терему по двору ходитъ,
Около терему около высокова. —
Здѣсь ходила, здѣсь гуляла,
Свѣтъ княгиня боярыня Елисаветъ Петровна,
Около терему около высокова. —
Она ходючи и гуляючи,
Горячи слезы роняючи,
Таковыя словеса говорючи:
Мой нѣмецкой замокъ отомкнися,
Отомкнися, отомкнися;
Полуженная цѣпь отложися,
Отложися, отложися!
Кипарисная дверь отворися,
Отворися, отворися!
Государь батюшка пробудися,
Государыня матушка проснися.
Мнѣ впть у васъ не годъ годовать,
Ни недѣлю недѣливать;
Мнѣ ни съ батюшкой,
Думушку думовать;
Мнѣ не съ государыней матушкой;
Рѣчь говорить,
Мнѣ не съ братцемъ и не съ сестрицей,
Совѣтъ совѣтывать;
Ни съ подруженьками, голубушками,
Мнѣ разставатися:
А съ родомъ племенемъ,
И со ближними пріятелями,
Мнѣ прощатися.

Что у насъ свѣтъ княгиня, боярыня,
Да княгиня Елисаветъ Петровна,
Во высокомъ терему,
Не весело сидитъ!

Со слезами отца съ матерью смотритъ.
Подружки мои ластушки,
Еще бѣлыя лебедушки!
На что жъ мнѣ глядя радоватися?
На что жъ мнѣ глядя веселитися?
Полная гостей горница,
Но милаго друга нѣту,
Свѣтъ великаго князя,
Князя боярына Андрѣя Григорьевича.
Ты прійди, прійди поскорѣй,
Свѣтъ великій князь,
Да великій князь Андрѣй Григорьевичъ!
Развесели у насъ боярыню, княгиню,
Да свѣтъ княгиню Елисавстъ Петровну.
Она очень стосковалась,
Что давно не видалась.

Изъ за горъ ли, горъ высокихъ,
Изъ за лѣсу, лѣсу болотенаго,
Вылетало стадо гусиное,
А другое лебединое.
Отставала лебедушка,
Что прочь отъ стада лебединаго;
Приставала лебедушка,
Что къ стаду ко сѣрымъ гусямъ.
Не успѣла лебедушка,
Не успѣла бѣлешенька,
Къ сѣрымъ гусямъ пристать;
Начали лебедушку,
Гуси сѣрыя щипать,
Бѣлешенькую клевать,
А лебедушка кричать:
Ахъ вы гуси сѣрыя,
Не щипите вы меня!
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Не своей охотою;
Занесло меня великой погодою.

Не умѣла лебедушка,
По мѣлкимъ ручьямъ плавать,
По лебединому кричать.
Что отставала свѣтъ,
Да княгиня да боярыня,
Свѣтъ княгиня Елисаветъ Петровна.
Прочь отъ роднаго государя отъ батюшки,
Отъ родной государыни матушки;
Прочь отъ роду, отъ племени,
И отъ ближнихъ пріятелей. —
Что приставала лебедушка,
Свѣтъ княгиня боярыня,
Княгиня Елисаветъ Петровна,
Что ко чужому ко роду, ко племени,
Ко чужому свекру государю батюшки,
Ко чужой свекрови государыни матушки.
Не успѣла свѣтъ головушки оправить,
Началъ свекорь батюшка журить,
А свекровь матушка бранить,
А свѣтъ княгиня боярыня плакать,
И роднаго батюшку кликать:
Что вы меня, свекорь батюшка журити?
И что вы меня, свекровь матушка бранити?
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Не своей неволею,
Но большой несгодою;
Завезли меня добры кони,
Добры кони вороны,
Свѣтъ великаго князя Андрѣя Григорьевича.
Какъ удобрился великій князь, да бояринъ,
Да свѣтъ Андрѣй Григорьевичъ,
Паче роднаго отца и матери;
А какъ улютился,
А какъ разсердился великій князь,
Да свѣтъ Андрей Григорьевичь,
Паче лютыя змѣи. —

Когда услышатъ, что женихъ подъѣзжаетъ ко двору невѣсты, тогда поютъ;

Вьюнъ на водѣ увивается,
Зять у тещи у воротъ убивается:
Теща моя! теща ласковая!
Отворяй широки ворота,
Давай коню стойло,
Давай коню вороному,
Пшена яраго. —
Теща изъ терема выходила,
Рѣчь милому говорила:
Есть у меня, есть у меня,
Про милаго зятя.
Про твоего коня стойло;
Есть у меня, есть у меня,
Про твоего коня воронаго,
Пшена яраго.
Это моему милому зятю,
Ни въ честь, ни въ жалованье,
Ни въ низкіе поклоны.
Есть у меня, есть у меня,
Про милаго зятя,
Наливное яблочко,
Это ему ни въ честь, ни въ жалованье,
Ни въ низкіе поклоны. —
Есть у меня, есть у меня,
Скатная жемчуженка,
Это ему ни въ честь, ни въ жалованье,
Ни въ низкіе поклоны.
Есть у меня, есть у меня,
Про милаго зятя
Его суженая,
Его ряженая,
Свѣтъ великая княгиня
Боярыня Елисаветъ Петровна. —
Это ему, это ему, —

Ни въ честь, ни въ жалованье,
Ни въ низкіе поклоны. —

По пріѣздѣ жениха съ поѣзжанными, родственники невѣсты встрѣчаютъ его за дверьми, а дѣвушки съ пѣснями въ самомъ покоѣ:

Не буйные вѣтры понавѣяли, —
Не званые гости понаѣхали!
Обломились сѣни новыя,
Обломились съ переходами,
Растоптали, раздавили,
Чару золоту, чару финисову.
Выпугали, выпугали.
У саду соловья молодаго, залетнаго,
Какъ расплакалася свѣтъ,
Да разстужилась великая княжна,
Боярыня да свѣтъ Елисаветъ Петровна,
О своемъ высокомъ теремѣ:
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ,
Изрубитъ сѣни новыя?
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ,
Сольетъ чару золоту?
Кто же то мнѣ, кто же то мнѣ,
Сольетъ чару финисову?
Кто же въ моемъ, кто же въ моемъ,
Во саду сядетъ соловьемъ,
Молодымъ и залетнымъ?
Кто же меня, кто же меня,
Рано будетъ будить?
И кто же меня рано будетъ кликать?
И кто же меня рано будетъ будить?
Отвѣтъ держалъ великій князь,
Да свѣтъ Андрѣй Григорьевичъ:
Ты не плачь, не плачь, и не тужи,
Великая княгиня, боярыня,
Да свѣтъ Елисаветъ Петровна,

О своемъ высокомъ терсмѣ:
Я самъ тебѣ изрублю сѣни новыя,
Я самъ тебѣ изрублю съ переходами,
Я самъ тебѣ солью чару золоту,
Я самъ тебѣ солью чару финисову,
Я самъ въ твоемъ саду
Сяду соловьемъ молодымъ, залетнымъ,
Я самъ тебя рано буду свѣтъ кликать,
Я самъ тебя рано буду будить.

Женихъ войдя въ комнату, молится сначала образамъ, потомъ онъ цѣлуетъ свою невѣсту въ губы, которая взаимно отвѣчаетъ на его поцѣлуй; послѣ цѣлуется женихъ со всѣми родными невѣсты. Отецъ и мать невѣсты, или сама невѣста, проситъ своего жениха садиться подлѣ нея. Тогда начинаютъ угощать: плодами, пряниками, орѣхами, винами и разными закусками, смотря по состоянію. Когда отецъ невѣсты начинаетъ подчивать жениха виномъ, тогда невѣста подноситъ ему подарки на подносѣ, которые зависятъ отъ состоянія. Иная даритъ сукномъ и матеріей шелковой на жилетъ; потомъ она даритъ тѣмъ же самымъ его дружку. Женихъ обдариваетъ невѣсту матеріею на ферезь, жемчугомъ и т. п.—Дѣвицы поютъ:

Услышъ, услышъ, великій князь,
Да свѣтъ боярынъ Андрей Григорьевичь!
Что играемъ боярыню и княгиню,
Да свѣтъ Елисаветъ Петровну,
Съ великимъ княземъ да свѣтъ
Со боярыномъ Андрѣемъ Григорьевичемъ.
И радуйсь и веселись! —
Глупое дитя, не разумное,
Великій князь да свѣтъ,

Боярин Андрѣй Григорьевичь.
Что даемъ боярыню, великую княгиню,
Да свѣтъ княгиню Елисаветъ Петровну
Изъ такого изъ рода,
Изъ такого изъ племени,
Изъ семьи изъ веселой. —
И у моемъ счастливомъ роду:
Все попы, все дьяконы,
Бургомистры и ратманы;
А въ твоемъ безчастномъ роду
Свѣтъ великій князь боярин,
Да свѣтъ Андрѣй Григорьевичъ:
Увсе мужики, да деревенскіе.
На выгонъ повыгнанные,
Да на уборъ повыбранные!
Лягушки ростятся,
Въ избу просятся. —
А въ его то матушка,
Богу помолилась,
Да и тиболка свалилась! (*)
На сговорѣ тебѣ даемъ,
Да свѣтъ великій князь, да боярин,
Да свѣтъ Андрѣй Григорьевичъ:
Великую княгиню боярыню,
Княгиню да свѣтъ Елисаветъ Петровну.
Береги у насъ боярыню,
Великую княгиню, да княгиню,
Да свѣтъ Елисаветъ Петровну. —
Она въ насъ чаемъ и кофеемъ упоена,
И сдобнымъ кренделемъ вскормлена. —
Не давай толочь и молоть,
Не давай воды носить,

(*) Головный уборъ, который называютъ въ насмѣшку тиболкою.

И не давай свѣтъ, великій князь,
Да свѣтъ боярин Андрѣй Григорьевичъ!
И въ приданомъ не давай,
Къ обѣдни ходить.
А заставь ее въ приданомъ
Печь топить,
А въ своемъ къ обѣдни ходить. —

На горѣ росла малинника,
А подъ горою калинника.
Сломлю жъ я эту малинику,
И приложу къ калинникѣ.—
Что не быть калинникѣ,
Супротивъ малинники;
И что и не быть велику князю,
Да свѣтъ боярину,
Да свѣтъ Андрѣю Григорьевичу,
Супротивъ великой княгини, да боярыни,
Да свѣтъ Елисаветъ Петровны. —

Веселіе продолжается до полночи, и тогда уже подаютъ ужинъ; послѣ ужина всѣ расходятся по домамъ. Подруги невѣсты остаются гостить у ней до свадьбы. —

Отправленіе приданаго.

Въ продолженіи предсвадебнаго времени, дѣвушки помогаютъ невѣстѣ шить приданое, а женихъ посѣщаетъ ее каждый вечеръ.—За два дни до свадьбы отправляютъ приданое въ домъ жениха, со свахою или родственницею, въ сопровожденіи мальчика, который несетъ образъ; тамъ дарятъ ихъ. — Постель стелетъ родственница невѣсты; привезшихъ же приданое, угощаютъ чаемъ, винами и закусками. Предъ отправленіемъ приданаго просятъ священника, достаточные люди, отслужить молебенъ съ водосвятіемъ; потомъ онъ благословляетъ невѣсту, окропляетъ все приданое во-

дой и говоритъ: *съ Богомъ!* — Тогда начинаютъ укладывать, а невѣста плачетъ. Сначала она оплакиваетъ отца, мать и всѣхъ своихъ родныхъ, которые присутствуютъ здѣсь, съ тѣми же причитаніями, какія произносились на рукобитьи. Ее упрашиваютъ перестать плакать, и увѣщаютъ, что не вѣкъ быть ей въ дѣвушкахъ, что Богу такъ угодно. Потомъ садятся и посидѣвъ не много, молятся Богу, испрашивая Его благословенія. Послѣ она кланяется въ ноги отцу и матери, а они благословляютъ ее образомъ и хлѣбомъ-солью. Когда все уложатъ, тогда родители и невѣста, провожаютъ приданое до воротъ. Дѣвицы выходятъ на улицу и поютъ:

Услышъ, услышъ, великій князь, и т. д. съ тою только разницею, что ее поютъ уже веселѣе и громче, чтобы всѣ слыхали и знали, что везутъ приданое. Тогда стекается народъ отовсюду, чтобы смотрѣть: богатое ли везутъ приданое? и какое? Между тѣмъ невѣста отправляетъ съ приданымъ разные плоды и варенье, на 60 и болѣе тарелкахъ, которые оставляютъ въ ея спальнѣ до самой свадьбы. Этимъ угощаетъ она, въ своей спальнѣ, всѣхъ тѣхъ, которые ходятъ изъ любопытства смотрѣть убранство ея спальни и приданое. —

Предъ днемъ свадьбы, по большой части предъ воскресеньемъ, женихъ и невѣста ходятъ отдѣльно въ баню. Тогда въ самой бани плачетъ невѣста, подруги утѣшаютъ ее, но предъ отходомъ въ баню, мать расчесываетъ ей голову и отправляетъ ее съ подругами, благословивъ хлѣбомъ и солью. Послѣ бани угощаютъ чаемъ и кофеемъ.—Если у невѣсты нѣтъ родителей, то она ѣздитъ на ихъ могилы, чтобы просить ихъ благословенія.—Въ банѣ льютъ на каменку медъ, кидаютъ хмѣль и хлѣбъ зерновый, чтобы молодымъ жить въ меду и богато.—По-

слѣ бани женихъ посылаетъ дружку, просить всѣхъ пріятелей на вечеръ, который называется *бояры*. Невѣста такъ же посылаетъ одну изъ своихъ подругъ, просить всѣхъ своихъ дѣвушекъ на вечеръ, который въ то время называется *дѣвичникомъ*.

Вечеръ бояры и дѣвичникъ.

Предъ вечеромъ пріѣзжаетъ за женихомъ священникъ, который и везетъ его въ церковь съ боярами. Отслуживъ вечерню, онъ возвращается въ его домъ, совсѣмъ своимъ причетомъ, гдѣ онъ *здравствуетъ ему*, т. е. служитъ молебенъ. Тотъ часъ послѣ молебня подаютъ ужинъ, а священникъ отправляется въ домъ. Такое же здравствованіе происходитъ и въ домѣ невѣсты. — Послѣ ужина бываетъ у жениха пляска и пѣніе. — У невѣсты дѣлается ужинъ для дѣвицъ, которыя, отужинавъ съ невѣстой, собираются въ другой комнатѣ и садятся за столъ, убранный плодами. Тутъ поютъ тѣже самыя пѣсни, какія на смотринахъ, и сверхъ того какія вздумаютъ.—

Вспомни мой любезной, въ дальной сторонѣ обо мнѣ,
А я про тебя, душа моя, терзаюсь всегда!
Не вижу я въ поченьки спокою часа.
Казалась мнѣ ночушка за бѣлой денекъ,
А вы мои частыя звѣзды, за бѣлую зорю,
А батюшка свѣтелъ мѣсяцъ, за красное солнце.
Я лѣсомъ шла ко милу дружку, —
Казалось мнѣ лишъ шелкова травушка,
Сплетаетъ мой слѣдъ; лавровый листокъ,
Лавровые листочушки въ головѣ шумятъ. —
Ахъ, не шумите вы, лавровые листочки въ моей головѣ!
И такъ мое сердечушко изныло во мнѣ.

Съ подкамешка съ подбѣлаго, ручеекъ бѣжитъ,
Съ подкамешка съ подбѣлаго цимбалики бьютъ.
Вотъ знать мою любезную Елисаветушку, къ вѣнчанію
ведутъ.

Одинъ ведетъ за ручечку, а другой за другую,
А третій идетъ да слезы льетъ.
Поилъ, кормилъ сударушку, да за себя паровилъ,
Досталась моя любезная иному, да не мнѣ, но брату моему.

Женихъ пріѣзжаетъ на дѣвичникъ съ своими боярами и своими родными обоего пола. Невѣста всѣхъ угощаетъ кофеемъ и чаемъ; послѣ чая уходятъ родственники жениха и бояры, а наконецъ, спустя нѣсколько времени, отправляется женихъ домой. — Невѣста на дѣвичникѣ бываетъ одѣта въ лучшемъ нарядѣ; коса у ней расплетена, на головѣ вѣнецъ, изъ подъ коего выпускается широкая лента. —

Окончательный свадебный обрядъ.

Въ день свадьбы идетъ женихъ къ поздней обѣдни, а невѣста приготовляется къ вѣнцу. Въ этотъ день женихъ и невѣста не ѣдятъ до самаго вѣнца. Послѣ обѣдни бояры провожаютъ жениха домой пѣснями, а священникъ приходитъ сюда служить молебень. Его угощаютъ здѣсь закускою. Послѣ угощенія дружка идетъ съ боярами къ невѣстѣ и подаетъ ей, отъ имени жениха, просвиру, и проситъ ее, чтобы она была готова къ вѣнцу. Она угощаетъ дружку и бояръ, дѣвушки корятъ ихъ шуточными пѣснями:

На что же ты, дружечка, въ дружки ставился,
Да съ умомъ не справился?
Ты и самъ на себя не наглядѣлся,
Что не твой кафтанъ на тебѣ надѣтъ!
На ногѣ сапогъ скрипитъ,
А въ матеревомъ горшкѣ борщъ кипитъ. —

Тузу, тузу,—любишъ ли козу?
Два года ходила,
А въ третій годъ
Въ отставку отпустила, —
Къ яловой козѣ пристала.

Всѣхъ корятъ :

Пріѣхали вы съ чистова,
И всѣ тарелки почистили. —
Чтобы васъ полопало!
Чтобы васъ потрескало! —

Когда бояры идутъ домой ;

Скажите великому князю,
Свѣтъ боярину великому князю,
Андрѣю Григорьевичу
Что не дадимъ боярыни,
Свѣтъ великой княгини,
Елисаветъ Петровны,
Великому князю,
Свѣтъ боярину Андрѣю Григорьевичу. —

По уходѣ бояръ плачетъ невѣста и оплакиваетъ всѣхъ своихъ родныхъ. —

Дьяконъ приходитъ къ жениху съ обыскомъ, (т: е: съ книгою, въ коей записываютъ вступающихъ въ бракъ) а отъ жениха онъ идетъ къ невѣстѣ. Родители молодыхъ дарятъ дьякона платкомъ, или матеріею на подрясникъ. — Свидѣтели бракосочетанія записываются въ церквѣ.

Невѣсту убираютъ къ вѣнцу ея родныя и подруги, и обыкновенно одѣваютъ ее въ кисейную шитую рубашку, съ широкими рукавами и съ манжетами, которые бываютъ пришиты къ рукавамъ ; потомъ въ ферезь, обложенную серебрянымъ и золотымъ гасомъ ; поясъ на ферезѣ шелковый, плетеный или тканый съ золотомъ ; шею убираютъ жемчугомъ, уши жемчужными сергами, а на головѣ парчевый вѣнецъ съ жемчужной рясою ; башмаки цвѣтные. Женихъ бываетъ одѣтъ

по-русски. Священникъ пріѣзжаетъ къ жениху и благословляетъ его ѣхать къ вѣнцу, что называется *дѣлать отпускъ*. Тогда женихъ отправляется въ церковь съ родными и дружкою. Между тѣмъ священникъ ѣдетъ къ невѣстѣ, если она его прихода, въ противномъ случаѣ бываетъ у нея тотъ священникъ, котораго она прихода, и онъ отслуживаетъ мелебень. Послѣ *достойнаго*, онъ благословляетъ ее крестомъ, и дѣлаетъ отпускъ; тогда уже благословляютъ ея родные. Но до пріѣзда священника, коса у невѣсты бываетъ заплетена, а на головѣ ея находится вѣнецъ; она сидитъ въ особой компатѣ съ своей матерью и дѣвушками. Потомъ, когда пріѣдетъ священникъ, ее выводятъ къ нему: она облокачивается объ столъ и плачетъ; одна изъ ея подругъ снимаетъ вѣнецъ съ ея головы, а *молодецъ* (*) беретъ ее за обѣ руки, коими она держитъ свою косу, *и отнимаетъ* у нее: невѣста долго не даетъ, но ее уговариваютъ. Когда она отдастъ, тогда, тотъ же молодецъ, расчесываетъ косу и надѣваетъ на голову жемчужный вѣнецъ. — Иногда вѣнчаютъ и съ расчесаной косою. — Потомъ угощаютъ священника и гостей, пивомъ и водкою, а наконецъ всѣ присѣдаютъ; посидѣвъ немного, молятся Богу. Отецъ и мать благословляютъ дочь двѣмя иконами, и хлѣбомъ-солью. Съ нею ѣдутъ въ церковь *приданые* т. е. поѣзжаные изъ мужскаго и женскаго пола. Старшая подруга невѣсты, называемая подневѣстницею, занимаетъ первое мѣсто подлѣ невѣсты, во время поѣзда и въ церквѣ, и она стелетъ въ церквѣ, подъ ноги молодыхъ, платокъ или шелковую матерію.

(*) Братъ или кто либо изъ родныхъ, но изъ холостыхъ.

Потомъ совершается вѣнчаніе, и послѣ вѣнчанія *повиваютъ ее*, т: е: надѣваютъ кокошникъ и повязываютъ платкомъ, а косу заплетаютъ на двое, и прячутъ ее подъ кокошникъ. Съ женихової стороны приходитъ родственница, покрываетъ новобрачную *платомъ*, (*) и потомъ дритъ ее. Послѣ всѣ отправляются въ домъ молодаго. Ихъ принимаютъ у дверей отецъ и мать: хлѣбомъ, солью и образомъ, и сажаютъ на первыя мѣста. Родные и гости невѣсты, занимаютъ первыя мѣста подлѣ невѣсты, а женихови вторыя.

Потомъ угошаютъ кофеемъ, а тамъ подаютъ обѣдъ. —Послѣ ужина набирается десертный столъ. Въ то время невѣста ходитъ съ придаными смотрѣть свою постель, и угощаетъ ихъ здѣсь плодами. Тогда же начинается музыка, и всѣ веселятся за полночь. Когда всѣ гости разъѣдутся, тогда дружка вводитъ молодыхъ въ спальню. Мать, посаженая со стороны жениха, приходитъ за дружкою и благословляетъ молодыхъ.—

На другой день посылаютъ *стряпуху* къ родителямъ молодой, *со здоровьемъ*, т: е: съ возвѣщеніемъ о благополучіи молодой. Стряпуха поздравляетъ ихъ двумя графинами вина или наливки, полно налитыми и обвязанными розовыми лентами. Родители принимаютъ ее радостно, и подчиваютъ. Въ неблагополучномъ случаѣ доставляется вино не полное въ графинахъ, чѣмъ обнаруживается поношеніе дому родителей.

Счастливый молодой посѣщаетъ съ своею молодою, ея родителей. Тутъ подчиваютъ ихъ молочными блинами и разными закусками. За тѣмъ они отправляются къ себѣ въ домъ, куда пріѣзжаютъ, съ обѣихъ

(*) Платкомъ, который въ иныхъ мѣстахъ называется фатою.

сторонъ, родственики и гости. У молодаго въ первые три дни: понедѣльникъ, вторникъ и середу, бываетъ обѣдъ для всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ. Родственники молодаго посылаютъ новобрачной по утру, въ первые три дни: живыхъ и битыхъ гусей, а въ слѣдующіе три дни: четвергъ, пятницу и субботу, родители молодой даютъ обѣды для знакомыхъ и родственниковъ. Въ субботу дается преимущественно обѣдъ для дѣвушекъ молодой. Въ продолженіи недѣли молодые посѣщаютъ: родственниковъ, знакомыхъ и тѣхъ, съ коими желаютъ быть знакомы. — По вечерамъ бываютъ танцы и пляска; послѣдняя сопровождается разыгриваніемъ пѣсней; иногда самая пляска совершается подъ напѣвъ плясовой пѣсни. —

XX. СВАДЬБА ВЪ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Рукобитье.

Парень, имѣющій на примѣтѣ дѣвушку, обращается къ своимъ родителямъ, говоря: батюшка и матушка, благословите жениться. Я спознался дѣвушку, она мнѣ по сердцу.—Если родители знаютъ ее, то говорятъ: хорошо, но дай времячко на раздумье, и тогда да благословитъ тебя Христосъ и Божая Матерь. — Если не знаютъ ее, то говорятъ: пораспросимъ добрыхъ сосѣдей и подумаемъ. Дѣло важное жениться, вѣкъ вѣковати. — Родители распрашиваютъ сосѣдей и совѣтуются съ своими родственниками. Когда нѣтъ никакаго порока за дѣвушкой, тогда даютъ сыну позволеніе снарядить съ посольствомъ сватовъ, избираемыхъ изъ родныхъ; но самое дѣятельное участіе принимаютъ здѣсь свахи. — Онѣ знаютъ всю подноготную въ семейномъ быту, а потому за ранѣе заботятся уладить дѣло. —

По приходѣ сватовъ въ домъ невѣсты, они молятся образамъ и кланяются отцу и матерѣ невѣсты. Здравствуй батюшка Антиповичъ и матушка Степановна, говорятъ они. Мы послы, не даромъ зашли. Хлѣбъ-соль ѣшъ, а правду рѣжъ. Мы люди изъ ближняго селенія, и идемъ къ вамъ на запорученіе (для сватов-

ства); наше слово впереди, а вашего жди.—Кланяетесь имъ.—Вотъ вамъ хлѣбъ-соль, — прикажите положить на столъ.—Предваренные родители о ихъ посольствѣ, давно уже совѣтовались между своими сродственниками: выдавать ли дочь, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ охотно принимаютъ хлѣбъ-соль, а во второмъ не весьма охотно, и принимая говорятъ: хлѣбъ-соль беремъ, и запорученье на судъ людямъ отдаемъ. Согласные же родители отвѣчаютъ: хлѣбъ-соль беремъ и васъ пировать зовемъ.—Обрадованные сваты таковымъ отвѣтомъ, вступаютъ съ ними въ условіе о времени сговора и о томъ вспоможеніи, какое будетъ ими оказано для обзаведенія молодыхъ. Это дѣлается тогда, если женихъ безъ родителей, но если у него родители въ живыхъ, то оставляютъ покончить это дѣло имъ самымъ. Сваты угощаются водкою и закускою.— Водку подноситъ мать невѣсты. —

Сговоръ

На утро, или въ другой какой либо день, но уже опредѣленный, приходитъ женихъ въ домъ невѣсты съ сватами и своими родителями. Ихъ принимаютъ ласково, сажаютъ на почетномъ мѣстѣ за столъ, который покрывается бѣлой скатертью, а предъ божницею уже затеплена свѣча; они молятся прежде Богу, а потомъ садятся. Посидѣвъ не много, родители жениха заводятъ рѣчь о сватовствѣ. Родители невѣсты вызываютъ ее и говорятъ: ну, дочъ наша, хочешъ ли замужъ? Вотъ женихъ. Ты не выходила изъ нашего послушанія, и мы прилагали радѣніе о тебѣ. — Воля ваша, батюшка и матушка, коли онъ вамъ по душѣ.— Такъ, что же теперь остается намъ дѣлать, сватъ и свашинька? говорятъ родители невѣсты, родителямъ жениха. Аль по рукамъ, аль нѣтъ? — Вѣстимо по рукамъ, отвѣчаютъ они.—Отцы обѣихъ сторонъ берутся за полы платья и бьютъ по рукамъ, а въ то время

велятъ молодымъ поцѣловаться. Когда они поцѣлуются, тогда укрѣпляется засватанье. Послѣ взаимнаго угощенія, приступаютъ къ сговору, который совершается въ присутствіи знакомыхъ и обоюдныхъ родственниковъ. Тутъ возобновляется угощеніе, сопровождаемое питьемъ водки а дѣвушки поютъ пѣсни на разставанье съ помолвленой. Когда всѣ развеселятся, тогда раздаются пѣсни среди пожилыхъ мущинъ и женщинъ. Здѣсь поютъ до самой ночи, и поютъ по большой части веселыя, шуточныя и протяжныя пѣсни. Такое же угощеніе бываетъ и въ слѣдующій день, въ домѣ родителей жениха. Если сговореные изъ зажиточныхъ людей, то угощеніе продолжается по нѣсколько дней. —

Послѣ сговора собираются къ невѣстѣ ея подруги, и гостятъ у нея до самой свадьбы. Во время угощенія онѣ приготовляютъ платье и наряды. Дѣвушки же, не бывшія въ дружбѣ съ невѣстою, посѣщаютъ ее только для своего развлеченія.

Отецъ между тѣмъ отправляется въ городъ для покупокъ вещей свадебныхъ, и возвращается съ подарками, часто отъ имени жениха. Невѣста, завидѣвъ возвращающагося своего отца, поетъ ему навстрѣчъ жалобнымъ голосомъ:

Кормилецъ мой батюшка,
Ужъ долго ты гулялъ!
Не на меня ли красну дѣвицу?
Не на мою ли дѣвью красоту?
Не на русу ли косу, ленту алую,
Запоручалъ меня, родимой,
За поруки крѣпкія?
Запоручалъ меня горькую,
Батюшка-то родной!
Ты торгомъ торговалъ,

Моей волнистой косой. —
Не прогнѣвайся родимой,
Что я не встрѣтила тебя,
Среди двора широкаго;
Дверей не растворяла,
Поклономъ не встрѣчала,
Сопротивъ креста не стояла. —
Не за спесью, не за гордостью,
За великимъ горемъ:
За кручинушкой бѣдовой, —
За порукой вѣковой!
Запоручалъ меня сударь,
Батюшка-то родной.

Отецъ раскладываетъ предъ нею свои покупки и подарки отъ жениха.—Она говоритъ:

Не надо мнѣ даровъ дорогихъ,
Ни золота, ни серебра;
Подари меня, батюшка,
Волюшкой золотой!

Дѣвушки утѣшаютъ ее:

Не тужи, свѣтъ Аннушка,
Не плачъ Михайловна!
Сударь родной батюшка,
Сударыня матушка,
Не волей ли ужъ выдаютъ?
Выдаютъ за соколика,
Добраго молодца.
Онъ билъ челомъ батюшкѣ,
Кланялся матушкѣ:
Все до тебя доступаючи,
Все тебя выпрошаючи.
Какъ звѣзды частыя,
Ярко на небѣ горятъ,

Такъ очи ясныя,
У Ивана твоего;
Кудри золотыя,
По плечамъ его лежатъ!
Серебромъ приувиты,
Жемчугомъ приунизаны. —
Но кто жъ къ нимъ приляжетъ?
Приляжетъ, приляжется,
Свѣтъ наша Аннушка,
Дѣвица Михайловна!

Калымъ, лапша и баня.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ городѣ Нерехтѣ, покупаютъ невѣсту за деньги. Не только бѣдные, но богатые поселяне почитаютъ себѣ за безчестіе, отдать дочь безденежно. Чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты, о чемъ провозглашается немедленно по деревнѣ. Продажная цѣна называется *калымомъ*, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ обрядъ позаимствованъ отъ Татаръ, во время ихъ господствованія надъ нашими предками.

Женихъ посѣщаетъ свою невѣсту, почти ежедневно, и рѣдко пріѣзжаетъ къ ней безъ подарковъ. Сопутствующимъ ему молодцамъ, онъ даетъ по штофу вина и ведру пива; а невѣста угощаетъ женщинъ и дѣтей лапшою. Во время масленицы, онъ непремѣнно долженъ особо угостить парней и подругъ своей жены, а невѣста должна кататься съ нимъ въ саняхъ, одѣтая какъ можно побогаче, съ блестящимъ кокошникомъ, который надѣвается на нее однажды послѣ вѣнчанія. — Ношеніе кокошника выходитъ здѣсь изъ употребленія.

За двое сутокъ до вѣнчанія, крошатъ лапшу, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, и пекутъ пироги на яйцахъ. Родственницы жениха такъ же крошатъ лапшу, и посылаютъ невѣстѣ въ пода-

рокъ три колоба на блюдѣ. (*) Невѣста съ своими подругами принимаетъ колобъ, разсучиваетъ его и искрошивъ въ лапшу, отсылаетъ обратно на томъ же блюдѣ, къ своему жениху, но съ подарками для его родственниковъ и родственницъ, какъ то: съ лентами, башмаками, платками и мѣлкими деньгами. — По обрученіи молодыхъ, кормятъ ихъ на крутильномъ столѣ, на коемъ рѣзали лапшу, и преимущественно той лапшею, которая была искрошена отъ трехъ колобовъ, въ томъ предубѣжденіи, что сердца молодыхъ *сплетутся вѣковѣчной любовью.*

За день до вѣнчанія, невѣста прощается съ родителями; если она сирота, то ходитъ на кладбище и испрашиваетъ у нихъ благословенія: *родимые мои, батюшка и матушка! Не надо мнѣ ни золота, ни серебра, я испрашиваю родительскаго благословенія.* То же самое дѣлаетъ женихъ. — На канунѣ свадьбы дружка топитъ баню для молодыхъ. — При отправленіи невѣсты въ баню съ своими подругами, родители благословляютъ ее хлѣбомъ-солью и иконою. Послѣ благословенія она подчиваетъ своихъ сродниковъ, а въ банѣ своихъ подругъ, рюмкою вина; потомъ всѣ дарятъ ее.— Дружка поддаетъ паръ пивомъ, или медомъ, думая содѣлать чрезъ то брачную жизнь сладкою. Другіе поддаютъ паръ водкою, въ томъ мнѣніи, что этимъ можно скрѣпить супружескія сердца нѣжной дружбою. Потомъ дружка подноситъ отъ себя, всѣмъ моющимся, по рюмкѣ водки. Нѣкоторыя дѣвушки, выходя изъ бани, бьютъ въ заслонъ и сковороды, давая этимъ знать, что невѣста парится. Послѣ подносятъ ей закуску, состоящую изъ пряниковъ и толстыхъ блиновъ на дрождяхъ, называемыхъ *опекуши.* Она

(*) Пресное тѣсто, замѣшанное на молокѣ и маслѣ.

возвращается домой при пѣніи, и когда приведутъ въ избу, сажаютъ ее за обѣденный столъ, накрытый для нее и ея подругъ. Родные и родственники, когда она находится въ банѣ, обѣдаютъ отдѣльно. Отецъ, разломивъ благословенный хлѣбъ, подаетъ ей а она дѣлитъ его между своими подругами. Нѣкоторыя изъ нихъ завязываютъ въ узелки кусочки хлѣба съ солью, и хранятъ его, думая, пока онъ будетъ сохраненъ, дотолѣ будетъ продолжаться миръ и согласіе между мужемъ и женою. Послѣ обѣда угощаютъ невѣсту пряниками, орѣхами и сушеными плодами.—Женихъ ходитъ въ баню въ тотъ же самый день, съ своими молодцами, и всегда послѣ невѣсты, часто въ туже самую баню. Его дружка поддаетъ паръ водкою, и угощаетъ водкою всѣхъ парящихся. Его обдариваютъ, кто чѣмъ хочетъ. Женихъ же даритъ дружку пестрымъ шейнымъ платкомъ, или краснымъ кушакомъ. На закуску подаютъ блины, и потомъ идутъ обѣдать къ жениху. Послѣобѣденное время проводятъ въ пѣніи веселыхъ пѣсней, а подъ вечеръ собираются на дѣвичникъ. —

Продажа косы.

Дѣвушки сидятъ наряженными, ожидая гостей. Дружка появляется прежде всѣхъ; онъ приноситъ невѣстѣ подарокъ отъ жениха: зеркало, покрытое полотномъ, и ящикъ съ гребенками, лентами, бѣлилами, чулками, башмаками, наперсткомъ, иголками и платочкомъ. Въ это зеркало не смотрится невѣста, пока не позовутъ ее къ вѣнцу. За спиною невѣсты сидитъ дѣвочка, называемая *засѣдщицею*. Дружка покупаетъ у нее косу, кланяется низко и ласкаетъ красными словцами; она не продаетъ. Невѣста обращается къ дѣвочкѣ, которая замѣняетъ мѣсто брата, и говоритъ напѣвомъ:

Ты послушай, милый братецъ,
О чемъ тебя просить я буду :
Не здавайся, милый братецъ,
На слова на ласковы,
На поклоны низкіе,
На гостинцы дорогіе,
На казну и на золото.
Ни съ золотомъ мнѣ жити,
Мнѣ жити и любити,
Друга одного моего.
Пахваляли мнѣ молодца :
Бѣлѣе онъ снѣгу бѣлаго,
Румянѣе цвѣту алаго,
Но молодецъ-то не мой!
Черпѣе онъ соболя,
Хитрѣе хитрой лисы,
Съ морозами со лютыми
Зазябнуть рѣчи во сердцѣ. —

Дружка подноситъ ей стаканъ меду, и когда она возьмется пить, или выпьетъ ; тогда онъ кладетъ на подносъ деньги, говоря : *просимъ мѣсто опорожнить.* Онъ садится подлѣ невѣсты, и это означаетъ, что коса продана. Невѣста говоритъ ему со слезами :

Ужъ ты доброй молодецъ!
Не садись возлѣ меня.
Не твое это мѣстечко,
Ужъ какъ твое мѣстечко,
Съ парнями за воротами ;
А мое мѣстечко
Съ матушкой сидѣть,
И съ нею пѣсни пѣть. —

Сваха встаетъ и кланяется гостямъ ; потомъ подходитъ къ невѣстѣ и говоритъ: дитя, дитятко ненагляд-

пое! Мы не товаръ принесли, а сами за товаромъ пришли.—Она приступаетъ расплетать проданную косу. Тогда дѣвицы поютъ:

Коса моя, косонька
Русая коса!
Вечоръ тебя, косонька,
Матушка плела.
Золотомъ, серебромъ увивала,
Скатнымъ жемчугомъ низала, —
По утру ранепько,
Пріѣхала сваха;
Зачала мою косу,
Невѣжливо рвати.
Все рвала, оборвала,
И крупный жемчугъ разсыпала, —
И на двое косоньку расплела. —

Во время пѣнія сваха нарочно рветъ косу, снимаетъ съ нее алую ленту, и показываетъ видъ, что она разрываетъ ее. Этимъ самымъ уничтожается дѣвическая свобода. Невѣста тогда въ слезахъ,—ее утѣшаютъ.

Дѣвичникъ. У простолюдиновъ происходятъ свадьбы по большей части въ воскресенье, поэтому въ субботу, въ день дивичника, посылаетъ женихъ своей невѣстѣ гостинцы, состоящіе изъ пряниковъ, колобовъ, орѣховъ, сушеныхъ плодовъ и яицъ, а невѣста посылаетъ ему въ замѣнъ почти тоже самое, или красный платокъ на шею. Впрочемъ, это зависитъ отъ выбора невѣсты.

Въ то самое время собираются гости, которые состоятъ преимущественно изъ родственниковъ молодыхъ: тещи, тетокъ, тестя, братьевъ и сестеръ, а въ томъ числѣ дружекъ, свахъ и тысяцкого. Когда род-

ственникъ жениха вынимаетъ гостинцы, тогда поютъ подруги:

Ужъ что я сижу, думаю?
Ужъ что я сижу, гадаю?
У меня ли не чуткое?
У меня ли горя круты горы,
Аль слезъ рѣки полныя?
Всѣ поля слезами политы,
Всѣ сады горемъ насажены. —
Не дали мнѣ горемычной,
Во дѣвушкахъ насидѣться;
Не дали мнѣ молоденькой,
Съ подругами наиграться;
Не дали разуму созрѣти,
Лицу бѣлому разцвѣсти.—
Русу косу расплели,
Алу ленту сорвали.

Это напоминаніе дѣлаютъ дѣвушки къ тому, что сваха безвозвратно лишила ихъ подругу золотой волюшки. Приходитъ женихъ и кланяется: сначала образамъ, потомъ гостямъ, а наконецъ самой невѣстѣ. Постоявъ не много, онъ подходитъ къ своей молодой и садится подлѣ нея. Невѣста говоритъ ему:

Садись, доброй молодецъ,
Не съ гордостью, не со спесью,
Садись съ Божьею милостью.
Бери, чтобъ не каяться,
Жить въ любви не маяться.

Онъ подаетъ ей ключи на тарелкѣ или на подносѣ, въ ознаменованіе, что на нее возлагаются всѣ домашнія заботы по хозяйству.

Родственники поздравляютъ ее, а женихъ, посидѣвъ не много, уходитъ домой. За нимъ идутъ вскорѣ его отецъ, мать а потомъ всѣ родственники. Есть еще обыкновеніе, что когда женихъ ѣдетъ съ родственниками, тогда стараются держать въ домѣ затворенными ворота, и чтобы въ то время было на дворѣ тихо. Сватъ или дружка ѣдетъ впереди и отворяетъ ворота, въ которыя въѣзжаетъ поѣздъ. Всѣ, кромѣ невѣсты, выходятъ на крыльцо встрѣтить жениха. Лошадей у поѣзда отбираютъ и становятъ въ конюшнѣ, считая безчестнымъ оставлять ихъ на улицѣ.—

Невѣста, сколько ни старается быть веселою въ это время, но воспоминаніе о предстоящей для нея жизни, переноситъ ее воображеніе къ печальнымъ мыслямъ. Она обращается за совѣтами къ своей родственницѣ, по большей части къ теткѣ, и проситъ научить ее: какъ жить въ чужихъ людяхъ?

Тетушка, тетушка,
Тетка дорогая!
Ты пойди, поучи,
И горе-то смягчи. —
Я думаю думушку,
Думушку крѣпкую,
Скажи мнѣ безо лжи:
Какъ жити въ людяхъ чужихъ?

Тетка отвѣчаетъ:

Ты послушай мое племячко,
Я скажу тебѣ потайности:
Въ чужихъ людяхъ живучи,
Много нужды напринимаешься!
День денной на работѣ,
А ночиньки не доспишь:
И холоду и голоду!

А пуще бойся тещи.
Носи платье, не спашивай;
Терпи горе, не сказывай!
Надо быть покорчиву,
Головкѣ поклончивой,
Ко всѣмъ людямъ привѣтливой,
И на всяко дѣло смѣтливой. —

Предъ уходомъ гостей, дарятъ ихъ не одинаково, смотря по состоянію: платками, лентами, башмаками, чулками и другими вещами. — Тогда уже расходятся. Случается, что невѣста до ихъ ухода, прощается съ своими родственниками, и прежде всѣхъ оставляетъ ихъ. —

Обрядныя дѣйствія часто требуютъ, чтобы невѣста спрашивала у своихъ родителей совѣта: какъ ей жить въ чужихъ людяхъ? или просила бы ихъ, чтобы они позабыли ее:

Родимой мой, батюшка,
Пой гостей до пьяна;
Чтобы гости позапили,
И меня позабыли.
Родимой мой, братецъ,
Бери коня удалова,
Поѣзжай въ темный боръ:
Сруби березоньку,
Завали имъ путь дороженьку.
Родимая родная,
Дари гостей не по ряду;
Не дари-тко двухъ гостей:
Друженьку-разлученьку,
И свашеньку косу-рѣжку.

Невѣста ложится спать подъ иконами, за покрытымъ скатертью столомъ. На немъ лежитъ хлѣбъ-соль

Замѣчаніе о снѣ невѣсты

и стоитъ стаканъ пива или квасу. Этимъ хлѣбомъ-солью благословляютъ впослѣдствіи молодыхъ, и имъ встрѣчаютъ послѣ вѣнца. — Точно такъ же спитъ и женихъ. Первый сонъ замѣчаютъ и толкуютъ воражеи. Невѣсту разбуживаетъ по утру мать или подруга молодой. Хорошое предзнаменованіе, если она спала долго, — это означаетъ спокойную жизнь. Вставаніе безъ разбуживанія, предвѣщаетъ прекрасную жизнь. Послѣ вставанія обращается невѣста къ своимъ родителямъ:

Болѣзный ты, мой батюшка,
И радѣльщица моя матушка!
Ты скажи-тко мой батюшко,
Со пріятушкой, со матушкой:
Что спалась ли вамъ темна почепька?
Что спалась ли, не спалась,
А мнѣ-то горемышной
Головкѣ моей бѣдной,
Не спалося во всю ноченьку.
Не хорошъ мнѣ сонъ привидѣлся,
Ужъ что привидѣлось-то мнѣ;
Что вставали вихры буйные,
Уносили то мою постелюшку
Въ незнаему сторонушку,
Къ чужому отцу матери,
Къ незнаему роду племени.

Обряды предвѣнечные.

Въ этотъ же день обсылаютъ невѣсту и жениха: хлѣбомъ-солью, калачами и водкою; а женихъ иногда вновь посылаетъ своей невѣстѣ, какіе нибудь подарки съ хлѣбомъ и солью. Послѣднее часто храпится въ семействѣ, какъ залогъ согласія и богатства. Все утро проводится въ уборкѣ молодой и жениха. Съ обѣихъ сторонъ занимаются особенно, чтобы про-

весть это время, какъ можно веселѣе и радостнѣе, дабы радоваться во всю жизнь. Избѣгаютъ всякихъ неблагопріятныхъ встрѣчъ, и стараются быть ко всѣмъ ласковыми и снисходительными. Женихъ, въ знакъ памяти о себѣ, даритъ своихъ близкихъ родныхъ и друзей, чѣмъ можетъ; а невѣста своихъ подругъ: бѣлилами и румянами, извѣстными въ простонародіи подъ именемъ *мазилей;* или она дѣлитъ между ними гостинцы своего жениха. —

Когда уже приближается время поѣзда къ вѣнцу, тогда начинаютъ убирать невѣсту. Одна изъ подругъ расплетаетъ косу; при этомъ случаѣ не только сама невѣста, но и подруги плачутъ съ нею. Невѣста спрашиваетъ у нихъ жалобно:

Скажите, подруженьки,
Куда меня собираете?
Куда наряжаете?
Не гулять ли на ярмонкѣ?
Не во луга ли зеленые?
Не во лѣса ли темные?
Не собираете ль горемычную,
Къ Божьей церквѣ? —
Ужъ какъ падѣнутъ вѣнецъ,
Всѣмъ радостямъ конецъ. —

Молодые не употребляютъ пищи до самаго вѣнца. То же самое дѣлаютъ родственники. Отецъ и мать, предъ поѣздомъ молодыхъ въ церковь, благословляютъ ихъ иконами. За невѣстой пріѣзжаетъ иногда женихъ, но большей частію дружка, который ѣдетъ тогда верхомъ, позади своего поѣзда; онъ кланяется встрѣчнымъ и говоритъ: милости просимъ къ нашему князю и къ нашей княгинѣ, хлѣба-соли откушать.— Молодой называется въ то время княземъ а молодая княги-

нею. — Если поѣздъ бываетъ вечеромъ, то жгутъ на дорогахъ солому, для предохраненія молодыхъ отъ нечистой силы. — Дѣвушки невѣсты, завидѣвъ ѣдущаго дружку, поютъ :

Не лѣса ли преклоняются,
Не воды ли разливаются,
У батюшки широкова двора,
У матушки новой горенъки? —
Не гуси ли заговорили? —
Заговорили добрые люди,
Сватушки пріѣзжіе,
Мои то разлучники.
Не вершина въ избу клонится,
Клонится дружечка, Богу молится,
Всѣмъ людямъ поклоняется :
Батюшкѣ съ матушкой покоряется.
Я не знаю дружечка,
Ни имя твоего, ни отечества;
Не бери меня, дружечка,
За праву за рученьку ;
Не веди меня, дружечка,
Къ вѣнцу золотому ;
Не сажай меня, дружечка,
За столы дубовые,
За скатерти браныя. —

Послѣдніе три стиха поются, по большей части, когда невѣста сидитъ съ женихомъ за столомъ. Дружка, прибывъ въ избу, молится сначала иконамъ, а потомъ кланяется на всѣ четыре стороны. Двери избы запираютъ ; всѣ садятся, и посидѣвъ нѣсколько минутъ, молятся, а невѣсту благословляютъ. Она говоритъ съ плачемъ :

Ни прошу я, батюшка,
Ни злата, ни сребра;
Прошу я батюшка,
Благословенья твоего. —
Ужъ я ли горькая,
Слезы лью горючія?
И меня ли кто утѣшитъ,
На житье вѣковѣчное!
Не прошу я, матушка,
Ни злата, ни сребра;
Прошу я матушка,
Благословенья твоего. —
Ужъ я ль думала, гадала,
Во чужихъ живати?
Стонучи и плачучи,
Къ вѣнцу поѣзжати!

Обрядъ послѣ вѣнчанія.

По отправленіи молодыхъ къ вѣнцу, приготовляютъ обѣденный столъ, который застилаютъ чистымъ полотномъ. На немъ занимаютъ первое мѣсто, благословенный хлѣбъ и коровай. Послѣ вѣнчанія надѣваютъ на молодую, въ притворѣ, спачала кокошникъ, въ которомъ она сидитъ за свадебнымъ столомъ, а потомъ сваха накидываетъ на ея голову наметку и въ этомъ уборѣ везутъ ее съ женихомъ домой. Тутъ въ дверяхъ, встрѣчаетъ ихъ сваха въ шубѣ, надѣтой на выворотъ, и старается испугать молодую, чтобы она была боязливая и почтительная. Отецъ или мать, бросаетъ въ лицо соль, чтобы предохранить повобрачныхъ отъ раздора; или отецъ слегка бьетъ плетью по спинѣ повобрачной три раза, чтобы она забыла прежнихъ женіховъ и любила одного мужа. Молодые кланяются въ ноги своимъ родителямъ, а послѣ сваха беретъ невѣсту за руку, и окручиваетъ ее съ обрядными дѣйствіями, совершаемыми слѣдующимъ образомъ:

сваха прилѣпливаетъ къ стѣнѣ вѣнчальныя, зажженныя свѣчи и сажаетъ новобрачныхъ подъ свѣчами, на разосланномъ бараньемъ мѣхѣ или вообще на овчинѣ. — Послѣ, двѣ свахи: одна со стороны невѣсты, а другая со стороны жениха, расплетаютъ косу молодой, и плетутъ внизъ подъ руку. По заплетеніи волосъ въ двѣ косы, накидываютъ на молодую повойникъ, и съ тѣхъ поръ она не можетъ ходить простоволосою, даже при родныхъ, и ходить безъ повойника, считаютъ за великій грѣхъ. — Потомъ одна изъ свахъ бьетъ въ стѣну бревномъ, чтобы отбить сердце у молодой, т: е: чтобы молодая была добрая и не сердитая, — такое дѣйствіе называется кручеиіемъ. —

Когда усадятъ молодыхъ и гостей, тогда подчиваютъ всѣхъ: но прежде повобрачныхъ а потомъ гостей. — За тѣмъ набираютъ обѣдъ на крутильномъ столѣ. За обѣдомъ подаютъ благословенный хлѣбъ, который называется крутильнымъ. Во время стола подчиваютъ водкою и пивомъ. Послѣ обѣда начинается уже пиръ, и тогда почитается невѣжливостію для молодыхъ и вновь сговоренныхъ, ѣсть что либо, исключая коровая. Молодымъ приготовляется особый ужинъ. На пиръ привозятъ два пирога: отъ невѣсты и жениха; пирогъ послѣдняго кладется на верхъ пирога невѣсты, въ ознаменованіе власти мужа надъ женою. Пирогъ начиняется мясомъ и яйцами. Кушанье и пирогъ разрѣзываетъ тысяцкій, какое званіе носитъ крестный отецъ жениха. Сидящій дружка подлѣ тысяцкаго, раздаетъ гостямъ рѣзаный на куски пирогъ. Въ продолженіи пира поютъ свадебныя пѣсни и пляшутъ; бьютъ съ намѣреніемъ посуду, чашки и тарелки, и чѣмъ болѣе бьютъ, тѣмъ супружество счастливѣе.

Ночью уводятъ молодыхъ спать въ подклѣть или сѣнникъ. Молодая разуваетъ своего мужа, и когда она снимаетъ сапогъ, въ коемъ лежатъ деньги, тогда онъ бьетъ ее слегка плетью по плечамъ. Это обыкновеніе однако не вездѣ уже выполняется.—Около подклѣта ходитъ ночью сваха или вооруженый дружка, чтобы колдуны не попортили молодыхъ. На другой день провозглашаютъ молодую. Если на нее не падаетъ безсчестное имя; то молодой благодаритъ ея отца и мать; въ противномъ случаѣ онъ не ходитъ къ нимъ на поклонъ.

Дружка заранѣе приготовляетъ баню, и приглашаетъ париться: сначала молодыхъ, а потомъ ихъ родственниковъ. Новобрачная даритъ дружку полотенцемъ, которое она нарочно приноситъ съ собою, и оставляетъ развернутымъ на кадкѣ. Послѣ бани угощаютъ новобрачныхъ блинами, а за обѣдомъ, какъ ихъ такъ и родственниковъ, разными кушаньями и напитками, приготовленными въ домѣ молодой.—Тутъ она даритъ свекра и свекровь рубашками, а прочихъ платками. Богатые свекровь и свекоръ, обдариваютъ ее взаимно: полотномъ, мукою и пивомъ. Вечеромъ отправляется новобрачный съ своей молодою на ужинъ, къ своему тестю и тещи. На столъ, между прочими кушаньями, подаютъ приготовленные на яйцахъ блины, коихъ концы съ намѣреніемъ перепутаны и скрыты, а женихъ, не разрѣзывая блина, долженъ распутать ихъ. Тогда онъ признается удалою головою, непроводчивымъ, и жена уже не проведетъ его.—

ДОПОЛНЕНІЕ.

Въ уголкахъ дальнихъ селеній и деревень, господствуетъ простота и въ образѣ жизни и въ изліяніи сердечныхъ мыслей. Тамъ сельскія празднества и удовольствія, выражаются не принужденно. Поетъ ли поселянинъ или гуляетъ, — онъ дѣйствуетъ какъ чувствуетъ его сердце. Раздается ли свадебное веселіе,— онъ празднуетъ его съ непритворной душею — Вотъ образецъ простоты той сельской радости, которая совершается въ Борщевскомъ селеніи, Нерехтовскаго уѣзда, костромской губерніи (*).

Самое дѣятельное участіе въ свадьбѣ принимаютъ здѣсь: свахи, сваты и дружки, — послѣдній распоряжается еще пиромъ и веселіемъ. Когда уже окончѣнъ сговоръ, тогда онъ ѣздитъ просить сосѣдей: откушать хлѣба-соли, и попировать. Приглашая на веселіе отъ имени жениха, невѣсты и ихъ родителей, онъ проситъ каждое семейство съ поклономъ, говоря:

Бьютъ челомъ, бачка Андрѣевичъ
Бьютъ челомъ, мачка Ивановна,
Къ новобрачному князю,
Къ молодой княгинѣ
Хлѣба кушати. —

По приглашеніи гостей въ домъ невѣсты, онъ заботится о порядкѣ ихъ пріема; привѣтствуетъ каждаго приличными словами, встрѣчаетъ и провожаетъ. При

(*) Описаніе этой свадьбы помѣщено г. Снегиревымъ въ его прекрасномъ сочиненіи: Руск. и простонар. праздн. и суевѣр. обряды, вып. IV. с. 132–142. Изъ этого сочиненія извлечены однѣ только свадебныя пѣсни.

появленіи отца и матери жениха, онъ именуетъ ихъ сватушкой и свахонькой, и проситъ сначала у нихъ благословенія,—потомъ у родственниковъ молодыхъ, а тамъ у всѣхъ гостей.

Еста сватушка кореной и свахонька коренная!

Вы сродниковъ созывали,
Храброй поѣздъ собирали,
Новобрачнаго князя снаряжали,
Въ цвѣтно платье одѣвали,
За столы дубовые сажали,—
За столами за дубовыми,
Сидятъ гости собранные.
Поютъ, прохлажаются,
Храбрымъ поступкомъ похваляются:
У тебя де, сватушка, на дворахъ на широкихъ
Стоятъ кони снаряженные,
Во дороженьку припасенные;
Стоятъ кони, поминаются,
Съ широкова двора порываются,
Новобрачнова князя дожидаются.
Новобрачной князь собирается,
Во цвѣтно платье одѣвается,
Стоитъ на рѣзвыхъ ногахъ,
Проситъ родительскаго благословенья.
Благословите, сватушко, свое дитя,
Изъ мѣста встать,
Святымъ помолиться.
Благословите!
Изъ за столовъ итти изъ за дубовыхъ,
Изъ за скатертей изъ за бранныхъ,
Изъ за ѣствицевъ изъ за сахарныхъ
Изъ за питьицевъ изъ за медьяныхъ,
По горенкѣ итти по новой,
Черезъ порогъ переступить.
По мосту по калинову,

По лѣсенькѣ по брусчатовой,
Широкимъ дворомъ итти,
Ко добру коню притти,
На добра коня садиться
Съ широка двора съѣзжать,
Гладкой улицей проѣзжать,
Въ чистое поле выѣзжать,
По лугамъ ѣхать по зеленымъ,
По цвѣтамъ по лазоревымъ. —
Цвѣтки разцвѣтали,
Поднебесныя пташки распѣвали,
Новобрачнова князя увеселяли. —
Ѣдетъ де нашъ, новобрачный князь,
По свою новобрачну княгиню,
Сужену взять, сужену взять,
По Божьему повелѣнью,
По царскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мірскому приговору.
Благословите!

Потомъ обращается къ гостямъ:

Еста, добрые люди,
Гости полюбовные
Званые и незваные,
Усатые и бородатые,
Холостые и не женатые,
У воротъ приворотнички,
У дверей притворнички. —
По полу ходючи,
По серединѣ стоючи,
Изъ кута по лавкѣ,
По кривой по скамейкѣ.
Благословите!

Молодыя женщины, одѣтыя въ парядныя шубы или платья, сидятъ на лавкахъ въ чинномъ порядкѣ. Дружка обращается къ нимъ и говоритъ:

Молоды молодки!
Хорошія находки
Купьи шубы,
Соболиные пухи,
Съ поволоками глаза,
Съ помахи голова,
Золоты кокошники,
Серебряны сережки,
Дочери отецки,
Жены молодецки,
Благословите!

Дѣвушки, наряженныя въ яркія съ пестрыми цвѣтами одежды, съ зачесанными волосами и перевитыми косами, сидятъ рядомъ молчаливо.—Дружка кланяется имъ вѣжливо и говоритъ:

Красныя дѣвицы!
Пирожныя мастерицы
Чосаныя головы,
Круглыя голени
Сметанку снимали,
Кокурку мѣсили,
Подъ застречь хоронили,
Молодцевъ дарили,
Благословите!

Дружка привѣтствуетъ потомъ дѣтей и наконецъ отправляется съ своимъ поѣздомъ къ жениху, который ѣдетъ съ нимъ въ то селеніе, гдѣ его невѣста.—Не доѣзжая до села, дружка оставляетъ жениха въ полѣ со всѣми поѣзжанными, и идетъ съ однимъ подружкою

къ свату, который встрѣчаетъ ихъ съ пивомъ на дворѣ. Дружка, принявъ пиво, говоритъ:

Еста, сватушка кореной!
Я иду самъ третей съ ковшомъ,
Рѣзвы ноги съ подходомъ,
Бѣлы руки съ подносомъ,
Ковшикъ съ питьемъ,
Голова съ челобитьемъ:
Ковшикъ тебѣ принять да пить,
Послѣ того здорову быть:
Въ ручки, въ ножки,
Въ буйну голову,
Въ ретиво сердечко.
Ковшикъ пріими да выкушай,
А меня тамъ въ горницѣ,
Выслушай!

Идутъ въ троемъ въ избу, кланяются сначала образамъ, потомъ на всѣ четыре стороны и садятся, а дружка говоритъ:

Еста сватушка и свахонька кореные!
Нашъ сватъ и сваха приказали про васъ распросить,
Про свое разсказать:
Нашъ сватъ и сваха и добры и здоровы,
По сяковъ день и по сяковъ часъ, —
Какъ васъ Богъ несетъ?

Сватъ проситъ ихъ сѣсть. Дружка садится за столъ; ихъ подчуютъ пивомъ и водкою. Дружка напоминаетъ свату, что пора показать невѣсту, и увидѣвъ ее, проситъ снарядить въ благословенный путь. Отецъ соглашается, дружка беретъ ее за руку и сажаетъ за столъ; подноситъ свату кружку пива, убѣждаетъ отца посадить подлѣ ее стражу, чтобы она не ушла. Случалось,

что невѣста, не дождавшись жениха, уходила изъ за стола, потому сажали подлѣ нее стражу изъ подружковъ, которые берегли ее до прибытія жениха.—Отецъ соглашается приставить стражу, дружко на—крѣпко наказываетъ смотрѣть за быстроногою, совѣтуетъ не слушать ее словецъ и беречь княгиню молодую. Посидѣвъ не много за столомъ, встаетъ и говоритъ, что ему теперь надобно ѣхать въ чистое поле, въ которомъ, за темными лѣсами, за зелеными лугами и быстрыми рѣками, ожидаетъ храбрый его князь; что молодый князь, подъ шатромъ полотняным, гуляетъ съ своею дружиною; пьетъ изъ чаши медяной и похваляется своимъ тестемъ.

Обычай, оставлять жениха въ полѣ съ поѣздомъ, позаимствованъ отъ Татаръ и онъ удержанъ здѣсь по нынѣ.

Поклонившись свату, дружка выходитъ изъ избы, но не дойдя до дверей, говоритъ:

Еста сватушка, я дружка съ подружьемъ
Пріѣхалъ къ тебѣ на широкой дворъ. —
Широки дворы осматривалъ,
Новые стойлицы опрастывалъ,
Добра коня въ путь поворачивалъ
За точеные столбы привязывалъ.
Ваша милость встрѣчали,
Въ нову горницу звали.
Я ходилъ въ нову горницу,
Богу помолился;
Съ вашей милостью поклонился.
Ваша милость встрѣчали,
За дубовые столы сажали.
Посидѣлъ, погостилъ,
Что надо, себѣ получилъ,
Новобрачну княгиню за столъ посадилъ.

Не такъ просто уѣзжалъ,
А сторожа оставлялъ.
Богу помолился,
Съ вашей милостью прощался,
Изъ новы горницы выходилъ,
На новой дворъ выступалъ,
Къ доброму коню приходилъ,
На добра коня садился,
Съ широка двора съѣзжалъ,
Широкія улицы проѣзжалъ,
Въ чисто поле выѣзжалъ,
Храбрый свой поѣздъ искалъ.
Мой храбрый поѣздъ
Стоитъ въ чистомъ полѣ, далечѐ:
За темными лѣсами,
За зелеными лугами,
За черными грязями,
За быстрыми рѣками
Подъ ходячими облаками,
Подъ чистыми звѣздами,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ,
Подъ лебединымъ крылушкомъ,
Подъ полотнянымъ шатеркомъ:
Пьютъ, ѣдятъ изъ чаши медьяной,
И хваля, про свата выспрашиваютъ:
Есть ли-ста дворы широкіе,
На дворахъ столбы точеные,
Кольца золоченыя,
Ясли крашеные,
Ковры шелковые?
Ну, сватушка, у меня ѣдетъ великъ поѣздъ:
Сто вершниковъ,
Пятьдесятъ тележниковъ—
А рюмочку поднесешъ, такъ и убавлю;
А другую поднесешъ, такъ половину убавлю;
А третью поднесешъ, такъ самъ о себѣ пріѣду.

Дружкѣ подносятъ чарку вина, а сватъ изъявляетъ согласіе, что онъ радъ принять весь его поѣздъ. Дружка отправляется за женихомъ, который, въ сопровожденіи его и своихъ вершниковъ, въѣзжаетъ на дворъ. Ворота до толѣ затворенныя, растворяются самимъ хозяиномъ; у крыльца же встрѣчаетъ жениха сватъ, который вводитъ его за руку въ избу и сажаетъ подлѣ невѣсты. Всѣ садятся по своимъ мѣстамъ; потомъ подчуютъ ихъ пивомъ, а дружка, вставъ съ своего мѣста, напоминаетъ гостямъ и свату, что пора ѣхать молодымъ къ вѣнцу и принять законъ Божій по мірскому приговору.

Еста, сватушка кореной,
И свахонька кореная!
Благословляйте новобрачнаго князя,
Съ новобрачной княгиней
Изъ мѣста встать,
Богу помолиться
Добрымъ людямъ поклониться,
У отца и матери благословиться.
Изъ за столовъ итти изъ за дубовыхъ,
Изъ за скатертей изъ за браныхъ
Изъ за ѣствицевъ изъ за сахарныхъ,
Изъ за питьицевъ медьяныхъ.
По горенкѣ итти по новой,
Черезъ порогъ переступить,
По мосту по калинову,
По лѣсенькѣ по брусчатой,
Широкимъ дворомъ итти,
Къ добрымъ конямъ притти.
На добрыхъ коней садиться.
Съ широка двора съѣзжать,
Гладкой улицей проѣзжать.
Ѣхать по чистымъ полямъ,

По зеленымъ по лугамъ,
По лазоревымъ цвѣтамъ. —
Цвѣты расцвѣтали,
Поднебесныя пташки распѣвали,
Новобрачныхъ увеселяли.
Ѣдетъ новобрачной князь,
Съ новобрачной княгинею,
Ко вѣнчанію.
Подъ вѣнецъ стоять,
Законъ Божій принять,
Суженую взять,
Ряженого взять,
По Божьему повѣленію
По царскому уложенью
По господскому приказанью,
По мірскому приговору.
Благословляйте!

Всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ; женихъ беретъ за руку невѣсту и обратившись къ образамъ, онъ молится съ нею; за ними молятся всѣ присудствующіе. Потомъ обращаются молодые къ родителямъ, падаютъ имъ въ ноги и просятъ у нихъ благословенія. Ихъ благословляютъ сначала иконами, которые кладутъ имъ на голову, а послѣ благословляютъ хлѣбомъ-солью.—

Мальчикъ,—братъ невѣсты, а если нѣтъ брата, то кто нибудь другой,—беретъ въ руки икону, выходитъ прежде всѣхъ изъ избы и провожаетъ молодыхъ въ церковь. Хлѣбъ-соль относится въ подклѣть молодыхъ. —Подклѣть бываетъ холодная, постель стелется на ржаныхъ снопахъ и покрывается одѣяломъ и шубами.

Когда князь съ княгиней выйдутъ изъ избы, тогда дружка снова обращается къ гостямъ, съ тѣми же приговорами, какія произносилъ прежде. Женихъ и невѣста отправляются въ церковь.—При совершеніи вѣн-

чанія замѣчаютъ, кто ступитъ прежде на коверъ или кто станетъ прежде по правую руку,—тому господствовать въ домѣ. Новобрачныхъ встрѣчаютъ съ радостными припѣвами и поздравляютъ ихъ. Угощеніе начинается водкою, и потомъ всѣ садятся за столъ. Послѣ обѣда бываютъ пляски, и поются веселыя пѣсни. По наступленіи времени увода молодыхъ въ почивальную клѣть, дружка сопровождаетъ ихъ, но говоритъ сначала:

Еста сватушка кореной,
И свахонька коренная!
Благословляйте своихъ дѣтей,—
На подклѣть итти,
Подъ шубой спать,
Подъ куньей спать;
Кунью шубу къ ногамъ топтать,
Здоровенько спать,
Веселенько вставать. —

На другой день ходятъ молодые въ баню, и ее топитъ дружка. Потомъ родные и родственники собираются на обѣдъ къ молодымъ.—Этимъ оканчивается сельская свадьба. — Въ теченіи почти цѣлой недѣли, приглашаются новобрачные на обѣды и пирушки, которыя даются ихъ родственниками. Тутъ уже обдариваютъ ихъ, кто чѣмъ богатъ.

XI. СВАДЬБА ВЪ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Сватовство.

Главное дѣйствующее лице въ продолженіи всей свадьбы, есть старшій сватъ. Онъ, по желанію жениха или его родителей, отправляется сватать невѣсту, преимущественно между знакомыми ему дѣвушками. Сватъ, войдя въ избу, молится сначала св. иконамъ, потомъ кланяется на всѣ четыре стороны и спрашиваетъ хозяина. — Этотъ выходитъ и спрашиваетъ: откуда Богъ несетъ? — Изъ дальней сторонушки, дорогой мой сосѣдушко, отвѣчаетъ онъ, мы нарочито сюда прибыли, и вѣстимо не безъ дѣла.—Просимъ милости, отвѣчаетъ хозяинъ, указывая ему мѣсто на лавкѣ.—Благодарствуемъ, говоритъ онъ, мы прибыли сюда по дѣлу, вѣстимо по дѣлу, сосѣдушко. *Слажать*, есть у васъ продажный товарецъ, — дай вамъ, Господь милосердный, здоровья, а мы найдемъ на него купца. Иногда говорятъ: я слышалъ, что у тебя есть товаръ, а у меня есть купецъ; твой товаръ, я слышалъ, дорогой, хорошій и нележалый, а у меня есть купецъ: богатый, хорошій и неженатый.—Хозяинъ смекнувъ, въ чемъ дѣло, говоритъ: дай Богъ въ доброй часъ. — Онъ проситъ свата садиться, не чинясь, и узнавши, отъ кого паряженъ по дѣлу, распра-

шиваетъ о здоровьи стариковъ. (*)—Старики-то и живы и здоровы, семѣйкѣ твоей низко кланяются, себѣ сынка выростали, а меня ему невѣсту искать выпросили. Послѣ этого, сватъ спрашиваетъ позволенія пріѣхать *съ поглядками*, приговаривая: вѣдь у насъ сторонушка православная, не бусурманская; въ ней не вѣнчаютъ молодыхъ безъ погляду.—Отецъ, изъявивъ согласіе, угощаетъ свата, и это называется *малой пропой*. Къ слѣдующему утро все готово въ домѣ невѣсты, чтобы принять жениха, его родителей, родню свою и знакомыхъ. Убранная дѣвушка, какъ можно лучше, сидитъ въ заднемъ углѣ. Дверь въ избѣ запираютъ крѣпко на крѣпко. — Сватъ, пріѣхавши съ женихомъ, подходитъ къ избѣ, но замѣтя, что дверь заперта, начинаетъ стучать. — Кто тамъ? спрашиваютъ изъ избы. — Проѣзжіе, добрые люди.—Что надо?—Впустите обогрѣться, сбился съ дороги.—А откуда проѣзжіе? — Сдѣсь пускается сватъ въ сказки и присказки, по коимъ судятъ о достоинствѣ свата, а потому избираютъ для этого случая опытнаго балагура. Во время разсказовъ отворяется дверь. — Проѣзжіе чай передрогли съ холоду-то, говоритъ отворяющій дверь, и подноситъ полный стаканъ водки. — Сватъ входитъ въ избу, выпиваетъ и говоритъ: водка водкою, а старички твердятъ: пей да ума не пропей, и дѣло разумѣй.—Потомъ онъ осматриваетъ избу, и обойдя около лавокъ три раза, начинаетъ осматривать невѣсту. Послѣ осмотра вступаетъ онъ въ переговоры, при которыхъ выхваляетъ досто-

(*) Когда отецъ не согласенъ выдать свою дочь за мужъ, тогда онъ отвѣчаетъ ему прямо: товаръ не по купцамъ, или: товаръ еще не готовъ.

ництва жениха, увеличивая ихъ сколько можно болѣе, и спрашивать позволенія у невѣсты ввесть жениха въ избу. — Получивъ на то позволеніе, онъ беретъ голикъ (истертый вѣникъ) и прометаетъ дорогу, отъ дверей до невѣсты; потомъ отворяетъ дверь, — протягиваетъ руку жениху и ведетъ его по прометеной дорожкѣ къ невѣстѣ.

Сговоръ. Женихъ и невѣста, насмотрѣвшись другъ на друга, изъявляютъ согласіе вступить въ бракъ. Отецъ невѣсты благодаритъ жениха, что онъ не побрезгалъ его дочерью, снимаетъ со стѣны св. иконы, и вмѣстѣ съ своей женою, а если нѣтъ ее, то со старушкой, близкой родственницею, образуютъ (благословляютъ) жениха и невѣсту. Послѣ образованія, цѣлуются молодые. Сватъ вынимаетъ изъ за пазухи водку, и подчуетъ всѣхъ гостей, бывшихъ при образованіи, — это называется *большой пропой*. — Въ этотъ самой день, а иногда на другой, совершаютъ обрученіе въ присутствіи священника, или безъ него. Молодыхъ ставятъ на разостланомъ, овчиномъ платьѣ, выворотномъ шерстью вверхъ, и обручаютъ ихъ.

Дѣвичникъ. На дѣвичникъ пріѣзжаетъ женихъ съ подженишникомъ, сватомъ и дядькою (*), и привозятъ изъ дома обѣдъ, который состоитъ: изъ вареной и жареной говядины, баранины, поросенка, ветчины, птицъ, хлѣбнаго печенья, водки, наливокъ, пива, меду и браги; ставятъ все это на столъ, до пріѣзда родни невѣсты. По собраніи всѣхъ гостей, садятся за столъ. Женихъ и невѣста не обѣдаютъ за общимъ столомъ, а сидятъ порознь въ углу избы. Послѣ обѣда выходитъ въ сѣ-

(*) Обязанность дядьки: одѣвать жениха и прислуживать ему во всѣхъ прихотяхъ.

ни женихъ съ дядькою. Сваха и младшій сватъ (такъ называютъ свата со стороны невѣсты), покрываютъ рядномъ (холстомъ) всѣхъ дѣвушекъ, сколько бы ихъ ни было на дѣвичникѣ. Вслѣдъ за этимъ является женихъ, который непремѣнно долженъ узнать, между покрытыми дѣвицами, свою нареченную, — для этого онъ обходитъ нѣсколько разъ, всѣхъ поочередно. Узнавъ невѣсту, сбрасываетъ съ нее рядно и цѣлуетъ, по приговору пѣвицъ, *во уста сахарныя*. Тогда садятся молодые за столъ, а дѣвицы поютъ:

Черна, черна былка
На горѣ стояла,
Главу преклоняла.
Гора ль моя, горка!
Скажи мнѣ всю правду:
Скоро ль зима станетъ,
И какая будетъ?
Лютые ль морозы?
Глубокіе ль снѣги?
Буйные ли вѣтры?
Грозныя ли тучи?

Эту пѣснь поютъ еще:

Былка чернобылка,
На горѣ стояла
Лели, лели, лели, лели!
Къ горѣ припадала,
Горушку пытала,
Лели, лели, лели, лели!
Ты скажи, скажи горушка,
Какова зима будетъ?
Лели, лели, лели, лели!
Какова зима будетъ?
Морозы лютые,
Лели, лели, лели, лели!

Морозы лютые,
Снѣги глубокіе?
Лели, лели, лели, лели!
Катеринушка плачетъ,
Къ столу припадаетъ!
Лели, лели, лели, лели!
Къ столу припадаетъ,
Матушку пытаетъ.
Лели, лели, лели, лели!
Ты скажи, скажи матушка:
Какова доля будетъ? —
Лели, лели, лели, лели!
Житье золотое. —
Каковъ Иванъ будетъ? —
Лели, лели, лели, лели.
Умомъ и разумомъ? —

Да не жарко горитъ лучина,
Да не жалко плачетъ (такая-то)
Не разжалобитъ никого:
Ни своего батюшки роднаго,
Ни сударыни матушки родненькой. —
Да когда захочу, разжалю:
Выплету уплеты съ русыхъ косъ,
Повѣшу уплеты на приклѣть,
Куда моей матушки въ клѣть ходить;
Въ клѣть идучи, заглянетъ,
Изъ клѣти идучи, заплачетъ:
Это моей дочушки уплеты,
Она эти уплеты носила,
Подворье мое красила. —
Моей дочушки не стало,
Мое подворье завяло. —

Растопная ты банюшка
Разгорная ты каменка!
Ты разсыпся, бѣлой жемчугъ,
Да по черному ли по бархату,
По серебрену ли по блюдечку. —
Ты расплачься ли, Марьюшка,
Ты расплачься ли, Степановна:
Предъ батюшкой стоючи,
Утренними, вечерними зарями, —
Все своими горючими слезами.

Ахъ ты ель, ты елушечка.
Золотая ель, макушечка!
Похились ты ель, туда, сюда. —
Аль всѣ ли твои вѣтійки?
Ахъ всѣ ли да мои вѣтійки? —
Только пѣтъ да верхушечки,
Золотой моей макушечки.
Молодая свѣтъ Катеринушка
Оглянись ли туда, сюда,
Посмотри ты во всѣ стороны. —
Ахъ! весь ли тутъ твой родъ, племя?
Ахъ! весь ли тутъ мой родъ, племя?
Только нѣту мойво батюшки,
Только нѣту мойво роднаго. —
Мой батюшка, у Господа Бога
Проснлся, на сыру землю,
Посмотрѣть свое рожденьице:
Хорошо ль оно да снаряжено,
Да на мѣстѣ ли посажено?
Снаряжено, какъ лебедушка:
Посажено, какъ сиротушка. —

Черезъ поле полешко,
Черезъ сине морешко,
Тамъ лежала досточка, —
Досточка дубовая. —
Да никто по досточкѣ,
Да никто не хаживалъ;
Никого за рученьку,
Никого не важивалъ.
Перешелъ Иванушко
Перешелъ Евграфовичъ;
Перевелъ Катеринушку,
Перевелъ Степановну;
Перевезши, цѣлуются,
Цѣлуются, милуются.

Въ полюшкѣ лебедушка вскрикнула,
Во теремѣ Катеринушка всплакнула,
Жалостно на матушку пеняла:
Богъ тебѣ судья, родимая матушка!
Молоду въ чужіе люди отдаешь,
Останется зеленый садъ безъ меня,
Поблекнутъ всѣ цвѣтики во саду:
Аленькій, мой миленькій цвѣточикъ. —
Вставай моя матушка, раненько,
Поливай мои цвѣтики частенько. —

Продажа невѣсты.

Пирушка длится за полночъ. — Дружка прекращаетъ ее приглашеніемъ гостей на свадьбу. —

Утромъ готовится поѣздъ къ вѣнцу. — Женихъ съ сватомъ, дружкою, подженшшникомъ, дядькой, посаженымъ отцомъ и матерью, везутъ, въ домъ невѣсты, три стравы (кушанья).—Поѣзжаные, войдя въ дворъ, поютъ:

Ужъ какъ выпалъ снѣжокъ, —
Чуть видѣнъ слѣдокъ;
А мы по слѣдочку. —
Кони притомились,
Сами приморились.
Здѣсь коней накормимъ,
Здѣсь сами отдохнемъ.

Сѣнная дверь, затворенная до тѣхъ поръ, отворяется по маленьку. — По какому виду? по какому слѣдочку пріѣхали сюда? спрашиваетъ братъ или родственникъ невѣсты, который стоитъ возлѣ нея, въ углу сѣней, и держитъ въ рукахъ скалку или ухватъ. — Себя показать, а васъ посмотрѣть, — кричатъ поѣзжаные. — Выходитъ сватъ и говоритъ: мы слышали, что у тебя есть товаръ продажный, покажи его намъ; коли полюбится, мы купимъ его. — Мы дорого просимъ, отвѣчаетъ родственникъ. — А мы дорого дадимъ, ни кому не уступимъ; оставимъ за собою, — что возьмешъ?—Золотую гривну, мѣди полтину, да четыре стакана водки.—Какой величины стаканы? — Стоящій возлѣ невѣсты, показываетъ стаканъ, сватъ наливаетъ немедлено, разъ за разомъ:— Въ избѣ четыре угла да пятый столбъ, говоритъ продавецъ,—когда осушитъ четыре стакана.—Тогда сватъ наливаетъ пятый.—Ну, вотъ и товаръ вашъ, говоритъ продавецъ, указывая на косу невѣсты. — Сватъ бьетъ его плетью и кричитъ: вонъ изъ избы! — Привезенныя стравы женихомъ, немедленно ставятъ на столъ. —

Поѣздъ молодыхъ.

Закусивши слегка, всѣ ѣдутъ въ церковь. Молодой кладутъ за поясъ: мыло, рябину и сѣть рыбью, и это она должна хранить во всю свою жизнь, въ томъ предубѣжденіи, что мыло охраняетъ непорочность,

рябина даетъ твердость, а сѣть будетъ держать мужа въ повиновеніи.—Женихъ отправляется со сватомъ впередъ, чтобы встрѣтить невѣсту у паперти церковной. Невѣста ѣдетъ съ своими свахами и подругами: она сидитъ въ закрытой повозкѣ, называемой буткою. Заними ѣдутъ особыя телѣги, съ пирогами и виномъ. Встрѣтившійся кто либо съ поѣздомъ, долженъ своротить съ дороги, за что подносятъ ему водки; въ противномъ случаѣ посыплются побои. — Поѣздка продолжается болѣе пяти часовъ, какъ бы ни было близко къ церквѣ, ибо на всякомъ перекресткѣ останавливаются, пьютъ вино и *играютъ* (поютъ) пѣсни. При появленіи дружки у священника, непремѣнно должно поставить ему на столъ, по крайней мѣрѣ полъ ведра водки и цѣлой обѣденый припасъ.

Когда все готово въ путь, тогда поетъ поѣздъ.

Поѣзжайте бояре,
Снимайте собольи шапки.

Снимаютъ шапки.

Вы хватайте бояре,
Хмѣлиныя перья.

При этомъ обсыпаютъ шапки зерновымъ хлѣбомъ; попавшія зерна въ шапку, берегутъ для посѣва. Этотъ обрядъ называется *обсыпанье хмѣлемъ*. Когда двинется поѣздъ, тогда запѣваютъ поѣзжаные:

Повозникъ кудрявый!
Пріударь коня больно,
Чтобы конь бѣжалъ бодро.
Чтобы я не слыхала,
Какъ матушка плачетъ,

Какъ матушка плачетъ
Родная вздыхаетъ. —

Когда отъѣдетъ поѣздъ отъ дома.

Пала, припала, молодая пороша,
На той на порошѣ, слѣдинька лежала;
По той по слѣдинькѣ, купья пробѣжала;
За тою купью, охотнички ѣздятъ;
Охотнички ѣздятъ, гаркаютъ и свищутъ.—
Купью брать, Катерину Степановну ищутъ.
Коней утомили, купью изловили. —

—*—

Полетѣлъ соколикъ, полетѣлъ:
Только крылушкомъ засвистѣлъ:
Поѣхалъ Ванечка, поѣхалъ,
Только плеточкой замахалъ.
Молодыя сватьюшки запѣли,
Золотыя подводы зазвинѣли. —

Послѣ вѣнчанія расплетаетъ молодой князь своей молодой княгинѣ, ея косу на двое, внѣ церкви; потомъ двигается поѣздъ и поетъ:

Вскрикнули гуси,
Оку переплывши,
Тросники перешедши
И на горку вшедши:
Свѣтъ моя волюшка,
Батюшки подворье!

Обращаясь къ невѣстѣ:

Рѣка ль моя рѣченька,
Рѣка ль моя быстрая,

Что течешь, не колышеся,
Изъ бережковъ не вылѣзешься?
Что сидишь припечалившись?
Что сидишь, не усмѣхаешься?
Говоришь не улыбаешься. —
Вы сестрицы, подруженьки,
Ахъ! какъ же мнѣ веселой быть?
Нѣтъ уже у меня родныцькихъ,
Нѣтъ ни батюшки, ни матушки. —

Подъѣзжая къ дому:

Измѣшкали темну почку,
Прождалась соколица—матушка. —
Соколика долго нѣтъ:
Его красныя дѣвки,
Въ высокъ теремъ завели,
Тертыми калачами кормили,
Сытовой водою поили.

Пріемъ молодыхъ.

До пріѣзда молодыхъ, все въ домѣ выметаютъ, чтобы никогда не было ссоры между молодыми, и не попортили ихъ враги, которые, по мнѣнію простолюдиновъ, часто портятъ ихъ за то, что не пригласили ихъ на свадьбу, или пригласили, но угостили плохо. Иные думаютъ, что на свадьбу являются скрытно колдуны, и портятъ паговоромъ на водѣ, соли и куреніемъ ладана.— Молодыхъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью, и обсыпаютъ хмѣлемъ: они падаютъ въ ноги родителямъ, которые благословляютъ ихъ. Потомъ заводятъ ихъ за столъ и угощаютъ. Чрезъ нѣсколько времени подаютъ обѣдъ для гостей, но новобрачные не ѣдятъ ничего. По окончаніи обѣда, дѣвушки катаютъ новобрачнаго на постелѣ, на коей онъ долженъ спать съ молодою, въ томъ мнѣніи, что укатаный новобрачный, будетъ

во всегдашнемъ повиновеніи у своей жены.—Постель стелется на ржаныхъ колосьяхъ. Потомъ свахи уводятъ молодыхъ въ брачную клѣть. При раздѣваніи молодаго, должна молодая снять съ правой ноги его сапогъ, и положеныя въ немъ деньги, она беретъ себѣ.—

На другой день топятъ дѣвушки баню, за что молодой даетъ имъ деньги на вѣники. Послѣ бани посѣщаютъ новобрачные всю свою родню, и приглашаютъ ее на княжій пиръ. Съ ними ѣздитъ сватъ: онъ стучится каждому въ дверь, называетъ по имени хозяина и говоритъ: коли дома, скажись; коли нѣтъ, откажись. Пойди къ нашимъ молодымъ поближе, они тебѣ поклонятся пониже. Бьетъ, князь молодой со княгинею, буйною головою, винной чарой; чарочку выпивай, молодыхъ подаряй,—рублемъ аль полтиною, либо золотою гривною; а коли твоя честь, такъ рублевиковъ шесть; а чушку за ушко, ярочку за поярочку; кобылку за гривку, коровку за головку. Наше дѣло нановѣ, намъ много надобно: на шильце, на мыльце, на румянцы, на бѣлилы. — Послѣ этого сватъ проситъ каждаго поломаться, чтобы цѣловалися молодые. —

Возвратясь домой, новобрачные застаютъ у себя гостей, приглашенныхъ на княжій столъ. — Дѣвушки поютъ:

Иванушка да Григорьевичъ!
Кто тебѣ рубашку прялъ?
Кто прялъ тебѣ да кужельную?
Пряла тебѣ да Катеринушка. —
Она тонко пряла,
Часто вышивала;
Бѣло бѣлила,
Съ своячиной мыла. —

Шила, вышивала,
И блестки сажала.

Полонъ столъ гостей вокругъ застолійца,
А во всей избѣ да спадобнаго!
Печъ полнымъ полна да сьдомаго,
Уста Катеринушки да сладимаго,
Лице Ванюшки да красиваго,
А привѣтъ гостямъ въ лицѣ батюшки,
А порадушка въ рѣчахъ сватушки.

Передъ сватомъ ставятъ стаканъ водки и величаютъ его:

У Пахомыча на дворѣ,
Виноградье разцвѣло,
И немножко выцвѣли,
Четыре только ягодки:
Пахомычъ ягодка, (имя свата)
Филатьевна ягодка, (имя жены его)
Климентюшка ягодка, (сына свата)
Феклустушка ягодка. (дочери его) —

Послѣ княжьяго пира, приглашаютъ молодыхъ къ обѣду, родные и знакомые или даютъ особыя имъ вечеринки. — Пированіе продолжается по состоянію.

XII. СВАДЬБА ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

Свадебные обряды олонецкаго края, во многомъ отличаются отъ совершаемыхъ внутри Россіи.—Парень, соскучивъ одиночествомъ, проситъ у своихъ родителей дозволенія жениться.—Желанные родители! говоритъ онъ, отпустите меня на чужую чужбину: я достану себѣ молодцу, красную дѣвицу.—Его отпускаютъ съ благословеніемъ.—Иди съ Богомъ, дитятко, говорятъ родители, иди роженье!

Сватовство.

Онъ идетъ искать невѣсту вдалекѣ отъ своего селенія или деревни. Избравъ для этого друзей своихъ и двухъ сватовъ, въ которые беретъ изъ родственниковъ, онъ отправляется съ ними въ то мѣсто, гдѣ у него на примѣтѣ дѣвица. Они не входятъ прямо въ домъ, а стучатъ въ окно, спрашивая: можно ли войти? Имъ отвѣчаютъ: милости просимъ.—Войдя въ избу, они молятся сначала образамъ, а послѣ кланяются родителямъ невѣсты; родители просятъ гостей садиться; они благодарятъ, говоря: намъ нѣкогда сидѣть, мы пришли за добрымъ дѣломъ, за сватовствомъ. — Гостей упрашиваютъ сѣсть, и начинаютъ подчивать яич-

пицею и пряженными пирогами. Въ то время зажигаютъ свѣчу предъ образомъ, и если невѣстѣ не понравится женихъ, то она гаситъ свѣчу.—Это отказъ.—Когда просватаютъ невѣсту, тогда она плачетъ. Въ то время накрываютъ ее фотою и сватамъ объявляютъ приказъ, т: е: когда будетъ порученье (обрученье) а когда свадьба. Приказъ сопровождается звономъ въ колокольчикъ, рукобитьемъ и благословеніемъ. Сватъ бьетъ по рукамъ со всѣми родными невѣсты, захвативъ полу своей сибирки. —

Плачъ невѣсты, по заручены, или рукобитьи.

Послѣ совершенія рукобитья, помолвленная произноситъ съ плачемъ: улетѣла моя любимая, вольная волюшка! за горушки высокія, за лѣсушки темные за озерушки широкія. Обневолили меня желанные родители за чужаго чужанина, на чужую сторону. Какъ то будетъ привыкать мнѣ къ чужому чужанину, къ чужимъ родителямъ, къ чужой сторонѣ? Мнѣ ужъ не долго красоваться волюшкой у своихъ родителей, и у братцевъ ясныхъ соколовъ. Видно я имъ наскучила, видно была имъ не работница и не заботница. Видно пріустала, мои родители меня поючи, кормючи, узки плечики одѣваючи, рѣзвы ножки обуваючи! Выйду я, бѣдная дѣвушка, въ зеленую дубравушку; посмотрю на всѣ четыре стороны: не увижу ли я гдѣ летаетъ моя любимая волюшка? Оберпусь я, красная дѣвица, къ косясчету окошеку; посмотрю на широкую улицу: исполна ли печетъ красное солнышко, свѣтитъ свѣтелъ мѣсяцъ? Погляжу я красная дѣвушка, на брусовую гладкую лавочку: исполна ли сидятъ мои родители, на брусовой красной лавочкѣ? Исполна, исполна: лишь нѣтъ моей любимой волюшки! Ахъ, любимыя подруженьки! У васъ цвѣтутъ желанныя волюшки, на буйныхъ головушкахъ; у меня у бѣдной горюшницы, распущена косанька, нѣтъ моей

вольной волюшки! Не держите вы ее по рядовымъ денечкамъ, а держите по годовымъ праздничкамъ. Поднимись, ручка правая, на буйную головушку! Опустись, ручка правая, противъ вздоха тяжелаго. Первый поклонъ положу я за кормилица батюшку, вторый поклонъ за родитель-матушку, третій поклонъ за крестнаго батюшку, четвертый поклонъ за крестную матушку. И еще поднимись ручка правая, на горемычную головушку. Ты, Покровъ Богородица! покрой меня дѣвушку пеленой своей петлѣнною, итти на чужую сторону! Введенье мать Богородица! введи меня на чужую сторопушку! Стрѣтенье мать Богородица! встрѣть меня на чужой сторопушкѣ!

Невѣста ходитъ ежедневно, рано по утру, въ домы родныхъ и поетъ причитанье плачевное. Если нѣтъ у нея родителей, то ходитъ на ихъ могилу и тамъ рыдаетъ. Таковыя причитанія она распѣваетъ до самой свадьбы. Вотъ для образца.

Плачь невѣсты, выдаваемой за мужъ противу воли.

Скучно мнѣ дѣвушкѣ сиротинушкѣ,
Безталанной, бѣдной головушкѣ.
При отцѣ росла я при родимомъ!
Я у матушки у сударыни,
Сижывала подъ окошечкомъ,
Почесывала буйну головушку,
Поплетывала трубчату косу.
Теперь батюшка да какъ чужъ чужанинъ,
Родная матушка хуже мачихи.
До зоренъки красныя попаѣлися,
До свѣту Божьяго, попапилися —
Пропили меня дѣвушку, сиротинушку,
Пропили головушку безприютную,
Не глядя на слезы, на жаленьице,

Забросили дѣтище въ нелюбиму сторону:
Да на горюшко, на кручинушку.
Да не плаканье, да на вѣчное. —

Плачъ невѣсты на могилѣ родныхъ:

Не пила млада и не ѣла я,
Мнѣ не спалося, не дремала я;
Тошно дѣвушкѣ мнѣ, тошнешинько,
Больно сердичку, и больнешинько.
Раступись ты мать, сыра земля!
Подымись, вскройся гробова доска;
Встань ты, братецъ мой, встань родиминькой.
Пріюти меня безпріютную;
Приголубь меня, позабытую;
Роду племени я чужой стала,
Отцу матери я покидышемъ.

—*—

Что на горѣ-то дубъ стоитъ,
Онъ безъ вѣтра мотается,
Безъ дождя увивается.
Много, много у сыра дуба,
Много вѣтвей и повѣтей,
Много листу зеленого.
Только нѣтъ у сыра дуба,
Золотой нѣтъ вершиночки,
Позолоченой маковки.
Что теперь было надобно,
Что къ этому то времячку,
Что къ лѣту ко красному,
Ко веснѣ ко разливной.

———

Много, много у дѣвушки,
Много ближнихъ пріятелей.
Только нѣту у дѣвушки,
Нѣту родителя матушки.
Что теперь было надобно,
Что ко этому ко времячку
Ко благословенію великому.
Снарядить младу есть кому,
Благословить младу нѣкому:
Благословляютъ чужи люди
Чужи люди, посторонные,
Всѣ сосѣды парядовые. —

Плачъ невѣсты утромъ, на крыльцѣ своего дома. Также она плачетъ и въ домѣ своихъ родственниковъ. —

Грустно сердечку, пудно бѣдному;
Ахъ знобитъ его да невгодушка:
Отца батюшки приказаньице,
Родной матушки повелѣньице.
Куда не брошусь я, куда не взгляну я,
Ахъ! вездѣ тоска не усыпучая,
Вездѣ невзгодушка не минучая.
Оглянуся я на далекій лѣсъ:
Во сосновинькомъ да темношенько,
А въ груди моей и еще темнѣй.
Оглянуся я на широкій дворъ
Ахъ! на дворикѣ да грушнехонько,
А на сердцѣ мнѣ и еще грустнѣй.

Всѣ эти припѣвы, время отъ времени выходятъ изъ употребленія, и если существуютъ во всей силѣ, то въ селеніяхъ весьма отдаленыхъ отъ городовъ.

Подруги невѣсты, принимая въ ней участіе, проводятъ съ нею время до свадьбы, и утѣшаютъ ее. Во

все это время, опѣ приготовляютъ ей свадебные уборы и поютъ съ нею пѣсни, по большей части грустныя.

Не чаяла меня матушка вѣкъ сбыти,
Меня вѣкъ сбыти, со двора изжити.
Изжила меня матушка во единый часъ,
Во единый часъ, во минуточку.
Жарко, жарко въ теремѣ свѣчи горятъ,
Всѣ горятъ свѣчи, воску яраго!
Жалко, жалко плакала красная дѣвица
По своей косѣ русой....
Унималъ ее родной батюшка,
Уговаривала родитель-матушка:
Ты не плачъ, паша умная!
Не тужи, душа разумная!
Ужь вѣдь мы тебя не въ полонъ дадимъ,
Ужь вѣдь мы тебя за мужъ выдадимъ.
Отдаемъ тебя за умнаго,
Что за умнаго за разумнаго.
Ужъ какъ мы тебя не одну спустимъ;
Мы тебѣ дадимъ провожатыхъ.
Ты не тѣшъ, не тѣшъ, родной батюшка!
Не уговаривай родимая матушка!
Провожатые всѣ разъѣдутся;
Я одна молодешенька, остануся,
Съ удалымъ добрымъ молодцемъ.

Желтые кудри за столъ пошли,
Русу косу за собою повели;
Желтые кудри доброй молодецъ,
Русая коса красная дѣвица.
На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,
Доброй молодецъ у красной дѣвушки выспрашиваетъ:
Ты скажи, скажи, красная дѣвица!

Кто тебѣ изъ роду милъ?
Милъ мнѣ милешенекъ,
Батюшка родной. —
Красная дѣвица моя!
Это неправда твоя, не истинная;
Свое сердце тѣшишъ, а мое гнѣвишъ.
На улицѣ дождикъ накрапливаетъ,
Доброй молодецъ у красной дѣвушки выспрашиваетъ:
Кто тебѣ изъ роду милъ? —
Милъ мнѣ милешенекъ, доброй молодецъ
Красная дѣвица душа!
Это правда твоя, истинная:
Свое сердце тѣшишь, мое веселишь.

Ты скажи-ка, чужой чужбанинъ!
Ужъ ты гдѣ меня повысмотрѣлъ?
Ужь ты гдѣ меня повыглядѣлъ?
На горкѣ катаючись,
О Христовомъ дни качаючись,
Аль на тихой смирной бесѣдушкѣ?
И тогда у меня молодешенькой
Было туку (*) припабавлено,
Было росту приставлено:
Накладно да лицо бѣлое,
И бѣлымъ (**) было набѣленое,
Алымъ (***) да нарумянено.

Сводъ жениха и невѣсты.

Въ опредѣленый день пріѣзжаетъ женихъ со сватами и свахами, которые сводятъ жениха съ невѣстою. Жениха ставятъ въ большой уголъ подъ иконы, а

(*) Полноты.
(**) Бѣлилами.
(***) Румянами.

невѣсту въ малой уголъ близь печи. По обѣ стороны жениха стоятъ двѣ сватьи, а по обѣ стороны невѣсты двѣ брюдги (*) Невѣста держитъ въ рукахъ тарелку, на коей лежитъ фата, сложенная нѣсколько разъ въ средину углами. Сватьи бьютъ въ воронецъ (**), приговаривая брюдгѣ: ну сватьюшка, поворачивайся; давай невѣсту, женихъ скучаетъ. — Жениха и невѣсту ведутъ медленно; брюдгѣ говорятъ: въ нашей пшеницѣ пѣтъ торицы (торной, гладкой дороги).—Сватьи жениха отвѣчаютъ: въ нашемъ житѣ хорошъ ростокъ. — Потомъ, приведя на средину избы, сводятъ жениха съ невѣстой,—т: е: ставятъ другъ подлѣ друга. Женихъ разгибаетъ углы фаты и при каждомъ углѣ, имъ разгнутомъ, цѣлуетъ свою невѣсту. Когда разогнетъ всѣ углы, тогда накрываютъ невѣсту фатою, даютъ ей въ руки подносъ съ виномъ, и потомъ она начинаетъ подчивать всѣхъ гостей, изъ коихъ каждый кладетъ на подносъ деньги, сколько кто можетъ. Въ слѣдъ за невѣстой ходятъ: проводница и плакальщица; послѣдняя неумолкно оплакиваетъ ее. Обнеся всѣхъ, невѣста подноситъ вино жениху, который даритъ ей, между прочими вещами, башмаки, но она, взявъ ихъ, бросаетъ а плакальщица поетъ укоризны. Иногда поютъ брюдги.

Не дари-ка, чужой чужбининъ!
Ты нищенскими подарками,
На церковномъ крыльцѣ вопроси.
Ужь я жила, молодешенька,
У роднмаго у батюшки:

(*) Брюдги, корельское слово, значитъ сваха или сватья. Названіе брюдгъ носятъ одинъ свахи со стороны невѣсты.

(**) Въ доску, привѣшанную къ перекладинѣ потолка.—

Я носила, молодешенька,
По Христовымъ воскресеньицамъ —
Я башмачки козловые,
Чулочики бумажные;
По годовымъ по праздничкамъ —
Я чулочики шелковые,
И башмачики сафьяные.
Ты послушай, чужой чужбинникъ!
Съ моимъ родомъ спознатися —
Прозакладать все житье бытье,
И хоромное строеньице.
Какъ дарить тебѣ, отдаривать?
Мой родъ племя, великое!
У меня родня, широкая:
Сорокъ тетушекъ, сорокъ дядюшекъ,
Шестьдесятъ желанныхъ дядюшекъ.
Въ моемъ-де роду племени,
Все попы, отцы духовные,
И причетники церковные;
По губерніямъ губернаторы,
По городамъ городничіе,
По уѣздамъ исправники,
По правленіямъ славны головы,
Да по земскимъ пятисотскіе.

Обойдя всѣхъ съ подносомъ, невѣста останавливается у стола; дружки снимаютъ съ нее фату, концами плети. Дѣвичникъ.

Послѣ свода или порученья, наступаетъ дѣвичникъ, но па канунѣ его брюдги топятъ баню, въ которую водятъ невѣсту ея подруги, при пѣніи заунывномъ. Тамъ ее моютъ льномъ, изъ котораго потомъ дѣлаютъ *гашники* (*),

(*) Гашники суть шнурки, продѣваемые въ споднее мужеское платье.

для новаго платья жениха. На дѣвичникъ собирается, со стороны помолвленныхъ, вся родня. Жениха и невѣсту заводятъ за столъ; противу невѣсты садятся ея подружки, а противу жениха его поѣзжанные и тысяцкій, избираемый изъ крестныхъ отцевъ, и заступающій мѣсто посаженного отца. Молодыхъ подчиваютъ прежде всѣхъ, и въ то время, когда подносятъ невѣстѣ вино, она встаетъ и кланяется будущимъ своимъ роднымъ; дѣвушки поютъ:

Сборы, сборы широкіе,
Широкіе сборы, дѣвичьи!
(имя и отечество невѣсты)
Сбирала подружекъ за свой столъ,
Садила подружекъ высоко;
Сама садилась выше всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ:
Какъ будетъ притти въ чужи люди?
Какъ будетъ назвать люта свекра?
Батюшкомъ назвать не хочется,
Свекромъ назвать—разсердится.
Убавлю спеси гордости,
Прибавлю ума разума,
Назову свекра батюшкою,
Люту свекровушку матушкою.
Съ этого я худа не буду,
Съ бѣлаго лица не спаду,
Съ алыхъ щечекъ румянцомъ не сойду. —

Молодыхъ заставляютъ поцѣловаться, и послѣ ихъ поцѣлуя раздается общее одобреніе. Женихъ подноситъ своей невѣстѣ подарки, которая отдариваетъ его платкомъ и уходитъ въ особую комнату; гости садятся за столъ.

Спустя нѣсколько времени, выходитъ покрытая фатой невѣста. — Она несетъ подносъ и ставитъ его

на столъ. Невѣста наливаетъ рюмку вина, и подноситъ своему жениху, женихъ наливаетъ другую рюмку и подноситъ ей. Каждый изъ нихъ первымъ старается влить вино въ рюмку другъ друга, и кто успѣетъ это сдѣлать прежде, тотъ будетъ первенствовать; зрители одобряютъ радостнымъ крикомъ. Если женихъ успѣетъ налить первымъ, то невѣста оборачивается къ нему и поетъ съ покорностію.

Охъ-ты мнѣ, да охъ-ты мнѣшинько,
Хоть мнѣ долго издѣватися,
Будетъ бѣдной покоритися!
Подойти да молодешенькѣ,
Ко столу, да ко княжескому;
Ко кругу, да молодецкому,
Поклонитися да низешенько.
Ужь мнѣ снять фату алую. —
Не помни, чужой чужбининъ!
Ты не лихой моей,
Да не грубой моей грубости.
Ты гляди, чужой чужбининъ,
Господинъ души, отецкой сынъ!
Мнѣ прямо въ бѣло лицо,
Въ точь ясны очи.
Я дѣвушка не корыстная!
Тебѣ брать, чтобы не каяться
Мнѣ бы жить, чтобъ не плакаться
На чужой дальней сторонушкѣ!..

Тогда поѣзжаные съ жениховой стороны, вскакиваютъ изъ за стола и кричатъ: покорилась,—наша взяла! наша взяла! Тутъ начинается снова подчиванье, а невѣста, сопровождаемая дѣвушками и женщинами, собираетъ *пособъ*: она подходитъ къ каждому мущинѣ и каждой женщинѣ съ приличной пѣснѣй, кото-

рую поетъ со свахами или свѣдущими женщинами или только благодаритъ ихъ причитаніемъ:

Спасибо доброй молодецъ,
На приносѣ, на подносѣ,
На дорогихъ твоихъ подаркахъ.

Причитая тоже самое каждой женщинѣ и дѣвушкѣ, она говоритъ первой: спасибо добрая тетушка, а второй: спасибо моя сестричка, и потомъ заключаетъ поклономъ. Обойдя всѣхъ, она обращается къ своимъ родителямъ и прощается съ ними:

Прости, красно мое солнышко,
Желанный кормилецъ-батюшка,
И родительница моя матушка!
Охъ-ти мнѣ, да охъ-ти мнѣшинько,
Дочь кручинная головушка!
По послѣднему денечку,
Я сидѣла молодешенька,
Я во свѣтлой своей свѣтлицѣ,
Во высокой новой горницѣ.
Ужъ я шила волю золотомъ,
Обшивала чистымъ серебромъ;
Я смотрѣла, молодешенька,
Изъ косячета окошечка,
На озеро на Онежское:
Изъ за озера за Онежскаго,
Летятъ птицы заморскія:
Соловей птица свистущая,
Орелъ птица говорящая:
Орелъ сѣлъ да на окошечко,
Соловей сѣлъ подъ окошечкомъ.
Орелъ сталъ да выговаривать,

Соловей сталъ да высвистывать (*):
Не сиди наша голубушка!
Подъ косящетымъ окошечкомъ.
Ты не трать чиста серебра,
И не порти красна золота.
По сегодняшнему денечку,
Быть саду да полоненному,
Всему роду покоренному;
Волюшкѣ быть во неволюшкѣ,
Дѣвушкѣ быть во заботушкѣ.
Не за долго поры времени,
Проскрипѣли дубовы сани,
Пробрячала золота узда,
Просвистала шелкова плеть:
Пріѣзжалъ злодѣй, большой сватъ;
Насулилъ онъ батюшкѣ
Много пива, много пьянаго.
Говорилъ желанный батюшка:
Мнѣ-ка пить, да незапиваться;
Не промѣняю любовь дочери,
Я за винную за рюмочку.
Выводилъ да злодѣй, большой сватъ,
Много злата, много серебра,
Много скатнаго жемчугу.

(*) Вмѣсто этого поютъ еще:

Соловей сталъ да выщебетовать.

Если дѣвушка бойкая и не застѣнчивая, то говорятъ: эка ты моя соловейка,—щебетунья! выражая этимъ, что она говоритъ такъ пріятно, какъ поетъ соловей. — Олонецкіе соловьи поютъ не хорошо, самые напѣвы ихъ очень рѣдко слышны.— Вообще, въ сѣверной полосѣ Россіи, трели соловьевъ переры-вистыя и незвонкія, и далеко отстоятъ отъ сладкозвучныхъ южнаго края.

Говоритъ родима матушка:
Серебромъ-то не шлюзы шлюзить,
Золотомъ-то не тыны тынить,
Жемчугомъ да не сады садить.
Пропились да промотался,
Желанные мои родители;
Пропили мою головушку,
Не за пивную за кружечку,
Не за винную за рюмочку.
Вѣрно я да молодешенька,
Надоѣла да наскучила!
Видно, бѣдная я, напрокучила
Своимъ долгимъ дѣвичествомъ,
Глупымъ малымъ ребячествомъ!
Я пріѣла, молодешенька,
Всѣ я стоги пятигодные.
Да засѣки неисходныя!
Проносила, молодешенька,
Всѣ я цвѣтныя платьица!
Придержала молодешенька,
Всю безсмѣтную золоту казну!
Какъ при мнѣ да молодешенькѣ,
У моихъ свѣтъ у родителей.
Ужъ какъ въ полѣ не родилося,
На дворѣ да не плодилося,
На столѣ да не спорилося!
Изживаютъ меня, бѣдную,
Будто ворога изъ города,
Люта звѣря изъ темна лѣса.
Погоди родима матушка!
Схватишься, да догадаешься,
Какъ не будетъ меня бѣдной;
И по бережку находишься,
Камешковъ наприбираешься,
И къ сердцу наприжимаешься.
Рада будешь, красно солнышко!
Черезъ поле въ глаза видѣти,

Черезъ лѣсъ да голосъ слышати,
Черезъ рѣку рѣчъ говорити.
У меня у молодешеньки,
Будетъ волюшка спрошеная,
Красота да доложеная.
Мнѣ захочется тошнешенько
На родимую сторонушку,
Да отхочется скорошенько:
У меня день пройдетъ спрошаючи,
Другой день да вздоложаючись,
Недѣльку снаряжаючись
На родимую сторонушку.
Осенью да бездорожьице,
А весною да безпольице,
Лѣтомъ лѣтнія работушки,
Зимой зимушка студеная.
И не спустятъ меня, бѣдную,
На родимую сторонушку....
Ужъ мы свидимся,—понаплачемся,
Разойдемся, натоскуемся.

За этимъ возобновляется подчиванье со стороны невѣсты родителей, и послѣ того дружки жениха приглашаютъ всю родню невѣсты, жениха и гостей, на княжескій столъ, который бываетъ послѣ вѣнчанія. — За этимъ угощеніемъ всѣ расходятся. —

Обрядъ предвѣнчальный.

Въ день поѣзда молодыхъ въ церковь, женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой съ своими дружками и сватьями. Его сажаютъ за столъ въ кутнемъ углѣ, подъ образами; по правую его руку садятся дружки, а по лѣвую сватьи. Въ то время дѣвушки одѣваютъ въ другой избѣ невѣсту, и кладутъ ей за пазуху крайчикъ посоленого хлѣба и гашникъ, сплетеный изъ того льна, которымъ она мылась въ банѣ. При одѣваніи поютъ дѣвушки, а иногда сама невѣста:

По послѣднему денечку
Нанесло тучку черную,
Со громами со трескучими
Съ молніями со сверкучими,
На батюшковъ высокъ теремъ,
На матушкину горенку.
Пріѣзжалъ чужой чужбининъ,
Съ храбрымъ своимъ поѣздомъ,
Съ поѣзжанными молодыми.
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Соколъ—братецъ, братецъ родименькой,
Голубочикъ златокрыленькой;
Запонка да воротовая,
Сердоликъ, дорогой камень.
Наряжу я молодешенька,
Службицу я не великую,
Да работку не тяжелую:
Ты сходи-ка братецъ, соколъ мой,
Въ постоялую конюшеньку;
Ты возьми-ка братецъ, соколъ мой,
Что ни лошадь саму лучшую;
За пряги-ка братецъ, соколъ мой,
Въ сапочки да въ самокаточки;
Поѣзжай-ка, братецъ, соколъ мой,
Въ славный городъ Вытегру,
Въ лавочки торговыя,
Закупи-ка братецъ, соколъ мой,
Горнитуру мнѣ чернаго,
И шелковъ семи разныхъ.
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Тайны, милыя подруженьки,
Дорогія поровеночки. — (однолѣтки). —
Вы повышейте, голубушки!
Заузорчетую занавѣсь:
Вы на первомъ углѣ вышейте
Вы Литву, да со Татарами;

На другомъ углѣ вышейте
Вы Москву, да со боярами;
Вы на третьемъ углѣ вышейте,
Царя да со Царицею;
На четвертомъ углѣ вышейте,
Короля со королицею.
На серединкѣ же вышейте
Красно солнышко, со мѣсяцемъ,
Да со частыми звѣздочками.
Ты повѣсь-ко, братецъ, соколъ мой!
Заузорчатую занавѣсь
Ко крыльцу, до ко перильному,
И ко столбику точеному,
Ко колочку золоченому.
Какъ поѣдетъ да чужой чужбинникъ,
Въ городахъ онъ не бывающій,
Мудрости мало видающій:
Разглядится, да разсмотрится
На узорчатую занавѣсь,
И оставитъ молодешеньку
На родимой на сторонушкѣ,
У желанныхъ у родителей. —
Глупая я, красна дѣвица,
Неразумная головушка!
Какъ поѣдетъ чужой чужбинникъ:
Впереди его вожатые,
Позади же провожатые,
По сторонѣ да сберегатые,
Въ городахъ они бывалые,
Много мудрости выдалые.
Не отпустятъ молодешеньку
На родимую сторонушку.
Не пускай-ка братецъ, соколъ мой,
Безъ допросу на крытое крыльцо,
Безъ докладу красной дѣвицѣ.

Когда начнутъ заплетать косу, тогда стараются заплесть ее какъ можно крѣпче: для того перепутываютъ косу и завязываютъ ее узлами. — Когда невѣста совершенно готова, тогда крестный отецъ, занимающій мѣсто посаженого, сажаетъ ее на квашнѣ. Сватья и дружки отправляются за невѣстою. Дружки получаютъ отъ невѣсты въ подарокъ ленточные банты, а сваха начинаетъ расплетать косу.—Дѣвушки поютъ:

Я не знала, не вѣдала,
Когда сваха пріѣхала,
Спесивая, горделивая.
Она ступить не ступила,
Слова не смолвила;
Хотя жъ она ступила,
Хотя жъ она смолвила:
Спаряжайся-ка умная!
Спаряжайся, разумная!
Что въ ту-ль Божію церковь,
Что къ тому-ль Божьему суду.
Отойди же прочь, обманщица!
Отойди подговорщица!
Мнѣ и такъ ужь тошнехонько
Разставаться со родителями:
Усюда вѣдь ноги ломитъ,
Подъ вѣнцомъ голова болитъ.

Расплевши косу, сватья надѣваетъ на голову невѣсты *волю* (*). Въ то время дарятъ сваху, чѣмъ нибудь. Потомъ сватья, взявъ невѣсту за руку, подводитъ къ жениху и сажаетъ рядомъ съ нимъ на подушкѣ. Кре-

(*) Волосникъ тоже что повойникъ. только нѣсколько меньше его.

стный отецъ невѣсты, разставляетъ на всѣ четыре стороны иконы: Покровъ Пр. Богородицы, Срѣтенье Пр. Богородицы и благословенную икону, которую везутъ съ невѣстою въ церковь. Жениха и невѣсту выводятъ изъ за стола, и подводятъ подъ благословеніе родителей, которые стоятъ у стола на разостланной шубѣ шерстью вверхъ; возлѣ ихъ стоитъ крестная мать невѣсты, держа въ рукахъ хлѣбъ, съ посыпаной на немъ солью. Невѣста снимаетъ съ головы своей *волю* и отдаетъ родной сестрѣ, а если нѣтъ сестры, то кому либо изъ подругъ, и поетъ плачъ. — «Улетѣла моя любимая вольная волюшка, за горушки высокія, за лѣсушки темные, за озерушки широкія! Обневолили меня желанные родители за чужаго чужанина, на чужую сторону. Какъ то будетъ привыкать мнѣ къ чужому чужанину, къ чужимъ родителямъ, къ чужой сторонѣ? Мнѣ не долго красоватися волюшкой у своихъ родителей и у братцевъ, ясныхъ соколовъ. — Видно я имъ наскучила, видно была не работница и не заботница. Пріустали, видно, мои родители, меня поючи, кормючи, узки плечики одѣваючи, рѣзвы ножки обуваючи! Выйду я, бѣдная дѣвушка, въ зеленую дубровушку; посмотрю на всѣ четыре стороны: не увижу ли я, гдѣ летаетъ моя любимая волюшка? обернусь я, красная дѣвица, къ косясчету окошечку; посмотрю на широкую улицу: исполна ли печетъ красное солнышко? исполна ли свѣтитъ свѣтелъ мѣсяцъ? Погляжу я, красная дѣвушка, на брусовую гладкую лавочку: исполна ли сидятъ мои родители, на брусовой красной лавочкѣ? Исполна, исполна: лишь нѣтъ моей любимой волюшки! Ахъ, любимыя подруженьки! У васъ цвѣтутъ желанныя волюшки на буйныхъ головушкахъ, у меня у бѣдной горюшницы, распущена косанька, нѣтъ

моей вольной волюшки! Не держите вы ее по рядовымъ денечкамъ, а держите по годовымъ праздничкамъ! Поднимись, ручка правая, на буйную головушку! опустись, ручка правая, противъ вздоха тяжелаго. Первый поклонъ положу я за кормилица батюшку, вторый поклонъ за родитель матушку, третій поклонъ за крестнаго батюшку, четвертый поклонъ за крестную матушку. И еще поднимись, ручка правая, на горемычную головушку! Ты, Покровъ Богородица! покрой меня дѣвушку, пеленой своею нетлѣнною, итти на чужую сторону! Введенье мать Богородица! введи меня на чужую сторонушку! Срѣтенье мать Богородица! встрѣть меня на чужой сторонушкѣ!»

По произнесеніи причитанія иконамъ, она падаетъ въ ноги своимъ родителямъ; крестный отецъ снимаетъ со стѣны каждую икону по очередно, передаетъ крестной матерѣ, та родителямъ невѣсты а они благословляютъ свою дочь. Потомъ женихъ и невѣста падаютъ имъ въ ноги, которые благословляютъ ихъ хлѣбомъ-солью и иконою благословенною; потомъ поднимаютъ и сажаютъ за столъ на подушкѣ. Тутъ одинъ изъ дружекъ подаетъ жениху огниво и кремень; другой обворачиваетъ ихъ полотномъ, а жениха сѣткою; сватья покрываетъ невѣсту фатой, которая ниспадаетъ по распущеннымъ на плечахъ волосамъ (*). Дружко беретъ за руку жениха, этотъ невѣсту а она сватью; такимъ образомъ выходятъ изъ за стола и отправляются въ церковь (**).

(*) Такъ отправляется невѣста въ церковь и такъ вѣнчается.

(**) Всѣ лошади, на которыхъ везутъ молодыхъ, обвѣшены колокольчиками, а подъ дугой особой колокольчикъ.

Невѣста отдается на руки жениху, и ѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ (*).

При вѣнчаніи замѣчаютъ горѣніе брачныхъ свѣчей: если чія либо изъ молодыхъ погаснетъ неожиданно, тому неминуемо умереть скоро.

По совершеніи вѣнчанія, провожаютъ новосочетавшихся въ домъ жениха. Невѣсту моютъ, а иногда бѣлятъ и румянятъ, за тѣмъ переодѣваютъ ее въ платье молодухи и выводятъ съ покрытой фатою. Тогда сватъ, ударивъ три раза на крестъ по столу, новой плетью, чтобы отогнать всякія чары, говоритъ: какова то наша добыча? — и концемъ кнутовища сбрасываетъ съ невѣсты фату. Всѣ кричатъ: молода и хороша!

Тогда всѣ садятся за княжій столъ, прежде молодыхъ; родные обходятъ три раза вокругъ стола.

Одинъ изъ дружекъ привозитъ въ домъ новобрачнаго, во время обѣда, все приданое новобрачной. — Въ числѣ приданого находятся новыя рубашки мужскія и женскія, для подарка мужниной родни. — Послѣ обѣда ставитъ сватъ передъ молодою, тарелку съ рюмкою, наливаетъ сюда вина и, поднимая кнутовищемъ каждую рубаху, выкликаетъ по имени и отечеству родныхъ молодаго: они подходятъ, пьютъ вино, берутъ рубаху и кладутъ на тарелку деньги. По раздачѣ подарковъ, стелютъ молодымъ постель, на которую ложится брюдга. Ее должно дарить, чтобы она уступила постель; за тѣмъ на ту же постель ложится дружка,

---

(*) Если у невѣсты есть сестра-дѣвушка, то она съ сватьей берется за столъ и тащитъ его до порога. — Иногда сама невѣста тащитъ столъ, это для того, чтобы сестрамъ ея выйти скорѣе за мужъ. —

которую тоже дарятъ. Это называется откупить постель. Откупивъ постель, кладутъ молодыхъ спать постельныя проводницы. Во время сна оберегаетъ ихъ, отъ всякихъ чаръ, клѣтникъ, разъѣзжая ночью вокругъ дома.

На другой день по утру рано, идутъ будить молодыхъ, постельныя проводницы, которыя послѣ ведутъ ихъ въ баню, а ее истапливаютъ дружки. Когда ведутъ молодыхъ въ баню, тогда бьютъ въ сковороды, стрѣляютъ, пляшутъ и поютъ. Пока остаются они въ банѣ, всѣ провожатые пляшутъ вокругъ бани, кидаютъ камни, бьютъ горшки и кричатъ. Послѣ бани молодая снова даритъ мужнину родню и дружекъ; потомъ всѣ садятся за столъ, приготовленный у молодаго. По прошествіи нѣсколько времени, молодой отправляется съ дружкою и сватомъ, къ своей тещѣ на яичницу, которую она сама подаетъ ему. Новобрачный вырѣзываетъ кусокъ изъ середины яичницы, а дружка наливаетъ туда масла; чашку же, въ которой было масло, онъ разбиваетъ. Это тогда дѣлается, когда новобрачная выйдетъ замужъ дѣвицею; въ противномъ случаѣ новобрачный разрѣзываетъ яичницу на куски, дружко вколачиваетъ надъ дверьми гвоздь, на который вѣшаетъ хомутъ, отдаетъ матери масло и ведетъ новобрачную подъ хомутомъ въ дверь, въ сопровожденіи самой матери, несущей масло, и проводитъ ее до воротъ; потомъ возвращается съ нею въ избу. Тогда веселіе прекращается, и всѣ кричатъ съ негодованіемъ: *водили подъ югу! подъ югу!* (*) Масло, которое несла мать, означаетъ, что она болѣе занималась коровами, нежели нравственностію дочери. —

(*) Юга, латинское слово *jugum*, означаетъ ярмо, а въ переносномъ смыслѣ хомутъ. — Въ древности Римляне

На другой день отецъ новобрачной дѣлаетъ обѣдъ, называемый хлѣбинами, къ коему приглашаетъ всю свою родню. Тутъ пляшутъ и поютъ.—По окончаніи стола, молодой приглашаетъ всѣхъ къ себѣ гостей на обѣдъ, называемый отворотинный столъ. На третій день разъѣзжаютъ молодые по роднымъ и знакомымъ, которые угощаютъ ихъ закускою и виномъ, и этимъ оканчивается свадьба. — Между тѣмъ, каждый изъ учавствовавшихъ въ свадьбѣ, даетъ отъ себя вечеринку или обѣдъ для молодыхъ.

означали, для своей памяти, наступившій годъ вколочиваніемъ гвоздя въ стѣнѣ храма и по числу гвоздей они вели счетъ прошедшимъ годамъ. Обычай вбиванія гвоздя, переходя отъ преданія къ преданію, потерялъ настоящее свое значеніе, и оно употребляется теперь въ смыслѣ памяти, ибо если мужъ грозитъ своей женѣ, то онъ говоритъ ей: *эй жена! вбей себѣ гвоздикъ для памяти.*

XIII. СВАДЬБА ВЪ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ городахъ, а тѣмъ болѣе въ селеніяхъ и деревняхъ, нѣтъ великолѣпно-утомительныхъ баловъ,—этого поприща побѣдъ столичной молодежи, — за то по праздникамъ и воскресеньямъ свои тамъ гулянья и свои заманчивыя посидѣлки. — Здѣсь сходятся молодцы и дѣвицы, и эти сходбища служатъ основаніемъ свадьбъ. Послѣ каждаго праздника молодцы толкуютъ между собою о красотѣ и достоинствѣ дѣвицъ, а дѣвицы судятъ, съ своими родными, о достоинствѣ парней.—

Сватовство.

Молодецъ находитъ по своему сердцу дѣвушку и тайно любитъ ее. Эту тайну онъ долго носитъ въ себѣ самомъ и ходитъ задумчиво, но собравшись съ духомъ, онъ открывается отцу и матерѣ, и проситъ ихъ благословенія. Они, если ничего не находятъ предосудительнаго въ его выборѣ, и избранная дѣвушка такъ же нравится имъ, то благословляютъ сына. Послѣ этого онъ представляетъ своимъ родителямъ свата, коему дается наставленіе: чего требовать за невѣстой въ приданое,—и отпускаютъ его домой, обыкновенно вечеромъ послѣ угощенія. Сватъ отправляется

въ волость, и по пріѣздѣ сюда, не тотъ часъ принимается за дѣло: извѣстый всѣмъ въ селеніи, онъ возбуждаетъ во всѣхъ догадки и толки. Между тѣмъ, чтобъ прикрыть свое посѣщеніе, онъ гоститъ нѣсколько дней у одного изъ своихъ знакомыхъ, и въ то время узнаетъ, что ему надобно.—Потомъ посылаетъ нарочно, къ родителямъ невѣсты, извѣщеніе о своимъ посольствѣ и о желаніи поговорить съ ними. — Родители, стараясь скрыть отъ своей дочери посѣщеніе свата, высылаютъ ее изъ дома на время, куда нибудь за дѣломъ, или погостить. Послѣ первыхъ привѣтствій, сватъ обращается къ отцу невѣсты, съ этими словами: Ну, любезный Афонасьевичь, у тебя есть товарецъ а я знаю купца на него. — Милости просимъ: свой товаръ мы лицемъ продадимъ. — Такъ чѣмъ же ты наградишъ, свою любимую дочъ?—Тутъ или подаютъ ему уже готовую роспись, или пишутъ со словъ отца. Сдѣлавши условіе о приданомъ и обо всѣмъ, что нужно, сватъ отправляется къ отцу жениха и передаетъ ему обо всемъ.

Сосватокъ.

Въ назначенный день отправляются родители съ своимъ сыномъ и близкими родственниками, въ то село, гдѣ живетъ невѣста, и останавливаются у сосѣдей. Въ то время паряжаютъ невѣсту, ея подруги; по уборѣ ея, отецъ и мать приглашаютъ жениха, со всѣми его родными. Они, входя въ избу, молятся Богу; потомъ кланяются и становятся въ переднемъ углѣ. «Ну, любезный Афонасьевичъ, говоритъ отецъ жениха, мы пріѣхали къ тебѣ за дѣломъ: посмотрѣть твою любимую дочъ.» Тогда подруги выводятъ невѣсту изъ *кути* (*) на средину избы, и сажаютъ ее на скамейку.

(*) Изъ угла избы противу печи.

Женихъ и родные подходятъ и осматриваютъ: лице, шею, уши, руки, и если это бываетъ вечеромъ, то еще со свѣчею въ рукахъ.—Осмотрѣли, невѣста всѣмъ нравится. Но еще просятъ ее пройти по комнатѣ. Когда невѣста сядетъ снова на скамейку, тогда женихъ показываетъ ей свою походку. Если родные жениха остались недовольны, назначеннымъ приданымъ невѣсты, то говорятъ объ этомъ отцу и просятъ дополнить. Когда не сходятся обѣ стороны, тогда женихъ выходитъ съ своими родными на дворъ, чтобы подумать. Отсюда идутъ переговоры чрезъ свата. Въ этомъ совѣтѣ первенствуетъ голосъ жениха; ему представляютъ на волю: согласиться или отказаться. Отецъ и мать только совѣтуютъ ему, но все рѣшаетъ онъ самъ. Послѣ уступокъ съ той и другой стороны, посылаютъ, съ согласія жениха, за священникомъ. Между тѣмъ накрываютъ столъ. Отцы жениха и невѣсты, закрывъ полою кафтана правую руку, подаютъ ее одинъ другому, въ присутствіи священника, въ знакъ вѣрности, или какъ говорится здѣсь: бьютъ по рукамъ и молятся Богу. По совершеніи *сосватокъ* (сговора), поютъ подруги невѣсты:

На сегодняшній бѣлой день,
Выпала роса холодная,
Ознобила мое сердце ретивое.
Бласлови (*) Боже истинный,
Божья мать-Богородица,
Запѣвать пѣсню новую,
Новую не пѣванную. —
Что не ключики брякнули,

(*) Благослови.

Да не замочки щелкнули, —
По рукамъ пріударили.
Запоручилъ сударь-батюшка,
И родимая матушка,
Да меня молодешеньку
За поруки за крѣпкія,
Да за заряды великіе.

Послѣ этого садятся за столъ; сперва священникъ, потомъ отецъ и мать жениха, послѣ женихъ, и наконецъ его родственники и сватъ. Мать или сестра невѣсты, выходитъ изъ кути съ блюдомъ, на которомъ, поверхъ развернутаго платка, лежитъ тонкое полотенце. Концы его украшены вышиваньемъ и кружевами; все это сдѣлано руками невѣсты. — Полотенце подносятъ жениху, какъ даръ невѣсты. Затѣмъ приносятъ другое, не такъ хорошо отдѣланное, и дарятъ священника. Почти такими же или не много получше, дарятъ родителей и всѣхъ родственниковъ жениха. По обдариваніи ставятъ на столъ кулебяку. — Отецъ невѣсты подноситъ жениху рюмку вина, а онъ обращается съ нею къ священнику, который благословляетъ ее. Женихъ, отвѣдавъ немного или какъ говорится, *надкушавъ*, зоветъ изъ кути невѣсту и подноситъ ей рюмку вина. Она выпиваетъ нѣсколько капель и уходитъ опять въ кутъ. Это не укрывается отъ зоркихъ глазъ ея подругъ, и онѣ съ упрекомъ поютъ ей:

Государыня свѣтъ-наша,
Ты подружка-голубушка;
Хорошо намъ тебя назвать,
Того легче и возвеличать.

Назовемъ тебя по имени,
Возвеличаемъ по отечеству.
Ты сказала подруженька,
Ты сказала голубушка:
Я не пью пива пьянаго,
И вина-то зеленаго.
Ужъ ты пьяница, пьяница,
Душа красна дѣвица!

Невѣста не отвѣчаетъ имъ, по упрекъ подругъ сильно трогаетъ, и она со стыдливостію потупляетъ глаза въ землю. — За тѣмъ угощаютъ другихъ, и когда доходитъ очередь до свата, тогда поютъ:

Государь ты мой батюшка,
И родимая матушка,
Ужъ вы всѣхъ подчуйте;
Одного гостя не подчуйте,
Ужъ вы свата лесливаго. —
Ходилъ же лесливый сватъ,
Не путемъ, не дороженькой, —
Онъ по заячьимъ тропочкамъ.
По собачьимъ лазеечкамъ. —
Онъ полями по запольецамъ,
Деревнями по задворьецамъ.
Истопталъ же лесливый сватъ,
Трои лапти березовы;
Исподпиралъ же лесливой сватъ,
Онъ три банные ожога (*).
Высокъ теремъ пошатился, —
Въ другой разъ поколотился, —
Зауголки отпадали;
Въ третій разъ поколотился, —
Всѣ окопеньки выпали.

(*) Деревянная палка, которая служитъ вмѣсто кочерги.

Привелась-то я молода
Я у печки *вольяшныя*,
Да у шесточка кирпичнаго. —
Покатилася у меня,
Моя буйная голова ; —
Опустилися у меня,
Мои бѣлыя рученьки;
Подогнулися у меня,
Моя рѣзвыя поженьки.
Государь ты мой-батюшка,
Ты возьми свата за воротъ,
Поведи свата за дверп,
Повали его на дровни,
Да повези его на поле.
Ты подай свату борону,
Чтобъ разчесалъ буйну голову.
Уже, дай Боже сватушку
Ему за эту за выслугу :
На печи бы заблудитися,
Сквозь напыльникъ провалитися,
Да во щахъ ему сваритися,
На поваренкъ бы свата выняли.
Киселемъ бы подавитися,
Да молокомъ бы захлебнутися.
Еще дай Боже, сватушку,
Ему за эту за выслугу,
Ему сорокъ бы сыновей,
Да пятьдесятъ ему дочерей, —
Сыновей бы не женивать,
Дочерей не выдавывать. —

Укоры не очень пріятны свату, но онъ не сердится на дѣвицъ. Онъ еще старается задобрить ихъ, и разсыпаетъ имъ лакомства и лесть. Подруги невѣсты перестаютъ тогда издѣваться надъ сватомъ.

По разъѣздѣ гостей, укладываютъ въ постель невѣ-

сту ея подруги. Но она не весела; ея голова склонилась къ груди: укоръ подругъ не выходитъ изъ ея памяти. — Не успѣли раздѣть ее, и она съ слезами и печальнымъ голосомъ отвѣчаетъ, на упрекъ подругъ:

Государыни, свѣтъ мои,
Вы подружки голубушки!
Мнѣ не хмѣль въ голову вступилъ,
Да не морозъ къ ретиву сердцу;
Пошла гроза молодецкая,
Да похвальба княженецкая.

Подруги утѣшаютъ ее и потомъ расходятся по домамъ; на другой день тѣже подружки, какъ голубки, собираются ворковать съ нею и причитать ей.—Это бываетъ каждый день послѣ сговора, и продолжается до вечера. —

Сколько подруги ни любятъ невѣсту, однако, по обрядному обыкновенію, встрѣчаютъ ее съ упреками, по этому поютъ:

Среди широка двора,
Стоитъ яблонь кужлявая.
Подъ этой подъ яблонью,
Сидитъ красная дѣвица.
Она собой похваляется,
Она собой поношается:
Изъ подъ этыя яблонцы
Никому меня не вываживать,
Ни кумовствомъ и ни сватовствомъ,
И ни крестнымъ братовствомъ.
Похвалялся добрый молодецъ,
Дворянинъ да отецкій сынъ:
Ужъ я вывезу, вывезу,
Душу красную дѣвицу,
На своемъ на добромъ конѣ. —

Невѣста видитъ теперь, что подруги, которыя прежде такъ любили ее, покидаютъ; ей остается нѣсколько дней, чтобы раздѣлить съ своими голубушками свое горе, и она говоритъ имъ:

Красуйся, моя красота,
Веселись, буйна голова,
Радуйся, ретиво сердце
Покамѣсть-то я молода.
Въ своей волѣ вольною,
Въ своей пѣгѣ нѣжною,
У родимаго батюшки,
Да у родимыя матушки,
У голубчиковъ милыхъ братцевъ,
Да у сестрицъ у лебедушекъ.
Мнѣ не долго посидѣти,
Да во душахъ красныхъ дѣвицахъ;—
Мнѣ не годъ же годовати,
Не зиму-то зимовати,
Не весну красовитую;
Мнѣ не лѣто-то теплое, —
Мнѣ не лѣтніе празднички, —
Мнѣ гулять красоватися,
Съ подружками голубушками.

Все время до свадьбы, невѣста и ея подруги, приготовляютъ подарки для жениха и родныхъ его, для нее же шьютъ платье. Невѣста груститъ и задумывается, и печальныя думы свои высказываетъ со слезами:

Ужъ я что засидѣлася?
На кого засмотрѣлася?
Не въ саду загулялась,
Не на садъ заглядѣлася,
Не на яблонь кужлявую

Не на грушу зеленую. —
Я засидѣлась молода,
Во высокомъ во теремѣ;
Заглядѣлася молода,
На подружекъ, голубушекъ;
И на ихъ буйны головы,
И на ихъ дѣвьи красоты.
Какъ у нихъ буйны головы,
Онѣ гладко учесаны;
Какъ у нихъ косы русыя,
Во узоры выплетены.
По конецъ косы русыя,
Алы ленточки вплетены;
А ихъ дѣвьи то красоты,
Онѣ баско (*) наложены,
И поставно поставлены. —
Ужъ какъ я про ся думаю,
Про свою буйну голову.
Что моя буйна голова,
Одна не гладко учесана;
Какъ моя коса русая,
Не во узоры выплетана,
По конецъ косы русыя,
Голуба лента вплетена; (**).
Моя-то дѣвья красота,
Не баско наложена,
Не поставно поставлена;
Она роститъ себѣ крыльеце,
Посеребряно перьеце;
Она хочетъ улетѣти,
Далече во чисто поле,

(*) Красиво.

(**) Голуба лента поется, когда у невѣсты есть отецъ и мать; если же котораго нибудь изъ нихъ нѣтъ, то говорится черна лента.

Во раздолье широкое.
Да и сядетъ дѣвья красота,
Не березку кужлявую.
И пройдетъ же эта пора,
Это время минуется,
И придетъ холодная зима.
У зимы-то холодныя,
Будетъ весна красовитая; —
У весны красовитыя,
Будетъ лѣто то теплое. —
И пойдутъ мои подруженьки
По шелковые вѣночки,
Съ топорами со острыми.
Подсѣкутъ эту березеньку,
Уронятъ дѣвью красоту.
На траву на шелковую.
Что и тутъ дѣвьѣ красотѣ,
Ей не мѣсто, не мѣстечко,
Да не мѣсто красовитое. —
И пойдутъ добры молодцы,
Со косами, со винтовками; —
И подкосятъ шелкову траву,
И уронятъ дѣвью красоту,
Ее на щетку колючую.
Что и тутъ дѣвьѣ красотѣ,
Ей не мѣсто, не мѣстечко
Да не мѣсто красовитое.
Она вспорхнетъ да и улетитъ,
На болота зыбучія.
И сядетъ дѣвья красота,
На скрыпучее деревцо.
Деревцо разскрыпустся,
Мое сердце растоскустся.
Что и тутъ дѣвьѣ красотѣ,
Ей не мѣсто, не мѣстечко,
Не мѣвто красовитое. —
Она вспорхнетъ да и улетитъ, —

И полетитъ дѣвья красота
Она на славную Сухопю,
И поплыветъ дѣвья красота
Внизъ по славной по Сухонѣ,
Изъ славныя Сухопи,
Во матушку Вологду. —
И приплыветъ дѣвья красота;
Ко Насону ко городу (*)
Ко дѣвичью монастырю.
Тутъ и выйдетъ же старочка,
За водою ключевою,
Съ дубовыми ведрами:
Размахнетъ да и почерпнетъ, —
И почерпнетъ дѣвью красоту,
Во ведерко дубовое.
И возьметъ дѣвью красоту
На свои руки бѣлыя,
Она станетъ выспрашивать:
Ужъ ты чья дѣвья красота!
Ты котораго города?
Ты которыя волости? —
Ты которыя деревни?
Ты которыя дѣвицы?
Ты красно красовалася,
У родимаго батюшки, —
Да у родимыя матушки, (**)
Да у голубчиковъ милыхъ братцевъ,
Да у сестрицъ у лебедушекъ.—

(*) Такъ называлась въ древности Вологда. Еще и теперь помнятъ нѣкоторые сторожилы, находившуюся на столбѣ надпись, въ селѣ Коровничьемъ: *городъ Насонъ*. Названіе Насона дано было крѣпости, построенной Царемъ Іоанномъ IV. грознымъ, въ память святого апостола Іасона,

(**) Такъ поютъ, когда у невѣсты въ живыхъ отецъ и мать. Если же нѣтъ кого нибудь изъ нихъ, то вмѣсто трехъ послѣднихъ стиховъ, поютъ:

Хотя она принимается за работу и кажется забываетъ, что приготовляется для *вѣковыхъ запоруkъ*, однако это только кажется: ея мысли тревожныя, онѣ переносятся въ будущность и развертываются въ мрачныхъ картинахъ.

Что вчера о эту пору,
Поранѣе маленько
Мимо батюшкинъ широкій дворъ,
Мимо матушкинъ-то высокъ теремъ,
Мимо мой темный кутничекъ (*),
Пролетѣлъ младъ ясенъ соколъ.
Онъ махнулъ правымъ крылушкомъ,
Онъ черкнулъ сизымъ перышкомъ:
Ты не плачъ, не плачъ дѣвица,
Не плачъ дочь отецкая.
На чужой-то на сторонѣ,
И повадно и весело,
Всѣ добры да и ласковы
До тебя молодешеньки;
На чужой-то на сторонѣ,
Три поля проса насѣяны,
Три горы изнакочены,
Зеленымъ виномъ поливаны,
Весельемъ огорожены,
Радостью изподпираны.
И соколу не облетѣти,

Ты не красно красовалася
Безъ родимаго батюшки,
Да безъ родимыя матушки;
Ты темнѣй почи темныя,
Ты чернѣй грязи черныя.—

(*) Часть избы, которая отъ печи до лицевой стороны дома, отдѣляется *воронцомъ*, загородкою, а иногда занавѣскою.

И конному не объѣхати,
А пѣшему не подумати. —

Что вчера о эту пору,
Поранѣе маленько
Мимо батюшкинъ широкой дворъ,
Мимо матушкинъ повѣ, высокъ теремъ,
Мимо мой темный кутничекъ,
Пролетала лебедушка.
Она махнула прасымъ крылушкомъ,
Она черкнула бѣлымъ перышкомъ:
Ты поплачь, поплачь дѣвица,
Поплачь дочь отецкая!
На чужой-то на сторонѣ,
Не повадно, не весело;
Всѣ не добры и не ласковы,
До тебя молодешеньки.
На чужой-то на сторонѣ,
Надо жить-то умѣючи,
Говорить разумѣючи, —
Голову держать поклончиву,
Ретиво сердце покорчиво,
Молодому поклонится,
Старому покорится. —
На чужой-то на сторонѣ,
Растутъ лѣса-то вилявые,
Да живутъ люди лукавые,
Продадутъ да и выкупятъ,
Проведутъ да и выведутъ
Они тебя молодешеньку.

Мой-то высокъ теремъ
На пути на дороженькѣ,
На проѣзжей на улицѣ,
Да близь славныя Сухони.
Идутъ конные тутъ и пѣшіе,
Чужи люди, не знамые.
И говорятъ люди добрые,
Что во этомъ во теремѣ
Сидитъ дѣвица просватана;
Что у этыя дѣвицы
Нѣтъ ни горя, ни кручины,
Нѣтъ печали великія.
Ужъ какъ я про ея подумаю,
Про свою буйну голову.
Какъ у меня горя, кручины,
Полна буйная голова;
Много печали великія,
Въ моемъ ретивомъ сердцѣ.
Какъ по славной-то Сухонѣ
Идутъ суда-то купецкіе,
И корабли-то военные.
На родимой на сторонѣ
Кораблямъ-то приплавище,
Молодцамъ-то пристанище,
Да краснымъ дѣвицамъ гулянье. —

Ужъ я что сижу, задумавшись,
Чужихъ басень заслушавшись?
Говорятъ мои подруженьки,
Говорятъ мои голубушки,
Про шитье, да про браньеце,
Про чистое да подъльеце.
Ужъ какъ я про ея подумаю,
Про свою буйну голову.
Мнѣ ничто-то на умъ не идетъ:

Ни шитьеце и ни браньеце,
Ни чистое рукодѣльеце.
Дума душу побиваетъ,
Одна дума съ ума не идетъ—
Чужа дальняя сторона,
Да чужой отецъ съ матерью,
Да дородный-то молодецъ. —

Ахъ ты вспомни-ка, матушка,
Какъ меня-то поносила, —
Ты хлѣба соли лишалася. —
Ты еще вспомни-ка, матушка,
Какъ меня-то породила, —
Ты скорой смертью кончалася, —
Всѣмъ святымъ обѣщалася:
Ты расти, расти дитятко,
Добрымъ людямъ на завидость,
Отцу матери въ честь, хвалу.
Когда выростешь, дитятко,
Такъ заведу тебѣ, родимое,
Я по плечу платье цвѣтное;
Да подъ лице дѣвью красоту
Я подведу предъ окошечко.
Зеленъ садъ съ виноградьецомъ,
Да со кужлявою яблонью,
И со сладкими яблоками. —
Какъ теперь моя матушка
Ты всѣ законы переступила,
И всѣ завѣты переложила.
Хоть завела ты мнѣ матушка,
И по плечу платье цвѣтное,
И подъ лице дѣвью красоту, —
Вмѣсто саду зеленого,
Подвела подъ окошечко,

Въ чужу дальнюю сторону;
Вмѣсто кужлявыя яблони,
Ты чужаго отца съ матерью;
Вмѣсто сладкихъ-то яблоковъ,
Ты дороднаго молодца. —

На проходѣ у насъ бѣлый день,
На закатѣ красно солнышко,
На разлетѣ красны соколы,
На разъѣздѣ добры молодцы,
Да на расходъ пошли подруженьки.
Я прошу васъ, подруженьки,
Я прошу васъ, гокубушки,
На роду-то впервые,
Да на вѣку-то впослѣдніе:
Посидите, подруженьки,
Посидите, голубушки,
Цѣлый день да до вечера,
Съ вечера до полуночи.
Ужъ дамъ вамъ провожатаго,
Я родимаго батюшку;
Буде мало покажется,
Голубочка, мила братца,
И сестрицу лебедушку.
Буде мало покажется,
Такъ и сама пойду молода.
И пошли мои подруженьки,
Всѣ по высокимъ по теремамъ,
Да по отцамъ, да по матерямъ.
Мнѣ куда будетъ дѣватися?
Мнѣ куда притулитися
Да отъ темныя ноченьки?
Ужъ я стану молитися
Я родимому батюшкѣ,

У рѣзвыхъ ногъ кататися:
Мы пойдемъ сударь-батюшка,
Мы на тихія тишины,
Гдѣ бы вѣтры не вѣяли,
Гдѣ бы люли не видѣли
Съ чужи-дальнія стороны. —

Такъ проводитъ невѣста и ея подруги каждый день, сидя за шитьемъ. Отецъ ея ѣздитъ въ городъ для закупки вещей. Онъ привозитъ съ собою нетолько съѣстные припасы, но платки и матеріи для подарковъ, въ день свадьбы.

Дѣвичникъ. Наступаетъ послѣдній день дѣвичьей жизни, — это дѣвичникъ. Въ этотъ день спитъ невѣста долѣе обыкновеннаго, такъ что подруги чуть не застаютъ ее въ постелѣ: она только что успѣла умыться и одѣться; только, чтобъ можно было показаться подругамъ. Послѣ первой встрѣчи, она жалуется имъ на безсонницу и проситъ ихъ растолковать видѣнный ею сонъ:

Государыни свѣтъ мои,
Вы, подружки голубушки!
Мнѣ почесь-то мало спалось,
Да во снѣ много видѣлось.
Ужъ я видѣла, подружепьки,
Я гору высокую.
Среди горы крутыя,
Лежитъ бѣлый горючъ камень.
На этомъ на камешкѣ,
Сидитъ орелъ птица острая,
Во когтяхъ держитъ лебедушку.
Подъ горой подъ высокою,
Лѣса ростутъ темные
И шишица колючая,
Да и крапива-то жгучая,

Да и осока рѣзучая.
Во этомъ темномъ лѣсу,
Ходитъ медвѣдь съ медвѣдицей.
Разсудите подруженьки:
Мнѣ къ чему сонъ привидѣлся?
Буде вы не разсудите,
Такъ скажу вамъ, подруженьки,
По словечку единому.
Эта гора-то высокая,
Чужа дальняя сторона;
Бѣлый-то камешекъ,
Чужой-то высокъ теремъ;
А орелъ, птица острая,
Чужой это чужанинъ,
Да дородный-то молодецъ.
Онъ въ когтяхъ держитъ лебедушку —
Да меня молодешеньку;
А лѣса-то растутъ темные, —
Чужи люди, не знамые;
Что медвѣдь съ медвѣдицей,
Богоданный-то батюшка,
Съ богоданою матушкой,
Шишица колючая,
Богоданы милы братцы;
Крапива-то жгучая,
Богоданныя сестрицы. —

Послѣдній день своей дѣвической жизни, невѣста хочетъ провесть, какъ можно лучше и веселѣе, а потому хочетъ красоваться (прощаться).—И въ то время, когда она произноситъ красованье (прощальную пѣснь), осматриваетъ все въ домѣ, и прощается съ отцовскимъ домомъ.

Государь ты мой батюшка,
И родимая матушка!

Ужъ мнѣ дайте благословеньеце
Походить, покрасоватися,
Мнѣ по свѣтлой по свѣтлицѣ,
По столовой-то горницѣ.
Мнѣ въ остальные, впослѣдніе,
Мнѣ въ душахъ красныхъ дѣвицахъ,
Мнѣ въ дѣвичей, въ честной красотѣ.
Уже встать было молодѣ,
На свои рѣзвы ноги,
Мнѣ на чулочки бумажные,
Мнѣ на башмачки сафьяные,
Мнѣ на гвозье полуженое.
Ты не гнись-ко половочка,
Не ложись переводинка;
Что не я тяжела иду, —
Тяжело горе, — кручина
Ты красуйся моя красота,
Веселись буйна голова,
Унывай ретиво сердце!
Вы ходите рѣзвы ноги
Подо мной, не сгибаючись;
Вы машитесь бѣлы руки,
Ко сердцу не прижимаючись;
Вы глядите ясны очи,
Во слезахъ не мутитеся;
Вы говорите сахарны уста,
Во рѣчахъ не мѣшайтеся.
Ты катайся руса коса,
По моей становой спинѣ,
Съ плечика да на плечико,
Съ праваго да на лѣвое,
Съ лѣваго посередь спины.
Закатись коса русая,
Ты на мои груди бѣлыя,
Передъ мои очи ясныя.
Я возьму косу русую,
Во свои во бѣлы руки.

Мнѣ къ чему косу русую,
Мнѣ къ чему приложить будетъ? —
Мнѣ къ лицу приложить ее. —
Такъ лице ознобить будетъ.
Разсыпайся, руса коса,
По единому волосу.
На всякомъ на волосѣ,
По жемчужинѣ скаченой,
По золотой по проталинкѣ.
Да уже сѣсть было молодѣ,
Мнѣ во мѣсто любимое
Подъ окошко переднее,
Приотдвинуть мнѣ ставочки,
Приотставить окошеньки.
Я подамъ свой звучень голосъ
По деревнѣ, какъ по городу,
А по избамъ какъ по теремамъ;
По сосѣдямъ, какъ по гостямъ,
По сосѣдкамъ, какъ гостейкамъ,
По подружкамъ голубушкамъ.
Собирайтесь подруженьки
Ко мнѣ на горе, на кручину! —
Государыня, свѣтъ моя,
Ты родимая матушка!
Ты пойди ко мнѣ, подступи,
Какъ бѣла лебедь подлети.
Не убойся ты матушка,
Моего горя кручины.
Какъ мое горе кручина,
Не огонь да не поломя,
Не ожжетъ да не опалитъ
Твоего лица бѣлаго,
Твоего платья цвѣтнаго.
Ты посмотри, моя матушка,
Ко мнѣ всочъ во бѣло лице. (*)

(*) Всочъ вмѣсто очи, значитъ прямо въ глаза. Это слово упо-

Я было ли набѣлилася?
Румяно ли нарумянилась?
Я поставно ли наложила,
Честну дѣвичью-то красоту?

Мать отвѣчаетъ:

Ужъ ты свѣтъ, мое дитятко!
Ужъ ты свѣтъ, мое родимое!
Я берегла тебя, дитятко,
Я отъ вѣтру, отъ вихорю,
Я отъ частаго дождичка,
И отъ краснаго солнышка.
Я не могла тебя уберечи,
Отъ чужи-дальнія стороны.

Невѣста продолжаетъ:

Государыня, свѣтъ моя,
Ты родимая матушка!
Ты запримѣть, моя матушка,
Меня на этомъ на мѣстечкѣ:
Ужъ что-то тутъ выростетъ?
Буде выростетъ, матушка,
Туто яблонь кужлявая:
Такъ мнѣ житье будетъ хорошее.
Буде выростетъ, матушка,
Тутъ береза кужлява:
Мнѣ житье будетъ по среднему.
Буде выростетъ матушка,
Тутъ осина-то горькая:
Мнѣ житье будетъ послѣднее.—

требляется донынѣ простолюдинами, и нѣтъ сомнѣнія, что оно изскаженное.

Послѣ красованья, она изливаетъ грусть свою въ пѣснях, которыя прежде пѣла съ подругами. Заслышавъ звонъ колокольчика, она содрогается, потому что это предвѣстіе о женихѣ, ѣдущемъ съ своими поѣзжанными.

Потянулъ холоденъ вѣтеръ,
Съ чужи-дальнія стороны;
Ознобилъ холоденъ вѣтеръ,
Мое сердце ретивое.
Государь ты, мой батюшка,
И родимая матушка!
Ты сади да усаживай,
Ужъ ты пой да угощай,
Всѣхъ гостей да пріѣзжихъ,
Съ чужи-дальнія стороны.

Предчувствіе невѣсты оправдалось: пріѣхалъ женихъ съ поѣзжанными и родными. Они вошли уже въ избу, молятся Богу и потомъ раскланиваются на всѣ стороны. Женихъ идетъ къ своей невѣстѣ, сидящей въ кутѣ, и цѣлуетъ ее; потомъ подноситъ ей подарки: зеркало, гребень, бѣлилы, румяны, мыло, алые сафьянные башмаки и пряники. Подруги обращаются съ упрекомъ къ невѣстѣ, цѣловавшей при всѣхъ добраго молодца своего:

Государыня свѣтъ наша,
Ты подружка голубушка!
Не хорошо да не пригоже,
Цѣловать добра молодца,
При отцѣ и при матери,
При всѣмъ родѣ да племени,
При чужихъ при сторонніхъ,
При подружкахъ, голубушкахъ. —

Невѣста отвѣчаетъ имъ:

Я не корясь, покорилася,
Не клонясь, поклонилася;
Поклонилась у меня,
Моя буйная голова;
Покорилась у меня,
Мое сердце ретивое.
Я не гостинчики приняла,
Я приняла молодешенька,
На свои на бѣлы руки,
Я грозу молодецкую.

Женихъ, послѣ взаимныхъ поцѣлуевъ, возвращается въ передній уголъ, къ своимъ роднымъ. Отецъ невѣсты сажаетъ ихъ за столъ, а мать даритъ всѣхъ ихъ платками или полотенцами. — Первую рюмку подносятъ жениху. Онъ встаетъ изъ за стола и идетъ съ рюмкою къ невѣстѣ, которая непремѣнно должна выпить, хотя нѣсколько капель водки. — Подруги поютъ:

Государыня свѣтъ наша,
Ты подружка, голубшка!
Хорошо намъ тебя назвать,
Того легче и взвеличать.
Назовемъ тебя по имени,
Взвеличаемъ по отечеству.
Ты сказала подруженька,
Ты сказала голубушка:
Я не пью пива пьянаго,
И вина-то зеленаго.
Ужъ ты пьяница, пьяница!
Душа красная дѣвица.

Послѣ угощенія всѣ разъѣзжаются по домамъ. Женихъ, поцѣловавъ свою невѣсту, отправляется такъ же домой съ своими родными. Едва онъ успѣетъ перешагнуть черезъ порогъ избы, невѣста отвѣчаетъ подругамъ, на ихъ укоръ:

Государынки свѣтъ мои,
Вы подружки, голубушки!
Мнѣ не хмѣль въ голову вступилъ,
Да не морозъ къ ретиву сердцу;
Пошла гроза молодецкая,
Да похвальба княжецкая.

Она дѣлится гостинцами съ своими подругами, которыя отправляются потомъ гулять, распѣвая пѣсни по деревнѣ. Нагулявшись, онѣ возвращаются въ домъ невѣсты при громкомъ пѣніи, и во время пѣнія выполняютъ все то, что выражаетъ пѣснь. При прошеніи у невѣсты, чтобы она надѣлила ихъ красотою, онѣ кланяются ей низко.

Смѣть ли намъ подьявитися?
Смѣть ли намъ подступитися,
Ко Насону, ко городу,
Къ подружкину терему?
Мы возьмемъ двери за скобу,
И отворимъ ихъ на пяту,
Мы на правую на руку.
Намъ которой ногой ступить?
Ступимъ мы ногой правою.
Вы раздайтесь-ка всѣ гости,
Раступитесь-ка гостейки,
Гостеньки по правую руку,
Гостейки по лѣвую руку.
Ужъ намъ дайте путь, дороженьку,
Да единую половочку, —

Ужъ намъ дайте дойти, доступить,
Намъ до темнаго кутничка,
Въ забрачную занавѣсочку —
Ужъ намъ дайте въ очи видѣти,
Намъ подружку голубушку.
Государыня свѣтъ наша,
Ты подружка, голубушка!
Хорошо намъ тебя назвать,
Того легче и взеличать.
Назовемъ тебя по имени,
Взеличаемъ по отечеству.
Мы о чемъ тѣ побьемъ челомъ,
Мы о чемъ подокучаемъ,
На роду-то во первые,
На вѣку-то впослѣдніе:
Ты пожалуй, подруженька,
Честну дѣвичью-то красоту

Невѣста отвѣчаетъ:

Государыни свѣтъ мои,
Вы подружки, голубушки!
Подождите, подруженьки,
До поры да до времени,
Вы до дня-то до срочнаго,
Да до часу до урочнаго.
Что взавтра, о эту пору,
Поранѣе маленько,
Пріѣдутъ ко батюшкѣ,
Съ боемъ да сограбежемъ;
Что ограбятъ же батюшку,
Да полонятъ мою матушку.
Повезутъ меня молоду,
На чужую на сторонушку —
Первѣе чужой стороны,
Меня ко церкви божественной,
Ко вѣнцу ко злаченому, —

Ко перстню обручальному.
И поставятъ меня молоду,
Передъ двери передъ царскія,
На единой подножичекъ,
Со дородным со молодцемъ.
Тутъ и выйдетъ священной попъ,
Съ большой книгой, — Евангельемъ.
Онъ первой-то листъ возложитъ,
Божье слово возговоритъ:
Вы снимайте со дѣвицы,
Вы фату троеклѣточку.
Онъ другой-то листъ возложитъ,
Божье слово возговоритъ:
Вы снимайте со дѣвицы,
Золотую грибаточку,
Да семишелкову ленточку.
Онъ третій-то листочекъ возложитъ,
Божье слово возговоритъ:
Приведитесь, подруженьки,
Приведитесь, голубушки,
О эту пору, времячко,
За моей становой спиной. —
Вы берите, подруженьки,
Честну дѣвичью-то красоту,
На свои на бѣлы руки:
Вы носите, сберегаючи,
Все меня вспоминаючи.
Вы носите, подруженьки,
Вы носите, голубушки,
Ее въ годъ по три праздничка.
Берегите, подруженьки,
Берегите, голубушки,
Ее отъ вѣтру, отъ вихорю,
Ее отъ частаго дождичка,
И отъ краснаго солнышка.
Вы носите, сберегаючи,
Вы меня вспоминаючи.

Помнпайте, подруженьки,
Ежеденъ да на всякій день.
Буде часто покажется,
Въ три недѣлки одинова.
Буде часто покажется
Хоть въ годочикъ одинова.
Мнѣ легошенько икнется,
Да тяжелешенько вздохнется:
Помнпаютъ подруженьки,
На родимой на сторонѣ.—

Окончаніе свадьбы.

Этимъ оканчивается дѣвичникъ. (*) На канунѣ свадьбы топятъ баню подвѣнечную. Невѣсту провожаютъ сюда съ пѣснями. — Въ день свадьбы сходятся дѣвушки къ своей подругѣ, чтобы одѣть ее къ вѣнцу, Женихъ съ своими поѣзжанными отправляется въ церковь. По совершеніи бракосочетанія, всѣ возвращаются пировать въ домѣ жениха. Тутъ, послѣ общаго веселія, уводятъ молодыхъ спать; за тѣмъ совершаются обычные обряды при подниманіи новобрачныхъ съ постели, и послѣ радости пирующихъ, о благополучіи молодой, возобновляютъ пированіе. Отецъ молодого даетъ обѣдъ роднымъ новобрачной, а тамъ дѣлается обѣдъ въ домѣ повобрачного. На другой или на третій день, ѣздятъ новобрачные съ посѣщеніями ко всѣмъ своимъ роднымъ и знакомымъ, которые угощаютъ ихъ, или дѣлаютъ для нихъ особыя вечеринки. Тѣмъ заключается свадьба.

Считаемъ не излишнимъ помѣстить здѣсь двѣ *припѣвоцьки* и двѣ бесѣдныя пѣсни, которыя поются въ

(*) По недоставленію окончательныхъ обрядовъ мы должны были въ заключеніи ограничиться общими чертами о свадьбѣ вологодской.

вологодской губ. (*) Всѣ свадебныя пѣсни извѣстны здѣсь подъ именемъ *припѣвоцекъ*.

Припѣвоцька.

Разливалася рѣченька,
Разливалася быстрая,
По крутыми по бережкамъ,
По лугамъ по зелеными,
По травамъ по шелковыми.
Унесло, улелѣяло,
Душу красную дѣвицу
На чужу дальню сторону,
На чужу незнакомую.
Провожала ее маменька (*),
Что до быстрой до рѣченьки;
Говорила ей маменька:
Воротись мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Позабыла троп золоты ключи:
Ужъ какъ первые ключики,
Отъ дѣвичьей отъ красоты;
А другіе то ключики,
Тѣ отъ пѣги у матушки. —
Говорило ей дитятко:
Ужъ я рада воротиться,
У меня воля не своя:
Чужъ чужениинъ мнѣ не велитъ,
И добры кони не стоятъ. —

(*) Эти пѣсни напечатаны въ журналѣ Москвитянинъ, 1841. года № 5.

(**) Упоминаемое здѣсь слово маменька, нѣтъ сомнѣнія вставлено въ недавнее время; но вся пѣснь сама по себѣ старинная.

Припѣвоцька деревенская.

Що при мартѣ при мисецѣ,
При дивицьемъ при вечерѣ,
Отставала лебедь бѣлая,
Що отъ стада лебединово.
Отставала красна дѣвица,
Що отъ сизыхъ то голубушекъ,
Що отъ милыхъ то подруженекъ.
Приставила лебедь бѣлая,
Що ко стаду ко сирымъ гусямъ (*).
Ее стали гуси клевати,
Незнакомы стали щипати.
Вы не клюйте, гуси сирыя,
Ни щипліте незнакомыя:
Ни сама я къ вамъ заходила,
Ни своей волей, охотою.
Отдавау-то меня батюшка.
Снакруцяла (**) меня матушка,
Выводили меня братціи,
Вывозили жо добры кони,
Що добры кони Ивановы,
Що Ивана свѣтъ Васильиця —
Тебѣ бію целомъ припѣвоцька
Що Ивану свитъ Васильицю —

(*) Къ сѣрымъ гусямъ.

(**) *Снакруцяла*, снаряжала; *снакрюцать*, снаряжать; *скрути*, нарядъ.

По окончаніи припѣвоцьки, женихъ встаетъ и низко кланяется пѣвицамъ. На его поклоны отвѣчаютъ причитаньемъ:

Просужъ цюжъ цюженицъ,
Высуценъ да вышколенъ,
Спущенъ въ люди добрые.

Бисѣдныя пѣсни (*).

Ахъ вы госьи, вы наши госьюшки,
Дорогіе госьи, все любимые!
Погостила въ гостяхъ малешенько,
Що малешенько, да смирнешенько.
Нѣтъ ни витру жо, нѣтъ ни вихорю,
Ни пястово дождя осенново;
Що отъ моря жо, моря синево,
Що отъ моево дружка милово.
Нѣтъ ни вистоцьки, нѣтъ ни грамотки,
Ни словясново целобитьица.
Вотъ въ четвертой, отъ (**) годъ, годицокъ отъ,
Пришла вистоцька, пришла грамотка,
И словясно ее целобитьице.
Я назадъ пишу ко милу дружку,
Ни перомъ пишу, ни чернилами,
Своимъ жъ пишу горюцьми слезми.

Воуга рѣка разлилась,
Выпала снигу пороша.
Гдѣ моя мила хороша?
Гдѣ мнѣ съ милымъ повидаться?
Сойдимся на пясоцикъ,
Свидимся на денецикъ,
Сдѣлаймъ отцю на досаду.
Лукъ, цеснокъ пощипала;

(*) *Бисѣдная*, бесѣдная. Эти пѣсни поются при большихъ праздникахъ, называемыхъ *пивными*. — *Хозяйка велитъ целовѣкъ въ домъ* и никто изъ гостей не начнетъ пѣть, пока хозяйка не пропоетъ бесѣдной пѣсни. Тогда начинается праздничный разгулъ.

(**) *Отъ*, — вмѣсто вотъ.

Былу капусту заломала,
Тетеревя поймала,
Тетеревя ощипала. —
Перье сво на подушки,
Пушки сво на упушки,
Мясо сво на закуску. —

XIV. СВАДЬБА ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Парень, достигшій совершеннолѣтія, ищетъ въ своей деревнѣ невѣсту; если онъ не находитъ ее здѣсь, то обращается въ дальнюю деревню или село, но никакъ не обходится сватовство его безъ свахи или свата, хотя бы парень и молодая дѣвушка, давно любили другъ друга, и какъ это выражается на ихъ языкѣ, *непротивники другъ другу*. О намѣреніи вступить въ бракъ, женихъ самъ объявляетъ своимъ родителямъ, которые благословляютъ его *на добрый путь*. Женихъ избираетъ свата изъ своихъ родственниковъ или друзей, и повѣряетъ ему совершить *доброе дѣло*. Сватъ долженъ быть разговорчивъ и умѣть хорошо говорить, т: е: восхвалять достоинства жениха. Онъ наряжается какъ можно получше, подпоясывается шеголеватымъ поясомъ и отправляется въ домъ невѣсты. Если она живетъ далеко, то сватъ отправляется на красивой лошадѣ, съ привѣшеннымъ на ея шеѣ бубенчикомъ, или въ щегольской повозкѣ. Если невѣста живетъ близко или въ одной съ нимъ деревнѣ, то онъ идетъ пѣшкомъ. Въ дорогу онъ запасается повойникомъ, снятымъ съ бабьей головы, который держитъ у себя скрытно, думая этимъ скорѣе обабить невѣсту. При выходѣ изъ его избы, молодухи и

Сватовство или доброе дѣло.

бабы бросаютъ въ него сапогами, башмаками и лаптями, и приговариваютъ: на счастье и на веселье. Онъ отвѣчаетъ имъ: дай Боже и вамъ тоже. Иной сватъ, не говоря ни слова, старается уйтти поскорѣе, и когда онъ бѣжитъ, тогда замѣчаютъ его движеніе, и заключаетъ объ успѣхѣ и неуспѣхѣ сватовства.

Нерѣдко свахи берутъ на себя обязанность высватать жениха. Таковыя свахи выбираются изъ родственнаго круга невѣсты и должны быть смѣтливыя.

Сватъ, подъѣзжая ко двору невѣсты, слезаетъ съ коня, если онъ пріѣхалъ верхомъ; подходитъ осторожно подъ красное окно избы, стучитъ въ него, говоря: здравствуй сватушка со свахонькой, хозяинъ со хозяйкой и со всѣми дѣтушками. — Хозяинъ и хозяйка, понимая изъ его привѣтствія, о чемъ идетъ дѣло, и если расположены выдать свою дочъ замужъ, или по-крайней мѣрѣ поговорить о женихѣ; то немедленно приглашаютъ его войти въ избу, произнося: милости просимъ, ради добрымъ гостямъ.—Сватъ, вошедши въ избу, молится у порога иконамъ, потомъ кланяется хозяинамъ и здоровывается съ ними, называя ихъ сватомъ и свахою, хотя бы онъ никогда не зналъ ихъ. — Если родители невѣсты не хотятъ принять свата, зная о немъ дурно или о его женихѣ, или по другимъ какимъ нибудь причинамъ, то отвѣчаютъ ему: сватушки и свахоньки пѣту-ти дома. — По принятіи же свата, сажаютъ его на лавкѣ въ красномъ углѣ, подлѣ божницы и послѣ нѣсколькихъ разговоровъ о разныхъ предметахъ, подаютъ на столъ хлѣбъ-соль или домашнюю закуску съ водкой, и просятъ его выпить съ дороги. Выпивая чару вина, сватъ приговариваетъ: славное вино! отъ него зарумянишься, какъ красная дѣвица, и вѣдь не вымолвишь ни словечка. Потомъ наливаетъ другую чару и подноситъ

ее хозяину: ну, выпей же сватъ, на веселье! — Поднося хозяйкѣ: а ты свахонька, пей на порученье (сговоръ). Когда сватъ замѣчаетъ, что слова его не противны имъ, продолжаетъ: у васъ есть товаръ а у меня купецъ; товаръ-то красная дѣвица, а купецъ удалый молодецъ: отдайте вашу дѣвицу за моего молодца, — не воскаетесь! (*) Согласные родители выдать свою дочъ, отвѣчаютъ: для купца, удалаго молодца, наша дѣвица хоть куда; но напредки просимъ милости посмотрѣть намъ вашего купца: товаръ то лицемъ на-

---

(*) Пушкинъ прекрасно выразилъ сватовство.

У васъ товаръ, у насъ купецъ;
Собою парень молодецъ,
И статной и проворной,
Не вздорной, не зазорной.
Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
Не клянется въ поясъ,
А какъ бояринъ между тѣмъ
Живетъ, не безпокоясь;
А подаритъ невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.
. . . . . .
Не по рукамъ ли, да со двора,
Да въ церковь съ образами?
Согласенъ, говоритъ отецъ.
Ступай благополучно,
Моя Наташа, подъ вѣнецъ.
Одной въ свѣтелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать, —
Не все косаткѣ распѣвать.
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить.

Собр. соч. Пушкина, изд. С. П. Б. 1838 г. т. IV. баллада женихъ с. 19–20.

добенъ. — Несогласные выдать свою дочь, ничего не отвѣчаютъ ему, или же говорятъ прямо: спасибо на любви. — Тогда сватъ беретъ шапку и уходитъ не простившись. —

Глядины. По взаимномъ соглашеніи, родители дочери отправляются на другой день, или въ какой нибудь другой условленный, глядѣтъ жениха, и это называется глядинами. Тутъ ихъ принимаютъ со всею почестью: отецъ и мать жениха встрѣчаютъ ихъ на крыльцѣ, кланяются и привѣтствуютъ; потомъ, введя въ избу, всѣ молятся Богу, а женихъ между тѣмъ, одѣтый въ лучшее платье, стоитъ у порога и кланяется имъ. — Родителей невѣсты сажаютъ въ красномъ углѣ, разговариваютъ съ ними дружески и весело, и спустя нѣсколько времени, накрываютъ столъ бѣлымъ полотномъ и ставятъ на него закуску съ виномъ. Во все это время, пріѣхавшіе на глядины, смотрятъ украдкой на молчаливаго жениха, и замѣчаютъ всѣ его движенія, по которымъ гадаютъ о счастливой будущности. Когда женихъ имъ покажется, тогда они просятъ его садиться съ ними за столъ; онъ сначала пейдетъ и кланяется имъ. По повторенiи нѣсколько разъ приглашенія, его родители говорятъ ему: не отказывайся отъ чести поподчивать гостей. Онъ подходитъ къ нимъ, и садится, потупивъ глаза. Отецъ же его наливаетъ чарку водки и сначала угощаетъ глядѣльщиковъ, затѣмъ свою жену, а потомъ себя, произнося: за здоровье добрыхъ гостей! — Поразсмотрѣвъ еще нѣсколько жениха, глядѣльщики, если имъ по сердцу женихъ, просятъ его къ себѣ въ гости и потомъ уѣзжаютъ домой. Если женихъ не по ихъ мыслямъ, то отказываются отъ другой чарки водки и уѣзжаютъ, поблагодаривши за хлѣбъ-соль. —

Родители, коимъ понравился женихъ, приглашаютъ къ

себѣ своихъ родственниковъ и своихъ хорошихъ знакомыхъ, и объявляютъ имъ, что для ихъ дочери нашелся женихъ, или, что Богъ имъ послалъ жениха умнаго, добраго и повиннаго (покорнаго); но какъ они не совсѣмъ его узнали, то просятъ дать имъ совѣтъ: выдавать или за него свою дочь?—Всякій изъ нихъ даетъ свое мнѣніе, и если на совѣтливомъ сговорѣ послѣдуетъ одобреніе, то рѣшаютъ дѣло, чтобы выдать. — Невѣста, подслушивая ихъ разговоры, съ волненіемъ ожидаетъ приговора, и когда услышитъ,—выдать; тогда она немедленно отправляется къ своимъ подругамъ совѣтоваться: выходить ли ей замужъ? и не знаютъ ли онѣ что дурное про него? — Знающія или слышавшія что либо дурное про него, остерегаютъ ее и не совѣтуютъ выходить замужъ. — Тогда начинается сумотоха въ домѣ ея родителей: ее уговариваютъ не слушать и не вѣрить разсказамъ, и если не убѣдятъ, то расходятся до ея воспокаянія (раздумья). Впротивномъ случаѣ женихъ получаетъ отказъ.—Когда онъ приходитъ смотрѣть свою невѣсту, тогда она не выходитъ къ нему.—Подруги, одобрившія выборъ жениха, отправляются въ домъ невѣсты съ радостными пѣснями. Совѣтливое собраніе встрѣчаетъ ихъ весело, и поздравляетъ невѣсту съ женихомъ.

Радостныя подруги уводятъ невѣсту въ свѣтелку, и тамъ наряжаютъ ее въ лучшее цвѣтное платье; голову убираютъ цвѣтами и волоса переплетаютъ лентами красными. Наряженная невѣста сидитъ съ своими подругами въ комнатѣ, а недостаточная за занавѣской.—Топотъ на дворѣ отъ конскихъ ногъ, пробуждаетъ ея вниманіе: это значитъ, что пріѣхалъ женихъ съ своими родителями и дружкой, который избирается изъ молодыхъ его родственниковъ или друзей. Родители дочери и гости, принимаютъ ихъ весело; мать, отецъ и

Рукобитье.

женихъ, кланяются всѣмъ; дружка ведетъ ихъ къ столу и сажаетъ за столъ; родители дочери садятся со стороны жениха. Послѣ непродолжительнаго молчанія, дружка, который долженъ быть балагуръ и весельчакъ, произноситъ: купецъ здѣсь, а товара не видно. Всѣ молчатъ, но сваха беретъ жениха за руку и ведетъ его къ невѣстѣ. Женихъ, раскланявшись предъ нею, садится подлѣ нея и заводитъ разговоръ; потомъ, взявъ ее за одну руку а сваха за другую, вводятъ къ гостямъ. Жениха и невѣсту сажаетъ сваха за столъ; молодые разговариваютъ здѣсь между собою и разсматриваютъ другъ друга. Въ то время угощаютъ ихъ разными сладостями, а прочихъ виномъ; такое угощеніе называется *пропой невѣсты*, потому что пьютъ безпрестанно за ея здоровье, но лишъ въ томъ случаѣ, когда замѣчаютъ, что она нравится жениху. Дружка между тѣмъ, или сватъ, поговоривъ нѣсколько съ женихомъ, объявляетъ, что пора совершить рукобитье по товару. Женихъ встаетъ и кланяется родителямъ невѣсты. Сватъ жениха беретъ руку отца невѣсты и бьетъ по ней слегка своею; женихъ разнимаетъ ихъ руки, въ ознаменованіе своего согласія, а сватъ вынимаетъ изъ своего кармана замочекъ, и замкнувъ его, кладетъ къ себѣ въ карманъ: это дѣйствіе называется рукобитьемъ, а въ иныхъ порученьемъ. При совершеніи рукобиться дѣвушки поютъ:

Какъ со горъ то-ли
Снѣги таяли,
Изъ дворовъ то-ли
Гости ѣхали.
Уже всѣ дворы проѣхали,
Ко Ивану на дворъ въѣхали.
Невѣстушка испугалася,

За дѣвушекъ хоронилася:
Схороните меня дѣвушки,
Схороните, свѣтъ подруженьки,
Отъ лихаго наѣздника!
Ты, мой родимой батюшка,
Чѣмъ тебѣ я досадила?
Или полъ я протоптала?
Или дверечки расхлопала?
Или лавочку просидѣла?
Вотъ идетъ попъ съ крестомъ,
Унесетъ красоту съ вѣнцомъ.
Красота моя дѣвичья,
Куда ты отъ меня денешься?
И руса коса моя разовьется,
На двое расплетется;
И сердце дѣвушки забьется,
И никогда не уймется.
Мнѣ не ровнюшка муженечекъ,
Не дастъ разгуляться;
Хоть отпуститъ,
Самъ во слѣдъ за мной пойдетъ.
Меня молоду за рученьку возьметъ,
И домой поведетъ.

Тогда же посылаютъ немедленно за священникомъ, который чтеніемъ надъ ними молитвъ и благословеніемъ, скрѣпляетъ рукобитье. Весьма часто, что скрѣпленіе рукобитья совершается безъ священника; тогда молодые, въ присутствіи всѣхъ гостей, должны поцѣловаться три раза.

Въ этотъ день назначаютъ, когда быть свадьбѣ, и тогда начинается веселая попойка, которая сопровождается пѣніемъ разныхъ пѣсней. Повеселившись порядочно, родители жениха уѣзжаютъ домой съ нимъ и дружкой его.

Приготовленіе къ свадьбѣ.

Подруги помолвленной, гостятъ у нея до свадьбы, занимаясь приготовленіемъ приданаго: шитьемъ платья и бѣлья. Онѣ веселятъ ее пѣніемъ радостныхъ пѣсней, и не допускаютъ до черной работы. Родители же обоихъ молодыхъ готовятъ для свадьбы подарки, покупаютъ пряники, орѣхи; пекутъ пироги, варятъ пиво, запасаются всѣмъ съѣстнымъ вдоволь, не забывая водки, безъ коей не можетъ быть веселья. Женихъ, дружка и поѣзжаные отправляются къ знакомымъ въ нарядномъ платьи, просить ихъ на свадьбу. —

Поѣзжаные ѣздятъ большей частію верхами, впереди ихъ ѣдетъ женихъ съ дружкою; лошадь жениха болѣе всѣхъ украшается: гриву ея переплетаютъ разноцвѣтными лентами, на шею ея привѣшиваютъ колокольчикъ а около ушей бубенъчики. Лошадей выбираютъ свѣтлой масти; воропыхъ вовсе не берутъ: ихъ считаютъ дурнымъ предвѣстіемъ.

Со стороны невѣсты отправляется просить на свадьбу одна сваха, иногда сама невѣста съ своими подругами, но побольшей части она сама ходитъ къ своей родинѣ и хорошимъ ея знакомымъ. Когда невѣста ходитъ съ своими подругами, которыя одѣваются въ цвѣтные сарафаны, увивая головы лентами, а невѣста украшаетъ свою голову цвѣточнымъ вѣнкомъ; тогда поютъ пѣсни. Родственники и знакомые дарятъ молодую на обзаведеніе, домашними вещами.

Благословеніе молодыхъ.

По наступленіи свадьбы, которая въ деревняхъ совершается по большей части въ воскресенье, женихъ отправляется по утру въ церковь слушать заутреню; потомъ слушаетъ обѣдню. Между тѣмъ дружка и поѣзжаные пріѣзжаютъ къ нему, и проводятъ съ нимъ послѣдній разъ *молодеческую жизнь*, напоминая о ней пѣніемъ разныхъ пѣсней. Въ то время невѣста убирается

подругами въ подвѣнечное платье. Когда все бываетъ готово къ поѣзду въ церковь, тогда каждый изъ молодыхъ благословляется родителями въ своемъ домѣ, слѣдующимъ образомъ: придвигаютъ столъ къ углу подъ иконы, и покрываютъ его бѣлымъ полотномъ; потомъ кладутъ на столъ ржаный хлѣбъ съ солью, пирогъ и бѣлый хлѣбъ; затепливаютъ свѣчи и лампаду подъ образами; всѣ домашніе и родственники молятся съ невѣстой. Послѣ отецъ и мать надѣваютъ на себя шубы, вывороченныя шерстью вверхъ, а отецъ крестный беретъ правой рукой жениха за одну его руку, держа въ правой своей рукѣ вывороченную шубу; за другую руку жениха беретъ дружка или братъ, и подводятъ его къ родителямъ, которые стоятъ за столомъ: отецъ съ иконою а мать съ хлѣбомъ. Дружка говоритъ: «любезный батюшко! благослови милое чадо златъ вѣнецъ пріяти, и плодъ съ райскаго дерева сняти». Онъ повторяетъ эти слова три раза, а женихъ три раза падаетъ въ ноги своему отцу, на разостланной шубѣ, которую приготовилъ сватъ. За тѣмъ отецъ благословляетъ его иконою крестообразно, которую цѣлуетъ сначала самъ, потомъ даетъ цѣловать ее сыну, а наконецъ цѣлуютъ другъ друга. Точно такимъ образомъ благословляетъ мать сына; потомъ отецъ и мать благословляютъ его по очередно хлѣбомъ-солью, и отпускаютъ къ вѣнцу.

Угощеніе въ домѣ невѣсты.

Женихъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ отправляется за невѣстой: впереди ѣдетъ дружка, за нимъ женихъ, а тамъ всѣ поѣзжаные и гости. Подъѣзжая къ воротомъ невѣстинаго дома, дружка стучитъ въ ворота, чтобы отпирали. На дворъ въѣзжаютъ съ шумомъ, а въ избу входятъ тихо: сначала женихъ и дружка, потомъ весь поѣздъ. — Входя въ избу, женихъ роняетъ на полъ кольцо; одинъ изъ родственниковъ не-

вѣсты поднимаетъ и спрашиваетъ: кто потерялъ колечко?—Всѣ осматриваются, глядятъ другъ на друга; тогда дружка отвѣчаетъ: кольцо ищетъ кольца, а кто его нашелъ, того счастье. Иные говорятъ: а гдѣ кто нашелъ, тамъ быть свадьбѣ.—Гости съ поѣзжанными садятся за столъ, а женихъ съ дружкой и свахою идутъ къ невѣстѣ. Поздоровавшись съ своей невѣстою, женихъ беретъ ее за одну руку, а дружка за другую, входятъ втроемъ къ собравшимся гостямъ и кланяются имъ; невѣста же здоровывается со всѣми своими знакомыми, потомъ садится рядомъ съ женихомъ за столъ, на вывороченной шубѣ.—Гостей подчиваютъ виномъ и разными кушаньями. Брату невѣсты подноситъ дружка вино, съ опущенной копѣйкою на днѣ стакана, говоря: ну братецъ, выпей, да отдай сестрицу намъ. Пей-ка, на днѣ копѣйка; еще попьемъ, такъ и грошъ найдемъ.—Братъ выпивъ, отвѣчаетъ: берите ее и къ себѣ везите.—Молодые ничего не пьютъ и не ѣдятъ. За перемѣною каждого кушанья, дружка стучитъ объ столъ ложкою: ну-ка свахонька! давай-ка перемѣночки; что есть въ печи, на столъ мечи. Въ это время сваха жениха разноситъ подарки; родителей невѣсты она даритъ деньгами, брата ея бумажнымъ платкомъ, родственниковъ тоже платками, смотря по состоянію жениха, а прочихъ пряниками и орѣхами. — По окончаніи пира, родители благословляютъ свою дочъ образомъ и хлѣбомъ-солью, а гости выходятъ изъ избы и садятся въ сани или на повозки. Дружка никому не позволяетъ двинуться съ мѣста, пока онъ не обойдетъ вокругъ поѣзда, три раза, съ образомъ благословеннымъ, и читаетъ молитву, по большей части *Отче нашъ*, чтобы никакого не случилось съ ними несчастія на пути. При чтеніи молитвы всѣ снимаютъ шапки и крестятся, а по совершеніи молитвы

онъ сажаетъ молодыхъ въ одни сани или повозку, или молодые ѣдутъ порознь: невѣста съ братомъ, свахою и ближайшими подругами, а женихъ на лошадѣ, покрытой богатой попоною, или вмѣстѣ съ дружкой на тѣлегѣ, запряженной тройкою лихихъ коней, управляемыхъ братомъ его или лучшимъ пріятелемъ. Дружка выѣзжаетъ впередъ, держа въ рукахъ икону; за нимъ двигается весь поѣздъ.—Пріѣхавъ къ церквѣ, дружка является къ священнику и объявляетъ ему о прибытіи молодыхъ. — Тогда бьютъ медленно въ колоколъ три раза, извѣщая народъ о свадьбѣ; но никто не смѣетъ войтти въ церковь до прихода священника, и какъ скоро отворится церковь, сваха беретъ жениха и невѣсту за руки, и вводитъ ихъ.—Сваха расплетаетъ косу невѣсты на церковной паперти или на крыльцѣ, до прихода еще священника, и покрываетъ ея голову фатою или большимъ платкомъ. Послѣ вѣнчанія она заплетаетъ ея волосы въ двѣ косы, и подбираетъ ихъ подъ чепецъ, или какъ здѣсь называется: *убираетъ побабы,* и передаетъ невѣсту жениху, который, взявши ее за руку, выходитъ съ нею изъ церкви и отправляется съ нею въ саняхъ или на повозкѣ въ свой домъ. Отецъ его и мать встрѣчаютъ молодыхъ на крыльцѣ съ хлѣбомъ и квасомъ, и въ то время, когда они падаютъ имъ въ ноги, ихъ осыпаютъ ячменемъ, пшеницею и хмѣлемъ; потомъ вводятъ ихъ въ избу и сажаютъ за столъ на первое мѣсто; за ними садятся всѣ гости. Тогда сбѣгаются въ изъ деревни смотрѣть молодыхъ, но невѣста бываетъ закрыта фатою. Дружка однако открываетъ фату и общій голосъ раздается по избѣ: румянна, какъ ягодка малинная; хороша, какъ цвѣточекъ; кроткая, какъ голубка; нечего сказать: что мила, то мила!—Эти одобренія раздаются тѣмъ чаще, чѣмъ чаще подчива-

ваютъ гостей, и послѣ отвозятъ молодую въ домъ ея отца, на нѣсколько дней, пока женихъ приготовится запастись всѣмъ нужнымъ для принятія гостей. Когда все приготовлено, женихъ отправляется съ своимъ поѣздомъ за молодою, въ домѣ коей онъ застаетъ собравшихся гостей, сидящихъ уже за столомъ; но ворота для жениха заперты, онъ останавливается съ поѣзжанымп, дружка стучитъ въ ворота, говоря: отворите! — Нельзя, отвѣчаютъ ему, не сюда вамъ дорога; а хотите проѣхать, заплатите. — Сколько надобно? — А сколько васъ людей? спрашиваетъ предворотникъ. — Душъ двѣсти, отвѣчаетъ дружка. — По рублю съ человѣка, да и то мало, говоритъ предворотникъ, — у насъ княгиня молодая, никому не велитъ ѣздить чрезъ ея земли. — А у насъ князь молодой, говоритъ дружка, мы люди сбройные, ворота отобьемъ и силой вьѣдемъ. — Онъ начинаетъ стучать покрѣпче, по предворотникъ говоритъ ему: не пущу! развѣ силой возьмете.—Тогда дружка начинаетъ обьясняться съ нимъ по ласковѣе: эй, любезный другъ! намъ нѣкогда долго ждать, намъ пора ѣхать. Хочешъ ли выпить чару зеленаго? — Почему же не такъ, — отвѣчаетъ предворотникъ,—беретъ стаканъ съ водкою и выпиваетъ; дружка даетъ еще, потомъ еще и дотолѣ подаетъ, пока не упоитъ. — Тогда поѣзжаные сами отворяютъ ворота, и вьѣзжаютъ съ шумомъ на дворъ. — Дружка, ввойдя въ избу съ женихомъ и поѣзжаными, бьетъ кнутомъ по полу и лавкамъ; гости выходятъ изъ за стола а поѣзжаные садятся на ихъ мѣста. Братъ или сваха молодой, подноситъ женихѵ на тарѣлкѣ платокъ, вышитый молодою; принимая платокъ, онъ кладетъ на тарѣлку нѣсколько денегъ. За тѣмъ дружка беретъ жениха за руку и подводитъ къ его молодой, которая сидитъ съ своими подругами.

Молодой обдариваетъ ея подругъ, потомъ беретъ ее за руку и ведетъ за столъ. Тогда усаживаются всѣ гости; ихъ подчиваютъ виномъ и приготовленнымъ обѣдомъ. За столомъ поютъ въ честь молодыхъ, восхваляя ихъ щедрость и гостепріимство. Дружка, по окончаніи обѣда, обдариваетъ гостей пряниками, орѣхами ширинками и лентами, а родителей молодой полотномъ и деньгами. Послѣ, при звукѣ пѣсней, всѣ выходятъ изъ избы. Въ это время поѣзжаные встрѣчаютъ молодыхъ стрѣльбою изъ пистолетовъ, молодые между тѣмъ садятся въ свою телѣгу, а за ними всѣ гости по своимъ телѣгамъ, но никто не трогается съ мѣста, пока дружка не обойдетъ всѣхъ съ образомъ, прежнимъ порядкомъ, три раза. Выѣхавъ на поле, всѣ останавливаются: дружка снова обходитъ ихъ съ иконою, и обошедши, благословляетъ той же иконой въ счастливый путь. Удалые поѣзжаные снова стрѣляютъ на дорогѣ, и продолжаютъ стрѣлять до самаго дома жениха. Тутъ родители встрѣчаютъ молодыхъ съ образомъ и хлѣбомъ-солью, просятъ всѣхъ гостей пожаловать въ избу и откушать хлѣба-соли. Всѣ садятся за столъ, покрытый кушаньями: молодые сидятъ на первомъ мѣстѣ, на вывороченной шубѣ, а со стороны ихъ поѣзжаные и гости. Сватъ и сваха, прося гостей кушать, подносятъ имъ по стаканчику водки, минуя молодыхъ, которыхъ ничемъ не угощаютъ. Только при питіи водки, если кто скажетъ: горькое вино! или: горько! больно горько! молодые должны поцѣловаться, чтобы подстластить вино, и кто ни скажетъ горько, молодые должны всякій разъ цѣловаться, и только слышны безпрерывные ихъ поцѣлуи. Дружка, распоряжаясь всѣмъ въ домѣ, покрикиваетъ на сваху съ самодовольной гордостью: ну свахонька, повора-

чивайся! давай перемѣночки: что есть въ печи, на столъ мечи. При каждой перемѣнѣ онъ подноситъ гостямъ водку и пиво, а родителей и родныхъ невѣсты, сверхъ подчиванія, даритъ отца ея сапогами, приговаривая: «мало-то, пріймите, а большому сроку дайте:» мать котами (полусапогами), сестеръ платквми, произнося предъ ними: «пріймите и насъ полюбите» братьевъ красными рубахами, говоря имъ: «берите и нашу невѣсту не держите.» Подгулявшіе гости поютъ:

Какъ по улицѣ по шведской
Въ слободѣ было нѣмецкой,
Молодой маіоръ гуляетъ
Самъ во скрипочку играетъ;
За собой онъ водитъ дѣвку,
Дѣвку нѣмку иноземку.
Дѣвка нѣмка иноземка,
Съ парнемъ рѣчи говорила:
Душа сизенькій голубчикъ,
Разудаленькій молодчикъ!
Слышу, милый, хошъ жениться.
Ты поѣдешъ милъ вѣнчаться,
Заѣзжай ко мнѣ прощаться:
Поставь коня среди поля,
Среди поля при долинѣ;
Привяжи-ка коня къ кусту,
Къ тому ль кусту къ калинѣ.
Сорви ягодку калину,
Ты изволь ее искушать.
Какова горька калина,
Таково мнѣ жить за милымъ;
Мнѣ за милымъ не за ровней,
Не за ровней за милымъ. —

Какъ по улицѣ по шведской,
Въ слободѣ было нѣмецкой;
Молодой маіоръ гуляетъ,
Самъ во скрипочку играетъ,
За собой онъ водитъ дѣвку,
Дѣвку нѣмку иноземку.
Дѣвка нѣмка иноземка
Съ парнемъ рѣчи говорила:
Душа сизенькій голубчикъ!
Слышу, милый, хошъ жениться,
Ты поѣдешъ милъ вѣнчаться,
Заѣзжай ко мнѣ прощаться;
Поставь коня среди поля,
Среди поля при долинѣ;
Привяжи-ка коня къ кусту,
Къ тому кусту къ рябинѣ,
Ты изволь ее откушать.
Какова кисла рябина,
Таково мнѣ жить за старымъ,
Мнѣ за старымъ не заровней,
Не заровнюшкой за старымъ.

Какъ по улицѣ по шведской
Въ слободѣ было нѣмецкой,
Молодой маіоръ гуляетъ
Самъ во скрипочку играетъ,
За собой онъ водитъ дѣвку,
Дѣвку нѣмку иноземку.
Дѣвка нѣмка иноземка,
Съ парнемъ рѣчи говорила:
Душа сизенькій голубчикъ,
Разудаленькій молодчикъ!
Слышу, милый, хошъ жениться.
Ты поѣдешъ, милъ, вѣнчаться,
Заѣзжай ко мнѣ прощаться;
Поставъ коня среди поля,

Среди поля при долинѣ;
Привяжи-ка коня къ кусту,
Къ тому кусту малины,
Сорви ягоду малину,
Ты изволь ее откушать.
Какова сладка малина,
Таково мнѣ жить за ровней,
Мнѣ за ровнюшкой за милымъ.
Мнѣ за милымъ весельнько. —

При окончаніи обѣда, подаютъ молодымъ большой пряникъ. Они, положивъ на него лѣвую руку, ломаютъ правой. Тутъ замѣчаютъ, кто изъ нихъ за однимъ разомъ отломитъ побольше, тотъ будетъ *большина* (старшимъ въ домѣ). —

Уводъ молодой въ сѣнникъ.

Послѣ этого молодые выходятъ изъ за стола. Отецъ жениха, поставивъ молодыхъ по среди избы, даетъ сыну штофъ съ водкою а невѣстѣ подносъ и рюмку; повобрачный наливаетъ и проситъ отца и мать выпить рюмку водки, изъ рукъ его молодой; потомъ проситъ братьевъ, за ними сестеръ а наконецъ всѣхъ гостей. Каждый, осушивъ рюмку, кладетъ на подносъ нѣсколько денегъ и цѣлуетъ молодаго и молодую въ губы, приговаривая: сладко! Потомъ молодой кладетъ на свою голову хлѣбъ, и уводитъ свою молодую въ сѣнникъ, въ коей уже приготовлена постель на ржаныхъ снопахъ. Молодую раздѣваетъ сваха, и когда она уложитъ ее въ постель, тогда даетъ знать дружкѣ, выходившему съ женихомъ изъ сѣнника на время. Тогда этотъ самой дружко вводитъ жениха, и пожелавъ ему *медовой ночи*, запираетъ дверь на крѣпко. Гости между тѣмъ разъѣзжаются по домамъ, за исключеніемъ свата и свахи, которые остаются въ домѣ молодаго до утра. Дружка же во всю почъ сторожитъ молодыхъ.—На утро вхо-

дитъ въ спальню одна сваха, и посылаетъ свата къ родителямъ молодой, чтобы поздравить ихъ съ благополучіемъ дочери ; въ противномъ случаѣ она посылаетъ къ нимъ дырявый сосудъ: кувшинъ или чашу. Тогда безсчестіе для родителей дочери ; стыдъ и насмѣшки распространяются по всей деревнѣ. Однако это обыкновеніе уже смягчается нынѣ : стараются скрыть семейный позоръ, притворной радостію жениха.

Обдариваніе молодыхъ.

На другой день собираются въ домъ молодого родители новобрачной и ея родственники ; ихъ угощаютъ съ большой веселостію. Молодые вновь получаютъ благословеніе отъ своихъ родителей, а молодой падаетъ въ ноги своему тестю и тещѣ, и благодаритъ ихъ за воспитаніе дочери. Послѣ угощенія, за коимъ уже ѣдятъ и пьютъ новобрачные, дарятъ ихъ родители и родственники разными вещами для домашняго обзаведенія : посудой, полотномъ, зерновымъ хлѣбомъ, скотомъ, птицею и пр., смотря по состоянію каждого. Въ слѣдующіе за симъ дни новобрачные угощаются родственниками, и такое угощеніе продолжается почти всю недѣлю.

Юнецъ въ честь молодыхъ.

Новобрачные носятъ здѣсь названіе *молодежень* (молодыхъ), до субботы святой недѣли. Въ эту субботу собираются рано по утру парни, товарищи молодаго, и поютъ подъ его окнами *юнецъ :*

У юнца молодца, было три сестрицы :
Большая сестрица на дворъ выходила,
Въ конюшню входила, коня обротала ;
Вторая сестрица, коня обсѣдлала ;
Меньшая сестрица на дворъ выходила,
Юнца посадила, кудерчки разчесала,
Шляпу надѣвала и юнца спросила:
Куда юнецъ ѣдешъ? —
Онъ сей отвѣтилъ :

На царскую службу,
Царю послужити. —
Она спросила:
Домой скоро ль будешъ?—
Я въ тѣ поры буду,
Какъ коня взъѣзжу.
Сѣделечко изотру,
Плеточку изхлещу.

Юница молодая
Новы сѣнички мела,
Гусельцы нашла;
Юницу молодому отдала.
Онъ играетъ, поиграетъ
Въ звончатые свои гусли;
Онъ потѣшитъ, потѣшитъ
Молоду свою жену:
Ты не плачь-ка, молодая моя жена!
О своей сторонѣ, о своемъ отцѣ и матери.
Посередь двора юничнаго,
Дубовы столы стоятъ,
На этихъ столахъ
Бѣлы скатерти лежатъ,
Медвяны питья стоятъ.
А кому тѣ питья пити?
Кому разносити? —
Пить питья окликальщикамъ,
А разносити питья
Юницу — молодцу. —

По пропѣтіи этой пѣсни, молодежень угощаетъ парней: пирогами, яйцами и водкой. Въ другихъ мѣстахъ ходятъ дѣвицы пѣть юнецъ; ихъ угощаютъ пивомъ, медомъ и пирогами, а онѣ дарятъ, бывшую свою по-

другу, мѣлочными вещами: ленточками, нитками, иголками, крашеными яйцами, — кто чѣмъ можетъ. Зажиточныя дарятъ полотномъ, платками, крашениной и пр. Съ этихъ поръ молодой называется мужикомъ (мужемъ), а молодая *бабою* (женою). —

XV. СВАДЬБА ВЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Сватовство.

Отецъ, у коего сынъ выходитъ изъ восьмнадцатилѣтняго возраста, по расчисленію самого батюшки, отправляется къ приходскому священнику для справки о вѣрности годовъ своего сына. Когда удостовѣрится, что онъ не ошибся въ своемъ расчисленіи, тогда проситъ священника справиться о лѣтахъ той невѣсты, которую онъ имѣетъ въ виду. Если и здѣсь онъ получитъ желаемый отвѣтъ, то проситъ его благословенія къ начатію добраго дѣла. Принявъ благословеніе, онъ отправляется домой поспѣшно, съ радостной для жены и сына вѣсточкою. И вотъ надобно посылать потомъ засватывать.—По этому отецъ призываетъ крестныхъ родителей своего сына, предлагаетъ имъ сходить къ отцу невѣсты, и просить его согласія, чтобы породниться съ нимъ. Крестные родители не отказываются отъ исполненія порученія, потому что женихъ ихъ воспріемникъ. Они, между страхомъ и надеждою, отправляются хлопотать о невѣстѣ. Пришедши къ отцу, они сначала говорятъ о чѣмъ нибудь постороннемъ и обиняками доходятъ до дѣла. Тутъ истощаютъ все свое умѣнье, чтобы уговорить выдать

дочь, потому что есть обыкновеніе, чтобы поломаться въ такомъ случаѣ. Если послѣдуетъ отказъ, то ужъ дѣлать нечего; а если согласіе, то засватавшіе, помолясь Богу, отправляются къ отцу жениха съ извѣстіемъ, что Богъ помогъ въ началѣ, что-то будетъ дальше. Спустя нѣсколько дней, сваха идетъ къ невѣстѣ съ гостинцемъ.—Для этого она печетъ кулебяку. Сваху принимаютъ съ ласкою и уваженіемъ; она ведетъ разговоръ *почтительно*, и доходитъ до того, что сами родители начинаютъ хвалиться рукодѣліемъ своей дочери. Это она дѣлаетъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы узнать отъ нихъ: занималась ли чѣмъ нибудь невѣста? и можетъ ли одѣть своего будущаго мужа?—Если у невѣсты есть рукодѣліе, то она трудящая, и не шаталась въ дѣвкахъ, а это, какъ признакъ нравственности, цѣнится дорого въ бытѣ крестьянъ.

Послѣ этого уговариваются *въ кладкѣ* (складкѣ): отецъ невѣсты получаетъ нѣсколько денегъ, вина, мяса, масла и другихъ съѣстныхъ припасовъ, необходимыхъ для совершенія пира. За этимъ условливаются о одпѣ свадьбы, но на это они испрашиваютъ разрѣшенія у священника, который приглашается сюда со всѣмъ своимъ причетомъ; не забываютъ пригласить отца жениха, чтобы *почестить* дѣло. Послѣ угощенія всѣхъ ихъ, женихъ сзываетъ своихъ родныхъ, чтобы итти на вечеринку къ невѣстѣ. Женихъ готовится принять родственниковъ, слѣдующимъ образомъ: одѣвшись хорошо и положивши три земныхъ поклона, онъ садится за столъ, ожидая крестныхъ родителей и остальныхъ своихъ родственниковъ. Каждый изъ нихъ приноситъ ему коровай, курицу, и не большое количество денегъ. Онъ принимаетъ отъ нихъ, перекрестясь, и цѣлуетъ каждого. Вечеринка у невѣсты.

Невѣста предъ своей вечеринкой ходитъ въ баню съ

подругами, которыя еще съ утра должны отправиться къ жениху за мыломъ. Идя въ баню, онѣ поютъ громко и весело:

Выходила дѣвченочка,
За новыя ворота;
Становилась дѣвченочка,
У притворнаго столба;
Опущала дѣвчоночка,
Бѣлы руки во карманъ.
Изъ кармана вынимала,
Алой розовой платокъ.
Утирала горьки слезы,
Любезному своему,
Какъ утерши горьки слезы,
На тѣ горы я пошла.
На тѣ горы, на тѣ долы,
Гдѣ скончалася любовь.
Любовь наша небольшая,
Жизнь, разлука тяжела,
Разлучаетъ насъ неволя;
Чужа дальня сторона.
На чужой ли на сторонкѣ,
Тамъ дѣвчонки хороши.
Взялъ дѣвчонку за рученку,
Сказалъ: милая прощай!
Зарастутъ пути-дорожки,
Все травою муравой,
И широкимъ лапухомъ,
И высокимъ камышемъ (*).

Когда всѣ соберутся къ жениху, тогда, помолясь Богу, произносятъ: дай Богъ въ добрый часъ!—Отправляют-

(*) При отправленіи въ баню, онѣ поютъ пѣсни по произволу.

ся къ невѣстѣ и несутъ ея отцу выговоренную кладку. Ихъ принимаютъ съ радушіемъ и сажаютъ за столъ по чину, именно: женихова отца впередъ, а по сторонамъ его, съ правой: крестного отца а съ лѣвой самого жениха, возлѣ его родную и крестную матерей; за ними остальныхъ родственниковъ.—При входѣ невѣсты, выводятъ жениха изъ за стола и становятъ обоихъ ихъ среди избы рядомъ; тутъ они должны цѣловаться при всѣхъ, и крѣпко. Избранный дружко угощаетъ послѣ этого виномъ всѣхъ званыхъ гостей, а невѣста даритъ ихъ своимъ рукодѣльемъ. Выпившій чарку водки и принявшій подарокъ, утирается имъ; потомъ кладетъ отдарокъ, состоящій въ деньгахъ, по состоянію каждого, и за тѣмъ садится на свое мѣсто. При подаваніи вина молодые кланяются каждому, прося выпить; иной ломается, говоря: горько! это значитъ, что они должны поцѣловаться три раза.—Вскорѣ подаютъ ужинъ, за концъ отецъ невѣсты разноситъ свое вино, а жена его хлопочетъ накормить гостей. Отблагодаривъ сватушку съ свахонькою, за хлѣбъ-за-соль, всѣ идутъ въ домъ отца жениха, по послѣдній не уходитъ, не простившись съ своей молодою. — Тогда подруги парочно прячутъ ее въ уголъ, и завѣшиваютъ платкомъ. Это дѣлается для испытанія силы жениха: онъ вырываетъ платокъ изъ рукъ невѣсты и цѣлуетъ ее насильно. — Иные пляшутъ дорогою въ присядку, а другіе поютъ; но имъ предстоитъ еще новая пирушка, отъ коей отказаться было бы, съ ихъ стороны, невѣжливо, а для отца жениха обидно. Пришедши въ домъ, всѣ помѣщаются за столами коекакъ, а хозяинъ разставляетъ яства и подчуетъ отъ избытка радости.—

На другой день, назначенный для совершенія бракосочетанія, дружки должны приготовить три или четы- Благословеніе

ре тройки лошадей, съ звонками. На одной изъ нихъ они отправляются къ невѣстѣ: съ рубашкою, кумачникомъ, котами, чулками и шубою. Вмѣстѣ съ этимъ привозятъ хлѣбъ и пирогъ, съ коими главный дружка поступаетъ такъ: отрѣзавши отъ хлѣба горбушку, онъ отдаетъ свой хлѣбъ отцу невѣсты а отъ него беретъ другой, отъ котораго такъ же отрѣзываетъ горбушку, и двѣ горбушки кладетъ за свою пазуху.

Дружки пріѣзжаютъ къ жениху съ извѣстіемъ, что невѣста готова. Тутъ начинаютъ наряжать жениха. Нарядъ его состоитъ изъ красной рубахи, полосатыхъ лощеныхъ портковъ, смазныхъ сапоговъ и новаго кафтана; голова бываетъ приглажена масломъ. Послѣ онъ является къ своимъ родителямъ: крестнымъ и посажепымъ, для принятія отъ нихъ благословенія. Родный отецъ, ставъ среди избы съ иконою, заставляетъ сына положить три земныхъ поклона. Выполнивъ приказаніе, онъ прикладывается къ иконѣ и цѣлуетъ отца со слезами. Потомъ родная мать, а за нею крестная, напутствуютъ его благословеніемъ на новую жизнь. По окончаніи благословенія, сажаютъ жениха за столъ, и сами обсаживаются вокругъ его, справа и слѣва. Изъ этого обряда не исключаются всѣ присутствующіе, сколько бы ихъ ни было здѣсь: они должны присѣсть. Тутъ выпиваютъ по стакану вина, закусываютъ хлѣбомъ-солью, и помолясь Богу, встаютъ, и когда отецъ жениха произнесетъ: ну, съ Богомъ! тогда крестный отецъ отправляется съ женихомъ по невѣсту. Впереди ихъ ѣдетъ дружка съ благословеннымъ образомъ, а на остальныхъ лошадяхъ поѣзжаные. Дружка запасается склянкою водки, чтобы отворили ворота, которыя бываютъ заперты. — За воротами стоятъ или братъ невѣсты, или

кто изъ посторонпихъ по приглашенію. Дружка поспѣшно вскакиваетъ съ виномъ и стучитъ. Стоящій за ними спрашиваетъ: кого пада? — Отопри! кричитъ дружка. — Не отопру, отвѣчаетъ другой.—Дѣлать нечего! онъ вынимаетъ изъ пазухи вино и подаетъ въ подворотню. — Тотчасъ отворяются ворота и весь поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ. Войдя въ избу, садятся и дожидаютъ, пока выведутъ невѣсту; потомъ ставятъ ее съ женихомъ посреди избы. Здѣсь родители обѣихъ сторонъ благословляютъ ихъ; послѣ сажаютъ за столъ, а потомъ, съ Божію помощію, отправляютъ ихъ въ церковь.—Съ женихомъ, коего повязываютъ платкомъ какъ женщину, садится крестный его отецъ и дружка, а съ невѣстою, покрытой шелковой фатою, мать крестная. Поддружьи, которые называются *полдружье*, перевязываются платкомъ, съ праваго подъ лѣвое плечо.—

Когда готовъ весь поѣздъ, тогда дружка съ благословеннымъ образомъ а подружьи съ хлѣбомъ-солью, обходятъ его три раза вокругъ, и потомъ ѣдутъ въ церковь. На одной телѣгѣ находится брага и вино, для угощенія встрѣчныхъ на дорогѣ.—Въ другихъ мѣстахъ лежитъ обязанность на подружьѣ, идущему съ хлѣбомъ и солью за дружкою, чтобы онъ при обходѣ поѣзда, припрыгивалъ и дригалъ ногою, что, по понятію простолюдиновъ, значитъ: отгонять всѣ опасности, могущія случиться съ молодыми во время поѣзда ихъ въ церковь и обратно. Напрыгавшись вдоволь, полдружье садится на лошадь и ѣдетъ впередъ; за нимъ весь поѣздъ. Проѣхавъ сажень сто, онъ долженъ воротиться назадъ для выкупа постели; но съ тѣмъ, чтобы догнать послѣ и даже обогнать поѣздъ. Заплативъ сестрамъ за постель или подругамъ невѣсты, онъ беретъ съ собою постель, укладываетъ ее въ особый ящикъ и спѣшитъ

перегнать поѣздъ, чтобы ему быть путеводителемъ къ церкви.

Окончательный обрядъ.

По совершеніи вѣнчанія священникъ требуетъ, чтобы молодые поцѣловались три раза. Крестная мать отводитъ невѣсту въ притворъ, и перекрестясь, начинаетъ заплетать ей въ двѣ косы; потомъ она надѣваетъ волосникъ или кокошникъ. Иные изъ повобрачныхъ пріѣзжаютъ домой въ вѣнцахъ. Родители встрѣчаютъ молодыхъ на крыльцѣ, съ хлѣбомъ-солью и свѣчею; а одна женщина стоитъ въ сѣняхъ за дверью, съ блюдомъ овса и хмѣлемъ, и когда они идутъ въ избу, тогда она осыпаетъ ихъ, желая имъ богатства.

Молодые, поцѣловавъ хлѣбъ-соль, входятъ въ избу; здѣсь сажаютъ ихъ на нѣсколько времени. Отецъ и мать цѣлуютъ ихъ и поздравляютъ со вступленіемъ въ новую жизнь. Отецъ говоритъ новобрачной: вотъ тебѣ одонье ржи, а другое сама нажни.—Давъ усѣсться всѣмъ, дружка выводитъ молодыхъ изъ за стола въ клѣть, гдѣ приготовленъ для нихъ столъ и брачное ложе. Здѣсь онъ подноситъ имъ по стакану вина и вынимаетъ изъ пазухи тѣ горбушки, которыя онъ рѣзалъ, когда ѣздилъ съ нарядомъ къ невѣстѣ, и подчуетъ ими. Послѣ закуски укладываютъ ихъ въ постель, съ наставленіями, о коихъ говорить здѣсь неумѣста, и потомъ отправляются въ избу для размѣщенія гостей, приготовившихся пировать за горячимъ столомъ.—Пока продолжается обѣдъ, дружко выбѣгаетъ къ молодымъ навѣдываться: не проснулись ли они? Когда проснутся повобрачные, тогда онъ вбѣгаетъ въ избу и беретъ съ собою крестную мать молодой. Подявши ихъ съ постели, одѣваютъ и ведутъ къ гостямъ, которые отъ радости бьютъ горшки, стаканы, и все что попадется имъ на глаза; топаютъ, прыгаютъ и кричатъ. — Послѣ этого молодой отправляется на блины,

къ тещѣ. Его молодая посылаетъ съ нимъ гостинцы, къ своимъ сестрамъ или подругамъ. Съ приходомъ его къ тещѣ, она сажаетъ его за столъ, и въ тужъ минуту затапливаетъ печъ и печетъ блины. Молодой, выпивъ чарку водки и закусивъ блинами, возвращается въ свой домъ, гдѣ, съ его приходомъ, начинается снова пиръ, — ради гостя дорогаго, хотя ожидавшіе его давно уподчивались.

Между тѣмъ, какъ продолжается эта пирушка, отецъ молодой сзываетъ всѣхъ своихъ родственниковъ и спѣшитъ съ ними къ своему свату съ поздравленіемъ. Толпа собравшихся родственниковъ, называется тогда *гарною* (избранными). Пришедши съ гарными въ домъ, отецъ и мать молодой, поздравляютъ свата съ окончаніемъ дѣла, а тотъ благодаритъ ихъ за доброе поведеніе дочери. Тутъ снова пьютъ.

Въ такомъ точно пиршествѣ проходятъ два и три дня, въ продолженіи коихъ не перестаетъ литься вино и брага. Этимъ оканчивается пиръ у отца молодаго, но отцу его надобно отплатить свату своимъ посѣщеніемъ. По этому, пригласивъ къ себѣ нѣсколько ближайшихъ родственниковъ, онъ вмѣстѣ съ молодыми отправляется на послѣднее пиршество.

XVI. СВАДЬБА ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Сватовство. Отецъ взрослаго парня, избираетъ опытнаго свата изъ своихъ родныхъ или хорошихъ пріятелей, и поручаетъ ему высватать невѣсту (*). Сынъ указываетъ тогда свату на дѣвокъ, или на ту, которая ему полюбилась. Во время совѣщаній о сватовствѣ, угощаютъ свата; послѣ угощеній онъ отправляется въ тотъ же день или на другой, въ домъ невѣсты. Здѣсь онъ выхваляетъ достоинства жениха, и если получитъ согласіе на выдачу дочери, то извѣщаетъ объ этомъ родителей жениха.

Сватовство поручается, во многихъ мѣстахъ этой губерніи, искусной и опытной свахѣ. (**). Войдя въ избу она старается, не начиная разговора, взглянуть прежде всего на матицу, — брусъ, поддерживающій потолокъ, и сѣсть противу него. Это она дѣлаетъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дѣло пошло успѣшнѣе. По-

---

(*) Сватъ въ хвалынскомъ уѣздѣ называется смутчикомъ.

(**) При описаніи этой свадьбы, выставлена здѣсь сваха дѣйствующимъ лицемъ.

томъ она вступаетъ въ разговоръ о дѣлѣ, превозноситъ умъ и состояніе жениха, отъ чего называютъ ихъ хвастуньями. Если родители невѣсты изъявятъ согласіе выдать свою дочь, то сваха говоритъ: *ну сватутка, прикажите намъ прійти съ женихомъ.* Тѣ отвѣчаютъ: *просимъ милости.* — При выборѣ невѣсты обращаютъ главное вниманіе на ея нравственность, а не на красоту, о коей такъ говорятъ простолюдны: *намъ не лизаться лица* (т: е: не цѣловать его); *намъ нужно, чтобы она слушалась и любила мужа, который бы не ходилъ безъ рубахъ. А видъ отъ хорошей яблоны, хорошіе плоды.*

На другой день родители жениха приглашаютъ къ себѣ человѣкъ пять, изъ близкихъ родныхъ, чтобы одѣть жениха, котораго одѣваютъ: въ красную рубашку, синее споднее платье, а если есть, то въ плисовые шаравары, синій кафтанъ, или напковый халатъ, и отправляются всѣ со свахою въ домъ невѣсты. Родители несутъ съ собою гостинецъ, состоящій изъ хлѣба-соли. Прійдя въ домъ, молятся Богу и кланяются на всѣ стороны; потомъ кладутъ на столъ гостинецъ и говорятъ: здорово сватушка и свахонька! можите ли гораздо? — Они отвѣчаютъ: Слава Богу! сватушка и свахонька; садитесь-ка у насъ: мы рады добрымъ людямъ. — Женихъ садится за столъ, подлѣ жениха сваха, которая, посидѣвъ нѣсколько минутъ, говоритъ отцу невѣсты: ну сватушка! смотрите нашъ товаръ, а свой покажите намъ. — Тотъ часъ сваха выводитъ невѣсту изъ чулана, одѣтую въ самый лучшій сарафанъ, съ шелковымъ платкомъ на головѣ, иногда съ одной развязкой, т: е: съ непокрытой головою, но съ гладкой прическою. — Сваха подаетъ невѣстѣ рюмку съ виномъ, женихъ встаетъ съ мѣста а невѣста подноситъ ему. Онъ беретъ, и подержавъ не

Смотрины.

много въ рукахъ, отдаетъ обратно. Тогда сваха вылѣзаетъ изъ за стола, подходитъ къ невѣстѣ и спрашиваетъ, улыбаясь: скажи красавица, какъ тебя звать? — Дуняша, отвѣчаетъ она. — Между тѣмъ сваха поднимаетъ ея руки вверхъ, для удостовѣренія: не выломлены ли у ней руки? Или, не безрукая ли она? Ворочаетъ ее туда и сюда, чтобы осмотрѣть: нѣтъ ли за ней какого порока? За тѣмъ она выводитъ жениха изъ за стола, беретъ зажженную лучину или зажженный пучекъ и подноситъ его подъ глаза жениха, чтобы убѣдить смотрящихъ, что онъ не слѣпой. Потомъ она заставляетъ его пройтись по избѣ, для доказательства, что онъ не хромой. — Послѣ смотра садится женихъ за столъ, а невѣста уходитъ въ свой чуланъ, гдѣ она наряжается въ другое платье; потомъ выводятъ ея по прежнему порядку, и это продолжается до трехъ разъ. При этомъ смотрѣ не бываетъ угощенія: женихъ только всматривается въ невѣсту, чтобы оцѣнить ея достоинства. Осмотрѣвъ съ ногъ до головы, всѣ поднимаются изъ за стола и уходятъ. На дворѣ или за домомъ, совѣтуются всѣ между собою, и если невѣста понравилась жениху, то онъ замѣчаетъ: какой еще невѣсты! Ступай батюшка, рядись кладкою. Тогда отецъ съ свахою возвращается въ избу невѣсты, а всѣ остальные идутъ домой съ женихомъ. Если бы невѣста не понравилась жениху, то уже не возвращаются а идутъ всѣ домой. По приходѣ въ избу сватъ говоритъ: ну сватушка, по рукамъ та въ баню. — Мы рады, отвѣчаетъ онъ, породниться съ тобою сватушка. Послѣ этого садятся и начинаютъ рядиться о кладкѣ. Отецъ невѣсты выпрашиваетъ нѣсколько рублей денегъ, три сарафана, шубу плисовую, платокъ шелковый, кашемировый, коты, поясъ

персидскій, рукава миткалевые и касандровскіе (*), нѣсколько аршинъ ситца, два ведра вина, пуда три говядины, два пуда солода, для приготовленія браги, и нѣсколько фунтовъ меда.—Если согласятся на кладкѣ, то назначается родня жениха, со стороны невѣсты: отцу его льняная рубашка, матерѣ его кусокъ полотна и платокъ, брату рубаха изъ сарпиньки (сарептской холстинки); женѣ брата его, полотно на рукава рубашки или платокъ, крестному отцу и крестной матерѣ отдаютъ на волю невѣсты: чѣмъ она хочетъ, тѣмъ и даритъ. Если родителямъ невѣсты или ей самой, не покажется женихъ, то они выпрашиваютъ, при рядѣ о кладкѣ, столько, чтобы отецъ не былъ въ состояніи дать, и тогда отецъ съ свахою догадываются, что женихъ не показался, расходятся и тѣмъ оканчивается сватовство. Если выпрашиваемаго отцемъ невѣсты не согласенъ дать отецъ жениха, то онъ говоритъ: *сватушка! вы просите больша много.* Нельзя ли уступить, сватушка, коли хотите быть въ родѣ съ нами. — Отецъ невѣсты говоритъ: нѣтъ сватушка, мнѣ никакъ уступить не льзя. Вы сами знаете: вѣдь много выдетъ и отъ насъ даровъ. Коли вы будете *выряжать* меньше даровъ, то я уступлю. — Порядившись въ кладкѣ, отецъ невѣсты угощаетъ ихъ хлѣбомъ солью и водкою. Потомъ поднимаются домой, при чемъ сваха говоритъ: прикажите намъ сватушка поблагодарить васъ, за вашу хлѣбъ соль и за ваше хорошее угощеніе. Завтра ожидайте насъ къ себѣ съ женихомъ. — Онъ отвѣчаетъ: просимъ милости, а мы станемъ готовиться. —

По утру отецъ невѣсты собираетъ своихъ родныхъ, Запой.

(*) Касандрейка,—красная пестрядь.

а невѣста своихъ подружекъ. — Отецъ жениха, по собраніи своихъ родныхъ, ставитъ на столъ закуску и водку, при этомъ онъ подноситъ только по одной рюмкѣ вина, и закусивши, всѣ они отправляются въ повозкахъ въ домъ невѣсты. Они привозятъ съ собою коровай (ржаный хлѣбъ съ солью), штофа два вина, кусокъ говядины, курицу или гуся и столешникъ (скатерть). — Поздоровавшись между собою, накрываютъ столъ своимъ столешникомъ, потомъ ставятъ вино и послѣ рѣжутъ для закуски, что привезено. Одинъ изъ родныхъ жениха наливаетъ чарку вина и обращается съ нею: сватушка и свахонька! подходите къ намъ поближе, поклонимтеся другъ дружкѣ пониже.—Родные невѣсты говорятъ: ну, сватушка, благослови!— Господи! во святый часъ. — Послѣ этаго они садятся за столъ, а женихъ и его родные становятся у дверей. Тутъ подносятъ имъ водку и угощаютъ привезеной закускою; послѣ угощаютъ ихъ родные невѣсты. По угощеніи всѣхъ родственникъ жениха говоритъ: сватушка и свахонька! не безсудьте (не осудите), какова случилась наша хлѣбъ-соль. Они отвѣчаютъ: слава Богу, сватушка, мы довольны; просимъ милости садиться. — Самы выходятъ изъ за стола, женихъ садится въ переднемъ углѣ за столъ, повѣсивъ голову и опустивъ глаза; сваха садится съ правой стороны жениха, а родные съ лѣвой его стороны. Дѣвушки стоятъ въ чуланѣ, подлѣ невѣсты; тамъ ея сваха приготовляетъ даръ жениху: шейный платокъ, который она кладетъ на деревянное блюдо. Тогда выходятъ дѣвушки къ гостямъ съ невѣстою и свахою; послѣдняя несетъ даръ и всѣ кланяются съ нею. За тѣмъ подходитъ невѣста къ столу, беретъ рюмку, наливаетъ водки и подноситъ жениху, кланяясь ему низко. Онъ беретъ рюмку, держитъ ее нѣ-

сколько минутъ въ рукахъ и отдаетъ невѣстѣ; потомъ беретъ изъ рукъ свахи платокъ и утирается имъ; за тѣмъ, взявъ невѣсту за уши, цѣлуетъ ее три раза. Тогда дѣвушки запѣваютъ пѣснь, спачала невѣстѣ а потомъ жениху.

Невѣстѣ.

Вы цвѣты ли мои цвѣточки,
Вы цвѣты мои лазоровые!
Да васъ много было сѣяно,
Да не много уродилося.
Вы души мои, красны дѣвицы!
Васъ много было въ теремѣ,
Да не многко оставалося, —
У насъ не было измѣнщицы, прелестницы,
А нынѣ у насъ проявилася,
Любимая наша подруженька,
Душа красна дѣвица,
Авдотья Степановна (невѣста).
Она прельстилася, влюбилася,
Въ удалаго добра молодца,
Александра Яковлевича (жениха).
Она клялась прежде, и божилась,
За мужъ не рядилась.
Говорила: въ монастырь пойду!
Свѣтъ подруженьку манила,
Свѣтъ любимую свою подружку,
Душу Аннушку.

Жениху.

Какъ у насъ ли во понынѣмъ году,
Уродился виноградъ во саду,
И калина со малиною,
Черна ягодка смородина.
Уродился во саду еще розовой цвѣтокъ.

Ходилъ, гулялъ доброй молодецъ во саду,
Срывалъ онъ съ розы розовой цвѣтокъ.
Онъ и самъ цвѣтку дивуется:
Что это за цвѣточекъ за такой?
Этотъ цвѣтокъ нѣженъ и хорошъ,
А я молодецъ теперь холостъ, не женатъ.
Былъ молодецъ во матушкѣ во Москвѣ,
Не нашелъ я тамъ невѣсты по себѣ;
А теперь нашелъ въ Саратовѣ въ городу,
Нашелъ я себѣ невѣсту хорошу,
И хорошу и пригожу.
Свѣтъ Дунючку душу.
Пони я по нарядкѣ наряжусь.
Пойду въ церковь, Богу помолюсь;
Создалъ Богъ мнѣ невѣсту хорошу,
И хорошу и пригожу,
Да и школьную, манерную
Къ тому же рукодѣльную.

Во теремѣ во новомъ,
Что свѣтло горитъ?
Горятъ свѣчи воску яраго.
Шила дары душа Дуняша,
Сошивши дары,
На столъ положила,
Сама она слезно плакала,
Въ слезахъ она слово молвила:
Няпюшки, мамушки,
Красны дѣвушки!
Подите-ка послушайте,
Чѣмъ дарятъ тятиньку?
Дарятъ его славнымъ городомъ. —
Знать тятинькѣ родимому,
Городъ милѣе меня.
Няпюшки, мамушки,

Красны дѣвушки!
Подите-ка послушайте,
Чѣмъ дарятъ маменьку?
Дарятъ ее алымъ бархатомъ. —
Знать маменькѣ родимпинькой,
Бархатъ милѣе меня.
Няпюшки, мамушки,
Красны дѣвушки!
Подите-ка послушайте,
Чѣмъ дарятъ Александра? —
Дарятъ его душой Дуняшой,
Дуняшой черноокой.
Знать Дуняша, знать Дуняша,
Ему милѣй всего. —

Какъ вечеръ-то мы красны дѣвушки
Во пиру были, во бесѣдушкѣ!
Мы не медъ-то пили, мы не полпиво;
Мы пили, красны дѣвушки,
Сладку водочку.
Пропили мы, красны дѣвушки,
Свою любимую подруженьку
Авдотью Степанову.
Пропили ее не за сто рублей,
Не за тысячу;
За едину винную чарочку,
За добраго молодца
Александра Яковлевича. —
За его ли буйну голову,
За умъ его, разумъ, удаль молодецкую. —

Жениху и невѣстѣ:

Повѣяли, повѣяли, вѣтры — вихри;
Растворились, растворились ворота новыс;

Невзначай, невзначай гости взъѣхали,
Незнамые, незнамые, незнакомые;
Полонъ дворъ, полонъ дворъ все каретъ-берлинъ,
Полны стойлы, полны стойлы вороныхъ коней;
Полны сѣни, полны сѣни кучеровъ, лакей,
Полно зало, полно зало все князей, бояръ;
Полонъ теремъ, полонъ теремъ княженецкихъ женъ,
Полна спальня, полна спальня красныхъ дѣвушекъ.
Подломились, подломились сѣни новыя,
Со частыми, со мелкими переходами.
Раздавали, раздавали золоту чару,
Золоту чару со фенисью;
Выпугали, выпугали соловья изъ саду;
Выпугали, выпугали молодого изъ зелена.
Восплакала, восплакала душа Дуняша:
Свѣтъ мои, свѣтъ мои сѣни новыя,
Свѣтъ моя, свѣтъ моя золота чара со фенисью,
Кто меня будетъ, кто меня будетъ,
Поутру рано будить?
Кто станетъ, кто станетъ скоро дѣлу учить?
Возговоритъ, возговоритъ-то Александеръ господинъ,
Возговоритъ, возговоритъ то Яковлевичъ дворянинъ:
Ты не плачъ, ты не плачъ душа Дуняша,
Не тужи, не тужи свѣтъ Степановна,
Сострою тебѣ, сострою тебѣ сѣни новыя,
Со частыми, со мелкими переходами;
Солью тебѣ, солью тебѣ золоту чару,
Золоту чару, золоту чару со фенисью.
Я у тебя, я у тебя соловей во саду,
Я у тебя, я у тебя, молодой во зеленомъ,
Стану тебя, стану тебя поутру рано будить,
Стану тебя, стану тебя скоро дѣлу учить.

При поднесеніи водки родителямъ жениха и его родственникамъ, поютъ дѣвушки каждому изъ нихъ отдѣльно, а невѣста, если свадьба богатая, обдариваетъ всѣхъ ихъ.

Женихову отцу.

Хвалится сватушка
Житьемъ, бытьемъ:
Много у меня житья, бытья,
Чистова серебра сундуки стоятъ!
Цвѣтна платьеца шесты висятъ. —
Да ты сватушка, догадайся,
Да ты сватушка, надумайся,
Въ платкѣ серебро распутайся:
Слышешъ ли, сватушка?
Тебѣ пѣснь поемъ. —
При всей честной компаньи ци,
Тебя величаемъ. —

Женихової матерѣ.

Какъ по сѣнямъ по сѣнчкамъ,
Переходичкамъ;
Тутъ гуляла, погуливала,
Молодая боярыня
Марья Васильевна.
Во рукахъ носитъ блюдечко,
На блюдечкѣ яхонты,
Драгоцѣнныя запонки.
Положите вы, малехонька,
Поколь я молодехонька,
Безъ бѣлилъ и бѣлехонька,
Безъ румянъ румяхонька,
Безъ сурмилъ брови черныя. —

Женихову брату съ его женою.

Какъ во саду кровать, люли,
Во зеленомъ тесовая, люли,
На кроватѣ перина, люли,
На перинѣ одѣяло, люли,
Подъ одѣяломъ лежитъ, люли,
Свѣтъ Николай господинъ, люли,

Яковлевичъ дворянинъ, люли,
Надъ нимъ писари стоятъ, люли,
Офицеры говорятъ, люли,
Разбудить его хотятъ, люли,
Да ты Колюшка сударь, встань, люли,
Свѣтъ Яковлевичъ пробудись, люли.
Съ чистымъ серебромъ ушелъ, люли,
За Машинькой за душой, люли,
За Гавриловной госпожой, люли.
Или самъ ты пойдешъ, люли,
Или насъ пошлешъ, люли.
Ужъ вы безтолковые бояре, люли,
Неразумны господа, люли!
Да я самъ-то пойду, люли,
Да и васъ съ собой возьму, люли,
Я кораблик перейму, люли,
Да я Машиньку сйму, люли,
Гавриньевну госпожу, люли;
Возлѣ себя посажу, люли,
Поцѣлую, обойму, люли! —

Во горинкѣ во новой, во новой,
Стоялъ столикъ дубовой, дубовой,
Покрытъ тафтой голубой голубой,
Съ золотэю бахрамой, бахрамой.
На столикѣ дубовомъ, дубовомъ,
Стоялъ кубчикъ золотой, золотой,
Полонъ водки налитой, налитой.
Семенушка господинъ, господинъ,
Онъ по горенкѣ ходилъ, ходилъ,
До столика доходилъ, доходилъ,
Рюмку водки наливалъ, наливалъ,
Хозяюшкѣ подносилъ, подносилъ.
Ты хозяюшка моя, ты моя!
Пріими, выпей умная, умная,
У добраго молодца, молодца.

Роди да сына сокола, сокола,
Бѣлымъ лицемъ во себя, во себя;
А разумомъ во меня молодца, молодца,
Будемъ сына растити, растити,
И грамотѣ учити, учити,
И грамоту перомъ писати, писати,
Перомъ писати, по французски говорити (*).

—*—

Какъ свахонька хороша,
А ты свахонька пригожа!
Изнизали бы тебя на жерелья,
И поспли бы тебя въ воскресенья.
А ты свахонька надумайся,
Въ платкѣ золото распутайся.
Слышешъ ли свахонька?
Тебѣ пѣснь поемъ,
При всей честной компаньи
Тебя величаемъ.

Женатымъ родственникамъ жениха.

Какъ по сѣнямъ, сѣнямъ, сѣничкамъ;
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ;
Что ходила, погуливала,
Молодая душа боярыня,
То Татьяна Ивановна.
Что будила, побуживала,
Своего ли друга милаго,
Да того Осипа Михайловича.
Ужъ ты встань, пробудись господинъ!
Отвязался твой доброй конь.
Отъ столба ли, столба ли точенаго,
Отъ колечка позолоченаго.

(*) Народъ думаетъ, кто говоритъ по французски, тотъ ученъ и уменъ.

Онъ ушелъ, онъ ушелъ,
Во чисто поле гулять;
Изъ чиста поля во зеленой садъ.
Поломалъ въ саду вишенью,
Со калиной со малинушкою,
Зелену грушу со вишенью.
Какъ возговоритъ Оспнъ господинъ,
Какъ возговоритъ Михайлычъ дворянинъ:
Ты не плачъ, моя милая!
Не тужи, моя разумная!
То Татьяна Ивановна,
Еще насъ Богъ помилуетъ,
Государь — Царь пожалуетъ,
Тремя славными городами:
Первымъ городомъ Саратовымъ,
Другимъ городомъ Симбирскімъ,
Третьимъ городомъ Хвалынскімъ.
Во Саратовѣ самы будемъ жить,
Во Симбирскімъ сына женить,
Во Хвалынскімъ дочъ отдавать.

Женихову товарищу.

На морѣ на моречкѣ,
На томъ тихомъ заводѣ
Стоитъ дерево кипарисово;
На тѣмъ деревѣ кипарисовомъ,
Сидятъ пташечки заморскія,
Поютъ пѣсеньки ростовскія (*)
Да кому у насъ быть боярыномъ?
Кому слыть воеводою?

(*) Пѣсеньки ростовскія, — вѣроятно употреблено здѣсь для риѳмы, и должно думать, что надобно сказать пѣсни райскія.

Быть боярином Иванушкѣ,
Воеводою слыть Данпловичу,
Сберегать своего князя молодаго,
Нашего гостя дорогаго. —
Ты слышешъ ли Данилушка?
Тебѣ пѣснь поемъ,
И честно величаемъ. —

Когда передарятъ всѣхъ гостей и обнесутъ имъ по рюмкѣ водки, тогда сваха беретъ невѣсту за руку и сажаетъ ее за столъ, рядомъ съ женихомъ. Спустя немного, подаютъ обѣдъ, приготовленный со стороны отца невѣсты. Во время кушанья угощаютъ брагою и водкою. Дѣвушки между тѣмъ отправляются разъѣзжать въ повозкахъ по улицѣ, на лошадяхъ женихо-выхъ, и тогда поютъ голосовыя пѣсни. (*) Сваха выводитъ молодыхъ изъ за стола и провожаетъ ихъ въ чуланъ. Тутъ подчиваетъ жениха нареченная его тещa, разными кушаньями и водкою. По пріѣздѣ дѣвушекъ съ катанья, гости поднимаются домой; невѣста даритъ жениху перчатки своей работы, и послѣ всѣ отправляются домой. — Этимъ оканчивается запой. — По удаленіи гостей, невѣста причитаетъ своимъ роднымъ. Подойдя къ отцу, она обнимаетъ его и поетъ жалобно.

Отцу.

Кормилецъ ты мой, батюшка!
Что это у насъ были за пиры, за бесѣдушки?
За гульба, за прокладушки?—
Были гости незваные,

(*) Голосовыя пѣсни помѣщены на концѣ этой свадьбы.

Незваные, нежданные!
Знать это вы батюшка, пропивали
Мою буйну головушку:
Что ты батюшка, на меня прогнѣвался?
Или я тебѣ, батюшка,
Была не скорой посолъ?
Не скорой посолъ, не работница!
Или я тебя, батюшка,
Вгрязь лицемъ ударила?
При добрыхъ людяхъ прибесчестила!

Матери.

Родимая ты, моя матушка!
Спалась ли тебѣ темная ноченька?
А мнѣ горькой горюшинькѣ, не спалось,
Во снѣ мнѣ видѣлось.
Видѣлось мнѣ горькой,
Темные лѣса, круты горы.
Темные тѣ лѣса, чужа семья;
Круты тѣ горы, тяжела работушка.
Привыкать мнѣ къ крутымъ горамъ,
Къ темнымъ лѣсамъ труднехонька,—
Я у васъ еще молодехонька.

Брату.

Родимой ты мой братецъ!
Не помни ты моихъ грубостей,
Какъ я тебѣ сгрубляла, досаждала.
Сорядите вы меня, братецъ,
Со родимымъ своимъ батюшкой,
Хорошенька.
Не давайте вы меня, братецъ,
Чужимъ людямъ на срамъ, на позорища.
Чужи люди, чтобы не смѣялися,
А вы много не чуждайтеся. —

Шабренкѣ (*).

Поди-ка ты, любимая моя шабренушка,
Да ты на меня не погнѣвайся,
Что я тебя не встрѣтила.
Ни за спесью, ни за гордостью, —
За своимъ горемъ великиймъ!
Запоручила мою буйну головушку,
На чужу, дальню сторонушку. —
Я спрошу тебя, понадѣючи,
А ты мнѣ скажи, жалѣючи:
Каково житье въ чужихъ людяхъ?

Шабренка отвѣчаетъ:

Въ чужихъ людяхъ нада жить умѣючи,
Да все разумѣючи.
Поди-ка ты, красна дѣвушка!
На быстру рѣку,
Спроси гусей сѣрыихъ:
Каково гусямъ плыть,
Встрѣчь быстрой рѣки?—
Таково-то жить, во чужихъ людяхъ.
Чужой батюшка свекорь,
Безъ вины журитъ;
Свекровь митушка,
Безъ порядку паряжаетъ.

По окончаніи причитанія, прощаются съ невѣстой подружки ея и уходятъ домой. —

По утру сбираются снова къ невѣстѣ ея подруги. Дѣвишникъ. Она отпираетъ свой сундукъ, въ коемъ сложено ея приданое: платье и холстъ; послѣдній отдаетъ дѣву-

(*) Шабренка, сосѣдка, — татарское слово. —

вушкамъ, которыя кроятъ изъ него рубашки для жениха и невѣсты, и самые рукава на ея сарафанъ, и тогда же приготовляютъ все нужнее для свадьбы.—Днемъ занимаются шитьемъ а вечеромъ забавляются, и продолжаютъ это до самой свадьбы. Все это время называется дѣвишникомъ, который у иныхъ бываетъ около мѣсяца.—

По вечерамъ приходятъ сюда родные съ женихомъ, женатые и парни (*); послѣдніе играютъ и поютъ съ дѣвушками пѣсни. За тѣ пѣсни, которыя дѣвушки поютъ парнямъ, женатымъ и молодымъ вмѣстѣ или порознь, получаютъ деньги въ награду.

Жениху.

Во теремѣ гусли лежали,
Во новомъ звончатыя.
Вотъ и пѣкому во гусли играти, —
Александра Яковлевича дома нѣту,
Яковлевича не случилось:
У тестюшки онъ пируетъ,
У тещеньки онъ столуетъ.
Теща зятя угощала,
Рюмку водки наливала,
Своему зятюшкѣ подносила,
Любезному говорила:
Ты пей зятекъ, не упивайся,
Надъ Дуняшей не ломайся,
Надъ Дуняшей не величайся.
Вотъ и Дуняша дитя нѣжное:
Не заставливай разувати,
Бѣлы рученьки замаретъ,
Золоты кольцы переломаетъ,

(*) Женихъ, со времени обряда запоя, посѣщаетъ свою невѣсту днемъ и вечеромъ

Дорогіе камни разстеряетъ.
Какъ и зять тещѣ отвѣчаетъ:
Бѣлы рученьки можно вымыть,
Золоты кольцы можно спаять,
Дорогіе камни можно вставить.

Долина долинушка,
Раздолье широкое!
Ой люли, люшеньки,
Раздолье широкое!
Раздолье широкое
Приволье широкое,
Ой люли люшеньки,
Приволье весслое!
По той ли равнинушкѣ,
Ходилъ, гулялъ молодецъ.
Ой люли, люшеньки,
Ходилъ, гулялъ молодецъ!
Связалъ свою голову,
Тафтою зеленою
Ой люли, люшеньки,
Тафтою зеленою!
Фатою жъ шелковой,
Лентой лиловою,
Ой люли, люшеньки,
Лентой лиловою!
Надѣлъ шляпоньку пуховую,
Съ бахрамой шелковою.
Ой люли, люшеньки,
Съ бахрамой шелковою!
Увидѣла матушка,
Со высокаго терема;
Закричала матушка,
Своимъ громкимъ голосомъ,

Ой люли, люшеньки,
Своимъ громкимъ голосомъ!
Дитя ль мое, дитятко,
Дитя ль мое, милое,
Ой люли, люшеньки,
Дитя ль мое милое!
Что ходишъ не весело,
Гуляешъ не радостно?
Ой люли, люшеньки,
Гуляешъ не радостно!
Сударыня матушка,
Чему веселитися?
Ой люли, люшеньки,
Чему веселитися?
Всѣ братцы товарищи,
Да всѣ пожепилися,
Ой люли, люшеньки,
Да всѣ пожепилися!
А я у васъ матушка,
Холостъ, не женатъ хожу,
Ой люли, люшеньки,
Холостъ, не женатъ хожу!
Женись, женись дитятко,
Женись, мое милое,
Ой люли, люшеньки,
Женись мое милое!
Возьми мое дитятко,
Князью или барышню,
Ой люли, люшеньки,
Князью или барышню!
Енеральскую доченьку,
Хорошу, пригожую.
Ой люли, люшеньки,
Хорошу прихожую!
Енеральская доченька,
Она мнѣ не нравится
Ой люли, люшеньки,

Она мнѣ не нравится!
У сосѣда дѣвушка,
Да мнѣ показалася,
Лицемъ приглянулася.
Ой люли, люшеньки,
Лицемъ приглянулася!
Нѣтъ лучше барышни,
Авдотьи Степановны,
Ой люли, люшеньки,
Авдотьи Степановны!
Безъ бѣлилъ она бѣлехонька,
Она мнѣ милехонька.
Ой люли, люшеньки,
Она мнѣ милехонька!

Нѣвѣстѣ.

Во горницѣ во свѣтлицѣ,
Два голуба на шкафѣ:
Они пьютъ и льютъ,
Въ цимбалы бьютъ,
Во гусли играютъ
Душу Дуняшу, душу Дуняшу
Забавляютъ,
Всегда потѣшаютъ.
Александръ Яковлевичъ,
По залу гуляетъ.
Убрана головушка,
Разными цвѣтами;
Унизаны бѣлы рученьки,
Золотыми перстнями.
Отсвѣчиваютъ они отъ Дуняши,
Разными лучами.
Душа Дуняша! душа Дуняша!
Васъ тятинька кричитъ.
Подруженьки любезныя!
Скажите, не слыхала. —

Душа Дуняша! душа Дуняша!
Васъ маменька кричитъ.
Подружки любезныя,
Скажите, не слыхала.
Душа Дуняша! душа Дуняша!
Васъ Александеръ кричитъ.
Подруженьки любезныя!
Скажите, сей часъ буду.

Разшаталася грушица,
Разшаталася зеленая,
Передъ яблонкой садовою. —
Расплакалася красная дѣвица,
Разстужилася Степановна,
Передъ батюшкой стоючи,
Передъ матушкой плакавши.
Государь ты, мой батюшка!
Государыня, моя матушка!
Нельзя ли думушку раздумати?
Не можно ли дѣло бросити?
Сватьямъ отказать,
Меня въ чужи люди не отдавать.
Ужъ ты, дитятко!
Ужъ ты, мое милое!
У насъ дума-та вздумана,
И дѣло-то сдѣлано.
Быть пиру, быть бесѣдушкѣ,
Собраны красны дѣвушки.
Любимыя твои подруженьки,
Изготовили тебѣ къ вѣнцу,
Цвѣтно платьеце.

Товарищамъ жениха.

Ужъ вы соколы,
Залетныя пташечки!

Куда вы летали?
Мы летали въ зеленой садъ,
Съ куста на кустъ перелетывали,
Изъ моря на моречко. —
Что вы тамъ видѣли? —
Мы видѣли тамъ сѣру утушку,
Среди моря на островѣ.
Что вы ее не поймали? —
Хотя мы ее не поймали?
Сѣры крылушки ощипали,
Опять въ сине море пустили.
Вы бояры Александровы (жениха)
Куда вечеръ ѣздили?
Мы ѣздили, поѣживали,
Изъ города въ городъ
Переѣживали.
Что вы тамъ видѣли? —
Мы видѣли тамъ,
Красну дѣвушку,
Авдотьюшку;
Красну дѣвушку въ терему. —
Что вы ее не взяли?
Хотя мы взятъ-та
Не взяли,
Русу косу расплели,
Въ теремъ опять пустили.

Брату съ сестрою.

Сладка ягодка малинушка,
Размолодинькой дѣтинушка;
Удалой, доброй молодецъ,
То Василій Ивановичъ.
И еще кто тебя породилъ молодца?
Породила меня матушка,
Вспоилъ, вскормилъ родной батюшка,
Взлелѣяли няньки, мамушки,

На тесовой кроватушкѣ,
На пуховой на перинушкѣ,
На батистовой подушечкѣ,
Подъ атласнымъ одѣяльцемъ.
И еще кто тебѣ головушку чесалъ?
И еще кто тебѣ русы кудри завивалъ?
Завивала кудерюшки,
Мнѣ сестрица любезная,
Да то Марья Ивановна.
Вила кудри, приговаривала:
И еще, дай Боже! моему братцу,
Ему счастіе хорошо получить,
Въ магистратѣ магистрѣтскімъ судьей,
А при думѣ быть степеннымъ головой,
При своемъ домѣ хозяиномъ.
Изъ рюмочки водка плещется,
По подносу разливается,
По подносу по серебряному,
По узору мелкотравчатому.
Какъ и братъ сестрой хвалится,
Какъ любезной похваляется:
У меня братцы, сестрица хороша!
Хороша душа Машинька.
Безъ бѣлилъ лице бѣлое,
Безъ румянъ щеки алыя,
Безъ сурмилъ брови черныя.
У ней взоры веселыя
А походка дворянская,
У ней рѣчь деликатная.
Дворомъ идетъ, словно павушка плыветъ;
Рѣчъ возговоритъ, — лебедушкою.—

Холостымъ.

Да кто у насъ уменъ,
Кто у насъ разуменъ?
Андрѣюшка уменъ,

Федорычь разуменъ
Ой люшенки, люли,
Федорычь разуменъ!
Онъ щепитко (*) ходитъ,
Манежно ступаетъ
Ой люшенки, люли,
Манежно ступаетъ.
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не маретъ,
Ой люшенки, люли,
Чулокъ не маретъ!
На коня садится,
Лишъ конь веселится.
Ой люшенки, люли,
Лишъ конь веселится!
Къ лугамъ подъѣзжаетъ,
Луга зеленѣютъ.
Ой люшеньки, люли,
Луга зеленѣютъ!
Къ сараямъ подъѣзжаетъ,
Сады зеленѣютъ.
Ой люшенки, люли,
Сады зеленѣютъ!
Во саду дѣвушки гуляли,
Андрея встрѣчали.
Ой люшеньки, люли,
Андрея встрѣчали,
За руки принимали,
За столъ посадили.
Ой люшенки, люли,
За столъ посадили!
Вина чары наливали,

(*) Ловко.

Апрея поили.
Ой люшеньки, люли,
Андрея поили!
Андрюшка выпей
Федорычь искушай.
Ой люшеньки, люли,
Федорычъ искушай!
Не пью вина позеленого,
Я кушаю водку,
И то для охотки.
Ой люшеньки, люли,
И то для охотки.

Душа мята,
Да вся поломата 2.
Алые цвѣтики,
Въ саду разцвѣтали 2.
Да кто у насъ холостъ?
Да кто у насъ не женатъ?
А Васинька холостъ,
Ивановичъ не женатъ 2.
По горницѣ ходитъ,
Въ туалетъ глядится. 2.
Красотѣ дивится:
Какой я хорошой,
Какой я пригожой! 2.
Хорошъ уродился,
Модно нарядился 2.
Жилетъ надѣваетъ,
Галстухъ оправляетъ 2.
Сюртукъ надѣваетъ,
Жилетъ оправляетъ 2.
Шляпу надѣваетъ,
На крылечко выходитъ, 2.
Конь къ нему подходитъ:

На копя садится,
Конь веселится 2.
Онъ тросточкой машетъ,
А конь подъ нимъ пляшетъ. 2.
Онъ лугами ѣдетъ,
Луга зеленѣютъ; 2.
Онъ садами ѣдетъ,
Розы разцвѣтаютъ, 2.
Пташки распѣваютъ.
Къ дому подъѣзжаетъ,
Матушка встрѣчаетъ:
Сынокъ мой милой!
Орелъ сизокрылой! 2.
Безъ тебя мнѣ скучно,
И въ горницѣ пусто. 2.
Маменька родимая!
Открывайте окна,
Подавайте гусли:
Я стану играти,
И васъ забавляти. —

Во городѣ во Саратовѣ,
Во московской славной улицѣ,
Во палатѣ бѣлокаменной,
Разгуливалъ доброй молодецъ.
Онъ стоялъ сопроти зеркальца хрустальнаго,
Онъ чесалъ кудри свои русыя,
Чесалъ кудри, приговаривалъ:
Вы завейтесь мои кудерюшки,
Вы завейтесь мои русыя!
Поседину русу волосу.
Къ моему ли лицу бѣлому,
Къ моему ли румяному,
Къ моимъ ли бровямъ черными,
Къ моимъ очамъ веселымъ. —

Стоитъ Ванюшка
Во Божьей церкве, у заутрени.
Какъ на Ванюшкѣ на Степанычѣ
Сертукъ бархатный,
Жилетъ розовый,
Галстухъ шелковый,
Платокъ въ рукѣ батистовый.
Да все люди, да все добрые,
Въ Божью церковь сходилися,
Всѣ бояры со слугами съѣзжалися,
Красотѣ Ваниной всѣ дивовалися.
Да всѣ дѣвушки, да всѣ красныя,
Засмотрѣлися.
Онѣ между себя разговаривали,
Ванюшку одабривали:
Какъ онъ скроменъ!
Какъ вѣжливъ!
Никуда онъ не оглянется,
Да все Богу молится.

Какъ на молодцѣ
Какъ на добрынѣ,
Платье цвѣтное.
На головушкѣ, на русыхъ кудряхъ,
Шляпонка пуховая.
Какъ сертукъ на немъ
Гармишелевой (*).
А рубашенка канелева (**)
Сапоги на немъ все козловые.

(*) Гармишель, полушелковая съ пестрыми крапинами матерія.

(**) Канель, гладкая шелковая матерія, въ коей основа красная а утокъ зеленой.

Онъ ходилъ, гулялъ,
По всѣмъ улицамъ;
Во рукахъ держалъ,
Трость серебряну.
Какъ во тростонькѣ,
Ленточки букетовы.
Да всѣ люди ему дивовалися,
Красотѣ его удивлялися:
Чіе это дитя милое?
Не свѣтелъ ли мѣсяцъ,
Воспоилъ, воскормилъ?
Не часты ли звѣзды, возлелѣяли?
Породила его матушка,
Воспоилъ, воскормилъ
Сударь батюшка.
Возлелѣяли няньки, мамушки,
Сѣнны дѣвушки. —

———*———

Какъ Осипушка щеголеватъ
Изъ горницы во горницу перебѣгаетъ,
Кармазинъ кафтанъ надѣваетъ,
Во карманъ руки опускаетъ,
Золоту гривну вынимаетъ.
Насъ дѣвушекъ задаряетъ,
Намъ на бѣлыя бѣлилы,
На красныя румяны.
Набѣлимся, нарумянимся!
Добрымъ молодцамъ,
Лучше приглянемся

Во саду, во садику,
Во зеленомъ виноградномъ,
Стояла разукрашена бесѣдка.
Разукрашена, принаряжена,

Золотой бахрамой убрана.
Во той во бесѣдкѣ,
Сидѣлъ доброй молодецъ,
Разудалая головушка,
Разхорошенькой Иванушка.
Онъ игралъ, поигрывалъ,
Во гуселюшки серебряны.
Припѣвалъ пѣснь новую,
Любимую,
Пѣсеньку московскую.
Здравствуй любушка,
Хорошая моя!
Про тебя у меня,
Много пива и вина.
Сладка водочка анисовая...
Ровно ты красавица,
Росписанная.
Твоя нѣжность, красота,
Заставила любить тебя. —
Взглядъ твой,
Мнѣ премилой;
Ты ласкаешъ меня,
Мило-нѣжно!
Свиданье съ тобой весслое,
Разстанье печальное.
Кротка ты душею,
Быстра красотою. —
Дѣвушка тяжело вздыхаетъ,
Дружка къ сердцу прижимаетъ.
Тебя, мой миленькой, извиню,
Совыкались съ тобой честью.
Мы другъ дружкѣ обѣщались,
Безъ слезъ съ тобой не разставались.—

Какъ у сокола,
Какъ у яснаго,
Болятъ крылушки.
Нельзя соколу,
Нельзя ясному,
По лѣсамъ летать.
Какъ у молодца,
Голова болитъ;
Нельзя молодцу,
Во саду гулять.
Не одинъ гулялъ,
Съ боярами,
Съ петербургскими спералами.
Красотѣ его дивовалися,
Еще, чіе это за дитятко?
Что это за милое?
Не зоря ли его воспородила?
Не свѣтелъ ли мѣсяцъ,
Воспоилъ, воскормилъ?
Не часты ли звѣзды возлелѣяли? —
На отвѣтъ сказалъ,
Доброй молодецъ:
Ужъ вы неразумные,
Господа князья!
Воспородила меня,
Родна матушка;
Воспоилъ, воскормилъ,
Родной батюшка,

———※———

Какъ на дубчикахъ голубчики сидятъ,
Промежъ себя рѣчь говорятъ,
Про Ивана Степановича. —
Ой ли, ой люшеньки, люли!
Какъ Иванушка богатъ, богатъ живетъ,
Свѣтъ Степановичь богатъ живетъ,
Ой ли, ой люшеньки, люли!

Онъ изъ гривеньки на гривеньку ступаетъ,
Со полтинничкомъ по улицѣ гуляетъ —
Ой люли, ой люшеньки, люли!
Цѣловикомъ вороты запираетъ,
По пяти рублей дѣвушекъ даритъ.
Ой ли, ой люшеньки, люли!
Ужъ вы дѣвушки, свѣтикъ,
Бѣлыя лебедушки!
Помолитесь обо мнѣ,
Объ удаломъ добромъ молодцѣ,
Ой ли, ой люшеньки, люли!
Объ удаломъ добромъ молодцѣ,
Объ Иванѣ Степановичѣ.
Ой ли, ой люшеньки, люли!
Я не охотникъ городы городить,
Не охотникъ капусту садить.
Ой ли, ой люшеньки, люли!
Во сыромъ бору погуливати,
Красныхъ дѣвокъ приаукивати.
Ой ли, ой люшеньки, люли!
А вы дѣвушки,
А вы бѣлыя лебедушки,
Помолитеся обо мнѣ. —
Ой ли, ой люшеньки, люли!
Объ удаломъ добромъ молодцѣ,
Объ Иванѣ Степановичѣ,
Ой ли, ой люшеньки, люли!

Вечеринки.

Въ продолженіи дѣвишника, женихъ дѣлаетъ отъ себя нѣсколько разъ вечеринки. Онъ пріѣзжаетъ сюда съ своими родными и пріятелями, и всегда съ гостинцами для невѣсты: съ орѣхами, платкомъ, ситцемъ, и т. п. Для гостей привозитъ: закуску, пиво, водку, пшенникъ и куникъ (круглый пирогъ, начиненный курицею). Со стороны невѣсты собираются, на этотъ вечеръ, ея родные, знакомые и подруги. — Жениха и

его родныхъ принимаютъ ласково, сажаютъ съ почестію за столъ. Женихъ идетъ уже прямо къ невѣстѣ, въ ея чуланъ, и отдаетъ ей подарки. Здѣсь онъ разговариваетъ съ своей невѣстой, а теща угощаетъ его, говоря: ты родимой, рѣдко ходишъ къ намъ; невѣста скучаетъ по тебѣ. Ходи къ намъ почаще.—Родныхъ между тѣмъ и всѣхъ гостей угощаютъ въ избѣ, и въ то время катаетъ женихъ свою невѣсту и ея подругъ, на своихъ лошадяхъ. При катаніи поютъ голосовыя пѣсни (*). Послѣ катанья расходятся гости по домамъ, за изключеніемъ: жениха, его пріятелей и дѣвушекъ, которые просиживаютъ на вечеринкахъ до полночи и играютъ пѣсни.

Пойду по улицѣ, 2.
Два двора минуючи,
Третій послушаю:
Что люди говорятъ,
Какъ батюшку бранятъ.
Пьяница, пропоица, 2.
Дуняшинъ батюшка. —
Пропилъ свѣтъ, Дуняшу,
За медъ, за горѣлку.
Дуняшина мати, 2.
Не умѣла гадати,
За кого отдати.
Васинькина мати,
Умѣла гадати,
У кого взяти. —
Мела, мела сѣни,
Да бросила вѣникъ.
Теперь мои сѣни 2.
Подметены будутъ,

(*) Голосовыя пѣсни помѣщены на концѣ этой свадьбы.

Теперь моя хата,
Теперь моя хата,
Истоплена будетъ,
Теперь мои дѣти,
Теперь мои дѣти,
Накормлены будутъ (*).

Проводивъ время весело, поднимается женихъ съ своими пріятелями домой. При выходѣ онъ благодаритъ за угощеніе тещу и тестя, кланяясь имъ въ ноги съ своей невѣстою; потомъ цѣлуетъ свою невѣсту и прощается съ нею. Но невѣста и дѣвушки провожаютъ жениха, съ его товарищами, до воротъ, и потомъ возвращаются въ избу.

Невѣста, вставъ по утру прежде всѣхъ своихъ домашнихъ, причитаетъ имъ снова заунывнымъ голосомъ:

Родимой мой батюшко!
Кормилица матушка!
Спалось ли вамъ,
Темной ночушкой?
Мнѣ горькой мало спалось,
Много во снѣ видѣлось:
Будто я злыдарка горькая,
Ходила по крутой горѣ,
Потеряла свой золотой косникъ,
Съ серебряной рѣшетечкой,
Со шелковой косоплеточкой. —
Родимой мой батюшка и матушка!
Запоручили вы мою головушку!

(*) Сверхъ этой пѣсни поютъ тѣже самыя, которыя выше приведены, т. е. тѣ, которыя относятся до молодыхъ и холостыхъ.

За поруки крѣпкія.
Ты бросился, батюшка,
На ихъ слова ласковы.
Они тебя уговорили, —
Поднесли тебѣ золотую чашу.

На другой вечеринкѣ жениха избираются: дружка, полдружье (поддружки), тысяцкій, посаженый отецъ и третьякъ, который потому такъ называется, что онъ составляетъ третій чинъ послѣ полдружья (*). Всѣ эти лица здравствуются здѣсь между собою, — это значитъ, что они подчуютъ самыхъ себя за здоровье жениха, который съ этихъ поръ носитъ названіе князя, а невѣста княгини. У богатыхъ людей бываютъ еще дворяне, кои набираются для увеличенія поѣзда. Дружка завѣдываетъ всей свадьбою, полдружье помогаетъ ему въ распоряженіи, тысяцкій оберегаетъ приданое молодыхъ, а посаженые родители благословляютъ и провожаютъ въ церковь, и стоятъ подлѣ жениха во время вѣнчанія. Женихъ обдариваетъ платками весь свой поѣздъ, который перевязывается чрезъ плечо, а самъ женихъ надѣваетъ платокъ на свою шею, по женскому обычаю. —

Въ домѣ молодого заготовляется брага, вино, разное кушанье и печется пирогъ, называемой *люкшинъ пряка* (**), такой величины, какой только можетъ влезть въ печь. Этотъ люкшинъ — пряка печется для дѣвицъ, помогавшихъ невѣстѣ въ приготовленіяхъ ея

(*) Иногда на одномъ вечерѣ, данномъ отъ жениха, собираются свадебные чины, которые однако не вездѣ имѣютъ эти названія.

(**) Это въ употребленіи между Мордвою, въ хвалынскомъ и кузнецкомъ уѣздахъ.

къ свадьбѣ.—Чтобы онъ не развалился въ печкѣ, обязываютъ его лыками, и ими обвиваютъ шею той дѣвушки, которой достается послѣдній кусокъ пирога. —

За три дня до свадьбы, собираются въ домъ жениха всѣ его родственники. — Подруги невѣсты ходятъ къ нему за сусломъ, при чемъ поютъ пѣсни, какія вздумаютъ. Тутъ угощаютъ ихъ обѣденнымъ столомъ, потомъ они идутъ къ невѣстѣ, распѣвая дорогой пѣсни и неся ведро пива отъ жениха. Этимъ пивомъ они подчуютъ собравшихся здѣсь гостей. Вскорѣ за дѣвушками пріѣзжаетъ весь поѣздъ жениха; тутъ невѣста обдариваетъ ихъ. При отъѣздѣ же ихъ, дружка снимаетъ образа съ полки, обходитъ вокругъ поѣзда три раза и отправляется къ жениху. Въ тотъ же день или на другой, собираются всѣ въ домъ невѣсты. Дружко вводитъ князя въ избу, заводитъ его за столъ и самъ садится подлѣ жениха. Потомъ онъ говоритъ: суженаго пріими а ряженую подай. Это намекъ, чтобы выводили невѣсту, которая спряталась. Сваха выводитъ ее и сажаетъ рядомъ съ женихомъ; имъ подносятъ пиво и они здравствуются т: е: пьютъ за здоровье другъ друга; за тѣмъ подаютъ вино гостямъ и начинается пированье, сопровождаемое пѣніемъ. — Тутъ обдариваютъ родственниковъ жениха. Когда всѣ сядутъ обѣдать и дружка, взявъ ложку, станетъ ѣсть, тогда корятъ дѣвушки: сватушка прожора, съѣлъ кобеля борзова. — Послѣ обѣда всѣ идутъ къ жениху, а дѣвушки провожаютъ ихъ пѣснію:

Улю-лю, собаки!
Улю-лю, борзыя!
Улю-лю, косыя!

На канунѣ свадьбы топится баня для невѣсты, ея родными или подругами, которыя приносятъ сюда мыло и брагу отъ жениха. За баню благодаритъ невѣста своего брата и свою невѣстушку:

Спасибо тебѣ, родной братецъ,
На дровахъ сухихъ перелетовыхъ,
А тебѣ родная невѣстушка,
На пару, на банькѣ,
На мягкомъ на вѣничкѣ.

Вскорѣ послѣ этаго подруги сажаютъ невѣсту на скамейкѣ и начинаютъ заплетать ей косу. Невѣста опускаетъ свою голову и причитаетъ:

Заплетите-ка,
Вы любимыя
Мои подруженьки,
Русу косу мелехонька.
По среди-та русой косы,
Заплетите шелковъ косникъ,
Алу ленточку;
А по конецъ-то, русой косы,
Саблю острую:
Чтобъ пріѣзжія свахоньки,
Руки перерѣзали. —

Любимая моя подруженька,
Куда мнѣ свою красотушку,
Дѣвать будетъ?
Мнѣ въ лѣса ее пустить?
Она заплутается.
Во луга пустить?
Загуляется.
Въ быстру рѣку пустить?

Запутается. —
Я пущу свою красотушку,
На любимую подруженьку,
Душу красну дѣвушку,
Олиньку душку.
Тутъ моя красотушка,
Укроится,
Нѣгушка унѣжится.
Есть у ней родимая матушка,
И родимой батюшка,
Есть братцы, ясны соколы,
Лебедушки — невѣстушки.

Любимыя мои подруженьки!
Прійдетъ къ вамъ,
Весна красная,
Лѣто теплое.
Пойдете вы гулять,
Во чисто поле,
Во зеленые луга:
Всѣ ваши цвѣточки стоятъ,
Алымъ алехонькимъ.
А мой посохъ, приблекъ,
Къ землѣ присохъ.
Сорвите вы,
Мой цвѣтокъ печальный;
Принесите его,
Къ родимой матушкѣ:
Чтобы она, цвѣточекъ мой,
Не клала ни въ сундукъ, ни въ коробочку;
Поставила бы его, —
На красное окошечко. —

По заплетеніи косы набираютъ для дѣвушекъ обѣдъ. Здѣсь невѣста подчиваетъ ихъ тѣмъ пивомъ

или той брагою, которая приносится отъ жениха, и изливаетъ предъ ними горестныя свои чувствованія:

Спасибо вамъ,
Любимыя мои подруженьки:
За труды ваши,
За вашу мнѣ службу;
Болѣе того,
За вашу дружбу.
Подруженьки мои, красавицы!
Труды ваши были великіе:
Прибрали вы меня,
Прихъхтали (*)
Цвѣтна платьица,
Мнѣ нашили;
Буйну головушку,
Мнѣ причесали.
Во путь, во дороженьку,
Меня сорядили.
Во путь, во дороженьку,
На чужу сторонку.
Какъ во темной лѣсъ,
Во чужу семью:
Незнамую, незнакомую.

Послѣ обѣда собираются къ невѣстѣ ея родные, которые, приходя къ ней, здравствуются и кладутъ деньги, сколько кто можетъ, въ *лакомку*, (карманъ) привѣшенную съ ея боку. Когда всѣ усадятся, тогда подруги, окруживъ стоящую невѣсту посреди избы, или подлѣ стола, поютъ:

(*) Прихъхтать, прибрать.

Шла Дуняша по росѣ,
Плакала жалко по косѣ.
Ахъ свѣтъ ты моя косынька!
Русая коса!
Вечеръ тебя косынка;
Дѣвушки плели,
По утру ранехонько,
Матушка плела,
Золотомъ сребромъ увѣшивала,
Мелкимъ жемчугомъ унизывала.
Богъ судья Александру!
Прислалъ ко мнѣ свашиньку,
Немилостивую! —

Безъ вѣтра, безъ вихоря,
Вереюшка пошатнулася;
Воротушки отворилися
И бояре на дворъ въѣхали,
Молодые на крыльцо вошли.
Женихъ Богу молится,
Всѣмъ онъ низко кланяется.
Закидались, забросалися,
Дѣвицы красавицы. —
Свѣтъ невѣстушка,
За дѣвушекъ хоронилась.
Схороните меня подруженьки,
Прибылъ погубитель мой!
Разлучитъ мою головушку,
Съ отцемъ съ матерью,
Съ роднымъ племенемъ.

Когда разъѣдутся гости, тогда невѣста причитаетъ своимъ родителямъ:

Кормилецъ мой батюшка!
Кинулся ты, мой батюшка,
На золото, на серебро. —
Кормилица моя матушка,
Кинулась ты, моя матушка,
На цвѣтно платье,
Запоручили меня горькую
Зеленехоньку.
Ахъ кормилецъ ты, мой батюшка!
Ахъ кормилица ты, моя матушка!
Не принимайте вы винной чарочки. —
Не посолъ вамъ, винна чарочка;
Не посолъ, не перемѣнушка.
Своего посла вы избываете,
Своего посла вольнаго,
Слугу вѣрнаго,
Безотвѣтнаго. —

Сборъ вечерин-ки.

Въ другихъ мѣстахъ, именно въ волгскомъ уѣздѣ, бываетъ вечеринка на канунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты, и эта вечеринка замѣняетъ общеупотребляемый повсюду дѣвишникъ, который называется здѣсь *сборъ вечеринки*.—Отецъ невѣсты посылаетъ своего сына или родственника, звать всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, на сборную вечеринку. Онъ, приходя въ домъ, привѣтствуетъ: миръ хозяину и дому сему. Батюшка кланяется вамъ и приказалъ просить васъ на пиръ, на вечеринку. — Хозяинъ отвѣчаетъ: спасибо, что не забыли насъ. Хорошо, мы прійдемъ. — Каждый приглашенный приноситъ съ собою коровай, кусокъ свинины, курицу или утку. Отецъ жениха такъ же собираетъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, и когда всѣ соберутся, тогда онъ беретъ штофъ вина и подноситъ стаканъ водки тому, кого выбираетъ въ дружки и полдружье. Женихъ падаетъ каждому изъ нихъ въ ноги,

и даритъ избранныхъ имъ платками. По набранiи свадебныхъ чиновъ, всѣ они отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ не начинаютъ пира до прибытiя гостей. Отецъ невѣсты встрѣчаетъ своихъ сватовъ, зятя и весь его поѣздъ, и привѣтствуетъ каждаго изъ нихъ: милости прошу сватушка, извольте проходить и садиться. Женихъ садится впереди, сваха подлѣ него съ одной стороны, а крестный отецъ съ другой.—Дѣвушки сидятъ съ невѣстой въ особой комнатѣ, гдѣ сваха невѣсты приготовляетъ дары для жениха, назначенные уже невѣстою. Когда положатъ даръ на деревянное блюдо, тогда выходитъ невѣста изъ комнаты, въ сопровожденiи свахи и своихъ подругъ. Она кланяется гостямъ на три стороны, подходитъ къ столу и останавливается напротивъ жениха. Одинъ изъ ея родныхъ наливаетъ рюмку водки и подаетъ невѣстѣ; она подноситъ жениху, который беретъ, но не пьетъ: подержавъ не много въ рукахъ, онъ отдаетъ ей обратно. Въ то время сваха подноситъ ему даръ: онъ принимаетъ, утирается имъ и цѣлуетъ невѣсту три раза; потомъ отдариваетъ деньгами а дѣвушки поютъ ему:

Хорошаго Александрушку,
Матушка породила.
Межъ обѣдни въ заутрени,
Малиною парила,
Сытою окачивала,
Сама сыну баила:
Да ты дитятко,
Да ты мое милое!
Какъ будешь на возростяхъ,
Задумаешь женитися,
Ты поѣдешь вдоль улицы,
Вдоль улицы Саратова,
По Сергiевской широкой;

Ты взъѣдешъ на тестьевъ дворъ.
Не пускай коня по двору,
Привяжи коня къ столбику,
Къ колечешку серебряну.
Приставъ къ коню конюха,
Какъ большаго-то шурина.
Ты взойдешъ въ новы сѣннички,
Не клади плеть на лавочку
Подоткни плеть подъ стропочку. (*)
Ты войдешъ въ нову горницу,
Ты не долго Богу молися,
Ты не низко тестю кланяйся:
Ты пониже своей тещеньки.
Да ты теща моя, тещенька!
Поназванная матушка!
Ты бери съ меня ряжена,
Ты отдай мою ряжену.

Послѣ этой пѣсни подходитъ женихъ цѣловать свою невѣсту; подруги прячутъ ее за собою и спрашиваютъ у жениха: кого вамъ надобно Александръ Яковлевичъ? Мнѣ надобно Авдотью Степановну, мою невѣсту. —Дѣвушки говорятъ ему: здѣсь нѣтъ ея.—Если женихъ не смѣлый, то онъ идетъ назадъ; если смѣлый, то онъ отвѣчаетъ: нѣтъ, отыщу! — Идетъ впередъ, расталкиваетъ дѣвушекъ, ловитъ невѣсту и схвативъ ее, беретъ за уши и цѣлуетъ три раза, а послѣ цѣлуетъ всѣхъ дѣвушекъ и даритъ ихъ за пѣснь. Это онъ дѣлаетъ всякій разъ, не только когда поютъ ему, но и его невѣстѣ. — За тѣмъ обращаются дѣвушки къ невѣстѣ и поютъ ей:

(*) Стропочка или матица, все равно; это брусъ, на коемъ лежитъ потолокъ.

Вы, винны рѣчушки,
Сахарные круты бережки,
По сахару вытекли!
На тѣхъ крутыхъ бережкахъ,
Стояли два бѣлыхъ шатрика,
Стояли два полотняные.
Во первомъ-то во шатрикѣ,
Душа красна дѣвица,
Авдотія Степановна. —
Понзволила душа Дуняша
Изъ шатра во шатеръ пройти,
Въ золоты гусслюшки играти.
Пропграла-та Дуняша,
Со головушки ленточку,
Изъ русой косы кисточку;
Пропграла еще Дуняша,
Красоту ли свою дѣвичью,
Своему другу милому
Александру Яковлевичу.
Какъ расплакалась душа,
Красна дѣвица,
Передъ удалымъ добрымъ молодцемъ.
Ты отдай-ка, мой милый другъ!
Отдай мое все пропграпное!
Мнѣ не дорога, душа дѣвица,
Твоя ленточка,
Изъ русой косы кисточка;
Да мнѣ дорога, добру молодцу,
Красота твоя дѣвичья.

По пропѣтіи этой пѣсни, сваха идетъ въ комнату невѣсты, складываетъ подарки на блюдо, а невѣста ожидаетъ ее съ дарами. Когда она принесетъ, тогда одинъ изъ родственниковъ невѣсты паливаетъ рюмку водки и подаетъ невѣстѣ. — Она подноситъ своему свекру, а сваха говоритъ ему: сватушка! пріими рюмочку и

пріими дарикъ, а блюдечко осеребри, не рублемъ не полтиной, одной золотой гривной.—Сватъ выпиваетъ вино, беретъ подарокъ, которымъ утирается, цѣлуетъ невѣсту три раза и отдариваетъ ее деньгами; за пропѣтую же пѣснь опъ равномѣрно даритъ дѣвушекъ деньгами, которыя относятъ парни, и опи цѣлуютъ тогда всѣхъ дѣвушекъ. Точно такъ же дѣлаютъ мужья и жены, передавая дѣвушкамъ деньги черезъ парней. Этимъ порядкомъ обдариваетъ невѣста всю родню жениха, а дѣвушки, при подносѣ дара, поютъ пѣснь каждому обдариваемому. —

Отцу жениху.

Какъ сватушка хорошо живетъ,
Яковлевичъ пригожо слыветъ.
Онъ ходилъ по двору широкому,
Приказывалъ слугамъ своимъ работникамъ:
Запрягайте-ка слуги мои, работники!
Да мнѣ пару вороныхъ коней.
Поѣду я по край города на свои заведеньицы,
На заводы на фабрики.
Посмотрѣть на фабричныхъ,
Поглядѣть на работу ихъ.
Встрѣчаютъ же сватушку,
Всѣ молоды прикащички;
Подаютъ же сватушкѣ,
Всѣ щеты ему, всѣ реэстречки. —

Матерѣ жениха.

Ужъ свахонька щебетуха,
Васильевна щеголиха!
Она носитъ платья цвѣтна,
Она всему городу примѣтна:
Во Божью церковь пѣшкомъ не ходитъ,

На калясочкахъ разъѣзжаетъ.
Подъ ней кони-та вороные,
Кучера все удалые, молодые.
Слуги у ней дорогіе,
Служаночки красны дѣвушки. —

Дружкѣ.

Дружка мужикъ богатый,
Федоровичъ тароватый.
Онъ съ гривны на гривну ступаетъ,
Рублемъ ворота часты запираетъ,
Полтинною сѣнны двери замыкаетъ, —
Онъ по улицѣ гуляетъ.
Слышешъ ли Иванъ?
Тебѣ пѣсню поемъ.
Федоровичъ! тебя величаемъ.
Не одного, съ молодой твоей хозяюшкой,
Прасковьей Ивановной. —

Тысяцкому.

У тысяцкаго у свѣта, бородка хороша,
По бородкѣ его Царь любитъ,
Во большія мѣста его сажаетъ,
Воеводой называетъ.
Воевода ль ты, воеводушка!
Поѣзжай-ка ты во чисты поля,
Въ чисты поля, въ лагери.
Осмотри силу войсковую,
Донеси мнѣ о ея здоровьицѣ,
Разскажи мнѣ обо всѣхъ начальникахъ,
Слышешъ ли, тысяцкой?
Тебѣ пѣсню поемъ.
Петровичъ! тебя величаемъ.
Съ товаркою со душою

Съ Марьюшкой со душой,
Съ молодой твоей женой,
Акимовной госпожой. —

Воеводѣ и боярыну.

На морѣ на моречкѣ,
При тихiимъ заводѣ,
Стоитъ дерево кипарисово. —
На томъ деревѣ кипарисовомъ,
Сидятъ пташечки заморскiя,
Поютъ пѣсеньки ростовскiя,
Да кому у насъ быть бояриномъ?
Кому слыть воеводою?
Быть, слыть бояриномъ,
Иванушкѣ;
Воеводой слыть Данiличу.
Ты слышешъ ли, Иванушка?
Въ чины тебя назначили,
Въ чины великiе, въ князьевы бояры.
Ты слышешъ ли еще Иванушка?
Тебѣ пѣсню поемъ. —

Женатымъ.

Плавала чарочка во сладкiимъ меду,
Плавала серебряна во сыченомъ.
Кому чару эту принимать?
Кому будетъ подносить?
Принимать чару Ивану,
Подносить чару Палагеюшкѣ душѣ,
Васильевнѣ госпожѣ.
Ты выпей душа Палагеюшка! —
Права, права сударь,
Пить не хочется. —
Видитъ Богъ!
Мнѣ не можется.

Какъ я молода,
Всю ночь не спала. —
Добру коню коверъ вышила.
Какъ добру-то коню,
На всю красоту. —
И всѣмъ боярамъ,
На дивованьице.
Да этотъ доброй конь,
Моего милаго дружка свѣтъ,
А вашаго господина.
Какъ на этомъ онъ конѣ,
Во бесѣду отъѣзжаетъ. —
На веселье, на катаньеце,
На прокладное гуляньеце. (*)

Какъ по сѣнямъ по сѣничкамъ,
По частымъ перерубочкамъ, (**)
Тутъ гуляла, погуливала,
Молодая боярыня.
Будила она, побуживала,
Молодаго боярина.
Ты встань, пробудись,
Милой другъ!
Пробудись душа, боярской сынъ.
Отвязался твой доброй конь,
Отъ столба, столба дубоваго,
Отъ колечушка серебрянаго.
Онъ ушелъ во чисто поле,
Изъ чиста поля во зеленые луга;

(*) Прокладное гуляньеце,- разгульное вѣселіе, когда пируютъ отъ всей души, отложивъ всѣ свои работы.
(**) Перерубочки, — приступки или ступени на крыльцѣ. —

Изъ луговъ зеленыхъ,
Во зеленой садъ. —
Поламалъ сады зеленые,
Садъ зеленой со вишенью.
Не тужи, моя хозяюшка!
Наживемъ сады зеленые,
И калину со малиною.

Какъ у чарочки у серебряной,
Золотой у ней вѣночекъ.
Какъ у Ванюшки у Васильевича,
Дорогой у него обычай:
Гдѣ ни ходитъ, ни гуляетъ,
Ночевать домой приходитъ.
Воротички отворяетъ,
Широкія отворяетъ.
Онъ Катеньку вызываетъ:
Да ты Катенька, встрѣчай!
Не случай тебя встрѣчати,
Сына милаго качаю,
Перемѣны себѣ чаю. —
Сноху молодую,
Гостью дорогую. —
Дочку милую качаю,
Перепутьена желаю,
Зятя молодаго,
Гостя дорогаго.

Чрезъ сѣни, сѣни новыя,
Летали гуси сѣрыя.
На лету гуси возгаркнули:
Кому у насъ быть воеводою?
Кому слыть воеводшею?

Воеводою быть Герасиму,
Воеводшею слыть Матренушкѣ. —
Слышешъ ли, Герасимушка?
Тебѣ пѣсню поемъ, Николаевичъ,
Тебя величаемъ. —
Не одного, — со Матренушкой
Съ душой Антоновной, госпожей. —

Во матушкѣ, во каменной Москвѣ,
Стоятъ церкви, золоты кресты.
На нихъ крыши всѣ крашеныя.
Чiи это мысли замысли?
Мысли это замысли,
Андрѣевы утѣшаютъ,
Свою молоду жену,
Степаниду Елизаровну:
Не тужи моя хозяюшка!
Не горюй, свѣтъ Елизаровна!
Мы выстроимъ себѣ палаты,
Бѣлыкаменны;
Мы будемъ жить во забавномъ житьѣ,
Во матушкѣ, во каменной Москвѣ. —

Изукрашены всѣ круты горы,
Зелеными кустами,
Травами шелковыми,
Цвѣтами лазоревыми.
Изукрашенъ свѣтъ Гаврилушка господинъ,
Принаряженъ свѣтъ Филипьевичъ.
Нарядила его молода хозяюшка,
Акулина Герасимова:
Во рубашечку кисейную,

Во порточки синія ладжинныя (*)
Чапанъ на немъ межигороцкой, (**)
Кушачекъ красненькой суконной.
Онъ сидитъ во пиру бесѣдушкѣ,
Во честной большой компаньецѣ.
Похваляется своей молодой женой:
Хороша моя хозяюшка,
Личикомъ бѣлинька
Бровями черненька.
Слышешъ ли, Гаврилушка?
Чуешъ ли Филипьевичъ?
Тебѣ пѣсню поемъ
Не одному поемъ, со твоей хозяюшкой,
Со душой Кулишушкой
Съ госпожей Герасимовной.
Вмѣстѣ васъ величаемъ,
Подарочка отъ васъ ожидаемъ. —

Жениху.

Ты Александрушка догадайся,
Яковлевичъ не улыбайся,
За занавѣсочку къ намъ передайся,
Съ цами дѣвушками повидайся.
Насъ дѣвушекъ не множко,
Сорокъ дѣвицъ со дѣвицею,
Пятьдесятъ молодицъ съ молодицею. —
Сужена твоя дожидается тебя,
Съ тобой хочетъ повидаться,
А мы дѣвицы на тебя посмотримъ,
Съ суженой твоей тебя выхваляемъ.

(*) Ладжина,—самодѣльная полосатая холстина: въ ней одна полоса синяя а другая бѣлая.

(**) *Чапанъ*, армякъ, *межигороцкой*,—нижегородской, и для него употребляется преимущественно сукно сѣрое. —

Слышешъ ли Александрушка?
Тебѣ пѣсню поемъ,
Яковлевичъ! тебя величаемъ,
Во скоромъ времени
Тебя ожидаемъ;
Дорожку тебѣ прочищаемъ,
Съ честью, лестью тебя принимаемъ.

Невѣстѣ.

На синемъ моречкѣ,
На томъ тихомъ заводѣ,
Тутъ плавали сѣры утушки,
Опѣ плавали, сами разговаривали,
Да всѣ они дивовалися. —
Не дивуйтесь утушки!
Не дивуйтесь сѣрыя!
Отстаю я утушка,
Отъ синя моря;
Отстаю я сѣрая,
Отъ свѣжей воды.
Пристаю я ко болотищу,
Ко болотищу ко мутной водѣ.
Не дивуйтеся дѣвушки!
Не дивуйтеся красныя!
Отстаю я отъ отца, отъ матери,
Пристаю я ко чужимъ людямъ,
Ко чужимъ людямъ, не знамымъ,
Не знамымъ, не знакомымъ.

По обдариваніи всѣхъ, подается обѣдъ, который бываетъ до 10 блюдовъ; за столомъ угощаютъ безпрестано пивомъ и водкою. Мать невѣсты, подчивая гостей, говоритъ почти каждому изъ нихъ: кушайте, сватушка и свахонька; покушайте родимые, понабирайтесь, чѣмъ Богъ послалъ. Они отвѣчаютъ: спаси-

бо свахонька, довольны; хлѣба-соли въ волю.—Угощеніе нерѣдко продолжается за полночъ, потомъ расходятся по домамъ, благодаря родителей невѣсты. — Отецъ жениха и его сваха, уговариваются съ родителями невѣсты: въ какое время пріѣзжать поѣзду жениха за невѣстой? потомъ идутъ они домой съ своими родственниками, и по приходѣ садятся за столъ. Дружка подноситъ имъ по чаркѣ водки. Отецъ жениха наказываетъ поѣзду собираться завтра въ его домъ, какъ можно пораньше, и послѣ расходятся.

По утру сходятся подруги къ невѣстѣ, чтобы одѣть ее къ вѣнцу. Тутъ она прощается съ своими родными:

Обрядъ отъ начатія поѣзда, до встрѣчи молодыхъ отъ вѣнца.

Любезный ты мой батюшка!
Спалось ли тебѣ, родной мой?
Не спалось мнѣ во всю темну ночь,
Во всю поченьку я думу думала.
Не темно стало на дворѣ уже,
Заря занимается —
Мои недруги, разлучники,
Собираются.
Разлучаютъ меня съ отцемъ съ матерью
Съ моимъ роднымъ племенемъ.

Родимой ты мой братецъ!
Ты поди-ка въ темный лѣсъ,
Ты сруби, сруби березоньку,
Загради ты путь дороженьку,
Чтобы моимъ недругамъ
Нельзя было ни пройти, ни проѣхати.

Ты поди-ка, моя подруженька!
Не прогнѣвайся, моя любезная,
Что тебя я не встрѣтила,

Посреди пути, дороженьки,
Посреди двора широкова,
Сопротивъ крыльца высокаго.
Не по спѣси, не по гордости, —
За своимъ горемъ великимъ.
Вы не будете ко мнѣ ходить,
Звать на улицу широкую.
Заростетъ ваша дороженька,
Травой муравою;
Западутъ ваши слѣдиночки,
Бѣлымъ утреннимъ снѣжкомъ.

Потомъ она спрашиваетъ совѣта у опытной женщины:

Ты поди-ка моя милая,
Я прошу тебя надѣючи,
Ты скажи меня жалѣючи:
Каково жить во чужихъ людяхъ?

Она отвѣчаетъ;

Надо жить во чужихъ людяхъ,
Умѣючи,
Разумѣючи. —
Чужи люди,
Равно темный лѣсъ,
Словно туча грозная.
Безъ мороза сердце вызябнетъ.
Во чужихъ людяхъ будь:
И покорна,
И пословна (ласковая).

Послѣ этого невѣста, не обращаясь ни къ кому, изливаетъ свои горестныя чувствованія:

Свѣтъ ты, моя волюшка!
Свѣтъ ты, моя нѣгушка!
У родимой у матушки,
Куда-то мою волюшку,
Мнѣ пустить будетъ?
Пущу я мою волюшку,
Во чисто поле;
Пущу я мою волюшку,
Во темный лѣсъ.
Во темномъ лѣсу она заплутается.
Нѣтъ, пущу я мою волюшку,
По милымъ подруженькамъ.
Покрасуйтеся подруженьки,
Покрасуйтеся любезныя,
Поколь вы у батюшки,
Поколь вы у матушки,
А я горькая горемычная,
Я уже открасовалася;
Отшутила я съ вами,
Всѣ шутки шутливыя. —

Сваха расчесываетъ и заплетаетъ косу. Невѣста плачетъ а подруги поютъ:

Свѣтъ ты, моя русая коса!
Свѣтъ ты, мой шелковой косникъ!
Плети, моя свашушка,
Плети косу мѣлко на мѣлко,
Вяжи узлы крѣпко на крѣпко. —

По заплетеніи косы, одѣваютъ невѣсту въ сарафанъ или кумашникъ, обложенный мишурными кружевами; голову покрываютъ платкомъ, который иногда называется фатою, и потомъ сажаютъ ее за столъ. —

Женихъ одѣвается въ красную или пеструю сорочку, шею повязываетъ бумажнымъ платкомъ, концы его распускаетъ по груди; надѣваетъ порты пестрые, кафтанъ

синій или голубой. Потомъ дружка ведетъ князя подъ благословеніе; молодой кладетъ три земныхъ поклона св. иконамъ, которыя держитъ его отецъ; послѣ благословляетъ его отецъ, сынъ цѣлуетъ образъ; за тѣмъ онъ подходитъ подъ благословеніе матери и посаженныхъ родителей. Послѣ благословенія надѣваютъ на него шапку, и нахлобучивъ ее на глаза, сажаютъ за столъ; подлѣ него садятся всѣ поѣзжаные, пьютъ вино и закусываютъ. Чрезъ нѣсколько времени встаютъ, молятся Богу и опять садятся; наконецъ вставъ, выходятъ изъ избы. При выходѣ изъ избы, каждый долженъ переступить чрезъ порогъ правой ногою и креститься. На дворѣ дружка указываетъ каждому свою лошадь, и каждый садится на нее; потомъ онъ произноситъ громко: *слушай весь честный поѣздъ! скидайте шапки.* Всѣ снимаютъ, читаютъ молитву и крестятся, потому что въ то время дружка ходитъ вокругъ поѣзда съ образомъ. Обошедши вокругъ три раза, онъ останавливается и говоритъ:

Міръ крещенный!
Народъ священный!
Благословите нашего князя,
Ко кресту и ко вѣнцу.

Богъ васъ благословитъ и мы благословляемъ, отвѣчаютъ поѣзжаные; за тѣмъ обращается дружка къ стоящему народу:

И вы тетки — лебедки,
Молодыя молодки,
Куньи шубки,
Соболи опушки,
Золотыя сережки,
Сафьяны сапожки,
И вы благословите нашего князя!

Богъ благословитъ васъ и мы благословляемъ, отвѣчаютъ онѣ. Тогда дружка отдаетъ образъ посаженному отцу и отправляется совсѣми къ невѣстѣ.

Поѣздъ, прибывъ къ дому, находитъ ворота запертыми. Дружка, разсерженный этимъ, слѣзаетъ съ лошади, стучится въ ворота и кричитъ: отопри! — Стоящій за воротами отвѣчаетъ: не отопру! Купи мѣсто. — Дружко спрашиваетъ: что оно стоитъ?—Заворотный говоритъ: чарку вина и золотую гривну. — Дружко наливаетъ стаканъ вина и подаетъ ему съ деньгами, черезъ подворотню.—Тотъ беретъ деньги, выпиваетъ и отпираетъ ворота; поѣзжаные вьѣзжаютъ на дворъ. При вьѣздѣ ихъ, поютъ подруги невѣсты:

Не пола вода на широкой дворъ
Къ моему батюшкѣ взлелѣяла,
Взлелѣяли мои недруги.
Хотятъ они разлучить меня,
Съ отцемъ съ матерью,
Съ роднымъ племенемъ.
Встрѣчай ты, мой батюшка,
Своихъ друговъ, моихъ недруговъ,
Недруговъ разлучниковъ.
Разлучатъ они меня,
Съ отцемъ съ матерью,
Съ роднымъ племенемъ.

Дружко входитъ въ избу съ стаканомъ вина, подноситъ его родителямъ невѣсты и проситъ позволенія ввесть жениха, который стоитъ за дверми. Дружко увидѣвъ, что братъ сидитъ подлѣ княгини, бьетъ сердито по столу плетью и кричитъ на него: а ты за чѣмъ сѣлъ не на свое мѣсто? Вонъ изъ за стола! —Не пойду! отвѣчаетъ братъ, я продаю сестру; купи

ее.—А что тебѣ надобно?—Стаканъ вина и золотую гривну.—Иной говоритъ: стопу денегъ и рѣшето вина.—Дружко подноситъ ему вино и деньги. Онъ выпиваетъ, беретъ деньги и выходитъ изъ за стола. Тогда вводитъ дружко князя и сажаетъ его рядомъ съ княгинею. Въ иныхъ мѣстахъ братъ, продающій сестру, сидитъ подлѣ нея съ лаптемъ и качадыкомъ (лапотнымъ шиломъ), или съ табашнымъ горшкомъ и рожкомъ. Дружко покупаетъ у него мѣсто, и лишъ женихъ подойдетъ къ невѣстѣ, дѣвушки поютъ:

Щука рыба, ты мечися,
Ты жива въ руки не давайся,
Вонъ идетъ цѣловати:
Черезъ три стола дубовые,
Черезъ три скамьи кленовыя,
Черезъ скатерти шиты, бранья,
Черезъ яствице сахарное,
Черезъ пойлице медовое.

Темно, темно на дворѣ,
Темнѣе того въ теремѣ.
Бояре ворота облегли,
Торгуютъ, торгуютъ Дуняшу.
Торгуйся, торгуйся братецъ,
Не отдавай меня дешево.
Проси за меня сто рублей,
За мою косыньку тысячу,
За мою красоту смѣты нѣтъ.
Подите бояры!
Подите бояры!
Давно мы васъ ждали. —

По продажѣ невѣсты, братъ и молодой братуются между собою: они становятся рядомъ и цѣлуются. —

Родители благословляютъ сначала молодую, потомъ молодаго. За тѣмъ князь, по приказанію отца княгини, беретъ ее за руку и садится съ нею за столъ; за ними садятся всѣ. Гостей подчиваютъ виномъ и закуской. Молодые ничего не пьютъ и не ѣдятъ. Предъ ними лежатъ свернутыя на столѣ скатерти и ложки, послѣднія положены на оборотъ и въ противуположенную сторону.

Прилетѣли вольныя пташечки,
Изъ за моря, моря синяго;
Перепархиваютъ пташечки,
По чисту полю, по кустикамъ:
Всѣ любуются по парочкѣ.
Только доброй молодецъ, Александрушка,
Во свѣтѣ бѣломъ сиротинушка,
Онъ тоскуетъ, какъ горькая кукушка,
Горючими слезами заливается,
Безпріютная головушка!
Никто къ дѣтинушкѣ бѣдному,
Никто въ свѣтѣ не пришатнется;
Словомъ ласковымъ привѣтливымъ,
Никто сиротинушку не радуетъ.
Онъ пойдетъ ли во чисто поле,
Чтобы размыкать тамъ кручинушку,
Свое горе и тоску—печаль,—
Тоска, горе безотвѣтныя!
Онъ пойдетъ ли во темные лѣса, —
Не бѣжитъ его кручинушка,
Изпываетъ его сердечушко,
Отъ печали въ добромъ молодцѣ.
Вянетъ, сохнетъ въ одиночествѣ,

Будто травка среди поля дикаго.
Не милъ молодцу и Божій свѣтъ!
Одна Дуняша сжалилась
Надъ бѣдняжкой, сиротинушкой;
Приласкала, приголубила,
Безпріютную головушку.
Полюбила красна дѣвушка,
Александрушку дѣтинушку;
Пріодѣла фатой шелковой,
Назвала его дружкомъ милинькимъ,—
И прошла его печаль кручинушка.

Не было вѣтра, да повѣяло,
Не было гостей, да наѣхало:
Полонъ дворъ золотыхъ каретъ,
И бояръ и князей.
Выпугали, выпугали
Соловья изъ саду зеленаго.
Расплакалися дѣвицы,
Разстужилися красныя
О своемъ соловѣушкѣ,
О красѣ дѣвичьей.
Не плачь, не тужи!
Солью тебѣ золоту чару,
И поймаю соловья во саду.

Черна ягодка смородина,
Прилегала къ круту бережку:
Прилегали кудри русыя,
Къ лицу бѣлому, румяному.
Русы кудри по плечамъ лежатъ,
По плечамъ Александра Яковлевича;
Брови черны что у соболя,
Очи ясны что у сокола,

Слышешъ ли, Александръ Яковлевичъ?
Мы тебѣ пѣсню поемъ,
По имени называемъ
По отечеству величаемъ. —
Станешъ дарить, —
Станемъ хвалить;
Не станешъ дарить,
Станемъ корить. —

Женихъ обдариваетъ дѣвушекъ, а онѣ обращаются съ пѣніемъ къ свахѣ:

Ты хорошая боярыня,
Хорошо наряженая,
Въ большое мѣсто посаженая,
Марья Васильевна! —
Слышешъ ли? мы тебѣ пѣсню поемъ
По имени называемъ,
По отечеству величаемъ.
Станешъ дирить,
Станемъ хвалить;
Не станешъ дарить,
Станемъ корить. —

Потомъ онѣ поютъ поѣзжанымъ, называя каждого изъ нихъ по имени:

Ахъ ты умная головушка,
Ты окладистая бородушка!
Ты охотникъ по пирамъ ходить,
Пѣсни слушати;
Ты охочъ дѣвицъ дарить,
Не рублемъ дарить, не полтиною,
Не полтиной, золотой гривною,
Слышешъ ли? и т. д.

Пропѣвъ молодымъ и свадебнымъ чинамъ, онѣ обращаются къ невѣстѣ и поютъ въ честь ея:

Ты камка, камочка моя!
Ты камка мѣлкотравчатая,
Мѣлкотравчатая, узорчатая!
Не давайся никому развертываться,
Ни князю, ни боярину,
Ни сыну гостиному.
Онъ волю надъ тобою взялъ
Шелковую фату приподнялъ,
Онъ свою невѣсту выглядѣлъ,
Выглядѣлъ, повысмотрѣлъ

Послѣ этого дружка произноситъ: пора!—Молодые молятся Богу и подходятъ подъ благословеніе; дружка приговариваетъ:

Благослови батюшка, матушка,
Къ Божьей церкви ѣхати;
Подъ золотымъ вѣнкомъ стояти,
Законъ Божій приняти.

Невѣста, выходя изъ за стола, дергаетъ за уголъ скатерти, для того, чтобы подруги ея вышли скорѣе за мужъ. —

Послѣ благословенія перевозятъ въ домъ жениха постель невѣсты и ея приданое, уложенное въ сундуки. Ключъ отъ сундука остается въ рукахъ свахи, и вручается уже молодой послѣ вѣнчанія. — Всѣ выходящіе изъ избы, переступаютъ черезъ порогъ правою ногой. — Молодыхъ выводятъ посаженные родители. Дружко обходитъ поѣздъ съ образомъ три раза; покрытая фатой невѣста, садится въ телѣгу или кибитку, въ коей часто находится ее приданое, а подар-

ки привѣшиваются къ верху кибитки; молодая плачетъ, облокотясь. Съ нею сидятъ двѣ ближайшія ея родственницы, называемыя *урвалятне* (*): онѣ оберегаютъ ее отъ чаръ, а дружко стоитъ позади кибитки, съ длиннымъ торомъ (**), которымъ онъ пересѣкаетъ колдовство. Когда все готово, тогда молодая, ставъ по среди кибитки, кланяется на всѣ стороны, приговаривая: прости мое широкое подворище! — Молодой, посаженый отецъ, тысяцкій и весь поѣздъ ѣдутъ верхами. Если свадьба происходитъ зимою, то молодые садятся въ сани; отъѣхавъ не много отъ дома, поѣзжаные останавливаются и смотрятъ: не скрылась ли княгиня? а дружко и полдружье ѣдутъ въ домъ молодой, чтобы выкупить ея постель. Здѣсь даритъ дружко деньгами, оставшихся дѣвушекъ. Послѣ выкупа постели, ѣдутъ безостановочно до церкви. На пути угощаютъ встрѣчныхъ виномъ, чтобы никто не сглазилъ или не перешелъ дороги, вѣря, что это можетъ разладить супружество. У церковнаго подъѣзда высаживаетъ молодыхъ дружко; посаженые родители ведутъ ихъ, а полдружье отправляется за священникомъ: съ ведромъ вина, пирогомъ, мукою и крупами. Тѣмъ самымъ надѣляютъ церковный причетъ. При вѣнчаніи молодая старается стать на подосланный подъ ноги коверъ, прежде молодаго, чтобы управлять мужемъ. Замѣчаютъ здѣсь, что если у кого изъ молодыхъ сгоритъ скорѣе свѣча, тому умереть прежде. При поѣздѣ въ церковь и при отъѣздѣ изъ церкви, объѣзжаютъ перекрестокъ, молясь и крестясь, чтобы избавиться отъ *лихаго человѣка*, который будтобы прячется здѣсь. По отъ-

(*) Слово мордовское, означающее близкихъ родственницъ; этотъ обрядъ въ употребленіи по хвалынскому уѣзду.

(**) Торъ, слово мордовское, значитъ ножъ

ѣздѣ въ церковь, дружко приглашаетъ *на гарный столъ*, или какъ говорятъ другіе, *въ гарны* (*). Священникъ, по исполненіи брачнаго обряда, заставляетъ молодыхъ поцѣловаться три раза.—Въ церковной трапезѣ перемѣняютъ головный уборъ новобрачной: надѣваютъ повойникъ или кокошникъ и повязываютъ фатой, по женскому обычаю. —

Женихъ, посадивъ невѣсту въ телѣгу, отправляется съ поѣздомъ, прежнимъ порядкомъ, въ свой домъ. На пути дружко и полдружье клапяются всякому встрѣчному и просятъ на пиръ княжій, говоря: милости просимъ на сыръ, на коровай. —

Обрядъ отъ поѣзда до встрѣчи молодыхъ, совершается еще такъ. — До собранія еще поѣзда, женихъ бываетъ уже совершенно приготовленъ. Онъ одѣвается въ красную рубашку, синее споднее платье, синій чапанъ или халатъ (въ родѣ армяка), подпоясывается кушакомъ краснымъ или шерстянымъ, или бумажнымъ; голову покрываетъ поярковой шляпою, если это лѣтомъ, или шапкой, если это зимой. Верхъ шапки плисовый, а околышъ черный курній (*). Когда всѣ съѣдутся, тогда дружко вводитъ жениха въ избу для благословенія. Отецъ беретъ образъ и коровай хлѣба. Женихъ дѣлаетъ два покло-

---

(*) *На гарный столъ, въ гарны*, значитъ на обѣденный пиръ жениха, тоже самое, что княженецкій столъ, и нѣтъ сомнѣнія, что это испорченное малороссійское слово *гарный*,—хорошій, прекрасный. Нѣкоторые уѣзды саратовской губерніи заселены переселенцами Малороссіянами, и Русскіе, живущіе между ними, переняли отъ нихъ многіе обычаи, и даже говорятъ со смѣсью малороссійскаго нарѣчія.

(*) Черный *курній*, изъ черныхъ курчавыхъ барашковъ; — курній,—курчавый.

на предъ образомъ, а за третьимъ падаетъ въ ноги отцу. Потомъ прикладывается къ образу и хлѣбу; послѣ уже цѣлуетъ отца. Такимъ образомъ благословляетъ его мать, за нею посаженые его родители. Послѣ благословенія сажаютъ жениха за столъ; подлѣ него садится сваха его, разговорчивая. Между тѣмъ дружка и полдружье, отправляются въ повозкѣ въ невѣстѣ, съ повѣсткой (съ извѣщеніемъ), что женихъ готовъ; повозкою править полдружье. Выѣхавши во дворъ, дружко входитъ впередъ въ избу, за нимъ полдружье, съ заткнутымъ за кушакомъ кнутомъ. Дружко, входя въ избу, произноситъ: Господи Іисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. — Отецъ невѣсты отвѣчаетъ: аминь.—Дружка кланяется и говоритъ: здорово сватушка и свахонька! можете ли вы здорово? — Родители невѣсты отвѣчаютъ: слава Богу! сватушка. — Дружко спрашиваетъ: сватушка! готова ли невѣста къ вѣнцу? Готова, — говоритъ отецъ, — хоть теперь за столъ; просимъ милости съ поѣздомъ. — Дружка возвращается съ полдружьемъ къ жениху, который заводитъ его за столъ въ прежнемъ порядкѣ. Тутъ подаютъ небольшую закуску и по рюмкѣ водки. За тѣмъ крестятся, встаютъ и молятся Богу. Дружко выводитъ жениха изъ избы за руку, за нимъ идетъ весь поѣздъ, и переступая черезъ порогъ избы и сѣней, читаютъ молитву: Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ. — Потомъ садятся на лошадей и выѣзжаютъ со двора; но при выѣздѣ дѣлаютъ выстрѣлъ. Вовсю дорогу поютъ, какія вздумаютъ пѣсни.— До прибытія поѣзда дѣвушки наряжаютъ невѣсту, въ ея чуланѣ, который замѣняетъ на ту пору ея уборную. На невѣсту надѣваютъ двѣ рубашки, опоясывая голое тѣло рыбной сѣткою. Потомъ надѣваютъ два сарафана, подпоясываютъ двумя

поясами и насыпаютъ проса въ башмаки. — Двѣ рубашки надѣваютъ въ свидѣтельство ея непорочности, и когда укладываютъ молодую спать, тогда снимаютъ одну. Опоясываютъ сѣткой для того, чтобы еретики не испортили молодую. (*) Одѣваютъ въ два сарафана для того, чтобы хранить одинъ во всю свою жизнь, и въ немъ она ходитъ въ церковь и дома, только по праздникамъ, какъ въ завѣтномъ, который даже не вѣшаетъ и не держитъ между другими платьями. — Одѣтую невѣсту выводятъ изъ чулана въ избу, гдѣ родители ея дожидаются съ образами и хлѣбомъ—солью, чтобы благословить. Невѣста обращается къ нимъ съ воплемъ:

Разодвиньтесь вы люди добрые,
На всѣ четыре сторонушки!
Допустите вы меня горькую,
Да батюшкиныхъ до рѣзвыхъ ногъ.
Не бѣлая березонька къ землѣ клонится,
А я горькая кланяюсь батюшкѣ,
Къ рѣзвымъ ногамъ.

Она упадаетъ въ ноги отцу и продолжаетъ рыдать у ногъ, говоря:

Ни злата я у тебя, батюшка, прошу,
Ни злата, ни серебра.
Прошу я у тебя, батюшка, благословенья.
Благослови-ка ты меня, батюшка,
Во чужи люди, во незнамые;
Во незнамые, незнакомые.
Какъ то мнѣ батюшка,
Во чужихъ людяхъ будетъ жить?

(*) Подъ словомъ еретики разумѣются здѣсь злые духи.

Какъ то мнѣ, родимой,
Чужимъ людямъ будетъ служить?
Во чужихъ людяхъ жить горькохонько,
Во чужихъ незнамыихъ,
Служить тяжелехонько. —

По совершеніи причитанія, она встаетъ, молится образамъ и дѣлаетъ два поклона *маховыхъ* (*); третій кладетъ отцу въ ноги. Послѣ она цѣлуетъ образа и хлѣбъ-соль. Потомъ благословляетъ ее мать, послѣ нея посаженные родители, прежнимъ обычаемъ. Благословивъ невѣсту, ее сажаютъ за столъ; съ одной стороны молодой садится сваха ея, а съ другой братъ, съ скалкою въ рукахъ (**). — Въ то время входитъ дружко, молится и кланяется; потомъ онъ спрашиваетъ: сватушка! готова ли невѣста? приготовлено ли мѣсто? — Ему отвѣчаетъ сватъ: все готово, сватушка.— Дружко, увидѣвъ сидящаго брата подлѣ невѣсты со скалкой въ рукѣ, подходитъ къ нему и говоритъ: кто тебя братецъ посадилъ сюда?—Батинька, говоритъ онъ. — Дружко кричитъ на него грозно: вонъ! вонъ!—Братъ невѣсты показываетъ ему скалку и грозитъ: вотъ она! не дюжа греми (не крѣпко шуми).—Дружко выходитъ изъ избы и вводитъ въ нее жениха за руку. — Черезъ порогъ онъ переступаетъ съ прежней молитвою. При вводѣ жениха въ сѣни, дѣвушки поютъ:

Вѣяли вѣтры вдоль улицы,
Вдоль слободы, вдоль широкой,
Привѣяли ко Степанову двору (отцу невѣсты),

(*) Такъ называютъ большіе поклоны.

(**) Скалка, деревянная обглаженная палка, косою катаютъ лапшу, тѣсто и бѣлье.—

Отворились ворота.
Уныло сердце у Васильевны (матери невѣсты)
Брызнули слезы у Авдотьюшки (невѣсты);
Бросила Авдотьюшка золоты ключи,
На дубовой столъ:
Батюшка! приберн ключи.
Я тебѣ не ключница,
Я тебѣ матушка не ларишница:
Я ключница буду чужому отцу,
Я ларишница буду чужой матерѣ.

При входѣ поѣзда въ сѣни, поютъ:

Наступили бояры во повые сѣни,
Покачнули сѣни,
Разломили золотую чару.
Расплакалась душа Дуняша! —
Унимали Дуняшу,
Всѣ князья, бояры:
Не плачъ, не плачъ!
Ты Дуняша душа.
Срубишъ сѣни новые,
Сольешъ чару лучше той. —
Женихъ твой доброй,
Человѣкъ рабочій,
Мы ему поможемъ, —
Онъ тебѣ дороже всего!
Онъ тобою хвалится,
А намъ за то кланяется.

Когда въ избу войдетъ женихъ, совсѣмъ поѣздомъ, тогда поютъ:

Прилетѣли сизы голуби,
Прикрыли нову горницу,
И прихѣтали.
Прилетѣлъ съ ними,

Младъ ясенъ соколъ,
Залетная пташечка!
Доброй молодецъ
Садился подъ окошечкомъ,
На серебряну причелинку (*).
Онъ будилъ красну дѣвушку,
Авдотью Степановну.
Услыхала ея родна матушка,
Будила ея, побуживала:
Встань, проснись мое дитятко!
Привѣчай (**) къ себѣ яснаго сокола,
Залетнаго добраго молодца, пріѣзжаго.
Ты родимая моя матушка!
Я рада бы его привѣчала,
Мое сердце не воротится,
Уста кровью запекаются,
Глаза слезами заливаются. —

Всѣ входятъ въ избу, дружко привѣтствуетъ вмѣстѣ съ поѣздомъ: здорово сватушка и свахонька! Можете ли вы гораздо?—Они отвѣчаютъ: слава Богу! — Дружко, не говоря ни слова, обращается къ брату, который сидитъ съ скалкою: что ты другъ сидишъ здѣсь? Вонъ, вонъ отсюда! — Полдружье замахивается на него кнутомъ и бьетъ по столу. Братъ невѣсты сидитъ и говоритъ: не боюсь! Вотъ! (скалка), не дюжа прыгайте, упрыгаетесь. — Потомъ дружко начинаетъ говорить ему ласково: намъ надо сажать жениха.—Братъ невѣсты отвѣчаетъ: выпуки сперва мѣсто.—Дружко спрашиваетъ: сколько ты возьмешъ? — Золотую гривну да пива рѣшето.—Друж-

(*) *Причелинка*, палочка надъ окошечкомъ. Иногда называютъ причелинкой подоконки.

(**) *Привѣчай*, — приласкай. —

ко и братъ невѣсты спорятъ, пока не сойдутся въ условіи. Невѣста сидитъ за столомъ, повѣсивши голову, которая бываетъ покрыта краснымъ платкомъ. Когда братъ продастъ ее, тогда онъ поднимаетъ платокъ, прощается и цѣлуетъ ее. На мѣсто его садится женихъ. Дружко кладетъ на столъ хлѣбъ-соль, которую онъ привезъ съ собою. Дѣвушки поютъ:

Щука рыба, мечися!
Дуняша берегися;
Хочетъ тебя Александрушка цѣловать:
Черезъ пуговки золотыя,
Черезъ петельки шелковыя.
Ты Дуняша,
Ему въ обманъ не давайся,
Къ намъ опять сюда передайся.
Слышешъ ли, Дуняша?
Что мы тебѣ баимъ (говоримъ),
Во вѣкъ тебя не оставимъ. —

Князю молодому,
Три перстня на руку.
Княгинѣ молодой,
Подъ золотымъ вѣнцомъ стояти,
Законъ Божій приняти.
Прощай! прощай!
Дуняша подруженька.
Мы тебя не увидимъ,
Голосочку твоего не услышимъ. —

Родные невѣсты приносятъ въ избу полсть, растилаютъ ее среди компаты; отецъ жениха беретъ икону и хлѣбъ-соль; мать жениха и крестные родители становятся съ нимъ рядомъ, на разостланномъ войло-

кѣ. Молодыхъ выводятъ изъ за стола и ставятъ ихъ на полстѣ противу отца. Они молятся образамъ, кланяются въ поясъ два раза, а за третьимъ падаютъ отцу въ ноги ; потомъ прикладываются къ иконѣ и хлѣбу-соли. Такимъ образомъ благословляютъ поочередно. Послѣ благословенія сажаютъ за столъ, только ихъ вдвоемъ, а всѣ остальные разсаживаются по лавкамъ и скамейкамъ (*). Дружко произноситъ громко : батюшка и матушка ! благословите своего молодаго князя и молодую княгиню во путь, во дороженьку, ко Божьей церквѣ, и тамъ принять золотый вѣнецъ.—Родители жениха отвѣчаютъ : Богъ благословитъ и мы благословляемъ. Дружко подходитъ къ столу, беретъ свой хлѣбъ, отрѣзываетъ отъ него часть ; потомъ беретъ хлѣбъ невѣстинъ, отрѣзываетъ отъ него часть и часть отъ своего хлѣба прикладываетъ къ невѣстиному. Потомъ беретъ изъ своей солонки соль и кладетъ ее въ солонку невѣстину ; послѣ перекладываетъ соль изъ невѣстиной солонки въ женихову : это дѣлается для нераздѣльной ихъ любви. Послѣ этаго встаютъ всѣ и крестятся. Дружко беретъ за руку жениха, женихъ невѣсту и молятся всѣ Богу, и потомъ выходятъ изъ избы. Переступая черезъ порогъ, читаютъ съ молодыми молитву : Господи Іисусе Христе, сыне Божій ! помилуй насъ. Ее читаютъ громко. — Дружко подводитъ жениха къ повозкѣ невѣстиной, женихъ сажаетъ свою невѣсту въ повозку а потомъ самъ садится въ свою. — Когда усядятся всѣ, дружко беретъ

(*) Лавки ставятся прикрѣпленными вокругъ стѣнъ, а скамейки стоятъ около стѣнъ не прикрѣпленными, или лучше сказать : лавки всегда бываютъ неподвижныя, а скамейки подвижныя, которыя бываютъ большія и маленькія, но лавки всегда вовсю стѣну.

благословенную икону и произноситъ громко: послушайте, добрые люди! Кто съ нами, тотъ садись съ нами, а кто не съ нами, тотъ отшатнись (*). Онъ идетъ съ иконою по солнышку, за нимъ идутъ его полдружья и съ ними онъ обходитъ поѣздъ кругомъ, три раза. Тогда полдружья садятся по своимъ возкамъ и съѣзжаютъ со двора, стрѣлая изъ ружьевъ или пистолетовъ. Дружко ѣдетъ впереди, и отъѣхавъ саженъ двѣсти, оборачиваетъ свою лошадь назадъ и отправляется въ домъ невѣсты съ полдружьями; поѣздъ останавливается и дожидаетъ его возвращенія. Войдя въ избу, онъ произноситъ: Господи Іисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. — Родители невѣсты, когда повезутъ ее къ вѣнцу, садятся за столъ на мѣстахъ молодыхъ, чтобы согрѣть ихъ своею любовію и сидятъ на нихъ до прибытія дружки, коему они говорятъ: аминь.—Дружко отвѣчаютъ: спасетъ Богъ за аминь, и потомъ спрашиваетъ ихъ: здорово сватушка и свахонька?—Слава Богу сватушка. (*) Потомъ дружко проситъ ихъ въ гости къ жениху, говоря: сватушка и свахонька! пожалуйте къ намъ въ гарны. Они встаютъ изъ за стола и отвѣчаютъ ему: хорошо сватушка, будемъ; приготовляйтесь.—Они прощаются и уѣзжаютъ къ своему поѣзду, который ѣдетъ уже безостановочно къ церквѣ. Тутъ женихъ снимаетъ невѣсту съ повозки, дружко беретъ жениха за руку, женихъ невѣсту за руку и входятъ въ церковь. Предъ вѣнчаніемъ просятъ священника, дружко и полдружье: батюшка! сдѣлай божес-

---

(*) Этимъ разгоняетъ онъ *злыдарей*, коллуповъ, которые, по мнѣнію народа, портятъ молодыхъ. —

(**) Съ тѣхъ поръ, какъ изберется дружко, родители жениха и невѣсты называютъ его сватомъ и сватушкою, а сваху, свахонькой и свашенкой.—

кую милость! вѣнчай по солнышку—(*). Подъ ноги молодыхъ подстилаютъ платокъ бумажный. По совершеніи вѣнчанія, священникъ заставляетъ молодыхъ поцѣловаться три раза; свашка отводитъ молодую въ церквѣ къ сторонѣ, и заплетаетъ косу по женскому обычаю. Дружко выводитъ жениха за руку, женихъ невѣсту и сажаетъ ее въ прежнюю повозкую; самъ садится въ свою повозку, и всѣ отправляются въ домъ жениха. Когда дружко упроситъ священника, чтобы онъ велъ молодыхъ домой въ вѣнцахъ, тогда священникъ идетъ впереди, за нимъ новобрачные, за новобрачными всѣ поѣзжаные. По приходѣ въ избу, онъ служитъ молебенъ; послѣ заводитъ молодыхъ за столъ и самъ садится со всѣмъ своимъ причетомъ, со стороны жениха, сваха со стороны невѣсты. Поѣзжаные между тѣмъ разводятъ своихъ лошадей по домамъ.

Встрѣча молодыхъ и окончательный обрядъ.

Когда новобрачные отправляются домой безъ вѣнцовъ, тогда выходятъ ихъ встрѣчать родители. Одинъ изъ родственниковъ молодаго стоитъ у воротъ, и осыпаетъ ихъ хмѣлемъ. Иногда родители встрѣчаютъ молодаго за воротами, съ хлѣбомъ-солью. Мать его, одѣтая въ вывороченную шубу и малахай (**), держитъ въ рукахъ сковороду, наполненную хмѣлемъ, и осыпаетъ

(*) Это обыкновеніе есть всеобщее между старообрядцами, отъ коихъ позаимствовали живущіе между ними.—Есть еще странный обычай, позаимствованный тоже отъ старообрядцевъ, что многіе изъ крестьянъ не держатъ при домахъ собакъ, думая, кто держитъ ихъ, того домъ оберегается нечистой силой, переселившеюся въ собаку; а кто не держитъ, того домъ охраняетъ ангелъ.

(**) Малахай овчинная шапка, съ длинными ушами. Въ вывороченную шубу и малахай она одѣвается для того, чтобы невѣста боялась ее, какъ боятся люди медвѣдей.

молодую. Другіе вносятъ на рукахъ невѣсту въ избу (*), чтобы она была легка (покорливая) какъ хмѣль.

Въ другихъ мѣстахъ родители встрѣчаютъ молодыхъ съ образомъ и хлѣбомъ-солью, а родственница или сваха, кладетъ въ нихъ овесъ, чтобы родился у нихъ хлѣбъ. Новобрачные, помолившись образамъ, падаютъ три раза въ ноги родителямъ, которые благословляютъ ихъ, а дружко заводитъ потомъ за столъ. Есть еще обыкновеніе. (**) Когда невѣсту внесутъ въ избу, тогда ставятъ ее въ заднемъ углѣ избы и держатъ ее тамъ дотолѣ, пока не обойдутъ всѣхъ гостей съ чаркою вина; потомъ передаютъ ее родственникамъ жениха или свахѣ, которая приводитъ къ разложенному огню въ чуланѣ, и показываетъ молодой, какъ она должна стряпать. Послѣ сажаютъ на лавку, ставятъ на ея ноги горячую сковороду, чтобы извѣдать: не сердитая ли она? Если она перенесетъ жаръ, то означаетъ, что она смирная и покорная.

Встрѣчаютъ еще иначе. Родители жениха выходятъ на дворъ и становятся у сѣней: отецъ съ образомъ а мать съ хлѣбомъ, и благословляютъ молодыхъ по прежнему порядку. Дружко беретъ молодаго за руку, молодой беретъ за руку свою молодую и всѣ входятъ въ избу; ввойдя въ избу, дружко произноситъ: Господи Іисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. — Ему отвѣчаютъ: аминь. — Дружко говоритъ: спасетъ Богъ за аминь. Благословите молодаго князя и молодую княгиню завести за столъ. Ему отвѣчаютъ: Богъ благословитъ. — Дружко заводитъ молодыхъ за столъ, а самъ выходитъ изъ за стола, обойдя вокругъ

(*) Это обыкновеніе употребляется преимущественно между Мордвою, въ хвалынскомъ уѣздѣ.

(**) Употребляемое между Мордвою.

его. — Вскорѣ за этимъ подаютъ обѣдъ, за которымъ ничего не ѣдятъ молодые; по окончаніи обѣда отводятъ ихъ въ клѣть. Когда молодая увидитъ дверь клѣти, тогда она останавливается и не хочетъ итти. Молодой бьетъ по ея спинѣ плетью, три раза, чтобы она не упрямилась впередъ. Сваха, передавая молодую, говоритъ повобрачному: волкъ! на тебѣ овцу.— Дружко, притворивши за молодыми дверь, затыкаетъ за поясъ топоръ и вноситъ въ избу ягненка и коровай, кладетъ ихъ въ избѣ на соломѣ, и ставъ на колѣна, разрубливаетъ все это на четыре части. Тутъ молодой даютъ прозваніе по времени года, когда она вѣнчалась, наприм: женщины осенницы, и т. п. (*).

Чрезъ нѣсколько времени дружко и сваха ведутъ молодыхъ въ клѣть, которая бываетъ заперта; тамъ, на постелѣ молодыхъ, лежатъ супруги, извѣстные по своей согласной жизни, для того, чтобы обогрѣть ее своей любовью. Пришедшіе съ повобрачными, стучатъ въ дверь; находящіеся тамъ отворяютъ и привѣтствуютъ ихъ. Здѣсь подносятъ молодымъ вино, сажаютъ за накрытый столъ, кормятъ и поятъ пивомъ; наконецъ, уложивъ ихъ, запираютъ за ними дверь. Иногда вводятъ молодую прямо въ клѣть, въ которой ожидаетъ ея молодой, но больше вводятъ молодыхъ вмѣстѣ. По уводѣ новобрачныхъ, угощаютъ въ избѣ поѣзжанъ и гостей горячимъ столомъ (пиромъ). Дружко выходитъ тогда часто изъ за стола, прислушивается подъ дверьми: не проснулись ли молодые? Когда проснутся, тогда онъ посылаетъ дитя будить повобрачную, которое говоритъ ей: вставай невѣстка! ребенокъ плачетъ, корова реветъ, овцы блѣютъ, — кор-

(*) Весь этотъ обрядъ въ обыкновеніи между Мордвою.

му у нихъ нѣтъ.—Потомъ дружко и сваха, поднявъ новобрачныхъ, вводятъ въ избу.—Иногда дружко, вбѣжавъ избу, схватываетъ горшокъ и бьетъ его объ землю,—въ знакъ непорочности молодой. Тогда гости, соскакиваютъ съ мѣстъ и начинаютъ бить отъ радости, что имъ попадется, и кричатъ такъ же отъ радости. Этимъ воздается честь молодымъ и роднымъ жениха. Введенные молодые, падаютъ сначала родителямъ въ ноги, а послѣ цѣлуются съ ними. Дружко и посаженные родители, или полдружье, двое изъ родственниковъ и сваха, отправляются къ родителямъ молодой. Ввойдя въ избу, они всѣ говорятъ: здорово сватушка и свахонька! Можете ль вы здорово? — Тѣ отвѣчаютъ: слава Богу! сватушка. Садитесь, милости просимъ; садитесь у насъ, родимые. — Они садятся, ихъ угощаютъ, приговаривая: покушайте сватушки, покушайте гостенички дорогіе. Между тѣмъ пришедшіе начинаютъ бить горошки, — этимъ воздается честь родителямъ, которые отъ радости сами увеличиваютъ битье. Угощенные ими, благодарятъ за хлѣбъ соль. — Дружко говоритъ: сватушка! милости просимъ съ своими родными на пиръ, на веселье, къ намъ въ гарны. — Они отвѣчаютъ: хорошо сватушка, будемъ, готовьтесь вы, а мы прійдемъ. Въ то время отецъ невѣсты посылаетъ собирать своихъ родныхъ. Когда сойдутся всѣ, тогда садятся за столъ; имъ подносятъ по чарки вина; послѣ они берутъ шапки, встаютъ и вновь садятся; тутъ крестятся, потомъ встаютъ, молятся и всѣ идутъ въ домъ свата, т: е: отца молодаго. Дорогой поютъ голосовыя пѣсни (*), какія прійдутъ на умъ. При входѣ ихъ на дворъ, встрѣчаютъ

(*) Голосовыя пѣсни помѣщены въ концѣ этой свадьбы.

гостей гарныхъ, родные и молодые.—На столахъ давно уже закуска, пиво и водка. Гарные, входя въ избу, здоровываются и цѣлуются, говоря: здорово сватушка! Какъ можете? живете ли здоровы? — Имъ отвѣчаютъ: слава Богу! сватушка, здоровы и живы, пока Господь терпитъ по грѣхамъ нашимъ, и вашими святыми молитвами. Садитесь-ка у насъ, сватушки. — Коренпаго свата, (отца невѣсты) сажаютъ на первомъ мѣстѣ, подлѣ него сваху, возлѣ ихъ крестныхъ родителей невѣсты. Когда всѣ усадятся, тогда дружко распоряжается на переднемъ столѣ, а полдружье на заднемъ. Дружко наливаетъ стаканъ вина и подноситъ прежде всѣхъ молодымъ, коихъ заставляютъ *почекаиться* (почокаться). Они исполняютъ общее требованіе, кланяются гостямъ и выпиваютъ. Послѣ ихъ дружко подноситъ родителямъ жениха и невѣсты, а потомъ всѣмъ гостямъ. Каждый изъ нихъ встаетъ съ мѣста и поздравляетъ молодыхъ съ бракосочетаніемъ, произнося: *здравствуйте* съ законнымъ бракомъ! Дай Богъ вамъ жити во здравіи и во спасеніи многая лѣта!—По выпитіи за здоровье новобрачныхъ, молодые уходятъ въ свою комнату. Тогда начинается попойка и пьютъ до того, что всѣмъ море по колѣно. Тутъ возобновляютъ за здравное питье, сначала за здоровье молодыхъ, потомъ сватовъ, свахъ, родственниковъ и наконецъ за каждаго изъ гостей: Начиная пить, провозглашаютъ: *здравствывай* сватушка и свахонька! Дай намъ Господи жить, да хлѣбъ-соль водить.—На такое привѣтствіе отвѣчаютъ: извольте кушать во славу Божію.—Дружко дотолѣ не принимаетъ стакана, пока каждый не выпьетъ до суха, и въ доказательство, что не осталось ни одной капли, всякой долженъ покатить стаканъ по столу. Во время здравствованій стряпухи собираютъ на столъ. Онѣ раставляютъ посуду, кладутъ ложки и хлѣбъ.

Дружко кроитъ хлѣбъ и когда разложитъ куски всѣмъ гостямъ, тогда онъ кричитъ на стряпухъ: стряпушки — поварушки! что есть въ печи, на столъ мечи; чего нѣтъ, побожись! — Стряпухи начинаютъ немедленно подавать кушанья, которыя зависятъ отъ состоянія, но побольшей части подаютъ слѣдующія, въ этомъ порядкѣ: 1. холодное съ бараниной, 2. щи съ говядиной, 3. лапшу со свининой, 4. похлѣбку съ курицей, 5. *пашкетъ* (*), 6. часть баранины жареной, 7. часть свинины жареной, 8. лапшенникъ, 9 пшенникъ, 10. *пышашникъ* (**) 11. изъ жаркихъ: поросенокъ, 12. индѣйка, 13. утка 14, гусь; поотмъ ставятъ свиную голову, которую *обряжаютъ* (***) красными лентами. Обряженую голову ставятъ на одномъ переднемъ столѣ, а на прочихъ безъ украшеній. Въ концѣ всѣхъ кушаньевъ подаютъ курникъ (****); этимъ оканчивается гарный столъ. При перемѣнѣ каждаго кушанья, дружко кричитъ: стряпушка — поварушка! шевелись, не лѣпись, поворачивайся! что есть въ печи, на столъ мечи; чего нѣтъ, побожись.—При подаваніи головы, дружка произноситъ: ну-ка сватушка, выпьемъ по чаркѣ винца, для свиннаго рыльца.—Онъ наливаетъ каждому по стакану водки и разноситъ. Мать молодаго, выходя къ гостямъ во время обѣда, приговариваетъ: кушайте сватушка! кушайте свахонька! Покушайте мои родимые! — Ей отвѣчаютъ:

(*) *Пашкетъ*,—паштетъ. Онъ дѣлается съ подливкой, въ родѣ соуса.

(**) *Пышашникъ*, — папошникъ.

(***) *Обряжаютъ* наряжаютъ, украшаютъ.

(****) Курникъ, пирогъ, начиненный яйцами и потрохами изъ курицы и другихъ птицъ. По причинѣ обыкновенія начинять этотъ пирогъ курицею, онъ получилъ названіе курника.

весьма довольны свахонька, вашимъ хлѣбомъ-солью. При подаваніи курника, всѣ поднимаются изъ за стола, молятся Богу и благодарятъ: спасибо сватушка и свахонька: за хлѣбъ, за соль, и за ваше угощеніе. Они отвѣчаютъ: *лишь укланялись* (*), *и какова хльбъ-соль не лучилась, не судите.* — Тутъ дружко спрашиваетъ у отца молодаго: пора ли кланяться молодымъ? и получивъ въ отвѣтъ: пора, онъ идетъ къ нимъ и объявляетъ: ну молодые! собирайтесь кляпяться гостямъ въ ноги. Они выходятъ вмѣстѣ съ дружкой, который, поставивъ рюмку на блюдо, подводитъ ихъ, прежде всѣхъ, къ отцу молодой, и произноситъ: батюшка! проситъ васъ новобрачный князь и молодая княгиня: рюмку пріймите а блюдечко осеребрите, не рублемъ, не полтиной, а одной золотой гривной. Помощи по силѣ, рублика съ четыре. Они люди то на повѣ, имъ деньги надобны: на мыльца, на шильца, на бѣлилы и румяны, и на банные вѣнички.— Молодые лежатъ у ногъ его дотѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ. Тогда встаютъ, цѣлуютъ отца. а дружко спрашиваетъ: ну, чѣмъ подаришъ молодыхъ? Отецъ отвѣчаетъ: даю овцу, или телушку. Потомъ дружко подводитъ къ матерѣ молодой, тамъ къ родителямъ молодаго, послѣ ко всѣмъ роднымъ и гостямъ, причитая каждому прежнее и спрашивая, чѣмъ кто подаритъ. Если кто хочетъ поломаться надъ новобрачными, то, взявши рюмку водки, говоритъ: горько! — Молодые должны встать, поцѣловаться и опять упасть въ ноги. Они лежатъ у ногъ каждаго, и каждый мо-

---

(*) *Лишь укланялись*, т. е. прося гостей ѣсть и пить, они устали, кланяясь.–Русское гостепріимство, сопровождаемое неотступными просьбами и поклонами.–

жетъ говорить горько, сколько захочетъ. Молодые должны всякій разъ встать, поцѣловаться и опять упасть въ ноги. Когда дойдетъ очередь до брата молодаго, тогда онъ, взявъ рюмку, морщится и произноситъ: ой горько! ой горько! Молодые встаютъ, цѣлуются и опять падаютъ въ ноги. Въ то время начинаетъ онъ разсказывать, какъ онъ ѣздилъ сватать за молодаго, какъ было тогда морозно, сколько онъ перенесъ опасностей, однимъ словомъ: разсказываетъ столько, сколько душѣ его угодно. Кончивъ разсказъ, молодые встаютъ и цѣлуются. Дружко спрашиваетъ: чѣмъ же ты подаришъ молодыхъ? — Онъ отвѣчаетъ: полѣномъ дровъ, — вытаскиваетъ изъ подъ лавки, кладетъ на блюдо и приговариваетъ: вотъ тебѣ молодая, полѣно! истопи *утра* баню и вымой своего мужа. — Жена мужа, положившаго полѣно, кладетъ вѣникъ, произнося: вотъ тебѣ молодая вѣникъ! истопи утра баню и выпарь своего мужа. — Поклоны продолжаются почти до разсвѣта. По окончаніи ихъ всѣ поднимаются домой и благодарятъ: спасибо сватушка и свахонька! за хлѣбъ, за соль и за ваше угощеніе. — Имъ отвѣчаютъ: не прогнѣвайтесь сватушка и свахонька! какова хлѣбъ-соль не случилась. Между тѣмъ родители молодой, приглашаютъ къ себѣ своихъ сватовъ на завтра, говоря: приходите *утры* къ намъ на похмѣлье (*).

(*) Въ иныхъ мѣстахъ дружко разноситъ свернутые на блюдѣ подарки, отъ имени новобрачныхъ, а полдружье разноситъ сыръ и коровай, (изрѣзанный въ куски курникъ); посаженый отецъ молодой, держитъ въ рукахъ стаканъ, налитый виномъ. Полдружье и отецъ посаженый, подчиваютъ гостей; но дружко, вызывая каждаго по имени, причитаетъ: во горницѣ во свѣтлой, въ бесѣдѣ во честной. Кто есть Иванъ Лу-

Родители молодаго, собравъ на другой день своихъ родственниковъ, ставятъ на столъ закуску и похмѣляются; потомъ всѣ отправляются къ родителямъ молодой, на званное похмѣлье. По приходѣ сюда, теща встрѣчаетъ своего зятя ласково. Новобрачные сначала здоровываются, а послѣ цѣлуются съ своими родителями; теща угощаетъ зятя, болѣе прочихъ гостей, пивомъ и виномъ. У ней уже напечены блины и приготовлена яичница; этимъ она подчиваетъ всѣхъ гостей, но зятя преимущественнѣе и называетъ его поимени и отечеству, подкладываетъ ложечку, приноситъ горячіе блины, яишницу и проситъ его неотступно: кушай, кушай. — Водку наливаетъ безпрерывно, и когда развеселятся всѣ, тогда запѣваютъ похвальную пѣснь молодымъ, а укоризненную тестю и свахѣ.

Молодымъ:

Какъ за тыномъ, за дубовымъ,
Я рѣчушку перепружу,
За высокимъ виноградомъ переймy.

кичъ? Изволь повыступить, княжева челобитья повыслушать. Бьетъ челомъ князь со княгинею, сыромъ и короваемъ. Сыръ, коровай пріймите, а золотую гривну положите. Наше дѣло на новѣ, много надобно: на шильце, на мыльце, на красны веретенцы. Надо намъ коня купить, воду возить; вода-то хоть и близко, да ходить-то склизко.–Вызванный беретъ стаканъ съ виномъ, пьетъ съ разстановкой и говоритъ: горько!–Молодые должны поцѣловаться, и падая въ ноги, просятъ, чтобы выкушалъ. Гость долго ломается надъ молодымъ и повторяетъ горько.–Когда онъ опорожнитъ стаканъ, тогда беретъ съ блюда подарокъ, утирается имъ и кладетъ нѣсколько денегъ а молодые цѣлуются.–Вечеромъ приходятъ родители молодой съ своими родными, къ новымъ своимъ сватамъ, которые принимаютъ ихъ съ распростертыми объятіями и угощаютъ.

Загоню я, загоню, сизаго орла.
Сизой орелъ, свѣтъ Александрушка,
Свѣтъ Яковлевичъ.
Какъ и сизая орлишушка,
Свѣтъ Дуняшинюшка,
Молода его хозяюшка.
Имъ всѣ люди дивовалися:
То-то пара, то-то пара сотачалася! (*)
Въ Божьей церквѣ совѣнчалася,
Золотымъ перстнемъ перемѣнялась.

Тестю:

Звѣрекъ сердитъ у насъ тестюшка:
Журитъ, бранитъ тещеньку,
Молоду свою хозяюшку.
Ты не роскошно живи,
Гостей къ себѣ не води;
Меньше того своего зятя.
Какъ и зять любитъ уходъ:
Простой водки онъ не хочетъ, —
Тесть на тещу, плетью дрочитъ....

Снохѣ.

Паша хозяюшка да уродливая,
Да уродливая, совсѣмъ не догадливая.
Три дни избу не топила,
Полну сору накопила.
Всю недѣлю не мела,
Подъ лавочки наклала.

(*) Сотачаться говорится о парныхъ гусяхъ или лебедяхъ, неразлучающихся другъ отъ друга.

Подъ лавочки наклала
Подъ красны окошечки, —
Не пойдетъ въ лукошечки.
Пріѣхали гости, вынесли по горсти. —
Одна гостья дорогая,
Она плакала, рыдала,
Всему городу разсказала.
Пойду, схожу къ батюшкѣ,
Попрошу лошадушки,
Сору повозити.
Ахъ невѣстушка, голубушка!
У насъ такъ не водится,
Соръ возомъ не возится;
У насъ такъ ведется,
Вѣничкомъ метется.
А сорока за порогъ,
И вѣничекъ подъ порогъ. —
Я сору отвезу,
Къ подружекѣ схожу.
Сядемъ покататься,
Съ милымъ повидаться.
Мой миленькой ѣдетъ,
На ворономъ конѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ.
Ты любезная моя!
Не гнѣвайся на меня,
Что вечеръ не былъ у тебя.
Ужъ я былъ, побывалъ,
Въ новомъ городѣ гулялъ,
Подарочки закупалъ.
Мнѣ не дороги твои подарки,
Дорога твоя любовь.
Любовь мука жестокая!
Живу съ милымъ далеко. —
Мнѣ работушка трудна,
Отъ того я избу не мела.

Повеселившись довольно, поднимаются домой; за угощеніе благодарятъ и просятъ сватовъ къ себѣ. Молодой остается на нѣсколько времени, потомъ обращается къ своему тестю и своей тещѣ, проситъ ихъ: батюшка и матушка приказали намъ просить васъ на похмѣлье.—Они отвѣчаютъ ему: хорошо, прійдемъ; будьте готовы.—Нѣтъ, батюшка и матушка приказали намъ не ходить безъ васъ; собирайтесь съ нами. — Тогда отправляются всѣ вмѣстѣ. Родители молодыхъ встрѣчаютъ своихъ сватовъ, вмѣстѣ съ гостьми: милости просимъ сватушка и свахонька, просимъ садиться у насъ. Они садятся за столъ, ихъ угощаютъ брагою, пивомъ и водкою. Потомъ стряпухи начинаютъ набирать обѣдъ, а дружко кричитъ на нихъ: ну-ка стряпушки-поварушки! шевелитесь, не лѣнитесь, поворачивайтесь. Что есть въ печи на столъ мечи, а чего нѣтъ, побожись. Это повторяетъ онъ при каждой перемѣнѣ. По окончаніи обѣда подчиваютъ снова брагою и водкою, а дружку и полдружье начинаютъ дарить повобрачные. Во то время молодые падаютъ дружкѣ въ ноги, а отецъ молодыхъ благодаритъ его за всѣ труды, называя по отечеству: спасибо, что ты управлялъ за насъ, былъ полнымъ хозяиномъ, не доводилъ насъ ни до какихъ хлопотъ и соблюдалъ нашихъ дѣтей. Тутъ дарятъ его платкомъ или чѣмъ другимъ и подносятъ ему стаканъ водки. Когда онъ станетъ пить, тогда отецъ останавливаетъ его, а молодые должны лежать у ногъ дружки, какъ бы долго не разговаривалъ съ нимъ отецъ. — Остановивъ пить, онъ говоритъ ему: погоди-ка пить, мы поговоримъ съ тобою. Дружко замѣчаетъ ему: повобрачнымъ-то лежать долго. Ну полежатъ, отвѣчаетъ онъ, ты больще хлопоталъ объ нихъ. — Это значитъ, что дружкой довольны и ему честь. — Потомъ такимъ

же порядкомъ дарятъ полдружьевъ. По обдареніи ихъ, они садятся за столъ на первомъ мѣстѣ. Молодой подноситъ стаканъ водки дружкѣ, который, пачипая пить, произноситъ: охъ, какое вино-то горькое!—Новобрачные цѣлуются передъ нимъ, просятъ низкими поклонами, чтобы онъ выпилъ. Тогда молодой обноситъ водкою полдружьевъ, которые такъ же поступаютъ; послѣ нихъ онъ обноситъ родственниковъ и всѣхъ гостей. При подчиваніи поютъ голосовыя пѣсни, какія вздумаютъ (*). Спѣвши пѣсколько пѣсенъ, встаютъ изъ за стола, благодарятъ за угощеніе а родители молодой говорятъ: спасибо сватушка и сваxонька, за хлѣбъ, за соль и за ваше угощеніе. Милости просимъ жаловать завсегда къ намъ въ гости. — Имъ отвѣчаютъ: мы ваши гости теперича. Коли породпились, то уже будемъ ходить другъ къ дружкѣ.—Если сваты не богаты, то однимъ гарнымъ столомъ окапчивается свадьба; если богатые, то пируютъ пѣсколько дней. На другой же день отправляются новобрачные собирать подарки, обѣщанные при поклонахъ въ гарныхъ.

Есть еще обыкновеніе, что новобрачную учатъ носить воду, потому на другой день свадьбы приходитъ сваха молодаго, въ домъ его, чтобы поучить молодую. Одна изъ родственницъ молодой, несетъ за нею ведра; по приходѣ на рѣку, родственница бросаетъ въ воду перстень, для того, чтобы никто не могъ испортить молодую; за тѣмъ набираютъ воду въ ведра и даютъ несть молодой, въ ея домъ. — Сваха скачетъ и пляшетъ дорогою, въ знакъ того, что новобрачная была

(*) Голосовыя пѣсни помѣщены въ концѣ этой свадьбы.

прежде приучена къ хозяйству, и что молодая честная Сваха часто распѣваетъ укоризну на счетъ женъ:

По улицѣ новой,
Идетъ Кирюшка молодой,
Взадъ, впередъ шируетъ (осматривается),
И идетъ. —
Среди окошечка равняется:
Дома ли матушка?
Дома ли сударушка? —
Нѣту никого —
Ни тетушки, ни дядюшки,
Полѣзай Киря въ окно.
Киря ручку протянулъ,
Иванъ плетью стеганулъ:
Что сударь за дворянинъ,
По почамъ гуляешь одинъ?
Не дворянской сударь чести,
По окошкамъ сударь лѣзти.
А Кирюшка испугался,
По кармашкамъ забросался;
Рублевички вынималъ,
Солдатушекъ обдѣлялъ;
Пріймите братцы, рубль,
Помилуйте какъ нибудь;
Пріймите-ка другой,
И меня туда съ собой. —

Голосовыя пѣсни

УПОТРЕБЛЯЕМЫЯ ПРИ СВАДЬБАХЪ ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Жители здѣшней страны составлены изъ переселенцевъ разныхъ мѣстъ Россіи, потому они носятъ на себѣ отпечатокъ того края, откуда перешли. Самыя пѣсни ихъ выражаютъ повсюду смѣсь великороссійскихъ, и въ подтвержденіе этаго представляются здѣсь онѣ въ такомъ видѣ, какъ уже переиначены и приправлены ими къ новой ихъ осѣдлости. — Многія изъ этихъ пѣсень поются не на однѣхъ свадьбахъ, но во всякое время, когда кому вздумается.

Подуй, подуй погодушка,
Низовенькая,
Раздуй, раздуй погодушка,
Калиновой кустъ;
Калинушка со малинушкой,
Лазоревый цвѣтъ.
Веселое гуляньеце
Гдѣ мой милый,
Дружекъ живетъ.
Онъ пить не пьетъ,
Голубчикъ мой,
За мной младой шлетъ. —
А я млада младешенька,
Замѣшлалася.
За утками, за гусями
За лебедями;
За вольной за пташечкой,

За журинькою.
Журавлюшка по бережку похаживаетъ,
Ковыль травку-шелковую
Пощипываетъ.
За рѣченьку за быструю,
Поглядываетъ.
За рѣченькой за быстрою,
Слободка стоитъ;
Слободушка не малая,
Четыре двора,
Во тѣхъ ли то во дворикахъ,
Четыре двора.
Вы кумушки, голубушки!
Кумитеся, любитеся,
Любите меня.
Вы пойдете въ садокъ гулять,
Возьмите и меня,
Вы станете вѣночки вить,
Совейте и мнѣ.
Да всѣ дружки,
Съ Москвы пришли,
А мой не бывалъ;
Да всѣ дружки,
Гостинцы шлютъ,
А мой ничего.

По лужечку я дѣвушка гуляла,
Злы коренья копала.
Накопавши злыхъ корней,
Бѣлехонько вымыла.
Ужъ я вымывши злы коренья,
Сладкимъ медомъ сподоблю.
Сподобивши сладкимъ медомъ,
Дружка въ гости позову.
Я зазвавши дружка милаго въ гости,

Стаканъ меду ему поднесу.
Поднесши стаканъ меду,
Я раздушеньку спрошу:
Ты раздушенька милепкой,
Что на сердце есть у тебя?
У меня ли на сердечкѣ,
Тяжелъ камешекъ лежитъ.
Ты съумѣла злодѣйка,
Чѣмъ поить, кормить меня.
Ты съумѣй-ка, разбойница!
Мое тѣло схоронить.
Не клади ты, мое тѣло,
На постояломъ дворѣ.
Положи ты, мое тѣло,
Промежъ трехъ большихъ дорогъ:
Промежъ питерской-московской,
Петербурской широкой.
Ты на правую сторонушку,
Поставь коня моего;
А по лѣвую сторонку,
Положи остру саблю со копьемъ,
Со строевымъ моимъ ружьемъ.
Въ головахъ ты постанови,
Черный киверъ со перомъ;
Чернильницу со перомъ
И листъ бумаги гербовой. —

Не ясенъ соколъ взвился высоко,
Соколъ, соколъ, взвился высоко.
Бѣлая лебедушка по выше его,
Его, его, повыше его.
Соколикъ лебедушку сталъ выспрашивать,
Ивать, ивать, сталъ выспрашивать.
Скажи-ка, лебедушка, скажи гдѣ была?
Была, была, скажи гдѣ была?

Была я лебедушка на синемъ морѣ,
Морѣ, морѣ, на синемъ морѣ.
Что тамъ лебедушка, что видѣла?
Дила, дила, что видѣла?
Видѣла я лебедушка на морѣ корабль,
Корабль, корабль, на морѣ корабль.
На этомъ корабличкѣ муравъ чердачекъ,
Чердакъ, чердакъ, муравъ чердачекъ —
На этомъ чердачепкѣ горшика стоитъ,
Стоитъ, стоитъ, горшика стоитъ.
Въ этой во горенкѣ вдовонька живетъ,
Живетъ, живетъ, вдовонька живетъ.
У этой у вдовоньки, дочка хороша,
Хороша ли, хороша, Аннушка душа.
Сидѣла же Аннушка подъ краснымъ окномъ
Окномъ, окномъ, подъ краснымъ окномъ.
Глядѣла же Аннушка на сине море,
Море, море, на сине море.
По синему моречку шляпонька плыветъ,
Плыветъ, плыветъ, шляпонька плыветъ,
Поймайте шляпоньку, вѣрныя слуги,
Принесите эту шляпоньку Аннушкѣ душѣ,
Душѣ, душѣ, Аннушкѣ душѣ.
Залилася Аннушка горькими слезами:
Знать моего милаго дружка въ живи нѣтъ.
Нѣту, нѣту, дружка въ живи нѣтъ.
Сронилъ со кудрей шляпоньку а самъ потонулъ,
Потонулъ же, потонулъ, а самъ потонулъ.
Собралася Аннушка во зеленъ садъ гулять,
Во саду поютъ пташечки веселенько,
Весело весело, поютъ весселенько.
Не пойте соловушки громко во саду,
Не давайте зазолушки сердцу моему! (*)
Моему, моему, сердцу моему.

(*) Зазолушка, низолушка, – кручинушка.

Да и такъ грустненько сердцу моему:
Лишилася милаго дружка навсегда!
Навсегда ли, навсегда, дружка навсегда.

Я вечеръ то молодецъ,
Позднехонько загулялся;
Позднехонько загулялся
У чужихъ то я у воротъ,
У воротушекъ застоялся,
У воротъ застоялся.
Я не одинъ то стоялъ,
Со прежней своей сударушкой,
Со прежней сударкой.
Сударушка моя,
Давно со мной не видалася,
Давно не видалася.
На шеюшку она,
На шеюшку мнѣ бросалась,
На шеюшку бросалась.
Не ходи-ка ты миленькой,
Вдоль по улицѣ поздно,
Вдоль по улицѣ поздно.
Не носи-ка ты, дружечикъ, подарочковъ,
Не носи дружокъ, не траться,
Не носи, не траться.
Я и такъ тебя, миленькой,
И такъ тебя любить стану,
И такъ тебя любить стану.
Я и въ свѣтѣ же отъ тебя,
Голубчикъ мой не отстану,
Да я не отстану. —
Вотъ хотятъ тебя, дружечекъ,
Хотятъ тебя поймати,
Хотятъ поймати.
Вотъ кудрюшки твои русы,

Хотять дружекъ оборвати,
Хотять оборвати.
По черной-та по грязѣ
Хотять кудри разбросати,
Хотять разбросати.
Во желѣзушки хотятъ
Во желѣзы хотять сковати,
Во желѣзы сковати.
Во солдатушки хотятъ тебя,
Во солдаты отдати,
Во солдаты отдати. —

Король молодой сбирался,
Королюшка во ину землю.
Покинулъ королюшекъ молодую жену,
Какъ горькую кукушечку,
Въ темнымъ лѣсу;
Какъ горькую полынушку,
Въ чистомъ полѣ.
Подъѣхалъ королюшка къ крутой горѣ,
Пристигла же здѣсь королюшку,
Здѣсь темная ночъ.
Раскинулъ же королюшка,
Бѣлъ тонкой шатеръ.
Лажился королюшка,
Внизъ бѣлымъ лицемъ.
Привидѣлся королюшкѣ,
Чудепъ, страшенъ сонъ:
Изъ правой его рученьки,
Ясенъ соколъ вылѣталъ;
Изъ лѣваго изъ бѣлаго,
Сѣра утушка. —
Знать моя хозяюшка,
Сынка родила и сама померла;
Знать мнѣ королюшкѣ,

Воротиться назадъ.
Подъѣхалъ королюшка,
Къ широкому двору.
Широки воротички растворенныя,
Косящеты окошечки всѣ повскрытыя.
Коней шестерочка заложенная
Всѣ кучера и форейторы,
Припевеселыя!
Сѣнны дѣвушки всѣ наряженыя:
Во черныхъ во платьицахъ,
Во печальныихъ!
Знать моя хозяюшка,
Впереди лежитъ,
Подъ черной тафтой. —
Взошелъ королюшка,
Въ нову гореньку,
Восплакнулся королюшка,
Горючими слезами.
А дѣвушки служанушки,
Разговариваютъ:
Не плачь, не плачь, королюшка,
Не воротишъ ее назадъ! —

Отъ чего мое сердце страдаетъ?
Отъ чего пылаетъ въ лицѣ кровь?
Кровь пылаетъ, сердце мое разжигаетъ
Прежня мука, со милымъ любовь!
Ты любовь, моя злодѣйка,
Любовь волю всю отняла,
Нагуляться съ дружкомъ не дала.
Гуляй, гуляй, красная дѣвушка!
Поколь волюшка своя,
Не покрыта буйна голова.
Накроютъ буйную головушку.
Минуется вся волюшка, гульба,

Вся дѣвичья красота.
Никто дѣвушку гулять не уйметь,
Никто ее не смѣеть удержать.
Какъ ни батюшка, ни матушка ея,
И ни братья, ни сестрицы,
И ни морозы, ни вьюги,
И ни осенніе сильные дожди.
Только уйметь ее, остановить:
Какъ прійдеть матушка, красная весна.
Разольется вся полая вода,
Всѣ потопить зеленые луга.

Вспомни, вспомни, миленькой,
Во дорожкѣ, во пути.
Аль ты не думаешь,
Дружокъ обо мнѣ?
А я по тебѣ,
Мой миленькой
Сокрушаюся,
Горючими слезами.
Заливаюся.
Наполнила слезами,
Долины, луга;
И всѣхъ быстрыхъ рѣчекъ,
Круты берега;
Тяжелымъ воздыханьецемъ,
Склонила лѣса;
Всѣ лѣса прекрасные,
Склонились ко мнѣ. —
Шелковая травонька,
Сплетаетъ мой слѣдъ. —
Злодѣи грозятся,
Съ дружкомъ разлучить;
Мы будемъ стараться,
Враговъ побѣдить;

Побѣдивши враговъ,
Въ любви со дружкомъ
Будемъ жить.
Но этой любви,
Бываетъ конецъ ;
А мнѣ красной дѣвушкѣ,
Знать счастію вѣнецъ. —
Знать счастію вѣнецъ. —
Знать тебѣ,
Мой размиленькой,
Во солдатахъ быть ;
А мнѣ красной дѣвушкѣ,
Во чужихъ людяхъ служить,
Во чужихъ людяхъ, добрыхъ,
На чужой сторонѣ.
Отдалъ меня батюшка
За Донъ за рѣку,
Приказалъ мнѣ батюшка,
Семь лѣтъ въ гости не бывать.
Не буду я къ батюшкѣ,
Ровнехонько десять лѣтъ.
На одиннадцатомъ годочкѣ,
Вольной пташкой прилечу,
Пташечкой, кукушечкой.
Сяду я у батюшки,
Во зеленымъ саду ;
Печалію, кручиной,
Весь садъ я подсушу.
Горючими слезами,
Весь зеленой потоплю.
Родимой своей матушкѣ,
Спокою не дамъ.
Родимая матушка ,
Раненько встаетъ ;
По новымъ по сѣнчкамъ,
Похаживаетъ.
Любимыхъ невѣстушекъ,

Побуживаетъ:
Вставайте невѣстушки!
Что за пташка,
У насъ во саду?
Отколь эта пташечка?
Не мое ли дитятко,
Изъ чужой дальней стороны?

Что на свѣтѣ за мука,
Наша любовь!
Ты покидаешь,
Ты оставляешь,
Несчастную меня! —
Я вечеръ во слезахъ заснула,
Дружка видѣла во снѣ;
Лишь проснулась, вздохнула,
Закипѣла кровь во мнѣ. —
Говорила я милому,
Любезному своему:
Взойди милой въ мою спальню,
Посмотри на мой портретъ.
Если я тебѣ не по праву
Сошли меня въ мою сторону.
Возьми въ руки пистолетикъ
Заряди легкой зарядъ,
Разстрѣли мою грудь. —
Я тѣмъ буду довольна, —
Сократишь ты жизнь мою.
И я навѣки засну,
Отъ любви жестокой моей. —
Какъ поѣдешь, миленькой, жениться,
Заѣзжай на гробъ проститься,
И нещастную помяни:
Меня горькую нещастную,
Какъ любила я тебя.

Вечеръ-то доброй молодецъ,
У Любушки былъ,
У Любушки, у сударушки подъ окошечкомъ.
Говорила мнѣ Любушка,
Не радостную вѣсть,
Не радостну, со печальную.
Печальную вѣсточку:
Отстать-то мнѣ велятъ!
Отстань-ка ты, миленькой
Отстань отъ меня!
Вспомни ты, моя Любушка
Про прежнюю любовь.
Какъ мы съ тобою, Любушка,
Совыкалися.
Совыканьеце было съ миленькимъ,
Во темнымъ лѣсу,
Какъ во темнымъ во лѣсенкѣ,
Подъ березою,
А разстаньеце было, съ Любушкой, подъ осиною.
Какъ подъ бѣлою березою,
Трава выростала;
Трава выростала мелкая
Трава шелковая.
Какъ подъ горькою осиною,
Трава не растетъ,
И цвѣточки не цвѣтутъ.
Какъ подъ бѣлою березою,
Трава выростала
Выростала трава мелкая,
Трава шелковая.
Какъ по этой по травенькѣ
Цвѣли цвѣтики,
Голубые цвѣты, всѣ лазоревые.
Какъ на этихъ на цвѣтикахъ,
Кукушка сидитъ;
Сидитъ горькая кукушечка,
Жалобно поетъ;

Моему сердцу ретивому
Назолье дастъ,
Назола, назолушка, грусть великая!

Что ты Маша примолкла,
Воздохнула тяжело?
Воздохнула, вспомянула
Любезнаго своего!
Я въ любезнаго влюбилась,
На злодѣевъ не гляжу.
Вы злодѣи, лиходѣи,
Вы злымучители мои!
Жила съ миленькимъ полгода,
А за батюшкой двадцать лѣтъ.
Не видала мученья такова,
Какъ по разлукѣ съ удальцемъ. —
Взвейся, взвейся сизъ голубчикъ,
Прилети туда ко мнѣ.
Сядь-ка, сядь-ка раздушенька,
На мое право плечо.
Погляди-ка раздушенька,
На мое бѣло лицо.
Мое личко круглоличко,
Завсегда какъ огонь горитъ.
Мой миленькой
Завсегда журитъ, бранитъ.
Не жури, не брани,
Раскрой груди бѣлыя!
Ты раскрой груди мои,
Посмотри сердце мое:
Мое сердце все изныло
По тебѣ, любезной мой!

Не шумъ-то шумитъ, не громъ-то гремитъ,
Молодой-то Турчанинъ
Во походъ пошелъ.
Во походъ-то пошелъ,
Во иную землю, во не русскую,
Во не русскую, во французскую.
Онъ забралъ-та, забралъ,
Силы множества;
Онъ побольше того,
Все во плѣнъ беретъ.
Города онъ беретъ,
По себѣ дѣлитъ:
Кому золото, кому серебро,
Кому платьецо разноцвѣтное.
Доставалась зятю тещенька!
Заставилъ зять тещу
Три дѣла дѣлать:
Первое ей дѣло, — гусей пасти;
Другое дѣлице, — постелю стлать;
Третье дѣлице — дитя качать.
Ты качу, ты баю, дитя милое,
Дитя милое, сынъ Турчаночокъ.

Цвѣли въ полѣ цвѣточки,
Цвѣли да повяли;
Любилъ парень дѣвушку,
Любилъ да покинулъ;
Послѣ надъ красной дѣвушкой,
Послѣ насмѣялся.
Въ хороводѣ мой миленькой,
При большемъ народѣ,
Спялъ съ красной дѣвушки,
Шалевой платочекъ;
Съ бѣлой шеюшки,
Жемчужной борочекъ. —

Какъ по городу по Саратову,
Дѣвушка гуляла;
Гербовой она листъ
Бумаженьки закупала.
Молодого-то она писаря
Къ себѣ въ гости зазывала,
На мила дружка, любезнаго,
Просьбу составляла.
Молодому она губернатору,
Просьбу подавала:
Ужъ ты батюшка, губернаторъ!
Разсуди-ка ты, по правдѣ.
Ты отдай моего дружка, любезнаго,
Отдай во солдаты.
Ужъ ты дѣвушка, раскрасавица
Не зря ли (*) ты просишъ?
Не сама ли ты красна дѣвушка
Больше виновата?
Не выйти-ли тебѣ голубушка,
Вонъ изъ каменной палаты?

Я къ Машенькѣ спѣшу,
Поклонъ Машенькѣ несу.
Предъ тобою, предъ душою,
На колѣночки паду.

(*) Не обдумано.—*Зря* употребляется повсемѣстно въ саратовской губерніи, наприм: зря онъ сдѣлалъ, вмѣсто на угадъ онъ сдѣлалъ; зря онъ бросалъ, зря онъ сказалъ и т. п., звучатъ безпрестанно. Пріѣзжему это выраженіе покажется страннымъ, но жители, даже благородные, не замѣчаютъ этой странности.

Ты прости меня милая,
Виноватъ я предъ тобой!
Я во всѣхъ винахъ тебя прощаю, —
Ты не будь дружокъ мой!
Когда клялся предо мной,
Клялся миленькой, божился:
Хотѣлъ вѣренъ всегда быть.
Не хочу лукавыхъ любить,
Они не могутъ любви цѣнить.
Полюби, полюби-ка, красная меня!
Если полюбишъ меня,
Будешъ щастлива навсегда,
Расчастливая Машуринька,
Ты талантливая!
Для Машуриньки такой,
Есть у меня особой покой.
Ужъ и спальню твою,
Все цвѣтами уберу;
Я цвѣтами, зеркалами,
Да и разными красами,
И подушечками.
Тесовая кровать,
На коврахъ будетъ стоять;
Расчастливая Машура,
Будетъ нѣжно почивать. —
Серебряны самовары,
На столахъ будутъ кипѣть;
Расчастливая Машура,
За столомъ будетъ сидѣть. —

Я пойду ли молодецъ,
На почтовой дворъ;
Закричу я молодецъ,
Громкимъ голосомъ своимъ:
Кучера ли вы мои!

Слуги вѣрные!
Осѣдлайте, кучера,
Моего ворона коня;
Ужъ я по полямъ поѣду,
А другими полями выѣду.
Не сонъ-то клонитъ моюголову,
Дремотой сонъ валитъ. —
Я пущу своего коня,
Во зеленые луга;
Я раскину молодецъ,
Бѣлъ тонкой шатеръ;
Ростелю я молодецъ,
Свой шелковой коверъ;
Не одинъ то я ляжу,
Съ красной дѣвушкой душой. —
По утру я встаю, —
Нѣтъ ни коня, ни сѣдла
Ни коня-та, ни сѣдла;
Ни дѣвушки, ни шатра.
Я пойду ли молодецъ,
На дороженьку большу;
Погляжу ли я молодецъ,
По лѣвую сторону.
Не пыль то пылитъ,
Не туманъ съ моря валитъ.
Молодой то король,
Всѣхъ гонитъ коней;
Моего ворона коня,
За поводъ ведетъ:
Красну дѣвушку,
На возу везетъ. —

Ужъ ты пей, мой миленькой,
Не пропейся;
На меня ли на дѣвчопочку
Не надѣйся.

У меня ли у дѣвушки,
Горя много, горя много,
И печалюшка велика.
Я со этого со горюшка,
Ноченьку не спала;
У тесовой у кроватушки,
Простояла.
Я пуховую перинушку
Перебивала,
Съ правой руки колечушки
Потеряла.
Я дѣвушка по горинькѣ гуляла.
Съ того горя, съ той печалюшки
Изъ клѣточки соловушка выпущала.
Полети мой соловушекъ
Во чисто поле,
Призынай ты, соловушекъ,
Размилаго.
На мосмъ на дружкѣ,
Примѣтъ много:
Какъ и первая примѣтушка,
Лицо бѣлое;
Какъ другая примѣтушка,
Брови черныя;
Какъ и третья примѣтушка,
На головушкѣ кудри русыя.
Да еще примѣтушка,
Походушка частенькая.
На его ли я походушку
Прельстилася,
Ретивое мое сердечушко —
Заразилъ.
Когда то мой миленькой,
Въ любви мнѣ вѣренъ былъ.

Ужъ ты глупенькой,
Неразумненькой,
Дуракъ соловейка!
Не вѣй, не вѣй тепла гнѣздушка,
Не вѣй при дорожкѣ.
Да свѣй ты тепло гнѣздушко,
Въ лугахъ при долинѣ,
Въ лугахъ при долицѣ,
При долинушкѣ. —
Да свѣй при зеленой,
Въ широкомъ раздольѣ.
Никто твое тепло гнѣздушко
Никто не разоритъ,
Никто не разоритъ.
Никто твоихъ малыхъ дѣтушекъ,
Никто на разгонитъ,
Никто не разгонитъ.
Какъ во этой во долинушкѣ
Стоитъ темная темница,
Темная темница.
Какъ во этой ли во темницѣ,
Ни дверей, ни окошечекъ,
Ни дверей, ни окошечекъ. —
Одна трубонька,
Труба дымовая,
Труба дымовая!
Какъ изъ этой ли со трубоньки
Дымокъ повѣваетъ,
Дымокъ повѣваетъ.
Какъ во этой ли во темницѣ,
Сидитъ удалой молодчикъ,
Удалой молодчикъ.
Тутъ ѣхала, тутъ проѣхала
Гостья дорогая,
Гостья дорогая.
Тому молодцу, тому доброму,
Матушка родная,

Матушка родная.
Да ты дитятко, да ты милое,
Съ кѣмъ отсюда поѣдешь?

Какъ по край то берега,
По край синя моречка,
Камыши высокіе.
Какъ во тѣхъ ли во камышикахъ,
Стояли палатушки.
Какъ во этихъ во палатушкахъ,
Стоятъ столики камышевы.
Какъ на этихъ на столикахъ камышевыхъ,
Скатерти шелковыя.
Какъ за однимъ то столомъ,
Сидитъ доброй молодецъ
Съ душой красной дѣвушкой. —
Какъ игралъ то онъ,
Съ душой красной дѣвушкой,
Во гусли серебряны.
Какъ проигралъ то онъ
Душѣ красной дѣвицѣ,
Проигралъ три корабличка,
Да всѣ нагруженные. —
Какъ и первой проигралъ кораблички,
Проигралъ съ чистымъ серебромъ;
Какъ второй проигралъ кораблички,
Съ крупнымъ жемчугомъ,
Третій съ цвѣтнымъ платьецемъ.
Какъ проигравши всѣ три кораблички,
Самъ бѣдной задумался,
Не печалься доброй молодецъ!
Возвратятся назадъ
Три корабліка,
Да всѣ твои нагруженные.

Ты возьми удалъ, доброй молодецъ,
Меня за мужъ за себя.
Мы отправимся съ тобой,
Доброй молодецъ,
Во каменну Москву жити.
Пропадай, пропадай лучше!
Мои три кораблика,
Со чистымъ серебромъ,
И со всѣмъ имѣньецемъ. —
Не возьму я тебя,
Душа красная дѣвица,
За мужъ за себя. —
Не согласенъ я отправиться съ тобой,
Раскрасавица!
Во каменну Москву жити,
И тебя женой имѣти. —

Я вечеръ въ гостяхъ гостила,
Во компаньецѣ была;
Что нѣтъ лучшаго молодчика,
Я въ любовь къ себѣ взяла.
Не постыдно съ нимъ водиться,
Можно радостью называть;
Добра молодца,
Красавчикомъ величать.
Хорошъ, пригожъ мой миленькой,
Дружекъ уродился.
Со мной красной дѣвицей,
Повадился.
Отъ своей сторонушки,
Удалился.
Хорошъ, статенъ, приубранъ,
Походочка щепетна,
Таровать на всѣ дѣла.

Распрекраснымъ своимъ взоромъ,
Милъ сердечко заразилъ.
Своими лестными словами,
Танцовать съ собой просилъ.
Долго, долго танцовали, —
Появился жаръ въ лицѣ.
Вышли въ сѣни прохладиться,
Чтобы жаръ съ лица согнать.
И я млада испугалась, —
На дворѣ—та темна ночъ!
Знать мнѣ красной дѣвицѣ,
Должно скрыться отселѣ прочъ.

Ночной темнотою
Всѣ покрылись небеса (*).
Люди для спокою,
Всѣ сомкнули глаза.
Внезапно кто-то постучалъ,
И сонъ пріятный перервалъ.
Кто же тамъ стучится?
Со гнѣвомъ я закричалъ.
Томно кто-то отвѣчалъ:
Я мальчикъ бѣдной заплутался!
Я смѣлость приняла,
И двери отперла. —
Согрѣйте мерзло тѣло,
Я мальчикъ, чуть дышу.
Мнѣ жалко очень стало,
Свѣчу въ компатѣ зажгла.
Я вижу онъ крылами,
Сильно машетъ предо мной!

(*) Эта пѣснь передѣлана народомъ, потому она представляется здѣсь безъ измѣненій.

И грудь мою пронзила,
Преострая стрѣла.
Лишь онъ обогрѣлся,
Тотъ часъ мнѣ объявилъ:
Врагъ твой оживился,
Владѣть тобой пришелъ.
Вспомни каменны чертоги,
Гдѣ я съ тобою обиталъ.
Грустно дѣвушка сказала:
О несчастная моя судьба!
Чародѣй мною владѣетъ,
Я пропала навсегда.
Не успѣла слова молвить,
Какъ очутилась я у тѣхъ палатъ.
Заиграла музыка
Въ чародѣйныхъ домахъ,
Дѣвушка въ памяти очнулась, —
Чародѣй предъ ней стоялъ.

Солнце красное! оставляй небеса,
Скорѣе катись за темные лѣса.
Мѣсяцъ ясный! останься за горой,
Небеса! покройтесь темнотой.—
Дайте мнѣ времячко,
Укрыться отъ людей,
И наплакаться по участи своей, —
Люди бѣгаютъ отъ грусти моей.
Имъ нужно знать слезъ причину!
А гдѣ милой мой? а гдѣ радость? гдѣ дорогой?
Не навѣки ли ты простился,
Дружокъ миленькой со мной?
Нѣтъ ни писемъ, нѣтъ ни вѣстей,
Отъ тебя моя радость, мой дорогой!
Напиши милой другъ мнѣ вѣсть,
Что забылъ ты ужъ меня. —

Дай отраду поскорѣе умереть,
Чтобы на свѣтъ мнѣ больше не смотрѣть.
Для того знать я уродилася молода,
Чтобы узнать страсть, дружка любя.
Любовь меня терзаетъ,
И навѣкъ смыкаетъ мои глаза,
Прощай милой другъ, надежда!
Оставляю и я тебя. —

Вы подруженьки мои!
Вы придите ко мнѣ,
Погорюйте обо мнѣ,
Погорюйте обо мнѣ!
Посидите у меня,
Веселье будетъ мнѣ,
И матушкѣ родной,
И батюшкѣ моему,
И батюшкѣ моему!
У моего роднаго
Есть зеленькой садокъ.
Въ саду нѣтъ погодушки,
Лишь листочки шумятъ,
Лишь листочки шумятъ!
Развольныя пташечки
Все слухами говорятъ,
Все слухами говорятъ.
Летѣлъ здѣсь соловушекъ,
Летѣлъ бравой молодой!
Я спрошу соловушка:
Тужитъ ли милой по мнѣ?
Тужитъ ли, горюетъ ли?
Хоть онъ тужитъ —
Малость обо мнѣ,
Хоть онъ тужитъ —

Малость обо мнѣ,
Во матушкѣ во Москвѣ,
Во матушкѣ во Москвѣ.
А я по немъ дѣвушка,
Сокрушаюсь завсегда!
Стой, стой кручинушка,
Пойду во зеленъ садъ гулять,
Пойду во зеленъ садъ гулять.
Со той со досадушки,
На сыру землю паду;
На сыру землю паду!
До тѣхъ поръ лежати буду.
Когда три часа пройдутъ,
Всѣ минуты изойдутъ,
Горючи слезы пролютъ,
Горючи слезы пролютъ,
Быстры рѣки пройдутъ,
Ко мнѣ дѣвушки прійдутъ.
Тогда встану я, опомнюся,
Въ нову горницу взойду,
Въ нову горницу взойду. —
Сяду на лавочкѣ,
Погляжу въ окошечко:
Да нейдетъ ли мой милой?
Да нейдетъ ли мой милой?
Не летитъ ли соколикъ?
Раздушенька свѣтикъ мой,
Раздушенька свѣтикъ мой!
Что ты здѣлалъ надо мной,
Надъ дѣвушкой молодой,
Надъ дѣвушкой молодой,
Надъ моей русой косой?—
До чего меня довелъ? —
До славушки до худой,
До славушки до худой.
Хоть славушка пройдетъ,
Никто за мужъ не возьметъ. —

Не льсти милой словами,
Не обманывай въ глаза!
Ты почувствуй, другъ любезный,
Какъ я люблю тебя!
Черезъ тебя ли, мой любезный,
Много горечи терплю,
Всѣ досады перепесла? —
Я со младости лѣтъ
Во долинушкѣ взросла,
Я отъ солнца, я отъ жару
Лице бѣло сберегла;
Сберегла лице прекрасное,
Для несщатной судьбы своей.
Ты судьба моя, судьба!
Судьба горькая моя!
Всѣ злодѣи мнѣ грозятъ,
Разлучить съ тобой хотятъ.
Насъ съ тобой тогда разлучатъ,
Когда кончится любовь.
Вы шабры мои ближніе, (*)
Вы не дайте мнѣ, шабры,
Злою смертью умереть.
Привезите мнѣ шабры, писаря,
Чтобы онъ дружку
Письмо написалъ.
Я письмо то напишу,
И словами разскажу:
Ты поѣдешъ миленькой жениться,
Заѣзжай ко мнѣ дружокъ,
Хоть проститься. —

(*) Шабры, — сосѣды, шабры ближніе, сосѣды живущіе вблизи. – Шабры слово татарское.

Ужъ степь, ты наша степь!
Степь наша уральская!
Ничегохонька во степи не уродилося,
Ни травоньки, ни муравоньки!
Уродилась во степи,
Одна горькая полынушка, (*)
Уродилась еще во степи,
Бѣлая березонька. —
Мимо этой березоньки,
Лежала дороженька:
Никто по той дороженькѣ,
Никто ни прохаживалъ. —
Только шли, прошли
Одни извощички,
Молодые колонисты.
Во пути то у нихъ
Случилось несчастьеце большое:
Захворалъ, занемогъ,
Молодой извощичекъ. —
Онъ при смерти лежитъ,
У своихъ товарищевъ молитъ:
Ужъ вы братцы, вы мои товарищи!
Не покиньте, вы братцы,
При бѣдности меня!
Вы возьмите, братцы,
Воронихъ копей моихъ.

(*) Уральская степь, представленная здѣсь безплодною, дѣйствительно есть такова, сколько мнѣ извѣстно по протяженію ахтубинской ея долины, находящейся въ царевскомъ уѣздѣ. Ахтубинской долиною называется солонцоватое пространство между р. Ахтубой и лѣвымъ берегомъ р. Волги, и оно идетъ до уральской возвышенности. На ахтубинской долинѣ часто выгораетъ трава отъ солнечнаго зноя, въ началѣ мая. Вся степь усѣяна тамъ азіятской полынью, которая издаетъ прекрасный запахъ.

Вы скажите, братцы,
Матушкѣ и батюшкѣ низкой поклонъ,
Молодой женѣ мое почитаньеце.
Малымъ роднымъ моимъ дѣтушкамъ,
Вѣчное благословенъеце.
Вы скажите братцы, матушкѣ моей,
Что я остался въ дикой степи. —
На могилушкѣ моей
Ростетъ ковыль травонька,
Въ головахъ ростетъ горькая полынушка,
Въ рѣзвыхъ ногахъ стоятъ звѣри лютые:
Разорвутъ мое тѣло бѣлое,
Растаскаютъ мои костоньки
По дикой степи! —

Что это у меня былъ за милинькой!
Милъ, прекрасенъ и хорошъ. —
Носилъ милой сибирочку,
Шалунову голубу (*);
Носилъ онъ жилеточку,
Матеревую хорошую;
Носилъ другъ шараварушки,
На лайковыхъ помочахъ,
На могучихъ плечахъ.
На кудряхъ у него шляпонька,
Распрекрасна, хороша!
Сказали про милаго,
Что милой не живъ,
Милой безъ вѣсти пропалъ,
Въ синѣ морѣ потонулъ. —
Какъ вечеръ ли мой размилинькой,

(*) Шалунъ, шелковая матерія: она имѣетъ отливъ синезеленый и красно-зеленый.

Вдоль по улицѣ прошелъ.
Онъ нову пѣсеньку пропѣлъ,
На гитарѣ пропгралъ,
Въ теремъ голосъ подавалъ,
Мнѣ красной дѣвушкѣ извѣщалъ:
Здорово ли моя Любушка,
Поживаешь безъ меня? —

Волга матушка взволновалася,
Ничего въ волнахъ не видно!
Только видно въ волнахъ,
Одну красну лодочку.
Красна лодочка плыветъ, краснѣется,
Весельчики на ней зеленѣются.
Самъ хозяинъ сидитъ во нарядѣ:
Въ желтомъ панковомъ кафтанѣ,
Въ черномъ бархатномъ картузѣ.
На картузѣ славной козыречекъ,
Самъ онъ купеческой сыночекъ.
Заворачивайте ребята
Къ Настасьиному ко подворью.
Настасьюшка сама выходила,
Стаканъ водки выносила,
Ванюшинькѣ дружкѣ поднесла.
Ты выпейка, дружекъ, покушай!
Нопъ не пью Настасья,
У насъ въ домѣ нещастье:
Поголовной наборъ солдатской!
Хотятъ меня молодца,
Отдати во солдаты.
Ужъ я выйду на сходъ, поклонюся:
Вы помилуйте, мірски люди!
Я ни воръ, я ни разбойникъ,
Я до дѣвушекъ былъ охотникъ,
До молодыхъ былъ привѣтливъ.

Я воровъ совсѣмъ не зналъ,
Приносилъ покорность вамъ,
Всегда былъ я добръ и честенъ,
Къ воровству не причестенъ (*).

Какъ ушелъ-та воръ казаченька,
Ушелъ со тихаго Дону.
Какъ унесъ съ собой воръ казаченька,
Унесъ строевое ружье,
И саблю острую.
Онъ увелъ съ собой, воръ казаченька,
Увелъ силы множества.
По ращету-то онъ увелъ, воръ казаченька,
Ровно сорокъ тысящевъ, —
Онъ увелъ ихъ, добрыхъ молодцевъ,
Да все казаченковъ, да все вооруженныхъ.
Какъ и ушли они, воры казаченьки,
Все путемъ, глухими дорогами,
Какъ глухими дорогами, дикими степями;
Какъ дикими степями, темными лѣсами.
Какъ и платьице было, на ворахъ казаченькахъ,
Все было шелковое,
Какъ фураженьки, на ворахъ казаченькахъ,
Были сукна дорогаго,
Они сшиты были полка полеваго.
Подъ командою они были, воры казаченьки,
Полковника молодого.
Чрезъ быструю рѣчушку шли воры казаченьки,
Да всѣ перемочилися;
Во черной они во грязи,
Да всѣ перепачкалися.

(*) Вмѣсто непричастенъ.

Пошли дѣвушки, пошли красныя,
Онѣ на рынокъ гулять,
На рынокъ, на ярморку макарьевску,
На славну александровску. (*)
Онѣ гуляли, красны дѣвушки,
Бѣлой день до вечера,
До самой полуночи.
Полуночная звѣзда высоко взошла, —
Звѣзда за полночъ зашла.
Онѣ красны дѣвицы,
Въ кучу собиралися,
Домой всѣ отправлялися.
Шли онѣ, красны дѣвицы,
Закаулками, переулками,
Ничего онѣ не боялися.
А боялись дѣвушки,
Опасалися красныя,
Журьбы своихъ матушекъ.
Родна матушка журитъ, бранитъ,
Любить дружка не велитъ.
Хотя я дѣвушка
Гулять поздно не стану,
А любить дружка не перестану.
Милой ласковъ и хорошъ,
Онъ уважать мнѣ во всемъ готовъ.
Я страдать буду отъ матери, отъ отца,
Не растанусь съ дружкомъ навѣки, до конца.

Какъ не бѣлая березка, березка,
Свивалася, ой совивалася!
Какъ дѣвушка съ молодцецъ, съ молодцемъ,

(*) Почему макарьевская ярморка названа здѣсь *александровскаю*, я не могъ допроситься.

Совыкалася, ой совыкалася!
Совыканьеце у пихъ, у пихъ,
Было тайное, ой было тайное!
Раставаньеце у пихъ, у пихъ,
Было слезное, ой было слезное!
Запрягастъ милой другъ, дружекъ,
Воронихъ, ой воронихъ коней!
Соѣзжастъ дружекъ, дружекъ,
Съ широка, ой съ широка двора.
Онъ соѣхавши со двора, запѣлъ,
Съ горя пѣсеньку, ой съ горя пѣсеньку!
Ты прощай, прощай свѣтикъ,
Моя Любушка, ой моя Любушка!
Наживай себѣ Любушка
Инаго размилаго,
Ой дружка милаго!
Если лучше меня наживешъ
Позабудешъ, ой позабудешъ!
Если хуже меня наживешъ,
Вспомянешъ, ой вспомянешъ!
И еще, что это у меня,
Былъ дружекъ за миленькой,
Былъ дружекъ за хорошенькой!
И гулять пойдетъ дружекъ,
И меня, ой и меня съ собой беретъ! —
Провожала Любушка дружка
Далекохонька, далекохонька,
Распростилась она съ миленькимъ. —
Воспомнастъ она воздыханьемъ:
Что былъ за миленькой, ой за миленькой!

Вы комарики мои,
Не кусайте комары,
Мое бѣлое лице.
Мое бѣлое лице,

Разгорѣлось горячо;
Ровно алепькой цвѣтокъ,
Во чистомъ полѣ цвѣтетъ.
Тамъ и травка зелена,
Гдѣ мой миленькой гулялъ,
Гдѣ ласково меня цѣловалъ;
Гдѣ ласково цѣловалъ,
Туго къ сердцу прижималъ
Раздушенькой называлъ,
Раздушенькой называлъ.
Ты раздушенька моя,
Вечеръ былъ я у тебя,
Вечеръ былъ я у тебя.
Не узнала ты меня
Отсылала отъ себя,
Отсылала отъ себя,
Тѣмъ огорчила дружка. —
Вспомни миленькой дружекъ,
Какъ ты былъ у меня,
У крашепаго крыльца,
У крашепато крыльца;
Во горницу взошелъ,
Къ кровати подошелъ
Къ кровати подошелъ,
Открылъ браной положекъ,
Взялъ за рученьку мою,
За золотой перстенекъ.

Широкохонько Волгушка разливалася,
Во крутые бережечки не вбиралася,
Со желтымъ песочкомъ сомикалася.
Вобралась Волгушка во горы,
Во долы и лѣса зеленые.
Позатопляла Волгушка травы зеленыя,
Оставался одинъ чистъ ракитовъ кустъ.

Какъ на кустикѣ свито гнѣздушко,
Во гнѣздушкѣ сидитъ младъ соловушекъ.
Хорошо онъ поетъ, высвистываетъ,
Выговорушки выговариваетъ
Голосочкомъ всему городу,
Матушкѣ каменной Москвѣ.
Какъ отецъ съ матерью всю ночъ не спятъ,
За столомъ сидятъ, за столомъ сидятъ,
Они думу думаютъ: котораго намъ сына
Во солдатушки отдати? —
Намъ большаго отдати, дѣтей много;
Намъ средняго отдати, жена умна,
Какъ жена-то умна, по ней домъ стоитъ.
Намъ отдать ли, не отдать,
Сына малаго, не женатаго.
Какъ и малой сынъ, воръ догадливъ былъ,
Во ногахъ онъ лежитъ, проситъ жребія.—
Ужъ вы дѣти мои молодыя!
Вы поднте дѣти на конной дворъ,
Осѣдлайте коней, что нѣтъ лучшихъ.
Вы ступайте дѣти, во чисто поле,
Вы срѣжьте всѣ по жеребью,
Вы бросьте во Волгу матушку.
Какъ большой бросилъ жребій,
Въ верхъ воды пошелъ;
А середній бросилъ,
Внизъ воды пошелъ;
А холостъ бросилъ,
Какъ тяжелъ камень—жребій
На дно пошелъ.
Какъ пришло намъ отдати,
Сына малаго, не женатаго,
Такъ и заплакался,
Объ сыру землю ударился:
Аль я, батюшка вамъ,
Не кормилецъ, не работничекъ былъ?

Полно бѣленькой снѣжечекъ,
На талой землѣ лежать;
Полно миленькой дружечекъ,
По сторонкѣ тосковать.
Не пора ли, не времячко,
Любезную забывать?
Что это у милаго дружечка,
Что за умъ, за разумъ такой,
За обычай за дурной!
Милой не сказывалъ
Любви никакой. —
Если любишъ, скажися;
А не любишъ, откажися.
Мнѣ ли дѣвушкѣ пора-время?
Не введи въ худую славу, не клади.
Худа славушка, безчестье;
Роду племени укоръ,
Стыдъ головушкѣ удалой!
Мнѣ нельзя прійти домой,
Сказать матушкѣ родной.

Какъ у ключика было,
У текучаго у колодезя,
У стюденаго у лужечка, у зеленаго,
Красна дѣвушка платья пряла,
А доброй молодецъ коня поилъ,
Съ красной дѣвушкой, дѣвушкой разговаривалъ,
Онъ къ себѣ дѣвушку подговаривалъ.
Молодая-та жена была догадлива,
Взяла ведры сама за водой пошла. —
За водой-та пошла, она воду черпала;
Почерпнувши воды, съ дѣвкой поразмолвилась,
Поразмолвившись, стала ей угражывать:
Не быть тебѣ дѣвушка,
Не быть на бѣломъ свѣтѣ;

Не любить тебѣ, дѣвушкѣ,
Моего мужа, своего друга.
Эта дѣвушка испугалась,
И матушкѣ пожаловалась:
Что это, матушка,
У меня голова болитъ? —
Во полуночи дѣвушка,
Здѣлалась вся больна,
Ко бѣлой зарѣ,
Дѣвушка переставилась.
На восходѣ солнушка,
Стали въ колокола звонить,
И дѣвушку хоронить.

Какъ у молодца заболѣла голова,
У хорошаго, со зеленаго вина.
Великъ городъ Москва,
И матушка-Москва широка.
Никто въ Москвѣ не ходитъ, не гуляетъ.
Только шелъ, прошелъ, дѣтинушка молодой,
У дѣтинушки нѣтъ заботы никакой.
Только есть одна забота, сухота:
Навязалася не по совѣсти жена.
Журитъ, бранитъ своего мужа завсегда!
Мужъ изъ гореньки во свѣтличку пошелъ,
Въ потемочкахъ буйну голову чесалъ;
При ясномъ огнѣ кудерюшки завивалъ, —
Завивши кудри, черну шляпу надѣвалъ.
Надѣлъ шляпоньку, вдоль по улицѣ пошелъ.
Пошелъ, пошелъ, ко сударушки зашелъ,
На бѣлой зарѣ, къ молодой женѣ пришелъ.
Молода жена! растворяй-ка ворота.
Я не воръ пришелъ, не разбойничекъ денной,
Я пришелъ къ тебѣ самъ хозяинъ коренной;

Я принесъ тебѣ гостинецъ дорогой:
Шелковую плеть въ рукахъ. —

Какъ по морю синенькому
Плавали, гуляли корабли;
Какъ на кажнѣмъ корабличкѣ,
По пяти сотъ молодцовъ,
Государевыхъ гребцовъ,
Славныхъ пѣсельниковъ.
Хорошо гребцы гребутъ,
Весело пѣсни поютъ,
Разговоры говорятъ,
Лиходѣя все бранятъ:
Ты лиходѣй, расканалья!
Обобралъ кормовыя, харчевыя,
Третьи денежныя. —
На эти денежки
Палаты себѣ склалъ.
Бѣлыкаменны палатушки,
Стѣны мраморныя;
Изъ хрусталя потолокъ,
Позолоченой конекъ. —
Какъ на эти потолки,
Москва рѣчушка взошла;
Не сама собой взошла,
Неволюшкой взведена,
И жива рыба пущена. —
Какъ во этихъ палатахъ,
Кроватушка смощена;
На этой на кроватъ,
Самъ лиходѣй почивалъ,
На живу рыбу смотрѣлъ,
Онъ рѣчи говорилъ:
Ужъ ты, рыба, ты бѣлуга!
Ты за чѣмъ сюда взошла?

Не сама собой я взошла,
Неволюшка занесла, —
Твоя хитрость призвала.

Веселитися подружки,
Весна скоро придетъ;
Весна скоро придетъ,
Солнце взойдетъ.
Сгонитъ снѣги и морозъ.
Сгонитъ снѣги и морозъ,
Съ горъ покатится вода,
Во зеленые луга.
Во лужкахъ ужъ травка зеленѣетъ,
И цвѣточки разцвѣли,
Разцвѣли въ полѣ цвѣточки,
Гдѣ ракитовой кустокъ. —
Между этихъ кусточковъ,
Волга матушка прошла.
Какъ надъ этою, надъ Волгою,
Кустъ малинушки стоитъ;
И въ этомъ ли кусточкѣ,
Соловей громко поетъ.
Не пой, не пой, соловушекъ!
Во зеленомъ саду весной.
Возьми горечко съ собой,
Унеси горе далеко, —
Чтобъ не слыхати про него,
Про горечко прошлое. —
На водѣ горе не тонетъ,
И огнемъ горе не жжется,
Прочь отъ дѣвушекъ пейдетъ.
А молодца горе беретъ. —
На совѣтъ дѣвушка пейдетъ,
Подарочки не беретъ. —

Я вечеръ ли молода,
Во компаніи пробыла;
Сидѣла ни одна,
За убранымъ столомъ.
Съ соколомъ прохлажалася,
Пива пьянаго напивалася, —
Правыми ручками обнималися.
Ни по долгой часъ,
Промолвилъ молодецъ словечко:
Здѣлай радость, сердечко,
Поцѣлуй меня! —
Я такой страхъ имѣю,
Цѣловать тебя не смѣю.
Боюсь миленькой тебя,
Опасаюсь смѣяться будешъ надо мной. —
Отдавали меня молоду,
На чужу сторону,
Не заровнюшку.
Не заровней буду жить:
Буду плакать и тужить,
Тебя ли миленькой сушить!
За горами, за долами,
За крутыми берегами,
Лужечекъ тамъ былъ.
Во лужечкѣ дубочекъ,
Подъ дубочкомъ молодчикъ,
Въ пригорьи сидитъ,
При такомъ ли пригорьи
При великой кручинѣ,
На свѣтъ не глядитъ.
Скрыйся, скрыйся, вольной свѣтъ!
Сударушки дома нѣтъ. —

Гдѣ гуляю, гдѣ хожу,
На умѣ дружка держу.

На умѣ, на разумѣ,
На своихъ крѣпкихъ мысляхъ.
Было въ рукахъ счастье,
Не сумѣла содержать.
Любилъ меня, молодчикъ,
Не могла любовь признать.
Стала любовь признавать,
Сталъ миленькой отставать,
Съ иной миленькой сталъ гулять,
Гуляй, гуляй, Машенька!
Гуляй развеселая:
Поколь волюшка твоя,
Не покрыта голова.
Покроютъ головушку,
Наложутъ заботушку,
На красну дѣвушку.
Первая заботушка:
Свекоръ да свекровушка;
Другая заботушка
Деверь да золовушка;
Третья заботушка,
Мужъ, удала голова,
Онъ гулятъ безъ меня,
По вдовушкамъ, по вдовамъ,
По замужнимъ женамъ.
Какъ и замужняя жена,
Не лучше меня. —

Шла Машенька изъ лѣсочка
Несла въ рукахъ по вѣночку, сама говоритъ:
Ты пастухъ мой, пастушечекъ!
Пастухъ миленькой дружечекъ,
Не покинь меня!
Не покину спротину
При широкой долинѣ,

Во лужкѣ одну. —
Туда, сюда пастухъ бросался,
Съ стадомъ управлялся,
Домой поспѣшалъ.
Онъ женѣ своей рѣчи изъявлялъ:
Жена моя, женушка!
Жена, вѣрная служанка.
Не жди меня почевать. —
Ты жди меня порою,
Вечернею зарею,
Утренней росою, —
Пойду погулять.
Меня звали, позывали,
Въ зеленъ садъ гулять.
Тамъ гулять по садочку,
По ракитову кусточку, —
Гдѣ Машенька ждетъ.
Ждала Маша, поджидала,
За ракитовъ кустъ запала.
Пущай милъ пройдетъ!
Машино сердце не стерпѣло,
Громкимъ голосомъ вскричала:
Здѣся я милой!
Мой миленькой взрадовался,
На бѣлую грудь бросался,
Началъ цѣловать.
Онъ цѣлуетъ и милуетъ,
Туго къ сердцу прижимаетъ,
Машей называетъ.
Ты Машенька черноброва,
За чѣмъ ты любишъ иного,
А меня покидаешъ? —
На то милой осердился,
Съ Машей не простился, —
Толкнулъ ее въ грудь. —

Ужъ ты садъ, мой садикъ,
Садъ зеленой виноградъ.
Садилъ тебя Иванъ
Ой, ой, ошеньки!
А поливалъ Селиванъ,
Обгораживала Селиванова жена.
Въ саду молодецъ гулялъ,
Разорили, погубили,
Довели до конца,
Ой, ой, ошиньки!
Да никто по мнѣ
Не кричитъ, не кричитъ!
Гляну я на окошечко,
Родной дѣдушка идетъ,
Восемьдесятъ рублевъ несетъ.
Ой, ой, ошеньки!
Гляну я, родна бабушка идетъ, —
Льняной холстъ несетъ;
Еще гляну я во красное,
Родной батюшка идетъ,
Благословеньеце несетъ. —
Родна матушка,
Горячія слезы льетъ,
Ой, ой, ошеньки!
Еще гляжу я, родной дѣдушка идетъ,
Зипунъ съ шубою несетъ.
Еще гляжу я, родна тетушка идетъ,
Мотокъ ниточекъ несетъ.
Ой, ой, ошеньки!
Родной братецъ идетъ, ворона коня ведетъ;
Родная сестрица идетъ,
Ширинку несетъ;
А позади-та всѣхъ идетъ,
Молодая жена,
Молодыхъ дѣтушекъ ведетъ,
Ровно пчелушка гудетъ.
Ой, ой, ошеньки!

Какъ по стежкѣ, по дорожкѣ,
Шли солдаты молодые,
За собою дѣвку манили.
Пойдемъ дѣвка, пойдемъ красная!
Съ нами съ молодцами.
У насъ жить, дѣвушка,
Привольно и богато.
У насъ горы сахарныя,
Текутъ рѣчки медовыя,
По лужку травка шелковая. —
Старой солдатъ дѣвку унималъ,
Платкомъ слезы утиралъ:
Не плачь дѣвка, не плачь красная!
Не мечись дѣвка на балы,
На рекрутскіе обманы. —
У насъ горы кременныя,
Текутъ рѣчки кровяныя;
Въ лужку травка рѣдьковая,
Все осочка зеленная. —

Ушелъ солдатъ со походу,
Унесъ съ собой строевое ружье,
Саблю острую. —
Онъ пошелъ вдоль по улицѣ,
Острой саблей подпирается,
Остра сабля согибается. —
Онъ зашелъ молодой солдать,
Къ отцу, къ матерѣ.
Пусти батюшка, пусти матушка,
Пусти обогрѣтися!
Мать, отецъ солдатика не угадали,
Квартирушку ему отказали.
Онъ пошелъ отъ окошечка,
Самъ бѣдной заплакалъ;
Отшедши отъ окошечка,

Воспѣлъ пѣсню новую.
Матушка и батюшка,
Его голосъ угадали:
Поди дитятко, поди милое,
Поди обогрѣйся!
Взойди дитятко,
Взойди по за-дворью.
У насъ дитятко, у насъ милое,
Шабры люди злые.
Мать, отецъ солдатика
Напоили, накормили,
Золотой казной наградили.
Ты ступай, мое дитятко,
Ступай мое милое,
Къ своему начальству,
Явись, покорись полковничку. —

Не бѣла заря занимается,
Не красно солнце изъ за—горъ выкатывается,
Не свѣтелъ мѣсяцъ высоко всходитъ,
Выше лѣса темнаго,
Березничка, горькой осинушки.
Не пыль въ полѣ запыливается.
Не туманъ съ поля поднимается:
Летятъ гуси, лебеди,
За гусьми летитъ сизой орелъ.
Постойте гуси, постойте лебеди!
Я не бить васъ лечу,
Я спросить хочу.
За орломъ летитъ младъ ясенъ соколъ,
Постой, постой, сизой орелъ!
Я не бить тебя лечу,
Я спросить хочу.
Гдѣ ты сизой орелъ,
Леталъ, полетывалъ? —

Я леталъ, полетывалъ,
По тихой степи, по уральской.
Ты чего орелъ смотрѣлъ, высматривалъ?—
Я смотрѣлъ, высматривалъ диво дивное:
Тѣло мертвое, убитое.

Какъ слали къ намъ указы невеселы,
Намъ объ наборѣ говорили,
Насъ молодцевъ выбирали въ гусары;
Не женатыхъ, холостыхъ.
У насъ кони вороные,
Сѣдѣлица золотыя,
Въ рукахъ поводочки шелковыя.
У насъ ружья были заряжены, —
Мы стояли на приступѣ, —
Въ непріятелей палили,
Сражался весело. —
Сраженьеце долго шло,
До бѣлой до зари.
Какъ зоринька занялась,
Вся силушка собралась,
Стали тѣла разбирать,
Своихъ Русскихъ узнавать.
Много силушки побили,
И копями потоптали.
Отдыхали мы день весь,
Съ предводителямъ своимъ здѣсь.
Въ глухую полночь,
Ушелъ Французъ съ силой прочь (*).

(*) Эта пѣсня военная, и на какой случай она сложена, не извѣстно. По изъ нее однако видно, что это намекъ на одну изъ битвъ 1812 г.

Какъ французская земля
Много горя приняла,
Отъ Платова казака.
Платовъ казакъ къ Французу въ гости,
Въ гости заѣзжалъ.
Онъ безъ спросу, безъ докладу,
Во палатушку взошелъ.
Платовъ Богу помолился на всѣ стороны,
Челомъ Французу низенькой поклонъ.
Еще Французъ не узналъ,
На рѣзвы ноги вставалъ,
За купчика почиталъ,
За дубовой столъ сажалъ,
Рюмку водки наливалъ,
Онъ Платову подносилъ:
Выпей купчикъ, выпей любчикъ,
Ты купеческой сынокъ! —
По Россіи я гулялъ,
Много Русскихъ людей зналъ;
Одного я не зналъ, Платова казака. —
Кабы кто мнѣ указалъ его,
То бы казны денегъ много далъ. —
На что казну-деньги терять,
Его можно такъ видать.
Погляди на меня,
Я похожъ на Платова казака,
Ровно братъ онъ мнѣ родной,
Какъ отъ матери одной.
Прочъ Французикъ отвернулся,
Платовъ надъ нимъ усмѣхнулся.
Вишъ Платовъ, Платовъ! вотъ онъ пошелъ!
Покрай крыленъ взошелъ.
Громкимъ голосомъ вскричалъ:
Кабы были мои вѣрныя слуги,
Подвели бы мнѣ коня.
Я бы сѣлъ, полетѣлъ,
Самъ бы пѣсеньку запѣлъ:

Ужъ ты, розния ворона,
Загуменная карга!
Не съумѣла ворона,
Яснаго сокола держать.
Выѣзжай-ка ты, ворона,
Во чисто поле гулять.
Со мной слушки пытать. —

На печкѣ сижу, заплатки плачу,
Своего мужа заплачиваю,
Журю, пожуриваю.
Продай мужъ кобылушку,
Сѣрую.
Купи мужъ шубенчку,
Соболевую. —
Я наряжусь, на улицу пойду:
Люди глядятъ: чія такова? —
Со барскаго двора,
Гостина жена.
Я съ улицы приду, на печку сяду.
Мужъ говоритъ: жена ты моя!
Впрягай сани въ лѣсъ по дрова,
По дубовыя, по здоровыя. —
Мужъ заѣхалъ въ цѣликъ, (*)
Наклалъ возъ великъ. —
Подъ горку ѣду, посвистываю,
На горку ѣду, похлыстываю. —
Ребятамъ крычу, покрикиваю:
Ребяты, ребятушки! лошадка хороша, —
Возъ дровъ привезла.
Мнѣ не то тошно, что я возъ везу;

(*) Цѣликъ, — лѣсъ не початый, тоже самое говорится о не паханой нивѣ.

Мнѣ то тошно, что песъ сидитъ,
Ребятамъ кричитъ, позоритъ меня. —

Заводы мои, заводушки,
Фабричные вы, горемычные!
Скажи дѣвица: кто заводы заводилъ?
Заводилъ заводы сынъ купеческой Алексѣюшка,
Разорила заводы, сама въ лѣсъ пошла.
Сама въ лѣсъ пошла, по ягоду,
Въ лѣсъ по черную по смородину.
Не въ лѣсу дѣвица заплуталася,
На рябину дѣвица заглядѣлася,
Ты рябинушка моя, кудрявая!
Когда ты взошла? когда выросла?
Я весной то взошла, лѣтомъ выросла;
По зорямъ то цвѣла,
Въ полдень цвѣтъ опалъ.

За рѣчушкою за Волгою,
За другой рѣчкой за перепревою,
Не ковылъ травка зашаталася,
Загулялся доброй молодецъ, —
Что задушевной другъ! —
Я не самъ зашелъ,
Занесла меня неволюшка,
Чужа дальная сторонушка,
Чужа дальная, нужда крайняя.
У меня жизнь боярская,
Жизнь боярская, служба царская.
Служилъ Царю бѣлому,
Петру первому.
Хорошо ль вамъ братцы,
Во строю стоять, по ружью держать? —
Бѣлы ручки ко ружью придержалися,

Рѣзвы поженьки,
Къ сырой землѣ пристоялися.
Мы стояли до полуночи. —
Полуночная звѣзда высоко взошла,
Высоко взошла, за полдень зашла. —

Попила-та моя буйная головушка!
Попила, погуляла.
Что за батюшкиной, да за батюшкиной,
Большою головою.
Что за братцевой, да за невѣстиной,
Легкой работою.
Какъ не гребень чешетъ,
Мою буйную головушку;
Не гребень ее чешетъ,
Чешетъ пора, время,
Чешетъ гульба, пѣгушка.
Какъ почуяла моя, буйная головушка,
Надъ собой несчастіе,
Что хотятъ меня, добра молодца,
Поймати у прилуки, у моей сударушки;
У красной дѣвушки, душки Аннушки.
Хотятъ разудалому рѣзвы ноги сковать,
Бѣлы руки связать, во солдаты отдать.
Запрягалъ то я, доброй молодецъ,
Пару воронихъ коней.
Разъѣзжалъ по улицамъ,
И дорогамъ столбовымъ.
Заѣзжалъ то я ко сударушки своей.
Какъ поймали меня, добра молодца,
У той самой прилуки,
У красной дѣвушки.
Бѣлы рученьки связали,
Рѣзвы поженьки сковали, —
Посадили меня, добра молодца,

На мирски подводы;
Повезли то меня, разудалаго,
Во городъ во Саратовъ.
Повели меня, добра молодца,
Повели въ пріемную,
Становили разудалаго подъ казенну мѣру.
Посадили меня, добраго молодца,
На выкрашеной стуликъ.
Какъ и начали разудалому,
Русы кудри брити.
Брѣютъ мои русы кудерюшки,
Брѣютъ, не жалѣютъ;
Бросаютъ мои раскудрявые,
По всей по палатѣ.
Какъ не сизая павлица,
Въ палатѣ гуляла;
Мои русыя кудерюшки собирала.
Слезно плакала надъ ними, вздыхала,
Въ бѣлой платочекъ ихъ вязала.—
Туго къ сердцу своему она прижимала.
Это не сизая павлица, красная дѣвица,
Прежняя моя сударушка, Аннушка.—

Мой миленькой на пескѣ,
Голубь надъ водою;
Голубушка сизая,
Говорила со мною.
Во первомъ часу ночи,
Прилеталъ голубчикъ;
Во второмъ часу ночи,
Пріѣзжалъ молодчикъ.
Дѣвчоночка возрадовалась,
Къ окошечку бросалась.
Подъемъ поднимала,
Она милаго принимала

За бѣлыя ручки.
Ты садись милой, скорѣе,
Говори смѣлѣе. —
Пили, ѣли, разсуждали. —
Похвалялась дѣвчоночка,
Прежними друзьями.
Мой миленькой разсердился,
Пошелъ, не простился.
Схватилъ съ крюку черну шляпу:
Зеркала упали,
Московскія хрустальныя,
На двое раскололись.
Пошелъ, стукъ, пошелъ громъ,
По всей моей спальнѣ.
Услыхала моя мати,
Во каменной палатѣ.
Посылаетъ, наряжаетъ,
Вѣрную служанку, —
Пашку грубіянку.
Что матушка, что барышня,
Надъ вами случилось?
Черна кошечка блудлива,
На шкафчикъ вскочила,
Зеркала разбила.

Долго ль въ свѣтѣ одинокой
Мнѣ скитавшись,
Слезы лить?
Долго ль я тебя, жестокой,
Тщетно буду любить?
Пусть меня свѣтъ осуждаетъ,
Что тобою я страстна, —
Но любовь то прямо знаетъ. —
А ты жалѣть будешь обо мнѣ.
Я вечеръ въ слезахъ уснула,

Тебя видѣла во снѣ;
Я проснулась, вздрогнула,
Закипѣла кровь во мнѣ.
Ты любя ко мнѣ ласкался,
Нѣжно къ сердцу прижималъ;
Сонъ щастливый миновался,
И съ мечтою онъ пропалъ.
Здѣлай ты меня щастливой
Въ жизни, хоть въ послѣдній разъ.

Труситъ, труситъ лихорадка
Любезнаго моего.
Ужъ ты бабка, ты отгадай-ка,
Ты узнаешъ отъ чего.
Говорили, — простудился
На гуляньи въ вечеру. —
Въ понедѣльникъ онъ влюбился,
А во вторникъ пострадалъ;
Въ среду прослезился,
Въ четвергъ Машинькѣ сказалъ:
Что ты, Маша, не веселишься,
Призадумавши сидишъ?
Рѣдко ужъ рѣзвишься,
И на посидѣлки не спѣшишъ.
Но что это за садикъ,
За зеленепькой такой?
А что это за милой,
За любитель дорогой?
Пустилъ онъ славушку худую,
По всѣмъ улицамъ позоръ,
Нельзя Машѣ по улицѣ погулять,
Въ хороводѣ поиграть:
Всѣ ее ругаютъ и бранятъ. —

Простясь съ балами, съ пирами,
Въ шумной жизни городской;
Мнѣ наскучило жить съ князьями, —
Я поѣду въ уголъ свой!
Хоть и маленькой мой домикъ,
Не красивъ, — да какъ же быть? —
Съ тобой, милой мой дружечекъ,
Безъ заботъ можно прожить.
Въ домѣ нѣтъ большихъ затѣй,
Пышностей не сыщешъ въ немъ;
Нѣтъ швейцаровъ и лакеевъ,
Просто все въ углу моемъ. —
Бронза въ креслахъ не сіяетъ,
Изъ казимиру нѣтъ гардинъ.
Солнце въ люстрахъ не играетъ, —
Для зимы лишъ есть каминъ;
Серебро, сталь не дивитъ,
Ананасовъ нѣтъ въ десертѣ;
И Французъ столомъ не правитъ,
Но Русскакъ сваритъ обѣдъ.
Сотня душъ въ моемъ помѣстьи,
И прекрасно будемъ жить.
Три пріятеля въ сосѣдствѣ, —
Время есть съ кѣмъ раздѣлить.

Уланы, уланы!
У васъ лошади буланы.
Гдѣ вы были, побывали? —
Въ Москвѣ городѣ стояли,
Камень мостикъ провзжали,
Ко вдовушкѣ заѣзжали:
Проспался почевати, постояти. —
А вдовушка выходила,
Почевать ихъ не пускала,
Таки рѣчи говорила:

У меня дворикъ маленекъ,
И горенька не величка.—
Силой воры во дворъ ворвалися,
Во гореньку вобралися;
Садилися всѣ порядкомъ,
Всѣ по лавкамъ.
Самъ хозяинъ подъ окошкомъ,
А вдовушка стала у печи;
Поджавъ свои бѣлы ручки,
Ко ретивому сердечку.
Какъ возговоритъ хозяинъ:
Ты вдова ль, моя вдовина,
Вдова ль горька сиротина!
Ты давно ль вдова вдовѣешь?
Вдовушка отвѣчала:
Живучи во горѣ, — забыла,
Много слезъ въ горѣ ронила.—
Ты вдова ль моя вдовина,
Вдова горька сиротинушка!
Какъ много ль у тебя
Вдова дѣтокъ?
У меня дѣтокъ троечка:
Два сыночка, третья дочка.—
Ты вдова ль моя вдовина,
Подойди вдова поближе,
Поклонись мнѣ пониже;
Ты сними съ меня черну шляну,
А во шляпонькѣ платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстепечекъ:
Которымъ мы обручались,
Какъ съ тобой вѣнчались.
Тутъ вдовушка возрадовалась,
На шеюшку бросалась,
Въ уста его цѣловала,
Къ ретиву серду прижимала,—
Въ новы сѣни выходила,

Малыхъ дѣтушекъ будила:
Встаньте дѣтушки, проснитесь!
Встаньте малы, пробудитесь!
Какъ пріѣхалъ мой другъ милой,
А вашъ батюшко родимой:
Онъ пріѣхалъ не годъ годовати,
И не поченьку почевати, —
Одинъ только часикъ часовати. —

Ты стой моя соснушка, ты стой, не шатайся!
Живи моя сударушка, ни въ чемъ не печалься!
Когда грусть, тоска найдетъ, поди разгуляйся;
Когда грустнѣй того будетъ, пиши ко мнѣ письма.
Съ кѣмъ же письма мнѣ къ тебѣ писати?
Съ кѣмъ же письма къ тебѣ послати?
Ты пиши ихъ, пиши съ добрыми людьми,
Ты пошли ихъ съ добрыми шабрами,
Съ добрыми людями, съ ближними шабрами.
Гдѣ же будетъ мнѣ тебя сыскати?
Сыщи меня въ огородѣ Казанѣ,
На съѣзжемъ базарѣ.

Ужъ вы вѣтры мои, вѣтерочки,
У васъ тоненькіе голосочки!
Вы не дуйте-ка во лѣсочки,
Не шатайте вы въ бору сосну,
И такъ сосенькѣ стоять тошно,
Стоятъ ей тошно, отъ кручинушки!
Стоитъ сосна на песочкѣ,
Какъ на крутенькомъ бережечкѣ;
Не водою сосеньку подмываетъ,
Горностай къ сосенькѣ подбѣгаетъ,
Злы коренья подъѣдаетъ.
Съ вершинушки сосны сучки гнутся,

Къ этой сосенькѣ пчелы вьются;
Опѣ вьются, не привьются;
Сучки гнутся, не пригнутся. —
У молодца кудри вьются,
На молодцѣ печаль, горе, —
Отдаютъ моего дружка во солдаты. —

Надъ рѣченькой быстрою,
Два вьюнушка вьются.
Вилися, вилися,
Да врозь разлетѣлися.
Садилися при лугахъ въ долинѣ,
Промежъ себя рѣчи говорили:
Тошно, тошно, кто кого любитъ,
Тошнѣй того, кто съ кѣмъ разстается.
Разставался милой со милою,
Съ красной дѣвицей душою.
Миленькой по улицѣ холитъ,
Душу Анночку за рученьку водитъ.
Молодая жена въ окошечко смотритъ,
Со слезами она Бога проситъ:
Создай Боже съ небесъ тучу грозну,
Убей, убей, постылаго мужа,
Помилуй Богъ милаго друга.

Что это въ полѣ за травонька?
Что во чистомъ за муравонька?
Она день ростетъ, ночъ шатается,
Во чистомъ полѣ разстилается.
Что это есть за цвѣтики,
Цвѣтики лазоревые?
Они днемъ растутъ, ночью цвѣтъ упадаетъ.
Что это есть за милый другъ?
Милый, задушевный другъ!

Ни день, ни ночь съ ума пейдетъ.
Ввечеру поздно я молодешенька,
Спать во теремъ ложилася.
Не хорошъ мнѣ ночью сонъ привидѣлся:
Будто теремъ растворенъ стоитъ,
И окошечки раскрытыя;
Будто мой милой въ головахъ стоитъ:
Онъ цѣлуетъ мои руки бѣлыя,
Руки бѣлыя, руки нѣжныя,
Прижимаетъ меня къ ретиву сердцу.
Ото сна я дѣвушка пробудилася,
Пробудившись испугалася;
Вдругъ мой милой слово вымолвилъ:
Не пугайся, моя милая,
Я не воръ къ тебѣ пришелъ,
Я не воръ и не разбойникъ;
Я пришелъ къ тебѣ спроситися,
Спроситися, твоей милости доложитися:
Я хочу мой другъ женитися.
Ты женись, женись невѣрной!
Не сердись ты на меня, моя милая,
Я любить тебя буду болѣ прежняго.
Я твоему вѣнцу не разлучница,
Я твоимъ гостямъ не разгонщица,
Я твоей женѣ не постельница.
Не свѣтить мѣсяцу по зимнему,
Не грѣть солнышку по лѣтнему,
Не любить дружка по прежнему.

Сторона ль моя сторонушка,
Сторона ль моя незнамая,
Незнамая, незнакомая.
На сторонушкѣ квартирушка,
На квартирушкѣ зазнобушка,
Зазнобушка красна дѣвушка,

Бѣлолицая, круглолицая,
Чернобровая, черноглазая!
Ужь не ты ль меня высушила?
Безъ мороза сердце вызнобила.
Высоко звѣзда восходила,
Выше лѣса, выше темнаго,
Выше садика зеленаго.
Пролегала тутъ дороженька,
Шириной она не широкая
А длиною, — конца-краю ей нѣтъ!
На дорожкѣ нова улица,
Нова улица московская,
Что московская, посадская,
Какъ построена тутъ тюрьма темная.
Въ ней дубовая дверь, тяжелая,
Запертая замкомъ крѣпкимъ,
Замкомъ крѣпкимъ, нѣмецкимъ.
Во тюрьмѣ сидитъ невольничекъ,
Невольничекъ доброй молодецъ,
Молодецъ, донской казакъ
Чернышевъ, Захаръ Григорьевичъ.
Въ желѣзахъ ноги скованы,
Въ кандалахъ руки заклепаны,
Сидитъ молодецъ задумавшись,
Задумавшись, пригорюнившись.
О своей тужитъ сторонушкѣ,
О своей сторонѣ, — младой женѣ.

Калину съ малиной,
Вода попяла;
На ту нору матушка,
Меня родила.
Не собравшись съ разумомъ,
За мужъ отдала;
На чужую сторонушку,

За неровнюшку,
Во лиху семью.
Чужая сторонушка,
Безъ вѣтру сушитъ;
Чужой отецъ съ матерью,
Безъ дѣла бранитъ.
Посылаютъ меня молоду,
Въ полночъ по воду;
Зябнутъ, зябнутъ ноженьки
У ключа стоя,
Прищипало рученьки,
Къ коромыслицу.
Текутъ, текутъ слезоньки,
По бѣлу лицу;
Утираю слезоньки,
Бѣлымъ платкомъ;
Утираю горькія,
Тонкимъ рукавомъ.
Не буду я къ матшукѣ,
Ровно три года,
На четвертой, горькая!
Пташечкой полечу.
Сяду я у матушки,
Въ зеленомъ саду,
На любую яблоньку
На матушкину.
Закукую въ садикѣ,
Горькою кукушечкой;
Горючими слезами,
Потоплю весь садикъ я;
Радыньецемъ матушку,
Разбужу ото сна.
Ото сна моя матушка
Пробуждалася,
По сѣнничкамъ матушка
Похаживала,
Невѣстушку ласточку,

Побужпвала:
Ты встань-ка невѣстушка,
Ото сна пробудись
Посмотри-ка, голубушка,
Что у насъ во садикѣ,
За пташка постъ,
Мнѣ назолушку дастъ?
Не моя ли горемычная,
Прилетѣла съ чужой стороны?
Съ чужой сторони,
Изъ лихой семьи. —

По несчастію случилося,
Я въ измѣнника влюбилася.
Мнѣ понравился мой милый другъ,
Милѣй свѣта, милѣй бѣлаго,
Милѣй отца, милѣй матери,
И дороже всего племени.
Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣту въ глазахъ стыда,
У кого нѣту въ глазахъ стыда,
У кого нѣту заботушки,
Заботушки красной дѣвушки.
У меня ли, молодешеньки,
Есть не малая заботушка.
Я сама дружка повысушу,
Я повысушу, повыкрушу.
Не доставайся, мой милый другъ,
Моимъ сестрамъ разлучницамъ.
Доставайся мой милый другъ,
Одной матерѣ, — сырой землѣ. —

Разцвѣтай-ка, разцвѣтай-ка,
Въ саду розовой цвѣтокъ;
Побывай-ка, побывай-ка,
Ко мнѣ милой на часокъ.
Посидимъ-ка дружокъ милый,
Мы послѣдній съ тобой вечерокъ;
Поговоримъ-ка, поговоримъ-ка,
Мы про прежнюю любовь.
Прп тебѣ ли, моя радость,
Мучусь злой тоской?
Я пойду ли, я пойду ли,
Во зелененькій садокъ;
Я сорву ли, я сорву ли,
Съ розы розовой цвѣтокъ.
Я совью ли, я совью ли,
Дружку милому вѣнокъ.
Я пойду ли, я пойду ли,
На Дунай быстру рѣку,
Ужъ я кину ли, я брошу,
Свой вѣночекъ на воду.
Мой вѣночекъ не тонетъ,
Не тонетъ и не плыветъ.
Такъ мой миленькой дружечекъ,
Онъ не думаетъ, нейдетъ. —

Подъ яблонькой садовой,
Подъ кудрявой зеленой;
Сидѣлъ молодецъ такой,
Не женатой, холостой.
Держитъ гусли подъ полой,
Звончатые подъ правой.
Вы играйте гусли, мои мысли,
Я вамъ пѣсеньку спою,
Про женитьбу про свою.
Какъ женила молодца,

Чужа дальная сторона,
Чужа дальная сторонка,
Макарьевская ярмонка.
Какъ на Волгѣ на рѣкѣ
У Макарья на ярмонкѣ,
Близь гостинаго двора
У Сафронова купца,
Солучилася бѣда, —
Не маленькая.
Вотъ не сто рублей пропало,
И не тысяча;
Какъ пропала у него,
Дочка милая его.
Какъ искали ту пропажу:
По баракамъ, по ярамъ,
По трактирамъ, кабакамъ,
По макарьевскимъ пескамъ.
Вотъ нашли ту пропажу,
У Машкова на дворѣ,
Во высокомъ чердакѣ.
Ее буйная головка,
Разпроломаная;
Ее русая коса,
Вся растрепанная.
Черепахова гребеночка,
Расколонная.
Ее цвѣтное платьице,
Изорванное.
Сантантюровой салопчикъ,
На гвоздикѣ виситъ;
Золотая цѣпочка,
На столикѣ лежитъ.
Вотъ не самъ ли воръ разбойникъ,
Подъ окошечкомъ сидитъ,
Табаку трубку куритъ?
Не за мной ли идутъ—ѣдутъ?
Не меня ли въ гости звать?

Какъ и звали молодца,
Позывали удальца,
Со высокаго крыльца;
Какъ схватили молодца,
За бѣлы руки его:
Его ноженьки сковали,
Бѣлы рученьки связали,
И во саночки сажали.
Повезли же молодца,
Во Саратовъ городокъ,
Во желтой каменной домокъ.
Все мальчишичка сидитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
Вотъ никто ко мнѣ нейдетъ,
И ни братъ, ни сестра,
Ни товарищи мои! —

Что ты Маша пѓуныла,
Воздохнула тяжело!
Что воздохнула, вспомянула,
Любезнаго своего.
Я жила съ тобой полгода,
А съ батюшкой двадцать лѣтъ;
Не видала такого мученья,
Какъ съ тобою, милой мой.
Взвейся, сизенькой голубчикъ,
Взвейся, выше полетай.
Ужъ ты сядь-ка,
Сизенькой голубчикъ,
На мое право плечо.
Погляди-ка, сизенькой голубчикъ,
На мое бѣлое лице:
Мое личико румяно,
Завсегда оно горитъ;
Мой-то миленькой ревнивой,

Завсегда меня бранитъ.
Не брани-ка ты меня,
Ты не лучше другъ меня.
Ты не лучше и не краше,
И личикомъ не бѣлѣй,
И бровами не черпѣй.

Веселитеся дѣвченочки!
Къ намъ весна скоро прійдетъ,
Весна красна, лѣто тепло.
Взойдетъ солнце надъ горой,
Сгопитъ спѣги и морозы,
И травонька отрастетъ,
И всѣ ракитовы кусты.
Какъ промежъ ли двухъ кустовъ,
Волга рѣченька прошла;
Какъ надъ этой быстрой рѣченькой,
Кустъ малинушки ростетъ;
Какъ на этой на малинѣ,
Соловей громко поетъ.
Ты не пой-ка соловей,
Поутру рано весной,
Возьми горечко съ собой,
Да не слыхалъ бы я про него!
На водѣ горе не тонетъ,
И огнемъ горе не жжетъ, —
Молодца горе беретъ, —
Дѣвка въ гости не зоветъ!
Я бы рада позывала,
Дома маменька родна,
Во постелюшку слегла.

Какъ на горкѣ, на горѣ,
Стоитъ повенькой теремъ.
Тутъ жила, была вдова,
Двоихъ сыновъ родила,
Китайчкой повила,
На тихой Донъ отнесла.
Ужъ ты, тихенькой Донъ,
Ужъ ты, желтенькой песокъ,
Воспой, воскорми дѣтокъ,
До пятднадцати лѣтокъ. —
Черезъ двадцать пять годовъ,
Пошла вдова по воду.
Плыветъ корабль по морю:
Одинъ сидитъ на носу,
А другой-то на кормѣ.
Вотъ который на носу,
За того дочку отдамъ;
А который на кормѣ,
За того сама замужъ пойду.
Какъ у насъ-то на Дону
Не водится потому:
Мать за сына пойдетъ,
А братъ сестру не беретъ.

Ходитъ молодецъ по Астрахани,
Погуливаетъ;
Въ синемъ бархатномъ халатѣ
На распашечку похаживаетъ.
Во лѣвой-то рукѣ, молодецъ,
Кушакъ шелковой несетъ;
Во правой-то рукѣ, у молодца,
Трость серебреная.
Въ тросточкѣ ленточка, —
Разноцвѣтная.

Ходитъ молодецъ по городу,
Не кланяется ни съ кѣмъ:
Ни съ господами, ни съ казаками, —
И челомъ не бьетъ.
Къ прежнему бывшему спералу,
И подъ судъ нейдетъ!
Увидалъ же губернаторъ
Изъ косящетаго окна:
Вы подите, слуги, приведите
Удалаго молодца;
Вы не бейте его, не журите,
Его такъ скоро ведите.
Вотъ пошли же слуги, привели,
Удалаго молодца.
Поставили молодчика,
Предъ губернаторскимъ лицемъ.
Вотъ и сталъ же губернаторъ
Крѣпко выспрашивати:
Ты скажи, скажи, молодчикъ!
Чіего ты рода—племя,
Или царскаго колѣна?
Иль купеческой сынокъ?
Иль съ Оки рѣки молодчикъ?
Иль съ тихаго Дона казакъ?
Я ни царской и ни боярскій,
Ни купеческой, сударь, сынокъ;
Ни съ Оки рѣки молодчикъ,
Ни съ тиха Дона казакъ.
Не изволите-ли знать Стеньку Разина?—
Я его сударь сынокъ,
А меня зовутъ Семенушкою.
Вы подите слуги, отведите
Его во каменну тюрьму.
Вотъ пошли же слуги, повели,
Удалаго молодца;
Посадили молодца,
Во бѣлу каменну тюрьму.

Какъ возговоритъ молодчикъ,
Удалымъ молодцамъ:
Вашу каменну я тюрьму,
По камешку разберу. —
Если батюшка услышитъ,
Во полонъ городъ возьметъ;
Много бѣдъ онъ учинитъ,
И въ разоръ васъ разоритъ.

Вечоръ поздно изъ лѣсочку,
Я коровъ домой гнала;
Впизъ спустясь къ ручеечку,
Близь зеленаго лужка,
Вижу, — баринъ ѣдетъ съ поля,
Двѣ собачки впереди,
Двѣ собачки впереди,
Да два лакея позади. —
Лишь поровнялся со мною,
Бросилъ взоръ на меня.
Здравствуй, милая красотка!
Изъ котораго села? —
Вашей милости крестьянка,
Отвѣчала ему я. —
Не тебя ли, моя радость,
Егоръ за сына просилъ? —
Его сынъ тебя не стоитъ,
Не къ тому ты рождена;
Хоть родилась ты крестьянкой,
Можешь быть и госпожей.
Ты завтра же узнаешь,
Какова судьба твоя.
Хоть сего дня ты крестьянка,
Завтра жъ будешь госпожа;
И во всемъ этомъ нарядѣ,
Будешь вдвое хороша.

Благодарю, доброй баринъ,
За таки твои слова;
Хоть дворянкой быть и лестно,
А Петруши очень жаль. (*)

Прошло лѣто, прошла осень,
Прошла красная весна;
Наступаетъ злое время, —
Мать холодная зима.
Всѣ рѣченьки заплѣнила,
Ручеечки не текутъ.
Въ полѣ травонька завяла,

(*) Эта пѣснь такъ напечатана:

Вечеръ поздно изъ лѣсочка,
Я коровъ домой гнала;
Лишъ спустилась къ ручеечку,
Оглянулась назадъ:

Вижу баринъ ѣдетъ,
Двѣ собачки передъ нимъ;
Лишь со мною поровнялся,
Бросилъ взоры на меня.

Ты откудова красотка,
Чьей деревни и села?
Вашей милости крестьянка,
Отвѣчала я ему.

Не тебя ли, моя радость,
Дмитрій за сына просилъ?
Его сынъ тебя не стоитъ,
И не съ тѣмъ ты рождена.

Завтра милая узнаешъ,
Какова судьба твоя.
Ты родилася крестьянкой,
Завтра будешъ госпожой.

Нов. всеобщ. и полн. пѣсен. ч. I. № 282, изд. Спб. 1819. г.

И цвѣточки не цвѣтутъ.
Въ саду листики спали,
Мѣлки пташки не поютъ,
Намъ разлуку подаютъ.
Чуютъ съ миленькимъ разлуку,
Разлучить съ дружкомъ хотятъ.
Ты разлука, злая мука!
Не дала съ дружкомъ пожить.
Ты заставила, разлука,
Вѣкъ во дѣвушкахъ сидѣть.
Какъ бы знала про несчастье,
Могла бы грусть истребить,
И милаго не любить.
Вспомни, вспомни, мой размилой!
Какъ ты въ первый разъ пришелъ.
Ты клялся, подлецъ, божился,
Одною меня любить.

Лишь солнце закатилось,
И садилось за горой;
Все поле закропило,
Вечерней росой.
Подъ деревцомъ вѣтвистымъ
Близь хижиньки одной,
Задумчиво сидѣла
Салдатская жена.
Всечасно милаго ожидала,
Изъ дальной стороны.
Не пыль въ полѣ пылила,
Два храбрые гвардейца
Лишь саблями гремятъ!
Крестами и орденами,
Всѣ груди убраны.
Подъѣзжаютъ къ хижинѣ, —
Проснись почевать:
Пусти насъ, салдатка старая!

Она же отвѣчала:
Я рада бы васъ пустила,
Мнѣ нечемъ покормить;
Я печку не топила,
И каши не варила. —
Одинъ въ лѣтахъ возрѣлыхъ;
Другой какъ бѣлой лунь.
Не признаешь ли салдатка,
Изъ насъ кого нибудь?
Мнѣ некого признати:
У меня мужъ на службѣ,
И сынъ въ полку. —
Не стерпѣлъ сынъ,
При материнхъ слезахъ.
И припалъ къ колѣнамъ ея! —

На горѣ то дождичекъ,
Въ долинахъ туманъ;
На меня на дѣвочку,
Напала тоска и печаль.
Уѣхалъ мой миленькой,
Изъ дому на часъ.
На часъ часочекъ,
На единой денечекъ.
А я за нимъ дѣвочка,
Слѣдикомъ бѣгу,
Слѣдикомъ бѣгу,
Голосомъ кричу:
Воротися душенька!
Воротись назадъ!
Если не воротися,
Воспокаешься. —
Сострогаю я дѣвочка,
Новъ, высокъ теремъ,
Съ высокимъ крыльцомъ,
Съ краснымъ окномъ.

Сяду я на лавочку,
За крашеной столъ.
Погляжу въ окошечко,
Вдоль по улицѣ. —
Молоды казаченьки,
Съ походу идутъ;
Мосго любезнаго,
Въ повозкѣ везутъ.
Его ворона коня,
Въ поводахъ ведутъ;
Золото сѣделечко,
Во рукахъ несутъ.

Какъ по питерской было дорожкѣ,
Тутъ ѣхали двое сенаторы,
Сенаторы, большое начальство.
Какъ подъ ними кони вороные,
Кучера-то у нихъ молодые,
Колясочки у нихъ золотыя.
Какъ подъ ними кони притомились,
Середи пути становились,
Середи пути въ лугахъ, при долинѣ.
При долинушкѣ тутъ ива стояла,
По названію матушка Елена.
Со кореньица она свилевата,
Со вершинушки она кудревата.
На вершинушкѣ сидѣла кукушка
Жалобнехонько она кукукала,
Жалобнѣй того она причитала:
Подо мной лежитъ убитый молодчикъ,
Не убитъ онъ, не зарѣзаный, —
Копьемъ острымъ,
Молодецъ приколаный.
Какъ возговоритъ удалый молодчикъ:
Сбереги меня, матушка Елена,

Чтобы отъ солнышка тѣло не горѣло,
Чтобы дождичкомъ тѣло не мочило.
Не сбережешъ меня, сожгу тебя огнями;
Сбережешъ меня, украшу тебя цвѣтами.

Вспомни, вспомни, миленькой,
Прежнюю любовь!
Какъ мы съ тобой, миленькой,
Поживали,
Забавныя рѣчи говаривали:
Тебѣ мой другъ не жениться,
А мнѣ замужъ не итти.
Женись, женись, миленькой,
А я замужъ пойду.
Перемѣнилъ священну клятву,
Перемѣнилъ ты навсегда.
Ты поѣдешъ, мой другъ, въ церковь,
И я мой другъ за тобой.
Какъ надѣнутъ на насъ вѣнцы,
Въ одно времячко съ тобой.

Чернобровой, черноглазой,
Мальчишка удалой!
Вложилъ мысли въ мое сердце,
Не могу забыть!
Съ письмомъ пошлю лакея,
Велю воротиться.
Воротиться не годиться;
Авось умилится.
Шелъ мальчишечка лужечкомъ,
Не нашелъ слѣдочку;

Злы собаки набѣжали,
А онъ отшатнулся.
Услыхала его разлюбезная,
Лежа на кровати;
Нестерпя своимъ сердечкомъ,
Вышла на крылечко.
Она вышла на крылечко,
И промолвила словечко:
Ахъ ты милой мой!
И прижала его къ своей груди —

Несчастной я мальчишечка, —
Какое горе терплю!
Терплю, терплю горечко,
Самъ не знаю для кого
Знаю, понимаю,
Кого я вѣрно люблю.
Любовь меня разлучаетъ
Съ милымъ дружкомъ далеко,
Далеко, далеченько.
Между горъ высоко, —
Между горъ высокихъ,
Тамъ дѣвчоночка живетъ.
Со той со сторонушки,
Пріятенъ воздухъ несетъ.
Не сходить ли мнѣ къ дѣвчоночкѣ?
Не навѣдать ли мнѣ се?
Дѣвочка, дѣвчоночка!
Скажи: любишъ ли ты меня?
Если любишъ, ты скажи;
А не любишъ, откажи.
Если любишъ ты меня,
Возьму замужъ за себя;
Если ты не любишъ меня,
Убью мальчикъ самъ себя.
Убьюсь мальчикъ, застрѣлюсь,

И покроюся навѣкъ темнотой.
Пускай люди говорятъ,
Что я мальчикъ вѣренъ былъ, —
Одною въ свѣтѣ любилъ.

XVII. СВАДЬБА ВЪ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Главныя лица въ засватаніи.

Парень, согласившійся съ выборомъ своего отца, избираетъ для своего засватанія: *отца посаженнаго, свата, дружка и подженишника.* Отцемъ посаженнымъ бываетъ всегда крестный отецъ; сватомъ, старшій въ семействѣ или деревнѣ; дружкомъ, расторопнѣйшій изъ молодыхъ людей, а подженишникомъ кто либо изъ друзей. Но еще есть довольно замѣчательное, или лучше сказать важное лице, — это *запѣвало*, который поетъ молодымъ, сидя на столбѣ (*). Современи засватанія женихъ называется молодымъ княземъ, невѣста молодой княгинею. Дружка носитъ полотенце черезъ правое плечо, а подженишникъ черезъ правую руку одну красную ленту.

Запѣвальный обрядъ.

При отправленіи жениха въ домъ невѣсты, является въ избу запѣвало; всѣ умолкаютъ. Женихъ, бывшій доселѣ въ числѣ шумныхъ гостей, садится тогда скромно за столъ на кутѣ; по правую руку жениха садится под-

(*) Столбомъ называется прилагающее къ печи дерево, которое поддерживаетъ брусъ полатей и полицу.

женишникъ, а по лѣвую руку сватьи: сватъ, отецъ посаженный и всѣ поѣзжаные. Запѣвало, кладетъ предъ иконами земной поклонъ, произнося : Николай пророкъ, Илья мученикъ и Пилипъ золотозубый, и всѣ святые святители, молодаго князя блюстители, благословите на столбъ сѣсть, пѣсню спѣть, молодаго князя свѣнчать (*). Потомъ обращается по очереди къ родному отцу жениха и посаженному, свату, дружкѣ и всему поѣзду (**) и говоритъ : отецъ родитель ! отецъ благословитель! Сватокъ, соколокъ! швыдка (***) леталъ, ты молодому князю княгиню сыскалъ. Дружекъ молодчикъ, люди добрые, гостики заѣзжіе ! — и послѣ каждаго вызова повторяетъ : благоволите на столбъ сѣсть, благоволите раду спѣть. (****) Ему отвѣчаютъ: Богъ благословитъ и мы благословляемъ. — А Пречистая давно благословила, прибавляетъ отъ себя запѣвало, какъ народила, такъ и благословила, и долю показала. — Обращаясь къ посѣтителямъ, не участвующимъ въ поѣздѣ, запѣвало говоритъ: мужички—колосовички, молодицы-бѣлоголовицы и дѣвушки-краснoперушки, благословите на столбъ сѣсть, благословите раду спѣть. Ему отвѣчаютъ прежнимъ благословеніемъ.—Опъ кланяется святымъ иконамъ, но уже безъ всякаго причитанія ; садится на столбъ и поетъ :

Около двора, около Агафоныча,
Пролегало тамъ три ступеньки,
Что ли торныя дороженьки, —

(*) Это причитаніе употребляютъ запѣвалы Доробужскаго уѣзда.

(**) Поѣздъ, — всѣ лица званныя на свадьбу.

(***) Быстро.

(****) Такъ называется пѣснь, которую онъ запоетъ.

Какъ по первой ли по стежечкѣ,
По той ли торной дороженькѣ,
Тамъ шелъ самъ Іисусъ Христосъ,
Со всѣми со Апостолами.
По второй ли по стежечкѣ,
По той ли торной дороженькѣ
Тамъ шла Мать Пречистая. —
Какъ по третьей ли по стежечкѣ,
По той ли торной дороженькѣ,
Тамъ шелъ самъ Козьма Демьянъ, —
На свадьбу на Агафопыча.
Ты святой ли ты Козьма Демьянъ,
Да Козьма ли ты Демьяновичъ!
Да ты скуй ли-ка намъ свадебку,
Вѣковѣчную, не разрывную.

Благословеніе.

По окончаніи пѣсни, подаютъ запѣвалѣ бутылку вина и пирогъ, и въ это время обводятъ жениха съ его поѣздомъ, три раза вокругъ стола; послѣ усаживаютъ его въ прежнемъ порядкѣ. — Запѣвало, не сходя съ своего мѣста, посылаетъ каждому гостю по порядку, начиная съ жениха, рюмку вина и кусокъ пирога. (*) Выпивши и съѣвши свою долю, всѣ встаютъ.—Отцы: родной и посаженный, и мать, наставляютъ и благословляютъ жениха; онъ кланяется имъ въ ноги, сватьи поютъ:

Ни вороной конь копытомъ землю ростъ,
Нашъ молодой князь благословенья проситъ.
У батюшки родителя, у батюшки благословителя,
У матушки родительки, у матушки благословительницы (**).

(*) Запѣвало не разрѣзываетъ а разламливаетъ пирогъ. —

(**) Это повторяется для каждаго изъ свадебныхъ — чиновъ, съ прибавленіемъ ихъ званія.

Послѣ благословенія укладываютъ въ ящикъ гостинцы, состоящіе изъ пряниковъ, орѣховъ, вина, мыла (*), матеріи и прочихъ вещей, а женихъ отправляется съ поѣздомъ въ домъ невѣсты, гдѣ также пируютъ. Поѣздъ останавливается на дворѣ. Дружко идетъ къ окну и проситъ позволенія войти обогрѣться.—Негдѣ, отвѣчаютъ ему, у насъ пирушка. — Дружко возвращается къ своимъ, и чрезъ нѣсколько минутъ идетъ снова подъ окно ; тотъ же отказъ. Вовсе это время, съ той и другой стороны, поютъ сватьи укоротельныя пѣсни. Дружко подходитъ въ третій разъ, но уже не къ окну, а къ дверямъ. Здѣсь истощаетъ онъ весь запасъ своего краснорѣчія, убѣждая неприклонныхъ хозяевъ впустить его обогрѣться въ избѣ, и наконецъ онъ достигаетъ своей цѣли: къ нему выходитъ невѣста, сопровождаемая сватомъ и поѣздомъ; на встрѣчь имъ подвигается поѣздъ жениха, предводимый такъ же сватомъ, и въ сѣняхъ сводятъ жениха съ невѣстою, и это дѣлается такъ: сватъ жениха подвигаясь съ нимъ впередъ на одинъ шагъ, говоритъ свату невѣсты : я къ тебѣ разъ.—Сватъ невѣсты, дѣлая съ невѣстою тоже, отвѣчаетъ: и я къ тебѣ разъ.—Это производится до трехъ разъ; за третьимъ сходятся сваты, дѣлаютъ *сливки* (**), которыя пьютъ сами и подчуютъ поѣзжаныхъ; недопитое ими выливаютъ черезъ свою голову ; потомъ складыва-

(*) Мыло означетъ благодарность за материнскую заботливость объ ея дочерѣ.

(**) Сватамъ подаютъ чашку ; сватъ жениха беретъ ее за край правой рукою, а сватъ невѣсты лѣвой; въ другую руку берутъ по одной рюмки; дружко наливаетъ имъ вино, а они сливаютъ его поочередно въ чашку, пока не наполнятъ ее: это слитое въ чашку называется сливками, коими подчуютъ себя и поѣзжаныхъ, а остатокъ выливаютъ.

ютъ руку жениха съ рукою невѣсты, вводятъ ихъ въ избу, гдѣ уже накрытъ столъ, около котораго обводятъ ихъ три раза и потомъ сажаютъ на кутѣ. Поѣзжаные обѣихъ сторонъ мѣстятся возлѣ нихъ, въ томъ порядкѣ, какой былъ у жениха. При усаживаніи за столъ молодыхъ и поѣзжаныхъ, запѣвало поетъ на столбѣ:

Божія родинька,
Прилетала;
Какъ мое дитятко,
За столъ сѣло;
Какъ мое серденько,
Радовалось.
Когда мое чаданько,
Нараждалось.

Потомъ поютъ сватьи:

Какъ пошелъ виноградъ
По за столійку,
Стелючи скатерти,
Да бѣлевыя. —
Ронючи слезеньки,
Да горючія.

За этимъ дружко проситъ благословенія разрѣзать хлѣбъ, пирогъ и говядину. Получивъ согласіе, онъ тотъ часъ выполняетъ. Потомъ онъ проситъ благословенія подносить водку, но прежде, чѣмъ успѣютъ дать согласіе, онъ кричитъ: пить хочу! Поѣзжаные невѣсты подаютъ ему по очередно: кто воду, кто квасъ, кто горѣлку. Дружко, прикушивая у каждаго, говоритъ сморщившись: горько, прокисло, протухло,—и виливаетъ черезъ голову. Доходитъ очередь до невѣсты: ей подаютъ ковшъ пива, смѣшаннаго съ золою, ино-

гда съ табакомъ. Она передаетъ ковшъ дружкѣ, тотъ пьетъ и похваливаетъ: вотъ пиво, такъ пиво! вотъ сласть, такъ сласть! тотъ часъ видно, что варила молодая княгиня. — У него текутъ слезы изъ глазъ, а надобно прихлебывать и похваливать, — и долженъ опорожнить до дна. Онъ, едва успѣетъ выпить,—уже не дожидаетъ благословенія, боясь, чтобы не поднесли ему другой ковшъ,—хватаетъ рюмку, наливаетъ вина и подаетъ пить сначала молодымъ, а потомъ всему поѣзду; послѣ этаго начинаютъ ужинать. Молодые ничего не ѣдятъ за столомъ: они ужинаютъ одни. Потомъ весь поѣздъ переходитъ въ другое жилье, въ коемъ играютъ музыканты, и гдѣ каждый веселится по своему, не выходя изъ повиновенія дружки, который, со временми ужина, дѣлается главнымъ распорядителемъ въ домѣ. — Такимъ образомъ веселятся до поздней ночи. —

Обдариванье.

За тѣмъ поддѣвки, подруги невѣсты, называемыя еще подневѣстницами, накрываютъ снова столъ, ставятъ на него коровай (*) и отправляются за невѣстою: онѣ ведутъ ее подъ руки и сажаютъ на кутѣ; сами же помѣщаются по обѣимъ ея сторонамъ и поютъ:

Ты куда голубонька,
Куда сизокрылая?
За чѣмъ отлетаешь?
На кого подружекъ,
Твоихъ сиротишекъ,
Кому покидаешь?

(*) Короваемъ называется хлѣбъ, утыканный вѣтьями, которыя перевиваются раскатаннымъ тѣстомъ и рѣшетчатыми украшеніями, тоже изъ тѣста; все это бываетъ покрыто золоченой мишурой.

Или :

Заѣли Танюшку, заѣли,
Да куда же наши глазоньки,
Глядѣли?

Послѣ этого начинаютъ дарить невѣсту. Дружко беретъ тарелку, ставитъ на нее рюмку вина и вызываетъ: сперва отца и мать невѣсты, потомъ по имени всѣхъ подневѣстицъ и родныхъ, прося ихъ выпить чару, а молодую княгиню подарить.—Женщины дарятъ большею частію холстомъ, мущины деньгами ; наконецъ дружко подноситъ вино жениху, проситъ его выпить чарочку, а будущую господыню подарить. Онъ прикушиваетъ и даритъ невѣстѣ платокъ, а она отдариваетъ его кушакомъ. Женихъ и поѣздъ стоятъ при отдариваніи по среди комнаты. Отдаривъ невѣсту, дружко отъ имени жениха, сватовъ и своего, даритъ невѣстину мать кускомъ мыла, подневѣстницъ пряниками и орѣхами, а сватьи невѣсты поютъ укоризненную пѣснь, но тогда лишъ, когда подарки не понравятся подневѣстницамъ :

Говорили, что сваты
Богаты,
Чорта жъ въ нихъ!
По сметьицу ходили,
Набросачки (*) сбирали,
Тѣмъ дѣвушекъ дарили. —
Чорта жъ въ нихъ!

Подневѣстницы, получивъ подарки, выходятъ изъ застола ; ихъ мѣсто занимаетъ женихъ и его поѣздъ;

(*) Негодныя къ употребленію вещи.

сватьи же, со стороны жениха, поютъ въ отмщеніе сватьямъ невѣсты :

Потянулись дѣвочки,
Изъ за столья!
Словно сучечки
Изъ подполья.
Потянулись дѣвочки,
Потянулись!

На канунѣ свадьбы собираются дѣвушки къ своей подруженькѣ-невѣстѣ. Онѣ проводятъ съ нею время въ пѣніи, и утѣшаютъ ее. Вечеромъ собираютси сюда гости, въ числѣ конхъ находятся сватьи и дружки съ обѣихъ сторонъ.—Для всѣхъ ихъ приготовляется прощальный ужинъ; до прибытія ихъ поютъ подруги : Дѣвишники.

Ахъ! жарко въ теремѣ свѣчи горятъ,
Горятъ свѣчи воску яраго. 2.
Ахъ! жалко плачетъ Надеждушка,
Унимаетъ ее родной батюшка,
Уговариваетъ родна матушка. 2.
Ты не плачь, не плачь, мое дитятко!
Ужъ я тебя не въ полонъ даю,
Не въ полонъ даю, не полонить хочу, 2.
А вѣдь я тебя, да дружку даю,
Дружку умному, да разумному,
Да и бѣлому и румяному. 2.
Вѣдь я тебя не одну пущу,
Не одну пущу, — поѣзжанъ пошлю,
Поѣзжанъ пошлю, сваху снаряжу. 2.
Государыня моя матушка!
Я сама знаю, про то вѣдаю. 2.
По гостямъ гости всѣ разъѣдутся,
По домамъ сватьи всѣ разойдутся. 2.
Вѣдь только я младешенька лишь останусь,

На чужой дальней сторонушкѣ. 2.
У чужого ли отца, у матери, :
У чужого ли роду племени. 2.

Черезъ рѣчку черемха лежала, да лежала,
Никто по черемхѣ не ходитъ, да не ходитъ;
Одинъ Иванъ переходитъ, переходитъ,
Свѣтъ Мельяновичъ переходитъ, переходитъ,
Душу Машеньку переводитъ, переводитъ,
Радость Сергѣевну переводитъ, переводитъ.
Перевевши ее поцѣлуетъ, поцѣлуетъ,
Черезъ низаное ожерелье, ожерелье,
Черезъ пуговки золотыя, золотыя.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за горъ ли, горъ высокихъ,
Летитъ стадо лебединое,
А другое-то гусиное. —
Отставала лебедушка,
Что отъ стада лебединаго;
Приставала лебедушка,
Какъ къ стаду ко сѣрымъ гусямъ. —
Учали ее гуси щипати,
А лебедушка кликати:
Не щипите вы гуси сѣрыя!
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня непогодою,
Что великою невзгодою. —
Отставала ли Машенька,
Отставала ли Сергѣевна
Что отъ красныхъ отъ дѣвушекъ. —
Приставала ли Машенька,
Приставала ли Сергѣевна,

Къ молодымъ ко молодушкамъ. —
Учали ее люди журити,
А Машенька плакати:
Не журите люди добрые,
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Не своєю я охотою:
Завезли меня добры кони,
Что добры кони Ивановы,
Какъ Ивановы та Мельяновича,

Послѣ ужина поютъ разгульныя сватьи, прихлопывая въ ладони.

Какъ у нашего свата
Да середъ избы яма,
Да середъ избы яма!
Напилася пьяна,
Напилася сватья пьяна!
Какъ у нашего свата,
Какъ у нашего свата,
Да середъ избы лужа. —
Напилася сватья дужа. 2.

Сватьи бранятъ дружку за то, что имъ не даютъ водки. —

Говорили, что дружко нашъ хорошъ,
Говорили,
Говорили! —
Говорили, что дружко нашъ хорошъ,
Чорта-жъ въ немъ!
Чорта-жъ въ немъ!
Чорта въ немъ! овсяное видинье, ячный посъ.
Чорта-жъ въ немъ!
Чорта-жъ въ немъ!
Овсяное видинье, ячный посъ. —

Этой пѣснію онѣ преслѣдуютъ дружка, и до того надоѣдаютъ ему, что онъ, желая избавиться отъ нихъ, подноситъ по чаркѣ водки. Но сватьи, съ прежней безотвязностію, начинаютъ новую пѣснь:

Бѣленькій, румяненькій нашъ дружко,
Бѣленькій, румяненькій,
Бѣленькій!
Бѣленькій!—Его очиньки соколиныя, —
Бѣленькій!
Бѣленькій, румяненькій нашъ дружко!
Бѣленькій!—Его бровоньки соболиныя, —
Бѣленькій!
Бѣленькій, румяненькій нашъ дружко!

Нѣкоторыя изъ сватьей обнимаютъ дружка и силятся поцѣловать его. Онъ, чтобы отвязяться отъ нихъ, снова подноситъ имъ водки. Разгулявшіяся сватьи подносятъ чарочку ко рту, съ радостнымъ припѣвомъ:

А ты чарочка катокъ,
Въ одинъ тоненькій глотокъ,
Лейся прямо въ ротокъ!
Чарочкая моя, серебряная!

Ихъ примѣру слѣдуютъ гости. — Веселіе продолжается дотолѣ, пока невѣста не скроется съ своими подругами. Дружко провозглашаетъ тогда: завтра, почтенные господа! просимъ на свадьбу.

Благословеніе. При отправленіи молодыхъ къ вѣнцу, благословляютъ ихъ.—Оба молодые кланяются по три раза въ ноги, родителямъ своимъ и посаженнымъ, и близкимъ роднымъ, которые держатъ по очередно хлѣбъ и святыя иконы. Молодые прикладываются къ образамъ и цѣлуютъ. Во время поклоновъ дружко поднимаетъ же-

ниха, старшая подневѣстница невѣсту а сватьи, обѣихъ сторонъ поютъ:

Не вороные конники,
Копытомъ землю роютъ;
Молодые князики
Благословенья просятъ!

И смотря потому, кому кланяются молодые, прибавляютъ.

То у батюшки,
То у матушки,
То у роднешькихъ,
То у кровнешькихъ. —

По совершеніи благословенія дружко приготовляетъ подарки священнику: чернаго пѣтуха, штофъ вина и ржаный хлѣбъ; потомъ весь поѣздъ садится въ сани или телѣги, — смотря по времени года, — и запѣваютъ:

Полетѣлъ соколъ,
Полетѣлъ!
Только крылушкомъ
Засвистѣлъ! —

По возвращеніи молодыхъ изъ подъ вѣнца, ихъ встрѣчаетъ свекровь въ шубѣ, вывернутой шерстью вверхъ, и съ чашею, въ которую насыпанъ овесъ, перемѣшанный съ хмѣлемъ: этимъ она обсыпаетъ новобрачныхъ. Дружко гоняется въ это время за свекровью съ плетью въ рукахъ, приговоривая: за чемъ ты мнѣ засорила молодыхъ?—Послѣ подаютъ новобрачнымъ пива: они пьютъ одну половину, а другую выливаютъ черезъ голову; имъ слѣдуютъ и всѣ гости, стараясь выливать въ ту сторону, гдѣ болѣе народа. — Окончательный обрядъ.

Свекровь вводитъ молодыхъ въ избу, гдѣ, посидѣвъ немпого, выводятъ ихъ съ музыкою и пѣснями, и отводятъ въ клѣть (*), въ коей уже приготовлена постель для новобрачныхъ. Гости, проводивъ молодыхъ до дверей, возвращаются въ избу и садятся *за обѣдъ незваный*, — такъ называется этотъ обѣдъ. — Дружко запираетъ за молодыми дверь, и сѣчетъ плетью по клѣтѣ (**).

Когда встанутъ новобрачные, тогда подаютъ гостямъ *званый обѣдъ;* послѣ обѣда дарятъ новобрачныхъ. Здѣсь дружко, вызывая по имени каждаго, проситъ подарить молодыхъ: *конемъ, ти воломъ, ти чистимъ серебромъ. Кто будетъ дарить, тотъ будетъ сорокъ коровъ доить, а кто не будетъ дарить, тому одну козу да и то передойку* (***). Когда дружко обойдетъ всѣхъ гостей, тогда молодые, сопровождаемые сватьями и музыкантами, отправляются съ своими посѣщеніями къ роднымъ и знакомымъ, и разносятъ всѣмъ имъ коровай. Въ каждомъ домѣ поютъ сватьи пѣсни и пляшутъ, а молодыхъ дарятъ,—этимъ оканчивается первый день свадьбы.

На другой день гонятъ молодую на воду. Съ разсвѣтомъ дня поѣзжаные поднимаютъ новобрачныхъ съ постели, и посылаютъ молодую съ ведрами по воду. Когда она донесетъ воду до половины дороги, тогда поѣзжаные выливаютъ ее, и продолжаютъ выливать до тѣхъ

(*) Клѣть здѣсь тоже самое, что анбаръ, въ который ссыпаютъ хлѣбъ.

(**) Бывало дружко оставался вмѣстѣ съ новобрачными, наблюдая, что ему нужно; бывало молодой отдавалъ сватьямъ сорочку невѣсты, но нынѣ все это вывелось.

(***) Такъ называются коровы и козы, не принесшія приплода.

поръ, пока мужъ не откупитъ свою молодую. Онъ подноситъ каждому по рюмкѣ вина. Молодую уже не трогаютъ болѣе: она приноситъ воду и ставитъ въ избѣ; потомъ она начинаетъ печь *блины званые* (*).—За каждый званый блинъ кладутъ деньги. Въ заключеніи подаютъ дружкѣ блинъ, замѣшанный на овсѣ; половину онъ съѣдаетъ а отъ другой откупается. Молодой не ѣстъ блиновъ; ему теща подаетъ яичницу, которую онъ ѣстъ, изрѣзывая средину кружкомъ или изрѣзываетъ всю ее въ куски (**).

Знакомые, повстрѣчавшись съ повобрачными на улицѣ, привѣтствуютъ ихъ: желаю вамъ жить да богатѣть, да спереди коробатѣть (***). —

(*) Блины этаго дня называются званными.

(**) Изложенные здѣсь обряды, почти одинаковы во всѣхъ уѣздахъ смоленской губерніи, исключая незначительнаго измѣненія въ уѣздахъ: вяземскомъ и юхновскомъ, именно, при обдариваніи невѣсты и благословеніи ея къ вѣнцу.—Когда братъ невѣсты хочетъ отрѣзать ея косу, тогда дружко не допускаетъ и выкупаетъ деньгами. Въ уѣздѣ порѣчскомъ обряды тѣ же, но во всѣхъ словахъ, вмѣсто *ч* произносятъ *ц*, а вмѣсто *ц* говорятъ *ч*.

(***) Эта поговорка употребляется въ уѣздахъ: смоленскомъ, бѣльскомъ, ельнинскомъ и краснѣньскомъ.

XVIII. СВАДЬБА ВЪ БѢЛОРУССІИ.

Сватовство. Когда Самусь или Тимоха на порѣ, и уже съ татулькой (батюшкой) потягиваетъ на арендѣ горѣлку; тогда татулька затѣваетъ *жанить яго*. Онъ, вмѣстѣ съ Самусемъ, забѣгаетъ къ маршулкѣ (свату) съ чаркой водки, и дружится съ нимъ; потомъ онъ посылаетъ маршалка съ своимъ сыномъ къ сосѣду, у котораго онъ *зазирнувъ дявухну* (замѣтилъ дѣвушку). — Тутъ Самусь *заляцаецься* (любезничаетъ) *съ дявухной*, а маршалокъ *зюкаитсь* (попиваетъ) *зъ татулькой и зъ мамунькою* невѣсты, и когда все уладятъ, тогда назначаютъ день заручинъ.

Заручины. Рано съ вечера приходятъ въ домъ невѣсты сваты жениховы, и приносятъ отъ себя водку а отъ жениха кольцо. — Гостей уже полная изба, но невѣсты еще нѣтъ. — Заслышавъ, что идутъ сваты, она вмѣстѣ съ подружками выходитъ въ сѣни; тамъ надѣваютъ на нее шубу, и потомъ подруги, побравшись за руки плотно, ставятъ на одномъ концѣ младшую изъ подругъ, а на другомъ невѣсту; входятъ всѣ въ избу и останавливаются передъ сватами.

Сватьи невѣстины указываютъ на младшую подругу и говорятъ: *вось ваша нявѣста! — Иѣста ни нявѣста*, отвѣчаютъ жениховы сваты, и смѣются гром-

ко. — Сватьи показываютъ на другую: *такъ вось она!—И ета ни она*, отвѣчаютъ сваты. Такимъ образомъ перебираютъ всѣхъ дѣвушекъ, и когда укажутъ на невѣсту, тогда маршалокъ спрашиваетъ круженку (тарелку), ставитъ на нее чарку, въ которую бросаетъ женихово *кильце*, и наливши водки, подаетъ невѣстѣ, чтобы она выпила водку и взяла кольцо. Послѣ этаго родные благословляютъ невѣсту и сажаютъ ее за столъ; тутъ начинается пирушка. Мужики и бабы пьютъ; поддѣвки (подружки) прихлебываютъ и поютъ:

За горою Хвеклунька вянки вьетсь,
За ею матухна пасловъ шлетсь;
Хадзи Хвеклунька меду питсь.
А ни пайду матухна меду питсь:
Медъ мнѣ питсь, сухота,
А вяночки витсь, красота.
За горою Хвеклунька вянки вьетсь,
За ею Самуська пасловъ шлетсь:
Хадзи Хвеклунька вады питсь.
Пайду къ тебѣ, Самуська, вады питсь,
Съ табою мнѣ ваду питсь, красота,
Блязъ тябѣ вянки витсь, сухота. —

Ни правдзивая калина,
Гаварила цвястци ня буду;
Якъ пришла висна, разцвила,
Бѣленькія квѣтики пустила,
Зялены яверь злюбила.
Ни правдзивая Хвеклунька,
Гаварывала замужъ ни пайду,
Маладога Самуську ни люблю.
Какъ прійшла осень, такъ пашла,

Маладога Самуську злюбла,
Въ яго сядочнкъ ступила.

Ни хадзи Хвеклупька са вячеръ на дворъ,
Ни хадзи!
Не слухай Хвеклупька звонкихъ гусель,
Ня слухай!
Тыи тлбъ гусельки спадманиваютсь,
Ни хадзи! —
Атъ матухни отманиваютсь,
Ня слухай!
Къ маладому Самуськи приманиваютсь,
Ни хадзи!
Ты хадзи Хвеклупька на мою сторону,
Ты хадзи!
На масй старанъ ни по вашему,
Ты хадзи!
На валахъ да у чанахъ ваду возютсь,
Ты хадзи!
Кухари да у катлахъ обѣдъ варютсь,
Ты хадзи!
Пирійшла Хвеклупька на яго старану,
Пирійшла!
Пакажъ Самуська, гдзѣ валы стоятсь?
Ты пакажъ!
Пакажъ Самуська, гдзѣ катлы кипятсь?
Ты пакажъ!
Глупачка, дурачка, ни разумпая
Паслухай!
На масй старанъ все па вашему,
Паслухай!
На плечахъ да у видрахъ да ваду носютсь,
Паслухай!
У горшкахъ, да у печи обѣдъ варютсь,
Паслухай! —

При выдачѣ замужъ дѣвушки-сироты, поютъ ея подруги часто заунывнымъ голосомъ:

Ахъ знаць, знаць па вяселку,
Што ня бяюшка аддасць,
Дворъ вялікій а зборъ ня вялікій.
Нѣтиъ у мяня радзіпушки!
Ой сашлю, пашлю сѣру зязульку,
Па радзіпушку.
Зязулька ляціць;
Радзіна ѣдзець!
Ахъ! паслала бъ я соловеньку,
Да соловушка отказываець.
Ахъ! паслала бъ я зязульку,
Па своіего татульку,
Да за родненькимъ бацькомъ.
Сѣрая зязулька не прилстаець,
Ахъ татулька адмавляець:
«Радъ бы я устаци
Къ своему дзіцяци,
И парадушку даци.
Грабавыя доски,
Сціснули ножки,
Да не могу я устаци!
Сырая земля,
Дверцы залегла,
И окошечка засланила.»—
Маяго бацюшку,
На вяселика не пусцила.

Когда родня, подруги и сваты пируютъ у невѣсты, тогда гуляютъ у жениха его гости, а сваты величаютъ пѣснями:

Салодзінькій пастарнакъ
Ци ня ты въ погриби,

Зиму зимовавъ,
Самъ собѣ маркувку злюбовавъ?
Малодинькій Самуська,
Ци ня ты въ пузенкахъ побывавъ, (*)
Самъ собѣ Хвеклуньку злюбовавъ?
Ай вячеръ, ай вячеръ на зарѣ,
Ѣдитъ Самуська на конѣ;
А на емъ шапачка ярачка, (**)
И съ золотою вѣткою,
И съ чирвоною лентою.

Надѣлъ. Послѣ полуночи прекращается пирушка и начинается *надѣлъ жениха* (обдариваніе). — Жениха и подкняжихъ (дружекъ) заводятъ за столъ, за коимъ женихъ занимаетъ мѣсто на кутѣ, а подкняжіе вокругъ него. Съ правой стороны садится, возлѣ подкняжихъ, кто нибудь постарше изъ жениховой родни; передъ дружкомъ ставятъ сулейку съ виномъ и чарку на кружечкѣ; онъ наливаетъ въ чарку и говоритъ: *друзьцы милыи, гостики заѣзжи, просимъ чарочку выпитсь, маладога князя надаритсь.* — Гости пьютъ вино и надѣляютъ жениха, кто чѣмъ можетъ. — Подносящій вино, обращается къ гостямъ: *хто забывъ, хто забывъ чарочку выпитсь, маладога князя надаритсь.* Онъ снова подноситъ по чаркѣ. Охотники пьютъ и надѣляютъ жениха. Полученныя деньги ссыпаютъ передъ князем, съ поклономъ, и онъ благодаритъ гостей легкимъ наклоненіемъ головы.

Послѣ надѣла всѣ выходятъ изъ за стола. Одинъ изъ подкняжихъ подаетъ жениху новую шубу, лѣтомъ же новую свиту, и красный поясъ. Тутъ женихъ переодѣвается, кланяется гостямъ и отправляется къ невѣстѣ,

---

(*) Пузенки, деревня.
(**) Поярковая.

которая сидитъ за столомъ, съ расплетенной косою и позументовой тесьмою на головѣ; вокругъ сидятъ подруги, которыя надѣляли ее. Съ появленіемъ князя, сватьи поютъ:

Вось нашъ маладенецъ,
Стаитсь возли спиницъ;
Папытайтя вы въ яго:
Ци ня любитсь іонъ каго?
Ой любитсь, любитсь,
Рыбку бѣлакрылку,
Дзѣвку чарнавку.—

Молодой входитъ въ избу, молодая и подруги ея выбѣгаютъ изъ за-стола и прячутся; онъ отыскиваетъ свою княгиню и сажаетъ ее за столъ; подруги запѣваютъ:

А чаго жъ ты, Хвеклунька, сядзѣла?
А чаго жъ ты, Хвеклунька, глядзѣла?
Ци ты свайго Самуська ни ждала,
Чи ты яго въ хатуньку ни звала?
Купивъ тябѣ хустуньку Самуська,
Полюбиця новая хустынька. —
Поглядзи Хвеклунька іонъ уклоняетця
(кланяется),
Да сваей Хвеклунькѣ іонъ заляцаетця.

Женихъ, подойдя къ столу, кладетъ передъ невѣстой подарокъ и кланяется ей.

Выкупъ молодой

Когда подруги копчатъ пѣснь, тогда маршалокъ говоритъ: *мы ни Жиды, ни Татарыны какія, а чтестныя люди, прійѣхали зъ маладымъ князимъ пойдзжани, выкупитсь нашу маладую княгиню Хвеклуньку.* Съ этимъ

словомъ дружко вытаскиваетъ изъ кармана сулею вина, а изъ за-пазухи деревянный ковшъ, и наливши въ него водки, подноситъ старшей дружкѣ, которая отвѣчаетъ ему: *наша княгиня ни таковська: у яе што ступень, то рубль; одна каса сто рубліовъ стоитъ, а етакій гарелки мы зъ роду ня кушали. У нашій господы гарелка сыцыная, айба позалоцыная.* Маршалокъ вынимаетъ изъ калиты мѣдную монету и бросаетъ въ ковшъ. Дружка пьетъ, а монету завязываетъ въ платокъ. Остальные подружья тому же слѣдуютъ примѣру. — Почти всегда бываетъ, что дѣвушки недовольны подарками, по этому сватьи поютъ укорительную пѣснь:

Да ня доля жъ твая, Хвеклунька!
Ни сватався сватъ багатый,
А пьяница, латрыга, якъ тутъ бывъ.
На дварѣ старца разбили,
Тымъ яны подружкъ дарили

Сватьи жениха отвѣчаютъ:

Пашли подружки зъ за-столья,
Якъ тын спички зъ падполья.

Сватьи невѣсты:

Идешь дружко въ избу,
Ци зиряшъсь у печку:
А ци густа капуста?
Ци вялыкъ гарщекъ каши? —
Ци падаетъ каши?

Сватьи жениха:

Хлѣба соли многа,
А привѣту нѣту. 2.

Сватьи невѣсты :

Гаварили : Самуська нашъ харошъ,
А чорта жъ у іомъ, што хорошъ!
Авсяное видзинья, яшный посъ;
Зъ овсянаго видзинья блиновъ напякенъ,
Зъ яшнаго посика крупъ надярешъ. —
А на смъ жупанъ,
Хлопьемъ напханъ;
А на смъ свита,
Лыкомъ сшита.

Сватьи жениха :

Стукнули, брякнули на дваръ;
Паглядзи матухна, ци ни по минъ?—
Па тцябъ дачухна, па тцябъ!
Сабирай, матухна, кублы минъ? —
Атдамъ дачухну блязъ кубла,
Чаму мычички ня скубла.

Сватьи невѣсты :

Ни тузи дружко, ни тузи,
Чтобъ яму семь скулъ на пузи.
Зайка дружко, зайка!
Чтобъ яму семь скулъ на языки.
Пражора дружко, пражора!
Па скипки хлѣба сажайтсь,
Па палойнику хлибайтсь.

Сватьи жениха :

Ай няши сваття
Мавчать якъ чупляты :
А за визжатсь сваття,
Якъ парасяты.

Сватьи невѣсты:

А въ нашаго Ивана (маршалка)
Гиллява лыса,
Шапка плиса,
И то ни яго! 2. р.
Шапка сабачча,
Шубка телячча,
А боцики парасячча.
И то ни яго! 2. р.
Шапка бряхнетсь,
Шубка рванетсь,
А боцики заскагочутсь! 2. р.

Сватьи жениха молчатъ, а невѣстипы продолжаютъ:

А наша Хвеклунька,
Якъ бѣлъ сыръ! 2. р.
А Самуська,
Якъ пузыръ! 2. р.

Сватьи жениха перебиваютъ:

Князь маладый, князь маладый,
Конь вороный, конь вороный,
А нашъ князь якъ бѣлъ сыръ,
А княгиня якъ пузыръ! 2. р.

Выкупленную невѣсту выводятъ изъ за-стола, на ея мѣсто садится женихъ. Въ то время сватьи водятъ молодую вокругъ хлѣбной квашни, припѣвая:

Лятѣли гусухны черезъ садъ,
Гукнули Хвеклуньку на пасадъ. —

Бѣсъ вамъ, гусухны, да таго!
Есть у мяне матухна для таго,
Благаславитсь сѣстсь, та сяду;
Благаславитсь итци, я пайду (*).

Посадивъ невѣсту на квашнѣ, подруги одѣваютъ; потомъ родители благословляютъ и затѣмъ молодые отправляются къ вѣнцу, въ сопровожденіи сватовъ и сватьи, которыя поютъ: Провожаніе къ вѣнцу и отъ вѣнца.

Запрягай татулка варанци,
Мы пойѣдзимъ до винцы!
Самъ Богъ вороты отчинявъ,
Янгилы коникоѣ дзиржали,
Такъ нашу нявѣсту вѣнчали. —

Послѣ вѣнца идутъ молодые къ священнику и ко всему причету, приглашаютъ ихъ на свадьбу, и всѣ собираются потомъ въ домъ невѣсты.—Сватьи поютъ:

Звинчали, шауковымъ поясомъ звязали,
А ни разарватсь, а ни развязатсь,
Бытсь вѣкъ вѣковатсь.

(*) Въ иныхъ мѣстахъ молодой, прежде чѣмъ явится въ домъ невѣсты, пріучаетъ своего коня не бояться огня а потому перескакиваетъ съ нимъ черезъ костеръ пылающій. — Собравшись ѣхать къ невѣстѣ, онъ и подружья его налѣваютъ на себя красныя шапки, свои шеи повязываютъ красными платками или перевязываются черезъ плечо бѣлыми полотенцами, за исключеніемъ одного жениха, и отправляются коннымъ поѣздомъ въ домъ молодой. Уворотъ находятъ они кучи зажженной соломы, черезъ которую перескакиваетъ поѣздъ. Тогда бросаютъ въ глаза лошадямъ зажженные клочки соломы, стараясь не допустить вьѣхать въ отворенныя ворота. Всадники однако проскакиваютъ и останавливтются предъ дверьми избы. Женихъ, съ наклоненной головою, первый входитъ въ хату и садится за столъ. Немедленно раздается пѣснь: *баслови Бохъ, вяселя праць.*

Были жъ мы у Бога,
Видзили тамъ пираговъ многа. —
А ня всежъ тутъ пироги,
Есть тутъ баранчики
И салотки прянички.

Сонце колесомъ у гору идзетсь,
А дзѣвухна зъ винца въ дворъ идетсь,
А матухна у воротъ встричаитсь,
Правды пытаитсь:
Дачухна моя, чія жъ ты теяперь?
Матухна! твая я и Божжа. —
Ни правда твая, ты таго пана,
Съ которымъ шлюбъ принимала,
И таго паныча зъ которымъ винчалася.

Подходя къ дому, поютъ:

Запали матухна свѣчку,
Выйди на сустрѣчку;
Сустрѣчь свое дитя
Одно роженое,
Другое суженое.

Родители встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ солью, и осыпаютъ ихъ хмѣлемъ; новобрачные, поцѣловавъ хлѣбъ, кланяются имъ и всѣмъ присутствующимъ. Потомъ вводятъ ихъ въ избу, сажаютъ за столъ, и они пообѣдавши, пируютъ до вечера. Молодой въ своими сватами, сватьями и гостьми отправляется пировать въ свой домъ, а у невѣсты уже идетъ своя пирушка.

Обдариваніе и окончаніе свадьбы.

Спустя нѣсколько времени, маршалокъ подаетъ невѣстѣ шапку, а самъ, взявъ тарелку, покрытую полотенцемъ, говоритъ: *хто чимъ даруитсь маладую княгиню: ци виномъ, ци кипемъ, ци счастьимъ, ци долію,*

ци чирвонымъ златомъ. Отецъ и мать молодой, кладутъ на тарелку хлѣбъ-соль и произносятъ: *даруемъ хльбомъ-солью, долію, счастьимъ.* За ними каждый изъ гостей даритъ невѣсту чѣмъ нибудь. —

Вскорѣ послѣ этаго пріѣзжаетъ молодой и подкняжіе; на женихѣ тогда надѣта шуба навыворотъ.—Дружко начинаетъ вновь выкупать молодую, а подкняжіе и гости, пріѣхавшіе съ новобрачнымъ, идутъ въ клѣть или въ другую избу, гдѣ мать повобрачной угощаетъ ихъ. — Когда молодую выкупятъ, тогда являются гости въ избу и пируютъ снова. Подруги поютъ:

Придачачки (подруги) сестры,
У васъ насы востры,
Яще парадиѣли,
Яще навастрѣли.

Сватьи перебиваютъ ихъ:

А у нашего свата, 2. р.
Сяредь избы яма 2. р.
Напилася пьяна!
А у нашего свата 2. р.
Сяредь избы лужа 2. р.
Напилася дужа.

Иногда поютъ плясовую:

Людарь, людарь, людашн,
Прапивъ татка лимяшн;
Матка таго роду,
Прапила скавороду;
Дацка таго цыну,
Прапила авцыну.

По уходѣ гостей, мать кормитъ молодыхъ за особымъ столомъ. Когда новобрачные возратятся въ избу,

молодая начинаетъ голосить.—Маршалокъ снимаетъ съ молодого шубу и набрасываетъ ее на молодую, а на ея голову надѣваетъ шапку; потомъ сажаетъ молодую бокомъ на колесы или на сани, и послѣ этого мать передаетъ ее молодому. — Тогда всѣ гости отправляются пировать къ молодому, дорогою *кричатъ* пѣсни и уже безъ всякаго разбора. —

XIX. СВАДЬБА ЛИТОВСКАЯ.

По снятіи хлѣба съ полей, посѣляне устроиваютъ домашнія свои работы, и въ промежуткѣ отъ занятій, составляютъ дружескія сходбища, на коихъ нерѣдко звучитъ пѣснь и гудетъ смычекъ. Дѣвушки и парни собираются сюда съ особымъ удовольствіемъ, чтобы поплясать и попѣть. Въ селахъ и деревняхъ ни одинъ праздникъ не проходитъ тогда безъ веселія. Дѣвушки дѣлаются заботливѣе, хлопочутъ о своихъ нарядахъ, думаютъ о суженомъ и молятся Покрову о дарованіи имъ добраго мужа. — Поставивъ свѣчу предъ образомъ Божіей Матери, онѣ произносятъ въ церквѣ и въ домѣ. — Заботливость дѣвушекъ.

Святый Покровъ, Покровъ!
Покрывъ землю и воду,
Покрой и меня молоду.

Въ семейномъ бытѣ обращаютъ дѣвушки вниманіе на опрятность въ домѣ и изысканность своего убора, особенно когда пріѣзжаютъ сваты, по четвергамъ и субботамъ. Въ то время дѣвушки рачительно перемываютъ въ избѣ:

столы, скамейки, полки, посуду; подметаютъ избу, надѣваютъ на себя бѣлую рубашку, цвѣтную юбку и передникъ узорчатый; повязываютъ голову платкомъ, изъ подъ коего выпускаютъ длинную косу, переплетенную розовой лентою.

Сватовство. При ожиданіи сватовъ, хозяинъ и все его семейство одѣваются въ праздничныя платья, и не идутъ уже на работу, но сидятъ дома безъ занятій, исключая одной невѣсты, которая безпрестано суетится: то по дому, то около своего наряда. — Въ другихъ мѣстахъ парень посылаетъ двухъ своихъ сватовъ, которые ходятъ изъ дома въ домъ, пока не найдутъ дѣвушки, желающей выти за мужъ. Сватамъ прикалываютъ ленты, или перевязываютъ ихъ рушниками (полотенцемъ) черезъ плеча, и потомъ возвращаются къ *охочему* молодцу съ радостной вѣстью.—Сватъ, ввойдя въ избу невѣсты, останавливается по срединѣ и кланяется на всѣ стороны, но его какъ будто бы никто не видитъ и ничего не говорятъ ему. Хозяинъ, сидя въ переднемъ углѣ, не трогается съ мѣста; онъ кажется погруженнымъ въ размышленіе. Сватъ подходитъ къ нему и нарушаетъ его молчаніе. Хозяинъ говоритъ ему довольно хладнокровно: садись сосѣдъ, будешъ гостемъ. Сватъ отвѣчаетъ: спаспбо, сидѣли дома, ничего не высидѣли, а что будетъ, если еще сидѣть будемъ? — Это намекъ на невѣстъ, чтобы онѣ не засиживались въ дѣвушкахъ. — Помолчавъ нѣсколько, продолжаетъ:

Нашъ быкъ, къ вашей телушкѣ привыкъ,
Какъ бы далъ Богъ дождать,
Вашу телушку къ нашему быку загнать.

Хозяинъ поспѣшно встаетъ съ мѣста, беретъ свата подъ руку и проситъ его ласково, чтобы онъ сѣлъ въ

переднемъ углѣ. Онъ садится а невѣста уходитъ тогда изъ дома, къ своей родственницѣ или пріятельницѣ; разсказываетъ ей о происходившемъ и возвращается съ нею домой. — Онѣ не входятъ уже въ избу, но въ клѣть.—Сватъ заводитъ рѣчь о женидьбѣ, и выхваляя добрыя качества и состояніе жениха, вступаетъ въ переговоры съ отцемъ невѣсты. Услыхавъ скрипъ дверей у клѣти, которая обыкновенно отдѣляется отъ избы сѣнями, сватъ тотъ часъ перестаетъ хвалить жениха, посматриваетъ на дверь и спрашиваетъ: что жъ это за скрипъ? Вѣрно не всѣ дома! Гдѣ же ваши?—Отецъ отвѣчаетъ: извѣстное дѣло, молодежи не сидится дома. — Находящіяся здѣсь женщины посматриваютъ другъ на друга, перемигиваются, и выходитъ одна за другой въ сѣни, чтобы привесть въ избу невѣсту. Онѣ приходятъ и опять выходятъ, повторяя это нѣсколько разъ; потомъ вводятъ съ собою невѣсту. — Общее молчаніе; всѣ посматриваютъ на нее. Она отъ робости останавливается въ углѣ, подлѣ печи, и отворотившись отъ нихъ, долбитъ пальцемъ въ стѣну. Послѣ непродолжительной тишины, заводятся разговоры: сперва тихо, потомъ громче и громче, наконецъ настаетъ общій разговоръ. Сватъ, возвысивъ голосъ, обращается къ невѣстѣ: что жъ дѣвушка ты не говоришъ? А я сюда не даромъ пришелъ. — Она молчитъ и долбитъ стѣну.—Мать продолжаетъ: нечего сказать, молодецъ хоть куда! Не найдешъ въ немъ пороковъ: ни пьяница, ни гайдамака, ни воръ. Домъ зажиточный, семья добрая, — никто объ ней не скажетъ худаго. Какъ думаешъ, мое дитятко? Отвѣчай, вѣдь ты уже не ребенокъ. — Молчаніе.—Наконецъ дочь, потупивъ глаза въ землю, отвѣчаетъ тихо: какъ хотите себѣ! — Отецъ или мать говоритъ ей: нѣтъ, моя, родная! говори пояснѣе: любишъ ли его? Ты у

насъ не лишняя, изъ дому тебя не гонемъ. Не для того тебя вскормили и вспоили, чтобы покинуть тебя. Какъ думаешъ? — Она, отворотясь отъ стѣны, отвѣчаетъ: что жъ дѣлать? Если выходить за мужъ, такъ выходить,—пусть по вашему будетъ!—Послѣ этого она выступаетъ на нѣсколько шаговъ впередъ. Каждый изъ гостей дѣлаетъ ей приличное привѣтствіе, и разговоръ становится живѣе. —

Малая попойка.

Сватъ вынимаетъ изъ кармана бутылку съ виномъ, ставитъ на столъ и говоритъ невѣстѣ: поищи-ка же намъ чарочку. Дочъ роется на полкѣ между посудою, и приноситъ чарку! Мать поспѣшно разводитъ огонь на загнеткѣ (очагѣ), приготовляетъ яишницу и потомъ приноситъ ее на столъ. Сватъ, наполнивъ чарку водкою, пьетъ за здоровье нареченой; она же пьетъ за здоровье отца, отецъ за здоровье своей жены, жена за здоровье одной изъ подругъ своей дочери, а домашніе за здоровье всѣхъ. — Потомъ ѣдятъ яишницу и запиваютъ ее водкою. Послѣ угощенія хозяйка беретъ кусокъ холста, завертываетъ въ него опорожненную бутылку свата и отдаетъ ему. Сватъ идетъ въ домъ жениха съ благопріятнымъ извѣстіемъ. — Этимъ оканчивается первое сватовское угощеніе, называемое *малой попойкою*, которая однако не обязываетъ невѣсту окончательно выти за мужъ, если бы она, или ея родители, раздумались бы послѣ: они обязаны заплатить только за водку. —

Отъ малой попойки до самой свадьбы, пируютъ родители жениха и невѣсты, приглашая взаимно. Они обходятся съ уваженіемъ другъ къ другу, и хвалятъ красоту и достоинства невѣсты. Родители ея приглашаютъ въ свой домъ изъ родственницъ двухъ дѣвушекъ или двухъ короткихъ пріятельницъ своей дочери, и просятъ ихъ проводить съ нею время до самой свадь-

бы. Эти дѣвицы нпзываются *большанками* (дружками); опѣ веселятъ ее пѣніемъ и забавляютъ играми.

Недѣлю спустя послѣ малой попойки, наступаетъ большая попойка, которая въ иныхъ мѣстахъ называется еще *великою горплкою*. Сватъ пріѣзжаетъ тогда въ домъ невѣсты, уже съ женихомъ, и тогда надѣваютъ имъ кольца, а невѣста и женихъ обмѣниваются между собою. На большую попойку приглашаются родственники невѣсты, которые тщательно разсматриваютъ жениха, перешепчиваются между собою о томъ, что въ немъ находятъ, и это дѣйствіе называется *судить жениха*. Послѣ ужина получаетъ женихъ опорожненную бутылку, въ коей онъ самъ привезъ водку, съ кускомъ холста. Потомъ всѣ расходятся; женихъ же съ сватомъ садятся на лошадей и уѣзжаютъ. Послѣ этой попойки нельзя уже раздуматься ни жениху, ни невѣстѣ: тогда всему конецъ. Большая попойка для помолвленныхъ такъ же священная, какъ присяга, и никто не нарушаетъ ее. — Большая попойка.

Отецъ засватанной дочери отправляется, по прошествіи нѣкоторыхъ дней, въ ближній городъ, для закупки вещей къ свадебному убору дочери. —

Невѣста не занимается уже въ домѣ никакой грубой работою: она приготовляетъ бѣлье, шьетъ узоры на рукавахъ рубашки, рушникахъ и платкахъ. Здѣшнія дѣвушки отличаются рукодѣльемъ. Та изъ нихъ, которая его не знаетъ, называется *неумѣха, недѣльница*, и не скоро найдетъ себѣ жениха; которая же искусная въ рукодѣліи, называется *дѣльницею*, и та не засиживается въ дѣвкахъ. —

Въ пятый день послѣ большой попойки, дается общее угощеніе, и при немъ совершается сговоръ. Тутъ присудствуютъ почти всѣ обыватели деревни. Ихъ приглашаетъ сама нареченная, ходя изъ дома въ домъ, Сговоръ.

въ сопровожденіи старшей большанки, и входя въ избу, кланяется въ ноги три раза, проситъ пожаловать на хлѣбъ, на соль и на веселье. Встрѣтившись съ кѣмъ либо на улицѣ, она кланяется такъ же и проситъ на свадьбу. Женихъ съ боярами равномѣрно ходитъ проситъ на свадьбу, и кланяется въ ноги. Тамъ, гдѣ они бываютъ, оставляютъ калачъ съ рушникомъ а сами получаютъ въ замѣнъ : холстъ, платки и т. п. Послѣ приглашеній женихъ идетъ къ невѣстѣ съ музыкою; въ домѣ невѣсты пляшутъ, поютъ и потомъ всѣ расходятся домой. Дружки ночуютъ у невѣсты, и у ней онѣ расплетаютъ косу, а родители благословляютъ на доброе дѣло.

Ребятишки зажигаютъ по утру, около избы невѣсты, насмоленныя колоды. Этимъ даютъ всѣмъ знать, что въ домѣ веселье. — Съ восьми часовъ утра уже толпятся гости, особенно родственницы, кои заранѣе пріѣзжаютъ сюда съ дѣтьми. Своихъ дѣтей онѣ усаживаютъ на примосткѣ, устроенномъ между печью и стѣною. Сами усаживаются на лавкахъ ближе къ столу въ одинъ рядъ, и занимаются разговоромъ, въ который никто изъ постороннихъ не долженъ вмѣшиваться. Строго смотрятъ, чтобы посторонная женщина не сѣла на примосткѣ. Если бы кто здѣлалъ это по невѣдѣнію, или забывшись ; то это считается нарушеніемъ приличія и неуваженіемъ къ родственникамъ невѣсты, и въ туже минуту говорятъ ей : подвинься, матушка, дѣтей нѣкуда дѣвать, — и ее вытѣсняютъ. Послѣ насмѣхаются надъ нею и попрекаютъ присловьемъ : разсѣлась какъ квочка на яйцахъ. —

Въ день сговорнаго угощенія, всѣмъ распоряжается родственница : она принимаетъ гостей, усаживаетъ ихъ по приличнымъ мѣстамъ и вводитъ, съ родителями и большанками, невѣсту, которая дотолѣ находилась

въ клѣти, ибо невѣста по обычаю не должна показываться сюда, прежде представленія ея родственницею. Около десяти часовъ утра пріѣзжаетъ женихъ съ дружками, боярами, сватомъ и однимъ близкимъ родственникомъ. Они входятъ въ избу молча, съ важностію и въ надвинутыхъ почти на глазахъ шапкахъ; ни съ кѣмъ не здоровываются; гости не встаютъ съ мѣстъ и молчатъ; одинъ сватъ привѣтствуетъ собраніе наклоненіемъ головы, не снимая шапки. Всѣ они идутъ въ конецъ избы и занимаютъ мѣста за столомъ; женихъ садится въ углѣ подъ иконами, подлѣ него сватъ, далѣе дружки и наконецъ музыкантъ, избираемый преимущественно изъ родственниковъ. Остальные разсаживаются, гдѣ есть мѣсто. Долго не говорятъ; на лицахъ выражается какое-то не удовольствіе; одинъ сватъ балагуритъ, то съ тѣмъ, то съ другимъ, болѣе же съ дѣвушками, но и онѣ избѣгаютъ разговоровъ. Сватъ, видя продолжительное молчаніе и соскучивъ имъ, спрашиваетъ громко: да гдѣ же господа хозяева? Видно не ждали гостей! — поспѣшно встаетъ съ мѣста, выходитъ изъ избы и встрѣчаетъ хозяина у дверей, какъ бы печально.—Слава Богу! говоритъ онъ, кого искали, того и сыскали. Просимъ покорно въ избу. Хозяинъ отвѣчаетъ сухо: я тамъ не нуженъ, обойдется безъ меня. — Сватъ говоритъ: просимъ покорно сватъ, войди въ избу. Въ то время какъ одинъ упрямится, а другой упрашиваетъ, выходитъ изъ избы женихъ съ поѣздомъ и упрашиваетъ своего тестя войти въ избу. Чѣмъ убѣдительнѣе его упрашиваютъ, тѣмъ упорнѣе онъ отказывается. Тогда женщины отправляются въ клѣть нареченой и вводятъ ее въ избу. Тутъ она, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ большанками, кланяется всѣмъ въ поясъ. По совершеніи поклоновъ, невѣста подходитъ

къ женщинѣ, сидящей на полу, проситъ ее быть при ней безотлучно до самой свадьбы. Она первоначально отговаривается, потомъ соглашается, и вставъ съ мѣста, присоединяется къ двумъ большанкамъ. — Избранная женщина, называемая съ тѣхъ поръ *молодицею*, должна быть молодая и не давно за мужемъ, не болѣе двухъ лѣтъ. —

Убѣжденнй хозяинъ просьбами гостей, входитъ въ избу; за нимъ женихъ, идя прямо въ передній уголъ. Когда усадятся за столомъ, гдѣ первое мѣсто занимаетъ женихъ, послѣднее отецъ нареченной; тогда садятся немедленно, а женщины садятся на противуположной скамьѣ. Невѣста занимаетъ мѣсто противу жениха, старшая большанка противу свата, младшая противу старшаго дружки, молодица противу музыканта. Когда размѣщеніе кончится, тогда невѣстина мать, которая дотолѣ не показывалась, выходитъ изъ клѣти и занимаетъ послѣднее мѣсто на скамьѣ невѣсты, противу своего мужа. Она же выноситъ изъ клѣти закуску, состоящую изъ варенаго или жаренаго мяса, творогу и водки, и все ставитъ на столъ предъ хозяиномъ. Наполнивъ чарку водкою, она выпиваетъ сначала за здоровье свата; потомъ наливаетъ вновь и накрывъ бѣлымъ вынутымъ изъ за-пазухи платкомъ, подноситъ свату, который снимаетъ платокъ, беретъ его себѣ и выпиваетъ водку. Тотъ же сватъ наливаетъ чарку и подчуетъ невѣсту, но она, поподчивавъ старшаго дружку, покрываетъ чарку цвѣтнымъ или краснымъ платкомъ. Дружка, принявъ чарку, прячетъ платокъ въ карманъ и пьетъ за здоровье невѣсты; за тѣмъ, наливъ чарку, передаетъ ее невѣстѣ, которая только подноситъ къ своему рту, и подчуетъ, накрывъ чарку своимъ платкомъ, младшаго дружку. Этотъ пьетъ за здоровье молодицы, та за здоровье жениха, же-

нихъ за здоровье старшей большанки, эта же за здоровье музыканта и опоясываетъ чарку тесьмою, трудовъ невѣсты. (*) Музыкантъ отдаетъ чарку невѣстѣ, которая пьетъ за здоровье свата, сватъ за здоровье ея отца, а отецъ за здоровье жениха. Потомъ гости начинаютъ пить потому порядку, какой устанавливается между ними. —

Молодица растилаетъ на столѣ бѣлый платокъ, невѣста и женихъ кладутъ на него снятыя съ своихъ пальцевъ кольца. Двѣ большанки съ одной стороны, а двое дружекъ съ другой, берутъ за концы платокъ и поднимаютъ его съ кольцами по выше головы. Сватъ возглашаетъ громогласно: *вивать!* Это повторяютъ всѣ сидящіе за столомъ. Потомъ опускается платокъ съ кольцами. Такой обрядъ совершается три раза. Наконецъ молодица беретъ кольцо невѣсты и надѣваетъ на палецъ жениха, а сватъ беретъ кольцо жениха и надѣваетъ на палецъ невѣсты.

Сватъ складываетъ разостланный на столѣ платокъ, прячетъ его въ карманъ а изъ кармана вынимаетъ башмаки и даритъ ими невѣсту, которая, принявъ съ поклономъ, отворачивается въ сторону и бросаетъ на землю съ пренебреженіемъ. Стоящіе парни позади, поднимаютъ и подаютъ невѣстѣ; она вторично бросаетъ. Тогда сватъ обращается къ ней и говоритъ: не хорошо бросать башмаки! въ нашей сторонѣ зима неровная, иногда и пригодится. — Жениху подаютъ башмаки, которыми онъ снова даритъ невѣсту; но она не

(*) Тесьмы бываютъ отъ ½ до 2 вершк. ширины. На основу употребляютъ льняныя нитки, а на утокъ цвѣтный гарусъ, преимущественно красный. Невѣста раздариваетъ иногда болѣе 100 тесомъ, которыя она заготовляетъ съ 12 лѣтняго своего возраста.

принимаетъ, и только принимаетъ отъ него за третьимъ разомъ. Тутъ она отдаетъ ихъ спрятать старшей большанкѣ, а сама, какъ бы стыдясь своего поступка, потупляетъ голову въ землю или отворачивается въ другую сторону. Большанка съ молодицею поетъ:

Не сиди телушка бокомъ,
Это тебѣ не съ парокомъ;
Сядь себѣ прямешенько,
Будь себѣ милешенькой. —

По троекратномъ пропѣвѣ, невѣста поднимаетъ голову.—Женихъ, снявъ шапку, подаетъ ей свою руку и выходитъ съ нею изъ за стола; то же самое дѣлаетъ каждый мущина, съ сидящею противу его женщиною.— Музыканты начинаютъ играть и открывается пляска. Первыя пары вертятся порядочно, покрайней мѣрѣ въ первые три круга, а потомъ начинается стукотня и шумъ. Скрипки и дудки не умолкаютъ ни на минуту. Женихъ, проплясавъ съ невѣстою, танцуетъ съ ея родственницами, пока не перетанцуетъ со всѣми ими. —

Въ этотъ день много выпивается водки и пива, преимущественно во время ужина. За столъ садятся тѣ только, которые прежде за нимъ сидѣли; а прочіе располагаются въ клѣти, сѣняхъ и около избы, и угощаютъ другъ друга, часто привезенными съ собою съѣстными припасами. Послѣ ужина всѣ расходятся по своимъ домамъ. —

Окончаніе свадебнаго обряда.

До самой свадьбы озабочены, родители невѣсты, приготовленіемъ приданаго и украшеніемъ свадебнаго веселія. Большанка и молодица забавляютъ невѣсту пѣніемъ, и если невѣста въ веселомъ расположеніи духа, то она поетъ съ ними.—Поютъ про сѣтованіе дѣвушки, растающейся съ своими дѣвическими играми,

забавами и беззаботной жизнею; поютъ про волокитство молодцевъ за большанками; воспѣваютъ попойку, сговоръ и пляски. Такимъ образомъ проводятъ цѣлую недѣлю. — Въ субботу же невѣста, въ сопровожденіи большанокъ и молодицы, идетъ на исповѣдь; потомъ проводитъ вечеръ въ дѣвичьемъ кругу, съ обрядными приготовленіями къ предстоящей свадьбѣ, по сему этотъ вечеръ называется дѣвичьимъ, т: е: дѣвичникомъ. На немъ никто другой не можетъ быть, кромѣ дѣвушекъ. —

Свадьба совершается здѣсь почти такъ же какъ въ Малороссіи: съ разгульемъ и безотчетнымъ веселіемъ. —

Когда молодой садится подлѣ своей молодой, тогда его не пускаетъ братъ или другой родственникъ невѣсты. Сватъ или дружко покупаетъ мѣсто, и тогда садится молодой подлѣ невѣсты, которая опускаетъ голову на столъ и закрываетъ себя бѣлымъ платкомъ. Женихъ старается поднять голову молодой; она противится; онъ срываетъ съ ея головы платокъ, и цѣлуетъ въ губы. Потомъ начинается пляска и угощеніе, а въ заключеніе обходитъ сватъ всѣхъ гостей, съ водкою и тарелкою, и каждый, выпивъ чарку водки, кладетъ на тарелку нѣсколько денегъ. Потомъ онъ разрѣзываетъ коровай и разноситъ гостямъ; послѣ надѣваетъ сваха на голову молодой *очипокъ*, вышитый шелкомъ и мишурою, а поверхъ чепца набрасываетъ сваха *намитку* (тонкое и прозрачное полотно) и передаетъ молодую окончательно мужу. —

Свахи, удостовѣренныя въ непорочности молодой, украшиваются алыми лентами, а бояры подпоясываются красными кушаками. Впротивномъ случаѣ всѣ оказываютъ неудовольствіе, и замѣтно общее уныніе. — На другой день свадьбы пляшутъ у моло-

дыхъ. — Радостныя гости ходятъ по улицамъ съ музыкою или заходятъ къ богатому поселянину, или къ кому либо другому; тамъ ихъ подчуютъ водкою. Иногда въ толпѣ ихъ бываетъ шутъ, который ѣдетъ верхомъ, кричитъ, поетъ и размахиваетъ длиннымъ шестомъ, съ навѣшеннымъ на немъ знаменемъ; по возвращеніи гуляющихъ въ домъ молодыхъ, родственники опять подчуютъ гостей, а новобрачныхъ дарятъ, кто чѣмъ можетъ: курицами, бараномъ, теленкомъ, гусями, полотномъ, пряжью или другими домашними вещами. Во вторникъ бываетъ, если молодые зажиточные, паряживаніе гостей; потомъ снова пляска и угощенія. — Свадебное пированіе продолжается иногда цѣлую недѣлю. —

XX. СВАДЬБА МАЛОРОССІЙСКАЯ.

Свѣдѣніе иноземца объ малороссійской свадьбѣ.

Изъ старинныхъ извѣстій о нравахъ и жизни Малороссіянъ, мы имѣемъ сочиненіе половины XVII вѣка, инженера Боплана, который жилъ въ Украинѣ около 17 лѣтъ. Онъ передалъ намъ много любопытныхъ свѣдѣній, между прочимъ о свадьбѣ (*).

Въ Украинѣ на перекоръ всѣмъ народамъ, говоритъ Бопланъ, не мущины сватаются за дѣвицъ, а дѣвицы за мущинъ. Въ этомъ содѣйствовало имъ общее мнѣніе, что дѣвицы скорѣе достигаютъ своей цѣли. Влюбленная дѣвушка приходила въ домъ жениха въ то время, когда его родители были дома. Войдя въ избу, она привѣтствовала ихъ: *помогай Бигъ*! и садилась. Потомъ обращалась къ жениху, называла его по имени и говорила: я вижу, что ты человѣкъ добрый и я буду съ тобой счастлива, женись на мнѣ.—Наконецъ обращалась къ его родителямъ и просила ихъ согласія. Если они не были согласны или отговаривались молодостью лѣтъ сына, то дѣвушка отвѣчала,

(*) Beauplan: Descrip. d'Ukraine, изд. Rouen. 1660 года.

что она не разстанется съ ихъ домомъ. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, родители соглашались съ желаніемъ невѣсты и уговаривали сына полюбить ее.—Не согласиться съ желаніемъ невѣсты, значило навлечь на себя гнѣвъ Божій а на домъ несчастіе. —

По соглашеніи жениха сзывали парубковъ и дѣвицъ, и разсылали ихъ по всѣмъ своимъ родственникамъ, чтобы просить ихъ *на веселье* (свадьбу), а въ знакъ уполномочія посланныхъ, давали имъ по цвѣточному вѣнку, который надѣвался на руку. Парубки ходили попарно, имѣя впереди себя одного парня, который держалъ въ рукѣ жезлъ (*), и отъ имени всѣхъ привѣтствовалъ и просилъ на веселье.

Невѣсту наряжали къ вѣнцу въ длинное шерстяное платье, темнаго цвѣта, и съ широкою на груди оторочкою, изъ полушелковой матеріи. На головѣ никакого не бывало убора, кромѣ цвѣточнаго вѣнка; волосы раскидывались по плечамъ, грудь и шея были закрыты.

Отецъ, братъ или ближній родственникъ, велъ невѣсту въ церковь; впереди ихъ шли два музыканта: съ скрыпкою и сопилкою (свирѣль). По совершеніи вѣнчанія, одинъ изъ родственниковъ принималъ молодую и отводилъ ее домой съ музыкою.

Когда наступало время весть молодую къ брачной постели, тогда родственницы жениха вводили ее въ спальню, а за тѣмъ тайно приводили сюда жениха и задергивали у брачной постели занавѣсь.

Собравшіеся гости сидѣли съ кубками въ рукахъ, а женщины били въ ладоши и плясали. Спустя нѣсколько времени, родственницы возвѣщали радость и тогда

(*) Изображавшій казацкій мечъ.

увеличивалось веселіе. На молодую надѣвали очипокъ (чепецъ), въ коемъ она ходила во всю жизнь. Однѣ только дѣвушки ходили простоволосыми, и имъ считалось за стыдъ носить очипокъ.

Если во время свадьбы провозглашали молодую дурнымъ именемъ, то пиршество прекращалось: мущины бросали кубки, а женщины переставали пѣть. Родственники молодой терпѣли всякаго рода оскорбленія. Все въ домѣ становилось верхъ дномъ: били горшки и бросали кружки на полъ. На мать новобрачной надѣвали хомутъ, пѣли оскорбительныя, пѣсни и съ упрекомъ подносили пить изъ черепка. Наговоривъ всего, что приходило на умъ гостей, они расходились съ негодованіемъ, а родственники запирались отъ стыда въ своихъ домахъ, на нѣсколько дней. Въ волѣ молодаго было прогнать жену или жить съ нею.

НЫНѢШНЯЯ СВАДЬБА.

Много радости на малороссійскомъ *весельи* (свадьбѣ), и оно, выражая вполнѣ мысль веселія, обращается въ праздникъ, нерѣдко всего околодка. Поселяне и горожане сами стекаются толпами; двери избы открыты тогда для всѣхъ, званыхъ и незваныхъ; кушанье, питье, танцы, — все для всѣхъ. Родители молодыхъ принимаютъ чистосердечно даже своихъ враговъ; угощаютъ ихъ съ чуствомъ торжествующей добродѣтели. Никто тогда не врагъ; самые злые недруги примиряются, и веселье молодыхъ часто соединяетъ дружбою многихъ непріязненныхъ. Малороссіянинъ легко

Свойство веселія.

забываетъ нанесенныя ему обиды, но неравнодушенъ, когда оскорбляютъ его простосердечіе.

Вечернія сходбища, извѣстныя подъ именемъ вечерницъ и досвитокъ, сближаютъ здѣсь молодежь обоего пола, безъ нарушенія приличій въ обращеніи между ними; но горе тому, кто нарушитъ благопристойность: онъ преслѣдуется всею громадою парубковъ (обществомъ парней). — На вечернихъ сходбищахъ парубки женихаются (ухаживаютъ за дѣвушками), и долгое время.

Сватовство. Избирающій себѣ невѣсту, сближается съ нею на вечерницахъ. Тутъ онъ испытываетъ ее расположеніе къ себѣ, вывѣдываетъ ея качества, и если уже здѣлалъ выборъ, тогда онъ приступаетъ къ дѣлу. Подъ веселый часъ онъ объявляетъ своему отцу, что такая то дивчина (дѣвушка) полюбилась ему, и онъ проситъ позволенія жениться на ней. Отецъ, выслушавъ его просьбу, совѣтуется съ своими свойственниками или добрыми сосѣдами. Получивъ сонзволеніе отца и матери, сынъ избираетъ двухъ старостъ (*), чтобы они высватали ему дивчину, которая понравилась ему; даетъ каждому въ руки по посоху (по палкѣ), въ знакъ полномочія; вручаетъ имъ нарочно изготовленный для этого дѣла хлѣбъ и выпровожаетъ ихъ за вороты. — Старосты отправляются въ домъ отца невѣсты.

Мать невѣсты, увидѣвъ издали незванныхъ гостей, идущихъ съ хлѣбомъ и въ новой одеждѣ, догадывается и кричитъ своему мужу: старосты идутъ! — Къ кому?

(*) Сватовъ, изъ коихъ одинъ называется старшимъ, и на немъ лежитъ обязанность высватать невѣсту, потому въ это дѣло избирается умный, ловкій, изворотливый и хожалый по свѣту. —

спрашиваетъ онъ — Къ намъ, вотъ уже на дворѣ. Садись скорѣе на лавку, а ты Ганусю (Аннушка, невѣста) бѣжи въ комнату, одѣвайся. —

Гануся въ испугѣ смотритъ на мать, мать толкаетъ ее дружески въ комнату, и тамъ наряжаетъ въ новую плахту. Въ то время старосты стучатъ потри раза палкою по дверямъ; отецъ поспѣшно достаетъ новую свою свиту (армякъ), новый поясъ, — одѣвается и говоритъ про себя: Господи милосердный! дай моей дочерѣ добраго человѣка. — Стучатъ въ другой разъ, и въ третій разъ. — Одѣтый хозяинъ входитъ въ хату, застилаетъ столъ скатертью, кладетъ хлѣбъ, который всегда лежитъ на столѣ къ покуту (въ углѣ подъ образами. — Ударили въ послѣдній разъ въ двери, тоже три раза. Отецъ, перекрестившись, отвѣчаетъ имъ: если добрые люди, съ добрымъ словомъ, то просимъ, — и обращаясь къ своей женѣ: садись скорѣй! Она, перекрестившись три раза, садится подлѣ него. — Тотъ часъ входятъ въ хату двое старостъ, въ синихъ жупанахъ (кафтанахъ), подпоясаные англицкою каламайкою (англинскою бахрамою) и съ палками въ рукахъ. Старшій староста держитъ въ рукахъ святый хлѣбъ, молится Богу и потомъ кланяются хозяину и хозяйкѣ. — Хозяинъ проситъ ихъ сѣсть и спрашиваетъ: что они за люди? куда идутъ и за чемъ ихъ Богъ сюда принесъ? — Отецъ, хотя уже знаетъ, за чемъ они пришли; однако спрашиваетъ ихъ изъ одного обыкновенія. — Старшій староста говоритъ: прежде всего позвольте намъ поклониться вамъ, и добрымъ словомъ прислужиться. —

Не прогнѣвайтеся выслушать насъ, *и колы буде тее, то мы и онее* (*); если же наше слово не въ ладъ,

(*) Это выраженіе нельзя перевесть буквально, ибо, слово въ

то мы пойдемъ назадъ. А что мы люди честные и безъ злой науки, то вотъ вамъ святый хлѣбъ въ руки. — Отецъ беретъ хлѣбъ, цѣлуетъ его, кладетъ на столъ подлѣ своего хлѣба и говоритъ: хлѣбъ святый принимаемъ а васъ послушаемъ. Садитесь добрые люди. Что будетъ то будетъ, а тому бывать, чему не миновать. Садитесь, будь ласково (здѣлайте милость) и ногъ своихъ не утруждайте, — вы пришли изъ далека. Съ котораго же царства, съ котораго государства?—Старшій староста отвѣчаетъ: мы люди нѣмецкіе, идемъ изъ земли турецкой. Мы ловцы, удалые молодцы. Однажды, на нашей землѣ, выпала пороша (небольшой снѣгъ). Я говорю товарищу: чего намъ смотрѣть на эту непогоду, пойдемъ на охоту, и пошли. Ѣздили, слѣдили и ничего не нашли. — Между тѣмъ на встрѣчь намъ ѣдетъ князь (женихъ), на ворономъ конѣ, и говоритъ намъ: эй, вы ловцы, добрые молодцы! услужите мнѣ службу, покажите дружбу: мнѣ попалась лисица или куница, но едва ли не красная дѣвица. Ѣсть, пить не желаю; поймать ее желаю, — помогите! Чего ваша душа захочетъ, требуйте отъ меня. Ловцамъ молодцамъ того и надобно. Мы пошли по слѣдамъ, по всѣмъ городамъ. — Первый слѣдъ показался въ землѣ нѣмецкой, а далѣе въ турецкой; идемъ, ищемъ и не находимъ. Всѣ царства, всѣ государства прошли, а ее не нашли. Мы и говоримъ князю: мы поищемъ въ другомъ мѣстѣ, и найдемъ не только куницу, но и красную дѣвицу. — Нашъ князь остался при своей думѣ, и сказалъ: сколько по свѣту ни ѣзжалъ, въ какихъ государствахъ ни

слово: если будетъ то, то и мы то, т. е. если состоится дѣло, то мы исполнимъ его.

бывалъ; но такой куницы, или красной дѣвицы, не видалъ. Мы вновь по слѣду пошли, и въ это село, какъ зовется, не знамъ, нечаянно зашли. Тутъ снова пала пороша, а мы ловцы, добрые молодцы, давай ходить, давай слѣдить. — Сего дня рано встали и наслѣдъ напали. Побѣжалъ нашъ звѣрь да къ вамъ на дворъ, а со двора до хаты; теперь хочемъ его поймати. Нѣтъ сомнѣнія, что наша куница въ вашей хатѣ, а это наша красная дѣвица. Нашему слову конецъ, а вашему дѣлу вѣнецъ. Отдайте нашему князю куницу, вашу красну дѣвицу. Отдадите ли, или пусть она подрастетъ еще?

Въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, когда старосты простучатъ палкою у дверей три раза, приглашаются немедленно войти въ избу. — Послѣ обычнаго моленія, кланяются хозяинамъ и кладутъ на столъ хлѣбъ. Потомъ заводятъ двусмысленную рѣчь о посторонихъ предметахъ, и увидѣвъ дѣвушку, намекаютъ отцу:

Нашъ быкъ къ вашей телушкѣ привыкъ, и какъ бы далъ Богъ дождать, вашу телушку къ нашему бычку загнать. Или: у насъ есть гусакъ, а у васъ гусочка, а потому мы желаемъ ихъ спароваты (соединить), шобъ вышло изъ нихъ все добрее. Или: мы чули, пане свату, що у васъ е гусочка, а мы, бачишъ, маемъ на примити гусака, да якъ бы тее, тотакечки, ихъ спароваты. Нехай жъ вмисти ходятъ и вмисти пасуця. —

За тѣмъ предлагаютъ ему отдать дочь за добраго молодца, который никакого не требуетъ приданаго. Замѣчательно, что между Малороссіянами женятся, не спрашивая приданаго. —

Когда староста говоритъ обиняками, тогда дѣвушка сидитъ въ комнатѣ и слушаетъ, а иная бьетъ покло-

ны, чтобы отецъ выдалъ ее за милаго Петруся, который ей по сердцу, и за котораго сватаютъ ее. — По окончаніи же рѣчи, Гануся припадаетъ слухомъ къ дверямъ и, не переводя духа, слушаетъ, что будетъ отвѣчать отецъ. Если онъ встрѣчаетъ какія либо препятствія, или не соглашается, по чему бы то ни было, то говоритъ: я не умѣю приложить къ сему дѣлу ума разума, а скажу попросту: вы идете съ дальней дороги, устали, не выпить ли вамъ по чарки водки? — Это означаетъ отказъ, и они должны взять назадъ свой хлѣбъ. Другіе же родители поступаютъ иначе: если они знаютъ, что дочъ не согласится выйти замужъ; то призываютъ ее, чтобы поднесть по чарки водки старостамъ и самому жениху, который иногда бываетъ вмѣстѣ съ ними. Дочъ выноситъ изъ сосѣдней комнаты водку на деревянной тарелкѣ, вмѣстѣ съ гарбузомъ (тыквою). Пристыженные убираются немедленно и несутъ, вмѣсто хлѣба, гарбузъ. Это большое оскорбленіе для жениха; оно дѣлается извѣстнымъ по всему селу, и тогда жениху остается долго ждать у моря погоды. —

Случается, что съ первыми посланными старостами находится самъ женихъ, но и тогда старшій староста говоритъ тѣже рѣчи, какія прежде, и оканчиваетъ тѣми же словами. Въ то время невѣста, если любитъ жениха, смотритъ на него сквозь щелочку двери, и когда услышитъ отказъ, невольно вскрикиваетъ: охъ мое горе! несчастная я! — Женихъ бросается въ ноги отцу и матери, цѣлуетъ ихъ, горько плачетъ и умоляетъ отдать за него дочъ. Будь моимъ отцемъ и матерью, говоритъ онъ имъ, не губите бѣднаго сироту! Будьте рiднепькими (родными), я буду вамъ служить за батрака (работника); буду выполнять все, что ни прикажете, — только дайте мнѣ пожить еще

на свѣтѣ,—а то я умру безъ нее! За что же отнимаете мою душу, мою червонную Ганусю? За что разлучаете меня съ нею? Я не прошу ни богатства, ни приданаго я самъ наживу, только не губите мою душу! —

Дочъ, забывая строгое послушаніе, бросается нерѣдко съ плачемъ къ погамъ родительскимъ, цѣлуетъ руки и ноги, и говоритъ съ воплемъ, раздирающимъ сердце.—Серденько батюшка! голубчикъ сизый! соколикъ ненаглядный! лебедикъ бѣлоснѣжный! душечко! моя родимая! утичка моя! перепелочка! голубочка мать ненаглядная! Вы одни у меня а я одна у васъ, не губите бѣдной, — дайте хоть немного пожить на свѣтѣ, чтобы я знала, что за радость жить съ милымъ. Я буду вамъ служить вмѣсто работницы; все буду работать, и ни охну и ни застону. —

Изъясненіе двухъ любящихся тѣмъ болѣе примѣчательно, что оно непринужденно изливается изъ душевныхъ чувствованій, которыми такъ богаты Малороссіяне. Русскій по большей части увлекаетси прелестью красавицы, Малороссіянинъ добродѣтелью женщины; первый судитъ о сердечной нѣжности, иногда по волненію страстей, забывая любовь; а вторый дорожитъ чистосердечнымъ сочувствіемъ, которое услаждаетъ его въ самомъ несчастіи. Малороссіянинъ любитъ, а Русской влюбляется. —

Отецъ, опустивъ голову, молчитъ, и только обтираетъ свои слезы рукавомъ. Старшій староста обращается къ нему и произноситъ въ слухъ: можетъ быть всему причиною мать!—Охъ, нѣтъ, отвѣчаетъ она со вздохомъ, развѣ я не желаю счастія своей дочерѣ, и развѣ я не жена, чтобы не слушала своего мужа! Онъ мнѣ законъ, а не я ему; онъ знаетъ, почему не выдаетъ. У насъ, старосвѣтскихъ, все идетъ по Божьему велѣнью. — Тогда старосты вста-

ютъ съ лавокъ, берутъ шапки и уже идутъ съ хлѣбомъ, но старшій староста, тронутый слезами молодыхъ, рѣшается еще разъ поговорить съ отцемъ. — Сватъ! мнѣ не прилично говорить лишнее слово, при семъ важномъ дѣлѣ; мое дѣло сказать, что обычай велитъ, и потомъ итти съ отвѣтомъ. Сказано, поднести намъ по чарки, чего же тутъ ожидать добраго? но зная Петруся и видя слезы его, какъ же мнѣ не сказать: благослови дѣтей, пусть Гануся повяжетъ насъ рушниками (полотняными утиральниками). — Отецъ встаетъ, крестится предъ образомъ и отвѣчаетъ: я молился всю жизнь объ счастіи своей дочери, захочу ли ей несчастія? — Сваты! если хотите выпить по чарки, то выпейте; если же нѣтъ, то нѣтъ. Прощайте добрые люди и не дивитесь, почему не отдаю: не насталъ часъ, — завтра все узнаете. Вотъ вамъ святый вашъ хлѣбъ, прощайте и зломъ не поминайте. — На другой день отецъ объясняетъ своей дочерѣ причины, почему не соглашается, и покорная дочъ повинуется родительской волѣ. —

Когда предложеніе старостъ соотвѣтствуетъ желаніямъ родителей, тогда онъ проситъ ихъ, чтобы дать ему время на размышленіе. Потомъ подзываетъ къ себѣ дочъ и спрашиваетъ ее: выйдетъ ли она замужъ за Петруся? Если онъ ей по сердцу, то она притворяется сначала, что будтобы она не знаетъ его; потомъ оканчиваетъ тѣмъ, что она отдаетъ себя въ полную волю батька и неньцы (матери). Въ противномъ случаѣ, она вычисляетъ всѣ пороки жениха и рѣшительно отказывается выйти за него замужъ.

По объявленіи согласія невѣсты и ея родителей, послѣдніе предлагаютъ старостамъ притти къ нимъ съ женихомъ въ тотъже вечеръ, или на другой день. Невѣста подноситъ старостамъ на деревянной тарелкѣ,

по рушнику, вышитому бумагою, иногда краснымъ шелкомъ. Принявъ изъ рукъ невѣсты, они перевязываютъ себѣ черезъ плечо и оставляютъ въ домѣ ея принесенный ими хлѣбъ, а въ замѣнъ берутъ невѣстинъ хлѣбъ.

Похвала молодымъ.

Перевязанные рушниками, идя по селу, хвалятся всѣмъ встрѣчнымъ, что Гапусю просватали за Петруся; чта такой пары никогда не видали. Что за красота! что за разумъ! Хлопецъ, красавецъ! русоволосый, чубъ длинный, усы казацкіе, глаза блестящіе, какъ звѣздочки; румяный, проворный и добрый. А она, — что объ ней говоритъ! — Она выросла на утѣху! Высокая, прямая какъ стрѣлочка; чернобровая, румяная, — какъ роза; глаза словно терновыя ягодки; брови, будто перевитыя чернымъ шелковымъ шнурочкомъ; носикъ пряменькій, губы алые, зубы бѣлоснѣжные, коса долгая, по колѣно, и черная какъ смоль; шея лебяжья, станъ гибкій, нѣжный, а ходитъ какъ королева! —

Женихъ не рѣдко ожидаетъ старостовъ у воротъ и встрѣчаетъ ихъ здѣсь, и если приносятъ они радостную вѣсть, то входитъ съ ними въ избу. Старосты объявляютъ объ успѣхѣ, и ихъ подчуютъ.

Приходъ жениха.

По наступленіи вечера или на другой день, старосты идутъ съ женихомъ въ домъ невѣсты, коей хата бываетъ убрана цвѣтами; свѣчи теплятся предъ иконами, отецъ и мать въ парядныхъ одеждахъ, а дочь надѣватъ красную плахту (юбку) и застегивается подъ самою шеею. Плахта на ней картацькая черчатая (узорчатая) съ цвѣтами; сорочка бѣлая, тоненькая, — сама пряла и сама вышивала; запаска (передникъ) шелковая, узорчатая; поясъ шитый орлами; пидтечка (подпередникъ) изъ подъ плахты, шитая и съ висячими кисточками; панчошки (чулки) синіе, черевики (башмаки) красные сафьянные, на высокихъ подборахъ и съ

подковками; коса заплетена въ дрибушку (мѣлко и часто); на концѣ косы вплетена лента, которая развивается позади; по верхъ головы скипидячка съ перевязью (ленты перевитыя), съ вѣнкомъ и цвѣтами; грудь унизана намыстомъ (монистомъ), червонцами золотыми, серебряными рублевиками и кипарисными крестами.

Уже стучатъ старосты. Одинъ разъ, другой и третій. — Ихъ просятъ ввойти: они входятъ, кладутъ хлѣбъ на столъ и начинаютъ говорить прежнія рѣчи про куницу. Петрусь стоитъ, да слушаетъ. На немъ синій жупанъ, подпоясанный англійскимъ поясомъ; штаны (шаравары) тяжиновыя, чоботы (сапоги) юхтовыя съ подковками, вымазанныя оліею (конопляннымъ масломъ) и шапка изъ барашковъ рѣшитиловскихъ (*); хусточка пестрая (платокъ носовый). По приходѣ ихъ, отецъ нарочно сердится и кричитъ: что это за напасть! Жинко! что будемъ дѣлать? Ганусю, пойди сюда.—Дочь робко выходитъ изъ комнаты, и вся горитъ стыдомъ. Лице ея зарумянилось, словно красный макъ, и она дрожитъ, какъ березовый листъ. Она стоитъ подлѣ печи и долбитъ пальцемъ.— Смотрите ловцы—молодцы! произноситъ имъ отецъ, что вы надѣлали? меня съ жинкою смутили, дочь пристыдили, что скоро печь выковыряетъ, —вѣрно ей не жить у насъ болѣе! гай, гай, (эй, эй) вотъ что вы надѣлали!.. Но хлѣбъ святый принимаемъ, добраго слова не отвергаемъ чтобы насъ не порочили, что мы передерживаемъ куницу, и вотъ скажемъ: дочко! пришла и наша череда говорить до ладу—полно печь колупать! — нѣтъ ли чѣмъ ловцевъ-молодцевъ—перевязать?—Дочь стоитъ и не тронется съ мѣста. Мать обращается къ ней: допю (дочь)! слышешъ ли, что го-

(*) Рѣшитиловка, село, недалеко отъ города Полтавы.

воритъ отецъ? Иди же, да принеси, чтобы чѣмъ было повязать людей. А можетъ быть ты ничего не приготовила, отъ того и колупаешь печь. Не слушалась матери, не училась прясть, не паготовила рушниковъ; теперь вяжи, чѣмъ хочъ, — хоть веревками! Да есть ли и это у тебя? —

Гануся идетъ въ компату и выноситъ оттуда, на деревянной тарелкѣ, два длинныхъ вышитыхъ рушника, крестъ на крестъ сложенныхъ, и кладетъ на святомъ хлѣбѣ. Сама же становится предъ образами и дѣлаетъ три земныхъ поклона; потомъ кланяется отцу и матерѣ три раза; послѣ цѣлуетъ ихъ руку, наконецъ беретъ рушники, подноситъ на тарелкѣ старшему старостѣ, а тамъ младшему. Они встаютъ, кланяются, берутъ рушники и говорятъ: спасибо отцу и матерѣ, что дитя рано будили, доброму дѣлу учили. Спасибо и дѣвицѣ, чко рано вставала, тонко пряла и хорошіе рушники наткала.—Старосты надѣваютъ на себя рушники, и старшій изъ нихъ продолжаетъ говорить: вершите дѣло концемъ, и расчитайтесь съ княземъ молодцемъ; мы присланные, и не виноваты; вяжите приводця (приведеннаго), чтобы не убѣжалъ изъ хаты.—И дѣло! кричитъ отецъ. Ну, доню! ты сказывала, что на то пятики зарабатываешъ, чтобы изъ чего было сшить шелковый платокъ и намъ заплатить пеню. А теперь на тебѣ другая пеня: ты не всѣхъ повязала.—Гануся выноситъ платокъ красный, какъ она сама. Отецъ и мать говорятъ ей: нужъ дочко, теперь надѣвай ему сама, вяжи за поясъ платкомъ, тяни его къ себѣ, повинуйся ему и люби его, — поцѣлуй же. —

Староста говоритъ засватаннымъ, чтобы они клапялись отцу въ ноги, три раза.—Они кланяются, а за третьимъ разомъ лежатъ у ногъ. Отецъ даетъ имъ наставленіе: смотри, зять! .бей свою жену поутру и вече-

ромъ, съ постели вставая и ложась спать; бранись съ нею каждый часъ. Не шей для ней: ни платья, ни одежды; не сиди дома; ходи по шинкамъ (питейнымъ домамъ) и по чужимъ женамъ. Если будете жить вмѣстѣ, то навѣрно пойдете съ дѣтьми по свѣту. А ты, доню, мужу не спускай, и ни въ чемъ ему не потакай. Какъ онъ пойдетъ въ поле, а ты иди въ шинокъ и пропивай послѣдній хлѣба кусокъ. Пей, гуляй, а онъ пусть умираетъ съ голоду. Около печи не хлопочи; пусть она заростетъ пустынною травою, — вотъ вамъ и вся рѣчь. Вы не маленькіе, сами имѣете разумъ, а что я вамъ говорю, какъ надобно жить, — знаете сами.— За такую науку, кричитъ староста, цѣлуйте дѣти отца въ руку.—Они цѣлуютъ и потомъ клапяются матерѣ, тоже три раза. Она ихъ не наставляетъ, а только благословляетъ. Потомъ старосты говорятъ: чего вы желали, того достали; а за наши рѣчи, подайте намъ по чарки горилки (водки).—Отецъ отвѣчаетъ: добре, и просимъ еще милости на хлѣбъ, на соль и на сватанье.—Засватанныхъ сажаютъ на покутъ. Отецъ садится подлѣ зятя а мать подаетъ кушанье на столъ. Старосты садятся на ослинъ (скамейку) подлѣ стола. Отецъ угощаетъ старостовъ: путе жъ, покушайте. — Староста выпиваетъ, морщится и говоритъ: отъ этаго какъ ракъ покраснѣешь. Смотрите, вы напоите насъ такимъ, что мы, чего добраго, рачки пополземъ.—О нѣтъ, отвѣчаетъ отецъ. — Откуда же вы взяли такое винцо, что хоть куды! — Шла баба отъ Ляховъ, разсказываетъ отецъ, несла здоровья съ семь мѣшковъ, — мы у нее купили, семь золотыхъ заплатили и въ напитокъ пустили. — Что добре, то добре, отвѣчаетъ староста, — а ну, товарищъ, попробуй ты, и скажи: пили ли мы когда въ Турціи, или у Нѣмѣцины, или *у Рассіи?* — ей, съ роду не пивали! Товарищъ

пробуетъ, хвалитъ и говоритъ, что лучшаго никогда не пивали. Послѣ первой рюмки начинаютъ угощать другъ друга, уже по просту, безъ затѣй.

Чрезъ нѣсколько дней собираются родные жениха и невѣсты, въ домъ ея; равно сваты, свахи и хорошіе знакомые, для участія въ сговорѣ, который происходитъ по большей части послѣ вечерни. На этотъ сговоръ приглашаетъ невѣста своихъ подругъ. — Въ назначенный день всѣ являются въ нарядныхъ одеждахъ. До прихода жениха, невѣста сидитъ съ своими подругами въ особой комнатѣ. По прибытіи всѣхъ гостей, показывается съ старостами женихъ, который останавливается у порога. Нѣсколько времени не обращаютъ на него вниманія, но мать невѣсты, какъ будто бы только что увидѣла его, кричитъ: доню! доню! иди сюда. Чего ты тамъ скрылась? — Смотри, твой молодецъ стоитъ у порога, безъ тебя не идетъ въ хату, не хочетъ садиться, не хочетъ говорить съ нами, только съ тобою одною. — Выйди сюда, доню, скорѣй же! — Она не идетъ. — Гости смѣются надъ молодымъ: вѣрно, пане брате, она не любитъ тебя. Эге, да какая же у васъ любовь! Нѣтъ братику, убирайся отсюда; тебѣ вѣрно стоять у порога, а не сидѣть за столомъ съ нею.—Староста старшій говоритъ ему: не говорилъ ли ты намъ, что она тебя любитъ? поэтому мы начали сватать за тебя. А, а, надѣлалъ ты намъ стыда, нанесъ ты намъ бэзславія, осрамилъ ты насъ и обезсчестилъ. А кажись, парень хорошій, казакъ правдивый, — а что теперь? не идетъ къ тебѣ, твоя Гануся; не любитъ она тебя; гай, гай! — Мать снова зоветъ, невѣста не идетъ; тогда кто нибудь изъ родственницъ идетъ за нею, выводитъ ее силою и ставитъ ее подлѣ жениха. Всѣ гости кричатъ, почти въ одинъ голосъ: ага куница, Сговоръ.

красная дѣвица! теперь ты не спрячешься и не убѣжишь отсюда—Потомъ отецъ и мать молодой садятся на покутѣ, на разослапой шубѣ, и берутъ въ руки икопу и хлѣбъ съ солью. — Старосты или кто изъ родныхъ, подводятъ молодыхъ подъ благословеніе родительское. Они падаютъ въ ноги отцу и матерѣ, по три раза; родители благословляютъ ихъ икопою и хлѣбомъ-солью; молодые цѣлуютъ образъ и хлѣбъ-соль, за тѣмъ своихъ родителей. — Послѣ сажаютъ ихъ за столъ и начинается общее угощеніе, за коимъ слѣдуетъ въ скоромъ времени ужинъ.

Пированье. На другой день приглашаетъ къ себѣ, отецъ жениха, новыхъ своихъ сватовъ, родственниковъ и гостей, на родственную пирушку, которая продолжается во весь день. Тутъ поютъ и танцуютъ. Отсюда отправляются гости къ отцу невѣсты, и снова шумное веселіе, которое не прекращается иногда нѣсколько дней сряду: то у родителей молодой, то у родителей молодаго. —

Между тѣмъ подруги невѣсты поютъ, во время пирушекъ, свадебныя пѣсни:

Ой ты душенько, паша Гануся!
Обметайте дворы,
Застилайте столы,
Кладите ложечки,
Срибни блюдечки,
Золоти мисочки, —
Отъ идутъ дружечки.

Пропѣвъ, кланяются низенько и произносятъ: дай Боже вамъ вечеръ добрый, — помоги вамъ на все доброе. — Мать благодаритъ ихъ за доброе желаніе: спасибо, проснмъ на хлѣбъ на соль и на веселье. — Ихъ сажаютъ рядомъ, противу дочери. — Садитесь

друженьки, мои голубеньки, говоритъ имъ мать, кушайте, не стыдитесь, а ты, староста, угощай.—Дѣвушкамъ кажется стыдно ѣсть при постороннихъ, чтобы не сказали: вотъ голодныя! Вѣрно дома печего ѣсть.— Онѣ благодарятъ и начинаютъ пѣть. —

Ой чому, чому
Усимъ новымъ дому,
Такъ рано засвичено?
Гапусенька встала,
Косу чесала,
Батенька поражала.
Порадь мене
Мій батеньку,
Кого въ дружечки браты?
Бери донецько,
Соби ривненьку,
Щобъ не было гнивненько.
Садовы, донецько,
И вышче и нижче,
А свою родыноньку блыжче.

Мать плачетъ отъ этой пѣсни, потому что она напоминаетъ ей разставанье съ своей дочерью. — За этимъ поютъ дѣвушки:

Дежъ бувъ селезень?
Дежъ була утинька?
Селезень на ставку;
Утинька на плавку;
А теперь же воны,
На одномъ плавку.
Та идятъ же воны,
Дрибную ряску;
Ой пьютъ же воны,
Холодную воду. —

Дежъ бувъ Петрусь?
Дежъ була Гануся?
Петрусь у батенька,
Гануся у свого;
А теперь же воны,
У водиіи свитлоньци.
Ой пьютъ же воны,
Зелене вино;
Та идятъ же воны,
Дрибныи калачи:
У медъ умокаючи,
Макомъ обсыпаючи.

Поютъ про дочъ, которая тонетъ; но ни отецъ, ни мать не подаютъ ей помощи, — одинъ только ея суженый. —

Та въ недилиньку рано,
Чегосъ тое та море грало?
Тамъ Гануся та потопала,
Къ собѣ батинька бажала.
А батенько та на бережечку,
Е човничекъ и веселечко:
«Потопай, мое сердечко!»
Та въ недилиньку рано,
Чегосъ тое та море грало?
Тамъ Гануся та потопала,
Къ собѣ матиньку бажала.
А матинька та на бережечку,
Е човничокъ и веселечко:
«Потопай, мое сердечко!»
Та въ недилиньку рано,
Чегосъ тое та море грало?
Тамъ Гануся та потопала,
Къ собѣ Петруся бажала.
А Петрусь та на бережечку,

Е човничекъ и веселечко:
«Не потопай, мое сердечко!»

При пѣніи свадебныхъ пѣсней, прикладываютъ къ нимъ имена засватанныхъ и молодыхъ. Эта пѣснь не разцвѣчена нѣжными чувствами, но она показываетъ, что любящій, первый подаетъ помощъ своей любимой.—Поютъ еще:

Пропивъ, пропивъ, пропивъ,
Ондрійко дочку,
На зеленымъ винн.
Не треба мени дочки!
Напившись вона скаче,
А проспавшись вона плаче:
Тятичко! чимъ я тоби надокучила,
Твій двиръ охраняючи,
Чиляднньку привертаючи? —

Колибъ я знала,
Колибъ я видала,
Що засватана буду;
Мыла бъ я стины,
Щобъ були биты,
Для свекорка для старенького,
Для приходу его.
Коли бъ я знала,
Колибъ я видала,
Шо засватана буду;
Нековала бъ я
Золотого перстенечка;
А сковала бъ я,
Золотыя крылушки.

Политила бы я,
Отвидала бъ чужую сторону;
Не такъ сторону, не такъ чужу,
Якъ чужого батиньку:
Чи винъ добрый, чи добровирный,
Якъ мій ридній?
Чи винъ буде пускаты,
На улицу гуляты?

Казавъ яворончикъ: не бійся морозынька!
Не пущу отъ себе листыньки.
А теперь пускае,
Сыру землю укрывае,
Усе долины паповняе,
И могилы выровняе.
Казавъ мій батинько,
Не отдамъ тебе, моя донечко;
А теперь отдае, та не жалуе;
На весь свитъ мене завязывае,
Гуляты мене заказывае.

Любящіеся, милуясь другъ съ другомъ, ничего не видятъ подлѣ себя, и ничего не слышатъ: они только говорятъ между собою, и ненаговорятся; смотрятъ на самихъ себя, а все прочее не существуетъ для нихъ. Посторонніе толкуютъ тогда иначе, хотя очень знаютъ, что ихъ невниманіе проистекаетъ отъ душевныхъ восторговъ, и чтобы отвлечъ ихъ милованье и потѣшиться надъ ними, поютъ:

Та въ саду соловейко не щебставъ,
Та Петрусь Гапуси не циловавъ;
Якъ же соловейко защебставъ,
Петрусь Гапусю поциловавъ. —

Тогда всѣ смѣются надъ ними а отецъ требуетъ, чтобы они поцѣловались. Дѣвушки между тѣмъ, чтобы не терять время повеселиться, поютъ :

Ой ты душечко, наша Гануся!
Ламлить роженьку,
Стелить дороженьку,
Щобъ мягко ступаты,
На двиръ танцёваты:
Зъ скрипками, зъ цымбалами,
Зъ хорошими боярами.

Всѣ гости понимаютъ, къ чему клонится это пѣніе. Отецъ кричитъ : давай музыку!—Одна изъ проворныхъ дѣвушекъ бѣжитъ за скрипачемъ, и немедленно приводитъ его. Начинаются танцы, скачки, — кто какъ гораздъ. Сосѣды, услышавъ музыку, сбѣгаются.—Подъ окнами избы уже толпа народу. Веселыя дѣвушки и молодцы выходятъ на широкій дворъ, и открываютъ пляску. Дѣвушки выдѣлываютъ дрибушки (частое перебираніе ногами), а молодцы пускаются въ гопака (въ присядку), — все вертится и кружится ; гости расходятся почти передъ свѣтомъ. —

Со времени засватанья до свадьбы, помолвленные видятся между собою почти каждый день : они вмѣстѣ ходятъ и цѣлуются, вмѣстѣ закупаютъ вещи для домашняго обзаведенія, и новыя платья для радостнаго своего праздника ; проводятъ вмѣстѣ не только день, но и ночъ, и женихъ строго наблюдаетъ благопристойность. — Въ противномъ случаѣ остается бесчестіе на всю его жизнь (*). —

(*) При всей любви жениха, часто пробуждается въ немъ скорбное чувство. Мысль, что онъ женится, и Богъ знаетъ!

Избраніе дружекъ За нѣсколько дней до веселья, молодые собираютъ свадебный причетъ. Женихъ собираетъ своихъ дружковъ и бояръ, изъ коихъ старшій дружко распоряжается уже всѣмъ, что относится до свадьбы. Всѣмъ даются рушники бѣлые,

---

будетъ ли онъ счастливъ; что женившись, нельзя разстаться; что съ женидьбою оканчивается его свобода казацкая и всѣ *жарты* (забавы) съ чернобровыми и румяными *дивчатами*,— все это заставляетъ сокрушаться его. Это чувство очень хорошо выражено въ пѣснѣ:

Хлопче, молодче, якій ты ледащо!
Задумавъ жениться, самъ не знаешъ на що.
Будешъ колысь плакаты!
Хлопче, молодче, якій ты ледащо!
Задумавъ жениться, самъ не знаешъ на що.
Будешъ колысь плакаты,
Долю проклынаты,
И кулаками слезы утираты.
Хлопче, молодче,
Съ чорными бровами!
На що тобі жинка?—
Камень за плечами! —
Выплачешъ ты очи,
Да не вернешъ доли;
И самъ згинешъ,
Якъ могила у поли!
Чорненькіе бровки,
Скаетесь не въ пору;
Якъ закотыцця сонце,
За высоку гору.
Пиздно тогды буде,
Съ сердцемъ розмовляты, —
И кулаками слезы утираты.
Лучше напередъ
Якъ съ сердцемъ попытацця. —
Вжежъ оженывся, —
А писля не кайся. —
Козацкій я доли,
Вовикъ не забуду:

которыми перевязываютъ себя черезъ правое плечо, и прикалываютъ къ шапкѣ по ленточкѣ красной.—Невѣста избираетъ для себя дружекъ и старшую свитилку (сваху). Дружки получаютъ отъ нея хустки и ленты. По избраніи свадебныхъ чиновъ, молодые отправляются по знакомымъ, чтобы просить ихъ на свадьбу. Войдя въ избу, кланяются и говорятъ: проситъ батько и проситъ маты на хлибъ, на силь и на висилье. Ихъ принимаютъ радушно и угощаютъ. — Приходъ невѣсты провозглашаютъ дѣвушки пѣніемъ:

Обметайте дворы,
Застилайте столы,

Одныи любиты,
Николы не буду!
Пиздно мое сердце,
Пиздно схаменулось!
Рано мое счастье,
Рано извернулось!
Мабуть я николи,
Его не побачу!
Пиду на ричку,
Та съ горя заплачу.
Уже мисяцъ свите,
Тучи надо мною;
А я несчастливый,
Сижу надъ водою:
Плачу, заливаюсь!
Гирькими слезами.
Ахъ, мои дивчата!
Ахъ, мои дивчата!
Я прощаюсь съ вами,
Я прощаюсь съ вами.

Эта пѣснь сочинена однимъ даровитымъ и образованнымъ человѣкомъ, г. Ярославскимъ. Мнѣ же она сообщена знакомымъ моимъ, Я. Я. Тимченко-Рубановымъ, которому я обязанъ многими источниками о малороссійскихъ обрядахъ.

Кладите ложечки,
Срибны блюдечки
Золоты мысочки,
Отъ идутъ дружечки.

Войдя въ избу, она кланяется и говоритъ: проситъ батько, проситъ маты на хлибъ, на силь и на висилье. Во время хожденія молодыхъ по домамъ, поютъ веселыя пѣсни. —

Выди, выди матинько противу насъ,
Глянь же матинько на всихъ насъ:
Краше Гануся ото всихъ насъ!
Не пызнала маты своего дитяты.
За дружечками, за слезечками;
За дружечками за миленькими,
И за слезечками за дребненькими.

Я у матери була,
Я горилочку пила;
Та не простую, а коричную,
Зъ солодкимъ медкомъ.

Я дружечекъ люблю,
До дружечекъ иду:
Дружечка, голубочка,
Якъ зеленая груша
По двору зеленіе.
Обметайте дворы,
Купи матинько китайки,
Та застилай столы.
Глядите, голубочки,
Идутъ къ вамъ дружечки.

Спасибо вамъ за дружку,
За ся послужку;
Хоть не уміе спиваты,
Та уміе таньцоваты.

Утинько иде,
Утинятъ за собою веде,
За шовковою травою.
Да не утка се иде,
Гапуся не утятъ веде,
А дружечокъ за собою,
За чорною косою.

Ой ты душенько паша, Гапуся!
Сухая рыбочка не треща,
Матинько, богатій женихъ не шлеця;
А бидный не сміе,
Такъ моя чорна косынька смиріе.

Ой ты душенько паша, Гапуся!
Велики скоки сороки,
Низки поклоны вороны,
Довгоножикъ куличокъ,
Далеко слыхаты дружечокъ.
Ой ты душенько паша, душенько!
Лежитъ горохъ по дорози,
Твій батинько въ дорози;
Винъ того не знае,
Що дочка гадае.

Свити, свити звиздечко ясно,
Щобъ у Гапуси личико було красно;

Свити еще яснійши,
Шобъ буле краснійши,
Петрусеньку веселійши.

Печеніе короваєвъ.

Дня за два до свадьбы, пекутъ большіе и малые короваи: т: е: пшеничные хлѣбы, окрашенные красной краскою; по верхъ ихъ налѣпливаютъ хлѣбныя птички, которыя, вмѣстѣ съ короваемъ, покрываются золотой мишурой и украшаются прапорками (спичками); сверхъ короваевъ еще пекутъ изъ хлѣба: конниковъ, коровокъ и другихъ животныхъ, какихъ вздумаютъ, коими на свадьбѣ дарятъ дѣтей и тѣхъ гостей, у коихъ есть маленькія дѣти. Печеніе короваевъ сопровождается пѣніемъ пѣсней, сколько можно веселыхъ, думая, что въ это время онѣ имѣютъ вліяніе на судьбу молодыхъ. Самую закваску свадебнаго хлѣба сопровождаютъ пѣснями, по той же самой причинѣ. — Когда коровай бываетъ спеченъ и онъ поднимется высоко, тогда женщины поднимаютъ радостный крикъ, бьютъ въ ладоши, скачутъ по лавкамъ и столамъ, и вакханскимъ напѣвомъ разгоняютъ стыдливыхъ дѣвушекъ.

Яка я уродылася,
Така и удалася;
Хотивъ мене Иванъ, —
Да я не подалася.

И шумитъ и гудe,
Дрибенъ дощикъ идe.
Ой хто жъ мене молодую,
Та до дому проведе?
Обызвався козакъ,
На солодкимъ меду:
Гуляй, гуляй мое сердце,

Я до дому проведу ;
Гуляй, гуляй чернобрива,
Я до дому проведу.
Ой прошу жъ я тебе,
Не веди жъ ты мене;
Сердитаго свекра маю,
Буде биты тебе.
Ой я свекра не боюся,
Ой я свекру поклонюся :
Бо винъ се розтолкує,
И обнимє, поцилує.
На бикъ хлопцы, на бикъ хлопцы,
Бо чортъ свекра несе :
Якъ побаче мене зъ вами,
Его трясця затрясе.
Не хай трясе, не хай трясе,
Якъ у поли грушу!
А я таки молодая,
Погуляты хочу!
Не хай трясе, не хай трясе,
Якъ у саду вишню!
А я таки молодая,
Своего свекра вышлю.
Ой не стій пидъ викномъ,
Не махай рукавомъ ;
Бо якъ прыйде пора,
То я выйду сама;
Бо якъ прыйде той часъ,
То я выйду на часъ.
Ой не стій пидъ викномъ,
Не ворочайся ;
Просы мене чого хочъ,
Не соромляйся. —
Не повивъ вицъ до дому,
Та повивъ у солому.

. . . . . .

Диду мій, голубє мій,
Та порада моя,
Та потиха моя.

Ой на гори метелыця,
Чому старый не женыця?
Ой якъ же мени женыця.
Прійшла пора журыця....

Дѣвичникъ.

Бракосочетаніе совершается въ воскресенье, по сему въ субботу назначается въ невѣстиномъ домѣ дѣвичникъ. — Сюда собираются ея дружки, поддружки и свитилки. Старшая свитилка занимаетъ здѣсь главное мѣсто. Вечеромъ пріѣзжаетъ на ужинъ женихъ: съ родственниками, дружками и боярами. Всѣ они садятся за столъ, по распоряженію старшаго дружки. Дѣвушки, дружки и свитилка противу бояръ, а женихъ раздаетъ подарки: отцу, матерѣ и свойственникамъ. Тогда дружки поютъ свадебныя пѣсни, а потомъ ужинаютъ. Свитилка сидитъ въ большомъ углѣ, и держитъ въ рукѣ казацкую саблю, увитую калиновой съ ягодами вѣтвію; на саблѣ прилѣпляется тройная зажженая изъ воску свѣча. Съ тѣхъ поръ молодой именуется княземъ а молодая княгинею. — Сабля означаетъ казацкую вольность а калина непорочность. — Послѣ ужина выходятъ изъ хаты, танцуютъ подъ скрипку и гуляютъ до полуночи, —

Обрядъ предъ вѣнчаніемъ послѣ вѣнчанія.

Бояре и дружки слушаютъ заутреню въ воскресенье, вмѣстѣ съ княземъ и княгинею. Подруги идутъ потомъ къ своей молодой, чтобы одѣть ее въ брачное платье и расчесать дѣвичью ея косу. Онѣ въ послѣдній разъ заплетаютъ ей косу вѣнкомъ, убираютъ голову цвѣтами и преимущественно барвинкомъ и

рутою (*). Когда помолвленная умретъ до свадьбы, тогда могилу ея усыпаютъ барвинкомъ и рутою, въ ознаменованіе, что съ нею похоронена любовь и надежда.—Послѣ обѣдни собираются дружки къ своимъ молодымъ, которые испрашиваютъ благословенія у родителей; при этомъ благословеніи поютъ:

Похильное то дерево, тая липа,
Покирное то дитятко поклонилось,
Отцу и матери та низехонько.
Не стій вербо, розвивайся,
Свій, свій соби вербо,
Симъ сотъ квитокъ:
Щобъ всимъ боярамъ було по квиточки,
Одну нивисти и молодому.
Ото тоби квитка,
Хорошая дивка. —

Свити звиздечко зъ неба,
Свити, чого намъ треба.
Перваго воскресенья,
Проснмъ на весилья:
Хожъ идити,
Хожъ нейдити,
Хожъ дома сидити.

Суботнпько, недилнпько,
Якъ одинъ день;
Плакала Гануся тиждень!
Якъ мени плакать перестаты?

(*) Барвинокъ означаетъ любовь, а рута надежду.

Якъ свекора назваты?
Назову я свекоркомъ, — не гарно;
А назвать мени батинько, —
И милуй Боже!
Назову я свекоркомъ, не гарно;
А назвать мени батинько,
И милуй Боже!

Слала зоря до мисяца рано, рано;
Слала зоря до мисяця ранесинько.
Ой мисячко братику, рано, рано;
Ой мисячко мій братику, ранесинько.

Послѣ благословенія отправляются въ церковь. Впереди поѣзжанныхъ идетъ дружка, за нимъ свитилки, преимущественно изъ молодыхъ дѣвушекъ: одна несетъ брачныя свѣчи, а другая предковскій мечъ, увитый рутою, барвинкомъ и красной калиною; (*) за тѣмъ идетъ молодая чета, окруженная боярами, дружками, пиддружками и свахами, а все шествіе заключается двумя или тремя музыкантами, которые съ гордой важностію несутъ въ рукахъ скрипки и бубны, и по выходѣ изъ церкви играютъ. Нѣкоторые играютъ даже и тогда, когда молодые идутъ въ церковь.

При отправленіи молодыхъ въ церковь, сопровождаютъ ихъ пѣніемъ:

Ой у поли у крыныченьки,
Орлы воду пьють;
Та вжежъ мою дивчиноньку
До церкви ведутъ!
Жаль, жаль мени буде,
Разлучаютъ мене люды;

(*) Предковскій мечъ дѣлается жезломъ.

Теперь не моя,
Не буде моя!
Одынъ веде за рученьку,
Другій за рукавъ;
Третій стоить, сердце болыть:
Любывъ, та не взявъ!
Жаль, жаль мени буде,
Жаль, жаль мени буде.

По тимъ боци Дуная,
Вивчарь вивьци ганяе;
Вивчарь вивци ганяе,
На молодцивъ моргае:
Гей молодци, молодци!
Накажить моей дивонци,
Нехай мене не любыть,
Сама себе не губыть.
Бо я парубокъ удовый,
Аще къ тому й убогый.
Симъ сотъ овиць дейныку,
Яловнику безъ лику.
По тимъ боци Дуная,
Тамъ дивчына гуляла;
Де козаченько ходывъ,
Тамъ барвынокъ уродывъ;
Дежъ дивчына стояла,
Тамъ травонька повяла

Перепелычка мала,
Не велычка;
По полю литае,
Траву пригортае.
Траву пригортае,
Сокола шукае. —
Дивчыно, сырото!

Не стелы широко.
Стелы узенько,
Прысунься близенько.
Будымъ говорыты,
Якъ у свити житы.
Будымъ размовляты,
Якъ й горіоваты.

Изъ пидъ крутой горы,
Вылитало два орлы;
Литаючи, промовляючи,
Та по своій горькой доли.

Молодой, выходя изъ церкви, кланяется всѣмъ встрѣчающимся ему на дорогѣ, и отправляется съ своимъ поѣздомъ въ свой домъ, а молодая въ свой. У молодого обѣдаютъ бояре, свитилки, сваха, старосты и дружки. Тогда свитилка пришпиливаетъ къ шапкамъ бояръ, старостъ и скрипача, красныя изъ лентъ квитки (букеты цвѣтовъ изъ лентъ), или однѣ красныя ленты и цвѣты, и свои шапки они должны выкупать. Послѣ обѣда родители жениха садятся на шубу, вывороченную въ верхъ шерстью, держа въ рукѣ большой ржаный или ситный хлѣбъ. Сынъ кланяется въ ноги отцу, потомъ матерѣ, которая благословляетъ его хлѣбомъ; потомъ онъ проситъ дозволенія ѣхать ему въ домъ своей невѣсты.

Встрѣча молодаго.

Молодой съ боярами, старостами, свахою, свитилкою и дружками, отправляется въ домъ невѣсты. О его приближеніи маршалки (старосты) даютъ знать отцу и матерѣ невѣсты, и кладутъ хлѣбъ на столъ и ставятъ штофъ водки. Посрединѣ двора ставится тогда квашня, накрытая скатертью а на ней хлѣбъ и штофъ водки; мать даритъ дружку и поддружку ру-

шниками а князя встрѣчаетъ въ вывороченной шубѣ, сидя на вилахъ или на кочергѣ, и держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ, она даритъ его. Зять, взявъ отъ нея горшокъ, выливаетъ воду на гриву своей лошади и передаетъ старшему боярину, который, принявъ отъ него, бросаетъ въ сторону и замѣчаетъ: если разшибется горшокъ, то родится сынъ; а когда уцѣлѣетъ, тогда дочь.

Продажа невѣсты.

Потомъ молодой сходитъ съ лошади а на нее садится братъ невѣстинъ, или другой какой-либо свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре, сѣвъ на своихъ лошадей, обращаются за нимъ въ погоню. Словивъ его, они ведутъ къ невѣстѣ и предъ нею подчуютъ виномъ. Подающій вино говоритъ: прошу выкушать. Тотъ ему кланяется и не пьетъ. Тогда дружко выпиваетъ вмѣсто его, и наливъ другую чарку водки, подноситъ брату невѣсты; онъ опять отказывается.— Снова дружко спрашиваетъ: что тебѣ надобно? — Денегъ. — Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается къ сѣнным дверямъ и взявъ обнаженную саблю, садится подлѣ невѣсты. Князь съ свахою и свитилкою стоятъ въ сѣняхъ; мать невѣсты выходитъ изъ избы, зажигаетъ у свитилки, съ тройной ея свѣчи, прилѣпленной къ ея саблѣ, свою восковую свѣчу: цѣлуется съ свитилкою черезъ порогъ и, съ дозволенія старосты, вводитъ молодого къ невѣстѣ, окруженной уже дружками. Подлѣ невѣсты сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ, или тотъ самый, который ѣздилъ на лошадѣ молодого. Дружко спрашиваетъ его: за чемъ сидишъ здѣсь?—Я берегу свою сестру. — Она уже не твоя, а наша, возра-

жаетъ дружко. — А ежели она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ въ теченіи восемьнадцати лѣтъ,—говоря о лѣтахъ невѣсты, не насчитываютъ болѣе восемьнадцати,—а вы хотите взять даромъ!—Что же ты издержалъ? спрашиваетъ дружко. — Много! восемь бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, шесть воловъ, двѣнадцать кабановъ, двадцать овецъ, двѣсти гусей, триста курицъ, четыреста утокъ, сто кулей муки, пива пятьнадцать бочекъ, меду пятьдесятъ бочекъ, водки сороковую бочку, — а платья, а уборовъ, а черевикъ, — и счету нѣтъ! — Чѣмъ болѣе выставливается расходъ, тѣмъ почетнѣе для молодой. — Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько мѣлкихъ денегъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставитъ на ней чарку водки; потомъ подноситъ ему, но онъ не беретъ, потому что мало. Дружко склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ. По продажѣ невѣсты, братъ ея выходитъ изъ за-стола: на его мѣсто садится князь, — это называется сажаніе молодыхъ на посадѣ (за столомъ). Тутъ поютъ дѣвушки:

Та уси анѣгилы, та уси святые,
Пидъ викопечкомъ сили.
Молода Гануся у свого батиньки,
Благословенія проситъ:
Благослови мене, мій батинько!
На посади сисьти.
Богъ тебе, дочинько, на помощь,
Анѣгилы на радощи.
Анѣгилы рядятъ,
На посадъ садятъ,
Господь долиньку дае.

Низомъ, низомъ соколенько летивъ,
Коло его соколяты;
Сидайте вы соколяты,
На вишняхъ, на чирешняхъ,
А я сяду въ вишневомъ саду.
Отъ вамъ, соколяты,
Усимъ погалоцы,
А мени сиву зозулю.
Низомъ, низомъ Петрусенько ихавъ,
Коло его бояры.
Сидайти, вы бояры, по лавочкамъ,
А я сяду у тестя за столичкомъ.
Отъ вамъ, бояры, усимъ подружки,
А мени, молодому, молода Гануся.

Якъ въ саду соловійко заспивавъ,
А Петрусенько Ганусю не циловавъ;
Якъ въ саду соловійко заспивавъ,
Петрусенько Ганусю поциловавъ.
Въ саду соловійко гниздо вье,
Чи усимъ боярамъ мисто е?
А кому не ма,
Не хай самъ соби шукас.
Якъ не буде шукаты,
То буде у порога стояты. —

Ты сизая зозулинька,
Чому летишъ, та не закуккусешъ,
Лито теплое не згадаешъ.
Твое высокое литанье минуеця,
Высокое литаньечко,
Хорошое куковаиьечко.
А ты, молодая Гануся!
Чому сидишъ, та не заплачешъ?

Уже твое минуеця
Суботнее чесаньечко,
А въ пидилю обризаньеце.

Та наихало на нашъ двиръ,
Симъ паръ голубей,
Узнавай, голубочко!
Де буде твій двиръ?
Якъ мени угадаты,
Свій двиръ узнаваты?
Шо билесенько,
Якъ лебеденько, — то мій!
Наихало симъ сотъ бояръ,
Узнавай Ганусенько,
Де твій милый? —
Шо у спиними,
Та не успымъ,
То не мій. —
А шо у голубому,
Та на вороному, —
Той буде мій. —

На двори дощикъ иде зъ росою,
Размовляла Гануся зъ своей косою:
Коса моя, косынько!
Та важко мени вздыханье,
Гирькое разставанье.
Не годъ я, не два тебе чесала,
Красны стрички заплетала.
Якъ розплетали и всю порвали,
Подъ очипокъ клали,
Усю изорвали,
Усю мою кисоньку изорвали. —

На гори жито, а на двори просо;
Шо жъ тоби буде, моя руса коса?
Куда жъ ты, Ганюсу, вечеркомъ
Пизнесенько ходыла,
Шо ты того Петрусенька полюбила?
Не я его, подружички, полюбила,
Та полюбивъ его мій батинько:
За его тихіе розговоры,
За его низкіе поклоны.

Въ продолженіи пѣнія, родители невѣсты подчуютъ водкою зятя и всѣхъ гостей. — Дѣвушки поютъ:

Мы були въ церкви, бачили диво:
Два виньцы на стольцы,
А третій на Гануснной на головки.

Стояла Ганусенька пидъ винечкомъ,
Чесала русу косыньку гребенечкомъ;
Упавъ гребенецъ пидъ крыленъ:
Подай мени, Петрусенько, гребенецъ!
Якъ тоби, Ганусенько, не вдовецъ,
Тогды бы я подавъ, твій гребенецъ. —

Колесомъ, колесомъ
Солнышко въ гору
Поднималось;
Ганусенька къ подружечкамъ
Собиралась.
И своему батиньки
День добрый дас;
День до вечера,
Зъ дивчатами гуляс.
Ганусенько у батинька,

Кохане дитя;
Кохане, якъ утя,
Якъ рожа въ огорожи.

Дывуются селяны,
Що идутъ бояры;
Копики воропые,
Бояры молодые. —
Де стапутъ,
Тамъ играютъ,
Гануссеньку выманяютъ.
Иди Гануссенько зъ нами,
Дадимъ тоби квиточку зъ пирьями.
Я ту квиточку не зношу,
Бо полюбила Петруссенька, якъ душу.

Давжежъ улицы тисны!
Бо по симъ уличкамъ,
Ихали бояры пышны.
Та везли вони хоругву,
Да на той хоругви малеванье.
То Гануссенько твое написанье. —

Сказано матери,
Що твоихъ дитокъ звязали;
Твоихъ дитокъ,
Одныхъ литокъ,
Тонесенькимъ, билесенькимъ,
Рушничкомъ. —

Поизжайте бояры до бору,
Рубайте сосну, да довгу.

Становите соспу на столи,
На столечки, на дубовинькимъ,
На тонесенькимъ рушничку,
На серебрянимъ блюдечку.

Не війте, вы витры, изъ рожи;
Повійте витры по дорози,
Рознесите русу косу,
По красному поясу;
Розберите по волосочку,
Якъ жито по колосочку.

Ой гаемъ, гаемъ,
Ихали бояры веселеньки.
Я тоби честь добываю,
Василечкомъ обметаю,
Барвинечкомъ обстилаю:
Шобъ гай бувъ зеленькій,
Шобъ гостей увеселить
Веселенько. —

Летивъ горностай,
Черезъ садъ;
Пускавъ пирьячко,
На весь зеленый посадъ. —
Пора тоби, Гануся,
Сисьти на посадъ.

Дружко между тѣмъ испрашиваетъ благословенія у старосты: не пора ли раздавать подарки?—Получивъ согласіе, онъ подноситъ отцу хлѣбъ, матерѣ красные козловые сапоги, родственникамъ, свойственникамъ и

всему поѣзду молодыхъ и прочимъ гостямъ: платки, рушники, коники, дѣланные изъ тѣста, бублики, кораваи, пряники; потомъ дружко проситъ три раза дозволенія: паны старосты и підстаросты! благословите молодыхъ вывесты изъ хаты, на двиръ погуляты.

Танцы. Весь народъ выходитъ на дворъ. Тройста (скрыпачъ, цимбалистъ и басъ), уже играетъ. Впередъ выступаютъ двѣ пары дѣвушекъ, и взявшись за руки, начинаютъ дрибушку: стучатъ каблуками, брясчатъ подковами; то кружатся вмѣстѣ, то расходятся; то какъ лебеди гордо плывутъ, то какъ уточки ныряютъ. Головы поднимаютъ вверхъ и вдругъ опускаютъ, или черными глазами устремляются къ молодцамъ. Тутъ размахиваютъ руками небрежно, рисуются гибкимъ станомъ, присѣдаютъ, сближаются и обвиваются другъ около друга. Морозъ подираетъ по кожѣ молодцевъ! Толпа рукоплещетъ дѣвушкамъ, — Онѣ устали, потъ льется съ ихъ лицъ, только утрутся платочками, и снова. Онѣ и хотѣли бы перестать, но музыка еще играетъ. Музыканты никого не уважаютъ: дерутъ себѣ на пропалую! Одна изъ дѣвушекъ уже не можетъ танцовать; она проситъ и молитъ музыкантовъ: годи бо дядьку! та перестанте! ось оже не здужаю! (полно дядюшка, да перестаньте, вотъ уже не могу). Тройста не слушаетъ, — она знаетъ свое дѣло. Дружко въ то время подноситъ музыкантамъ по чаркѣ водки, и вотъ дѣвушки рады: музыкантамъ клапяются и присоединяются къ своимъ подругамъ. Но тутъ одинъ нетерпѣливый парубокъ-красавецъ, кричитъ: эй музыка! путе-жъ горлицы (*). Онъ выходитъ на средину, бе-

(*) Названіе танца, — по переводу: танецъ голубки

рется въ боки и смотритъ съ самодовольствіемъ. — На немъ изъ сѣрыхъ смушекъ высокая шапка, съ краснымъ верхомъ, и надѣта на бекрень. Онъ водитъ усами, посматриваетъ на всѣхъ важно, ни засмѣется, и приговариваетъ: одже узявся танцеваты, та може и не вмію (вотъ взялся танцовать, да можетъ быть не съумѣю).—Тройста играетъ.—Молодецъ пошелъ въ присядку: ногами не коснется земли! Онъ скачетъ, присѣдая на колѣнахъ; потомъ обернется, привскочитъ, ударитъ въ ладоши, и вдругъ свиснетъ, что въ ушахъ засвищетъ; Затѣмъ подбочинится и снова трепака. Земля гудетъ подъ нимъ, а онъ стучитъ, гремитъ, выдѣлываетъ дрибушку ногами; потомъ подпригнетъ и снова въ присядку: вертится, увивается и подскочивъ къ одной изъ дѣвушекъ, вьется около нее, выдѣлываетъ трепака и присядку, и приговариваетъ: ой дивчина горлыца, до козака горнется; а козакъ, якъ орелъ, якъ побачивъ, та й вмеръ! (ой дѣвушка голубка, къ казаку жмется, а козакъ какъ орелъ, какъ увидѣлъ ее, такъ и замеръ!).—Общее одобреніе: добре! оцежъ якъ зъ лиха мудро! Онъ снимаетъ шапку, кланяется всѣмъ и выходитъ изъ круга. За нимъ другой молодецъ начинаетъ казачка, а тамъ мятелицу. Онъ носится вихремъ и подсматривая на стариковъ, приговариваетъ: ой на двори мятелица! чому старый не женица?—Но самъ красавецъ такъ и мнется около дѣвушекъ, а дѣвушкамъ это по сердцу. Онѣ не остаются въ покоѣ: пускаются за нимъ, вертятся, закруживаются въ сладостномъ самозабвеніи,—и тогда въ сердцахъ настоящая мятель. Все скачетъ, стучитъ и кричитъ: ой на двори мятелица, мятелица. Шумъ, хохотъ и неподдѣльное веселіе, подстрекаютъ другихъ плясать: все летитъ, мятетъ и мигъ радости въ жизни бурной, хотя какъ мятель, доволенъ для пирующихъ. — Пляска продолжается до тѣхъ поръ, пока дружко не попро-

сить гостей къ обѣду. Все умолкаетъ; каждой идетъ чинно и занимаетъ свое мѣсто.

Кушанье Столъ накрывается поверхъ ковра тканой скатертью: на столѣ разставлены деревянныя бѣлыя и окрашенныя тарелки, ложки, солонки, кружки и ножики съ вилками. — У зажиточныхъ бываютъ стеклянные стаканы, муравленая посуда и бѣлыя глиняныя тарѣлки. Обѣдъ приготовляется въ изобилiи: лапша съ курицею, пироги, жаркое всякаго рода съ соусомъ и подливкою; холодное, поросенокъ съ тертымъ хрѣномъ и сметаною: яишница, холодецъ (ботвинья), галушки (клецки) съ молокомъ, молочная каша, различные бѣлые хлѣбы, разныя водки: запеканка, полыновая, гвоздичная; настойки изъ травъ и пряныхъ кореньевъ, вишневка, терновка, сливянка, дуливка (изъ грушъ), смородиновка, малиновка; яблочный и грушевый квасъ, пиво, брага и варенуха. Вмѣсто сладкихъ послѣобѣденныхъ закусокъ, подаютъ медяники (медовые пряники), маковики, моченыя яблоки, сушеныя черносливы, груши, дули, вышни, павыдло (постила), финики, орѣхи, винныя ягоды и изюмъ. Таковой столъ, конечно, не всякъ можетъ имѣть, по крайней мѣрѣ, всякiй старается угостить на славу. Мѣщане, купцы и другiе зажиточные ничего не жалѣютъ для радостнаго дня.

Предъ женихомъ и невѣстою стоятъ пустыя тарѣлки, съ положенными на нихъ крестообразно двѣмя ложками, и ржаной цѣлый хлѣбъ, обсыпанный солью. Посреди стола коровай, накрытый крестообразно двумя утиральниками, съ воткнутою въ него вѣтвью елевою или калиновою. Подъ образами сабля, окруженная заженными свѣчами. Молодые ничего не ѣдятъ во весь обѣдъ. По принесенiи перваго кушанья, лапши, отецъ и мать подчуютъ гостей водкою, и пьютъ за здоровье по-

вобрачныхъ. Подчиваніе водкою, повторяется почти при каждомъ кушаньи. Сестра невѣсты, снявъ съ жениха шапку, пришиваетъ къ ней квитку (цвѣтокъ), и поетъ приличную пѣснь. — Старшій староста, который въ иныхъ мѣстахъ замѣняется старшимъ дружкою, распоряжается угощеніемъ и смотритъ, чтобы всѣ были сыты, довольны и веселы. — Для этого избирается преимущественно веселый, проворный, услужливый и предупредительный; иначе онъ подвергнется посмѣянію, и дѣвушки тогда поютъ на его счетъ:

Старшій боярин, якъ болванъ,
Вытращивъ очи, якъ баранъ.
Обручами глаза збыты,
Мочулою свыты,
Лычкомъ пидперезався,
У бояра прыбрався!

Въ помощъ старшаго боярина назначается нѣсколько дружекъ и поддружьевъ, которые помогаютъ угощать, но при каждомъ угощеніи спрашиваютъ у него благословенія и дозволенія на подаваніе кушанья, или на что либо другое. Старшій дружко прочитавъ, послѣ благословенія старосты, Отче нашъ, снимаетъ съ коровая рушники, беретъ одинъ себѣ, а другой отдаетъ поддружему и перевязываетъ себѣ и ему черезъ плечо; потомъ разрѣзываетъ коровай на части и дѣлитъ между гостями.—Каждый даетъ за то по нѣсколько денегъ. Послѣ обѣда всѣ идутъ на дворъ, снова танцовать, и гуляютъ до сумерокъ. Вечеромъ подаютъ ужинъ, и всѣ гости садятся за столъ по прежнему порядку.

Послѣ ужина дѣвушки расплетаютъ косу молодой а старшая сваха заплетаетъ по женскому обычаю, и падѣваетъ очипокъ, который срываетъ съ себя ново- Покрываніе.

брачная до трехъ разъ, и бросаетъ на полъ. При надѣваніи очипка, она и ея подруги плачутъ: первая объ отнятіи у нея дѣвической волюшки, а вторыя о разставаніи съ нею. Тутъ онѣ поютъ пѣсни:

Покрываночка плаче,
Покрываночка плаче,
Покриватися не хоче;
Не такъ не покриваця,
Якъ съ ними разставаця. (*).

Онѣ прощаются съ нею: обнимаютъ и цѣлуютъ другъ друга. Тутъ поютъ грустныя пѣсни.

Зять хорошій!
Давай мени копу грошей,
Копою ще не отбудешъ
Хиба мени жупанокъ купишъ.
А якъ гривенъ шести недасы,
Звелю тебе отъ сестры отвезти.

(*) Въ другихъ мѣстахъ поютъ еще:

Покрываночка плаче
Покриваця хоче,
Щобъ ни дивувать,
А бабувовать.

При надѣваніи очипка иногда дѣвушки выходятъ изъ избы, и подойдя къ тому окошку, противу котораго сидитъ молодая, поютъ въ насмѣшку:

Тобѣ буде дивувать,
А намъ ще довго гулять,
Трай, рай, ра. 3.
Мы идемъ на вечерницы
А ты уже молодыця. 3.

Невѣста, услыхавъ эту пѣснь, начинаетъ плакать. —

Якъ не стыдно тоби зятинько,
Що ты на конику идешъ:
Безъ седельчика и безъ лучка,
За столомъ сидишъ
Безъ шлычка и безъ винчка. —

Зять на мене та не надивиця,
Виъ на мене сопротивиця;
Зять на мене не погляне,
Виъ мене тишкомъ лае.

Таки буде не по вашему,
А буде по нашему;
Якъ бы мы схотили,
Мы бъ ій до Дунаю повели,
Мы бъ ій тамъ кисочку заплели,
Мы бъ ій зъ собою увезли.
Слухайте бояры: де голубь гуде?
То не голубь гуде,
То Петрусь гомонитъ,
Молодевство здае!
Нате вамъ, бояры,
Молодевство мое,
И стрилку и лучекъ,
И передній топичекъ.
Слухайте дружечки: де голубка гуде?
Не голубка гуде,
То Гапусенька гомонитъ,
Дивованье здае:
Нате вамъ, дружечки,
Дивованье мое,
Шкапку и винокъ,
И первій почипокъ.

Чіе у тебе, паниматко, дитяко?
Шлешъ ін противу ночки!
Дай ій проводничка, хоть братичка,
Дай ій проводницу, хоть сестрицу.

Старша дружка маленька,
У ней маты старенька:
Шлетъ вона послы и посилае,
Шобъ ся дитина дома була,
Щобъ ся дитину привели:
Зъ скрипками, зъ цымбалами,
Зъ хорошими боярами

Вышла Олена изъ подъ билаго камня,
Пытае Олена: чи люта зима?
Хоть люта, хоть не люта,
Не такъ якъ лито.

Выглядае Гануся
Изъ пидъ тонкого сирпяика,
Пытаецця у людей:
Чи грозный ся свекорокъ?
Хоть грозный, не грозный,
Та не такій, якъ твій ридній.

Прощай, прощай! уже мы идемо,
Уже твое дивованье,
Зъ собой беремо,

Спасибо тобі, Гапусенько,
Що ты насъ въ дружечки брала,
Що близенько около себе сажала.

Брала Гануся ленъ,
Выганяла своихъ дружечекъ винъ!
На що було насъ браты,
Коли винъ выгоняты?

Жаль намъ тебе, Гануссенько,
Що позвала насъ до себе;
Разлука наша зъ тобой,
Якъ съ рыдней сестрой.

Чего жъ ты, Гануся, досиживаешъ?
Чомъ ты, батинька, не дякуешъ?
Кони уже запряжены,
И повозочки позавертаны.
Тилько батинько,
Систы та поихиты.
Тилько батинько, не пора!
Упала Гануся батиньки низко,
Спасибо тоби, мій батинько,
За твое коханьеце:
Що я у васъ гуляла,
Важного дила не знала;
Тилько знала до свиточку
Та на уличку,
Та за виночокъ, —
Та въ топочокъ. —

Когда одѣнутъ по женскому обряду, тогда молодая даритъ своихъ подругъ платками и лентами, и потомъ разстается съ ними. Старшую дружку провожаютъ бояре съ пѣніемъ и музыкою, до самаго ея двора.

Провожаніе молодыхъ и радость

По расходѣ гостей, ужинаютъ молодые за особымъ столомъ въ уединенной комнатѣ или чуланѣ. Дружки и свахи собираютъ тогда приданое невѣсты, скла-

о благополучіи молодой

дываютъ на телѣгу или сани, и посадя туда невѣсту съ свитилкою и свахою, везутъ въ домъ жениха, который тутъ же ѣдетъ верхомъ съ боярами, съ правой стороны. Молодой, по выѣздѣ изъ тестева двора, бьетъ плетью по спинѣ своей молодой, нѣсколько разъ, приговаривая: покидай правы отца и матери, и привыкай къ моимъ. При вьѣздѣ въ домъ, зажигаютъ по среди воротъ куль соломы, черезъ который переѣзжаютъ молодые, а за ними весь ихъ поѣздъ; потомъ входятъ въ хату. (*) Новобрачные кланяются въ ноги родителямъ, кои благословляютъ ихъ образомъ и хлѣбомъ-солью; потомъ сажаютъ ихъ за столъ и подаютъ имъ ужинъ, гдѣ они ѣдятъ прежнимъ порядкомъ. Послѣ ужина дружко со свахою и свойственниками, ведутъ новобрачныхъ въ подклѣть, и тамъ оставляютъ ихъ вдвоемъ на нѣкоторое время. Въ иныхъ мѣстахъ музыканты, подтянувши струны на скрыпкахъ, провожаютъ новобрачныхъ къ ложу торжественнымъ маршемъ. Молодая снимаетъ сапогъ съ молодаго, который по спятіи бьетъ ее слегка по спинѣ голенищемъ, и приказываетъ ей взять, выпавшія изъ сапога деньги. За тѣмъ ложатся спать на постланной на полу соломѣ, покрытой ковромъ или войлокомъ. — Дружко, съ обнаженною саблею въ рукѣ, въ казацкомъ нарядѣ и въ шапкѣ на бекрень, ѣздитъ

(*) Молодые переѣзжаютъ чрезъ огонь въ томъ мнѣніи, что огонь очищаетъ ихъ отъ всякой нечистой силы и предохраняетъ отъ порчи. — Если до пріѣзда молодой узнаютъ о какомъ нибудь неблагополучіи въ домѣ жениха, то впускаютъ въ хату кошку или пѣтуха, которые должны пробыть тамъ цѣлые сутки, или заставляютъ молодую влѣзть въ окошко въ одной рубашкѣ, при чемъ произносятъ заговоры отъ колдовства. —

верхомъ около сѣнника молодыхъ. Никто тогда не смѣетъ подойти, даже самая любопытная сваха. Спустя нѣсколько времени молодой зоветъ дружку и объявляетъ ему о благополучіи своей молодой. Дружка входитъ въ подклѣть съ родственниками невѣсты и свахою, и удостовѣряются въ дѣйствительности; потомъ отправляются къ родителямъ жениха съ радостнымъ извѣстіемъ: поздравляютъ родителей съ счастливымъ бракомъ молодыхъ; поютъ, веселятся и пляшутъ. (*) Послѣ отправляются въ домъ родителей невѣсты, и въ знакъ радости: бьютъ окошки, печи, ломаютъ столы, стулья, лавки, колотятъ посуду и все что попадется имъ въ руки. — Иногда все переломаютъ и перебьютъ въ домѣ, но родители не только за то не сердятся, — еще благодарятъ ихъ: дарятъ рушниками и платками. Разгульные вѣстовщики возвращаются въ домъ жениха, и проводятъ всю ночь, до свѣтлаго дня: въ пѣніи, пляскахъ и шумномъ веселіи (**). —

На другой день, въ понедѣльникъ, собираются гости въ домъ молодого. — По утру рано приходитъ сюда старшій бояринъ къ молодой, беретъ у нее красную запаску (передникъ), привязываетъ къ высокому шесту, ставитъ его у воротъ, въ ознаменованіе цѣломуд-

---

(*) Иные кладутъ сорочку молодой на тарелку или въ чашку, приносятъ къ родителямъ невѣсты на сохраненіе, и идя по улицѣ, поютъ:

А наша хатина добраго роду,
Куповали купцы, не продала;
. . . . . .
. . . . . .

(**) Если молодая окажется нечестною, то надѣваютъ хомуты на дружковъ, сватовъ и на мать молодой, и всѣхъ ихъ водятъ по улицѣ.

мудрія молодой, и запаска развивается на шестѣ до самаго вечера, или покуда молодые не возвратятся изъ вечерни. Молодой бояринъ, когда идутъ молодые, взлѣзаетъ на ворота, и поднявши шестъ съ запаской, машетъ на молодыхъ, а потомъ впускаетъ ихъ во дворъ. Тогда весь свадебный причетъ, въ предшествіи дружки, который держитъ въ рукахъ хлѣбъ и штофъ водки, идетъ при пѣніи пѣсней въ домъ старшаго дружки. Послѣдній выходитъ имъ на встрѣчу, принимаетъ и угощаетъ кушаньемъ и виномъ. Послѣ выходятъ на дворъ и танцуютъ подъ музыку. Отъ старшаго дружки отправляются къ боярамъ, свахамъ и свитилки, которыя ихъ такъ же угощаютъ, и обойдя всѣхъ по очередно, отправляются къ молодымъ и спрашиваютъ у родителей дозволенія, чтобы весть повобрачныхъ въ церковь.

Въ иныхъ мѣстахъ есть обыкновеніе, что на другой день свадьбы идутъ рано къ молодой, ея дружки, и приносятъ ей до завтрака жареную курицу и коровай, а она угощаетъ ихъ особо.

Покровеніе головы.

Получивъ согласіе весть повобрачныхъ въ церковь, надѣваютъ на молодую очипокъ (чепецъ), намитку (повойникъ), съ красною вокругъ головы лентою. Молодые ожидаютъ на папертѣ (церковномъ крыльцѣ), или даже около церкви, пока прійдетъ священникъ. Дружко и поддружко отправляются къ дьячку и пономарю; кладутъ имъ на столъ по хлѣбу и ставятъ склянку водки; отъ нихъ идутъ къ священнику съ тѣми же самыми подарками, и просятъ его, чтобы онъ ввелъ молодыхъ въ церковь. — Попъ требуетъ платы, ему даютъ, и тогда онъ, подойдя къ дверямъ и прочтя молитву за порогомъ, беретъ повобрачныхъ за руки, вводитъ въ церковь и читаетъ молитву покровенію головы; потомъ покрываетъ молодую серпянкою (фатою), окропляетъ повобрачныхъ св. водою, благосло-

вляетъ ихъ на новую жизнь, и отпускаетъ съ пожеланіемъ имъ счастія. —

Веселіе свадебныхъ гостей, въ продолженіи недѣли.

Всѣ свадебные гости идутъ въ домъ молодаго. Новобрачныхъ сажаютъ за столъ. Сюда приходитъ свекоръ съ палкою и тычетъ ею въ глаза невѣстки, спрашивая: не слѣпали она, что сидитъ подъ фатою? Въ удостовѣреніе свое, онъ снимаетъ съ нея серпянку, и отъ радости, что она не слѣпая, подчиваетъ виномъ. Дружко же ставитъ на столъ медъ, въ деревянной тарелкѣ, намазываетъ имъ кусокъ бѣлаго хлѣба и отвѣдываетъ, сперва самъ; потомъ подноситъ другой кусокъ ко рту молодыхъ, и самъ свѣдаетъ; но третій кусокъ отдаетъ уже имъ. Прочіе ломти хлѣба съ медомъ, раздаетъ всѣмъ находящимся тутъ. Послѣ, по благословенію старосты, выходятъ гости на дворъ, чтобы повеселиться: дружко начинаетъ пляску. Старшій бояринъ, поставивъ чарку вина и положивъ нѣсколько мелкихъ денегъ на тарелку, подноситъ все это молодой. Она взявъ деньги и выпивъ немного водки, идетъ танцовать съ нимъ, а потомъ со всѣми. По окончаніи танцовъ дружко проситъ гостей ужинать. Войдя въ избу, они садятся по указанію старосты и дружки; всѣхъ ихъ подчиваетъ отецъ и мать.—Дружко испрашиваетъ у старосты дозволенія разрѣзывать коровай. По прочтеніи Отче нашъ, онъ разрѣзываетъ который на части, подноситъ сначала отцу и матерѣ, потомъ всѣмъ свадебнымъ гостямъ, кои дарятъ новобрачныхъ, на заведеніе хозяйства, домашними птицами и скотомъ; наконецъ, взявъ жареную или вареную курицу, а иногда сырую, хлѣбъ и стульны (*), обкладываетъ ихъ калиновыми вѣтьвями,

(*) Стульны, родъ пироговъ. Они дѣлаются съ загибами по 6 угламъ, и съ большими загибами; иногда загибается почти вся цѣлая половина.

обводитъ красной бумагою и идетъ съ молодымъ и со всею свадебною толпою, къ тестю и тещѣ, при пѣніи и играніи музыки. Дружко тамъ кладетъ курицу съ хлѣбомъ на столъ; тесть и теща угощаютъ ихъ. Послѣ дружко дѣлитъ курицу на мѣлкія части: тестю даетъ пару стульневъ и куриную голову, а тещѣ пару стульневъ и заднюю часть курицы, прочимъ гостямъ по ломтю стульня и куску курицы. Съѣвъ все это, теща отправляется къ зятнему отцу, со всѣми пришедшими къ ней; тамъ ужинаютъ а послѣ веселятся: поютъ и танцуютъ до разсвѣта. Во вторникъ собираются гости къ обоимъ сватамъ, ходя толпами изъ дома въ домъ; ихъ угощаютъ кушаньемъ и напитками, не оставляя забавъ, которыя продолжаются нерѣдко во всю недѣлю. Субботою оканчиваются всѣ свадебные обряды. (*) Въ теченіи свадебной недѣли князь разъѣзжаетъ по улицѣ съ своими боярами, и всѣ верхами. Бояры и дружки ѣздятъ съ перевязанными черезъ плечо рушниками и приколотыми къ шапкамъ лентами, а молодой съ цвѣткомъ, приколотымъ къ его шапкѣ. Во время поѣзда поютъ пѣсни:

Горе съ такимъ чиловикомъ
Що самъ горылки пи пье,
И мени не велитъ;
Самъ въ люди нейде,
И мене не пускае.
Якъ украду пятакъ,
Пійду въ кабакъ.

(*) Свадьба малороссійскаа довольно расходная. Она самому не богатому поселянину обходится не менѣе 50 руб. серебромъ. Въ прежніе годы, не болѣе 40 л. тому назадъ, она обходилась съ обѣихъ сторонъ не болѣе 10 руб. серебромъ.

Пыла я пичиньку.
Пыла я дви,
На третью пичиньку,
До дому иду.
Та встрѣтилась съ диверькомъ,
На бытомъ шляху.
Нивистушко, голубушко,
Де ты була?
Диверько, братику,
Горылку пыла.
Нивистушко, голубушко,
Мужикъ буде биты.
Диверько, братико,
Прійде браныты —
Я дамъ тоби сорочечку
Тонку льняную;
Дамъ тоби хусточку,
Вишиванную —
Якъ зачуе мій миленькій
Въ вышневимъ саду,
Я ту сорочичку
Самъ изношу;
А ту хусточку,
Въ рукахъ изотру.
Тоби, моя миленька,
Головку изобью.
Покатилась головочка,
Якъ маковочка;
Розсыпалась червонна,
Якъ по пичи жаръ.
Учипылось миленькому жаль:
Возьми пятакъ,
Та пійды въ кабакъ.
Та всежъ я малесенька
Напилась,

За твосю головою,
Нажилась (*).

Да ны куй старосто,
Золотого ножа;
Пыдкуй пидъ сане ирване (полозья)
Пыдвозы тязы, та пойдимо,
Горомъ борою.
Буде камнь звенить,
А возы гудыть.
Зачуютъ люды,
Намъ слава буде,
А сваха зачус,
Що славнійше буде.
Та ны куй Петрусю,
Золотого ножа;
Пыдкуй пидъ сане ирване,
Пидвозы тязы,
Та пойдемо,
Горомъ борою.
Возы будутъ шумить,
А камнь звенить.
Зачуютъ люды,
Намъ слава буде;
Зачус Гапуся,
Ще славнійше буде. —

Ой темная,
Та невыдная ничепька!
Ой дурная,

(*) Эту пѣснь поютъ по большей части женщины, послѣ перваго дня свадьбы.

Та неразумная дивчина!
Полюбила козаченька старого,
Веде за рученьку его пьянаго;
Кладе спаты,
На тесовой кровати;
Сама пишла,
Въ вишневый садъ гуляты. —
А забула соловеечку
Приказаты:
Ни спивай рано въ саду,
Нибуды якъ мого миленького
Въ комори. —
Якъ думала,
Мій миленькій,
Спитъ и не чуе.
Ажъ винъ на мене
Наганчку готуе.
Якъ думала,
Шо наганчка шуточка. —
А якъ де вдаре,
Тамъ лопнется шкурочка,
Якъ думала,
Шо наганчка,
Тинкій дритъ.
А якъ де ударе,
Тамъ розсядиця шкурочка.

При встрѣчѣ жениха съ невѣстою, дружки и бояры поютъ:

Ихали бояры горою,
Звалы Ганусю зъ собою:
Пійдемъ зъ намы!
Дамо тобѣ квиточку,
Зъ пирьями. —

Дружки невѣсты отвѣчаютъ:

А сю квиточку
Не зношу ;
Бо полюбила Петруся,
Якъ душу.

По тимъ боци Дуная,
Вивчарь вивьци гоняе ;
Вивчарь вивьци гоняе,
На молодцивъ моргае :
Гей молодци, молодци!
Накажить моей дивонци,
Не хай мене не любить,
Сама себе не губыть ;
Бо я парубокъ удовый
А ще къ тому и убогый.
Симъ сотъ овицъ дейнику,
Яловыку безъ лику.
По тимъ боци Дуная,
Тамъ дивчына гуляла ;
Де козаченько ходывъ,
Тамъ барвынокъ уродывся;
Дежъ дивчына стояла,
Тамъ травонька завяла.

Перепелычка мала,
Не велычка ;
По полю литае,
Траву пригортае.
Траву пригортае,
Сокола шукае.
Дивчыно, сырото!
Не стелы широко.
Стелы узенько,
Прысунься близенько.

Будымъ говорыты,
Якъ у свити житы.
Будымъ размовляты,
Якъ й горіоваты.

Ой горе! горе!
Нещастная доля.
Взорала дивчыпонька
Мысляпками поле;
Карыми очыма,
Тай заволочыла;
Дрибненьками слизоньками,
Все поле смочыла.

Изъ пидъ крутой горы,
Вылитало два орлы;
Литаючи, промолвляючи,
Та по своій горькой доли.

Женщины и мущины поютъ, во время веселія, шуточныя и часто такія пѣсни, какія вздумаютъ или какъ имъ по сердцу. —

Ой выхавъ козакъ на Украину,
На Украини побачивъ дивчыну,
Зъ коня заразъ устававъ,
До дивчыны прыпадас,
Кулыною называс. —
Кулыно моя,
Ты пани моя!
Ой ты козаче!
Ой ты пане мій!

Та чы есть у тебе,
Та курінь свій?
Курінь маю крый Дунаю,
Очеретомъ обставляю;
Що побачу, загоняю;
Кулыно моя,
Ты пани моя!
Ой ты козаче,
Ой ты пане мій!
Та чы есть у тебе,
Та панць свій?
Соломаха, затираха,
Отъ вся козацкая пдаха!
Кулыно моя,
Ты пани моя!
Ой ты козаче,
Ой ты пане мій!
Та чы есть у тебе,
Та однжъ свій? —
Жупаныну черви зылы,
А сорочку росточылы;
Въ потылыцы гниздо свылы,
До крыныци пыть ходылы,
Кулыно моя,
Ты пани моя! —

За Немель иду!
Гей, коню мій! коню, —
Заграй пидо мною.
Дивчыно прощай!
За Немель идешъ,
Мене покидаешъ!
Куда-жъ ты, мій мылый,
Куда жъ отызжаешъ?

Хиба жъ тоби милый,
Чужа сторона, —
Рыднійше, милійше,
Своій вона?
Иду я туды,
Де роблятъ на дыво:
Червоное пыво, —
Зъ крови супостатъ.
Хиба жъ ты задумавъ,
Тымъ пывомъ упытця?
Хиба жъ ты задумавъ
Зо мной розлучытця?
Испый мои слезы,
Испый мою кровь,
Та тилько не кидай
За вирную любовь!....
Дивчыно не плачъ,
Не рвы мое сердце!
Якъ пиръ той мынетця,
Вернусь я назадъ.
Та вжежъ тоби милый,
Назадъ не вертатця:
Тамъ тоби серденько,
Навикъ зоставацця!
Дывысь, пидъ тобою
И кинь щось поникъ.
У поли червонымъ,
Заснешъ ты навикъ!
Якъ воронъ до тебе
Въ иконце закряче,
Изъ за-моря прыскаче
Козаченько твій!
Якъ явиръ зеленый
Головоньку склоне,
Зозуля закукне,
Дуброва застоне;
Якъ кинь пидо мною,

Спиткнетиця, вздыхне;
Тоди не буде
На свити мене! —

Гомонъ, гомонъ по дуброви,
Туманъ поле покрывае,
Маты сына прогоняе:
Иды сыну геть видъ мене,
Нехай тебе орда визьме!
Орда мене маты знае,
Срибломъ, златомъ надиляе.
Иды сыну геть видъ мене,
Нехай тебе москаль визьме!
Мене маты москаль знае,
Обидаты прыклыкае.
Иды сыну геть видъ мене,
Нехай тебе турчынъ визьме!
Мене маты турчынъ знае,
Пывомъ, медомъ напуває.
Гомонъ, гомонъ по дуброви,
Туманъ поле покрывае,
Маты сына завертае:
Вернысь сыну до домоньку,
Смыю тоби, счешу головеньку.
Смыютъ мени дрибни дощи,
А вычешуть густи терны.

Ой на гори женьци,
Жнутъ. 2.
А по пидъ горою,
По пидъ зеленою,
Козаки идутъ. 2.

По переду Дорошенко,
Веде свое вийско:
Веде Запорожцевъ дружиненько. —
А въ средыни
Сынюдюжый, —
Пидъ нымъ коныченько,
Пидъ нымъ ворононькій,
Сильно дюжый. 2.
А по заду Сагайдашный —
Що проминявъ жиньку
На тютюнъ, на люльку —
Необачный!
Ой вернися, Сагайдашный,
Возьмы свою жиньку,
Верны мою люльку,
Не обачный! 2.
Мени жинка,
Не годыця,
А тютюнъ та люлька,
При всякій дорози,
Снадобытця! 2.
Ой хто въ лиси?
Обызвыся!
Та выкрешемъ огню,
Та покуримъ люльки,
Не журыся! 2.

Женщины и мущины поютъ, во время веселья, шуточныя пѣсни, и часто нарушающія скромность.

А у сусида хата била,
А у сусида жинка мила;
А у мене ни хатынки,
Нема щастья, нема жинкы. 2.
За сусидомъ молодыци,
За сусидомъ и вдовыци;
И дивчата поглядаютъ
И сусида вси кохають. 2.

У сусида хата била,
У сусида жинка мила;
Нижки биты, не велычки,
Носыть жовти черевычки.
Завсегда встае ранепько,
Прыберется чипурненько.
На снидань пирожки,
Шулыки та галушки.
Въ обидъ ставе борщъ зъ сметаной,
Та все въ мисци поливяной;
Зъ чеснокомъ пампушки, квасна,
Та гречана зъ шкварками каша.
А якъ все поприбирае,
То николи не гуляе:
За плахту заткне кудылку,
Пряде дуже тонку нитку.
А у мене хата чорна,
Жинка брыдка, не моторна:
Усе спыть, та лежыть,
Не хоче соби робыть.
Скажу: Гапко! встань ранепько,
Приберы все хорошенько.
Вона слухаты не хоче,
И якъ видьма все сокоче.
Прыйшовъ зъ поля,
Змордовавься;
Исты добре,
Сподивався. —
Вона борщъ
Ни зъ чимъ ставытъ:
Хлибъ сухый
Ажъ въ горли давытъ.
За що жъ мужыкъ мене бье?
За якы прычынки?
Чы я жъ іому не напряла,
За рикъ три поняшкы!

Чы я жъ мужови не жинка?
Чы не господыня?
Три дни хаты не мела,
Смитья не носыла. 2.
Отъ яка у мене жинка!
Не слухае, тай бридка!
Притуляся до куточка,
Вона сопе, бисова дочка.

Ой горе! горе!
Що я не вдався.
Бривъ черезъ річиньку,
Тай не вмывався.
Охъ я вернуся,
Тай умыюся;
На свою мылую,
Тай подывлюся.
И не вертайся,
И не вмывайся.
Тыжъ мени, серденько,
И такъ сподывався —

Чи бисъ мени раду давъ,
Що я соби бабу взявъ:
Бабу, бабу, бабу, бабу взявъ,
И сорока скрегоче,
Ниҳто бабы не хоче.
Чы бисъ мени раду давъ,
Що я соби бабу взявъ. —
Бабу, бабу, бабу, бабу взявъ,
А при борозни, на гурзи,
Цямле дзябель бабу,
На шнурзи.
Чы бисъ мени раду давъ,
Що я соби бабу взявъ,

Бабу, бабу, бабу, бабу взявъ. —
Подай небе пшицы! —
Цямле дзябель бабу крензе.
Чы бисъ мени раду давъ,
Що я соби бабу взявъ,
Бабу, бабу, бабу, бабу взявъ.

Ой содома, пане-брате!
Содома! содома!
Нема у мене снопа жыта:
Ни въ поли, ни дома.
Було у мене, брате, жыто
Зелене, зелене.
Пожавъ панъ тее жито,
Безъ мене, безъ мене!
Стари паны булы,
Добры—легки на роботу.
Цилый тыждень соби робышъ,
Панови въ субботу.
Нови паны лыхи сталы,
Тяжкы на роботу.
Цилый тыждень пану робышъ,
Шарварокъ въ субботу.
А въ недили ранесенько,
До церкви зазвонятъ;
А Савло съ козакамы
На паньщину гонитъ
Ой содома, пане-брате!
Содома! содома!
Нема у мене снопа жыта:
Ни въ поли, ни дома!

Чи дивo, чи не дивo, —
Дивчина парубка побила!

Ихали дивчата на войну,
На вороныхъ конях,
Молодицы на волахъ,
А парубки на собакахъ.
Завоевали дивчата три городы,
А молодицы дви слободы,
А парубки три свиньи.
Йли дивки билы колачи,
Молодицы паляницы,
А парубки житный хлибъ.
Пили дивки медъ и горилку,
Молодицы бражечку,
А хлопцы гущу
Тута новъ сирый вивкъ:
Дивчатамъ шапку снявъ,
Молодицамъ поклинъ отдавъ,
А парубкамъ хвистъ пидпявъ.

Блудили парубки
Симъ годъ по припечку,
Та приблудили передъ викно,
Зобачили дивочокъ толочокъ.
Дивочки наши, голубочки!
Подайте жъ намъ исты:
Житняго хлиба, черепокъ сыру,
Щербату ложку,
Щобъ стало у симъ потришки.

Поихали парубки на лови,
Та уловили комаря,
Повезли его до пана. —
Стали судьи судиты,
Комаря дилиты:
Сему—тому по стегну,

А одному голова;
Що изъ нихъ великій,
Тай безъ ума!
А шестому полупогтецъ;
Що хорошій молодецъ;
А седьмому хвостище;
Куда иде, тай свище. —

Отъ Кыева до Римна, (*)
Дороженька стовбова,
До вдовынаго двора.
А у вдовы у двори,
Стоятъ столы дубовы;
А за тыми столами,
Сыдятъ паны рядами.
Воны думу думалы,
Воны раду радылы:
Кого въ службу отдать?
Де пять, — тамъ не брать;
Де чотыре, — не велятъ;
Де три, въ двирь не йды.
А де два, — не ризны.
У одной вдовы одынъ сынъ,
Тай той пишовъ пидъ аршинъ!
Его паны любилы,
Чорны кудри обрыли, —
И повели присягать.
За нимъ иде стара маты. —
Не плачъ маты, не рыдай,
Карыхъ очей не обливай.
Якъ у строю побачишъ,
Тогды маты заплачишъ.
Чіи поля опустошены?
Чіи луга не выкошены?

(*) *Римни*, Роменъ, уѣздный городъ полтавской губ.

Отежъ того одынця,
Вдовыного молодця. —

Дѣвушки, ходя по улицѣ съ молодой, поютъ по-большей части веселыя пѣсни, иногда грустныя, смотря потому, за кого она вышла замужъ.

Въ четвергъ сходятся дружки и родные въ домъ молодой, и учатъ ее прясть. Тутъ подчуетъ ихъ молодой и угощаетъ обѣденнымъ столомъ. Пѣсни и пляска снова возобновляются; въ нихъ принимаютъ участіе дѣвушки и сама молодая. — Вотъ нѣсколько пѣсней:

Северинъ, Северинъ, Севериночку! (*)
«Чого?»
Посватай ты у насъ тай дивчиночку.
«На врага!»
Северинъ, Северинъ, Севериночку!
Посватай ты у насъ дивчиночку,
У нашей дивчины карыи очи.
«Таки якъ морква.»
Вона жъ гуляе ажъ до пивночи.
«Бо честна, якъ жидивскій пьятиночъ»
Северинъ, Северинъ, Севериночку!
Посватай ты у насъ тай дивчиночку,
Вжежъ наша дивчина тай процвитае.
«Якъ макуха пидъ лавою.»
Вона жъ и богомилячко знае.
«Якъ жидъ у сали.»
Северинъ, Северинъ, Севериночку!
Посватай ты у насъ тай дивчиночку.

(*) Эту пѣснь поютъ на два голоса: первый голосъ не скорій и протяжный, а второй короткій, и отвѣчается басомъ. — Второй голосъ отмѣченъ здѣсь запятыми.

Съ досвитокъ йшла, утомылася.
«Бо дуже поспишала.»
До дому прійшла и звалылася.
«Бо пьяна була.»
Северинъ, Северинъ, Севериночку!
Посватай ты у насъ тай дивчиночку:
Колы жъ вона така, такъ плюнь на ій!
«Пфу на ій!»
Северинъ, Северинъ, Севериночку!
Посватай ты у насъ дивчиночку.

Якъ ишовъ я зъ вечерницъ,
Темненькой ночи;
Сидыть гуська на купыни,
Вытрищыла очи.
Я на ій: гиля! гиля!
А вона и присила.
Якъ бы не кій, не ломака,
Тобъ може и зыла!

Ой якъ чумакъ несчастливый,
Зъ журьбы хожу ледве живый.
Волы росы не стрямалы,
Бидны заразъ поздыхалы.
Зъ журьбы трохы погуляю!
Сынь горилку, жиду—юдко!
Ты музыко заграй худко.
Нехай чумакъ погуляе,
Хоть копічки не мае!
Я мазницю и мазыло,
Що видъ воза летило,
За горилку жиду даю,
Бо ничего бильшъ не маю.
Ой гуляй, гуляй чумаче,
Хоть жинка дома плаче.

Требажъ ін отвидаты,
Але буде зъ хаты гнаты.
Бо любила и кохала,
Якъ видъ мене гроши брала;
Теперь хоче богатого,
Мене кида песчастного. —

Ой оре Семенъ, оре,
Да сивыми волами;
Его жинка Катеринка,
Зъ москалями гуляе.
Та до орався Семенъ,
Тай до велыкого лану;
Пустивъ волывъ у дуброву,
А самъ пишовъ до дому.
Та пытаецця Семенъ:
Де, диты, ваша маты?
Наша маты, — тавжежъ!
Пишла зъ москалями гуляты.
Та ударыщця Семенъ,
Объ пилъ руками:
Ой диты, мои голубята!
Да пропавъ же я зъ вами. —

Да не люблю жъ я ни Стецька, ни Грицька,
Ни Ивана, ни Романа, ни Яцька!
Тилько люблю Василечка,
У Василечка вся силечка,
Въ іого есть, еще й буде,
Ище къ тому и роздобуде, —
Василечка любить буду.
Да не люблю жъ я ни Тараса, ни Протаса,
Бо дивчина я хороша, круглотаса;
Тилько люблю Василечка, —

У Василечка вся силечка, и проч.
Да не люблю жъ я ни Демида, ни Давида,
Бо дивчина я хороша, кругловида;
Тилько люблю Василечка
У Василечка вся силечка, и проч.
Да не люблю жъ я ни Антона, ни Платона,
Бо дивчина я хороша, черноброва;
Тилько люблю Василечка,
У Василечка вся силечка, и проч. —

Та була у мене жинка,
Та була у мене любка;
Тай послала вона мене,
Та у лисъ по дрова.
Та дала мени сокиру,
Та дала мени тупую.
Щобъ я уморывся.—2. р.
Въ лиси опизныся.—2. р.
Якъ мени Бигъ нагадавъ,
Я сокиру поточивъ;
Такъ я й не вморывся, 2. р.
Въ лиси не опизныся. 2. р.
Та дала мени кобылу,
Та дала слипую;
Щобъ я заблудывся, 2. р.
Въ лиси забарывся. 2. р.
Якъ мени Бигъ погодывъ,
Вивкъ кобылку задавывъ.
Такъ я й не заблудывся, 2. р.
Въ лиси не барывся. 2. р.
Та дала мени скорнику,
Та дала мени сухую;
Щобъ я удавывся, 2. р.
Въ лиси опизныся. 2. р.
Якъ мени Бигъ погодывъ,

Я скоринку розмочывъ ;
Такъ я й не удавывся, 2. р.
Въ лиси не опизнывся. 2. р.

Ути пори время,
Щеголь оженывся ;
Оженывся, утратывся,
Тай жинка умерла.
Орла взяли старостоваты,
Орелъ летитъ та до гусей,
Тай ставъ жартоваты.
Щеголь летае,
Бояръ збирае :
То снигирцевъ,
То горобцивъ,
Въ бояре сажае.
Сыниця летае,
Дружокъ збирае.
Посмитюшки,
Жовтобрюшки,
Въ дружки сажае.
Дружкомъ соловейко,
Щебече раненько ;
А зозуля свашкою,
Та й все хорошенько !
Сороки преданки,
Скакаютъ по лавкамъ;
Бидна жъ наша головонька
Що нема кыбалки !

Отъ тамъ близя вербы,
Въ кищи гребли,
Що я насадыла;
Ужежъ мени не любиты,
Кого я любила !
Ой у мене у садочку,
Да зацвили груши ;

Ой хоть буде милый другій,
Да вжежъ й не по души!
Ой у мене у садочку,
Да зацвили вышни;
Ой хоть буде милый другій,
Да вжежъ й не по мысли!
Ой пиду я у садочикъ,
Накопаю пыжмы;
Бодай моя розлучниця
Не пережила тыжня!
Ой пиду я у садочикъ,
Накопаю мяты;
Бодай моя розлучниця,
Не перешла хаты!
Ой пиду я у садочикъ,
Накопаю руты;
Бодай моя розлучниця,
Не пережила минуты!
Ой у мене у садочку,
Зацвили нагитки,
Бодай моей розлучницы
Дай дождали того дитки! (*)

Я на мистичко иду,
И основку несу;
А за мною дитыпята,
Несутъ клубпнята.
Я основку пропила,
Клубки на похмилье;
Нехай воно не лежитъ,
Въ комори безъ дила.

(*) Эту пѣснь поютъ дѣвушки и на вечерницяхъ.

Отъ пива болить спина,
А отъ меду голова.
Ой купижъ горилочки,
Шобъ я весела була!
Ой ты пьешъ, мене бьешъ,
За якій вчинки?
Що я тоби да напряла
За годъ три починки!
Одинъ пряла до Риздва,
Другій до Миколы;
А якъ третій почала,
Буде й до Покровы!
Не сама ще й пряла —
Кума помоцала,
Куми дала мыску пшона,
Да три куска сала!
Не сама ще-й кума пряла, —
Булы ій помошницы:
То за хлибъ, то за силь,
То за палянницы!
Накупывъ веретинъ,
Чортъ ма мотовила!
Такъ я й тимъ,
Пичи пидпалыла. —
Ой ты пьешъ, мене бьешъ,
Роспитай за що?
Хочъ и ты, хочъ и я, —
Обои ледащо!

Биду соби купыла,
Та за свои гроши;
Велятъ люди любиты,
А винъ не хорошій!
Якъ стане вередоваты,
Треба зъ хаты утикаты.

За щожъ мене муженьку бьешъ?
За якія вчинки?
Чы я тоби не напряла
За рикъ два починка?
Чы я у тебе не жинка?
Чы я не господыня?
Три дни хаты не мила,
Смитья не носила.
Продай мужу корову,
И купи кобылу;
Щобъ было чымъ возыти,
Смытья на могилу!

На бережку у ставка,
На дощечци у млынка,
Плахту прала дивчына,
Плескалась якъ рыбочка,
Тай упала, встать не могла.
Гей, не мае тутъ никого!
Ой никому пидбигты,
Щобъ дивчыну вытягты!
Кричитъ проби! — Ни маты,
Щобъ дивчыну ратоваты,
Каже, що за працю тую,
Я дивчыну подарую.
Ой дивчына уродлыва,
Румяная, чорнобрыва,
Очеиьки, якъ ясеньки,
Губеньки, якъ розеньки,
Рученьки мяхкесеньки,
Ноженьки билесеньки.
Гарная, якъ квиточка,
Любая, якъ рыбочка,
Тай умиетъ танцовать,
Зъ козаками жартовать.

Якъ козакъ тутъ изгодывся,
Заразъ въ ставокъ опустывся;
Знайшовъ швидко вынъ дивчыну,
Дай вытягъ якъ рыбчыну.
Гей козаче уродливый,
Молоденькій и жартливый,
Усоньки чорнявіс,
Зубоньки перловые!
Чубчикъ твій круглесенькій,
Тай жупанъ синесенькій;
Червонная шапочка,
Тая огулярочка,
Сафьяновые чоботци,
Тай шабелька при боци.
Стережыся дивчыно,
Моя любо рыбчыно!
Одна въ млынку не ходы,
Та въ ставочокъ не впады.
Ой я дуже працовавъ,
Якъ тебе вытягавъ, —
Для гарного твоего стану,
Чы якъ тебе не достану?
Ввечеръ я буду близенько,
Прійды до мене серденько!
Тыжъ дивчыно уродлыва,
Румяна, чорнобрыва;
Оченьки, якъ ясоньки,
Губоньки, якъ розоньки,
Рученьки мягхкесеньки,
Ноженьки билесеньки;
Гарная, якъ квиточка,
Любая, якъ рыбочка,
Тай умієшъ танцовать,
Съ козаками жартовать.
Гей козаче любесенькій,
Мій голубе синесенькій!
Потанцюй зо мною, якъ можешъ;

Пожартуй соби, якъ хочешъ,
За твою я працю тую,
Всего тебе розцилую:
Усоньки чорнявіе,
Зубоньки перловые,
Чубчикъ твій круглесенькій,
Червонную шапочку,
Тую огулярочку. —
Колыжъ доля то моя,
Такъ нехай буду твоя! (*)

Оженывся волошинъ,
Та взявъ жинку безъ грошей.
Ой чукъ, чукъ, поберемся
Тай будемо пановаты!
Тай будемо пановаты,
Тай будемо поживаты! (**)
Ожепывся дурень,
Та взявъ жинку глуповату.
Що будемо робыты? —
Запалымо хату!

По дорози жукъ, жукъ,
По дорози чорный,
Подывыся дивчыно,
Якій я моторный!
Подывыся, огляныся,
Якій я удався!

(*) Пѣснь эта была любимою свѣтлѣйшаго князя Гр. Ал. Потемкина-таврического. По веселому своему голосу, она поется всѣми съ удовольствіемъ и прекрасно разыгривается на музыкѣ. —

(**) Вмѣсто двухъ этихъ стиховъ, поютъ еще:

Ты будешъ свыни пасты,
А я загоняты. —

Хиба даси копу грошей,
Щобъ я пожепыхався!

Посію я горошекъ
На зеленій нивци,
Ой куплю я черевички
Своій чернобривци!
Коли любишъ, — такъ люби,
А не любишъ, — откажи.

Якъ запряжу свиню въ визъ,
Та понду по рогизъ,
И рогизу не нарвала —
Свиня визъ поламала!
Якъ запряжу козу въ дрижки,
Та понду до Явдошки.
Явдошки не бувало —
Коза дрижки поломала!
Якъ запряжу козу въ санки,
Та понду до Ульянки. —
И Ульянки не бувало,
Коза санки поломала!

Ой бувъ, та нема,
Та попхавъ на ричку.
Колыбъ его чорты втялы,
Поставила бъ свичку!

Ой умеръ чоловикъ,
Дай на лавци лежыть.
Сказылася жинка,
По горилку бижыть.

Чомусь моя, моя маты,
Та дрімается?
Пидо мною воронъ конькъ,
Спотыкается. 2. р.
Привяжу я конычепька,
До красной калины,
А самъ піду до дивчины
На билы перины. 2. р.
А у тои душки
Чотыри подушки,
А пята перына
Сама чорнобрыва. 2. р.
Скажи моя мила, правду:
Ты любишь ты мене?
Коли вирно любишъ,
Возьми за себе. 2. р
А коли не любишъ,
Убью самъ себе. 2. р.
Нехай люды судятъ, —
Нехай говорятъ;
Нехай говорятъ,
Що воли хотятъ.
Вони мене позабудятъ
И съ тымъ, — замовчатъ.

Ой дивчыно, дивчыно,
Куды идешъ? —
Скажи, скажи серденько,
Де живешъ. 2. р.
Ой я жыву козаченько,
Край воды, край воды,
Близь высокій, серденько,
Лободы, лободы. —

Ой маты, маты,
Козакъ у хаты!
Пустуе, жартуе,
Не дае спаты. — 2. р.
Ой дою, дою,
Не будь дурною.
Бій его дою,
Хоть кочергою. 2. р.

Идутъ дивки, чорнобривки,
Высоки пидкивки.
Ой тін пидкивочки
Тонки, — похылилися.
Ой на тую дивчыночку,
Козаки дывувалися.

Ой отдайте жъ мене
Та за Волынина,
Щобъ я була молодая
Та хорошая. 2. р.
Ой отдайте жъ мене
Та за Сербина,
Щобъ я була молодая,
Та милосердая. 2. р.
Ой отдайте жъ мене
Та за Турчина,
Щобъ я свое било платя
Натурбучила. 2. р.
Отъ теперь же я ни мала, ни велика —
Треба мени чоловика,
Ни старого, ни малого,
Козаченька молодого. — 2. р.
Грыцю, Грыцю до коровъ,
Грыцю каже, — не здоровъ.
Грыцю, Грыцю до телятъ, —
У Грыця ниженьки болятъ.

Грыцю, Грыцю до роботы —
У Грыця не ма чоботъ.
Грыцю, Грыцю до Маруси —
Заразъ, заразъ, приберуся.

Колыбъ мени зъ ранку
Горилочки чарку,
Та тютюнъ, та люльку,
Дивчину Ганульку.
Горилочку бъ я пивъ, пивъ,
Люлечку бъ я палывъ, палывъ.
Дивчину Ганулечку,
До серденька бъ притулывъ.

Отъ тоби, милый,
Сорочку помыла.
Шовкомъ шыла,
Срибломъ шыла,
Золотомъ рубыла.
Оце жъ тоби, козаченьку,
Шо вирно любыла. —

Ой за яромъ, яромъ,
Брала дивка лыпъ.
Всю долыною сходила, —
Нема жъ мого миленького,
Шо вирно любыла. 2. р.
Дежъ ты милый, чорнобривый,
Дежъ ты? — обизвыся!
На козака невзгодынька. —
Козакъ зажурывся!
Не журыся козаче,
По тоби дивчына плаче!
Нехай плаче, пехай плаче,
Вона мене вирно любе.
Карай Боже ворогивъ,
Шо насъ розлучають.

XXI. СВАДЬБА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ—МАЛОРОССІЯНЪ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ САРАТОВСКОЙ ГУБ.

При заселеніи саратовскихъ степей выходцами изъ внутри Россіи, многіе Малороссіяне, увлеченные предоставленными имъ выгодами, добровольно устремились въ пустынный край, и заняли въ немъ привольныя земли по лѣвому берегу Волги, вскорѣ послѣ пугачевскаго бунта, во второй половинѣ XVIII вѣка. Съ собою они перенесли сюда свои нравы и обычаи, коимъ остались донынѣ вѣрными, съ незначительными измѣненіями.

Изъ замѣчательнѣйшихъ здѣсь поселеній, суть двѣ слободы на лѣвомъ берегу рѣки Волги: Покровская, противу г. Саратова, въ новоузенскомъ уѣздѣ, и Николаевская, противу г. Камышина, въ царевскомъ уѣздѣ: въ первой около 5,000 душ: а во второй 3,908. Всѣ жители Малороссіяне и составляютъ исключительное сословіе государственныхъ крестьянъ. Языкъ ихъ смѣшанъ съ русскимъ; они ходятъ поруски: въ лаптяхъ и съ бородами, но женщины сохранили прежніе наряды. Всѣ эти переселенцы отличаются трудолюбіемъ, честностію и благочестіемъ; весьма привержены къ старинным

обрядамъ своихъ прадѣдовъ (*) Изъ числа нѣкоторыхъ обрядовъ представляется здѣсь свадьба, которая совершается нетолько однообразно между покровскими и николаевскими переселенцами, но между всѣми ими, разсѣянными по саратовскимъ степямъ.

Сватовство. По совершеннолѣтіи сына, старшіе въ его семействѣ совѣтуются между собою: гдѣ высватать ему дивчину? Если сами затрудняются найти невѣсту для своего сына, то спрашиваютъ его самаго: не знаетъ ли онъ самъ гдѣ нибудь? или, не выбралъ ли уже самъ на вечерницахъ? Женихъ, имѣющій у себя на предметѣ дѣвушку, объявляетъ о ней. Когда избранная имъ дивчина, извѣстна его родителямъ, тогда говорятъ: въ добрый часъ! треба сватать.—Если она имъ не извѣстна, то отлагаютъ на нѣсколько времени, на день или на болѣе: дѣлаютъ о поведеніи ея дознаніе чрезъ родственниковъ или сосѣдей, говоря имъ: хочемъ сватать дивчину, нельзя ли будетъ узнать, согласны ли будутъ ея родители выдать свою дивчину? Если согласны, то родственники или сосѣди извѣщаютъ родственниковъ жениха. Потомъ женихъ или его родители избираютъ двухъ стариковъ, кои называются старостами, призы-

---

(*) Туземные Малороссіяне отличаются хлѣбосольствомъ, радушіемъ, хорошей жизнію, и они особенно любятъ хорошо поѣсть и попить. Переселенцы—Малороссіяне утратили многія хорошія свойства: они очень скупы и негостепріимны, особенно царевскіе, которые до того скупы, что превратились въ отчаянныхъ скрягъ, не смотря на то, что многіе изъ нихъ имѣютъ стада рогатаго скота, лошадей и овецъ. Вмѣсто супа хлебаютъ почти одну воду, даже въ скоромные дни. Трудно повѣрить: въ Свѣтлое воскресенье и Рождество Христово едва разгавливаются, и часто встрѣчаютъ, эти великіе праздники, однимъ сухимъ хлѣбомъ и рыбою, но чтобы попить, то ничего не жалѣютъ.—

ваютъ ихъ къ себѣ въ домъ, и говорятъ жениху: ну, вотъ тебѣ старосты; проси ихъ, чтобы они шли сватать за тебя дивчину. Онъ обращается къ нимъ съ просьбою, они отвѣчаютъ ему: добре хлопче, мы пійдемо свататы за тебе дивчину; гляды лишень, ты не паробы намъ срамоты и безчесця: щобъ ты видъ дивчины не отцурався. Когда онъ увѣритъ ихъ, что этаго не случится, и скажетъ имъ: ни, пане старосты, идить съ Богомъ! тогда они собираются въ путь. Мать немедленно зажигаетъ предъ образами свѣчи, и всѣ молятся Богу. Помолившись, женихъ кланяется отцу и матери въ ноги, а если ихъ нѣтъ, то старшимъ въ семействѣ: его благословляютъ. Послѣ этого онъ подаетъ старостамъ хлѣбъ-соль, и они отправляются въ домъ невѣсты.—Подошедши подъ окошко избы, говорятъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! помилуй насъ. Имъ отвѣчаютъ: аминь. — Потомъ старосты спрашиваютъ: чи пустете насъ въ хату, чи ни?—Если имъ скажутъ: ходить, то они входятъ, и отдаютъ отцу и матери хлѣбъ-соль, или кладутъ на столъ, говоря, что это хлѣбъ и соль отъ жениха. Принявшій въ руки хлѣбъ-соль, крестится, цѣлуетъ и кладетъ на столъ. Ихъ же благодарятъ и просятъ садиться. Они садятся возлѣ стола, и ведутъ сначала разговоръ о хозяйствѣ; потомъ говорятъ: намъ извѣстно, что у васъ есть дивчина, а у нашего свата хлопецъ, винъ хочетъ свататься. А хлопецъ нашъ знаетъ дивчину вашу, и вона, якъ мы наслышаны отъ него, показалась ему, то може и дивчина ваша знаетъ нашего хлопца. Согласны ли вы отдать за нашего хлопца, или нѣтъ? Скажите намъ. — Родители невѣсты, хотя дали уже согласіе чрезъ людей, а женихъ уговорилъ невѣсту; однако отговариваются: у насъ невѣста еще молода и мы не готовились: того нѣтъ, другого

нѣтъ. Нада подумать, може женихъ вашъ не согласенъ; вы пришли просто сами; а може еще наша дивчина будетъ не согласна, треба распросить, по совѣтоваться съ родственниками и добрыми сторонними людьми.—Отлагаютъ на день, или менѣе, и если родители невѣсты согласны отдать ее, и невѣста согласна вытти за мужъ, за предлагаемаго ей жениха, то оставляютъ хлѣбъ-соль; старосты возвращаются къ жениху и разсказываютъ о происходившемъ. Потомъ прежніе старосты приходятъ въ домъ невѣсты, въ назначенное время, и когда со стороны родителей и невѣсты не будетъ уже никакихъ препятствій; тогда поручаютъ тѣмъ старостамъ, чтобы они отправились къ роднымъ и родственникамъ жениха, и привели бы его съ собою. Между тѣмъ собираются родственники невѣсты. По собраніи ихъ приходитъ женихъ, и становится у порога; къ нему выводятъ невѣсту, ихъ ставятъ рядомъ и спрашиваютъ: перваго о согласіи взять ее за себя, а послѣднюю вытти за него за мужъ. Когда они подтвердятъ о своемъ согласіи, тогда условливаются родители и родственники невѣсты, сколько взять за нее деньгами или чѣмъ другимъ? Многіе выговариваютъ сапоги, вино и хлѣбъ; иногда соглашаются на самомъ пустякѣ и потомъ расходятся. Иному хлопцу удается скоро выставать себѣ дивчину, а другому мало одной зимы, или лѣта: сватаетъ года два. По окончаніи условія зажигаютъ свѣчи предъ иконами. Всѣ молятся Богу; потомъ отецъ невѣсты, взявъ икону и хлѣбъ, садится съ женою рядомъ, а невѣста подходитъ къ отцу и падаетъ ему въ ноги три раза. При послѣднемъ поклонѣ она лежитъ у ногъ отца: онъ благословляетъ ее, произнося: ну дочко, Богъ тебя благословляетъ, и я благословляю.—Дѣлаетъ ей родительское наставленіе, а она, лежа у

ногъ, выслушиваетъ. За тѣмъ даетъ ей цѣловать икону и хлѣбъ; послѣ передаетъ икону и хлѣбъ своей женѣ, которая благословляетъ прежнимъ обычаемъ. По совершеніи благословенія невѣста даритъ старостовъ вышитыми рушниками, и ими перевязываетъ ихъ, — тѣмъ оканчивается сватовство. —

Пированіе.

Отецъ жениха приглашаетъ всѣхъ родныхъ и добрыхъ своихъ сосѣдей въ свой домъ, и угощаетъ ихъ виномъ; но не подноситъ болѣе какъ по одной или по двѣ рюмки, а женихъ съ невѣстою угощаютъ дѣвушекъ въ особой комнатѣ. Потомъ отецъ невѣсты приглашаетъ къ себѣ гостей, которые подчуются виномъ и угощаются обѣдомъ. Когда всѣ встанутъ изъ за стола, тогда невѣста подноситъ имъ по чарки водки, а старухи затягиваютъ пѣснь протяжную:

Колибъ я знала,
Колибъ я видала,
Що засватана буду;
Терлабъ я стины,
Щобъ були билы,
Билою рокитою. (*)
Та мила бъ я лавки,
Щобъ булы гладки,
Для пріизду свекорка;
Мила бъ я столы,
Щобъ булы билы,
Для свекрухи, для приходу ін. —

За тѣмъ всѣ идутъ въ домъ жениха, гдѣ приготовлена уже пирушка. Отпраздновавъ здѣсь пирушку, всѣ отпра-

(*) Рокита, трава хвощъ. Ею соскабливаютъ грязь съ домашней мебели и написанное на бумагѣ, намѣсто перочиннаго ножика. —

вляются толпой въ домъ невѣсты, и такимъ образомъ посѣщаютъ два и три дни сряду. У богатыхъ продолжается это съ недѣлю.

Вечеръ у жениха.

По совѣщаніи жениха съ невѣстой, онъ даетъ отъ себя вечеръ, для чего избираютъ особую избу и нанимаютъ музыкантовъ. Сюда собираются дивчины, хлопцы, и пляшутъ за полночь. —

Когда всѣ поужинаютъ, тогда молодые ложатся спать вмѣстѣ, а хлопцы съ дивчинами; по всѣ они ложаться рядомъ.—Кромѣ одного вечера, женихъ не дѣлаетъ другаго. Послѣ этого вечера онъ вездѣ ходитъ съ своей невѣстою, и ночуетъ съ нею. —

Печеніе коровая.

По сготовленіи всего къ свадьбѣ, пекутъ въ домѣ молодыхъ шишки и пичужки, и сверхъ того по одному большому кораваю, длиной почти черезъ весь столъ. Коровай убираютъ пичужками, (разными птичками изъ тѣста), и тонкими длинными прутиками, обвитыми цвѣтной бумагою, и поверхъ прутиковъ насаживаютъ еще другихъ пичужекъ, коихъ крылушки бываютъ покрыты золоченой шумихою (мишурой). Подлѣ кораваевъ ставятъ два штофа или полуштофа съ водкою, и перевязываютъ ихъ красными нитками.—

Собраніе дружекъ.

Женихъ, избравъ себѣ старшаго боярина а невѣста старшую дружку, ходятъ уже по своимъ роднымъ, первый чтобы собирать бояръ, а вторая дружекъ. Но до собранія ихъ женихъ заходитъ въ домъ невѣсты, и спрашиваетъ у ея домашнихъ: кого просить ему въ бояры, дружки и свахи?— По собраніи бояръ женихъ даритъ каждому изъ нихъ по красной лентѣ, которая пришивается къ шапкѣ, и по рушнику, которымъ перевязываютъ себѣ черезъ плечо. Невѣста заходитъ во всякой домъ, гдѣ есть дѣвушки, а дружки ея поютъ:

Обметайте дворы,
Застилайте столы.

Смотрите голубочки,
Идутъ дружечки. —

Ввойдя въ хату, невѣста говоритъ: проситъ батько, проситъ маты: на хлибъ, на силь и на весилья, а намъ дайте дивчину въ дружечки.—По выходѣ изъ избы, поютъ :

Спасибо вамъ за дружку,
За ея послушку ;
Хоть не уміе спивати,
Та уміе тиньцовати.

Такимъ образомъ ходятъ отъ двора ко двору, пока невѣста не наберетъ себѣ дружекъ.

Благословеніе

Вечеромъ сажаютъ молодыхъ за столъ, каждаго отдѣльно въ своемъ домѣ ; родители благословляютъ ихъ. Во время благословенія невѣсты, поетъ сваха съ дѣвушками.

Похыльное та дерево, та илина покирпая,
То дитятко поклонилось
Отцу и неньцы, та низенько. —

Сажаніе на посадѣ.

Дружко подаетъ жениху благословенную икону и отворивъ дверь, кричитъ изъ сѣней, къ посаженнымъ у стола двумъ старостамъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій ! помилуй насъ. Тѣ отвѣчаютъ ему : аминь. — Онъ имъ говоритъ : спасетъ Богъ за аминь, —и продолжаетъ : пане старосте и пидстаросте ! —Тѣ говорятъ ему : а мы рады слухать. — Кто до кого а мы до Бога и до вашего здоровья. Благословите молодого князя за стилъ завести.—Они отвѣчаютъ ему: Богъ благословитъ.—Въ другій разъ. — И въ другій разъ Богъ благословитъ. — И въ третій разъ. — И въ третій разъ Богъ благословитъ.—Потомъ оба старо-

сты идутъ за женихомъ, и вводятъ его въ избу. За женихомъ идетъ старшій бояринъ, за старшимъ бояриномъ всѣ бояры. Ихъ сажаютъ за столъ. На мѣстѣ жениха садится дружко, коему подаютъ рюмку водки; онъ принимаетъ. Это значитъ, что онъ пропилъ свое мѣсто. Послѣ этого онъ встаетъ изъ стола, а на его мѣсто садится женихъ; подлѣ него садится свашка съ нѣсколькими дѣвушками, изъ числа коихъ одна держитъ мечъ, убранный цвѣтами и калиной.—Дѣвушки эти поютъ вмѣстѣ со свашкою :

Та вси аніоли, та вси святые,
Подъ викончиками,
Сили аніолы рядомъ на посадъ.
Сидятъ, а Господь долинку дае.
Молодый князь Грицю,
У свого батеньки благословенья проситъ:
Благослови мене, тыг мій батыньку,
На посади систы,
Та на столинымъ мисти.
Благословляю тебе, мій сыночку,
Богъ мени та на помощъ, аніолы на радощи,
Господь долинку дае.

Не стій вербо, розвывайся,
Звый соби вербо
Симъ сотъ квитокъ и чотыри,
Шобъ усимъ боярамъ було по квиточки.
И одной не стало, молодому. —
Ото тоби квитка, Гануся дивка. —

Отправленіе молодаго къ невѣстѣ.

Потомъ свашка съ дѣвушками встаетъ изъ за стола ; на мѣсто ея опять садится дружко, и кричитъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! помилуй насъ.

Старосты отвѣчаютъ ему: аминь. — Опъ имъ говоритъ: спасетъ Богъ за аминь. Старосте пане и пидстаросте! — А мы ради слухать. — Кто до кого, а мы до Бога и до вашего здаровья. Благословите молодого князя изъ за стола вывести, и до молодой княгини иттить. — Тѣ говорятъ ему: Богъ благословитъ. — Дружко: въ другій разъ, и въ третій разъ. — Старосты: Богъ благословитъ тричи разомъ,—и дружко выводитъ жениха изъ за стола. Женихъ беретъ съ собою кувшинъ съ квасомъ или пивомъ, и отправляется къ невѣстѣ. Женихъ и бояры поютъ пѣсни, какія только могутъ притти имъ на память. А свашка съ дѣвушками, называемыми свитилками, поютъ обрядную пѣснь:

Слала зоря до мисяца рано, рано,
Слала зоря до мисяца ранесенько.
Ой мисяцу, мій братику, рано, рано!
Ой мисяцу, мій братику, ранесенько!
На заходь же ты ни впередъ мене, рано, рано;
Ни заходь же ты ни попередъ мене, ранесенько.
Ой зійдемо обое разомъ, рано, рано;
Ой зійдемо обое разомъ, ранесенько. —
Освитимо небо и землю рано, рано,
Освитимо небо и землю, ранесенько (*).

По приходѣ жениха съ боярами и дружкою въ домъ невѣсты, дружко его идетъ впередъ и возвѣщаетъ о прибытіи. Ему отворяютъ сѣни; тогда онъ входитъ съ

Молодые на носадѣ.

(*) Заря означаетъ здѣсь невѣсту, а мѣсяцъ жениха. Есть повѣрье, что сестра разлученная съ братомъ, переселилась въ вечернюю зарю, ищетъ его повсюду, плачетъ по немъ а потому вѣчно орошаетъ поля своими слезами, а братъ груститъ по сестрѣ и ходитъ по всему міру, превратившись въ печальный мѣсяцъ. —

женихомъ. Потомъ дружко отворяетъ дверь избы и кричитъ: Господи Іисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. Ему отвѣчаютъ: аминь. — Дружко говоритъ: спасетъ Богъ за аминь. Старосте пане и пидстаросте! — А мы ради слухать. — Кто до кого, а мы до Бога и до вашего здоровья. Благословите молодого князя за стилъ завести. — Старосты говорятъ: Богъ благословитъ. — Дружко: въ другій разъ и въ третій разъ. — Старосты: Богъ благословитъ тричи разомъ. — Потомъ онъ вводитъ его въ избу, сажаетъ за столъ въ передній уголъ къ невѣстѣ, и самъ садится подлѣ него. Когда подадутъ ему рюмку вина, тогда онъ выходитъ изъ за стола, а на мѣсто его садятся двѣ свашки, одна со стороны жениха а другая невѣсты. — Молодыя дѣвушки поютъ:

Мы не хочимъ пыти,
Мы не хочимъ пыти,
И въ домони быты.
Мы хочимъ погуляты,
И таньцоваты.

Свашки встаютъ изъ за стола, а дружко садится на ихъ мѣсто и говоритъ: Господи Іисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. — Ему отвѣчаютъ: аминь. — Спасетъ Богъ за аминь. — Дружко: старосте пане и пидстаросте! — Старосты: а мы ради слухать. — Кто до кого, а мы до Бога и до вашего здоровья. Нашъ князь и княгиня киваютъ, моргаютъ, — на гулянье желаютъ. Староста: Богъ благословитъ. Дружко, — и въ другій разъ и въ третій разъ — Старосты: Богъ благословитъ тричи разомъ. — Дружко выводитъ изъ застола и отводитъ молодыхъ, бояръ и дружекъ въ особый домъ, гдѣ всѣ пляшутъ подъ музыку, во всю волюшку. — Потомъ молодые ложатся спать вмѣстѣ. Старики и ста-

рухи остаются въ домѣ невѣсты, гдѣ угощаютъ ихъ особымъ столомъ.

На канунѣ свадьбы невѣста ходитъ съ своими подругами на поклонъ къ тещѣ, которая сажаетъ ее за столъ и угощаетъ.

Обрядъ до вѣнчанія.

Въ день свадьбы женихъ и невѣста собираютъ по утру своихъ бояръ и дружекъ. По собраніи ихъ и по полученіи благословенія отъ родителей, идутъ въ церковь: женихъ съ своими боярами а невѣста съ своими дружками. При выходѣ невѣсты изъ избы, дружки поютъ:

Ой ты Гапусько, наша душенька!
Лежитъ горохъ по дорози,
Твій батинько въ дорози:
Вінъ того не знае,
Шо дочка гадае. —

Во время вѣнчанія свашка держитъ въ рукахъ пукъ цвѣтовъ, съ воткнутой въ него восковою свѣчею, — это называется мечь. Пукъ перевязанъ лентами и бываетъ украшенъ херувимчиками.—Подъ ноги молодыхъ посыпаютъ полынь и мяту, чтобы лиходѣи не попортили ихъ.

После вѣнчанія.

По совершеніи вѣнчанія хранятъ пукъ цвѣтовъ въ домѣ молодой. — Многія покрываются до свадьбы, по дѣвичьему обычаю. — За тѣмъ молодые идутъ въ вѣнцахъ и съ образами въ домъ отца жениха, а другіе снимаютъ вѣнцы въ церквѣ и отправляются въ домъ безъ вѣнцовъ и образовъ. — Пришедшихъ молодыхъ сажаетъ старшій бояринъ и дружко, за столъ, вмѣстѣ съ дружками, свашкою и свитилкою. Потомъ снимаютъ съ молодыхъ вѣнцы, и относятъ съ образами въ церковь. Тогда всѣхъ угощаютъ обѣденнымъ столомъ. Послѣ обѣда мать жениха даритъ деньгами невѣсту, ко-

торая, посидѣвъ нѣсколько времени, отправляется съ дружкою домой. Когда она идетъ, тогда поютъ:

Та ты душечка наша Гануся,
Колесомъ, колесомъ!
Сонічко въ гору иде,
Колесомъ, колесомъ!
Сонічко въ гору иде,
Молодая Гануся съ дружечками иде.

Утка иде, утенятъ веде
За собою,
Зеленой шовковой,
Травою.

Послѣ ухода молодой, отправляется женихъ съ своими боярами сѣдлать лошадей, а невѣста ходитъ по улицѣ съ своими дружками, распѣвая пѣсни (*). Женихъ и бояре садятся на коней, по среди двора, а мать жениха, насыпавъ въ свою полу пшеницы, бросаетъ ею на сидящихъ. Дружко и подружья ходятъ за матерью и поганяютъ ее палкою. Когда она обойдетъ три раза, тогда подходитъ къ жениху, беретъ копя его за повода, и выводитъ со двора. Старшій боринъ ѣдетъ за нимъ, а потомъ всѣ выѣзжаютъ и разъѣзжаютъ по улицѣ во весь день, при пѣніи пѣсней, какія имъ прійдутъ въ голову. Разъѣзжающій женихъ называется княземъ, окружающіе его боярами, потому говорятъ, когда увидятъ скачущій поѣздъ: князь съ

(*) Иногда молодые, по совершеніи надъ ними вѣнчанія, отправляются порознь по своимъ домамъ; женихъ сѣдлаетъ лошадей вмѣстѣ съ своими боярами и разъѣзжаетъ съ ними по улицѣ, а молодая ходитъ по улицѣ съ своими дружками.

боярами ѣдетъ, — дайте дорогу! — Князь кланяется народу, а бояре посматриваютъ съ самодовольствіемъ.

Невѣста съ своими дружками ходитъ по улицѣ пѣшкомъ, до самаго вечера; дружки поютъ пѣсни. Иногда онѣ носятъ за нею пукъ цвѣтовъ, или тотъ мечъ, который держался въ церквѣ во время вѣнчанія

Ой ты душенько наша, Гануся!
Суха рыбочка не треця,
Матинько, богатый женихъ
Не шлеця!
А бидній не сміе. —
Такъ моя, русая коса,
Смирie (*).

А въ недилю рано, рано,
Сине море играло.
Гануся потопае
Билы ручки поднимае.
А батинько кругъ бережечка:
Не потопай, моя доненько!
Гриценько, кругъ бережечка:
Не потопай мое серденько! —

(*) Въ Малороссіи воспѣваютъ черную косу, потому что тамъ по большей части черноволосыя дѣвушки; здѣсь же поютъ русую, по причинѣ русоволосыхъ дѣвушекъ. Замѣчательно, что въ Малороссіи мужскій и женскій полъ преимущественно имѣютъ черные волосы, и собой мушины и женщины, румяны и бѣлолицы. Здѣсь напротивъ: они блѣдные или лучше сказать безжизненые и мрачные. Волосы почти у всѣхъ ихъ русые, а у дѣтей бѣлые какъ ленъ; съ 8 или 10. лѣтняго возраста начинаютъ измѣняться.

Ой ты душенько наша,
Гануся миленька!
Нашъ сокольчикъ далеко,
Мучится нашъ дружечикъ.

Тамъ ходила Гануся,
По крутый гори;
Зобачыла тамичко
Селизеничка,
На тихій воды.
Приплынь, приплынь
Теперь къ мени,
Мій селизеничко.
А за нею той Грицю,
На биломъ кони.

Летивъ горностайко черезъ садъ,
Пускавъ пирьичко на весь садъ.
Пора тоби, Гапусю,
Систи на посадъ. —

Якъ пійду я до Дупаю,
Стану та подумаю.
Ты Дунай, мій Дунай,
Ты тихая вода.
Гануся тихо ходила,
Гриця полюбила.

Предъ вечеромъ приходитъ невѣста съ своими дружками, въ свой домъ, и становится у дверей хаты. Родители выходятъ къ ней на встрѣчъ: отецъ съ иконою а мать съ короваемъ. Невѣста кланяется отцу

своему въ ноги, три раза, потомъ цѣлуетъ икону, а послѣ цѣлуетъ своего отца. За тѣмъ кланяется матерѣ три раза въ ноги, потомъ цѣлуетъ коровай, а послѣ мать. Дѣвушки поютъ въ это время три раза:

Ты кланяйся Гануся,
Попередъ Господу Богу.
Отъ сюды пеньци въ ноги. —
Приступи близенько,
Да поклонись низенько.

Дружко, отворивъ дверь, кричитъ: Господи Іисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. — Ему отвѣчаютъ: аминь. — Спасетъ Богъ за аминь. Старосте и підстаросте! — Мы ради слухать. — Кто до кого, а мы до вашего здоровья. Благословите молодую за стилъ завести. Ему отвѣчаютъ: Богъ благословитъ.— Дружко заводитъ невѣсту за столъ и сажаетъ ее въ переднемъ углѣ. По лѣвую сторону ея садится дружко а дѣвушки поютъ:

Да вси ангелы, да вси святыи,
Підъ викончикомъ сили.
Молода Гануся, батенька просе:
Благослови, мій батенько!
Благослови мене на посади сести.
Богъ тобі доченько на помощи,
Ангелы на радощи.

Не пизнаешъ маты,
Свого дитяти,
Вмисти съ дружками,
За слизочками!
Ой выйди, выйди,
Гануся панянько. —

Выйди со всими,
Миленька матенько!
Я сидаю за столичкомъ,
Со всими дружечками. —

Послѣ прибытія бояръ съ молодымъ, женіха сажаютъ съ боярами за столъ а свашка съ дѣвушками поетъ:

Та гадайте старосты, гадайте,
По червонному складайте,
А вы бояре, суньте,
По червонному пидъ сукно. —
Теперь годына не такая,
И дороженька склизкая.
Треба молодымъ добытокъ,
И золотыхъ пидкивокъ. —

Во время пѣнія подносятъ боярамъ по рюмкѣ вина, а ихъ дарятъ деньгами. Старшій бояринъ беретъ деньги къ себѣ. Потомъ дружко говоритъ старостамъ: Господи Іисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ.— Старосты отвѣчаютъ: аминь. — Дружко: спасетъ Богъ за аминь. Нашъ князь кивае, моргае, на погулянье желае. — Старосты: Богъ благословитъ. — Дружко: въ другій разъ и въ третій разъ. — Богъ благословитъ тричи разомъ.—Дружко выводитъ изъ за стола молодыхъ; женихъ съ боярами садится на лошадей. Дружко становится предъ дверьми. Выходитъ изъ избы мать жениха, беретъ длинный прутъ или хворостину. Дружко садится на нее верхомъ и ѣздитъ. Мать кладетъ въ свою полу хмѣль, орѣхи и нѣсколько мелкихъ денегъ, обходитъ съ дружкою поѣздъ три раза кругомъ, и бросаетъ изъ полы на бояръ. Потомъ она беретъ лошадь жениха своей полой и выводитъ со двора, благословляя его къ поѣзду. Послѣ она угощаетъ рол-

ственниковъ жениха. Молодой, по выѣздѣ со двора, ѣздитъ по церквамъ. Прежде въ ту, въ которой вѣнчался; потомъ въ другія церкви. Во всѣхъ прикладывается къ иконамъ, съ старшимъ бояриномъ.

Во время поѣзда поютъ по улицамъ разныя пѣсни, какія прійдутъ на мысль. Если встрѣчаются на дорогѣ съ другой свадьбою, то женихъ и старшій бояринъ скачутъ на противъ ее, схватываютъ лошадей за повода: тогда женихъ съ женихомъ, а старшій бояринъ съ старшимъ бояриномъ цѣлуютъ другъ друга, и желаютъ взаимнаго счастія.—За жениховымъ поѣздомъ ѣдутъ въ саняхъ или телѣгахъ свитилки съ свашкою, и онѣ поютъ:

Ой лугомъ, лугомъ, вода иде;
А по пидъ лугомъ стежичка,
А на той стежички калинонька.
Ой туда ихавъ староста изъ далека!
Винъ коничка погоняе,
Стиха шабельку выймае:
Хоче тую калиноньку зрубиты.
Не руби мене, старосто!
Не для тебе се калинонька,
Се жениха. —
А для тебе молода дивчина,
То паряженая.

Передъ вечеромъ подъѣзжаетъ женихъ съ боярами къ дому невѣсты. Дружко его становится у воротъ, съ кувшиномъ квасу и съ хлѣбомъ, и начинаетъ ловить жениха, который съ боярами проскакиваетъ мимо его до трехъ разъ. Потомъ онъ подъѣзжаетъ тихонько: дружко хватаетъ лошадь за повода и вводитъ его къ невѣстѣ на дворъ (*). За нимъ въѣзжаютъ всѣ бол-

(*) Ловять жениха еще иначе. Родственники невѣсты выходятъ на улицу съ палками, и въ то время, когда женихъ

ре и становятся въ рядъ подлѣ крыльца. Невѣста выходитъ въ сѣни съ дружками, которыя поютъ:

Ой выйди маты зъ новой хаты,
Та въ рублены синечки. —
Даемо тоби поклинъ,
Заведить насъ за стилъ.

Когда мать выйдетъ и молодая станетъ ей кланяться въ ноги, тогда поютъ:

Похильное то дерево, та ялина;
Покирное то дитятко Гануся,
Поклонилось отцу и неньци та низенько,
Своему серденьку близенько.

Братъ сестру за стилъ веде:
Сестро моя! косой твоей
Мостить мости я стану, —
Стелить ковры! я й сяду.

Пріемъ молодаго тещею.

Женихъ стоитъ на дворѣ, теща выходитъ къ нему и подноситъ водку въ стаканѣ или рюмкѣ, или что либо другое. Онъ выливаетъ на гриву лошади, и потомъ передаетъ старшему боярину черезъ свое плечо, который такимъ же образомъ принимаетъ отъ него и разбиваетъ объ землю. Тутъ поютъ:

А на зятя та метель мете,
А на зятя дрибень дощикъ идс. —

подъѣдетъ къ воротамъ, онъ забѣгаютъ и гонятъ его палками на дворъ къ невѣстѣ; онъ бьетъ плетью своего коня и ускакиваетъ съ боярами; это дѣлается имъ до трехъ разъ. Когда загонятъ его на дворъ, тогда мать невѣсты беретъ у него лошадь и привязываетъ къ столбу. Женихъ входитъ съ своими боярами въ сѣни, гдѣ встрѣчаетъ его невѣста. —

Крійся зятю за воротами,
Крійся зятеньку куницами, да лисицами,
Та чорными соболями.
Та ударилы люты морозы на двори,
Та зморозили молодого молодца на кони.
Вийшла молодая свашка зъ коморы,
Виймала чашку меду а вина дви:
Та розыграло молодого молодца на кони.

При этомъ пѣніи теща даритъ бояръ платками, за которые они благодарятъ ее: спасибо сватови, сваси, молодому князови и княгинѣ за подарокъ. Скилько на симъ платки квиточекъ, дай Бигъ, нашей молодій, стилько диточекъ. Та щобъ одно за одного бралось, та на пичъ дралось; а послидне оборвалось, та всихъ попугало.

Потомъ бояре отводятъ своихъ лошадей домой, а лошадь жениха и старшаго боярина оставляютъ во дворѣ. На лошадь жениха садится братъ невѣсты, который выѣзжаетъ за ворота и скачетъ на ней около воротъ. Дружко вмѣстѣ съ подружкою, который со стороны невѣсты, выходятъ къ нему за вороты: они выносятъ на подносѣ вино и деньги, и покупаютъ у него сестру. Это дѣается такъ: на тарелку кладутъ деньги, наливаютъ рюмку водки и подаютъ ему. Онъ смотритъ, и если мало, то скачетъ отъ нихъ. Они всячески упрашиваютъ его, добавляютъ ему деньги, и когда онъ согласится принять, тогда беретъ: деньги, хлѣбъ и рюмку съ виномъ; послѣднее выпиваетъ при нихъ. Бояре возвращаются къ жениху. Тутъ дружко собираетъ поѣздъ въ сѣни, отворяетъ дверь и кричитъ: Господи Іисусе Христе, сыне Божій! помилуй насъ. Ему отвѣчаютъ: аминь. — Спасетъ Богъ за аминь. Старосте пане и пидстаросте! — А мы рады слухать. — Кто до кого, а мы до Бога и до вашего здоровья: благосло- Покупка молодой.

вите молодого князя за стилъ завести. Ему отвѣчаютъ: Богъ благословитъ. Дружко: въ другій разъ и въ третій разъ. — Богъ благословитъ тричи разомъ. Тогда дружко ведетъ жениха съ боярами и сажаетъ его за столъ. Въ то время садится подлѣ жениха невѣстинъ братъ, ширяетъ соломеннымъ мечемъ въ глаза женихъ и не пустетъ его за столъ (*). Дружко покупаетъ у него мѣсто, тѣмъ же порядкомъ.

Сажаніе молодыхъ за столъ.

Когда братъ оставляетъ сестру, тогда онъ встаетъ съ мѣста а женихъ садится за столъ, подлѣ своей невѣсты; на противъ ихъ садятся дружки, которыя поютъ:

Да вси ангели, да вси святыи,
Пидъ виконичкомъ сили.
Отдаешъ мене, мій батиньку,
Тай самъ бачешъ. —
Ни разъ, ни двичи заплачешъ!
Якъ ниженьки цвиточки цвистимуть,
И дивочки виночки плистимуть,
И мимо твій двиръ нестимуть.
Да не будутъ ходыты
Мимо хаты и кватирочки отворяты,
А мене на улицу вызываты. —

(*) Въ другихъ мѣстахъ сидятъ, по обѣимъ сторонамъ невѣсты, два мальчика съ палками, изображающими мечъ; на концахъ ихъ наверчено по шишкѣ коровайной и по платку. Когда женихъ приблизится къ невѣстѣ, тогда начнутъ они бить его и дружку. Дружко вынимаетъ деньги, и даетъ имъ. Они снова бьютъ его. Дружко спрашиваетъ: сколько же вамъ надобно? Багато (много), и дуже багато (и очень много), отвѣчаютъ они, а якъ не дасте, то за стилъ не пустимо. — По продажѣ мѣста, мальчики выходятъ изъ за стола и уступаютъ мѣсто жениху.

Отдаешъ мене, мій батинько,
Та отъ себе,
Остается рута, мята,
Уся у тебе.
Уставай же раненько,
Та поливай руту, мяту,
Та частенько.
И ранними и вечерними зорями,
Моими дрибненькими слизоньками. —

Ой чому, чому,
Въ симъ новомъ дому,
Такъ рано засвичено?
Гануся встала, кисоньку чесала,
Батинька прохала:
Порадь мене, мій батиньку,
Кого въ дружки приняты?
Бери доненько, чины доненько,
Усе свою родыненьку: —
Садови доненько свыше,
А свою родыненьку ближше. —

Эти пѣсни поются долго, пока не запоютъ:

Мы не хочемо питы,
И въ домони быты;
Мы хочемо погуляты,
Съ боярами на двиръ таньцоваты.

Если плохо угощаютъ, то поютъ:

На столи мухи, на доли блохи,
Чимъ наши перезвья плохи? —
Отъ того, що въ горшкахъ трохи.

Якъ у нашого свата,
Голова кудревата.
Винъ кудрями потрясе,
А намъ по чарци горилки пиднесе.

Дружко выводитъ молодыхъ изъ за стола и избы по три раза, и при каждомъ выводѣ ихъ изъ за стола и при вводѣ въ избу, спрашиваетъ благословенія. Если выводитъ изъ за стола и избы, то говоритъ: благословите молодого князя и княгиню на погулянье вывести. Если вводитъ въ избу, то говоритъ: благословите молодого князя и княгиню за стилъ завести. Когда дружко исполнитъ три раза этотъ обрядъ,— тогда поютъ свашкѣ укоризненную пѣснь:

Свашка налипашка!
Свашка налипашка!
Шишокъ налипила,
Дружекъ и бояръ не дарила. —
Одну злепила зъ зеленого сина,
Тай ту сама зъила. —

Глянь же Гапусю,
На красный коровай;
Карими очами не плачъ!
Иде твоя краса, —
Загубилась руса коса. —

Тогда подаютъ большой коровай и на него кладутъ платокъ, волосникъ или очипокъ, и серпянокъ. Дружко припимаетъ коровай и срѣзываетъ съ него шишки, которыя онъ подаетъ молодымъ; но они не принимаютъ ихъ, кланяются и отсылаютъ родственникамъ. Однако онъ насильно кладетъ имъ за пазуху, и потомъ раздаетъ боярамъ и дружкамъ.

Тогда припѣваютъ дружкѣ:

Дружко коровай крае,
Семеро дитей мае:
Та уси съ кошилями, —
Вси корован покрали.

Покрываніе молодой.

Двѣ свашки: одна со стороны невѣсты а другая со стороны жениха, берутъ очипокъ (чепецъ), расплетаютъ косу молодой, перевязываютъ ее и покрываютъ голову платкомъ по женскому обычаю. Тогда поютъ:

Покрываночка плаче,
Покрываночка плаче,
Покриватися хоче.
Не такъ покриваця,
Якъ поциловаця. —

Дѣвушки цѣлуются между собою.

Старшая дружка маленька,
Панянька старенька. —
Шлетъ вона письмечко, —
Щобъ дитина була дома.
Щобъ малу дитину привели:
Зъ скрипками, цимбалами,
Зъ хорошими боярами,

Когда поютъ эту пѣснь, тогда молодая сбрашиваетъ съ себя платокъ на столъ и продолжаетъ это до трехъ разъ. За третьимъ разомъ дружко подхвачиваетъ очипокъ на палку, бояре и мать молодой начинаютъ рубить ее. — Дружки поютъ:

Вы бояры, вы бояры,
Не рубайте жердиночку:
Якъ жердиночка свихнеця,
Очипокъ собьетця.

Послѣ этого надѣваютъ на молодую очипокъ и пришпиливаютъ къ нему, изъ красной ленты, цвѣтокъ. Тогда дружки цѣлуютъ молодую и прощаются съ нею. Сестра молодой садится подлѣ нея за столъ, беретъ женихову шапку, съ пришпиленной къ ней красною лентою, и не отдаетъ шапку, пока не выкупятъ дружко и поддружки. Если нѣтъ сестры, то надѣваютъ шапку жениха на голову свахи. Дружко и поддружки должны выкупать, и при этомъ поютъ свахи:

Та казалы люди: сватъ богатъ!
Та казалы: хорошій михъ!
Даютъ полушку, —
Якъ на смихъ!

Эту пѣснь продолжаютъ дотолѣ пѣть, пока выкупятъ у ней шапку. По выкупѣ шапки встаютъ изъ за стола дружки и бояры, и они идутъ къ старшей дружкѣ ѣсть варепики. Когда они взойдутъ въ хату, тогда свахи поютъ:

Бувъ у насъ батько,
Да винъ бувъ стрелецъ:
Убивъ тетерю,
Справила матиночко вечерю.
Загубивъ дружко дружку,
Въ темнимъ лужку.
Дежъ его шукаты? —
Чи въ рути? чи въ мяти?
Чи въ своей хаты?

Между тѣмъ женихъ съ невѣстою дожидаются ихъ за столомъ съ старушками. Пока они ѣдятъ вареники, приготовляютъ приданое невѣсты.

Отвозъ придапаго. По возвращеніи отъ старшей дружки, дружко выводитъ молодыхъ въ особую комнату и тамъ даетъ имъ ужинать; послѣ ужина вводитъ ихъ въ избу, гдѣ всѣ

уже пируютъ. Родители, благословивъ невѣсту, даютъ ей образъ, хлѣбъ и черную курицу, и передаютъ приданое. Женихъ и всѣ бояре садятся на лошадей; молодую сажаютъ на сундукѣ съ приданымъ; по бокамъ молодой садятся свашки, изъ коихъ у одной мечъ въ рукахъ, связанный изъ цвѣтовъ; потомъ садится на возъ дружко который беретъ возжи и всѣ отправляются за нимъ въ домъ жениха. Во время дороги поютъ свашки пѣсни. — По пріѣздѣ ко двору, женихъ проскакиваетъ съ своими боярами мимо воротъ три раза. Въ воротахъ между тѣмъ накладываютъ кучу соломы, и зажигаютъ. Дружко беретъ лошадь жениха, переводитъ ее чрезъ огонь; за нимъ перескакиваетъ старшій бояринъ, а потомъ всѣ поочередно. За тѣмъ перевозятъ невѣсту черезъ огонь (*), и когда подвозятъ ее къ крыльцу, тогда свашки запѣваютъ:

Ой выйди, выди,
Маты зъ хаты!
Щось тоби бояры привезли:
Та привезли тоби,
Молодую княгиню,
И золотую скрыню —

Мать выходитъ къ снохѣ, цѣлуетъ образъ и беретъ изъ ея рукъ: икону, хлѣбъ и курицу. Бояре снимаютъ приданое и вносятъ въ клѣть.

Теща вводитъ молодую въ хату и сажаетъ ее за столъ; свашка вноситъ мечъ за молодою и ставитъ въ передній уголъ. Свашки поютъ:

(*) Это дѣлается въ очищеніе молодыхъ отъ порчи и злыхъ чаръ.

Ой чому, чому,
У симъ повимъ дому,
Такъ рано засвичено? и т. д.

Поютъ три раза.—Между тѣмъ дружко отправляется съ боярами за молодымъ, который уже выѣхалъ со двора и ѣздитъ около воротъ. Онъ хватаетъ лошадь его за повода и прекрестясь, ведетъ на дворъ; за нимъ слѣдуютъ всѣ бояре, которые, слѣзая съ лошадей предъ воротами, крестятся съ женихомъ, и потомъ входятъ во дворъ. Женихъ идетъ въ хату и садится подлѣ молодой; по скамейкамъ разсаживаются бояре а дружко раздаетъ имъ нарѣзанныя шишки, и угощаетъ виномъ.

Дружко, подружки и двѣ свашки, отводятъ между тѣмъ молодыхъ въ почивальную. Жениха раздѣваетъ дружко, а невѣсту свашки; потомъ кладутъ ихъ спать. — При благополучіи молодой поютъ:

Не бійся матинько, не бійся!
Въ червоны чоботки обуйся. —
Топчи вороги пидъ ноги,
А супостаты пидъ пяты:
Щобъ наши вороги мовчали,
И пидкивки брязцали.

Выкатылы, выкатылы,
Дубовую бочку;
Выманыли, выманыли,
Щобъ заплеваты дочку;
Положили, положили, —
На новой кровати.
Що хотили, то робыли,
Чужому дитяти.

Нашъ парубокъ та нашои дивци, —
А въ понедильцы огородъ городивъ,
Перелазъ наробывъ, — таки нашъ. —

Потомъ идутъ къ тещѣ. Дорогой поютъ прежнія пѣсни. По прибытіи ихъ сюда, запираютъ двери и прислушиваются: какія поютъ пѣсни? Если къ чести дочери, то отворяютъ немедленно и впускаюгъ ихъ. Если къ бесчестью, то не впускаютъ. — Обрадованные родители хорошимъ извѣстіемъ, угощаютъ на пропалую медомъ и водкою. Тутъ поютъ:

А у нашого пана свата,
Надъ спиною латка,
Надъ спиною, надъ спиною латка.
Якъ латкою потрясе,
Горячого пиднесе,
Горячого пиднесе,
Горячого! горячого! —

Тоби маты не журитися,
Тоби маты не журитися,
Горилочки та напитися.
Не журись жарко, та вкинъ медку;
Щобъ було солодсенько,
Всему роду веселесенько.
Та ще вкинъ перцу,
Щобъ пристало къ сердцу. —

Темного лугу калина,
Темнаго луга калина,
Честного батька дитина. —
Хоть вона и по ночима ходыла,
При соби добро носыла:

Та поспла вона нисколько литъ,
Своему роду на привитъ.
. . . . . .
. . . . . .

Послѣ этого возвращаются въ домъ жениха.

Дружко вводитъ молодыхъ въ избу; они кланяются въ ноги родителямъ и почетнымъ старухамъ. Пированье происходитъ тогда до разсвѣту. На другой день, т. е. въ понедѣльникъ, собираютея къ жениху его родственники, а невѣстины къ невѣстѣ, и гуляютъ. Дружко, поддружко, старшій боярипъ и свашка, отправляются съ молодымъ на поклонъ къ тестю; отъ тестя къ крестнымъ родителямъ. Во время поѣзда поютъ похвалы невѣстѣ. По возвращеніи домой, поѣздъ жениха идетъ къ дружкѣ и старшему боярину, а поѣздъ невѣсты къ ея подружкѣ и тамъ веселятся весь день. Вечеромъ всѣ сходятся въ домъ жениха, который вводитъ тещу въ свою избу подъ руки, за сбереженіе ею дочери. Здѣсь новое угощеніе, и когда подгуляютъ, тогда просятъ: покажите намъ нашу молодую! Бабы наряжаютъ кого нибудь и выводятъ вмѣсто молодой. Тогда иные кричатъ: наша! наша! — другіе: ни! ни! брехня! Посторонюю выводятъ до трехъ разъ, — потомъ показываютъ настоящую молодую, которая клаияется родственникамъ и со всѣми ими цѣлуется. Дружко держитъ въ рукахъ штофъ съ виномъ, молодой блюдо съ чаркою а отецъ платки, навязанные на палкѣ.

Дружко наливаетъ, молодой подноситъ а отецъ каждого даритъ платкомъ. Выпившій гость обдариваетъ молодаго, чѣмъ можетъ: хлѣбомъ зерновымъ, домашними животными, деньгами и пр. Такъ же гости дарятъ невѣсту. За этимъ начинается общее пированье, которое бываетъ у инаго два раза. Здѣсь является музыка и

распѣваются безумолкно пѣсни. Молодежъ берется за руки и поднимаетъ журавля, съ припѣвомъ:

Таки, таки журавель,
Таки, таки цыбатый,
Таки, таки журавель,
Таки, таки цыбатый,
Таки, таки погатый,
Таки, таки цыбатый.
А я тому журавлю,
Ноженьку перебью, —
Таки, таки перебью,
Таки, таки журавель,
Таки, таки цыбатый,
Таки, таки погатый.

У зажиточныхъ продолжается свадебное гуляпье цѣлую недѣлю; у недостаточныхъ оканчивается по большей части во вторникъ.

XXII. ЗАМѢТКИ О СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ

ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ:

КАЛУЖСКОЙ, ПЕРМСКОЙ, ЕНИСЕЙСКОЙ, ЭСТЛЯНДСКОЙ, ВЪ ЗЕМЛѢ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ И МЕЖДУУРАЛЬСКИМИ КАЗАКАМИ.

ВЪ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I. Деревенская и II. Мѣщанская и купеческая свадьбы.

I. ДЕРЕВЕНСКАЯ СВАДЬБА.

Для засватанія жениха избираются бойкія и прозорливыя свахи, которыя бы все знали въ домѣ невѣсты. Ихъ всегда сажаютъ на почетномъ мѣстѣ. Когда засватаніе производится чрезъ сватовъ, тогда съ ними такъ же обходятся, какъ съ свахами. Иногда сами отцы просватываютъ своихъ дочерей. Въ такомъ случаѣ это называется *пропить дѣвку*, потому что отцы, подружившись за стаканомъ водки, заклеймиваютъ свою дружбу пропоемъ. Давъ другъ другу обѣщаніе, сыграть свадьбу, они бьютъ по рукамъ и начинаютъ пить и пить, потому справедливо говорятъ: *вчера Степка пропилъ дѣвку, а Васька сына.* Послѣ пропоя женихъ избѣгаетъ свой невѣсты, а она своего жениха; однако женихъ обязанъ снабжать ее, до самой свадьбы, до которой длится иногда болѣе года, писаными лап-

тями (т. е. строченыя пенькою), а невѣста сшить ему писаный колпакъ, который бываетъ обыкновенно бѣлый полотняный, съ вышитыми кумачемъ коймами, украшенный блестками и съ кистонкою. Она еще должна строчить воротникъ у его рубашки, и осыпать блестками.

По деревнямъ не всегда бываетъ дѣвишникъ, только въ назначенный день для вѣнчанія отправляется дружко съ родственниками къ священнику, съ хлѣбомъ и солью, и этотъ хлѣбъ-соль состоитъ изъ *курника*, кренделей и вина. Здѣсь договариваются о платежѣ за свадьбу, и потомъ запиваютъ со всѣмъ причетомъ.

Предъ поѣздомъ молодыхъ въ церковь, каждый изъ нихъ благословляется въ своемъ домѣ: родными и посаженными родителями. Посаженный отецъ наливаетъ потомъ воды въ чашу, прилѣпливаетъ къ ней восковую свѣчу и зажигаетъ ее, или затепливаетъ лампаду у образа, молится тутъ съ молодымъ, и послѣ садятся въ повозку: женихъ, отецъ посаженый, подкняжникъ (поддружье) и поручитель по женихѣ. — Съ невѣстой садится сваха; невѣста закрывается фатою прозрачной. У лошадей молодыхъ, обвиваютъ гривы и хвосты лентатами, а голову убираютъ одинѣми лентами; на шею и подъ уши лошадей навѣшиваютъ бубенъчики и колокольчики; на дугѣ навязываютъ по нѣсколько колокольчиковъ. Молодые должны, во всю дорогу, креститься какъ можно побольше, чтобы колдуны не спортили ихъ, особенно должны креститься при входѣ въ церковь.

При ступаніи молодыхъ на подножки, (на разостланное полотно или платки), сваха шепчетъ невѣстѣ, чтобы она прежде жениха стала на подножки, для того, чтобы мужъ былъ ей послушенъ и не сердитъ. Жениху шепчутъ съ своей стороны, чтобы онъ сталъ

прежде, дабы *держать въ рукахъ жену*, а по этому, когда подводятъ ихъ къ подножкамъ, каждый изъ нихъ старается стать прежде, и глаза зрителей устремляются на ихъ ноги.

По совершеніи вѣнчанія надѣваютъ на молодую, на церковной еще паперти, повойникъ женскій и шлыкъ,— края послѣдняго обложены позументомъ. Въ Боровскѣ надѣваютъ жемчужный кокошникъ *съ глазками*, (блестящими камешками). Новобрачные отправляются домой въ одной уже повозкѣ. Никто изъ молодыхъ недолженъ ѣсть до вѣнчанія. — Новобрачныхъ встрѣчаютъ родные съ благословеніемъ, и осыпаютъ ихъ хлѣбнымъ зерномъ; потомъ сажаютъ ихъ за столъ и угощаютъ. — Тѣмъ окапчивается деревенскій обрядъ свадьбы. Иногда бываютъ пиршества, но это зависитъ отъ состоянія.

II. мѣщанская и купеческая свадьбы.

Сваха, со стороны жениха, посылается въ домъ невѣсты: она подходитъ къ воротамъ и стучится. Выходитъ хозяйка и спрашиваетъ: кто и за чемъ?... Мы слышали, говоритъ она, у васъ есть товаръ, а у насъ готовъ купецъ... Мать, у которой естъ дочь-невѣста, понимаетъ, а по этому, если она согласна выдавать дочъ свою за мужъ, то проситъ сваху въ комнату, угощаетъ ее и потомъ улаживается между ними дѣло. — Если мать не согласна выдать дочъ свою за мужъ, за предлагаемаго жениха, то говоритъ: подумаемъ. — Благоразумныя матери не допускаютъ свахъ къ разговору, и за воротами отвѣчаютъ имъ: мы не намѣрены сбывать товаръ свой черезъ ваши руки. Согласные выдать дочъ, справляются о достоинствахъ жениха и потомъ назначаютъ ему день, въ который онъ можетъ смотрѣть

невѣсту. Этотъ смотръ бываетъ болѣе вечеромъ. На этомъ смотрѣ главное угощеніе составляютъ: варенья, плоды, орѣхи и конфеты. Къ жениху выводятъ невѣсту наряженную, какъ называется, въ пухъ; женихъ знакомится съ нею и испытываетъ ея нравъ. Для этого нарочно приглашаютъ молодыхъ съ прочими гостями, чтобы играть въ карты. Тогда молодой всячески старается задѣть ея *амбицію*, которая тотъ часъ проявляется на лицѣ *политичномъ*. Между тѣмъ сваха выспрашиваетъ: понравился ли женихъ невѣстѣ? и если понравился, то она трубитъ родственникамъ ея, что женихъ смертельно влюбленъ въ свою невѣсту. — Когда женихъ и невѣста понравились другъ другу, тогда назначаютъ сговоръ у невѣсты. Женихъ пріѣзжаетъ сюда съ своими родными; такъ же собираются сюда родные невѣсты. Тогда ставятъ столъ посреди комнаты, въ родѣ налоя, обвѣшиваютъ его лентами и ставятъ на немъ закуску. Предъ образомъ затепливаютъ лампаду или свѣчу, иногда накуриваютъ ладономъ, чтобы придать болѣе святости. Съѣхавшіеся гости садятся по мѣстамъ и говорятъ весьма мало; потомъ вдругъ всѣ встаютъ и молятся долго, читая каждый про себя свою молитву. — По окончаніи молитвы родные сводятъ молодыхъ, благословляютъ ихъ а потомъ они цѣлуются, отъ чего этотъ сговоръ называется еще *цаловки*. — Когда совершится моленіе, тогда говорятъ между собою знакомые: *они уже помолились*, тоже самое, что они уже сговорены. — Послѣ молитвы и цѣлованія всѣ садятся чинно, а невѣста садится рядомъ съ женихомъ, и подаетъ ему свою руку. — Дѣвицы начинаютъ пѣть:

Соколы мои, соколы, и проч.

Поютъ и другія пѣсни, но большею частію веселыя. Послѣ сговора женихъ ходитъ къ невѣстѣ своей вечеромъ, но съ гостинцами. Онъ по обыкновенію сидитъ

съ нею и точитъ балы. Иногда, для разсѣянія ихъ нѣжностей, является какой нибудь скрипачъ и *шарманщикъ*, или какой нибудь шутъ, который, изъ за рюмки водки, выкидываетъ ногами, смѣшитъ молодыхъ и *всю честную компанію*, состоящую преимущественно изъ подругъ невѣсты. При этомъ представленіи дѣвицы-подруги стараются выманить у жениха невѣсту, и потомъ держатъ ее въ залогѣ, пока онъ не выкупитъ, за весьма дорогую цѣну. Иначе онѣ провеличаютъ его, въ своихъ величальныхъ пѣсняхъ: *мясникомъ, разстрепою, уродомъ* и т. п.

На дѣвичникъ собираются родные съ обѣихъ сторонъ, и тутъ невѣста разноситъ имъ подарки. Тѣ, которыхъ она даритъ, должны отдаривать ее. Женихъ подноситъ своей невѣстѣ шкатулку съ женскими головными украшеніями, и между ними кладетъ иногда: бѣлилы и румяна. Послѣ угощаютъ чаемъ, кофеемъ, вареньемъ и разными плодами. Въ промежуткѣ поютъ дѣвушки величанія, въ честь молодыхъ; забавляются играми, и въ то время уводятъ невѣсту, и прячутъ ее отъ жениха, который снова долженъ выкупать ее. — Закускою оканчивается дѣвичникъ.

Предъ поѣздомъ къ вѣнцу, плачетъ невѣста. — Ее подпоясываютъ сѣткою, чтобы не испортилъ колдунъ. Въ иныхъ мѣстахъ продаютъ косу невѣсты. При вѣнчаніи замѣчаютъ, чія свѣча вѣнчальная сгоритъ скорѣе, — тому умереть скоро.

Послѣ вѣнчанія провожаютъ молодыхъ изъ церкви съ крестомъ. Родители ихъ встрѣчаютъ, благословляютъ и осыпаютъ зерновымъ хлѣбомъ и хмѣлемъ.— Потомъ сажаютъ ихъ за столъ и угощаютъ. Черезъ нѣсколько времени подаютъ ужинъ, а потомъ молодые разстаются съ гостями. — На другой день бьютъ горшки объ стѣну, если молодая цѣломудренная; въ про-

тивномъ случаѣ подчуютъ отца ея изъ разбитаго стакана или разбитой рюмки. — Счастливыхъ молодыхъ провожаютъ въ баню свахи и дружки, съ пѣніемъ радостнымъ. Ихъ нерѣдко сопровождаютъ наряженные шуты, которые бьютъ въ заслонку или мѣдный тазъ, несутъ съ собою пѣтуха и курицу, взятыхъ въ домѣ молодыхъ.

Послѣ бани угощаютъ молодыхъ, а отецъ новобрачной даетъ отъ себя обѣдъ званымъ гостямъ.

Въ тотъ день или на другой, ѣздятъ новобрачные съ поклономъ къ родителямъ, роднымъ и знакомымъ, и приглашаютъ ихъ на свой обѣдъ. За тѣмъ даются обѣды отъ другихъ, и тѣмъ заключается свадьба.

ВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Здѣшнее мѣщанство и купечество женитъ сыновей довольно молодыми. Невѣсту сватаютъ чрезъ своихъ родственниковъ, или хорошихъ знакомыхъ. О приданомъ никакого не дѣлаютъ договора; но во всемъ полагаются на волю отца невѣсты, который надѣляетъ, сообразно своему состоянію: платьемъ, бѣльемъ, столовой посудою и другими вещами; деньгами рѣдко.— Иногда сговоръ совершается въ присудствіи священника, въ домѣ невѣсты, куда приглашаются ея пріятельницы. Прежде былъ обычай, что во время сговора пѣли дѣвушки печальныя пѣсни: о разлукѣ дочери съ родителями и о будущей ея судьбѣ. Нынѣ это выводится изъ обыкновенія; поютъ только веселыя пѣсни молодымъ, сидящимъ за столомъ, съ разными причетаніями; а потомъ гостямъ, которые дарятъ ихъ за это. Послѣ сговора гостятъ въ домѣ невѣсты ея подруги, помогая ей шить бѣлье и платье.

Изъ родственниковъ или друзей жениха избираютъ-

ся: тысяцкій, бояре и дружки. Послѣдніе, получивъ отъ невѣсты по лентѣ, навязываемой на лѣвую руку, ѣздятъ къ ней съ подарками отъ жениха; зовутъ гостей на свадьбу и угощаютъ ихъ. Сверхъ пихъ избираются, со стороны невѣсты и жениха, по одной свахѣ, иногда по двѣ. Тысяцкій разспоряжается свадебнымъ обрядомъ. По прибытіи жениха въ церковь, онъ посылаетъ за невѣстой сваху и нѣсколько дружковъ, которые пріѣзжаютъ за нею въ лучшемъ экипажѣ. По совершеніи бракосочетанія, молодые ѣдутъ въ домъ; тутъ встрѣчаютъ ихъ родители, или ихъ посаженные, на крыльцѣ, иногда въ самой комнатѣ, и благословляютъ: сначала образомъ, потомъ хлѣбомъ, возложивъ крестообразно на головы. Молодые падаютъ имъ въ ноги и цѣлуютъ руки. Послѣ сажаютъ молодыхъ за столъ и начинается угощеніе, которое оканчивается богатымъ ужиномъ. На другой день даютъ роскошный обѣдъ, подъ именемъ *большаго стола*, для родственниковъ, друзей и всѣхъ знакомыхъ, коихъ невѣста даритъ разными вещами, по преимущественно платками. Обѣдъ иногда продолжается до вечера; послѣ начинается пляска подъ музыку или пѣніе веселыхъ пѣсней.—Молодые первые открываютъ танцы. По прошествіи нѣсколькихъ дней дается *пирожный столъ*, который отличается особой веселостію и пиршествомъ. Музыка, состоящая изъ скрипки и гуслей, раздается безумолкно. Въ заключеніи свадебнаго веселія, тесть угощаетъ зятя, и такое угощеніе называется *хльбинами*.

Женатыя купеческія дѣти живутъ въ домѣ своего отца, хотя бы находилось нѣсколько женатыхъ братьевъ, потому что они вмѣстѣ торгуютъ съ своимъ отцемъ и пользуются общими выгодами отъ торговли. — Жены ихъ раздѣляютъ понедѣльно домашнія работы: съ золовками и сестрами ихъ мужей.

ВЪ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Сынъ, желающій жениться, объявляетъ объ этомъ отцу, который избираетъ свата и проситъ его сосватать дѣвицу по мыслямъ сына. Сватъ идетъ къ родителямъ невѣсты, и если получаетъ согласіе, то возвращается съ радостной вѣстію, и объявляетъ о днѣ смотрѣнія невѣсты. Отецъ съ сыномъ и сватомъ отправляются смотрѣть невѣсту. Сватъ проситъ показать товаръ. Является на показъ товаръ и глаза молодого разбѣгаются по прелестямъ дѣвушки, которая садится возлѣ матери. Жениху позволяютъ сѣсть возлѣ молодой; отцы и сватъ пьютъ круговую. На другой день сватъ возвѣщаетъ родителямъ жениха, о времени свадьбы.

У невѣсты готовится приданое, а у жениха составляется поѣздъ: изъ дружки и поддружья, четырехъ боярinовъ, тысяцкого и свахи. Тогда женихъ называется княземъ а невѣста княгинею.

Въ день свадьбы женихъ, получивъ благословеніе отъ родителей, ѣдетъ съ своимъ поѣздомъ въ домъ невѣсты. Впереди ѣдутъ дружко и поддружье, главные распорядители: они охраняютъ поѣздъ на пути отъ всѣхъ непріятныхъ встрѣчъ; сворачиваютъ съ дороги встрѣчныхъ, отворяютъ и запираютъ ворота. За ними ѣдутъ четыре боярина, совершенно праздные: они только ѣдятъ, пьютъ и веселятся. Послѣ нихъ ѣдетъ женихъ съ тысяцкимъ, который расплачивается, гдѣ надобно. Сваха заключаетъ поѣздъ жениха.

Гостей встрѣчаютъ на дворѣ родители помолвленой. Невѣста сидитъ въ компатѣ за столомъ съ мальчикомъ, который долженъ продавать ее. Дружко спрашиваетъ сладкаго вина, тысяцкій вынимаетъ деньги, и все это подносятъ мальчику на подносѣ, съ боль-

шимъ уваженіемъ. Мальчикъ сначала не соглашается, потомъ торгуется, требуетъ много, наконецъ говоритъ: «дайте мнѣ съ сѣдломъ коня яраго да лютаго». Ему тогда прибавляютъ денегъ, онъ беретъ ихъ и тогда мѣсто куплено.—Мѣсто откуплено! мѣсто готово! кричитъ старшій въ семействѣ. — Мальчикъ уходитъ; пріѣзжіе, кромѣ дружки, садятся за столъ подлѣ невѣсты. Дружко говоритъ отцу и матерѣ: «умѣли выкормить, вспоить ваше дитятко, умѣйте же отдать князю новобрачному». — Отецъ немедленно обвертываетъ свою руку бѣлой ширинкою, беретъ за руку дочь и передаетъ ее жениху, который такъ же принимаетъ ее, обвернутой рукою въ ширинку.

Потомъ начинается пиръ. Дѣвушки поютъ пѣсни; женихъ подноситъ княжій медъ а невѣста даритъ его. Послѣ молодые падаютъ въ ноги отцу и матерѣ, принимаютъ отъ нихъ благословеніе и отправляются въ церковь.

Молодой отъ вѣнца везетъ молодую въ свой домъ. Тутъ они клапяются въ ноги родителямъ, и получивъ благословеніе, садятся за столъ; молодицы поютъ пѣсни, женихъ подноситъ княжій медъ а молодая дары. — За тѣмъ сажаютъ молодую на стулъ, среди комнаты, снимаютъ съ нея платокъ и расплетаютъ косу. Новобрачная плачетъ по своей волнистой косѣ, которую раздѣляютъ родственницы на двѣ части, и обвивъ голову двѣмя косицами, надѣваютъ на нее колпакъ. Наконецъ двѣ свахи отводятъ ее въ подклѣть, и пожелавъ молодымъ пріятной ночи, запираютъ ихъ замкомъ.

Съ зарею докучливыя свахи и дружко подымаютъ новобрачныхъ, ведутъ ихъ въ истопленную баню и снова запираютъ тамъ. Стоя подъ дверьми, они выпрашиваютъ у молодыхъ подарковъ, торгуются, и тогда только отпираютъ баню, когда удовлетворятъ ихъ требованіямъ.

Пѣсни поютъ тѣ же самыя, что въ Россіи. Вотъ одна, которая должна быть чисто сибирская, въ ней употреблено слово маганый (бѣлокурый), совершенно не русское.

Дѣвица съ молодцемъ
Особо сидѣли,
Втай рѣчи говорили:
Молодецъ, молодецъ!
Хорошій, пригожій,
Кудрявый, маганый,
Холостъ, не женатый!
Сшей два башмачка,
Изъ желта песочка.
Дѣвица, дѣвица,
Красная-умная!
Выпряди кончики,
Изъ дождевой капли;
Концы чтобъ не рвались,
Башмачки не дрались.
Молодецъ, молодецъ!
Хорошій, пригожій,
Кудрявый, маганый,
Холостъ, не женатый!
Подари фатою,
Изъ макова цвѣта.
Дѣвица, дѣвица,
Красная-умная!
Напряди мнѣ шелку,
Изъ бѣлаго снѣга;
Чтобъ шелкъ бы не рвался,
Фата не поролась.
Молодецъ, молодецъ!
Хорошій, пригожій,
Кудрявый, маганый,
Холостъ, не женатый!
Слей мнѣ перстень дивный,

Изъ яраго солнца;
И здѣлай въ ней вставку,
Восточную звѣзду.
Дѣвица, дѣвица,
Краспая-умная!
Напой ты мнѣ коня,
Средь бурнаго моря;
Чтобъ конь мой напился,
А самъ не залился. — (*)

ВЪ ЭСТЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Женихъ отправляется съ сватомъ въ домъ невѣсты, и покуда сватъ объясняетъ родителямъ цѣль своего посѣщенія; догадливая дѣвушка поскорѣй прячется въ уголъ своего дома. Съ позволенія родителей сватъ отыскиваетъ бѣглянку, и объяснивъ ей имя, званіе, качества и состояніе жениха, приводитъ и сажаетъ ее подлѣ него. Тутъ сватъ беретъ принесенный штофъ водки, подчуетъ родителей, не забывая себя; а молодецъ съ молодкой, всматриваются между тѣмъ другъ въ друга и знакомятся. — Сватанье происходитъ только по средамъ и четвергамъ. Если при первомъ свиданіи понравятся молодые люди одинъ другому; то посѣщеніе повторяется въ слѣдующій день, и также съ запасомъ водки. Дѣвушка тогда выходитъ уже сама, по одному зову отца или матери. Сватъ требуетъ рѣшительнаго согласія, и когда получитъ его, то подчивая водкою, условливается уже о приданомъ и времени брака; а молодые, сидя вмѣстѣ, переглядываются и разговариваютъ свободно. Для окончательныхъ обо всемъ переговорахъ, сходятся и на третій день. —

(*) Степановъ: Опис. енисейск. губ. ч. 2, с. 115.

Когда изготовится приданное невѣсты и все, что надобно для пиршества; тогда женихъ, получивъ благословеніе своихъ родителей, пріѣзжаетъ съ своимъ дружкой верхомъ, въ домъ родителей невѣсты, гдѣ уже собрались родные и гости. Невѣсту, совсѣмъ убранную, благословляютъ родители къ вѣнцу, а женихъ, въ сопровожденіи общихъ родственниковъ и гостей, везетъ ее въ церковь. Впередъ посылается туда дружко, но въ воротахъ, при въѣздѣ въ село или въ ограду церкви, собравшіеся мальчики, болѣе изъ родственниковъ молодыхъ, останавливаютъ его плетьми, и онъ долженъ откупить право въѣзда, бросивъ имъ нѣсколько мелкихъ монетъ, а если этихъ денегъ мало, то мальчики задерживаютъ дружку. Тогда женихъ видя, что дружко не встрѣчаетъ его, и догадавшись о причинѣ, посылаетъ впередъ себя другого дружку; случается со вторымъ тоже; тогда посылается третій. Щедрость этого послѣдняго, или умѣренность продающихъ право въѣзда, отворяетъ наконецъ ворота, и посланный встрѣчаетъ молодыхъ, уже въѣзжающими. — Въ 12 часовъ по полудни совершаются бракъ; новобрачныхъ поздравляютъ и отправляютъ въ домъ родителей молодой. Тутъ при питьѣ водки и пива, начинаются новыя поздравленія, и вскорѣ потомъ начинается обѣдъ, съ подчиваніемъ тѣми же напитками; водку пьютъ и женщины. Послѣ стола играетъ скрипачъ однообразный свой вальсъ; молодые и гости танцуютъ и поютъ въ комнатѣ и на дворѣ; пиршество продолжается до самаго утра. — На другой день происходитъ также пиръ, только въ домѣ родителей жениха. Послѣ обѣда ставятъ на столъ чашу, покрытую полотенцемъ или платкомъ, и гости, по усердію и средствамъ каждаго, кладутъ туда денежные подарки на разживу новобрачныхъ; а иные вмѣсто этого обѣщаютъ имъ,

на новое хозяйство: лошадь, корову, теленка, овцу, или что нибудь изъ мѣлкихъ домашнихъ животныхъ; иногда же вещи, потребныя въ домохозяйствѣ. Послѣ свадьбы новобрачные разъѣзжаютъ съ посѣщеніями и собираютъ обѣщанные подарки.

ВЪ ЗЕМЛѢ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ,

СТАРИННАЯ СВАДЬБА.

Мущины могли видѣть дѣвушекъ только въ хороводахъ, на гуляньи, на свадьбѣ или на крыльцѣ. Дѣвицѣ, до самаго ея замужества, не удавалось сказать трехъ словъ постороннему мущинѣ. Старые Донцы находили грѣхъ, когда мущина разговаривалъ свободно съ дѣвушкою. Не гляди въ глаза мущинѣ, твердила бабушка своей внучкѣ, — Богъ не дастъ счастія. Рѣдкій Донецъ женился по собственному желанію; большею частію родители назначали ему невѣсту. Сынъ, время тебѣ жениться, говорилъ отецъ, мы съ матерью выбрали тебѣ невѣсту: она умѣетъ хозяйничать, изъ хорошаго дома и чиберка (швея). — Воля ваша, отвѣчалъ сынъ, и поклонъ въ ноги. — Дѣло начиналось смотромъ невѣсты. — Женихъ съ однимъ или двумя пожилыми родственниками, отправлялся, по большей части вечеромъ, въ домъ невѣсты, гдѣ ихъ принимали ея родители. Гости заводили разговоръ о дочерѣ хозяина, хвалили ея красоту и умъ; называли ее доброй хозяйкою и просили, чтобы она подносла имъ по чарки вина. По зову матери она являлась, одѣтою по домашнему, держа въ рукѣ подносъ съ кубками вина; разносила и отходила къ сторонѣ, ожидая смиренно, пока выпьютъ гости. Старики съ умысломъ медлили пить, чтобы дать жениху время всмотрѣться въ невѣсту, и между тѣмъ хвалили вино и подносив-

щую его. Принявъ бокалы, она удалялась; вслѣдъ за нею гости, которые не переставали хвалить дочь и оканчивали: Богъ дастъ, она полюбитъ и насъ. —

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотра, присылались отъ жениха сваты изъ родственниковъ или посторонних. Для этого выбирали опытныхъ людей, славившихся умѣніемъ высватать и могшихъ насчитать до сотни, сыгранныхъ ими свадьбъ. Дурный выборъ свата ставили жениху въ укоръ, и потому часто отказывали ему. — Объясняться же самимъ родителямъ жениха и невѣсты, почиталось не приличнымъ. Сваты начинали дѣло просто: Кузьмичъ и Акулиновна! (родители жениха) съ вами хотятъ вступить въ родство, — и т. д., и потомъ осыпали похвалами жениха и его семейство. Имъ отвѣчали благодарностію за доброе мнѣніе о дочерѣ, а между тѣмъ отговаривались, что не могутъ выдать ее, по неимѣнію всего нужнаго для свадьбы, — это уже отказъ. Въ случаѣ согласія родителей невѣсты, отецъ ея просилъ дать ему время посовѣтоваться съ своею роднею, и назначалъ день, въ который приходили сваты за отвѣтомъ. Сваты, выходя изъ комнаты, старались прикоснуться рукою къ печи и приговаривали: какъ эта печь не сходитъ съ своего мѣста, такъ бы и отъ насъ не отошла наша невѣста. — Въ назначенный день являлись по утру сваты, вынимали изъ за пазухи кусокъ чернаго хлѣба, посыпаннаго солью; клали на столъ, говоря: отецъ и мать Васильевича (жениха) кланяются и просятъ принять хлѣбъ соль. Тогда родители невѣсты цѣловали гостинецъ. Сватовство оканчивалось согласіемъ, и сваты требовали, въ знакъ согласія, руки ея. Дай Богъ въ добрый часъ, говорилъ отецъ невѣсты, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, и обвернувъ полою своего платья руку, подавалъ ее сватамъ: это называлось взять руку.—Подать или взять тогда руку,

не завернувъ ее въ полу платья, почиталось дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ старину думали дѣвицы, что голая рука есть примѣта бѣдности. — Невѣста подносила тогда сватамъ по стакану меду, которые тутъ же поздравляли ее съ женихомъ.

Въ этотъ вечеръ дѣлалось рукобитье. Женихъ съ родителями и родными приходилъ къ своей невѣстѣ, въ домѣ коей собирались ея ближніе родственники. Тамъ встрѣчали жениха и поздравляли его съ невѣстою, а онъ отвѣчалъ поклономъ своему тестю и тещѣ, и становился у порога. Родители давали другъ другу руки, называя уже сватушкой и свашинькой, и дѣлали зарядъ, на случай отказа какой-либо стороны отъ свадьбы. По окончаніи условій сватъ выводилъ жениха и невѣсту на средину комнаты, подносилъ имъ по рюмкѣ вина или меду; они выпивъ, цѣловали другъ друга. Родители соединяли ихъ руки, приговаривая: дочь! вотъ тебѣ женихъ, а тебѣ, мой сынъ, невѣста, да благословитъ Господь Богъ союзъ вашъ! — Послѣ благословенія молодые иногда дарили другъ друга. Между тѣмъ [illegible]осили серебряный подносъ, установленный серебряными съ чернью стаканами, полными меда [illegible] вина. Женихъ, послѣ него невѣста, обносили всѣхъ гостей, которые, выпивъ до дна, привѣтствовали ихъ и желали *совершить начатое дѣло*. Этимъ оканчивалось рукобитье, которое называется въ Россіи помолвкою. Когда соединяли руки новой четы, тогда женщины пѣли двѣ пѣсни: *Ой заюшка, горностай молодой*, для жениха; и *перепелушка, рябыл перушки*, для невѣсты. По совершеніи рукобитья, старики уходили въ другую комнату, чтобы запивать радостное начало. Женщины, проходя по улицамъ, постоянно пѣли заюшку и перепелушку, дабы извѣстить жителей о происходившемъ.

Двѣ *позыватыя* (позыватки), одна со стороны жениха а другая невѣсты, ѣздили съ утра изъ дома въ домъ, къ роднымъ и всѣмъ знакомымъ: съ приглашеніемъ ихъ на сговоръ. — Въ позыватыя избирались молодыя женщины, которыя бы умѣли хорошо упрашивать, были бы веселыя и разговорчивыя. Въ каждомъ домѣ онѣ должны были сказать поклонъ отъ отца и матери, и просить на сговоръ, приговаривая: *да пожалуйте жъ мои роднепькія*; въ каждомъ домѣ угощали ихъ сладкимъ винцемъ и просили выпить непремѣнно. — Къ шести или семи часамъ вечера собирались къ невѣстѣ ея подруги, а къ ея родителямъ женщины и мущины. Дѣвушки сидѣли съ особой комнатѣ, а гости, коихъ всегда называли стариками, въ залѣ, въ которомъ былъ раскинутъ большой столъ, покрытый скатертью; угловый столикъ былъ заваленъ пряниками, орѣхами и сѣмечками. — Въ домѣ жениха собирались его знакомые; здѣсь приготовляли десять и двадцать блюдъ съ кренделями, пряниками, орѣхами, винными ягодами, финиками и всякими сластями, и нѣсколько дюжинъ бутылокъ лучшаго меда и вина. Всѣ гости отправлялись съ хлѣбомъ и солью, въ домъ невѣсты: впереди несли блюдо; за гостьми шли женатые, потомъ замужнія женщины, и наконецъ женихъ съ своими пріятелями. Родители невѣсты встрѣчали ихъ на крыльцѣ, вводили въ залу и сажали сватушку, свашиньку и родню ихъ, на первыя мѣста; женихъ съ товарищами становился у порога; принесенными же блюдами и напитками, устанавливали раскинутый по срединѣ столъ. Отецъ невѣстинъ, потомъ мать, обносили гостей по стакану водки. — Тогда сваты требовали, чтобы молодые, въ виду всего собранія, были сговорены.—Жениха и невѣсту ставили посреди залы, и повторяли тотъ же обрядъ, который

наблюдался при рукобитьи. Родственники жениха и невѣсты, поздравляя ихъ, дарили другъ друга. Свекоръ и свекровка, должны были превзойти всѣхъ щедростію. Сговоръ оканчивался тѣмъ, что женихъ и невѣста подносили гостямъ вино или медъ, и принимали отъ всѣхъ по поцѣлую. — Отъ послѣдняго гостя убѣгала невѣста въ другую комнату къ дѣвушкамъ, и садилась между ними, дабы не отдать мѣста жениху даромъ, который долженъ былъ купить его, чтобы сѣсть возлѣ своей суженой. Начинался торгъ, женихъ набавлялъ цѣну, дѣвицы не уступали, говоря, что ихъ невѣста золотая, и не дешево ему достанется. Этотъ торгъ забавлялъ всѣхъ, старики оставляли стаканы и толпились смотрѣть. Какъ скоро женихъ получалъ мѣсто, подлѣ своей невѣсты, тогда родители его просили сватушку, свашиньку и всѣхъ гостей къ себѣ въ домъ, *смотрѣть печи*. — Это было угощеніе, составлявшее въ томъ, что посреди залы накрывался столъ; гости садились ужинать, подавали блюдъ 30; за каждымъ пили медъ и вино, и чтобы не было отговорокъ, то ко всякому стакану придумывали тостъ: начинали обыкновенно здоровьемъ сватушки, потомъ свашиньки, будущей четы, всѣхъ гостей порознь и наконецъ пили за упокой умершихъ родственниковъ. Во время десерта веселые гости пѣли сначала богатырскія, а потомъ плясовыя пѣсни:

А кто въ моемъ во садику. — Ахъ матушка жениха, — Утушка луговая. — Тутъ была перепелочка. и пр.

Женихъ долженъ былъ платить за всѣ издержки этого вечера, даже въ домѣ невѣсты. — Послѣ сговора, родственницы невѣсты оставались при ней до самой свадьбы, и шили для нее приданое. Если бы какую вещъ вздумали отдать въ постороннія руки за деньги, то это ставилось въ укоризну чиберкамъ. —

Женихъ съ друзьями бывалъ каждый вечеръ у невѣсты, и приносилъ узелъ гостинцевъ. Тутъ продолжались игры до полуночи: жмурки, четки, короли, кончики и пр.

За два дни до свадьбы, смотрѣли приданое или праздновали *подушки*, а на канунѣ *дьвичникъ*,

Подушки такъ отправлялись. Ввечеру собирались въ домъ невѣсты: ея знакомыя дѣвицы, женихъ съ своими товарищами и родные молодыхъ. Изъ гостей одинъ послѣ другаго входили въ комнату, гдѣ находилось приданое: богатая постель и платье въ сундукахъ. Чиберки предлагали имъ садиться на подушки. Женихъ съ невѣстою садились первые, двои подносили жениху стаканъ меда, который выпивалъ онъ въ нѣсколько пріемовъ, цѣлуя всякій разъ свою возлюбленную и приговаривая: *медъ горекъ, надобно подсластить*. Осушивъ бокалъ, онъ клалъ чиберкамъ деньги на подносъ. Потомъ садились всѣ товарищи молодого; каждый изъ товарищей его просилъ къ себѣ въ сосѣдки дѣвицу, нравившуюся ему; такъ же каждый пилъ медъ и цѣловалъ ее, сколько хотѣлъ. Отпустивъ отъ себя выбранную имъ, онъ могъ просить другую, третью и т. д. и за всякимъ бокаломъ онъ клалъ деньги на подносъ, а подносившіе бросали въ сидящую пару подушками, приговаривая, по татарски: *раса баса сагень* (и вамъ того желаемъ). — Сидѣніе на подушкахъ продолжалось до полуночи, и сколько ни были застѣнчивыя дѣвушки, но ни одна не отказывалась отъ поцѣлуевъ. — Бывала иногда музыка, но она не препятствовала сидѣнію: пока одни танцовали, другіе не переставали срывать жаркіе поцѣлуи съ дѣвственныхъ устъ.

Дѣвичникъ былъ послѣднимъ праздникомъ для невѣсты. Но въ этотъ день она плакала. Предъ захожденіемъ солнца, она, одна съ нянюшкой, ходила на мо-

гилы своихъ предковъ, и просила ихъ благословенія съ горючими слезами. Между тѣмъ позываться невѣсты звали ея родственниковъ и знакомыхъ мущинъ и женщинъ, на вечеръ, — *наволакивать подушки*, а на другой день *на выданье невѣсты*. Со стороны жениха: свахи и дружко, просили гостей, чтобы сажать коровай, а на завтра встрѣтить повобрачныхъ. Съ самаго утра начинали готовить коровай. Когда сажали большой коровай, тогда все собраніе держалось за лопату; дружко и сваха освѣщали печъ, и свѣчи ихъ, обвитыя лентами, вручались на другой день жениху и и невѣстѣ, для зажженія предъ алтаремъ.

Гости жениха, набравъ короваевъ, отправлялись въ вечеру въ домъ невѣсты. Она, посреди своихъ подругъ, была въ слезахъ; голова ея была покрыта высокой шапкою изъ черныхъ смушекъ, съ краснымъ бархатнымъ или парчевымъ верхомъ, украшеннымъ цвѣтами и перьями; въ косѣ висѣлъ золотый косникъ. Подруги напѣвали жалобныя пѣсни, о разлукѣ ея съ родными. — Съ появленіемъ жениха замолкали пѣсни и молодые садились на подушки. Гости шли къ столу, послѣ котораго входили женщины съ приданымъ, припѣвая: сестрицы подружки, несите подушки, и пр. Потомъ разбирали постель и другія вещи, и со всѣмъ обществомъ отправлялись къ жениху.

Въ воскресенье, въ день свадьбы, дѣвицы убирали невѣсту въ брачную одежду: въ богатый парчевый кубилекъ и въ парчевую рубаху; на голову надѣвали туже шапку, какую на дѣвичникѣ, и косу заплетали по дѣвичьему. Съ благовѣстомъ къ обѣдни, отецъ и мать благословляли ее иконою; невѣста клала три земныхъ поклона, цѣловала образъ, кланялась въ ноги плачущимъ родителямъ, прощалась со всѣми родными, домашними и сама заливалась слезами. — Же-

нихъ, получивъ благословеніе отъ родителей, отправлялся къ невѣстѣ: впередъ его шелъ священникъ съ крестомъ, потомъ мальчики несли благословенные образа *съ пеленами*; за ними шелъ женихъ, между дружкою и свахами, въ парчевомъ кафтанѣ, алой суконной черкескѣ, обшитой серебряными позументами; въ красныхъ сапогахъ, шитыхъ золотомъ, держа подъ рукою высокую шапку, изъ сѣрыхъ смушекъ, съ краснымъ бархатнымъ верхомъ,—Рядомъ съ нимъ шелъ *храбрый поѣздъ* или *поѣзжаные*, отдававшіе послѣднее прощаніе своему товарищу. Подлѣ жениха шелъ *вѣдунъ* (оберегатель), котораго пріискивалъ дружко заблаговременно, и онъ не отлучался отъ жениха до окончанія брака, наблюдая, чтобы на порогахъ и на притолкахъ не было чародѣйства, и чтобы въ пищу и питье не примѣшивалъ кто порчи. — Брачная одежда хранилась въ семействѣ и она переходила изъ рода въ родъ Нерѣдко видали правнука, предъ брачнымъ алтаремъ, въ прадѣдовскомъ вѣнчальномъ кафтанѣ. Во многихъ станицахъ было по одному общественному вѣнчальному платью: чекмень изъ краснаго сукна, цвѣтный кафтанъ и красные или желтые сапоги. Всѣ жители той станицы вѣнчались въ этомъ платьи, которое возвращали, по совершеніи вѣнчанія, въ станичную избу.

Женихъ находилъ уже невѣсту на *посадѣ*, въ переднемъ мѣстѣ подъ *святыми*. Подлѣ нея сидѣли одинъ или два мальчика, ея братья, съ *державою*, т. е. съ простою или шелковой плеткою, шитою золотомъ и убранную серебреными бляшками и шнурками. — Братья не допускали жениха, грозя ему плетью; дружко долженъ былъ купить мѣсто.—Потомъ отправлялись молодые въ церковь. Въ притворѣ церковномъ приготовляли невѣсту къ вѣнцу: снимали шапку, расплетали косу, раздѣляли ее на двое, потомъ заплетали по-женски на двое,

и обвивъ ими голову, надѣвали соболью шапку или повойникъ; потомъ отправлялись въ домъ жениха. На крыльцѣ встрѣчали молодыхъ родители, съ хлѣбомъ и солью; осыпали ихъ пшеницею или другимъ хлѣбнымъ зерномъ, перемѣшаннымъ съ хмѣлемъ, орѣхами, пряниками, мѣлкой монетою и пр. — Угостивъ молодыхъ, отводили ихъ на брачное ложе.

Между тѣмъ званые гости пировали, пили тосты за *молодого князя съ княгинею*, родителей и гостей. Передъ жаркимъ поднимали молодыхъ: все общество требовало, чтобъ имъ показали *честь новобрачныхъ*. Въ знакъ радости о добромъ имени молодой, навязывали дружкѣ платки на обѣ руки, а свахъ окутывали матеріями крестообразно чрезъ плеча; всѣ гости прикалывали къ головному своему убору или къ груди, кисточки свѣжей калины, какъ символъ невинности. Дружко и сваха просили гостей кушать и пить, и тогда раздавались пѣсни въ честь молодой. Дружко и сваха отправлялись въ перевязьяхъ къ родителямъ, съ возвѣщеніемъ о дочерней чести и съ приглашеніемъ ихъ на веселіе. Ихъ также перевязывали здѣсь.—Былъ обычай, что когда приглашали родителей молодой прямо къ столу, тогда въ ихъ присутствіи поднимали молодаго князя съ княгинею. —

По собраніи кушанья со столовъ, вводили молодыхъ въ собраніе: дружко несъ впереди на блюдѣ, покрытомъ шелковымъ или парчевымъ платкомъ, изрѣзанный въ куски большой коровай, котораго каждая часть была украшена серебрянымъ лебедемъ или золоченой сосенькою, и на каждой части было положено понемного сыру; за дружкой вела сваха подъ руки молодого князя и княгиню. —Сотворивъ молитву, дружко открывалъ коровай, разносилъ гостямъ, прося именемъ молодыхъ: *сыръ-коровай принимать и молодыхъ надълять*; въ слѣдъ за этимъ молодые подчивали ихъ

медомъ и виномъ. Каждый изъ гостей, принявъ часть коровая и бокалъ, обнималъ новобрачныхъ, поздравлялъ и дарилъ ихъ: кусками богатой матеріи, которую вѣшали на плечо молодой; оружіями, деньгами и табунами лошадей или рогатого скота. — Родители молодой такъ же получали подарки отъ своихъ сватовъ: отецъ сукно, мать бархатъ или парчу, а прочихъ гостей дарили: мужчинъ сафьянами или платками а женщинъ красными туфлями. Остальную часть дня проводили въ шумномъ пированіи. Громогласно желали счастія молодымъ, пили за здоровье и кричали во все услышаніе: «желаю здравствовать князю молодому съ княгинею! княжему отцу, матерѣ, дружкѣ съ свахами и всѣмъ любящимъ гостямъ, всей честной компаніи на бѣсѣдѣ, не всѣмъ по именно, но всѣмъ поравненно; что задумали, загадали, опредѣли, Господи! таланъ и счастіе: слышанное видѣть, желанное получить, и быть въ чести и въ радости нерушимо!» Всѣ отвѣчали: «опредѣли Господи!»

На другой день поутру мать молодой присылала новобрачнымъ супъ изъ курицы, съ изюмомъ и кореньями, и *вареное,* приготовленное на винѣ съ сахаромъ и пряными кореньями. Блюда носили: няня молодой и бывшія ея прислужницы; онѣ были перевязаны матеріями и одна въ карикатурномъ видѣ. Проходя по улицѣ, онѣ пѣли свадебныя пѣсни. —

Послѣ продолжительныхъ угощеній съ обѣихъ сторонъ, назначились отводы. Родители молодой давали обѣдъ, на коемъ появлялись въ первый разъ новобрачные, и всѣ гости заключали свое веселіе пированьемъ. —

Точно были такіе свадебные обряды *у низовыхъ казаковъ*, и преимущественно въ Черкаскѣ. Въ

станицахъ *верховыхъ* обряды имѣли нѣкоторыя измѣненія (*).

ВЪ ЗЕМЛѢ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ, НЫНѢШНЯЯ СВАДЬБА.

Повсюду невѣста занимаетъ главное мѣсто: и въ забавахъ и при выходѣ ея за мужъ, и вездѣ женихъ старается вовсемъ угождать ей.—Между донскими козаками, коихъ нравы во многихъ сходствуютъ съ малороссійскими, дѣвушка невѣста должна отличаться не столько своею красотою, сколько добротою сердца и знаніемъ хозяйства; посему донской козакъ преимущественно избираетъ ее съ этими качествами: онъ не требуетъ за нею никакого приданаго, напротивъ, самъ одѣнетъ ее, можно сказать, съ ногъ до головы. —

Сговоръ совершается помощію свахи и дружки.—Дѣвичникъ уже есть прощальный день для подругъ невѣсты: онѣ поютъ ей пѣсни, готовятъ ей вѣнечное платье, убираютъ и заплетаютъ ей косу. Женихъ проводитъ дѣвичный день въ обществѣ съ своими товарищами. Дружко сопутствуетъ ему во всѣхъ его забавахъ. —

Невѣста не отправляется въ церковь съ своими пріятельницами, но за нею пріѣзжаетъ самъ женихъ верхомъ. Лошадь его обвѣшивается колокольчиками, чтобы невѣста могла слышать его пріѣздъ. Потомъ онъ отправляется къ вѣнцу съ нею и со всѣмъ своимъ поѣздомъ. Отъ вѣнца ѣдутъ пировать въ домъ жениха.

Послѣ вѣнчанія снимаются колокольчики съ лошади жениха, одной только свахою, которые хранятся родителями повобрачныхъ или самими молодыми. Нѣкото-

---

(*) Корнил. Русск. старина, изд. С. П. Б. 1825 г.

рые, по звуку колокольчиковъ, дѣлаютъ замѣчанія о счастливой и несчастливой жизнѣ молодыхъ.

Свадебный пиръ бываетъ довольно веселый: музыка изъ двухъ и трехъ скрипокъ, пѣніе, пляска и радушное угощеніе, удерживаютъ пирующихъ на всю ночъ, не смотря на то, что новобрачные давно уже спятъ. — Иногда нѣсколько дней сряду гуляютъ гости: то у родителей новобрачныхъ, то у ихъ родственниковъ. — Водка и родное донское вино, льется здѣсь рѣкою. — Чѣмъ болѣе пьютъ, бьютъ стеклянныхъ покаловъ и посуды, тѣмъ жизнь новобрачныхъ должна быть счастливѣе.

МЕЖДУ УРАЛЬСКИМИ КАЗАКАМИ.

Выборъ невѣсты между уральскими козаками, зависитъ отъ жениха; родители не препятствуютъ ему; но избраніе жениха зависитъ отъ родителей. — О приданомъ не спрашиваютъ; что дадутъ родители, тѣмъ довольны; молодые всегда надѣются, что ихъ надѣлятъ достаточно. —

Послѣ сговора до самой свадьбы, собираются подруги къ невѣстѣ, каждый вечеръ: поютъ пѣсни, пляшутъ и веселятся съ молодцами. Вечернія сходбища продолжаются иногда до полугода. Женихъ обходится съ своею невѣстою, какъ мужъ съ женою. Нарушеніе приличій строго преслѣдуется; свободное же обращеніе, проистекающее отъ взаимной довѣрчивости, отнюдь не дѣлаетъ бесчестнымъ имя дѣвушки.

Въ дѣвичникъ сходятся къ невѣстѣ ея подруги, и поютъ ей прощальныя пѣсни. Сюда допускается и женихъ, который долженъ принесть невѣстѣ въ подарокъ: цвѣтное платье, башмаки, головный уборъ, игольникъ съ нитками, наперстокъ и ключи. Послѣднимъ онъ даетъ ей знать, что она вступаетъ въ права до-

мохозяйки. Невѣста даритъ ему: шапку, сапоги, шейный платокъ, рубашку и шаровары.

Въ назначенный день поѣзда къ вѣнцу, невѣсту провожаютъ ея подруги, а жениха его хорошіе пріятели и знакомые. Невѣста отправляется въ церковь въ сопровожденіи старшей дружки и свахъ. Женихъ въ сопровожденіи своего дружки и поддружьевъ, и онъ ѣдетъ отдѣльно отъ нея. Послѣ вѣнчанія невѣста ѣдетъ въ повозкѣ, съ короткими своими пріятельницами; позади ея сидитъ мать и сваха: послѣдняя должна имѣть кольца на всѣхъ пальцахъ. — Во время поѣзда мать и сваха закрываютъ молодую полотенцемъ, чтобы нечистый глазъ не испортилъ ее. За повозкою идетъ женихъ, послѣ него тянутся, въ нѣсколько рядовъ, вершники, и одинъ изъ нихъ держитъ на длинномъ шестѣ, вмѣсто знамени, полосатую плахту (юпку).

По прибытіи новобрачныхъ домой, ихъ сажаютъ вмѣстѣ за столъ. Свадьбу проводятъ въ питьѣ, пляскѣ и пѣніи, не только дома, но и на улицѣ. Съ пирующими раздѣляютъ веселіе, часто не приглашенные, и гуляютъ до полночи. Молодую отводятъ въ брачную избу сваха и мать посаженая; дѣвушки раздѣваютъ, а молодой приходитъ послѣ, съ однимъ дружкою.

По утру поздравляютъ новобрачныхъ родные и всѣ ихъ знакомые. Прежде выставляли красное знамя у воротъ, въ ознаменованіе благополучія невѣсты. Въ старинные годы былъ еще обычай, что если кто разводился съ женою, тотъ выводилъ ее на торговое мѣсто и продавалъ; послѣ этого онъ могъ жениться на другой.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

I. Обзоръ свадебныхъ обрядовъ . . . . . 3.
II. Свадьбы великокняжескія . . . . . 47.
III. Свадьбы Царскія . . . . . 57.
IV. Свадьбы благородныхъ и простолюдиновъ, по извѣстію Кошихина . . . . . 82.
V. Свадьба начала XVII вѣка, по извѣстію Петрея . 91.
VI. Свадьба около половины XVII вѣка, по извѣстію Олеарія. . . . . 96.
VII. Измѣненіе свадьбъ. . . . . 107.
VIII. Очеркъ нынѣшнихъ свадебныхъ обрядовъ. . . 116.
IX. Свадьба въ псковской губерніи . . . . . 143.
X. Свадьба въ костромской губерніи . . . . . 166.
XI. Свадьба въ орловской губерніи . . . . . 194.
XII. Свадьба въ олонецкой губерніи . . . . . 207.
XIII. Свадьба въ вологодской губерніи . . . . . 230.
XIV. Свадьба въ нижегородской губерніи . . . . 261.
XV. Свадьба въ пензенской губерніи. . . . . 280.
XVI. Свадьба въ саратовской губерніи. . . . . 288.
XVII. Свадьба въ смоленской губерніи. . . . . 446.
XVIII. Свадьба въ Бѣлорусіи . . . . . 460.
XIX. Свадьба литовская. . . . . 471.
XX. Свадьба малороссійская . . . . . 485.
XXI. Свадьба переселенцевъ Малороссіянъ, въ саратовской губерніи . . . . . 565.
XXII. Замѣтки объ свадебныхъ обрядахъ, въ губерніяхъ: калужской, пермской, енисейской, эстляндской, въ землѣ донскихъ казаковъ и между уральскими казаками 594

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА